
ОСИРИС
МАСТЕР ВСЕЯ ГАЛАКТИКИ
ФИЛИП ДИК
ФИЛИП ДИК
МАСТЕР
ВСЕЯ
ГАЛАКТИКИ

ФИЛИП ДИК

●

ГЛАЗ В НЕБЕ

МАСТЕР ВСЕЯ ГАЛАКТИКИ

КУКЛА ПО ИМЕНИ «ЖИЗНЬ»

●

РОМАНЫ

ЦЕНТРПОЛИГРАФ
Москва
1996

ББК 84.7 США
Д45

Серия «Осирис» выпускается с 1991 года

ISBN 5-218-00104-X

© Состав, перевод, торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996 г.
© Cover illustration by Jim Burnes

ГЛАЗ В НЕБЕ

●

РОМАН

Глава 1

Протонно-лучевой дефлектор «Мегатрон», что в Белмонте, штат Калифорния, преподнес своим создателям отвратительный сюрприз — он накрылся. Все произошло мгновенно: луч протонов, напряжением в шесть миллиардов вольт, ударил под крышу «Мегатрона» и походя снес обзорную платформу.

На платформе в это время находились восемь человек: группа экскурсантов и гид. Все восемь рухнули на каменный пол и валялись в шоке, пока спасатели не убрали магнитное поле и с грехом пополам не подавили жесткую радиацию.

Четверо из восьми нуждались в срочной госпитализации. Двоим некоторое время придется хорошенько побегать по врачам и выложить изрядное количество монет на таблетки. Остальным оказали первую помощь и посоветовали топать домой.

Местные газеты не замедлили поднять шумиху вокруг происшествия. Адвокаты пострадавших само собой драли глотки в суде, добиваясь возмещения ущерба. Невзирая на всю возню по поводу аварии, на руинах появились рабочие, спокойно достали инструменты и принялись ковыряться в искореженном агрегате. Правда, кое-какие меры все же приняты были: парочку должностных лиц, связанных с «Мегатроном», выкинули на улицу, равно как и дефлекторную систему вместе с ее вдохновенными разработчиками — на свалку.

Происшествие заняло совсем немного времени: в 4.00 начались аномальные отклонения, а в 4.02 восемь человек уже угодили в жуткую лучевую молотилку. Гид, молодой негр, упал первым. Последним оказался на полу молодой инженер с рас-

положенного неподалеку ракетного завода. В тот момент, когда всю группу повели на платформу, он отстал, вернулся в коридор и собрался закурить. Если б он не бросился спасать жену, то остался бы скорее всего невредим. Последняя картина в его затухающем сознании: выпавшие из рук сигареты и — тщетная попытка схватить Маршу за рукав плаща...

В то утро Джек Гамильтон долго сидел без дела в своей лаборатории, с кислым видом точил карандаши и потел от переживаний. Подчиненные продолжали работу, все шло заведенным порядком. В полдень появилась Марша — сияющая, милая, изысканно одетая, ни дать ни взять яркая птичка из Голден-Гейт-парка.

Появление жены стряхнуло мрачное оцепенение. Это благоухающее дорогой парфюмерией, нарядное и беззаботное существо было самым большим достоянием Джека, куда круче других его сокровищ — к примеру, новейшей акустической системы «Hi-Fi» или коллекции лучших сортов виски.

— Ну, какие проблемы? — спросила Марша, присев на край серого металлического стола и болтая стройными ножками. — Поторапливайся, надо еще успеть перекусить... А то опоздаем! Сегодня первый день дефлектора — того самого, что ты хотел увидеть. Или забыл?.. Ты готов?

— Готов хоть в газовую камеру, — хмуро ответствовал Гамильтон. — Тем более она вроде как уже поджидает меня.

Карие глазки Марши округлились; ее беззаботность сменило беспокойство.

— Что такое? Опять секреты фирмы? Милый, ты мне ни слова не сказал, что у тебя трудный день!.. За завтраком ты резвился, как щенок на прогулке.

Взглянув на часы, Гамильтон тяжело поднялся.

— Ладно, давай подкрепимся хорошенько. Другой возможности уже, вероятно, не представится... Как бы эта экскурсия не оказалась для меня последней.

Но Джек не добрался даже до выхода из лабораторий, не говоря уж о ресторане, что был за чертой режимной зоны «Калифорния мэйнтэнанс». Гамильтона остановил курьер, протягивая туго скрученную полоску бумаги.

— Мистер Гамильтон, это вам. Полковник Эдвардс просил передать...

Негнущимися пальцами Гамильтон развернул бумажку.

— Вот оно!.. — тихо проговорил он жене. — Присядь-ка в холле. Если не вернусь через час или около того, поезжай домой и открой банку свинины с фасолью...

— Но, Джек!.. — Марша сделала беспомощный жест. — Ты говоришь это так... так страшно! Ты что-то уже знаешь?

Джек знал. Склонившись, он быстро поцеловал жену в алые, влажные, чуть вздрагивающие губы и зашагал по коридору вслед за курьером, направляясь к управленческим этажам. Там, в шикарном конференц-зале, торжественно заседали руководящие шишки корпорации.

Джек уселся, физически ощущая присутствие начальства — всей этой своры заправил и боссов без пола и возраста — как колыхнувшуюся смесь сигарного дыма, деодоранта и обувного крема.

Над длинным металлическим конференц-столом висела бормотательная каша голосов. Во главе стола сидел старый полковник собственной персоной, окопавшийся за стеной укреплений из всякого рода справок и отчетов. Каждый чин, в той или иной степени, имел свой защитный вал на столе — хотя бы папку, массивную пепельницу или стакан теплой воды. Напротив полковника Эдвардса пристроился толстяк Чарли Макфиф в форме капитана охраны. Той самой охраны, что шныряла вокруг ракетного завода, выполняя роль своего рода пугал против мифических русских шпионов.

— А, вот и вы, — пробормотал полковник, сурово взглянув поверх очков на Гамильтона. — Это не займет много времени, Джек. На повестке дня один вопрос... Вам не придется сидеть дальше и выслушивать...

Гамильтон промолчал. Он застыл в напряженном ожидании.

— Речь пойдет о вашей жене, — начал Эдвардс, послюнив толстый палец и принимаясь листать какой-то отчет. — Как я понимаю, вы теперь, после отставки Сазерленда, полностью отвечаете за наш исследовательский отдел... Верно?

Гамильтон кивнул. Его руки на стальной поверхности стола выглядели неестественно серыми. Он криво улыбнулся: будто кожа мертвеца. Вздернули, подвесили за шею, чтоб другим неповадно было, — и все признаки жизни тихо испарились.

— Ваша жена, — рокотал Эдвардс, в то время как его руки выделывали замысловатые коленца над страницами листаемого доклада, — классифицируется как фактор риска для безопасности предприятия. Вот у меня доклад... — Он кивком указал на безмолвного капитана. — Мне принес его Макфиф. Следует сказать, *с неохотой принес.*

— С большой неохотой, черт побери! — вставил Макфиф, обращаясь к Гамильтону. Его глаза, больше похожие на медные пуговицы от мундира, просили о снисхождении. Гамильтон проигнорировал его.

— Разумеется, вам хорошо известны наши правила безопасности. Мы частный концерн, но наш клиент — Правительство. Никто, кроме Дяди Сэма, наши ракеты покупать не может. Поэтому нам надо быть начеку. Я довожу это до вашего сведения, а вы решайте как знаете. Прежде всего это ваше дело. Нас оно касается лишь постольку, поскольку вы возглавляете лабораторию. И тогда это становится *нашим делом.*

Он смотрел на Гамильтона так, будто видел его впервые. Несмотря на то, что лично принимал Джека на работу добрых десять лет назад, когда Гамильтон был молодым, энергичным, перспективным инженером-электронщиком, только что из Массачусетского технологического.

— Значит ли все это, — спросил Гамильтон внезапно севшим голосом, пальцы его сцепились нервно, будто два ретивых краба в драке, — что Марше запрещено появляться на заводе?

— Нет, — ответил Эдвардс, — это значит, что *вам* будет отказано в допуске к секретным материалам, пока ситуация не изменится.

— Но ведь... — Гамильтон в изумлении умолк. Потом выпалил: — Все материалы, с которыми я имею дело, секретны!

Ему никто не ответил. Только в углу натужно гудел кондиционер.

— Черт меня побери! — неожиданно громко сказал Гамильтон. Несколько бумажек, словно стайка испуганных птиц, взлетели в воздух... Эдвардс искоса, с любопытством взглянул на Джека. Чарли Макфиф закурил сигару и нервно пригладил тяжелой ладонью свою редеющую шевелюру. В простецкой коричневой униформе он был похож на этакого увальня-пузана — глуповатого патрульного дорожной службы.

— Предъявите ему обвинения, — заговорил Макфиф. — Дайте ему шанс защититься, полковник. Какие-то права у него же есть!

Некоторое время полковник Эдвардс молча ковырялся в справках, представленных ему службой безопасности. Но вскоре с помрачневшим от безнадежности лицом он подвинул все досье к Макфифу.

— Твой отдел все это готовил, — пробормотал он, как бы открещиваясь от щекотливого дельца. — Ты и скажи.

— Вы что же, собираетесь читать это здесь?! — запротестовал Гамильтон. — Для тридцати человек? В присутствии всех чиновников компании?

— Они уже видели этот доклад, — не без сочувствия заметил Эдвардс. — Он был подписан около месяца назад. И с той поры циркулировал. В конце концов, мой мальчик, ты у нас персона важная. Мы не можем позволить себе отнестись к этому вопросу легкомысленно.

— Во-первых, — заявил Макфиф, явно чувствовавший себя не в своей тарелке, — это дело нам передали из ФБР.

— Вы их запрашивали? — язвительно спросил Гамильтон. — Или досье чисто случайно зациркулировало по стране?

Макфиф побагровел.

— Ну, в общем, мы их запросили. Обычная деловая справка. Боже милостивый, Джек, да и на меня есть досье. А ты что думал? Даже на Президента досье заведено!...

— Вам нет нужды читать эту муру, — проговорил дрогнувшим голосом Гамильтон. — Марша вступила в прогрессивную партию еще будучи зеленой первокурсницей. Да, она вносила деньги в помощь испанским беженцам. Выписывала радикальный журнал. Все это я и так давно знал.

— Прочитайте текущие материалы! — приказал Эдвардс.

Продираясь сквозь дебри доклада, Макфиф внимательно выискивал нужные данные.

— Миссис Гамильтон вышла из прогрессивной партии. Журнал «Ин фэкт» больше не издается. Она посещала собрания калифорнийского отделения Союза работников искусств, науки и свободных профессий — из прокоммунистических организаций это одна из самых активных. Она подписала Стокгольмское мирное воззвание. Вступила в Союз гражданских свобод, обвиняемый наблюдателями в левацкой ориентации.

— Что это значит — «левацкая ориентация»? — потребовал объяснений Гамильтон.

— Это означает симпатию к лицам или группам, которые якшаются с коммуняками. — Макфиф продолжил старательное чтение доклада: — Миссис Гамильтон написала письмо в «Сан-Франциско кроникл», протестуя против запрета на въезд Чарли Чаплина в Соединенные Штаты. Она подписала воззвание за освобождение супругов Розенберг, осужденных за измену родине. Она выступила на собрании Аламедской лиги женщин-избирательниц, высказываясь за допуск в ООН красного Китая — коммунистической страны! Вступила в оклендское отделение организации «Мирное сосуществование или смерть», имеющей также отделения в стра-

нах за железным занавесом. А еще внесла деньги на нужды Общества содействия прогрессу цветного населения. — Он повысил голос: — Сорок восемь долларов пятьдесят пять центов!

В зале стояла тишина.

— Все? — буркнул Гамильтон.

— Да, это весь материал по данному вопросу.

— А упоминается ли там, — сказал Гамильтон, стараясь унять волнение, — что Марша выписывает «Чикаго трибюн»? Или что она участвовала в избирательной кампании Эда Стивенсона?.. Что вносила деньги в Гуманистическое общество содействия прогрессу кошек и собак?..

— Не вижу, какое это имеет касательство?.. — нетерпеливо перебил Эдвардс.

— Для полноты картины! Да, Марша пару раз читала «Ин фэкт». Ну и что? В руках у нее бывал и «Нью-Йоркер». Она вышла из прогрессивной партии вслед за Уоллесом и вступила в организацию «Молодые демократы». Это упомянуто? Не скрою, ей любопытен коммунизм, но разве она оттого стала коммунисткой? Все, о чем вы тут болтали, — вздор! Эка невидаль, женщина иногда заглядывает в левые журналы и слушает левых ораторов... Это еще не доказывает, что она одобряет коммунизм, или подчиняется их партийной дисциплине, или выступает за свержение правительства, или...

— Мы и не утверждаем, что твоя жена — коммунистка, — заметил Макфиф. — Мы только отмечаем, что она фактор риска для безопасности. А вероятность того, что Марша коммунистка, *существует*.

— Господи! — воскликнул Гамильтон, вполне сознавая, насколько бесполезны его слова. — Тогда я должен доказать, что она *не* коммунистка? Так, что ли?

— Да, есть вероятность, — не слушая Гамильтона, поддержал заключение Макфифа Эдвардс. — Джек, попытайся мыслить здраво, не поддавайся эмоциям. И не кричи. Может, Марша и красная, может — и нет. Не о том речь. Что у нас против нее? Материал, который говорит, что твоя жена занимается политикой — притом радикальной политикой. А это нехорошо.

— Маршу все интересует. Она умна и образованна. У нее в распоряжении целые сутки, чтоб узнать обо всем. Или она, по-вашему, должна сидеть дома и только... протирать мебель? Готовить?.. Или шить?

— Тут мы имеем определенный образ жизни, модель поведения, что ли, — толковал Макфиф. — Надо признать, что ни один из приведенных пунктов сам по себе не является обвинением. Но если их

сложить вместе и взять среднестатистическую норму, то... это выходит за всякие рамки, Джек. Слишком во многом замешана твоя жена.

— Всего лишь общение, не больше. Разве на основе этого можно доказать, что она согласна с их речами?

— Мы не можем прочесть ее мысли. Ты и сам не можешь. Но судить о поступках — другое дело. В какие общества она вступает, какие петиции подписывает, куда деньги вносит. Для нас это единственные улики, нам из этого приходится исходить. Ты говоришь: она ходит на митинги, но не согласна с речами. Давай на минуту представим себе вот что: полиция накрывает непристойное шоу, вяжет девиц и менеджера, но отпускает зрителей. Ведь те заявили, что зрелище им не понравилось... — Макфиф развел руками. — Если им не нравилось — зачем они там сидели? Один раз — допускаю. Из любопытства. Но не раз за разом, из года в год.

Жена твоя с левыми водится уже десять лет. С тех пор, как ей исполнилось восемнадцать. У нее было достаточно времени, чтобы составить мнение о коммунизме. Но она продолжает крутиться с леваками. Она по-прежнему тут как тут, стоит лишь кучке комми устроить протест против линчевания на Юге или завопить по поводу ассигнований на оборону. Ссылка на то, что Марша также читает «Чикаго трибюн», не более уместна, чем тот факт, что любитель порношоу ходит еще и в церковь. Это лишь доказывает разносторонность, даже противоречивость личности... Но факт остается фактом: одна из граней этой личности включает смакование грязи. Его привлекают не за то, что он ходит в церковь, а за то, что он любит непристойности и ходит смотреть на непристойности.

На девяносто девять процентов твоя жена, возможно, такая же американка, как все прочие, — она может хорошо готовить, осторожно водить машину, исправно платить налоги, участвовать в благотворительности или печь пирожные для беспроигрышной лотереи в церковном приходе. Но один последний процент может быть завязан на коммунистов... И — все!

Немного помолчав, Гамильтон выдавил:

— Ты неплохо изложил свою позицию.

— Я верю в свою позицию. Тебя и Маршу я знаю столько же, сколько служу здесь. Вы оба мне нравитесь — так же, как и Эдвардсу. Все вас любят. Но не в этом дело. Пока мы не обладаем телепатией и не читаем чужие мысли, нам придется полагаться на статистику. Мы не можем утверждать, что Марша агент иностранной державы. А ты не можешь утверждать, что она им не является. И пока нам придется разрешить сомнение не в ее пользу. Не имеем права поступить иначе.

Чуть закусив толстую нижнюю губу, Макфиф спросил:

— Тебе никогда не приходило в голову спросить себя: а не коммунист ли моя жена?

Не приходило... Взопревший от столь нежданного судилища его личной жизни, Гамильтон молчал, вперя невидящий взгляд в мутное железо столешницы. Джек всегда полагал, что Марша говорит ему правду, уверяя, что коммунизм ей только любопытен. Теперь, благодаря усиленному наезду коллег, у Джека впервые запало в душу некое горестное сомнение. Черт возьми, с точки зрения статистики все возможно!

— Я спрошу ее сам об этом, — громко проговорил он.

— Спросишь? — криво усмехнулся Макфиф, но, спохватившись, придал физиономии постное выражение. — И что она ответит?

— Конечно, скажет нет!

Эдвардс качнул головой:

— Это ровным счетом ничего не стоит, Джек! Если сам ты хорошенько подумаешь, то согласишься со мной.

Гамильтон вскочил:

— Она рядом, в холле! Пожалуйста, сколько влезет — пригласите и спросите!

— Я с тобой не собираюсь спорить, — вздохнул Эдвардс. — Твоя жена классифицирована как фактор риска, а посему, впредь до особого распоряжения, ты отстраняешься от работы. Либо представь убедительные доказательства того, что она не коммунистка, либо отделайся от нее. — Он пожал плечами. — У тебя же карьера, парень. Дело твоей жизни!

Грузно поднявшись из-за стола, Макфиф вперевалку подошел к Джеку.

Собравшиеся чиновники зашевелились, как болотная ряска под сапогом. Стали тоже подниматься и тянуться к выходу. Разбирательство по делу Гамильтона закончилось. Ухватив Джека за локоть, Макфиф настойчиво повел его к дверям.

— Давай поищем, где тут можно подышать!...А как насчет выпить? Втроем — ты, я и Марша!.. В «Сейф-Харборе» виски закисает без нас. Думаю, мы могли бы проявить к нему сочувствие.

Глава 2

— Ничего пить не буду! — заявила Марша ломким, нервным голосом. Бледная, решительная, она стояла перед Макфифом, игнорируя идущих через холл чинуш. — Мы с Джеком собра-

лись на «Мегатрон». Смотреть пуск новой установки. За неделю вперед планировали.

— Моя машина рядом, — расшаркался Макфиф. — Я вас подброшу. — Иронизируя, он добавил: — Я же легавый. Могу подкинуть вас прямо на место!

Когда запыленный «плимут» покатил вниз по склону к корпусам «Мегатрона», Марша проговорила:

— Не знаю, то ли мне смеяться, то ли плакать?.. Я просто поверить не могу! Вы все это серьезно?

— Полковник предложил Джеку выкинуть тебя, как старое пальто, — проворчал Макфиф.

Оглушенная новостью, Марша судорожно выпрямилась, сжав сумочку, как утопающий хворостину.

— Ты поступил бы так?

— Нет, — ответил Гамильтон. — Даже будь ты извращенка, коммунистка и алкоголичка, вместе взятые.

— Ты слышал? — обернулась она к Макфифу.

— Слышал.

— Что скажешь?

— Думаю, что оба вы — чудесные ребята. Джек был бы сукин сын, если б решил иначе. Я и полковнику Эдвардсу так сказал.

— Кто-то из вас двоих, — начал Гамильтон, — здесь явно лишний. Кого-то надо вышвырнуть из машины. Сейчас брошу жребий!..

— Ты разве не видишь? — прошептала Марша. — Произошла ужасная вещь! Это же заговор против нас двоих. Против нас всех!

— Я и сам себя чувствую гнусно, — признался Макфиф. Свернув с дороги к контрольно-пропускному пункту, он вырулил на территорию «Мегатрона». Дежурный у входа отдал честь и помахал рукой; Макфиф махнул в ответ. — В конце концов, вы же мои друзья... но вмешался служебный долг, принуждающий строчить телеги на друзей. Собирать компромат, распутывать сплетни... Думаете, мне это по душе?

— Засунь свой долг... — начал было Гамильтон, но Марша дернула его за рукав.

— Чарли прав. Он не виноват. Мы все тут ни при чем, все трое.

Машина остановилась у главного входа. Макфиф выключил двигатель, они вышли из машины и побрели вверх по широким бетонным ступеням. После идиотских разборок желание радостно лицезреть чудо техники как-то отпало.

Небольшая группа специалистов собиралась поблизости. Гамильтон придирчиво оглядел их. Модно одетые молодые люди со

стандартной короткой стрижкой по-приятельски болтали друг с другом. Рядом топталась и обычная в таких случаях горстка зрителей с улицы. Благополучно пройдя контроль, они предвкушали удовольствие от предстоящего зрелища — «Мегатрон» в действии. Но Гамильтона тянуло к специалистам, все ж таки коллеги...

«Точнее сказать, — подумал он мрачно, припоминая сегодняшнее сборище, — я был их коллегой, еще недавно...»

— Я отойду на минутку, — едва слышно проговорила Марша, прикладывая платок к покрасневшим глазам. — Зайду в женскую комнату, приведу себя в порядок.

— О'кей, — буркнул Джек, погруженный в собственные мысли.

Она отошла, и Гамильтон с Макфифом остались тет-а-тет в гулком коридоре главного корпуса «Мегатрона».

— Может, оно и к лучшему... — как бы отмахнувшись от назойливой мухи, выдохнул Гамильтон.

Черт возьми, десять лет — долгий срок, для любой работы — долгий. Но тогда чего он достиг за эти годы? Вот вопрос.

— Ты имеешь полное право обижаться, — вяло отреагировал Макфиф.

— Намерения, конечно, у тебя благие, — ответил Гамильтон. Отошел и стал в стороне, засунув руки в карманы.

Хм... обижен! Не то слово. Он оскорблен до глубины души. И чувство это будет с ним, пока он не решит, кому же в конце концов сохранить верность... Скользкая дорожка! Но дело даже не в этом: случившееся стало для Джека потрясением основ, всех его устоявшихся привычек. Это удар по всему, во что он верил и считал незыблемым. И глубже всего уязвил его именно Макфиф, угрожающий теперь его семейному благополучию. И той женщине, которая значит для Гамильтона больше, чем кто-либо другой на свете.

Даже больше, чем работа. Джек вдруг отчетливо, до боли зубовной, осознал это именно сейчас. Его личная преданность всецело принадлежала жене. Прочувствовать это было непривычно и странно. Фактически выбор — кому же он остается верен — бездарен в своем зародыше. Однако у Джека появилась фобия, будто их с Маршей силой оттаскивают друг от друга, словно происходит некое тайное действо, повлиять на которое невозможно. Еще мгновение-другое, и он потеряет любимую женщину навсегда.

— Да, — с трудом ответил он Макфифу. — Чертовски обидно...

— Найдешь ты другую работу. С твоим-то опытом.

— Моя жена! — напомнил Гамильтон. — Я о ней толкую. Как думаешь, будет у меня шанс когда-нибуть сквитаться с тобой? Хотелось бы!.. — Последняя фраза даже для самого Джека про-

звучала по-детски наивно. — Ты больной уродец! — заявил он Макфифу, продолжая бесполезный разговор, отчасти потому, что не хотелось давить горечь обиды в себе, а отчасти — просто по скуке. — Ты расправляешься с невинными людьми. Параноик в бредовом угаре...

— Прекрати! — оборвал его Макфиф. — Тебе дано было время одуматься, Джек. Целые годы. Слишком много, Джек.

Пока Гамильтон подбирал словцо покруче, вернулась Марша.

— Они запускают простых смертных. Крупные шишки уже посмотрели... — Сейчас она выглядела более спокойной. — Эта штука, новый дефлектор, говорят, уже включен.

Гамильтон неохотно покинул капитана.

— Тогда идем.

Макфиф поковылял рядом.

— Это должно быть интересно, — бубнил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Наверняка! — отчужденно ответил Гамильтон, чувствуя, что весь дрожит. Глубоко вздохнув, он вслед за Маршей вошел в лифт и машинально повернулся лицом к выходу. Макфиф сделал то же самое. Гамильтон мог теперь вволю насмотреться на его багровую бычью шею.

На втором этаже они увидели молодого негра с повязкой на рукаве, собиравшего группу посетителей. Они присоединились к нему. Другие терпеливо ожидали своей очереди. Стрелки часов показывали три пятьдесят; дефлектор уже работал полным ходом.

— Начнем, — на удивление тонким голосом произнес негр, когда группа направилась к обзорной платформе. — Нам надо пошевеливаться, чтоб другие успели. Как вам известно, «Мегатрон» в Белмонте сооружен Комиссией по атомной энергии для искусственного воссоздания космических излучений. Главный элемент «Мегатрона» — гигантский магнит, который разгоняет протоны. Положительно заряженные протоны поступают в линейную камеру магнита из трубы ускорителя...

В зависимости от интеллекта и настроения зрители либо глупо лыбились, либо игнорировали гида. Один высокий, худощавый и строгий пожилой джентльмен стоял столбом, сложа руки, и выражал неприкрытое презрение к науке вообще. «Вояка!» — отметил Джек, увидав потемневший металлический значок на хлопчатобумажной куртке. «Ну и черт с ним, — подумал он с горечью. — К черту патриотизм вообще. И в конкретном смысле, и в абстрактном. Что солдафоны, что легавые... Их ничего не интересует, кроме пива, собак, автомашин и пушек».

— А имеется ли рекламный проспект? — жеманно, но в то же время настойчиво спрашивала гида пухлая мамаша преклонных лет. — Мы бы хотели взять с собой для чтения. И для школы тоже.

— А сколько там вольт? — выкрикнул ее сынок. — Больше миллиарда?

— Свыше шести миллиардов, — терпеливо отвечал негр. — Такое напряжение получают протоны, прежде чем им сообщают отклонение и выводят из круговой камеры. С каждым оборотом луча в камере заряд и скорость возрастают.

— И какая скорость получается? — поинтересовалась тощенькая тридцатилетняя дамочка ученого вида. На ней были дурацкие очки в тяжелой роговой оправе и строгий деловой костюм.

— Чуть поменьше скорости света.

— А сколько раз они делают круг внутри камеры?

— Четыре миллиона, — ответил гид. — При этом пробегают триста тысяч миль — меньше чем за две секунды.

— Ах!.. Это невероятно! — воскликнула расфуфыренная мамаша.

— Когда протоны покидают линейный ускоритель, — продолжал гид, — они обладают энергией в десять миллионов вольт. Как говорим мы, профессионалы, — десять мегавольт. Но главная задача — перевести их на круговую орбиту точно в нужный момент и под нужным углом, чтоб они попали в силовое поле большого магнита.

— А магнит не может это сделать? — спросил мальчик.

— Нет, для этого существует инфлектор. Протоны очень легко уходят с заданного курса и разлетаются во всех направлениях. Требуется сложная система модуляции, чтобы удержать их и не дать разойтись по расширяющейся спирали. Но даже с разгоном луча до необходимой скорости остается фундаментальная задача вывода его из круговой камеры...

Гид предложил посмотреть на кашалотову тушу магнита, прямо под платформой в защитном кожухе. Своей формой магнит напоминал пряник; из кожуха несся мощный гул.

— Камера ускорителя находится внутри. Ее длина — четыреста футов! Но отсюда она не видна.

— Интересно, — произнес седой ветеран, — помнят ли создатели этой удивительной машины, что любое из посылаемых Богом бедствий, как ураган например, намного превосходит всю собранную человеком энергию. Не только этой, но и всех других машин?

— Конечно, знают и помнят! — ехидно вставила строгая дама. — Они вам до килограмма рассчитают силу урагана!

Ветеран посмотрел на нее с любопытством.

— Вы физик, мадам? — осведомился он.

Гид предложил всей группе пройти на платформу.

— После вас, — прогнулся Макфиф, пропуская Гамильтонов. Марша прошла вперед, Джек проследовал за ней. Макфиф, симулируя интерес к информационным таблицам на стене, уныло замкнул шествие.

Стиснув руку жены, Джек прошептал Марше на ухо:

— Ты что же, подумала, будто я и в самом деле откажусь от тебя?.. Мы не в нацистской Германии!

— Пока еще нет, — убитым голосом ответила Марша. Она была бледна и по-прежнему печальна. Всю косметику она сняла, губы ее казались бескровными. — Милый, когда я думаю о людях, затащивших тебя на судилище, чтоб тыкать тебе в лицо моими поступками, словно я какая-нибудь... шлюха или не знаю кто... Я готова убить их! А Чарли-то, Чарли! Я-то думала — он наш друг! Думала, что мы можем на него рассчитывать. Сколько раз он обедал у нас...

— Но ведь мы не в Аравии живем, — напомнил Гамильтон жене. — То, что мы его кормили, не означает, что мы навеки побратались.

— Чтоб я когда-нибудь еще пекла безе с лимоном! И все прочее, что ему нравится! У-у, эти его оранжевые подтяжки! Обещай мне, что никогда не будешь носить подтяжек!

— Моим пределом станут безразмерные носки! — Обняв Маршу за плечи, Джек предложил: — Давай сбросим его на магнит!

— У магнита случится несварение. — Марша грустно улыбнулась. — Он, вероятно, выплюнет его обратно. Слишком уж отвратителен!

За ними тащились мамаша с сыном. Макфиф отстал: руки глубоко в карманах, мясистые щеки угрюмо отвисли.

— А он не выглядит победителем, — заметила Марша. — Мне даже как-то жаль его. Ведь он не виноват.

— Кто ж тогда виноват? — почти шутливо спросил жену Джек. — Эти кровопийцы, чудовища капитализма с Уолл-стрит?

— Странно слышать это от тебя, — нервно заметила Марша. — Ты раньше никогда не говорил подобного. — Вдруг она сильно сжала ему локоть: — Ты ведь не думаешь в самом деле, что я... — Столь же порывисто отстранившись, она воскликнула: — Да, да, ты думаешь! Думаешь, мол, все оно так и есть!...

— Что — есть? Что ты состояла в прогрессивной партии? Да я же сам тебя возил к ним на митинги. Ты забыла мой старый «шевроле»? Великой новости уже целых десять лет.

— Я не про то. Ведь для генералов и их псов подобные штуки представляются совсем в ином свете... Неужели и твои мозги повернуты таким боком?

— Брось, — Джек попытался неуклюже отшутиться, — у тебя нет передатчика в чулане. Я, во всяком случае, не видел.

— А ты искал? — В ее голосе зазвучали стальные нотки. — А вдруг он у меня есть на самом деле? Как знать! Может, я и здесь сейчас не просто так, а чтоб сорвать пуск «Мегатрона», или как там его называют?

— Потише! — тревожно одернул ее Гамильтон.

— Ты мне не приказывай! — Марша с возмущением повела плечами, резко отступила в сторону и наткнулась прямо на сурового старого вояку.

— Осторожней, леди! — проговорил ветеран, преграждая ей путь к решетке. — Так можно выпасть за борт!

Тем временем экскурсия продолжалась.

— Критическим вопросом создания всей установки, — вещал гид, — была конструкция отклоняющего модуля, который должен выводить протонный луч из круговой камеры прямо на цель. Было перепробовано несколько способов. Сначала просто отключали в нужный момент генератор; это позволяло протонам уходить наружу по расходящейся спирали. Но такое отклонение луча слишком примитивно...

— Правда ли, — сам удивляясь зачем, отрывисто спросил Гамильтон, — что однажды в Беркли луч старого циклотрона вышел из-под контроля?

Гид заинтересованно взглянул на него.

— Да, говорят.

— Я слышал, что он прошил насквозь служебное помещение, и там до сих пор заметны обугленные края. А по ночам, если выключить освещение, можно видеть радиационное свечение.

— Да, в виде голубого... как бы ореола, — подтвердил гид. — Вы физик, сэр?

— Электронщик, — скромно поправил Гамильтон. — Этот дефлектор меня интересует. Я и с Лео Уилкоксом немного знаком.

— Да, у Лео сегодня великий день, — кивнул гид. — Его установку только что включили на полную мощность.

— Это которую? — спросил Гамильтон.

Гид показал им какую-то сложную систему сбоку от магнита: большая темно-серая труба на мощных опорах была вся окружена путаницей разноцветных трубопроводов малого диаметра.

— Это и есть работа вашего приятеля. Он где-то и сам поблизости. Наблюдает.

— И каковы результаты?

— Пока еще рано говорить.

Оглянувшись, Гамильтон увидел, что Марша стоит на другом конце платформы. Он поспешил к ней.

— Веди себя как взрослая, в конце концов! — сердито прошипел он. — Раз уж мы здесь, я хочу узнать как можно больше.

— Уж эта твоя физика! Провода и трубы тебе важнее, чем моя жизнь!

— Я сюда пришел увидеть все своими глазами. Так что не мешай, пожалуйста! Не устраивай сцен!

— Это ты устраиваешь сцену.

— Или мало тех бед, что ты уже принесла? — отвернувшись, хмуро бросил через плечо Джек.

Он похлопал по карманам в поисках сигарет. И тут вдруг, перекрывая ровный гул магнита, завыла аварийная сирена.

— НАЗАД! — закричал гид, вскинув руки над головой. — Радиационная тревога!

Страшный рев заполнил корпус «Мегатрона». Взлетели снопы искр, раскаленные осколки взвились мелкими брызгами и посыпались огненным дождем на обезумевших людей. Удушливое зловоние ударило в нос, но едва ли кто мог это почувствовать; в дикой давке каждый жаждал только одного — поскорее выбраться из мясорубки.

По платформе зазмеилась трещина. Металлическая балка, надвое прошитая лучом, провисла оплавленными ошметками.

Мамаша, мучившая гида идиотскими вопросами, металась с разинутым ртом, из которого несся один нескончаемый вопль. Макфиф, судорожно трепыхаясь, пробивал себе дорогу, спасаясь от адского сияния ионизированного воздуха. Он сшибся с Гамильтоном. Оттолкнув потерявшего человеческий облик полицейского, Джек бросился вперед и попытался схватить Маршу... Его одежда уже тлела. Несколько человек показались Джеку живыми факелами. Они в панике пытались уползти с обвисшего куска платформы, плевавшего расплавленным металлом и таявшего на глазах.

По всему «Мегатрону» визжали, гудели сирены тревоги. Вопли людей и машин сливались в какофонию ужаса. И вот под ногами медленно обрушился настил. Еще мгновение назад державшийся участок пола превратился в месиво горящих осколков и брызг. Инстинктивно Гамильтон выбросил кверху руки; он опрокинулся и падал вниз лицом на какие-то засыпанные пеплом железяки. Затем он со всего маху пробил мягкий проволочный экран, ограждавший магнит. Последним ощущением были визг проволоки и поток обжигающего глотку воздуха...

Удар был страшен. В мозгу вспыхнул зримый образ боли; раскаленная глыба металла вспухала, пульсировала и обволакивала тело колючей пеной. Влажный комок живой плоти агонизировал в коконе стальной паутины.

Затем исчезло и это. Краешком затухающего сознания воспринимая всю уродливость собственного искалеченного тела, Джек лежал в позе трупа, инстинктивно, а может — только в воображении, пытаясь подняться. При этом совершенно явственно понимая, что подобная попытка ничего не даст. Может, лишь только на мгновение продлит агонию.

Глава 3

Во тьме что-то шевелилось.

Он долго вслушивался. Закрыв глаза, ощущая тело как сплошной сгусток боли, он не двигался, замерев, превратившись в один только слух. Ритмически повторялся звук: *тук, тук,* словно кто-то, неожиданно воплотившись из тьмы, постукивал, вслепую нащупывая дорогу. Неизвестно сколько времени он вбирал в себя этот звук, пока не понял, что это стучит о стекло твердая планка шторы, а сам он находится в больничной палате.

Джек продолжал функционировать. Во всяком случае — как система из человеческого глаза, зрительного нерва и мозга. И эта система восприняла неясные очертания жены, колеблющиеся и пропадающие из виду. Теплой волной нахлынула зыбкая радость: слава Богу, Марша жива! Джек вознес бессловесную молитву. Поток эмоций затопил сознание... Это была ничем не омраченная радость.

— Он приходит в себя, — авторитетно произнес некий баритон.

— Кажется, да! — воскликнула Марша. Ее голос звучал как будто из-за стены. — Если б только знать точно...

— Я в порядке, — неразборчиво проговорил Джек.

В тот же миг ее тень встрепенулась и полетела к нему...

— Любимый! — Взволнованно дыша, Марша нежно прильнула к мужу. — Дорогой, все будут жить! Никто не погиб! И ты тоже, мой родной!

Ее лицо светилось искренним счастьем.

— У Макфифа растяжение связок, но это пройдет. А у мальчишки, похоже, сотрясение мозга.

— А ты как? — слабым голосом спросил Гамильтон.

— У меня все прекрасно! — Поднявшись, она крутанулась перед ним, чтоб он осмотрел ее со всех сторон. Вместо мод-

ных пальто и платья на ней был простой больничный халат. — Одежда превратилась в лохмотья, и они дали мне вот это.

В замешательстве Марша тронула свои каштановые волосы:

— Видишь, они теперь короче. То, что обгорело, я обрезала. Ну, отрастут еще!

— Можно мне встать? — спросил Джек, пытаясь приподняться на постели. Голова закружилась, и он распластался на койке, хватая ртом воздух. Черные круги заплясали вокруг; он закрыл глаза и обреченно ждал, когда все пройдет.

— Какое-то время вы будете чувствовать слабость, — сообщил доктор. — Это результат шока и потери крови.

Он тронул Джека за руку.

— Покромсало здорово. По кусочку выковыривали из вас металл.

— Кому досталось хуже всех? — спросил Гамильтон, не открывая глаз.

— Артуру Сильвестру. Помните старого солдата? Он ни на секунду не терял сознание, но, по-моему, уж лучше бы потерял! По-видимому, перелом позвоночника. Сейчас он в хирургии.

Гамильтон скосил взгляд на собственную руку: она покоилась в большой гипсовой повязке.

— Я пострадала меньше всех, — запинаясь, проговорила Марша. — Но из меня чуть дух не вышибло. Я попала прямо в середину луча. Все, что видела, — лишь искры из глаз. Правда, экспериментаторы сообразили сразу выключить генератор. Все длилось меньше секунды... — Она жалобно добавила: — Но казалось, будто миллион лет!

Гладко выбритый молодой врач отвернул одеяло и стал измерять Джеку пульс. Рядом деловито готовила процедуру рослая медсестра. Приборы стояли у нее под рукой. Все выглядело чинно и деловито.

Выглядело... однако что-то было не так. Джек это почуял нутром. В глубине подсознания возникло неуютное ощущение, будто изменилось нечто важное... Или — исчезло.

— Марша, — неожиданно спросил он. — Ты чувствуешь?..

Неуверенной поступью Марша подошла поближе.

— Что, милый?

— Не могу объяснить. Но у меня вдруг появилась мысль... Не знаю, как это назвать. Не понимаю...

Марша явно забеспокоилась. Поколебавшись немного, она обернулась к доктору:

— Я же вам говорила: что-то не так. Помните, в самом начале, как только пришла в себя?

— Всякий, кто перенес шок, испытывает ощущение нереальности происходящего, — спокойно заметил ей доктор. — Это в высшей степени типично. Примерно через сутки все пройдет. Кроме того, не забывайте, что каждому из вас сделали успокоительную инъекцию. Да и выпавшее испытание было слишком велико. Луч, в который вы угодили, чрезвычайно мощный.

Джек и Марша промолчали. Они лишь смотрели друг на друга, по выражению лица стараясь угадать мысли другого.

— Думаю, нам еще повезло, — осторожно выжидательным тоном проговорил Гамильтон. Радостный экстаз, с которым он только что молился, уступил место сомнению. Что, в конце концов, произошло? Новое, загадочное чувство не поддавалось усилию рассудка, оно явно сторонилось обычной житейской логики. Джек осмотрел палату, но не заметил ничего странного или подозрительного.

— Вам *очень* повезло, — подтвердила медсестра с такой гордостью, будто в этом была ее личная заслуга.

— Сколько я здесь пробуду?

Доктор задумался.

— Полагаю, вы можете отправиться домой сегодня вечером. Но оставайтесь в постели еще не меньше суток. Вам обоим нужно хорошенько отдохнуть. Скажем, недельку. Еще я предложил бы нанять опытную сиделку.

Джек призадумался.

— Нам это не по карману.

— Вы получите страховку, — чуть натянуто напомнил врач. — Этим ведают федеральные власти. На вашем месте я бы думал только о том, как поскорее встать на ноги.

— А может, мне так больше нравится! — отрезал Гамильтон. Он не стал ничего объяснять, а погрузился в размышления.

Несчастный случай ничуть не изменил дурацкого жизненного расклада. Если только за это время не умер полковник Эдвардс, что казалось маловероятным.

Когда врача и медсестру уговорили оставить их наедине, Джек заметил жене:

— Теперь, по крайней мере, будет что соседям сказать. Не надо выдумывать причину, почему я без работы.

Марша с убитым видом кивнула.

— Я и забыла...

— Подыщу себе работу без военных секретов. Никаких больше дел с оборонкой. — Он мрачно пошутил: — Сейчас я как Эйнштейн в пятьдесят четвертом. Помнишь его слова? «Может,

стану водопроводчиком или буду телевизоры чинить. Мне это больше по душе».

— А помнишь, чем ты всегда хотел заняться? — Сидя на краю кровати, Марша нервно теребила свои неровно подстриженные волосы. — Ты хотел конструировать новые системы звукозаписи!.. И новые принципы — как это? — частотной модуляции УКВ. Ты мечтал быть звездой в мире аудиотехники.

— Да, да! — кивнул Джек, стараясь выглядеть полным воодушевления и решительности. — Тринауральная система Гамильтона... Помнишь, как мы ночью сочиняли название? Три звуковых дорожки, три звукоснимателя, столько же усилителей и динамиков. Все разнесено по трем помещениям. В каждом сидит звукорежиссер. И каждый слушает отдельную композицию...

От собственных слов Джек на самом деле завелся. Марша несколько наигранно поддержала его:

— Один контур играет двойной концерт Брамса. Да, конечно, я помню!

— Еще один — «Свадьбу» Стравинского. А третий — пьесу Доуленда для лютни. У звукооператоров снимаются все три энцефалограммы и пропускаются одновременно через сердце тринауральной системы — ортополифон Гамильтона. Мозговые импульсы трех слушателей смещены друг относительно друга строго математически. Формула базируется на постоянной Планка...

Джек явно разошелся: в руке под гипсом запульсировала жгучая боль. Охрипшим голосом он торопливо закончил:

— Полученная комбинация записывается. Затем воспроизводится с измененной скоростью...

Марша наклонилась и порывисто обняла его.

— Милый, когда я пришла в себя, то испугалась: вдруг ты погиб? Поправляйся скорее, дорогой! Ты выглядел совсем... неживым: ни кровинки, ни движения. Я думала, сердце мое разорвется.

— Я застрахован, — нелепо брякнул Джек. — Ты бы стала богатой.

— Не хочу быть богатой! — Все еще обнимая мужа и покачиваясь взад-вперед, Марша прошептала: — Подумать только, что я натворила! Из-за того, что совала от скуки нос во всякую гадость и водилась с шарлатанами-политиканами, ты потерял работу. Я сейчас бы задала себе хорошенькую трепку. Надо было сообразить, что нельзя подписывать эту Стокгольмскую бумагу, раз уж ты делаешь ракеты. Но, понимаешь, стоит кому-нибудь подсунуть мне петицию — и я уже увлекаюсь чужой идеей... Бедные, бедные они все! Обманутые люди!

— Не бери в голову, — вздохнул он. — Если б сейчас была война, ты считалась бы вполне нормальной, а Макфифа, наоборот, выгнали бы с работы как опасного фашиста.

— Он и есть фашист! — горячо воскликнула Марша. — Он *действительно* опасный фашист!

Гамильтон отстранил глупышку-жену и посмотрел на нее в упор:

— Макфиф просто бешеный патриот и реакционер. Но от этого он нисколько не фашист. Или ты считаешь всякого...

— Ладно, не будем об этом! — прервала его Марша. — Тебе вредно волноваться.

Снова прильнув к нему, она пылко поцеловала Джека в губы:

— Подожди, вот будем дома!..

Она хотела встать, но он не пустил, сдавив ей плечо:

— Постой!... Что же все-таки произошло, а?

Марша замерла на мгновение, потом покачала головой:

— Сама не пойму. Никак не разобраться!.. С той минуты, как я пришла в себя, оно как будто у меня за спиной. Странное чувство... Обернись я чуть быстрее обычного — и успею это увидеть. Хоть и не знаю что именно. Оно прячется. И наверняка — страшное!

Ее охватил озноб.

— Мне тоже страшновато.

— Может, все уладится, прояснится!.. — Она улыбнулась жалкой улыбкой. — Может, ничего и нет вовсе... просто был шок, была инъекция.

Но Джек не верил доктору. И Марша не верила тоже.

Домой их вызвался отвезти один из врачей. С четой Гамильтонов отправилась еще одна из пострадавших — молодая женщина делового вида. На ней тоже болтался больничный халат. Втроем они тихо уселись на заднее сиденье «паккарда», покатившего вдоль темных улиц Белмонта.

— Они говорят, что у меня сломано несколько ребер, — бесстрастно заявила женщина. Помолчав, она добавила: — Меня зовут Джоан Рейсс. Я вас обоих видела раньше, вы у меня бывали в магазине.

Джек назвал себя и свою жену.

— О каком магазине вы говорите?

— Салон искусств на Эль-Камино. В августе вы купили альбом репродукций Шагала.

— Верно! — подтвердила Марша. — Это был день рождения Джека... Мы повесили репродукции внизу, в музыкальной комнате.

— Это полуподвал, — пояснил Гамильтон.

— Ах да!.. — вдруг спохватилась Марша, отыскивая сумочку. — Ты обратил внимание на доктора?

— На доктора?.. — Гамильтон удивленно поднял брови. — Нет, не особо.

— Вот именно! Он же был как... мыльный пузырь! Вылитый доктор из комиксов.

Джоан Рейсс встрепенулась:

— О чем это вы?

— Ни о чем, — коротко бросил Гамильтон. — Это личное.

— И медсестра. Заметил? Такая же! Типичная... Собирательный образ медсестры.

Джек нахмурился и уставился в темноту за окном.

— Вот вам результат массового оболванивания. Люди моделируют себя в соответствии с рекламными картинками. Не так ли, мисс Рейсс?

— Я собиралась кое о чем вас спросить, — запинаясь, проговорила мисс Рейсс. — Меня удивила одна вещь.

— И что же это? — подозрительно прищурился Гамильтон; мисс Рейсс уж никак не могла догадаться, о чем они говорили с Маршей.

— Тот полицейский на платформе... перед аварией. Почему он там был? Зачем?

— Он пришел с нами. — В голосе Гамильтона прозвучала досада.

Мисс Рейсс пытливо посмотрела на него.

— В самом деле? А я было подумала... Мне показалось, что он хотел уйти еще до того, как все случилось.

— Так оно и было, — кивнул Гамильтон. — Он почувствовал, что платформа вот-вот рухнет. Я почувствовал то же самое, но бросился в другую сторону.

— То есть вы сознательно вернулись? Имея шанс спастись?!

— А моя жена?! — раздраженно напомнил Джек.

Мисс Рейсс удовлетворенно кивнула:

— Да, да, понимаю!.. Простите. Но как это ужасно! Все эти мучения... Нам еще повезло. О других этого не скажешь. Не странно ли: некоторые совсем не пострадали, а бедняга военный, мистер Сильвестр, лежит с переломом спины. Удивительно!

— Должен вам сказать, — вдруг подал голос врач, сидящий за рулем, — что у Артура Сильвестра только смещение позвонка плюс разрыв селезенки.

— Отлично, — пробормотал Гамильтон. — А как дела у гида? Никто даже не заикнулся о нем.

— Повреждение внутренних органов, — ответствовал врач. — Диагноз уточняется.

— Его тоже скоро выпишут? — спросила Марша.

Врач рассмеялся.

— Вы о Билле Лоузе? Да его отпустили первого. У него друзья в этой клинике.

— И вот еще что, — продолжила Марша. — Несмотря на большую высоту, с которой мы свалились, невзирая на радиацию, никто серьезно не пострадал. Так не бывает. Это слишком абсурдно!

— Вероятно, мы брякнулись прямо в кучу всяких предохранительных штуковин, — раздраженно бросил Гамильтон. — Да черт бы меня побрал, если...

Он собирался сказать кое-что похлеще, но не успел. Острая, жгучая боль хлестнула по правой ноге. Он издал вопль и подскочил, ударившись головой о крышу машины. Судорожно задрав штанину, Джек успел увидеть уползавшее насекомое.

— Что это?! — вскрикнула Марша. — Оса!

Вне себя от ярости Гамильтон растер осу подошвой.

— Ужалила! Прямо в икру!

След от укуса на глазах разрастался в красный желвак.

— Видно, мне мало того, что уже случилось!

Врач быстро свернул к обочине и остановил машину.

— Вы убили ее? Осы иногда забираются в машину. Сожалею... Могу я чем-нибудь помочь? У меня есть мазь.

— Ничего, переживу, — пробормотал Гамильтон, растирая место укуса. — Еще и оса! Как будто мало нам досталось за день.

— Скоро уже будем дома! — успокаивающе сказала Марша, выглядывая в окошко. — Мисс Рейсс, заглянете к нам чего-нибуть выпить?

— Что ж, — проговорила мисс Рейсс, трогая костлявым пальцем верхнюю губу. — Я могла бы выпить чашечку кофе, если вы в состоянии уделить...

— Мы в состоянии! — быстро откликнулась Марша. — Нам надо держаться друг друга, всем восьмерым. Мы ведь такое пережили!

— Будем надеяться, что все позади, — сухо заметила мисс Рейсс, явно чувствуя себя неловко.

— Аминь! — поставил точку Джек.

Через минуту машина свернула к тротуару и остановилась: они приехали.

— Милый домик у вас, — слегка улыбнулась мисс Рейсс, когда они выбрались из машины. Типичный дом калифорнийского пригорода, он тихо ждал своих хозяев в сгущающихся вечер-

них сумерках. На крылечке веранды, сидя столбиком, поджидал рыжий кот.

— Это приятель Джека, — пояснила Марша, выуживая ключ из сумочки. — Ждет, когда же его покормят.

Коту она строго сказала:

— Ступай в дом, Прыг-Балда. Здесь ничего не получишь.

— Что за странное имя! — передернула плечами мисс Рейсс. — Почему вы так его назвали?

— Потому что он глупый недотепа, — кратко ответил Гамильтон.

— Джек всем котам дает смешные клички, — добавила Марша. — Перед этим жил Шлеп-Мурло.

Большой, однако напрочь лишенный обычной кошачьей грациозности рыжий котяра встал на четыре лапы и спрыгнул на нижнюю ступеньку. Подойдя к Гамильтону, он стал шумно тереться о ногу хозяина. Мисс Рейсс отпрянула с гримасой отвращения.

— Никак не могу привыкнуть к котам или кошкам, — сообщила она. — Коварные, мерзкие твари...

На подобные заявления Джек обычно отвечал жесткой отповедью о вреде и глупости предрассудков. Но сейчас ему было глубоко плевать, что там думает о кошках мисс Рейсс. Вставив ключ в замок, он распахнул дверь и щелкнул выключателем в гостиной. Дом озарился уютным желтым светом, и дамы вошли. За ними следовал Прыг-Балда, сразу отправившийся на кухню. Его лохматый рыжий хвост торчал трубой.

Не снимая больничный халат, Марша открыла холодильник и достала зеленую миску из пластика. В ней лежала отварная говядина, точнее — говяжье сердце. Нарезая мясо, Марша время от времени швыряла кусочки коту, между делом рассказывая гостье:

— Большинство гениев от электроники заводят себе киберов. Всяких там электрических жучков и прочую мелюзгу, которая скачет вокруг вас и жужжит. Когда мы только поженились, Джек сделал одну такую штучку... Она ловила мух и мышей. Но этого ему показалось мало. Он построил другую — покрупнее, и та изловила первую.

— Принцип космической справедливости, — снимая пальто, прокомментировал Гамильтон. — Но я ведь не собирался заселять ими мир.

Пока Прыг-Балда жадно поглощал свой ужин, Марша отправилась в спальню переодеться. Мисс Рейсс с видом знатока шныряла по гостиной, разглядывая вазы, гравюры и мебель.

— У котов нет души, — мрачно резюмировал Джек, наблюдая, как Прыг-Балда пожирает мясо. — Самый рафинирован-

ный в мире кот станет выделывать жуткие кренделя ради куска свиной печенки.

— Животные!.. — пренебрежительно откликнулась из гостиной мисс Рейсс. — Вы у нас покупали эту вещь Пауля Клее[1]?

— Вероятно, да.

— Я никогда не могла понять, что же Клее хочет сказать своими картинами.

— Может, и вовсе ничего. Просто оттягивался в свое удовольствие.

Поврежденная рука снова дала знать о себе; Джеку захотелось узнать, как она выглядит без повязки.

— Вы, кажется, выбрали кофе?

— Кофе — и крепкого! — подтвердила мисс Рейсс. — Может, вам помочь?

— Нет, вы лучше отдыхайте.

Он машинально нашаривал рукой кофеварку.

— Если хотите, на журнальной полке, рядом с диваном, лежит «История» Тойнби[2]...

— Милый, — раздался из спальни голос Марши, — ты сюда не подойдешь?

В голосе жены прозвучало нечто, заставившее Гамильтона забыть о кофеварке и броситься вперед, на ходу расплескивая воду.

Марша стояла у окна, собираясь опустить штору. Она смотрела в темноту, напряженно наморщив лоб.

— Что случилось?

— Выгляни...

Джек посмотрел в окно, но все, что мог увидеть, — это непроницаемые сумерки и расплывчатые очертания домов. Тут и там светилось несколько огней. Небо затянуло облаками, низкий туман висел над крышами. Ничто не двигалось, не шевелилось. Никаких признаков жизни.

— Как... в средние века! — прошептала Марша.

Точно. У Джека возникло такое же впечатление. Но почему? Ведь то, что они наблюдали из окна, — прозаически банально. Обычный вечерний пейзаж в начале октябрьских заморозков.

— А ты еще и тему нашел подходящую! — вздрогнув, упрекнула его Марша. — О душе Балды зачем-то вспомнил. Прежде ты так не говорил!

— Когда?

---

[1] Клее Пауль (1879—1940) знаменитый швейцарский художник.
[2] Тойнби Арнольд (1889—1982) — британский историк.

— Ну, до того, как мы вернулись домой.:. — Отвернувшись от окна, Марша потянулась за клетчатой юбкой на спинке стула. — Извини, наверное, это глупо с моей стороны — но ни ты, ни я не попрощались с доктором. Ты видел, как он отъезжал? Что-нибудь *происходило* вообще с того момéнта, как мы вышли из машины?

— Само собой, он уехал, — безразличным тоном ответил Гамильтон.

Сосредоточенно глядя в одну точку, Марша застегнула кофточку и заправила ее в юбку.

— Возможно, у меня бредовое состояние, и доктора, наверное, правы: шок, потом инъекция... Но заметь, как тихо вокруг. Словно мы единственные люди на земле. И живем в каком-то замкнутом сером пространстве: ни огней, ни красок. Доисторическое что-то... Помнишь древние верования? Прежде порядка-Космоса был Хаос. Земля обнимала Воды. Тьма не отделилась еще от Света. И ничто не имело еще имен и названий.

— У тебя есть имя, — мягко сказал Джек. — У Балды тоже. И у мисс Рейсс. И у Пауля Клее.

Вдвоем они вернулись на кухню. Марша вызвалась приготовить кофе; через минуту кофеварка деловито забулькала. Мисс Рейсс, сидя неестественно прямо за кухонным столом, сохраняла если не обиженное, то натянутое выражение лица — суровое и сосредоточенное. По-видимому, мысли ее блуждали в каких-то беспросветных дебрях. Кстати сказать, эта молодая женщина весьма решительного вида была некрасива. Землистого цвета волосы стянуты на затылке в тугой узел. Нос тонкий и острый; губы сжаты в одну жесткую линию. Мисс Рейсс производила впечатление женщины, с которой шутки плохи.

— О чем вы там шептались? — спросила она, помешивая кофе.

Гамильтон раздраженно ответил:

— О своих делах. А что?

— Ну, милый!.. — остановила его Марша.

Отбросив дипломатию, Джек уставился на мисс Рейсс и спросил в упор:

— Вы что, всегда такая? Шныряете, суетесь в чужие дела?

Суровое лицо женщины не дрогнуло.

— Приходится быть осторожной, — пояснила она. — Сегодняшний несчастный случай лишнее тому подтверждение. Меня везде подстерегают всевозможные опасности...

Она тут же поправила себя:

— Следовало бы сказать так называемый несчастный случай!

— Подстерегают именно вас? — заинтересовался Джек.

Мисс Рейсс не ответила, она вперила взгляд в Прыг-Балду. Растрепанный котище закончил ужин и теперь искал, у кого бы устроиться на коленях.

— Что с ним? — испуганно спросила мисс Рейсс. — Почему он так смотрит на меня?

— Все очень просто, — стала успокаивать ее Марша. — Вы ведь сидите. А он хочет запрыгнуть к вам и подремать.

Приподнявшись над стулом, мисс Рейсс напустилась на бедного Балду:

— Не подходи! Не прикасайся своими грязными лапами! — Гамильтону она доверительно сообщила: — Все было бы не так ужасно, но у них ведь блохи. А у вашего вдобавок такая бандитская рожа... Он, по-видимому, ловит и жрет маленьких птичек?

— По шесть штук каждый день, — ответил Гамильтон, чувствуя, как кровь сильнее запульсировала в висках.

— Еще бы! — отпрянула мисс Рейсс от обескураженного столь непривычным обхождением Балды. — Я ведь вижу, он форменный убийца! Что ни говорите, а в городе должен существовать какой-то специальный закон касательно злых животных, опасных в домашнем обиходе. Должны быть, по крайней мере, введены лицензии! О чем думают городские власти?..

— Если б он довольствовался только птичками! — перебил ее Гамильтон, охваченный безжалостно-садистским азартом. — Он не гнушается и хомяками, змеями, а сегодня утром приволок в пасти кролика!

— Дорогой, прошу тебя!.. — воскликнула Марша, видя, как обалдело смотрит на Джека мисс Рейсс. — Не всем нравятся кошки. Ты не вправе требовать, чтоб другие разделяли твои вкусы.

— Ну а маленьких мышек? Лопает дюжинами! — злорадно добавил Гамильтон. — А то, что не успевает сожрать, тащит нам. Однажды утром, вы только представьте себе, притащил голову какой-то старушки!

Истерический всхлип сорвался с тонких уст мисс Рейсс. Она беспорядочно замахала руками и засучила ногами. Гамильтон ощутил мгновенный укол жалости и стыда. Он открыл было рот, чтоб извиниться, но осуществить свое намерение не успел...

Откуда-то сверху, как из рога изобилия, на голову посыпалась серо-зеленая саранча. Туча саранчи. Весь засыпанный гадкими кусающимися тварями, Гамильтон отчаянно барахтался, пытаясь выбраться на волю. Женщины и кот застыли, не веря собственным глазам. Наконец Джеку с горем пополам удалось выползти из-за стола. Он, вскрикивая, задыхаясь, кое-как стряхнул с себя насекомых и забился в угол.

— Боже милостивый! — прошептала потрясенная Марша, сторонясь трещавшей хитинами кучи.

— Что... это? — пролепетала мисс Рейсс, не сводя глаз с живого холмика копошащихся тел. — Эт-то... невозмож-но!

— Но это случилось, — стуча зубами, сказал Гамильтон.

— Но каким образом? Почему? — вопрошала Марша, когда все четверо, включая кота, ретировались из кухни. Подальше от расползавшейся во все стороны саранчи. — Такого просто не может произойти!

— Но тем не менее это очень вписывается... — через силу произнес Джек. — Помнишь осу? Мы не ошиблись: что-то вокруг изменилось. И все сводится к одному пока неизвестному знаменателю...

Глава 4

Утреннее солнце освещает спящую Маршу, ее обнаженные плечи и ложится желтым квадратом на темный пол. Стоя в ванной, Джек ожесточенно бреется, превозмогая боль в поврежденной руке. В запотевшем зеркале он воспринимает свои смазанные мыльной пеной черты как пародию на человеческое лицо.

В доме все успокоились. Вся саранча уползла куда-то, и только изредка случайный шорох напоминает о том, что часть насекомых забралась под стенные панели. Теперь все кажется вполне нормальным и привычным. Проехал, звякая бутылками, грузовичок молочника. Марша вздохнула и пошевелилась во сне, выпростав руку поверх одеяла. На заднем крыльце Прыг-Балда раздумывал, не пора ли опять вернуться в дом.

Тщательно контролируя свои действия, Гамильтон закончил бритье, помыл бритву, освежил лосьоном щеки и шею, надел свежую белую сорочку. Ночью, ворочаясь без сна, он заранее решил, что исполнит задуманное именно сейчас, после бритья, когда от сонливости не останется и следа, а сам он будет умыт, одет и причесан.

Неуклюже опустившись на одно колено, он сложил вместе ладони, закрыл глаза, втянул глубоко воздух и начал...

— Великий Боже, — проговорил он таинственным полушепотом, — сожалею и раскаиваюсь в том, что содеял с бедняжкой мисс Рейсс. Если Ты сможешь простить мой грех, я буду признателен.

Джек оставался коленопреклоненным еще минуты, размышляя над тем, достаточно ли сказанного и все ли он правильно

сказал. Однако мало-помалу стыд, гнев и ярость вытеснили смиренное раскаяние. Где это видано, чтоб взрослый здоровый мужик становился на колени? Унизительно... недостойно разумного человека... и, честно говоря, непривычно.

Скрепя сердце он добавил к своей молитве еще несколько строк:

— Господи, посмотри в лицо фактам: она это заслужила! — Его жесткий шепот разносился по притихшему дому. Марша вновь вздохнула и перевернулась под одеялом. Скоро она проснется. Прыг-Балда царапался в дверь снаружи, удивляясь, почему она до сих пор заперта. — Господи, оцени ее слова по достоинству! — продолжал Джек, тщательно выбирая слова. — Именно такие, как она, создавали лагеря смерти. Она суетлива, непримирима... От антикошачьих настроений рукой подать до антисемитизма...

Ответа не последовало. А рассчитывал ли Джек получить его? Чего конкретно ждал? Он и сам не знал. Может, какого-нибудь знака.

Или молитва не смогла пробиться к Богу? Последний раз Джек сталкивался с какой бы то ни было религией на восьмом году жизни, в воскресной школе. А старательное чтение этой ночью церковных текстов не дало ничего конкретного, только ощущение необъятности предмета и глубины материала... Там тоже свои формулы, фактически — тот же протокол... и построже, чем у полковника Эдвардса.

Джек еще оставался в молитвенной позе, когда сзади послышался звук. Повернув голову, он увидел какую-то фигуру, на цыпочках пересекавшую гостиную. Человек. В свитере и просторных брюках. К тому же — негр.

— Хорошенький знак свыше, нечего сказать! — с сарказмом заметил Гамильтон.

Чернокожий выглядел явно не лучшим образом.

— Вы меня помните? Я — гид. Привел вас на ту платформу. Вот уже пятнадцать часов, как эта авария у меня из головы не выходит...

— Вы тут ни при чем, — сказал Гамильтон. — Вам досталось наравне со всеми.

Поднявшись, Джек вышел из ванной в прихожую.

— Вы завтракали?

— Я не голоден, — ответил негр, пытливо глядя на Гамильтона. — Что вы сейчас делали? Молились?

— М... да, — признался Джек.

— Это ваш обычай?

— Нет... — Поколебавшись, он добавил: — Я не молился лет с восьми.

Негр помолчал, раздумывая над чем-то, потом, спохватившись, представился:

— Меня зовут Билл Лоуз...

Они обменялись рукопожатием.

— Вы, кажется, все поняли! Когда догадались?

— Где-то со вчерашнего вечера.

— Что-нибудь произошло?

Гамильтон рассказал ему о дожде из саранчи и об укусе осы.

— Догадаться несложно. Солгал — был наказан. Перед тем сквернословил — значит, снова наказан. Причина и следствие. Все элементарно.

— А на молитву вы зря теряете время, — без обиняков заявил Лоуз. — Я пробовал. Все глухо!

— О чем вы молились?

Лоуз с иронией ткнул себя в шею над воротом сорочки, в полоску черной кожи:

— Могли бы догадаться. Но все не так просто... Тут уж, наверное, судьба.

— В ваших словах изрядная доля горечи, — осторожно заметил Гамильтон.

— В свое время ее было гораздо больше. — Лоуз прошелся по гостиной. — Извините, что я так бесцеремонно ворвался... Но дверь была незаперта, и я решил, что вы дома. Вы инженер-электронщик?

— Да.

Состроив гримасу, Лоуз протянул руку:

— Приветствую, коллега. Я выпускник университета. Квантовая физика. Благодаря чему и получил работу гида. Большая конкуренция в наше время... Во всяком случае, мне так говорят.

— А вы как разобрались со всем этим? — Гамильтон повел вокруг рукой.

— С этим?.. — Лоуз пожал плечами. — Догадаться нетрудно.

Он вынул из кармана матерчатый узелок. Развязав его, он показал крохотную металлическую пластинку.

— Когда-то сестра заставляла меня это носить. Так и привык.

Он бросил амулет Гамильтону. На пластинке еще не до конца стерлись слова веры и надежды. Возможно, тысячи рук ощупывали эти заклинания.

— Валяйте, — усмехнулся Лоуз. — Воспользуйтесь им.

— Воспользоваться? — не понял Джек. — Откровенно говоря, это не мой стиль.

— Я по поводу вашей руки. — Лоуз сделал нетерпеливый жест. — Талисман ведь действует — *теперь*. Приложите к больному месту и увидите. Лучше снять повязку. При непосредственном контакте он работает лучше. Именно так я избавился от своих собственных травм.

Недоверчиво посматривая на Лоуза, Гамильтон содрал часть повязки. Почерневшая плоть влажно блестела сукровицей под лучами солнца. Поколебавшись, Джек осторожно приложил к ране холодный кусочек металла.

— Вот, уже пошло, — заметил Лоуз.

Отвратительная нагота поврежденных тканей стала бледнеть и покрываться розовой пленкой. Оранжевый глянец медленно обретал нормальный телесный цвет. Рана сузилась, перестала сочиться сукровица. Потом и вовсе затянулась. Только посредине осталась узкая белая полоска. Под кожей пропала болезненная пульсация.

— Вот видите! — победно ухмыльнулся Лоуз, протягивая руку за амулетом.

— А раньше он помогал?

— Да что вы!.. Никогда. Глупые старушечьи байки. — Он сунул амулет в карман. — Теперь попробую оставить на ночь несколько волосков в воде... Утром, конечно, будут черви. А хотите знать, как вылечить диабет? Надо взять половину сушеной жабы, смолоть как кофе, перемешать с молоком девственницы, заверните в старую тряпку и оберните шею больного.

— Вы хотите сказать...

— ...что теперь подействует. Как до сих пор еще верят в глубинке. До сих пор старики ошибались, а мы были правы. Но теперь неправы мы.

На пороге спальни появилась Марша. В халате, заспанная и непричесанная.

— О!.. — испуганно выдохнула она, завидев Лоуза. — Это вы! Как поживаете?

— Спасибо, хорошо, — ответил Лоуз.

Протирая глаза, Марша обернулась к мужу:

— Как спалось?

— Так... А что?

Что-то в ее голосе насторожило Джека.

— Сон видел?

Гамильтон задумался. Снилось нечто расплывчатое, рассказывать особо не о чем.

— Нет, — буркнул он.

Странное выражение появилось на угловатом лице Лоуза.

— Вы видели сны, миссис Гамильтон? Что именно?

— Самое странное, такое и сном-то не назовешь. Ничего не происходило. Просто — было...

— Место, но не действие — так?

— Вот-вот. Грубо говоря, имело место что-то неизвестное. И мы в том числе.

— Мы все? — живо спросил Лоуз. — Все восемь?..

— Да, — кивнула Марша. — Все лежали там, где упали. В «Мегатроне». Мы просто лежали. Без сознания. И даже, казалось, вне времени.

— А в углу, — спросил Лоуз, — происходит что-нибудь? Суетятся медики? Или ремонтники?..

— М-м... да, — подтвердила Марша. — Но они, скорее, недвижно присутствуют. Замеряли, как статуи, на какой-то лестнице.

— Нет, они двигаются, — возразил Лоуз. — Мне тоже снилось подобное. И я тоже сначала думал, что они неподвижны. Они двигаются, только очень медленно.

Наступило тягостное молчание.

Еще раз покопавшись в памяти, Джек нерешительно произнес:

— Теперь и я припоминаю... Это след травмы: мгновение шока. Оно врезалось в наше сознание. Наверно, мы никогда от него не избавимся полностью.

— Но это *не память*! — взволнованно воскликнула Марша. — Это продолжается! Мы все по-прежнему — *там*.

— Как?.. В «Мегатроне»?

Она судорожно кивнула:

— Я это только так и ощущаю.

Чувствуя, что Марша на грани срыва, Джек сменил тему.

— Сюрприз! — показал он ей заживленную рану. — За один присест Билл чудо сотворил!

— Нет, не я! — сердито запротестовал Лоуз. — Никто и никогда не уличит меня в чудесах.

Смущенный Гамильтон поглаживал свою руку.

— Это ваш амулет ее вылечил!

Лоуз достал талисман из кармана и внимательно осмотрел его.

— Может быть, теперь мы спустились до уровня настоящей реальности. Может, под обманчивой поверхностью всегда существовала эта реальность...

Марша медленно подошла к мужчинам.

— Мы мертвы, не так ли? — спросила она неожиданно севшим голосом.

— По-моему, нет, — ответил Гамильтон. — Мы все еще находимся в Белмонте, штат Калифорния. Но это другой Белмонт.

Произошли кое-какие перемены. Некоторые добавления, там и тут... Другими словами, кто-то нас пасет.

— И что теперь? — спросил Лоуз.

— Вопрос не по адресу, — ответствовал Гамильтон. — Я в таком же положении, как и вы.

— Я могу сказать, чего нам ждать теперь, — тихо сказала Марша.

— Чего же?

— Я иду искать работу.

Брови Гамильтона поднялись:

— Какую еще работу?

— Любую. Машинисткой, продавщицей, телефонисткой на коммутаторе. Чтоб нам было на что жить... или ты забыл?

— Я не забыл. Но ты тем не менее останешься дома, вон хотя бы протирать мебель... А я позабочусь о работе.

Он выставил чисто выбритый подбородок и выпятил грудь в свежей сорочке:

— Два шага уже сделал на этом пути!

— Но ведь я виновата, что ты без работы!

— Может, никому из нас работать больше не придется, — иронизируя, произнес Лоуз. — Может, от нас больше ничего не требуется, кроме как рот разевать в ожидании манны небесной.

— Вы говорили, что уже пробовали, — бросил Гамильтон.

— Пробовал, да. И безрезультатно. Но у других получается. И нам надо выяснить, как это им удается. Этот мир, чем бы он ни был, имеет свои собственные законы. На привычные для нас нормы они не похожи. Мы в этом уже убедились: талисманы больше не безделушки. Значит, благословение — не пустой звук в этом мире... — Запнувшись, он добавил: — Как, вероятно, и проклятие.

— И спасение!.. — широко раскрыв глаза, прошептала Марша. — Боже милостивый, значит, Небеса действительно существуют?

— Безусловно, — кивнул Джек, направляясь в спальню. Вскоре он вернулся, завязывая галстук. — Но об этом после... А сейчас я отправлюсь вдоль побережья искать работу. У нас в банке — пятьдесят долларов, и ни цента больше. Я не намерен подыхать с голоду, дожидаясь, когда же начнут действовать молитвы.

На служебной автостоянке у ракетного завода Гамильтон включил зажигание своего «форда». Машина все еще занимала прежнее место с надписью: «Резервировано для Д. Гамильтона».

Выехав на Эль-Камино-Реаль, он вскоре оставил Белмонт позади. Через полчаса он уже был у южной оконечности Сан-Франциско. Башенные часы местного отделения банка показывали 11.30, когда Джек припарковал машину на гравийной площадке среди «кадиллаков» и «крайслеров» персонала Агентства по развитию электроники.

Корпуса агентства высились справа: белые бетонные кубы на фоне холмов растущего индустриального города. Когда-то давно, после первой публикации Гамильтона по электронике, агентство хотело переманить его из «Калифорния мэйнтэнанс» к себе.

Возглавлял агентство Гай Тиллингфорд, один из ведущих специалистов страны. Блестящего ума человек, он был еще и близко дружен с отцом Гамильтона.

Именно здесь надо искать работу — если вообще суждено ее найти. И, самое главное, в данный момент агентство не вело военных исследований. Доктора Тиллингфорда, одного из основателей Института фундаментальных исследований в Принстоне, больше увлекали чисто научные проблемы. Из Агентства по развитию электроники вышло несколько непревзойденных компьютеров, величайших электронных мозгов, применяемых во всех странах западного мира.

— Да, мистер Гамильтон, — деловито затараторила секретарша, бегло полистав его бумаги, — я скажу доктору, что вы здесь... Уверена, он обрадуется вам.

Энергично вышагивая в холле, Гамильтон то и дело складывал вместе кончики пальцев, молча творя молитву. Она получалась сама собой; для этого не требовалось усилий. Пятидесяти баксов на счете явно недостаточно для счастья... даже в этом мире чудес и сыплющейся с потолка саранчи.

— Джек, мальчик мой! — раздался звучный голос. Доктор Гай Тиллингфорд появился в дверях кабинета, протягивая гостю руку. Лицо его светилось радостью. — Как я рад тебя видеть! Погоди, сколько же мы не виделись? Десять лет?

— Недалеко от этого, — признал Гамильтон, ощущая сердечную полновесность рукопожатия. — А вы, доктор, неплохо выглядите.

В кабинете Тиллингфорда находились инженеры и научные консультанты. Блестящие молодые люди, энергичные, по моде одетые. Не обращая на них внимания, доктор провел Джека через анфиладу переходов в отдельную комнату.

— Здесь мы сможем поговорить, — доверительно сказал он, тяжело опускаясь в просторное кожаное кресло. — Видишь, ус-

троил себе... подобие убежища, где можно хоть несколько минут побыть самим собой. Поразмышлять, успокоиться...

Он с грустью добавил:

— Не могу, знаешь ли, держать такой темп, как раньше. Пару раз в день приходится заползать сюда, чтоб восстановить силы.

— Я ушел из «Калифорния мэйнтэнанс», — сообщил Гамильтон.

— Ага! — кивнул Тиллингфорд. — Молодец. Это место не для тебя. Слишком заняты пушками. Не ученые, а государственные чинуши.

— Я не подал в отставку. Меня выгнали.

Гамильтон кратко обрисовал ситуацию.

Тиллингфорд некоторое время сидел молча. Задумавшись, он насупил брови, ногтем постукивая по передним зубам...

— Я помню Маршу. Милая девушка, всегда нравилась мне. Все помешались теперь на охране секретов. Но здесь нам нет нужды об этом беспокоиться. Мы как отшельники в башне: никаких правительственных заказов! — Доктор довольно рассмеялся. — Последний бастион чистой науки.

— Вы думаете, что я мог бы пригодиться вам? — спросил Гамильтон, стараясь, чтобы голос звучал как можно более непринужденно.

— Почему бы и нет?

Машинальным движением Тиллингфорд достал некий странный предмет, вращающийся барабан на подставке, и принялся крутить его.

— Я с твоими работами знаком... По правде говоря, жалею, что ты раньше не оказался у нас.

Гамильтон как зачарованный смотрел на диковинную штуку в руках у Тиллингфорда: он узнал молельное колесо буддистов.

— Тебе, конечно, зададут положенные вопросы, — вскользь обронил Тиллингфорд, вращая колесо. — Рутина, сам понимаешь... Но анкету и прочее тебе заполнять не придется. Я опрошу тебя устно. Как я понимаю, ты не пьешь, не так ли?

Гамильтон в удивлении привстал:

— Пью?!.

Видимо, Тиллингфорда ответ удовлетворил.

— Теперь что касается Марши... Некоторую трудность эта история создает. Не в том, что относится к охране секретов, а... Джек, я должен спросить вот о чем... Скажи мне правду, Джек!..

Тиллингфорд вытащил из кармана книгу в черном переплете, тисненную золотом: «Байян Второго Бааба»[1], и передал ее Гамильтону.

— В колледже, когда вы с Маршей имели отношение к радикальным кругам... вы не практиковали, скажем так, «свободную любовь»?

Гамильтон не смог подобрать нужных слов. В крайнем изумлении он встал перед Тиллингфордом, держа в руке «Байян». Книга еще хранила тепло рук доктора. В комнате уже появились двое служащих агентства; они наблюдали с почтительного расстояния. В длинных белых халатах, они держались торжественно, как служители некого культа. Их коротко остриженные головы напоминали выбритые черепа молодых монахов... Странно, что раньше Джеку не приходило в голову, насколько нынешняя мода коротко стричься похожа на ритуальную стрижку монашеских орденов. Эти двое выглядели вполне типично для молодых физиков, но куда подевалась их обычная для юных талантов бесцеремонность?

— Раз уж мы начали, то я спрошу тебя вот о чем, — говорил Тиллингфорд. — Джек, мальчик мой, положи руку на «Байян» и скажи правду: нашел ли ты Единственно Верный Путь к благословенному спасению?

Все взгляды сошлись на Гамильтоне. Он сглотнул неожиданно подкативший к горлу ком, покраснел как рак и стоял, совершенно обалдевший.

— Доктор, — наконец проговорил он, — я, пожалуй, зайду в другой раз.

Тиллингфорд снял очки и обеспокоенно взглянул на Гамильтона:

— Ты плохо себя чувствуешь, Джек?

— Я много пережил за последние дни. Потеря работы... — Он торопливо добавил: — И прочее... Марша и я попали вчера в аварию.

— Да, да, — кивнул Тиллингфорд. — Я слышал об этом. К счастью, никто не погиб.

— С теми, кто угодил в эту бойню, — вступил в разговор один из сотрудников, — должен был находиться сам Пророк. Вы подумайте: падать с такой высоты — и уцелеть!

---

[1] Bayan of the Second Bab. Первый Бааб (Великий Бааб) — религиозный деятель на Ближнем Востоке (подлинное имя — Мирза Али Мохаммед ибн Радхиг (1824—1850). Основал в 1844 году мусульманское движение «баабизм». Второй Бааб — последователь Первого Бааба (подлинное имя — Бехель-улла). Предводитель экстремистского движения бахаитов. Дословно «Бааб» — Врата Пророка. «Байян» — книга откровений, представляющих дополнение к Корану.

— Доктор, — хрипло произнес Гамильтон, — вы не могли бы рекомендовать хорошего психиатра?

— Кого? — Лицо ученого мужа вытянулось и застыло с выражением крайнего удивления. — Ты, парень, в своем уме?

— По-моему, да... — не совсем уверенно ответил Джек.

— Обсудим это позже, — сдавленным голосом проговорил Тиллингфорд. Нетерпеливым жестом он отослал обоих ассистентов. — Ступайте в мечеть, — приказал он им. — Займитесь медитацией, пока я вас не позову.

Те вышли, бросая на Джека любопытные взгляды.

— Со мной можешь говорить откровенно, — тяжело вздыхая, сказал Тиллингфорд. — Я твой друг, Джек. Я знал твоего отца. Это был великий физик. Лучше не бывает. Когда ты пошел работать в «Калифорния мэйнтэнанс», я сильно огорчился. Но, конечно, мы должны склоняться перед Волей Космоса.

Гамильтон чувствовал, как холодный пот стекает у него по шее, впитываясь в накрахмаленный ворот сорочки.

— Можно задать несколько вопросов? — выдавил кое-как Джек. — Я нахожусь в научном учреждении, не так ли? Или я отстал от событий?

— От событий?.. — Озадаченный Тиллингфорд взял «Байян» из вялых пальцев Гамильтона. — Я не вполне понимаю ход твоих мыслей, мой мальчик. Пожалуйста, поконкретнее!

— Ну, скажем, так... Я долгое время просидел в определенной изоляции. Будучи погружен в работу, я потерял контакт с остальным научным миром. И поэтому, — Джек беспомощно развел руками, — не имею понятия, кто чем сейчас занимается. Может, вы коротко введете меня в курс дела?

— В курс дела, — кивая, повторил Тиллингфорд. — Потеря контактов и отсутствие перспективы — общая беда. К этому всегда ведет сверхспециализация. Я и сам тебе не ахти как много расскажу. Наша работа в агентстве очень четко расписана. У себя в «Калифорния мэйнтэнанс» вы строили оружие против неверных. Тут просто, прикладная наука, так ведь?

— Да, — согласился Гамильтон.

— А здесь мы заняты вечной фундаментальной проблемой — связью. Это наша работа. И притом какая работа, Джек! Обеспечивать электронную систему нервной связи. У нас работают электронщики вроде тебя. У нас есть и высшего калибра консультанты по семантике. Неплохие исследователи-психологи. Все мы образуем команду, чтоб решать важнейшую проблему человеческого существования: поддержание бесперебойного канала связи между Землей и Небесами.

Доктор продолжал:

— Хотя ты с этим уже знаком, но я повторюсь. В прежние времена, пока связь не стала предметом строгого научного анализа, существовали различные, сделанные кое-как системы. Грубые, эклектичные — больше произвола, чем науки... Жалкие попытки привлечь к себе внимание Господа, дергая Его за бороду. Наподобие громких песнопений и молитв, до сих пор практикуемых малообразованными классами. Ну да ладно, пускай себе поют и скандируют...

Он нажал кнопку, и одна из стен комнаты стала прозрачной. Гамильтон увидел, что они с Тиллингфордом со всех сторон окружены лабораторными блоками: расположенные концентрическими кругами, они уходили вдаль — в бесконечность. Бесчисленное множество специалистов, самое совершенное оборудование.

— Ты знаешь, что сделал в кибернетике Норберт Винер, — со значением произнес Тиллингфорд. — Собственно, он ее и создал. Но еще важнее то, что совершил Энрико Дестини в теофонике.

— А что?..

Брови Тиллингфорда поднялись в изумлении.

— Но ты же специалист, мой мальчик! Теофоника... Разумеется, это двусторонняя связь между человеком и Господом. Используя открытия Винера, а также разработки Шэннона и Уивера, Дестини смог создать первую, действительно заслуживающую внимания систему связи между Землей и Небом. Конечно, он получил возможность использовать все технические достижения периода Священной Войны — против орды безбожных гуннов, поклонников Вотана и Вальхаллы.

— Вы... нацистов имеете в виду?

— Да, этот термин тоже мне известен. Но им пользуются в основном социологи. Ну а вспомни Анти-Бааба, этого лжениспровергателя нашего Пророка. Говорят, он жив и скрывается в Аргентине. Якобы нашел какой-то эликсир вечной молодости, гнусное снадобье... Вступил в сношение с дьяволом — помнишь? Короче, это уже достояние истории.

— Да, — хрипло отозвался Гамильтон, — я знаю...

— И тем не менее находились люди, не желавшие видеть знаки, уже начертанные на стене. Иногда я даже думаю, что неверные заслуживают кары. Парочка водородных бомб — и неискоренимая до сих пор зараза прекратит...

— Да, так что же в других отраслях физики? — перебил его Гамильтон. — Чем они заняты?

— Физика закончилась, — сообщил ему Тиллингфорд, — она исчерпала себя. Практически все, что можно было узнать

о материальной стороне жизни, уже известно... Давным-давно, столетия назад. Физика стала абстракцией технологии.

— А сами технологи, инженеры?..

Вместо ответа Тиллингфорд подтолкнул к Джеку ноябрьский номер «Журнала прикладных наук».

— Передовица даст тебе полное представление. Светлая голова этот Киршбейн.

Статья была посвящена теоретическим аспектам проблемы резервуаров. Из подзаголовка следовало, что резервуары предназначались для «постоянного снабжения крупнейших населенных пунктов божественной благодатью».

— Благодатью?.. — едва слышно пролепетал Гамильтон.

— Инженеры и техники заняты преимущественно перекачиванием благодати по трубопроводам во все бахаитские общины планеты. В некотором смысле эта задача аналогична нашей — поддержанию бесперебойной связи...

— И это все, чем они заняты?

— Ну, есть еще постоянное строительство мечетей, храмов, алтарей. Господь строг, ты это знаешь сам. Его установки предельно четки. Откровенно говоря — и строго между нами — этим ребятам я не завидую. Одна оплошность и... — Он щелкнул пальцами. — Пфф!

— Пфф? — повторил зачарованно Гамильтон.

— Молния!..

— О!.. — только и смог произнести Джек. — Конечно!

— Смышленые ребята ни за что не идут инженерами. Смертность слишком высока. — Тиллингфорд отечески взглянул на Гамильтона. — Видишь теперь, мой мальчик, что ты попал действительно в хорошую отрасль физики?

— Я никогда не сомневался в этом, — чуть дыша проговорил Джек. — Мне просто любопытно, как другие работают.

— А я, что касается твоего морального облика, вполне удовлетворен, — пророкотал доктор. — Я знаю, ты из хорошей, богобоязненной семьи. Твой отец был воплощением честности и смирения. Временами я до сих пор получаю от него известия.

— Да? — промямлил Гамильтон.

— У него все в порядке. Конечно, по тебе он скучает. — Тиллингфорд показал на аппарат селекторной связи на столе. — Если хочешь...

— Нет! — отодвигаясь как можно дальше, замотал головой Джек. — Я все еще не оправился от последствий аварии. Боюсь — не выдержу...

— Как тебе угодно. — Тиллингфорд хлопнул его по плечу. — Хочешь посмотреть лаборатории? У нас ты увидишь наиновейшее оборудование. Извини уж, похвастаю... — Доверительным шепотом он сообщил: — В твоей старой шарашке, «Калифорния мэйнтэнанс», они хотели переплюнуть нас. Досаждали Небесам своими просьбами...

— Но все досталось вам?

— О да. Кто, в конце концов, держит связь? — Осклабившись, Тиллингфорд лукаво подмигнул и повел Джека к дверям. — Я передам тебя нашему директору по кадрам. Он оформит бумаги.

Директор по кадрам оказался розовым, пухленьким человечком, который не переставая лыбился счастливо, пока выуживал из ящика стола необходимые бланки.

— Мы рады принять ваше заявление, мистер Гамильтон. Агентству нужны люди вашего опыта. А поскольку доктор Тиллингфорд знает вас лично...

— Нет нужды прокручивать с ним рутину, — заметил Тиллингфорд. — Опусти бюрократическую тягомотину. Переходи прямо к тестированию по квалификационным пунктам.

— Отлично, — отозвался директор, доставая свой экземпляр «Байяна Второго Бааба». Положив том на стол, он закрыл глаза, пробежал пальцем по срезу книги и открыл ее наугад. Тиллингфорд с любопытством заглянул через плечо директора. Переговариваясь между собой шепотом, они углубились в изучение текста.

— Прекрасно! — воскликнул вскоре Тиллингфорд, удовлетворенно выпрямляясь. — Ответ положителен.

— Безусловно, да! — согласился директор. Обращаясь к Джеку, он сказал: — Возможно, вам будет интересно узнать, что мы получили едва ли не самый одобрительный отзыв в этом году!

Директор стал читать деловитой скороговоркой:

— Видение 1931: глава шестая, стих 14, строчка первая. Она гласит: «Да, истинная Вера испаряет гордыню безбожных, ибо узнает безбожник в полной мере гнев Господень; узнает он, доколе наполнять ему глиняный сосуд».

Он смачно захлопнул «Байян» и положил его на стол. Оба власть предержащих мужа прямо-таки лучились доброжелательностью, равно как и доброй волей, и профессиональным удовлетворением.

Ошеломленный Гамильтон не понимал, что же он в конце концов чувствует по поводу услышанного здесь. Джек ухватился за ту тонкую ниточку надежды, которая и привела его сюда.

— А могу ли я узнать насчет жалованья? — спросил он. — Или это будет... — он попытался превратить все в шутку, — чересчур меркантильно с моей стороны?

Оба собеседника казались озадаченными:

— Жалованье?

— Да, жалованье! Оклад! — повторил Гамильтон с ноткой легкой истерики в голосе. — Должны же вы это знать. Бухгалтерия выдает жалованье каждые две недели. Видите ли, без этого принятый на работу начинает волноваться.

— Как это и принято, — с достоинством произнес Тиллингфорд, — ваш счет будет кредитоваться через компьютер каждые десять дней. — Обернувшись к директору по кадрам, он спросил: — Сколько там, уточните. Я не помню таких мелочей.

— Сейчас справлюсь у бухгалтера, — ответил директор.

Он покинул кабинет, но вскоре вернулся.

— Ваш рейтинг равен А-4. Через полгода вы получите А-5. Ну как? Неплохо для молодого человека тридцати двух лет?

— А что такое «А-4»? — потребовал объяснений Гамильтон.

Доктор с директором переглянулись, и директор, после удивленной паузы, облизнул пересохшие губы и сказал:

— Компьютер скрупулезно ведет дебет и кредит. — Он поднял палец: — Космический счет! Вы же знаете прекрасно о Великом Счете грехов и добродетелей. Агентство по развитию электроники выполняет работу, порученную Господом. Теперь, следовательно, вы — слуга Божий. Ваше жалованье — это четыре ступеньки каждые десять дней, четыре шага к вашему спасению. Компьютеры обеспечивают все детали. Они в конце концов для этого и существуют.

Что ж, все сходилось.

Сделав глубокий вдох, Джек сказал:

— Прекрасно. Я что-то немного растерялся, извините. Но... — Не сдержав эмоций, он снова атаковал Тиллингфорда: — На что же мы с Маршей будем жить? Нам нужно оплачивать счета, нужно есть, в конце концов!

— Как служитель Господа, — сухо ответил Тиллингфорд, — ты будешь обеспечен всем необходимым. Твой «Байян» с тобой?

— Д-да, — пробормотал Гамильтон.

— Следи, чтоб вера не покинула тебя. Я бы сказал, что человек твоего морального уровня, занимающийся такого рода работой, вправе молиться о получении и, соответственно, получать... — он произвел мысленный подсчет, — ...скажем, не менее четырехсот в неделю. Что скажешь, Эрни?

Директор по кадрам согласно кивнул:

— Да, по меньшей мере.

— И еще одно, — торопливо проговорил Джек, видя, что доктор Тиллингфорд, сочтя дело решенным, собрался уходить. — Я пару минут назад спрашивал насчет психиатра...

— Мой мальчик! — остановившись, вздохнул Тиллингфорд. — Я должен сказать тебе одну, одну только вещь. Свою жизнь ты вправе прожить как тебе угодно. Я не собираюсь указывать, что тебе делать и что думать. Духовное существование — это вопрос между тобой и Единосущим Богом. Но если тебе хочется обратиться к шарлатанам и ...

— Шарлатанам... — повторил вымученно Джек.

— Маргинальные психи! Я бы не удивился, будь ты простым человеком с улицы. Темный народ действительно льнет в большинстве своем ко всевозможным психиатрам. Я знаю статистику — печальное свидетельство о степени заблуждений в обществе... Я вот что сделаю для тебя!

Он вытащил из кармана записную книжку, ручку и что-то быстро набросал на листке.

— Вот единственно верный путь. Если ты до сих пор к этому не пришел, то теперь, вероятно, уже поздно. Но мы имеем указание не прекращать попыток. Вечность, в конце концов, — долгий путь, мой мальчик.

На листке было написано: «Пророк Хорейс Клэмп. Усыпальница Второго Бааба. Шайен, штат Вайоминг».

— Именно, — подтвердил Тиллингфорд. — Если идти, то прямо к вершине. Это удивляет тебя? Но это свидетельствует о том, насколько я принял в тебе участие, мой мальчик.

— Благодарю, — пробормотал Гамильтон, тупо кладя бумажку в карман. — Раз вы так советуете.

— Да, я так советую, — непререкаемым тоном повторил Тиллингфорд. — Бахаизм есть единственно истинная вера, мой мальчик. Единственная гарантия того, что ты будешь в раю. Бог вещает устами Хорейса Клэмпа. Завтра же бери себе свободный день и отправляйся в Шайен. На работу явишься потом, это не важно. Если кто и сможет спасти твою бессмертную душу от огня вечного проклятия, так это пророк Хорейс Клэмп.

Глава 5

Когда Гамильтон, пребывая в самом подавленном состоянии духа, уже удалялся от дверей агентства, группа парней, держа руки в карманах, тихо последовала за ним. На их лицах, как

маска, застыло доброжелательное выражение. Когда Джек стал доставать ключи от машины, парни ускорили шаг, пересекая площадь стоянки, и подвалили к нему.

— Привет, — бросил один из них.

Все были молоды. Все — белобрысы. Все коротко подстрижены, в аскетически строгих белых халатах. Молодая гвардия Тиллингфорда, ученая братия агентства.

— Что нужно? — буркнул недовольно Джек.

— Вы уезжаете? — поинтересовался мордатый юнец, явный вожак группы.

— Да, уезжаю.

После небольшой паузы вожак обронил:

— Но вы вернетесь.

— Послушайте.. — начал было Гамильтон, но вожак прервал его.

— Тиллингфорд принял вас на работу, — констатировал он. — Предположительно, вы выходите со следующей недели. Вы прошли тестирование, а сейчас, в лабораториях, совали нос в чужие дела.

— Что ж, я вполне мог пройти тестирование, — заметил Гамильтон, — но это не значит, что я выхожу на работу. По правде говоря...

— Меня зовут Брэди, — перебил его ретивый юнец. — Боб Брэди. Может, вы меня запомнили... Я был рядом с Тиллингфордом, когда вы пришли. — Не сводя с Гамильтона глаз, Брэди договорил: — Кадровая служба может быть вами довольна, мы — нет. Кадровики — дилетанты. Это не наши люди, не профессионалы. У них на все случаи жизни есть парочка залежалых истин. Только и всего.

— Но мы-то не дилетанты, — вставил другой парень.

— Послушайте, — проговорил Джек, решив на всякий случай попытать счастья с молодежью. — Может, мы сумеем договориться? Меня удивило, как это вы, образованные люди, смогли согласиться с гаданием наобум по раскрытой книге. Это же не выдерживает никакой критики. У современной науки по этому вопросу...

— Поэтому, — с козлиным упрямством твердил Брэди, — для нас вы по-прежнему остаетесь варваром. Пока, разумеется, не доказано обратное. А варварам в агентстве не место. У нас свои профессиональные критерии.

— Ваша квалификация ничем не подтверждена, — добавил кто-то из группы. — Покажите-ка ваш «шит»[1]!

---

[1] Ш и т — удостоверение личности в арабских странах, подтверждающее принадлежность к той или иной социальной группе.

— Да-да, ваш «шит», пожалуйста! — подхватил Брэди, требовательным жестом протягивая руку. — Вы давно снимали нимбограмму?

— Точно не помню, — поколебавшись, проговорил Гамильтон.

— Я так и думал. Нет «шита»!

Брэди достал из кармана небольшую картонную карточку.

— В моей группе «шит» у всех не ниже, чем четыре и шесть. Навскидку я вам бы не дал больше двух баллов. Что скажете?

— Вы — варвар! — сурово бросил Гамильтону один из самых молодых. — Какое надо иметь нахальство, чтоб пытаться пролезть к нам.

— По-моему, вам лучше убраться отсюда, — процедил Брэди. — Рулите поскорей куда глаза глядят. И не вздумайте возвращаться!

— У меня столько же здесь прав, как у любого из вас! — воскликнул в отчаянии Джек.

— На Божье усмотрение, — задумчиво произнес Брэди. — Пусть Божий суд решит, раз и навсегда.

— Прекрасно, — довольно усмехнулся Джек. Сняв пальто и бросив его в машину, он заявил: — Я любого из вас в бараний рог сверну!

Но никто из юнцов не отреагировал на вызов. Парни сгрудились в круг и принялись шушукаться.

Солнце над головой уже клонилось к закату. По шоссе проносились редкие машины. Корпуса агентства сверкали в предзакатных лучах стерильной белизной.

— Начнем, — чуть погодя объявил Брэди.

Размахивая рукой, в которой была зажата зажигалка, он торжественно подошел к Гамильтону:

— Давайте палец!

— Мой палец?!

— Испытание огнем! — пояснил Брэди, щелкая зажигалкой. Выпорхнул и заплясал язычок желтого пламени. — Покажите, что вы собой представляете! Докажите, что вы мужчина.

— Можете насчет этого не сомневаться! — сердито рявкнул Джек. — Но разрази меня гром, если я суну палец в огонь. Для того, чтоб горстка идиотов потешила себя школярским ритуалом? Я-то думал, что вы уже выползли из пеленок.

Все парни дружно выставили по большому пальцу. Брэди методично обошел всех, подводя язычок огня по очереди к каждому пальцу. Ни один из них от огня не пострадал.

— Теперь — ваша очередь! — напыщенно произнес Брэди. — Будьте мужчиной, Гамильтон. Вы же не безвольное животное!

— Идите к черту! — огрызнулся разъяренный Джек. — Уберите зажигалку!

— Значит, вы отказываетесь от испытания огнем? — с явным удовольствием выговаривая каждое слово, спросил Брэди.

Крайне неохотно Джек выставил палец. Чем черт не шутит, может, в этом мире зажигалки не прожигают кожу? Или, может, сам того не сознавая, он обладает иммунитетом от огня? Или...

— А-а-а-а!.. — завопил Джек, резко отдернув руку.

Молодые светила науки с самым серьезным видом покачивали головами.

— То-то! — Брэди с торжественной улыбкой законченного кретина прятал зажигалку. — Вот оно как!

В бессильной ярости Джек потрогал ожог.

— Садисты! — крикнул он. — Изуверы, фанатики! Ваше время — средневековье! Вы — исламиты!

— Поберегись! — предостерегающе поднял ладонь Брэди. — Ты говоришь с воином Единосущего Бога!

— Может быть, ты и воин Единосущего Бога, — ядовито заметил Гамильтон, — зато я специалист по электронике. И высочайшего класса, кстати. Подумай об этом.

— Думаю, — кивнул Брэди.

— Можешь совать палец хоть в вольтову дугу. Даже в доменную печь нырнуть.

— Именно так, — согласился Брэди. — Я могу.

— Но какое отношение это имеет к электронике? — яростно воскликнул Джек. — Хорошо, умник, я вызываю тебя на состязание. Давай разберемся, много ли ты знаешь!

— Ты... вызываешь воина Единосущего Бога? — словно не веря собственным ушам, переспросил Брэди.

— Да, вызываю.

— Но... — Парень сделал пренебрежительный жест. — Это же нелогично. Идите-ка лучше домой, Гамильтон. У вас, по-моему, с головой не совсем в порядке...

— А, струсил!.. — поддел его Джек.

— Но ведь ты точно проиграешь! Это аксиома! Воин Единосущего Бога побеждает по определению. Любой другой исход был бы опровержением могущества Божия...

— Кончай тянуть резину, — отрезал Джек. — Можешь задать мне любой вопрос. Каждый получит по три задачи из прикладной и теоретической физики. Согласен?

— Согласен, — неохотно отозвался Брэди. Остальные юнцы, широко раскрыв глаза, сгрудились вокруг противников, восхищенные неожиданным поворотом дел. — Мне жаль вас. Вы, наверное, так до конца и не поняли суть происходящего. Подобную глупость можно еще ожидать от невежды, но никак не от человека, хоть в какой-то мере причастного к науке...

— Спрашивайте!.. — прорычал Джек.

— Сформулируйте мне закон Ома, — вдохновенно изрек Брэди.

Гамильтону показалось: он ослышался. С таким же успехом можно попросить сосчитать до десяти.

— Вы не ошиблись с вопросом?

— Сформулируйте закон Ома, — тупо повторил Брэди. И принялся что-то беззвучно шептать.

— В чем дело? — презрительно спросил Джек. — Что вы там еще бормочете?

— Молюсь, — сообщил Брэди. — Прошу Божественной помощи.

— Закон Ома, — начал Гамильтон. — Сопротивление тела электрическому току...

И умолк.

— Какие-то проблемы? — с плохо прикрытым злорадством спросил Брэди.

— Вы меня отвлекаете. Помолитесь, пожалуйста, после.

— Нет, именно теперь! Позже это будет ни к чему!

Стараясь не обращать внимания на непрерывно шевелящиеся губы противника, Джек продолжил:

— Сопротивление предмета прохождению электрического тока может быть установлено следующим уравнением...

— Давай, давай! — насмешливо подбодрил Брэди.

Странная пустота образовалась в мозгу. Символы, цифры, уравнения, подмигивая, поплыли перед глазами. Слова и фразы порхали, как мотыльки, не желая вставать в мало-мальски осмысленном порядке.

— За абсолютную единицу сопротивления, — почти выкрикнул Гамильтон, — может быть принято сопротивление проводника, который...

— Что-то не похоже на закон Ома, — ухмыльнулся Брэди. И обернулся к своим приспешникам: — А вам?

Те удрученно покачали головами.

— Сдаюсь!.. — так и не поверив до конца в происшедшее, выдохнул Джек. — Я даже не могу сформулиро... тьфу! сформулировать закон Ома...

— Хвала Всевышнему! — Брэди пребывал на вершине блаженства.

— Варвару от Господа нанесен удар, — прокомментировал кто-то из юнцов сей прискорбный факт. — Испытание окончено.

— Так нечестно! — слабо запротестовал обалдевший Джек. — Я знаю закон Ома не хуже, чем собственное имя!

— Хватит вилять! — осадил его Брэди. — Лучше признай, что ты варвар и на тебя не простирается благодать Божия.

— А как же состязание? Надо бы и вас проверить.

Брэди призадумался.

— Валяйте, конечно... Все что хочешь.

— Электронный луч, — собравшись с силами, начал Джек, — отклоняется при прохождении между двумя заряженными пластинами, имеющими определенную разность потенциалов. На электроны воздействует силовое поле под прямым углом к направлению их движения. Обозначим длину пластин как L1. Обозначим расстояние от центра пластины...

Джек запнулся, умолк и выпучил глаза, взирая на невероятное зрелище: чуть повыше правого уха Брэди появились крупный губастый рот и пухлая ладонь... Кто-то невидимый стал нашептывать Брэди. К сожалению, Джек не мог расслышать, что именно вещает привидение.

— К-кто это? — придя в себя, прохрипел Джек.

— Вы что-то сказали? — с невинным видом переспросил его Брэди, движением руки отсылая прочь неизвестного помощника.

— Может, у меня галлюцинации? Но только что вам кто-то шептал прямо в ухо.

— Это ангел Господень, — ответил Брэди. — Вполне естественно!

Гамильтон поднял руки, как узник перед расстрелом.

— Все! Ваша взяла.

— Что ж замолчали? Продолжайте. — Брэди был издевательски любезен. — Вы ведь хотели, чтоб я объяснил отклонение луча согласно приведенной формуле...

Он несколькими точными, сжатыми фразами обрисовал процесс, придуманный Джеком.

— Правильно?

— Ерунда! — возмутился Гамильтон. — Откровенное жульничество...

Губы ангела над ухом Брэди растянулись в наглой ухмылке, затем произнесли что-то издевательское по адресу Джека. Брэди тоже позволил себе улыбнуться.

— Да, забавно! — согласился он. — Однако же какое упорство!

Губастая пасть ангела стала растворяться в воздухе. Гамильтон торопливо выкрикнул:

— Погоди! Я хочу поговорить с тобой.

Ангел, точнее, его рот помедлил.

— Чего ты хочешь? — спросил он рокочущим, будто шум водопада, голосом.

— Ты и сам должен знать, — ответил Джек. — Не тебе ли достаточно только взгляда?

Губы ангела сложились в презрительную усмешку.

— Если ты читаешь в умах людей, то должен читать и в сердцах, — напомнил Гамильтон.

— В чем дело? — недовольно поморщился Брэди. — Приставай к своему собственному ангелу!

— Где-то было написано, — продолжал Джек, — что помыслить о грехе так же дурно, как и совершить его в действительности?

— О чем ты там лопочешь? — еще сильнее забеспокоился Брэди.

— Насколько я понимаю древние строки, речь идет о психологической мотивации. Мотивация — это решающий моральный момент, а состоявшийся натуральный грех — только внешнее проявление дурного желания. То есть зло и добродетель зависят не от того, что сделал человек, а от того, что он чувствует и чего желает.

Ангел одобрительной гримасой выразил согласие.

— Ты верно говоришь.

— Эти люди, — Джек указал на ученых лоботрясов агентства, — величают себя воинами Единосущего Бога. Они искореняют язычество. Но мотивы их действий порочны, в их основе — греховное желание.

Брэди от возмущения захлебнулся слюной:

— Ку-куда вы клоните?

— Я хочу сказать, что ваше стремление выгнать меня из агентства по сути своей корыстно. Вы мне завидуете! А зависть, в качестве побуждения к действию, неприемлема. Я привлек к этому ваше внимание как собрат по религии. — Уже мягче Гамильтон добавил: — Это мой долг.

— Зависть! — воскликнул ангел. — Да, зависть — великий грех. Но она не грех в том смысле, что и сам Бог ревнует человека к любому псевдобожеству. Суть в том, что только Единосущий Бог является Господом. Поклонение кому-нибудь друго-

му есть отрицание Божественной природы и возврат к варварским суевериям.

— Но, — вмешался Брэди, — ревность может еще быть положительной и в том смысле, что настоящий бахаит ревностно исполняет свой долг пред Господом.

— Ревностно именно в том смысле, что он исключает любую другую работу и другие обязанности, — уточнил ангел. — Только в этом положительное значение слова «ревность». Можно говорить еще о ревностной защите своего законного наследства. Этот же язычник утверждает, что ты ревнуешь — иначе говоря, завидуешь, — желая отнять чужое. Тобой движет алчность и корыстолюбие. По сути, ты отказываешься подчиняться закону распределения благодати.

— Но... — попытался возразить Брэди, нелепо взмахнув руками.

— Варвар прав, говоря, что дела, производящие доброе впечатление, но порожденные недобрыми намерениями, суть ложные дела. Ваша ревностность упраздняется вашей завистью. Поэтому, хоть ваши дела внешне и устремлены ко славе Единосущего, души ваши полны скверны.

— Я не понимаю, при чем здесь «скверна»? — стал обороняться Брэди... но было уже поздно. Приговор вынесен. Солнце потускнело над горизонтом, подернулось пеленой — и исчезло во мгле. Колючий суховей закружил над испуганно притихшими юнцами. По земле, словно черные змеи, поползли трещины.

— Можете в установленные сроки подать апелляции, — из надвигающейся тьмы прогремел ангел. — Канал связи обычный.

И канул в небытие.

То, что еще недавно считалось пышным зеленым пейзажем, окружавшим агентство, теперь стало выжженным участком растрескавшейся земли. Ни травинки, ни цветочка — одни жухлые ошметки. С горе-учеными тоже происходили странные метаморфозы: они на глазах уменьшались в размерах, пока не превратились в уродливых, волосатых карликов, сплошь покрытых язвами и струпьями. Глянув друг на друга и окрест себя, они завопили в слезном отчаянии.

— Мы прокляты-ы! — истерично подвывал Брэди. — Про-о-окляты!

Юных адептов агентства явно лишили благодати. Горбатые, коротколапые уродцы нелепо тыкались в разные стороны. Вместе с пыльным суховеем их окутала тьма. Под ногами по выжженной земле метнулась кобра... Послышался зловещий скрип ползущего скорпиона...

— Сожалею, — ошеломленно пробормотал Гамильтон. — Но пора бы вам знать, что правда неизменно выходит наружу.

Брэди метнул на него испепеляющий взгляд налитых кровью глазок. Грязные лохмы волос падали на его почерневшее, искаженное лицо.

— Ты, язычник!.. — прорычал он, отворачиваясь.

— Добродетель — сама по себе награда! — напомнил ему Гамильтон. — Пути Господни неисповедимы. Преуспеяние никогда не будет чем-то большим, чем успех.

Плюхнувшись в машину, Джек сел за баранку и врубил зажигание. Над лобовым стеклом взметнулось облако пыли, когда завизжал стартер. Но и только-то. Мотор не заводился.

Джек долго насиловал акселератор, недоумевая, что же могло случиться. Но потом, к своему ужасу, он увидел сиденья своего автомобиля: прежде блиставшие великолепной обивкой, теперь они годились разве что на свалку — выцветшие, рваные, засаленные...

Машина, к несчастью, тоже угодила в только что проклятое место.

Джек достал из бардачка замусоленный справочник. Но толстый том больше не содержал схем, таблиц и советов технического свойства; теперь в нем воспроизводились расхожие молитвы.

Молитва в этом странном мире заменяла все физические знания и навыки. Раскрыв книгу перед собой, Джек включил первую скорость, нажал на газ и отпустил сцепление...

— Есть один только Бог, — затянул он, — а Второй Бааб суть...

Двигатель взревел — и машина, громыхая, сдвинулась с места. Подвывая и дребезжа, она выползла на улицу. Позади остались заклейменные проклятием молодые адепты. Они вовсю обсуждали способы подачи апелляций, называя инстанции и сроки. Несомненно, они вернут себе свой прежний статус. Эти крутые ребята смогут.

Джеку потребовался комплект из четырех молитв, чтоб кое-как дотащиться до Белмонта. Проезжая мимо какой-то мастерской, он подумал, не тормознуть ли ему для ремонта. Но вывеска заведения заставила поторопиться прочь:

НИКОЛТОН И СЫНОВЬЯ
Исцеление автомобилей

Пониже вывески, в витрине, выставлена духовная литература. Центральный лозунг возвещал: «Каждый день, каждый час моя машина становится все лучше и лучше!»

После пятой порции молитв движок как будто заработал исправно. Сиденья обрели вполне пристойный вид. Джек почувствовал, как к нему возвращается некоторая уверенность в собственных поступках и мыслях. Кажется, удалось выкарабкаться из самого неприятного. Любой мир имеет четкие законы. Важно только уяснить их.

Был уже вечер. Мелькали огни несущихся по Эль-Камино машин. Позади переливался разноцветной мозаикой Сан-Матео. Облака, словно непрошеные гости, наползали на ночное небо. С предельной осторожностью Джек вырулил на крайнюю правую полосу.

Слева от дороги виднелись корпуса «Калифорния мэйнтэнанс». Но сей факт отнюдь не вызывал радости. Даже в привычном мире Джек был отщепенцем. Одному Богу известно, чем бы мог сейчас закончиться визит на ракетный завод. Джек всем нутром ощутил, что рисковать не стоит, можно и шею сломать. Человек типа полковника Эдвардса в этом мире наверняка превзойдет самую бредовую фантазию.

Справа от Гамильтона показался небольшой, приветливо подмигивающий горящими окнами, хорошо знакомый оазис — «Тихая гавань». Здесь Джек не раз с удовольствием убивал вечерние часы... Удобно расположившись через дорогу от завода, бар был любимым местом отдохновения для инженеров, любителей пропустить одну-другую кружечку пива в жаркий день.

Припарковав машину, Гамильтон выбрался наружу и побрел к бару по асфальтированной дорожке. Моросил мелкий дождь. Водяная крупа успела забраться за ворот, пока Джек, предвкушая покой и отдых, тащился к призывно мигавшей неоном рекламе «Золотой пены».

В баре было полно народа. Стоял приветливый гул. Гамильтон задержался на пороге, обозревая собравшихся. Слава Богу, здесь, по крайней мере, все осталось по-прежнему. Водители-дальнобойщики, в промасленных комбинезонах, посиживали над кружкой пива в конце стойки. Шумная блондинка, местная достопримечательность, восседала на высоком табурете, прихлебывая водичку, окрашенную «под виски». В углу неистово ревел ярко размалеванный музыкальный ящик. Рядом, равнодушные к шуму, двое рабочих с жидкой шевелюрой сражались в шашки.

Протиснувшись сквозь толчею, Гамильтон подошел к табуретам у стойки. В самом центре, как раз перед большим зеркалом, сидел, размахивая кружкой, то и дело разражаясь идиотским хохотом, Макфиф собственной персоной.

Странное чувство брезгливой радости наполнило измученную душу Гамильтона.

— Я думал, ты уже отдал концы! — сказал Джек, ткнув легавого под локоть. — Урод ты этакий!

Макфиф резко обернулся, расплескав пиво.

— О! Да это краснопузый Джек! Разрази меня гром! — Он подал знак бармену: — Налей-ка, черт возьми, пивка приятелю...

— Снижай обороты, — оглядываясь по сторонам, заметил Гамильтон. — Ты что, не в курсе?

— В курсе чего?

— Того, что произошло. — Джек опустился на освободившийся табурет. — Ты даже не видишь разницы?.. Между тем, что было и что есть?

— Замечаю и вижу, — самодовольно произнес Макфиф. Он распахнул пиджак. Изумленному взору Гамильтона предстала странная коллекция: все мыслимые и немыслимые амулеты, талисманы и подобные колдовские штуки. Они гроздьями висели у Макфифа на груди и на животе — на все случаи жизни. — Я тебя опередил, дружище, на двадцать четыре часа! Что такое Бааб, я понятия не имею, и у каких арабов его откопали, тоже не знаю, но меры принял...

Поглаживая золотой медальон с таинственными значками, он добавил:

— Так что шутить со мной не советую, а то я целую крысиную орду могу напустить!

Гамильтону подали пиво, и он жадно припал к кружке. Шум и толчея создавали тот расслабляющий фон, когда можно на минутку позволить себе отключиться от насущных проблем. Если уж Судьба распорядилась подобным образом, серьезного выбора не остается.

— Это твой друг?.. — прижимаясь к Макфифу, спросила блондинка. Личико ее напоминало мордочку какого-то грызуна. — А он в порядке, твой приятель!

— Отвали, — добродушно отмахнулся Макфиф. — Или я превращу тебя в мокрицу.

— Какой умный! — фыркнула девица. — Думаешь, ты один такой?

Подобрав юбку, она показала что-то прилепленное у нее к ляжке.

— Что ты против этого сможешь, ну-ка?..

Макфиф зачарованно уставился на странный предмет.

— Что это?

— Часть голеностопного сустава Магомета.

— Да берегут нас святые мощи! — набожно произнес Макфиф и отхлебнул пивка.

Одернув юбку, девица обратилась к Гамильтону:

— По-моему, я видела тебя здесь раньше. Ты ведь работаешь через дорогу отсюда, ага? Бомбы делаешь?

— Раньше делал, — ответил Гамильтон.

— Он красный! — дружелюбно сообщил Макфиф. — И вдобавок — атеист.

Девица в ужасе отпрянула:

— Ты серьезно?

— Ну да, — кивнул Джек. Сейчас ему было на все глубоко наплевать. — Я тетя Льва Троцкого по материнской линии. Это я родила отца народов Сталина.

В тот же миг сокрушительная боль пронзила солнечное сплетение. Согнувшись пополам, Джек сполз с табурета на пол. Ткнувшись лбом в стойку, он услышал, как его собственные зубы выбивают жуткую чечетку. По спине ящерицей скользнула крупная капля холодного пота.

— Вот что тебе причитается! — Макфиф оскалился ухмылкой садиста.

— По-омоги-и-и... — простонал Гамильтон.

Сочувствуя несчастному, девица присела на корточки рядом с Джеком.

— Как тебе не стыдно? Где твой «Байян»?

— Дома, — прошептал Джек, еле живой от боли. Его живот рвали изнутри стальные когти. — Я умираю... Это аппе...дицит...

— Где твое молельное колесо? В пальто? — Быстрые гибкие пальцы пробежали по его карманам, сделали щелкающий жест — и отстали.

— Отвезите меня к доктору... — еле слышно пролепетал Джек.

Бармен свесился через стойку.

— Выбросьте его вон! Или попробуйте откачать! — отрывисто приказал он девице. — Нельзя ему здесь подыхать!

— У кого-нибудь есть немного святой воды? — пронзительным сопрано бросила клич девица.

Толпа зашевелилась... Вскоре небольшая фляга, пройдя десятки рук, оказалась рядом с Гамильтоном.

— Не расходуйте всю! — предупредил недовольный голос. — Она из святого сосуда в Шайене.

Девица отвинтила пробку и, окропив теплой водой свои наманикюренные пальцы, брызнула чуть-чуть на Джека. Как только коснулась влага, боль утихла. Благостное облегчение волной

растеклось по измученному телу. Вскоре Джек с помощью девицы смог уже сидеть прямо.

— Проклятия больше нет, — деловито констатировала девица, возвращая флягу владельцу. — Спасибо, мистер.

— Ставь этому парню пиво, — сказал не оборачиваясь Макфиф. — Он истинный приверженец Бааба.

Когда увенчанная шапкой пены кружка отправилась вслед за флягой, Гамильтон сумел кое-как взобраться на табурет. На него больше никто не обращал внимания. Девица удалилась вместе с владельцем чудодейственной воды.

— Мир сошел с ума, — процедил сквозь зубы Джек.

— Как бы не так! — возразил Макфиф. — Где ты разглядел безумие, скажи? Я весь день лакаю пиво и ни разу не заплатил! — Он потряс арсеналом амулетов. — Все, что мне надо делать, — это пользоваться их услугами!

— Объясни мне одну вещь, — попросил Гамильтон. — Этот бар... Почему Бог не сотрет его с лица земли? Если мир подчиняется законам морали...

— Бар необходим для поддержания морального порядка. Бар — клоака греха, рассадник пороков... Думаешь, добродетель может существовать без греха? В этом вы, примитивные атеисты, жестоко заблуждаетесь. До вас не доходит, в чем принципиальная механика зла. Глянь-ка, парень, на изнанку дела — и тогда будешь наслаждаться жизнью. Если ты поверил в Господа, то тебе уже не о чем беспокоиться.

— Трепло!

— Бьемся об заклад на твою драгоценную душонку!

— По-твоему, Бог позволяет целоваться с бутылкой и елозить с девками, мошенничать и богохульствовать?

— Я в полном праве!.. — ничуть не смутился Макфиф. — Ты не присматривался к тому, что творится. Оглянись по сторонам и мотай на ус!

Рядом с зеркалом к стене был прибит плакат со словами: «*Что сказал бы Пророк, увидев тебя здесь?*»

— Я знаю, что бы он сказал, — хмыкнул Макфиф. — Он сказал бы: «И мне налейте, ребята!» Он ведь нормальный парень. Не то что вы, яйцеголовые!

Джек зажмурил глаза, представляя, что сейчас случится с Макфифом за столь явное богохульство. Но ничего не произошло. Дождя из скорпионов или саранчи не последовало. Макфиф, уверенный, самодовольный, потягивал пивко.

— А я, по-видимому, все еще чужак здесь, — переведя дух, заметил Гамильтон. — Скажи я подобное — был бы уже трупом.

— Тогда давай к нам!

— Но как?! — возопил Гамильтон, до глубины души оскорбленный столь откровенной несправедливостью происходящего. Мир, который устраивал Макфифа как нельзя лучше, Гамильтону казался жалкой пародией. Джек улавливал лишь какие-то случайные проблески логики в том кошмаре, окружавшем его с первых минут аварии на «Мегатроне». Основа ценностей, составлявших смысл его жизни, теперь исчезла. На смену пришла первобытная вражда к чужаку, к изгою. Но откуда?

Сунув нечаянно руку в карман, Джек нащупал полоску бумаги и вытащил записку Тиллингфорда. Что там? Имя Пророка и святилище (оно же «усыпальница Второго Бааба») — источник странного, чуждого культа, каким-то образом пробравшегося в их мир, чтоб торжественно его изуродовать. Всегда ли существовал этот Хорейс Клэмп? Буквально пару дней назад не было и в помине ни Бааба Второго, ни Первого, ни пророка в Шайене. Или все-таки они были?..

Макфиф встал рядом, скосив глаза на бумажку в руках у Джека. Лицо его сделалось мрачным, довольная ухмылка пропала, уступив место хмурой гримасе.

— Это что такое? — отрывисто спросил он.

— По идее я должен повидать его, — проговорил Гамильтон.

— Ни в коем случае, — отрезал Макфиф. Неожиданно он вскинул руку и выхватил у Джека записку. — Выбрось подальше!.. — Голос его дрожал. — Не обращай на эти вещи внимания!

Джеку пришлось доказать свое физическое превосходство и отобрать бумажку. Макфиф больно вцепился ему в плечо. Табурет под Джеком покачнулся — и он грохнулся на пол. Массивная туша Макфифа накрыла Джека сверху. Теперь борьба перешла в партер. Соперники ворочались на полу, задыхаясь и обливаясь потом, чтобы окончательно решить вопрос о правах на записку.

— Джихада я не потерплю! — заорал бармен. Он обежал стойку, с намерением положить конец схватке. — Убирайтесь вон. Молотите друг друга сколько влезет на улице! Но не здесь!..

Бормоча проклятия, Макфиф с трудом поднялся на ноги.

— Выбрось это, выбрось!.. — пыхтел он, оправляя одежду. Лицо его светилось неподдельным безумием.

— В чем дело? — усаживаясь заново на табурет, спросил Гамильтон. Он отыскал свою кружку. «Нет, — решил Джек. — У Чарли явно что-то творится с головой. Но что именно?»

В это время вернулась блондинка, а с ней некто долговязый, печальный, с неверной походкой. Билл Лоуз. Сжимая в руке

высокий стакан для виски, он с некоторой опаской поклонился Макфифу и Гамильтону.

— Добрый день! — по-негритянски протяжно произнес он. — Давайте больше не ссориться. Мы же друзья.

— Учитывая обстоятельства, — проворчал, насупившись, Макфиф, — придется, пожалуй, дружить...

Яснее высказываться он не стал.

Глава 6

— Это туловище утверждает, будто вы знакомы, — полувопросительным тоном сообщила Гамильтону девица.

— Да, это так, — ответил Джек и глянул на Лоуза: — Подтягивай табурет и садись. Что ты сказал бы о состоянии физики на истекшие сутки?

— К черту физику, — нахмурился Лоуз. — Это пройденный этап. Я его перерос.

— Значит, резервуары... в смысле, сортиры будешь строить, — скривился Джек. — Книги читать перестанем, начнем наслаждаться свежим воздухом.

Лоуз положил на плечо блондинки свою костлявую ладонь:

— Познакомься с Грейс. Вот где резервуар... По самые жабры.

— Рад, очень рад, — хмыкнул Гамильтон.

Девица неловко улыбнулась:

— Меня зовут не Грейс. Мое имя...

Оттолкнув девицу, Лоуз придвинулся к Джеку.

— Я рад, что ты напомнил о резервуарах.

— Почему?

— Потому что в этом мире ничего подобного не существует.

— Они обязаны быть.

— Пойдем! — Потянув Джека за галстук, Лоуз потащил его от стойки. — Я открою тебе тайну. Величайшую со времен изобретения налогов.

Прокладывая путь меж подгулявших клиентов бара, Лоуз подвел Гамильтона к автомату с сигаретами. Хлопнув по агрегату пятерней, Лоуз спросил торжественно, будто заранее предвкушая умопомрачительный эффект:

— Что скажешь? Хорош?

Джек внимательно и с опаской оглядел машину. Автомат как автомат: высокий ящик из металла с зеркалом, щель для монет, окошки с выставленным товаром — разноцветными пачками, — колонка рычагов и ниша под купленный товар.

— Все нормально, — высказался Гамильтон.

— Ничего не замечаешь?

— Нет, ничего особенного.

Лоуз оглянулся. Убедившись, что никто из посторонних не слышит их, он притянул Джека к себе поближе.

— Я видел эту штуку в деле! — драматическим шепотом сообщил он. — Это что-то потрясающее! Выслушай меня. И постарайся устоять на ногах... В этом автомате вообще нет никаких сигарет!

Джек задумался всерьез.

— Совсем?

Лоуз присел на корточки и показал на пачки за стеклом:

— Это все штучные экземпляры, вроде как для образца. А резервуара — нет совсем, то есть запаса... Да ты сам посмотри!

Он бросил в щель монетку в двадцать пять центов, выбрал рычажок «Кэмел» и решительно дернул. Выскочила пачка — «Кэмел», — и Лоуз подхватил ее.

— Видал?

— Не понял! — признался Джек.

— То же творится и с конфетным автоматом! — Лоуз перебрался к машине, выдающей карамель. — Конфеты выскакивают, а внутри пусто. Только фантики в окошке. Понятно?

— Непонятно.

— Ты что, никогда о чудесах не читал? В пустыне, скажем, это была вода и пища. Первое чудо.

— Ох-хо-хо, — только и мог проговорить Гамильтон.

— Автоматы действуют по библейскому принципу. Деление *чудом*. Или — *размножение чудом*. Как размножение делением, понимаешь?

Лоуз достал из кармана отвертку, встал на колени и начал разбирать конфетный автомат.

— Говорю тебе, Джек, это величайшее открытие человечества. Форменный переворот в производстве. Все концепции машинных операций, вся конвейерная сборка... — Он пренебрежительно махнул рукой. — Все. Капут! Не надо больше сырья. И дешевой рабсилы. Не надо грязных, дымящих заводов. В этих размалеванных ящичках скрыта великая тайна.

— М-да, — пробормотал сбитый с толку Джек. — Может, в твоих словах есть крупица смысла.

— Процесс можно поставить на широкую ногу!.. — Лоуз силился оторвать заднюю стенку агрегата. — Помоги-ка. Надо снять замок.

Замок с легкостью отлетел. Вдвоем они отделили заднюю стенку. Как Лоуз и предсказывал, вертикальные колонки автомата, выполнявшие роль накопителей товара, были абсолютно пусты.

— Дай десятицентовик! — попросил Лоуз.

Он уверенными движениями очистил механизм. Справа открылся канал выброса покупки; он шел от сложной комбинации ступенек, рычагов и шестеренок. Лоуз пыхтел, стараясь выяснить, как действует механизм.

— Карамелька, похоже, появляется здесь, — предположил Джек. Потянувшись над плечом Лоуза, он коснулся плоской полочки. — Монета опрокидывает стопор и приводит в действие этот плунжер. Тот толкает конфету к выходу; гравитация делает все остальное.

— Брось монету. — торопливо сказал Лоуз. — Я хочу знать, откуда берется конфета, будь она неладна.

Гамильтон вставил монету и потянул за первый попавшийся рычажок. Колесики и тяги пришли в движение. Из середины этой круговерти возникла красочная конфета, соскользнула по желобу в канал и упала в нишу.

— Она просто *образовалась* из ничего! — благоговейно прошептал Лоуз.

— Но в месте строго определенном! — заметил Гамильтон. — Кажется, в момент возникновения она прикасалась к выставленному образцу. Это похоже на процесс расщепления. Образец распадается на два экземпляра — одинакового веса и объема.

— Что я говорил тебе, Джек? Брось еще монету!

Карамелька вновь материализовалась и скользнула в нишу. Оба исследователя замерли в молчаливом восхищении.

— Чистая работа! — признал Лоуз. — Прекрасное применение механики чудес.

— Но применение скромное, — подчеркнул Гамильтон. — Конфеты, безалкогольные напитки, сигареты... Ничего серьезного.

— Тут-то мы и проявим себя! — многозначительно заявил Лоуз.

Он стал осторожно вдвигать в зазор между образцами товара тонкую полоску фольги. Полоска, не встретив сопротивления, аккуратно вошла в зазор.

— Отлично! — Лоуз потер руки. — Если я уберу первоначальный образец и заменю его чем-нибудь поосновательней...

Джек снял образец конфеты и поставил на ее место бутылочную пробку. Они привели в действие механизм — и в нишу скатилась точно такая же пробка.

— Что и требовалось доказать! — кивнул Лоуз. — Машина воспроизводит что угодно.

Он достал несколько монеток.

— Давай ближе к делу!

Джек был настроен более фундаментально.

— Послушай, как ты на это посмотришь?.. Известный принцип электроники — регенерация! Часть сигнала с выхода подается опять на вход... Происходит наращивание: чем больше на выходе, тем больше поступает на вход и воспроизводится...

— Жидкость лучше всего, — тут же развил соблазнительную идею Лоуз. — Где бы достать стеклянные трубки?

Недолго думая, Джек принялся срывать со стены часть неоновой рекламы, а Лоуз отправился в бар заказать что-нибудь подходящее. Джек еще возился, сооружая стеклянный трубопровод, когда вернулся Лоуз с крохотной рюмкой янтарной жидкости.

— Бренди, — пояснил Лоуз. — Точнее, настоящий французский коньяк. Лучший, какой у них был.

Гамильтон поставил рюмку на полочку, где прежде находился образчик конфеты. Трубка, освобожденная от неона, шла от точки воспроизводства товара и дальше раздваивалась: один конец возвращался к рюмке, другой выводился в нишу.

— Отношение четыре к одному, — объяснил Гамильтон. — Четыре части идут на выход. Одна часть возвращается к источнику. По идее чистоган должен постоянно возрастать. Предел — бесконечность.

Лоуз ловко заклинил стопор и запустил аппаратец в безостановочном режиме. Вскоре коньяк стал капать из выходной трубки прямо на пол. Лоуз и Гамильтон схватили отставленную заднюю стенку, привинтили ее на положенное место и прилепили замок.

Мирный конфетный ящик тихой струйкой принялся бесперебойно выдавать коньяк высшего качества.

— Ну, вот! — довольно хмыкнул Джек. — Бесплатная выпивка. Прошу в очередь!

Клиенты не заставили долго ждать и бойко потянулись на призыв. Наблюдая за растущей очередью, Лоуз проговорил:

— Мы пользуемся механизмом, но не знаем, каков его принцип. С точки зрения механики все ясно. Но остается главный вопрос — *почему*?

— Может, принципа-то и нет, — предположил Гамильтон. — Чудеса именно поэтому и считаются чудесами. Когда нет никаких законов, а есть лишь случайный каприз. Просто-напросто что-то случается — то, чего нельзя предугадать.

— Но какое-то правило должно все-таки присутствовать! — возразил Лоуз, указывая на автомат. — Когда опущена монета, появляется товар. До сих пор мы получали конфеты. Изменив правило, мы получаем коньяк, а не морковку, например. Нужно только выяснить, какие элементы необходимы, чтоб видоизменять имеющееся правило.

— Если мы сумеем узнать причину раздвоения предмета, то... — взволнованно проговорил Гамильтон.

— Именно! Процесс идет со страшной силой. Какая-то пакость его раскручивает. В принципе наплевать, как это делается. Узнать бы только, в чем суть загадочного *нечто*. Мы ведь не суетимся из-за того, что сера, селитра и древесный уголь образуют порох. Нам вполне хватает сведений, в какой пропорции их надо смешивать...

Они вернулись к бару, с трудом миновав толпу страждущих порции дармового коньяка.

— Выходит, в этом мире тоже есть законы, — заметил Джек. — Как и в том, нашем. Хотя нет, тут я, наверное, погорячился...

Тень скользнула по лицу Билла Лоуза.

— Да, верно... — Его энтузиазм испарился. — Я и забыл!..

— О чем?

— Чудес в нашем собственном мире не бывает. Они существуют только здесь.

— О... — обмяк и Джек. — Действительно...

— Мы напрасно тратим время.

— Если только у нас не возникнет желания остаться.

Лоуз уселся на табурет у стойки и подхватил свой стакан. Нахохлившись, как подраненная ворона, он проворчал:

— Может, так и следует поступить.

— А как же! — добродушно отозвался подваливший Макфиф. — Оставайтесь! Смекалистые парни всегда выходят из игры победителями.

Лоуз украдкой глянул на Гамильтона:

— Ты хотел бы?.. Тебе здесь нравится?

— Нет!

— Мне тоже. Но есть ли выбор? Мы даже не знаем, куда нас занесло. А уж как выбраться отсюда...

— Такое милое местечко! — негодующе вмешалась блондинка. — Я постоянно здесь, и мне нравится!

— Мы говорим не о баре, — бросил ей Гамильтон.

Крепко стиснув стакан, Лоуз озабоченно произнес:

— Рулить отсюда все равно надо. Каким угодно способом.

— Будем искать выход, — нахмурился Джек.

— Ты знаешь, что продается в здешнем супермаркете? — ядовито осведомился Лоуз. — Консервированные святые дары!

— Представь, что тебе предложат в хозяйственной лавке, — откликнулся в ответ Гамильтон. — Весы. Чтобы ты взвешивал свою грешную душу.

— Вот глупости-то! — капризно возразила блондинка. — Душа веса не имеет.

— Тогда, — задумчиво продолжил Джек, — ее можно пересылать по почте бесплатно.

— А сколько же душ, — с издевкой подхватил Лоуз, — может войти в один конверт? Новая религиозная проблема! Опять — раскол человечества, фракции, секты, кровь по улицам рекой...

— Десять! — выдвинул предположение Джек.

— Четырнадцать, — возразил Лоуз.

— Еретик! — воскликнул Гамильтон, скорчив жуткую гримасу. — Чудовище, поедающее младенцев!

— А ты — кровопийца, не гнушающийся порченой кровью!

— Проклятое отродье! Пожиратель дерьма!

Лоуз на миг умолк и задумался.

— Знаешь, что тебе покажут по телевизору в воскресенье утром? Не знаешь? И я тебе не скажу. Сам увидишь.

По-прежнему сжимая порожний стакан, он неожиданно соскользнул с табурета, мотнулся в сторону и пропал в толпе.

— Эй! — изумленно воскликнул Джек. — Куда это он двинул?

— Он просто псих, — безмятежно сообщила блондинка.

На мгновение Билл Лоуз опять показался. Его чернокожее лицо казалось пепельно-серым, как маска из склепа. Обращаясь к Гамильтону сквозь шум и гам, он крикнул:

— Эй, Джек!..

— Что такое? — обеспокоенно откликнулся Гамильтон.

Гримаса отчаяния исказила лицо негра.

— В этом мире... — Слезы навернулись ему на глаза. — В этом проклятом м-месте я стал тусовать...

Он исчез, предоставив Джеку гадать об услышанном.

— Что он имел в виду? — спросила любопытная блондинка. — Тасовать карты?

— Или, может, тусоваться. Шаркать, иначе говоря...

— Они все, эти цветные, ноги еле-еле таскают, — прокомментировал Макфиф.

Заняв освобожденный Лоузом табурет, блондинка повела методический подкоп под Гамильтона.

— Малыш, закажи мне коктейль! — промурлыкала она, уверенная в осуществлении своих надежд.

— Не могу.

— Почему? Ты несовершеннолетний?

Джек вывернул пустые карманы.

— Денег не осталось. Все ухнули на конфетный автомат.

— Молись! — посоветовал Макфиф. — Молись с такой силой, будто ты спятил.

Джек, то ли со хмелька, то ли от досады, решил последовать совету Макфифа.

— Боже милостивый! Пришли Твоему недостойному эксперту по электронике стакан подкрашенной водицы для этой занюханной юной шалопайки. Аминь.

Стакан подкрашенной сладкой водички нарисовался прямо у локтя Джека. Улыбаясь, девица подняла стакан.

— Ты — очаровашка!.. Как тебя зовут?

— Джек.

— А полное имя?

Он вздохнул:

— Джек Гамильтон.

— Меня зовут Силки. — Она игриво потянула его за ворот рубашки. — Это твой «форд» у входа?

— Мой, — тупо ответил Джек.

— Поедем куда-нибудь?.. Ненавижу этот бар. Я...

— Почему?! — неожиданно громким голосом, как бичом, стеганул блондинку Джек. — И зачем только Бог ответил на мою молитву? Почему не на молитву Билла Лоуза?

— Бог одобрил именно твою молитву, — ласково объяснила Силки. — В конце концов, это ему решать, что предпринять в каждом отдельном случае.

— Это ужасно...

Силки пожала плечами:

— Со всяким случается.

— Как же можно так жить? Не зная, что произойдет в следующую секунду. Где логика, где порядок?

Джека возмутил тот факт, что пташку отнюдь не смутили его завывания. Казалось, она приняла их как должное. Или ей вообще на все начхать.

— Гнуснейшая ситуация... зависеть от чужих капризов. Ты перестаешь быть человеком. Опускаешься на уровень животного и покорно ждешь корма.

Силки изучающе посмотрела на него:

— Ты смешной мальчик.

— Мне тридцать два года, какой там к черту мальчик. К тому же я женат.

Она еще нежнее потянула Джека за руку, стаскивая с готового покачнуться табурета.

— Пойдем, малыш. Пойдем куда-нибудь, где можно посвященнодействовать наедине. Я знаю пяток ритуальчиков, которые тебе захочется попробовать!

— И я пойду за них в ад?

— Не пойдешь, если заимеешь нужных людей.

— У моего нового босса прямая линия связи с Небесами. Это подойдет?

Силки не оставляла настойчивых попыток стащить Джека с табурета.

— Давай обсудим все тонкости попозже? Пошли, пока эта ирландская обезьяна ничего не замечает!

Подняв голову, Макфиф уставился на Гамильтона.

— Ты... Ты уходишь? — спросил он дрожащим голосом.

— А как же! — Джек осторожно слез с табурета.

— Подожди! — позвал Макфиф, дернувшись вослед. — Не уходи!

— Беспокойся о собственной душе, — огрызнулся Гамильтон. Однако во взгляде Чарли он уловил признаки растерянности. — В чем дело? — спросил он, трезвея.

Макфиф мотнул головой:

— Хочу тебе кое-что показать.

— Показать что?

Опередив Джека и Силки, Макфиф снял с вешалки громадный черный зонт и выжидательно повернулся. Гамильтон, а вслед за ним и девчонка направились к выходу. Распахнув двери, Макфиф осторожно поднял зонт, размерами больше напоминавший парашют. Прежняя легкая морось сменилась крупным осенним дождем. Тяжелые, ледяные капли барабанили по черному асфальту, по зеркальной плоскости витрин. Струи дождя холодными пальцами облапили всю улицу.

Когда дождь внезапным выстрелом разрядил свою первую обойму в туго натянутый колпак зонта, Силки вздрогнула.

— Брр... Какая пакость! Куда мы едем?

Взглядом отыскав в темноте машину Гамильтона, Макфиф монотонно пробормотал о чем-то своем:

— Она должна существовать по-прежнему...

Крысиной прискочкой добежав до машины и плюхнувшись на сиденье, Гамильтон спросил:

— Как ты думаешь, почему он волочит ноги? Он же никогда раньше не шаркал.

Усевшийся за руль Макфиф выглядел не лучше чем кот, угодивший под сноповязалку. Он весь согнулся дугой, скукожился, так что стал похож на ком мятой одежды. Спинка сиденья закрывала его с головой.

— Я ж говорил, — пробормотал он, словно выйдя из транса, — они все так делают.

— Нет, с Чарли творится что-то неладное. И это — неспроста, — ворчал Джек, пытаясь остановить пробравшую его зевоту. Монотонное шмыганье «дворника» по лобовому стеклу усыпляло не хуже гипноза. Джек прикорнул на плече у Силки и закрыл глаза. От девицы шел аромат сигаретного дыма и дешевых духов. Приятный запах... Ему нравилось. Ее волосы у него под щекой, сухие и легкие, только чуть-чуть жестковаты... Как метелочки степных трав.

Макфиф подал признаки жизни:

— Ты слыхал про Бааба Второго?.. — Голос его задребезжал и дал петуха. — Тьфу, чушь собачья. Какие-то арабы, куча идиотов, налетели со своим бредом... Ведь так?

Ни Гамильтон, ни Силки не сочли нужным отвечать.

— Нет, это долго не протянется, — продолжал Макфиф.

— Хотела бы я знать, куда мы едем! — жеманно надула губки Силки. Сильнее прижимаясь к Гамильтону, она спросила: — А ты в самом деле женат?

Игнорируя девчонку, Джек заметил Макфифу:

— Я знаю, чего ты боишься.

— Ничего я не боюсь, — отмахнулся Макфиф.

— Боишься, боишься, — повторил Джек.

Сам он тоже чувствовал себя так, будто брел по болоту наугад.

Навстречу из тьмы вырастал Сан-Франциско, и вот уже машина неслась по темным, безжизненным улицам — ни звука, ни огонька.

Макфиф тем не менее уверенно вел машину; он делал поворот за поворотом, пока они не въехали в паутину узких переулков.

Внезапно Чарли сбавил скорость... Приподнявшись над сиденьем, он вглядывался во тьму. На лице застыло тревожное выражение.

— Ужас! — вдруг захныкала Силки, зарываясь головой к Джеку под пальто. — Трущобы какие-то! Я боюсь!

Макфиф остановил машину, распахнул дверь и выскочил на мостовую. Джек последовал его примеру. Вдвоем они хорошенько осмотрелись. Из соседних окон неслась дешевая, безвкусная музычка, специально для добропорядочных граждан, уминаю-

щих сейчас свой ужин. Неровные, хлипкие звуки плыли во влажном воздухе, в темноте меж ветхих домов и пустых лавок.

— Тут, что ли?.. — спросил наконец Гамильтон.

— Угу, — кивнул Макфиф. Можно было подумать, что он только-только удачно провел опознание.

Они взирали на магазинчик весьма затрапезного вида — ветхое деревянное строение, облезлая желтая краска, кое-где проглядывает подгнившая древесина. Невероятная груда хлама загромождала вход. При свете уличного фонаря Джек сумел различить налепленные на окна афишки. Блеклые, засиженные мухами листовки. В щели между грязными занавесками виднелись ряды уродливых металлических стульев. Дальше, за стульями, непроницаемая тьма.

Над входом в магазин укреплена кривая самодельная вывеска, потемневшая и рваная:

НЕ-БАХАИТСКАЯ ЦЕРКОВЬ.
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ВСЕМ!

Макфиф издал страдальческий стон, но овладел собой и направился к церкви.

— Оставь! — крикнул ему Гамильтон. — Поедем отсюда!

— Нет! — покачал головой Макфиф. — Я хочу войти.

Приподняв черный зонт, он шагнул на крыльцо и принялся методично колотить рукояткой в дверь. Гулкий звук размеренным эхом пронесся по улице из конца в конец. Где-то в боковом переулке испуганно загремела пустой жестянкой бездомная дворняга.

Человек, приоткрывший дверь, предстал тщедушной и согбенной фигуркой. Он робко выглянул из-за двери, выставив нос и очки в стальной оправе. Желтые водянистые глазки подозрительно бегали. Весь дрожа, он смотрел на Макфифа.

— Что вы хотите? — спросил он гнусаво.

— Вы меня не узнаете, отец? — спросил Макфиф. — Что случилось, падре, где церковь?

Что-то забормотав, старик потянул дверь на себя.

— Убирайтесь прочь, мерзкие забулдыги! Убирайтесь — или я позову полицию!

Макфиф успел сунуть зонт в дверной проем, помешав старику запереться изнутри.

— Отче! — взмолился он. — Это ужасно! Они украли вашу церковь! И вы, отче, так изменились... весь съежились!.. Это невозможно!..

Голос Макфифа сорвался, казалось, его душили рыдания.

— Тебе надо было его видеть! — Он беспомощно повернулся к Гамильтону. — Он был гораздо крупнее меня!

— Убирайтесь! — вновь прогнусавил тщедушный человечек.

— Неужели нельзя войти? — спросил Макфиф, не убирая зонта. — Пожалуйста, впустите нас! Куда ж нам идти? Здесь со мной один еретик... он жаждет обращения!

Человечек заколебался. Взволнованно гримасничая, он взглянул на Джека:

— Это вы?.. А в чем дело? Разве завтра нельзя? Уже глубокая ночь, я давно уже спал!..

Отпустив дверь, он неохотно отступил в сторону.

— Вот и все, — сказал Гамильтону Макфиф, когда они вошли. — Ты не видел прежде этот собор? Из камня, с витражами... — Он развел руками, словно показывая собственное бессилие. — Самый большой собор, какой мне доводилось видеть!

— Вам это обойдется в десять долларов, — стрекотал человечек, ковыляя чуть впереди. Наклонившись, он выволок из-под прилавка глиняную урну. На прилавке пестрели листовки и буклеты. — Деньги вперед! — добавил человечек.

Роясь в карманах, Макфиф недоуменно озирался. Потом накинулся на падре:

— Но где же орган? Где свечи? У вас даже свечей не стало?

— Это нам не по карману, — ответил человечек, отпрянув назад от вопрошавшего. — Ну, так что конкретно вы хотите? Ах да, обратить вот этого еретика?

Он схватил Гамильтона за рукав, пристально посмотрел Джеку в глаза:

— Я отец О'Фаррел. Вам придется стать на колени, молодой человек. И преклонить голову пред Господом.

Джек покрутил головой:

— А всегда ли тут было так?

Отец О'Фаррел растерянно запнулся, потом переспросил:

— То есть? Вы что имеете в виду?

Гамильтон, дабы скрыть охватившую его досаду, только пожал плечами:

— Нет, ничего. Я просто так.

— Конфессия наша очень древняя, — неуверенно произнес отец О'Фаррел. — Вы это имели в виду? Ей уже немало столетий.

Голос его задрожал:

— Она старше даже Первого Бааба. Я, право, не могу назвать точную дату. Говорят, что...

Здесь он осекся.

— Впрочем... не важно, что говорят. Досужие утверждения...

— Я хочу с Богом говорить, — напомнил Гамильтон.

— Да, да, — согласился отец О'Фаррел. — Я тоже хочу, молодой человек...

Он похлопал Джека по руке; прикосновение было столь легким, что почти не ощущалось.

— ...и каждый хочет того же.

— Так вы не поможете мне?

— Это очень трудно, — проговорил отец О'Фаррел. И юркнул в боковой притвор, в некое подобие кладовки, где был свален в невообразимом беспорядке всякий хлам. Сопя и спотыкаясь на каждом шагу, священник вынес плетеную корзину всевозможных костей, обломков, спутанных прядей волос и кусочков кожи.

— Это все, чем мы располагаем, — вздохнул он, ставя на пол корзину. — Может, сумеете воспользоваться... Пожалуйста, выбирайте!

В то время как Гамильтон перебирал костяные ошметки, потрясенный Макфиф произнес:

— Ты только глянь!.. Дрянные фальшивки... Туфта!

— Мы делаем, что в наших силах! — молитвенно складывая руки, прогнусавил отец О'Фаррел.

— А есть ли какой-нибудь способ... вознестись? — неожиданно спросил Джек.

Впервые за все время отец О'Фаррел улыбнулся:

— Для этого надо сначала умереть, молодой человек!

Взяв зонт, Макфиф двинулся к выходу.

— Пойдем! — решительно бросил он Гамильтону. — Я сыт по горло. Уносим ноги!

— Подожди! — крикнул Джек.

Макфиф обернулся:

— Зачем тебе с Богом болтать? Ты же видишь, какая нынче ситуация. Посмотри кругом!..

— Он единственный, кто может объяснить, что же все-таки случилось, — ответил Гамильтон.

Макфиф раздумывал над этим недолго.

— Мне плевать, что бы там ни случилось. Я сматываюсь.

Лихорадочно работая, Гамильтон заканчивал составление круга из костей и зубов — кольцо из святых мощей.

— Помоги! — попросил он Макфифа. — Не прикидывайся, будто тебе это все до лампочки.

— Ты, парень, чуда захотел!

— Я знаю, — ответствовал Джек.

Макфиф сделал несколько шагов назад.

— Это безнадежно. Вот увидишь.

Он стоял, сжимая рукоятку громадного зонта. Отец О'Фаррел озабоченно крутился поодаль.

— Мне надо знать, как и почему все это началось, — упрямо твердил Джек. — Второй Бааб, молельные колеса, благодать на развес... Если я это не выясню...

Он вздохнул поглубже, протянул руку и, выхватив у Макфифа зонт, поднял его над головой. Подобно крыльям гигантского стервятника, зонт раскрылся над ним; с тугой ткани скользнуло на пол несколько темных капель.

— Что такое?! — вскрикнул Макфиф, переступая круг из мощей, чтоб вернуть назад свою собственность.

— Покрепче держись! — посоветовал ему Джек. Сам он крепко ухватился за рукоять и обратился к священнику: — Отче, есть у вас вода в том кувшине?

— Д-да, — ответил отец О'Фаррел, заглянув в глиняный кувшин. — На донышке.

— Когда вы окропите водой зонт, прочитайте, прошу вас, те строки, что относятся к Вознесению.

— Те строки?.. — озадаченно попятился отец О'Фаррел. — Я...

— Et resurrexit. Неужели не помните?!..

— О!.. — выдохнул падре. — Да, да... Конечно, помню.

Продолжая согласно кивать, он окунул пальцы в святую воду и несколько раз окропил зонт.

— Я искренне сомневаюсь...

— Читайте! — велел ему Гамильтон.

Срывающимся голосом отец О'Фаррел начал:

— Et resurrexit tertia die secundum scripturas, et ascendit in coelum, sedet ad dexteram partis, et iterum venurus est cum gloria judicare vivos et mortuos, cujas regni non erit finis...[1]

Зонт затрепетал у Джека в руках. Медленно, медленно, постепенно... он стал подниматься. Макфиф заблеял, как испуганная овца, и ухватился изо всех сил за рукоятку.

Спустя минуту верхний конец зонта уже упирался в потолок. Гамильтон и Макфиф болтались в воздухе, нелепо дрыгая ногами, срывая лохмотья свисающей с потолка паутины.

— Окошко вентиляции... откройте!.. — с трудом прохрипел Джек.

---

[1] Из Символа веры: «И воскресшаго в третий день по Писанием. И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца» *(лат.)*.

Испуганной мышкой отец О'Фаррел юркнул на поиски шеста. Наконец окно под самой крышей распахнулось. Влажный ночной воздух тугой волной ворвался внутрь, взбаламутив стоячее болотце многолетней затхлости. Будто почуяв свободу, зонт рванулся ввысь. Жалкое деревянное строение в считанные секунды пропало из виду, оставшись где-то далеко внизу... Холодные клубы тумана окружили со всех сторон поднимавшихся Гамильтона и Макфифа. Они уже висели на уровне вершины Туинпика. И только рукоять черного зонта удерживала их над крышами великого города Сан-Франциско — над гигантской чашей мерцающих желтых огней...

— А что, — закричал Макфиф, — если отпустить ручку?..

— Молись, чтоб тебя не покинули силы! — крикнул в ответ Джек, зажмурившись и судорожно вцепившись в рукоять.

Зонт подымался все выше и выше, набирая скорость.

Через некоторое время Джек отважился, разлепил веки и глянул из-под зонта вверх.

Взору открылось бесконечное пространство зловещих облаков. А что дальше? Ждал ли их Он?..

Все выше и выше летел зонт. В неизвестность, во тьму. Что ж, теперь о возвращении думать поздновато...

Глава 7

По мере подъема тьма рассеивалась. Холодная толща облаков ушла вниз; мягко ткнувшись в пышную влажную перину, зонт пронзил ее. Выскользнув из холода ночи, импровизированный дирижабль поднимался теперь в тусклой среде бесцветного пространства.

Под башмаками обозначился светлый шар.

Джек никогда прежде не видел Землю так отчетливо хорошо. И образ этот практически полностью удовлетворил самые отчаянные его ожидания. Будто подвешенный на невидимую нить в темной бездонности вселенской пустоты, шар просто покоился — серьезно, сосредоточенно. Словом, впечатляющий объект.

Он был особенно впечатляющ из-за своей самодостаточности. В некоторой панике Джек внезапно осознал, что других планет в пространстве не наблюдалось. Он опасливо осмотрелся вокруг, постепенно — и против желания — воспринимая всю небесную картину.

Земля пребывала в гордом одиночестве. Вокруг нее крутилось сверкающее круглое тело, совсем крохотное, словно оса вокруг

арбуза. Ужас пробрал Джека до самых селезенок. Но ведь это же не что иное, как Солнце!

Крохотная звезда. И она — вращается. Вокруг Земли. Si muove. Но только не Земля. Si muove — Солнце!

К счастью, ослепительная точка уже скрылась за краем могучей планеты. Двигалась она не слишком быстро — период обращения наверняка не больше двадцати четырех часов. Будто вдогон звезде, на светлую сторону Земли выскочило крохотное, почти незаметное пятнышко. Исковерканный комок неживой материи, выполняющий скучную, унылую работу...

Луна...

Она совсем недалеко; зонт вот-вот должен пройти поблизости. Чуть не лишившись рассудка от невероятности всего увиденного и случившегося, Джек вперился взором в жалкий, уродливый камешек Луны и провожал взглядом до тех пор, пока спутник не исчез в серебристой ауре Земли. Что ж получается — весь титанический труд ученой братии не более чем досадная ошибка? А привычная планетарная система — заблуждение школяра? Детально разработанная, подтвержденная опытом веков система Коперника — случайное недоразумение?..

Джек воочию наблюдал сейчас древнюю, устаревшую концепцию Вселенной, наблюдал в действии. Гигантская неподвижная Земля — единственная планета. Правда, уже можно различить Венеру и Марс. Но они столь ничтожно малы, что с таким же успехом их вовсе могло и не быть. Опять же звезды... тоже неправдоподобно крохотные, исчезающие точки на черном бархате мироздания.

Весь многовековой фундамент знакомой с детства космологии за один миг разлетелся вдребезги.

Джек созерцал ветхозаветную Вселенную Птоломея: крошечное Солнце, микроскопические звезды; грандиозная, нелепо раздувшаяся Земля, занимающая неподвижный центр. Для *этой* Вселенной подобное положение вещей, видимо, служило аксиомой.

Но, слава Богу, не имело ничего общего с его, Гамильтона, миром.

Поэтому Джек не особо удивился, когда заметил далеко за окоемом серебристо-туманного купола, окружавшего Землю, красноватое колеблющееся зарево. Создавалось впечатление, будто где-то глубоко, в самых недрах темной бесплотности космоса, на полную катушку работала некая чудовищная кузня: дышали первобытным огнем горнила и плавильни, из топок, вспыхивая дьявольским фейерверком, сыпались снопы

искр, и зловещие алые молнии вспарывали время от времени зыбкую серебряную ауру.

Ад во всей своей красе.

А что же наверху?.. Джек вытянул шею и глянул за край зонта. Казавшееся не так давно абсурдным теперь предстало с явственной очевидностью: Небо. Та самая высшая инстанция, злополучный абонент двусторонней связи, на которую замыкалась работа специалистов по электронике, семантике, а также психологов и прочих. Земля подключалась *сюда*.

Пепельно-серое марево тем временем истончалось и рассеивалось, вскоре вообще исчезло. Теперь не осталось уже ничего — даже холодного ночного ветра, пробиравшего до костей. Макфиф, вцепившись в рукоять зонта, в благоговейном экстазе взирал на приближающуюся обитель Бога. Однако разглядеть святые пределы подробно возможности не было. Теряющийся в бесконечности занавес из какого-то плотного вещества служил надежной защитой от любопытных взоров.

Над этой импровизированной стеной крутилось несколько весьма странных субъектов, очень похожих на гигантских светляков. Они лихо шныряли то в одну, то в другую сторону. Может, это резвились ангелы? Сказать точнее трудно...

Зонт продолжал подъем, и по мере подъема возрастало любопытство Гамильтона. Как ни странно, Джек обнаружил, что сам он совершенно спокоен. В подобных обстоятельствах сложно раскрутить самого себя хоть на какие-то эмоции: либо ты врубаешься во все происходящее полностью, либо крыша у тебя съехала абсолютно. Среднего состояния просто не дано.

Скоро зонт преодолеет защитную стену... И они с Макфифом узрят Небеса.

Долгий же был путь — если считать с того момента, когда они торчали в холле «Мегатрона» нос к носу и спорили о каких-то пустяках...

Джек не сразу сообразил, что зонт замедляет движение. По-видимому, они подобрались к некоему рубежу. Выше?.. Ничего не могло быть выше.

Само собой, тут же возник на удивление смешной вопрос: что же дальше? Будет ли зонт спускаться так же неторопливо, как и подымался? Или же он, как бабочка, сложит крылья и сбросит докучливых наездников?

Нет. Им предстояло увидеть еще что-то. Теперь они находились на уровне верхнего края «стены», вероятно, прикрывавшей Рай. В голову пробралась еще одна нелепая мысль: стена воздвигнута не для того, чтоб *туда* не проникали по-

сторонние взгляды, а чтоб никто из содержавшихся в Раю не сбежал *оттуда*.

— Мы уже... — засопел Макфиф, — почти прибыли...

— Ага, — отозвался Гамильтон.

— Это производит... не пустячный эффект... Так сказать, на мировоззрение!..

— Еще бы! — согласился Джек.

Он почти что разглядел... Еще секунда... еще... Какая-то размытая картинка, некий пейзаж надвигался на них. Честное слово, странное зрелище! Нечто округлое, укрытое густым туманом. Гигантская окружность больше всего напоминала водоем, а для космического пространства подобный факт немыслим... Трудно даже представить, будучи в здравом уме, водоворот в вакууме... Хотя вот, пожалуйста, бредовая картина прямо по курсу, на дальнем берегу даже угадываются горы, обрамленные лесом и кустарником.

Вдруг водоем исчез, словно его накрыл опустившийся занавес. Но занавес тут же поднялся, и вновь просветлело невиданное море: бескрайний простор спокойно покоящейся влаги.

Водоем даже издалека, учитывая смещенность расстояний в космосе, выглядел настолько громадным, что, наверное, в нем легко было простирнуть всю матушку-Землю. «Сколько ж в нем воды, интересно?» — подумал Джек. В центре фантастической заводи определенно имелось еще что-то, более темное озеро — внутри большего, прозрачного. Возможно ли, чтоб Небеса являли собой титаническое море? Ведь кроме этого суперокеана больше ничего нельзя было разглядеть.

И это...

Вот так номер! Какое там море! Прямо на Джека и Чарли взирал живой глаз!

Незачем и спрашивать, чей это Глаз.

Макфиф издал дикий вопль. Лицо его почернело, как в приступе удушья; из горла вырывался жуткий хрип... Тело корчилось словно в агонии; Чарли будто хотел избавиться от зонта, разжать пальцы, но они отказывались повиноваться, ослабить свою судорожную хватку. Макфиф конвульсивно пытался отвернуться от гигантского Глаза, уклониться от пронизывающего взора.

Глаз сосредоточился на зонте... Зонт вспыхнул мгновенно, как сухая солома. Хлопья горящей ткани, обуглившаяся палка и двое визжащих *гомо сапиенс* полетели вниз.

Спускаться с той же неторопливостью, с какой они были вознесены, не пришлось. Они ринулись со скоростью метеорита, лишившись от страха сознания. В какой-то миг Джек своей фи-

лейной частью ощутил, что земная твердь уже где-то очень близко... И тут же последовал сокрушительный удар. Джека подбросило вверх, как тряпичную куклу. Высоко подбросило, почти к тому пределу, откуда он начал сумасшедшее падение.

И опять оглушительный удар... снова и снова... Когда все закончилось, физическое «я» Джека лежало неподвижно, едва дыша, распростертое на поверхности планеты. Рука сжимала пучок сухой травы, торчавший из глинистой красной почвы. Превозмогая резь в глазах, Джек приоткрыл веки и осторожно осмотрелся.

Он лежал посреди широкой пыльной равнины. Было холодное раннее утро. В отдалении маячили какие-то здания. Рядом, будто сломанный манекен из магазина для толстяков, раскорячилось неподвижное тело Чарли Макфифа...

Шайен, штат Вайоминг.

Прошло немало времени, прежде чем Гамильтон сообразил, что люди не только дышат, но еще и говорят.

— Наверно, надо было сразу сюда и двигаться... — кое-как пробормотал Джек.

Ответа от Макфифа не последовало. Мозги ему, наверное, отшибло капитально. Доносилось лишь чириканье птиц на кривом дереве в нескольких ярдах от них.

С трудом поднявшись на ноги, Гамильтон доковылял до своего спутника. Тот был жив и внешних увечий не наблюдалось. Однако дыхание частое и неглубокое. По подбородку из полураскрытого рта тянулась дорожка липкой слюны. На лице застыла маска предельного ужаса.

Но почему именно ужаса? Разве шанс лицезреть Господа своего не вызвал у Чарли фанатичной радости?

Значит, вскрылись новые факты об окончательно свихнувшейся Вселенной. Их весьма затруднительно увязать в какую-нибудь удобоваримую концепцию. Ясно лишь одно — Гамильтон и Макфиф оказались в самом центре бахаитского мира. В Шайене, штат Вайоминг. Бог исправил отклонение Джека с правильного пути. Это Чарли пытался задержать его, направить по ложной стезе, но сейчас он, несомненно, на богоугодном пути. Тиллингфорд говорил верно: Провидение вело его именно к пророку Хорейсу Клэмпу.

Джек с любопытством всматривался в серые очертания маячившего вдалеке города. Над приземистыми, неказистыми строениями возвышался одинокий шпиль колоссальных размеров,

ослепительно сверкавший в лучах утреннего солнца. Небоскреб?.. Монумент?

Ни то ни другое. Это храм Единоправедной Веры. С расстояния в несколько миль Джек обозревал усыпальницу Второго Бааба. Власть бахаизма, которую он ощущал до сих пор, не пойдет ни в какое сравнение с тем, что предстоит.

— Вставай! — толкнул он застонавшего Макфифа.

— Меня не трогай, — просипел Макфиф. — Иди один. Я останусь тут.

Он сунул руку под голову и закрыл глаза.

— Я подожду, — ответил Гамильтон.

Пока длилось ожидание, Джек обдумывал сложившуюся ситуацию. Вот сидит он сейчас посреди штата Вайоминг, холодным осенним утром, с тридцатью центами в кармане... Что ему толковал Тиллингфорд? Джека пробрала нервная дрожь. Может, все-таки попробовать?

— Господи!.. — начал он, становясь в традиционную позу: колено к земле, ладони вместе, глаза набожно обращены к небу. — Вознагради смиренного раба Твоего согласно обычной тарифной сетке, по классу А-4 для специалистов-электронщиков.

Тиллингфорд упоминал о четырехстах долларах...

Какое-то время ничего не происходило.

Холодный ветер по-прежнему шелестел в сухом бурьяне да перекатывал пустые консервные банки по красной глинистой равнине. Но потом воздух дрогнул.

— Накрой голову! — завопил Гамильтон в сторону Макфифа.

На землю обрушился ливень из серебристых монет. Глухо звякая, монеты низринулись ослепляющим потоком. Когда поток иссяк, Гамильтон в восторге начал сбор невероятного урожая. Каково же было разочарование: до четырехсот долларов явно далековато. Попрошайка получил только на ближайшие карманные расходы.

Вероятно, большего он не заслуживал.

Джек наскреб сорок долларов и семьдесят пять центов. Ну, и на том спасибо! По крайней мере, с голоду он не умрет. А вот когда деньги кончатся... Тогда посмотрим!

— Не забудь, — хриплым голосом заметил, приподнимаясь, Макфиф. — Ты мне должен десять долларов!

Парень явно нездоров. Морда пошла пятнами, тучное тело того и гляди, как тесто, выползет из одежд. Щека дергается от тика. Происшедшая перемена свидетельствует о том, насколько потрясен Макфиф зрелищем Бога. Точно деморализованный солдат из разбитой армии.

— Ты что, не таким ожидал его увидеть? — спросил Джек, когда они уже брели по направлению к шоссе.

Проворчав что-то нечленораздельное, Макфиф сплюнул. Слюна была красной от набившейся в рот глиняной пыли. Сунув руки глубоко в карманы, Чарли потопал дальше, тупо глядя вперед и еле передвигая ноги.

— Ладно, — снизошел Гамильтон. — Это не мое дело.

— Я бы не прочь глотнуть чего покрепче, — выдавил наконец Макфиф.

Они взобрались на обочину шоссе. Макфиф принялся изучать содержимое своего бумажника.

— Увидимся в Белмонте. Гони десять баксов. Они мне пригодятся при покупке авиабилета.

Джек с неохотой отсчитал десять долларов, Макфиф принял мелочь без возражений.

Они добрались уже до окраины Шайена, когда Гамильтон заметил нечто отвратительное на шее у Макфифа: гроздь ужасных, красных, набухших болячек. И эта гадость разрасталась прямо на глазах...

— Вот это фрукты поспели!.. — удивленно присвистнул Джек.

Макфиф с немым страданием во взоре глянул на него. Немного погодя он показал себе на левую щеку.

— И абсцесс под зубом мудрости... — сообщил он убитым голосом. — Фурункул... Абсцесс... Моя кара.

— За что?

Ответа не последовало. Макфиф погрузился в безмолвную борьбу с угрызениями совести.

Гамильтон вдруг подумал, что может считать себя счастливчиком, если так легко отделался после встречи с Богом. Конечно, существует какой-то механизм отпущения грехов. Макфиф, если поведет жизнь праведную, сумеет избавиться от болячек. Проходимец от рождения, он наверняка найдет верный способ.

У первой попавшейся остановки автобуса они плюхнулись на холодную сырую скамью. Прохожие, спешившие в город за субботними покупками, с любопытством оглядывались.

— Мы — паломники, — ледяным тоном сообщил Джек в ответ на один уж очень бесцеремонный взгляд. — Да-да, на коленях приползли из Бэттл-Крик, штат Мичиган.

Как ни странно, на сей раз никакого наказания свыше не последовало. Тяжело вздохнув, Гамильтон почти пожалел об этом. Капризная стихия личности Вседержителя вызывала больше чем недоумение. Слишком плохо соотносились между собой злополучные «преступление и наказание». Может, молния праведно-

го гнева поразила сейчас какого-нибудь невинного шайенца на другом конце города.

— Ну, вот и автобус!.. — с благодарной дрожью в голосе проговорил Макфиф, тяжело подымаясь на ноги. — Доставай свои пятицентовики.

Когда автобус сделал остановку возле аэропорта, Макфиф выбрался наружу и заковылял к административному зданию. Джек остался сидеть: его путь лежал к сияющему шпилю, обелиску или башне, то бишь — к Единоправедной Усыпальнице.

Пророк Хорейс Клэмп встретил Джека в огромном, давящем своей величественностью вестибюле. Внушительных размеров мраморные колонны обступали со всех сторон. Усыпальница являла собой откровенное подражание традиционным мавзолеям античности. Несмотря на всю импозантность сооружения, здесь так и витал изрядный налет дешевой пошлости. Громадная, грозная мечеть шокировала уродством. Подобные монстры создаются людьми, начисто лишенными художественного вкуса. К примеру, коммунистами в Советском Союзе. Но, в отличие от советских учрежденческих «шедевров», это блюдо приправлено еще и всевозможными наличниками, панелями и шпалерами, бронзовыми завитушками и шарами. Монументальные барельефы изображали пасторальные сценки из жизни Ближнего Востока: фигуры, все до единой, — с благообразными постными физиями, тщательно одеты или задрапированы.

— Приветствую! — возгласил пророк, в благословляющем жесте поднимая пухлую ручку.

Хорейс Клэмп будто сошел с плаката воскресной школы: кругленький, семенящий вперевалку, в мантии с капюшоном, с благодушно-идиотским выражением лица. Мягким жестом он пригласил Джека подняться на верхнюю ступеньку и легонько подтолкнул его вперед. Внешне Клэмп был вылитый вождь-исламит. Когда они вошли в богато обставленный кабинет вождя, Гамильтон в ужасе и отчаянии спросил себя, зачем он здесь. Действительно ли все это имеет хоть долю смысла?

— Я ждал вас, — деловито сообщил Клэмп. — Меня известили о вашем прибытии.

— Известили? — спросил озадаченный Гамильтон. — Кто?

— Как это кто? Конечно же сам Тетраграмматон.

— Вы хотите сказать, — Джек обескураженно моргнул, — что являетесь пророком бога по имени...

— Никто не может называть его по имени, — с лукавым проворством перебил Клэмп. — Имя его слишком священно. Он предпочитает, чтобы о нем упоминали, пользуясь термином Тетраграмматон[1]. Я даже удивлен, что вы этого не знаете. Это общеизвестно!

— Видимо, я кое в чем еще профан, — признался Гамильтон.

— Как я понимаю, недавно вы сподобились видения?

— Если вы спрашиваете, видел ли я — мой ответ утвердительный.

Джек поймал себя на мысли, что, едва успев познакомиться с пророком, он уже испытывает чувство некоторой брезгливости, если не отвращения.

— Как Он там?

— По-моему, в добром здравии. — Гамильтон не сдержался и добавил: — Если учесть Его возраст.

Клэмп сосредоточенно прохаживался по кабинету, сверкая абсолютно лысым, как бильярдный шар, черепом. По идее пророк должен олицетворять духовную мудрость, излучать достоинство иерарха, но выглядел он на самом деле форменной карикатурой. Конечно, все стереотипные представления о священнике высокого ранга налицо... Для того чтобы быть убедительным, он слишком величав.

Как чье-то уродливое представление о том, каким должен быть духовный глава Единоправедной Веры.

— Отче, — без обиняков начал Гамильтон, — думается, мне лучше сразу все выложить... В этом мире я нахожусь примерно сорок часов, никак не больше. И, откровенно говоря, полностью сбит с толку. Это абсолютно безумный мир для меня. Луна величиной с горошину — это абсурд. Геоцентризм — когда Солнце вращается вокруг Земли! — примитив. И архаичная, чуждая Западу идея Бога: капризный старец, осыпающий то монетами, то змеями, то болячками...

Клэмп колюче взглянул на Гамильтона:

— Но, простите, таков порядок вещей! Все это — Его творение!..

— *Это* творение — может быть. Но не то, которому принадлежу я. Мир, откуда я...

— Вероятно, — перебил Клэмп, — вам бы следовало рассказать, откуда вы. С таким поворотом дел Тетраграмматон меня

---

[1] Тетраграмматон *(греч.)* — букв.: «слово из четырех букв». Употреблялось для обозначения имени «Яхве» (в древнееврейской транскрипции JHVH).

не ознакомил. Он просто известил, что сюда держит путь заблудшая душа.

Без особого энтузиазма Джек кратко изложил свои приключения.

— Ох! — только и смог вначале выдавить Клэмп. Пророк со скептически-огорченным видом заходил по кабинету взад-вперед. — Нет! Я никак не возьму в толк!.. Хотя случиться подобное могло, вероятно, могло... Вы, стоя здесь, передо мной, заявляете, будто вплоть до прошлого четверга существовали в мире, не осененном Его присутствием?

— Я этого не утверждал. Но — в мире, который не осенен столь грубым и напыщенным присутствием. В моем мире, в моей жизни ничего похожего на племенные культы не было, как не было ни грохота, ни грома. Но Он тем не менее в моем мире вполне присутствовал. Я всегда исходил из того, что Он существует. Но Его присутствие возвышенно и ненавязчиво. Так сказать, Он за кулисами и не меняет декораций всякий раз, стоит лишь кому-то выйти из роли.

Пророк обалдело внимал откровениям Гамильтона.

— Это неслыханно... Я не мог даже мысли допустить, что где-то существуют целые миры неверных.

Джек почувствовал, что терпение с каждой секундой испаряется.

— Неужто до вас не доходит, о чем я?.. Ваша занюханная Вселенная, этот Бааб, или как там его...

— Второй Бааб! — перебил его Клэмп.

— Что такое — «Бааб»? И где тогда Первый? Откуда вся эта чушь?

Наступила пауза презрительного (со стороны пророка) молчания. Наконец Хорейс Клэмп усмирил свой праведный гнев и заговорил:

— Девятого июля 1850 года Первый Бааб был казнен в Табизе. Двадцать тысяч его последователей, бахаитов, были зверски умерщвлены. Первый Бааб — истинный пророк Господа. Он умер, явив людям множество чудес. Его тюремщики рыдали, словно дети, когда он умирал. В 1909 году его останки были перенесены на гору Кармель.

Клэмп умолк. На минуту повисла драматическая тишина, а взгляд Клэмпа наполнился огнем истовой веры.

— В 1915 году, через шестьдесят пять лет после своей кончины, Бааб появился вновь на Земле. В Чикаго, в восемь часов утра четвертого августа, свидетелями этого стали посетители одного ресторана. И это несмотря на тот неоспоримый

факт, что его физические останки на горе Кармель неприкосновенны до сих пор.

— Понимаю, — кивнул Джек.

В священном порыве подняв обе руки, Клэмп продолжил:

— Какие еще нужны доказательства? Видел ли мир когда-либо большее чудо? Первый Бааб был только пророком Единосущего Бога...

Дрожащим от волнения голосом Клэмп закончил:

— ...тогда как Бааб Второй — это... *Он!*

— А почему именно Шайен?

— Бааб Второй окончил свои дни на Земле именно в этом месте. 21 мая 1939 года Он вознесся в Рай, уносимый пятью ангелами, на глазах у верующих в Него. Это был момент божественного потрясения. Я лично... — Тут в горле у пророка что-то булькнуло, наверное, пузырь благоговейного экстаза. — Я сам получил от Второго Бааба, в Его последний час на Земле, Его личные...

Патетическим жестом он указал на нишу в стене кабинета.

— Вот в этом михрабе хранятся часы Второго Бааба, его авторучка, бумажник и один зубной протез. Остальные зубы, будучи природными, вместе с ним вознеслись в Рай! Сам я, в период земного бытия Второго Бааба, был его хронистом. Я и записал большую часть текстов «Байяна» вот на этой пишущей машинке...

Он прикоснулся к стеклянному колпаку, под которым стоял старый разбитый «ундервуд», пятая модель в конторском варианте.

— А теперь, — заявил Клэмп, — давайте-ка поразмыслим над той картиной, которую вы только что описали. Подумать только, чтоб целый мир, миллиарды людей проживали свои жизни напрасно — в отлучении от светлого лика Единосущего Бога!

Рвение проповедника полыхнуло огнем в его глазах, и жуткое слово сорвалось с его уст:

— Джихад!

— Подождите!.. — вздрогнул Гамильтон. Но Клэмп решительно оборвал его.

— Джихад! — возбужденно возопил он. — Мы возьмемся за полковника Эдвардса в «Калифорния мэйнтэнанс»... Немедленно перестроим производство на ракеты дальнего радиуса... Но прежде всего бомбардируем этот пораженный безверием район литературой священного содержания. Затем, когда во тьме забрезжат огоньки духовности, мы пошлем бригады инструкторов... Затем — концентрация специальных сил странствующих дервишей, пропагандирующих истинную веру через средства массовой информации. Телевидение, кино, книги, аудиокассеты... Я склонен думать, что Тетраграмматона можно будет уго-

ворить на пятнадцатиминутный рекламный ролик. Или даже записать долгоиграющие послания во спасение неверующих.

«Боже, — подумал Гамильтон, — неужели для этого я сброшен в Шайен?..» Слушая истеричные завывания пророка Клэмпа, Джек чувствовал, как его вновь покидают сила воли и уверенность в себе. Может, он всего лишь слепой исполнитель чужих замыслов? Может быть, мир, прильнувший к груди Тетраграмматона, и есть единственно реальный мир?

— Могу ли я побродить вокруг усыпальницы? — слабеющим голосом попросил Джек пророка. — Хочется посмотреть, что представляет собой святыня бахаизма.

Клэмп, погруженный в свои мысли, поднял на него невидящий взор:

— Что?.. Да-да, разумеется.

Он нажал на кнопку селектора:

— Немедленно выхожу на связь с Тетраграмматоном...

Здесь он осекся, наклонился к Гамильтону и, подняв вопросительно вверх руку, проговорил:

— Как вы думаете, почему Он не сообщал нам о странном мире тьмы и безверия?

Гладкое и сытое лицо пророка Второго Бааба омрачилось сомнением.

— Я чуть было не решил... — Он покачал головой. — Действительно, пути Господни неисповедимы.

— Весьма даже! — поддакнул Джек и, выскочив из кабинета, направился по гулкому мраморному коридору.

Даже в столь ранний час тут и там бродили набожные посетители, прикасаясь к святыням и глазея на все вокруг. В одном из притворов группа хорошо одетых мужчин и женщин распевала гимны. Джек собирался прошмыгнуть мимо, но передумал...

В воздухе над верующими парило слабо светившееся видение, божественный образ, показавшийся Гамильтону даже несколько ревнивым, если не завистливым... И Джек решил, что присоединиться к этим людям — неплохая мысль.

Нерешительно приблизившись, он примкнул к поющим и стал, не без насилия над собой, неуверенно подпевать. Гимны были ему неизвестны, но он быстро усвоил их стиль и ритм. Предельно простые фразы повторялись опять и опять, с бесконечной монотонностью. Очевидно, Тетраграмматон был воистину ненасытен. По-детски эгоистическая личность, постоянно требовавшая хвалы и славословий — самых примитивных и грубых. Скорый на расправу, Тетраграмматон, по-видимому, с той же легкостью впадал в эйфорию, страстно жаждал лести и упивался ею.

Обеспечивать равновесие двух крайностей — дело весьма деликатное... И опасное. Легко возбудимое Божественное Присутствие рядом, всегда ревнуя и подстерегая неверный шаг верующего.

Исполнив свой религиозный долг, Гамильтон мрачно отправился дальше. Здание и люди в равной мере полны напряженным ощущением близости Тетраграмматона. Джек ощущал Его повсюду. Подобно густому смогу, исламский Бог проникал в каждую щелку и царил везде.

С тягостным удивлением Джек увидел громадную мемориальную доску, освещенную прожекторами. Он принялся изучать ее.

«ЕСТЬ ЛИ ТВОЕ ИМЯ В ЭТОМ ПЕРЕЧНЕ?» — гласила крупная надпись вверху.

Список был составлен в алфавитном порядке. Гамильтон не нашел себя в нем. Не было там и Макфифа. Бедняга Макфиф... Джек ядовито хмыкнул. Однако Чарли все равно выкрутится. Имени Марши он тоже не обнаружил. Весь перечень на удивление краткий. Подумать только: неужели из всего человечества только эта жалкая горстка достойна пребывать в Раю?

Джек почувствовал, как в нем закипает волна мрачной ненависти. Он решил поискать на доске имена великих людей, хоть что-нибудь значивших для него: Эйнштейн, Альберт Швейцер, Ганди, Линкольн, Джон Донн. Никого! Гнев только возрос. Что происходит, в конце концов? Эти души брошены в Геенну потому, что не принадлежали вере Второго Бааба из штата Вайоминг?

Конечно!.. Иначе быть не могло. Спасутся только верующие в Него. Всем остальным — бесчисленным миллиардам — уготованы адские печи. Самодовольные колонки имен представляли цвет фанатизма и тупости — основы основ Единоправедной Веры. Тривиальные личности, банальные посредственности из потока истории...

Одно имя тем не менее оказалось знакомым. Джек долго пялился, недоумевая, как оно могло оказаться тут. Почему из всех, кого он знал в жизни, лишь этот деятель очутился в списке праведников:

АРТУР СИЛЬВЕСТР.

Старый вояка! Тот самый суровый воин, который сейчас валяется в госпитале в Белмонте. Он, оказывается, один из главных подвижников Единоправедной Веры.

Что ж, в этом был определенный смысл. Смысл настолько глубокий, что Гамильтон несколько минут мог только беззвучно разевать рот, как рыба на песке.

Он смутно, еще не приходя к вразумительным выводам, начал угадывать, как в этой шараде свести концы с концами. Наконец-то можно нащупать основание всей этой пирамиды.

Предстояло возвращение в Белмонт. И первым делом надо было повидать Артура Сильвестра.

В шайенском аэропорту Джек выложил перед кассиром всю свою наличность и сказал:

— Один билет до Сан-Франциско. В крайнем случае согласен и на багажный отсек.

Все равно на билет не хватало. Срочная телеграмма Марше принесла недостающие доллары... и закрыла его банковский счет. С денежным переводом от Марши пришло непонятное послание:

«МОЖЕТ, НЕ СТОИТ ТЕБЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ.
СО МНОЙ ПРОИСХОДИТ ЧТО-ТО СТРАННОЕ».

Это удивило, но не сильно. По правде говоря, Джек уже неплохо представлял, что могло произойти.

Самолет прибыл в Сан-Франциско незадолго до полудня. Дальше Гамильтон ехал автобусом компании «Грейхаунд». Парадная дверь его дома в Белмонте оказалась запертой, а в широком окне гостиной желтым неподвижным пятном маячила печальная рожа Прыг-Балды. Марши не видно. Но Джек почему-то сразу понял, что она дома.

Отперев дверь, Джек с порога крикнул:

— Я приехал!

Из глубины темной спальни донеслось сдавленное рыдание.

— Дорогой, я умираю!.. — Марша беспомощно копошилась в затемненной комнате. — Я не могу к тебе выйти. И не смотри на меня. Пожалуйста, не смотри!

Гамильтон снял трубку телефона и набрал номер.

— Приезжай ко мне домой, — приказал он Биллу Лоузу. — И всех из нашей группы обзвони, кого сможешь. Джоан Рейсс, женщину с сыном, Макфифа — если он отыщется...

— Эдит Притчет с сыном еще в больнице, — ответствовал Лоуз. — Только Богу известно, где могут быть остальные. А почему так срочно?..

Извиняющимся тоном он добавил:

— Я, видишь ли, с похмелья.

— Тогда сегодня вечером!..

— Давай завтра, а? В воскресенье тоже будет неплохо. А что случилось-то?

— Мне кажется, я раскусил суть нашей переделки, — сообщил Гамильтон.

— Как раз когда мне начинает нравиться!..

Дальше Лоуз заговорил, подражая сленгу негров из гетто:

— А завтра здеся бальшой день. В Божье васкрисенье нам хотится плясать бал.

— Что с тобой?

— Ничаво, сэр. — Лоуз хмыкнул в трубку. — Вапще ничаво.

— Значит, увидимся в воскресенье! — Гамильтон повесил трубку и повернулся к спальне. — Выходи! — резко бросил он жене.

— Не выйду! — упрямо ответила Марша. — Ты не должен смотреть на меня. Я уже так решила.

Став на пороге спальни, Джек похлопал себя по карманам, ища сигареты. Напрасно: он оставил их у Силки. Не сидит ли девица по-прежнему в его «форде», через дорогу от церкви отца О'Фаррела? Вероятно, она видела их с Чарли вознесение. Но девица она ушлая, вряд ли ее это удивило. Так что страшного ничего не произошло. Разве что он потратит немало времени, прежде чем разыщет свою машину.

— Ну, малышка, иди же! — позвал он жену. — Я хочу завтракать. А если тебя пугает то, что я предполагаю...

— Это ужас какой-то! — В голосе Марши звучали отчаяние и отвращение. — Я хотела покончить с собой. Ну почему это случилось? Что я такого сделала? За что мне такое наказание?!

— Это не наказание, — заметил Джек как можно мягче. — И скоро пройдет.

— Правда? Ты уверен?

— Если только мы будем правильно действовать. Я иду с Балдой в гостиную. Мы ждем тебя.

— Он все уже видел. — Голос Марши опять задрожал. — Я ему отвратительна!..

— Коты всегда торопятся, ты знаешь...

В гостиной Джек плюхнулся на диван и принялся терпеливо ждать. Наконец из темной спальни донеслись звуки осторожных шагов. К выходу приближался неуклюжий силуэт.

Игла острой жалости пронзила Джека. Бедняжка!.. Ей ведь непонятно случившееся!

Толстая, приземистая фигура смотрела на него с порога. Несмотря на предупреждение, Джека потрясло увиденное. Сходства с Маршей у фигуры почти никакого. Неужели это раздувшееся чудовище — его жена?!.

Слезы текли по ее шершавым щекам.

— Что... что мне делать? — прошептала она.

Вскочив с дивана, Джек подбежал к жене.

— Это долго не продлится, уверяю тебя! Подобное произошло не только с тобой. Лоуз еле волочит ноги... И говорит с негритянским акцентом.

— Какое мне дело до Лоуза! Ты лучше на меня посмотри!

Происшедшие перемены могли впечатлить кого угодно. Прежде шелковистые каштановые волосы теперь висели тусклой паклей; кожа стала серой и угреватой. Тело невероятно расплылось вширь. Огрубели и распухли руки; ногти расслоились и почернели. А ноги превратились в две белые колонны, пораженные плоскостопием и обросшие мерзкой волосней. Одета Марша тоже весьма странно: свитер грубой вязки, заляпанная юбка из твида, теннисные туфли... с торчащими грязными носками.

Гамильтон оглядел жену со всех сторон.

— Что ж, выходит, я абсолютно прав.

— Это Бог, наверно...

— К Богу это не имеет никакого отношения. Скорее — наоборот. Имеется тут некий ветеран войн по имени Артур Сильвестр. Спятивший солдафон, уверовавший фанатично в свои шизоидные религиозные заморочки. А люди вроде тебя для него опасные радикалы. У старика весьма конкретное представление насчет того, как должен выглядеть радикал. Особенно молодая, радикально мыслящая дама вроде тебя.

Грубое лицо Марши исказилось болью.

— Я выгляжу как... как отрицательный герой мультфильма.

— Ты выглядишь так, как воображает себе Сильвестр. Он также думает, что негры непрерывно шаркают подошвами. Так что нам, я думаю, несладко придется... Если мы не выберемся из мира идиотских фантазий Артура Сильвестра как можно скорее, то нам конец.

Глава 8

Воскресным утром Джека разбудил шум и грохот, царившие в доме. Сразу припомнилось загадочное предсказание Лоуза о каком-то недобром событии, ожидавшем их в начале Божьего дня.

Из гостиной неслись рев и скрежет. Гамильтон очертя голову бросился туда и обнаружил, что телевизор непонятно как включился и экран не только ожил, а, похоже, взбесился. Картина представляла собой сумбурную круговерть красных, синих

и пурпурных пятен. Из динамиков шел девятый вал убийственного рева — наверное, такие звуки должны нестись прямо из адских пределов.

Постепенно до Джека дошло, что это скорее всего воскресная проповедь самого Тетраграмматона.

Выключив телевизор, он прошлепал обратно в спальню. Несчастная Марша свернулась в кровати бесформенной грудой, уклоняясь от солнечного света, бившего в окно.

— Пора вставать, — сказал ей Джек. — Разве ты не слышишь, как Всевышний вопит в гостиной?

— О чем? — недовольно пробормотала Марша.

— Да ничего особенного. Покайтесь — или будете вечно прокляты. Декламация для улицы.

— Не смотри на меня! — взмолилась Марша. — Отвернись, пока я одеваюсь. Господи, какая я теперь уродина!

В гостиной снова на полную мощность включился телевизор. Никто не пытался больше прерывать эту вселенскую ругань. Стараясь не слушать и не слышать, Джек ушел в ванную и занялся бесконечным умыванием и бритьем.

Когда он вернулся в спальню и стал одеваться, у входа раздался звонок.

— Они уже здесь, — напомнил Джек Марше.

Жена, отчаянно пытаясь привести в порядок волосы, простонала:

— Не могу их видеть. Пусть они уйдут.

— Милая, — решительно сказал Джек, шнуруя ботинки, — если ты хочешь вернуть свой настоящий облик...

— Вы дома аль нет? — раздался голос Билла Лоуза. — А, понял, щас дверь толкну...

Гамильтон поспешил в гостиную. Там уже топтался Лоуз. Руки его болтались как плети, глазные яблоки вылезли из орбит, колени полусогнуты. Он комично дернулся навстречу Гамильтону.

— Видок у тя в порядке, — заметил он Джеку. — Глянь-ка, миня доконало... Этот ваш долбанутый мир миня в хлам раздолбал.

— Ты специально так болтаешь? — строго спросил его Джек, не зная, забавляться или злиться.

— Спе... сьяльно?.. — Негр остолбенело уставился на Джека. — Чаво изволите, масса Гамильтон?

— Либо ты полностью в руках у Сильвестра, либо ты самый большой циник, какого я знаю.

Глаза Лоуза неожиданно сверкнули.

— В руках у Сильвестра? Что ты имеешь в виду? — Акцент его исчез. — А я-то думал, что это само Его Непреходящее Величество.

— Значит, акцент — только игра?

У Лоуза в глазах блеснула усмешка.

— Я сильнее, чем он, Гамильтон... Он здорово давит, чистое наваждение, но в счете веду я.

Он заметил Маршу:

— Кто это?

Джек смутился:

— Моя жена. Напасть ее просто одолела.

— Господи Иисусе, — прошептал Лоуз. — Что будем делать?

Звонок в двери вновь вывел резкую трель. Марша с громким рыданием бросилась в спальню. Теперь появилась мисс Рейсс. Строгая, уверенная, она прошагала в гостиную; на ней был серый деловой костюм, туфли на низком каблуке и очки в роговой оправе.

— Доброе утро! — возгласила она быстрым стаккато. — Мистер Лоуз мне сообщил...

Вдруг она удивленно оглянулась на телевизор:

— У вас тоже?

— Конечно. Он всем жару задает.

Мисс Рейсс явно испытала обегчение.

— А я подумала, что он меня одну избрал.

В приоткрытую дверь неожиданно вполз, скрючившись от боли, Макфиф.

— Всем привет, — пробормотал он. Еще более вздувшаяся щека была забинтована. Шея обернута белой повязкой, концы которой засунуты под ворот рубашки. Осторожно ступая через гостиную, Чарли подошел к Гамильтону.

— По-прежнему плохо?.. — сочувственно спросил его Джек.

— По-прежнему, — печально опустил голову Макфиф.

— Итак, в чем дело? — повысила голос мисс Рейсс. — Мистер Лоуз сказал, что вы собираетесь нам нечто сообщить. Что-то об этом странном, все еще продолжающемся заговоре...

— Заговоре? — переспросил с беспокойством Джек. — Вряд ли подобное слово здесь уместно.

— Согласна! — с жаром поддержала его мисс Рейсс. — Обстоятельства далеко превосходят рамки обычного заговора.

Гамильтон не стал спорить. Подойдя к спальне, где заперлась Марша, он нетерпеливо постучал:

— Выходи, дорогая. Пора ехать в госпиталь.

После томительной паузы Марша появилась в дверях. Она надела просторную пелерину и джинсы, а волосы, в попытке

хоть как-то прикрыть их безобразие, собрала в узел под красной косынкой. Косметикой она пренебрегла — в теперешнем положении это было бы глупо.

— Я готова, — грустно сказала она.

Гамильтон припарковал «плимут» Макфифа на госпитальной автостоянке. Когда все вышли и направились к подъезду, Билл Лоуз спросил:

— Значит, ключ ко всему — вояка Артур Сильвестр?

— Артур Сильвестр — сам мир вокруг нас, — ответил Джек. — А ключ ко всему — сон, который видели ты и Марша. И много еще другого. Вот ты, например, волочишь ноги. А бедную Маршу изувечили самым мерзким образом. Потом идиотский кодекс бахаитов. Нелепая модель Вселенной... У меня такое ощущение, будто я изучил Артура Сильвестра как внешне, так и с изнанки. В основном — с изнанки.

— Ты уверен?

— Все мы угодили под жуткий луч в «Мегатроне». В течение этого времени работало только одно сознание, одна система логических связей для всех. Это — внутренний мир Сильвестра, ни на секунду не терявшего память.

— Тогда, — сделал вывод рассудительный Лоуз, — мы на самом деле находимся не здесь...

— Да, физически мы по-прежнему валяемся в развороченном «Мегатроне». Но в плане ментальном — мы здесь. Избыточная энергия луча превратила бесплотную начинку черепушки Сильвестра в некое подобие Вселенной. Мы теперь полностью подвластны логике безумца, измыслившего еще в тридцатых годах в Чикаго нелепый религиозный культ. Мы пойманы в его бредовой реальности, мы все — лишь смутные тени его невежественного и фанатичного сознания. Мы — в голове у этого человека.

Гамильтон жестом показал вокруг:

— Этот пейзаж... рельеф... это его мозговые извилины, так сказать. Холмы и долины рассудка Артура Сильвестра.

— О Господи!.. — прошептала мисс Рейсс. — Мы в его власти! Он хочет уничтожить нас...

— Сомневаюсь, понимает ли он сам, что произошло. Горькая ирония происходящего. Сильвестр, вероятно, чувствует себя вполне нормально в чокнутом мире, не находя ничего странного и необычного. Да и может ли быть иначе? В болотце таких фантазий он прожил всю жизнь.

Они переступили порог госпиталя. Вокруг — ни души. Лишь слышен несущийся из динамиков надсадный рев Тетраграмматона.

— Я чуть не забыл об этом, — признался Гамильтон. — Будем осторожны!

В справочном столе персонал тоже отсутствовал. Очевидно, все собрались на проповедь. Обратившись к справочному автомату, Джек вызвал на табло номер палаты Артура Сильвестра. Через минуту они поднимались в лифте.

Дверь в палату Сильвестра была нараспашку. В кресле сидел тощий, похожий на жердь старик. Он не отрывал взгляд от телеэкрана. Рядом расположились миссис Эдит Притчет и ее сынок Дэвид. Миссис Притчет беспокойно ерзала. При виде посетителей она издала вздох облегчения. Сам Сильвестр не шелохнулся. С непреклонностью фанатика он слушал и лицезрел своего бога, целиком погрузившись в воинственные завывания гремящей проповеди.

Сильвестра явно не смущало прямое обращение к нему Создателя. Так, обычная воскресная процедура. Старый вояка сейчас потреблял еженедельную порцию духовной пищи.

Раздраженный Дэвид подошел к Гамильтону.

— Что это за чертовщина? — сердито спросил он, показывая на экран. — Этого нельзя вынести!

Его мать сидела, деликатно покусывая очищенное яблоко. На лице дамочки отражалась разве что досада на слишком громкий звук.

— Трудно прямо вот так с ходу объяснить, — заметил парнишке Джек. — Вы, вероятно, раньше не встречались со Вседержителем.

Обтянутый бесцветной кожей череп Сильвестра повернулся в сторону вошедших. Колючие серые глазки остановились на Гамильтоне:

— Прекратить разговоры!

От интонации этого голоса Джека пробрал озноб. Старик, не говоря больше ни слова, отвернулся к телевизору.

Они крепко увязли в мире старого маразматика. Впервые с момента аварии Джек ощутил неподдельный страх.

— Я думаю... — уголком рта пробормотал Лоуз, — эту речугу нам всем придется послушать.

Похоже, Лоуз прав. Интересно, сколько положено длиться проповеди, каков на этот счет Его обычай?

Минут через десять иссякло терпение миссис Притчет. Со стоном отчаяния она поднялась и прошла к дальней стене комнаты, где сгрудились все, кроме старика.

— Боже милостивый! — пожаловалась она. — Я всегда терпеть не могла крикливых евангелистов. Но такого за всю жизнь не слыхала.

— Скоро он скиснет, — забавляясь, пообещал Джек. — Он тоже ведь не железный.

— В госпитале все торчат у телевизоров, — надула губы миссис Притчет. — Это вредно отразится на мальчике. Я всегда старалась воспитывать в нем рациональное отношение к миру. А это место явно ему не подходит.

— Разумеется, все это не для него, — согласился Джек.

— Мой сын должен получить хорошее образование, — доверительно и в то же время чопорно поведала миссис Притчет. При этом поля ее широченной шляпы тряслись, как крылья у курицы-наседки, почуявшей коршуна. — Я хочу, чтоб он узнал величайших классиков, испытал все красоты жизни. Отца его звали Элфрид Притчет. Это он осуществил замечательный рифмованный перевод «Илиады». Я считаю, что и в жизни обычного человека искусство должно занимать не последнее место. Вы согласны?.. Жизнь юноши от этого станет богаче и содержательней.

Миссис Притчет оказалась почти столь же несносной, как и Тетраграмматон.

Мисс Рейсс простонала, повернувшись спиной к экрану:

— Я больше не могу!.. Этот скверный старикашка с его бредятиной...

Лицо ее нервно задергалось.

— Хочется схватить что потяжелее и запустить ему в голову!

— Мэм, — промямлил ей Лоуз. — Этот старый хрен вам устроит такую жисть, как вам и не снилось. Хоть вы што угодно делайте!..

Миссис Притчет жадно вслушивалась в акцент Лоуза.

— Региональные говоры так ласкают слух! — нежно проворковала она. — Откуда вы родом, мистер Лоуз?

— Из Клинтона, штат Огайо, — ответил безо всякого акцента Лоуз. Реакция миссис Притчет оказалась для него неожиданной. Он бросил в ее сторону яростный взгляд.

— Клинтон! Огайо! — не замечая красноречивых взоров, повторила в бессмысленном восторге миссис Притчет. — Я там была проездом! В Клинтоне очень милый оперный театр, не правда ли?

И она принялась перечислять свои любимые оперы.

— Вот это женщина! — обернулся Гамильтон к Марше. — Такая и глазом не моргнет, если даже весь мир провалится в тартарары.

Говорил Джек негромко. Но именно в этот момент закончилась гремящая проповедь. Гнев и ярость отбушевали на экране, комната мгновенно погрузилась в тишину. Джек смутился. Ведь его последняя фраза явственно прозвучала в наступившей тишине.

Сильвестр медленно повернул свою голову на тонкой индюшачьей шее.

— Прошу прощения?.. — прошипел ледяной голос. — Вы хотели что-то сказать?

— Совершенно верно. — Отступать Джеку было некуда. — Я хочу поговорить с вами, Сильвестр. Нас семеро, кому хочется взять одну кость... А вы держите ее другой конец!

Телевизор в углу показывал стайку ангелов, распевающих популярные шлягеры. Лица у всех напоминали чистые листы писчей бумаги. Ангелы блаженно раскачивались в такт, придавая скорбным литаниям несколько джазовый оттенок.

— У нас одна общая проблема, — глядя на старика, заявил Гамильтон.

Возможно, Сильвестр действительно обладал властью низвергнуть их в ад. В конце концов именно ему принадлежал этот мир, и если на Тетраграмматона имелся шанс надавить, то сделать это мог только Сильвестр.

— Что за проблема? — поморщился Сильвестр. — Почему вы не на молитве?

Игнорируя последний вопрос, Джек продолжил:

— Мы сделали одно открытие касательно случившейся с нами аварии. Кстати, как вы себя чувствуете?

На вялом старческом лице появилась самодовольная ухмылка.

— Я полностью поправился. И причина — не в убогой медицине, а в Божьей милости и в твердости веры. Вера и молитва проведут человека сквозь любые тернии.

Он добавил:

— То, что вы назвали аварией, ниспослано Провидением для испытания веры. Проверка Господом, из какого материала мы сделаны.

— О, я уверена, — вмешалась миссис Притчет с присущим ей апломбом, — что Провидение не стало бы так мучить людей!

Старик посмотрел на нее взглядом удава.

— Единосущий Бог, — категорически заявил он, — это суровый Бог. Он распределяет кару и милости по своему усмотрению. Наш удел — послушание. Человечество брошено на Землю во исполнение воли Космического Властелина.

— Из нас восьмерых, — гнул свою линию Джек, — семеро потеряли сознание после катастрофы. Один же все время оставался в сознании — и это были вы.

Сильвестр кивнул с довольным видом:

— Падая, я молил Единосущего Бога о помощи и защите.

— Защите от чего? — вмешалась мисс Рейсс. — От того, что он сам на вас наслал?

Джек сделал предостерегающий знак, а затем продолжил:

— На «Мегатроне» в тот момент случился излишек свободной энергии. При обычных обстоятельствах каждый человек имеет свою шкалу ценностей, свою точку отсчета, систему координат. Но поскольку мы все потеряли сознание, находясь в поле высоких энергий, а вы свое — не теряли...

Сильвестр не слушал. Он пристально смотрел куда-то мимо Гамильтона — в сторону Билла Лоуза. Праведный гнев чуть прибавил красок его впалым щекам.

— Кто это там? — визгливо спросил вояка. — Не цветной ли?

— Это наш гид, — спокойно пояснил Гамильтон.

— Прежде чем продолжать разговор, — сухим тоном заявил Сильвестр, — я попрошу цветного выйти вон. Здесь личные покои белого человека.

То, что в следующий миг произнес Джек, проклюнулось у него в голове неизвестно из каких глубин подсознания. Объяснить происшедшее невозможно; слова родились естественно и непроизвольно...

— Пошел ты к дьяволу! — бросил Джек. И тут же чуть не задохнулся от нахлынувшего на него ужаса, увидев каменеющее лицо Сильвестра.

Ну что ж, чему быть — того не миновать! Пусть случится даже самое непоправимое.

— Белый человек?! Вот оно что! Если Второй Бааб, или как его там, Тетраграмматон, спокойно тебя сейчас слушает, отсиживая себе задницу, значит, он еще большая пародия на Бога, чем ты сам — пародия на человека!

Миссис Притчет судорожно глотнула... Дэвид хихикнул. Мисс Рейсс и Марша невольно попятились. Лоуз стоял неподвижно, точно статуя, лицо его хранило неостывший след полученного оскорбления. Только уголки рта скривились в сардонической усмешке. Макфиф молча баюкал в углу свою раздувшуюся щеку и, по-видимому, не реагировал на внешние раздражители.

Артур Сильвестр медленно поднялся во весь рост. Прямотаки не человек, а карающая десница, занесенное орудие очищения от скверны. Он встал на защиту своего божества, своей

страны, своей расы и личного достоинства — всего сразу. Какой-то миг он собирался с силами. Тощее тело сотрясала дрожь. И вот из недр тщедушного организма вызмеилась тонкая, ядовитая ненависть:

— Так ты — любитель негров!..

— Именно так! — подтвердил Джек. — А еще я атеист и красный вдобавок. Вы не знакомы, сэр, с моей женой? Русская шпионка. Вы знакомы с моим другом Лоузом? Дипломник в экспериментальной физике, достоин сидеть за банкетным столом с кем угодно из ныне здравствующих на Земле. Вполне достоин, чтобы...

Хор ангелов сгинул с телеэкрана. Изображение задергалось, будто ручки настройки крутил паралитик. Поплыли темные круги, они угрожающе расширялись, наплывая волнами; из динамиков вместо сладенькой музыки исторгся визг и грохот заряженных яростью конденсаторов. Ушные перепонки готовы были вот-вот лопнуть.

Вырастая на глазах, от экрана отделились четыре фигуры. Это были ангелы. Крепкого сложения, с недобрым блеском глаз, каждый весом не меньше двухсот фунтов. Хлопая крыльями, четверка набросилась на Гамильтона. Сильвестр, с искаженным от злорадства лицом, отступил назад, наслаждаясь спектаклем кары небесной, поразившей богохульника.

Первого крылатого громилу Джек лихим крюком послал в нокаут. У него за спиной Билл Лоуз взмахнул настольной лампой и двинул ею второго ангелочка по кумполу. Тот завертелся волчком, безуспешно пытаясь схватить негра хотя бы за одежду.

— На помощь! — завизжала миссис Притчет. — Полиция!

Безнадежно. Макфиф очнулся в своем углу и сделал бесплодную попытку атаковать одного из заоблачных визитеров. Волна божественного гнева накрыла его с головой. Чарли отлетел к стене и тихо сполз на пол. Дэвид Притчет, неистово вопя, хватал пузырьки с микстурами и наудачу швырялся ими. Марша и мисс Рейсс сражались изо всех сил, вцепившись вдвоем в одного несколько медлительного ангела, толкая его в разные стороны, пиная, царапая и выдирая из крыльев перья.

Но вот с телеэкрана вынырнуло подкрепление... Артур Сильвестр удовлетворенно наблюдал за тем, как Билл Лоуз исчез в вихре мстительно бьющих крыльев. Боеспособным оставался только Джек, да и то чисто номинально. Его уже изрядно отрехтовали: расквасили нос, изодрали в клочья пальто. Однако Джек решил биться до последнего. Еще одного небожителя он выключил ударом в пах. Джек точно не знал, считаются ли ангелы мужчинами, но место для удара выбрал удачно. К сожале-

нию, каждого выбывшего ангела заменяли новые бойцы, слетающие с двадцатисемидюймового экрана.

Отступая, Гамильтон оказался рядом с Сильвестром.

— Была бы хоть какая-то справедливость в твоем вонючем мире!.. — задыхаясь, выдавил Джек.

Сразу два оперенных бойца ринулись на него. Ничего не видя от заливающего глаза пота, хватая ртом воздух, Джек почувствовал, как ноги его предательски заскользили. Отчаянно вскрикнула, пробиваясь к нему, Марша; по крайней мере, Джек мог еще слышать...

Орудуя шляпной заколкой, Марша вонзила импровизированный штык какому-то ангелу в бок; крылатый бандит заревел и отпустил Гамильтона. Схватив со стола бутылку минеральной воды, Джек беспорядочно размахивал ею. Бутылка лопнула от удара о стену; во все стороны полетели пена и осколки.

Отплевываясь, Артур Сильвестр попятился. Мисс Рейсс столкнулась с ним. С кошачьей ловкостью женщина развернулась, сильно толкнула вояку и ускользнула... Сильвестр, с неописуемым изумлением на лице, споткнулся и упал. В подходящем месте оказался угол кровати и встретил хрупкий старый череп... Оба «предмета» звучно вошли в соприкосновение. Не успев даже застонать, Артур Сильвестр провалился во тьму...

И тут же ангелы испарились.

Суматоха стихла. Телевизор умолк. Остались только восемь человеческих фигур, застывших в самых диких позах. Частично обожженный Макфиф. Неподвижный Артур Сильвестр — глаза заволокло пеленой, язык вывалился наружу. Билл Лоуз делал тщетные попытки подняться. До смерти перепуганная миссис Притчет осторожно заглядывала в палату из коридора. Дэвид Притчет стоял, разинув рот, сжимая в руках апельсины и яблоки, которыми собирался бомбардировать противника.

Неожиданно мисс Рейсс разразилась истеричным хохотом:

— Мы одолели его! Мы победили! Победи-и-ли!

Джек пришел в себя, проморгался и, отыскав взглядом жену, обнял ставшую прежней Маршу.

— Любимый! — прошептала она, и слезы засверкали в ее глазах. — Все в порядке, правда? С этим покончено!

Нежные пряди ее каштановых волос упали Джеку на лицо. Губами он ощутил восхитительную кожу Марши. И тело — стройное, легкое и гибкое тело жены — вновь стало таким, каким Джек его всегда знал. Исчезли уродливые одежды. Опять на Марше изящные блузка и юбка. В порыве облегчения и благодарности она пылко обняла мужа.

Лоуз наконец поднялся на ноги и проговорил:

— Старый сукин сын теперь, конечно, сравнялся с нами!

Один глаз у Лоуза заплыл и не открывался; одежда висела клочьями.

— Славно вырубили старого ублюдка. Теперь, слава Богу, он точно без сознания.

— Мы победили! — радостно подвывала мисс Рейсс. — Мы вырвались из его заговора!

Со всех концов госпиталя к ним спешили врачи. И в основном чтоб заняться Артуром Сильвестром. Старик, с жалкой гримасой на лице, сумел снова водвориться в свое кресло перед телевизором.

— Благодарю, благодарю... — бормотал он. — Со мной все в порядке... Наверно, головокружение...

Начал потихоньку оживать и Макфиф. Не веря своему счастью, он ощупывал шею и щеки — болячки исчезли. С победным воплем Чарли сорвал бинты и повязки.

— Все прошло-о! — кричал он. — Слава Богу, все прошло!

— Рано еще Бога благодарить, — сухо напомнил ему Гамильтон. — Цыплят по осени считают!

— Что здесь произошло? — потребовал объяснений какой-то доктор.

— Потасовочка вышла. — Лоуз иронически показал на рассыпавшуюся коробку шоколадных конфет. — Насчет того, кому достанется последняя конфетка со сливочной начинкой.

— Все в порядке, кроме одной вещи, — в глубокой задумчивости произнес Джек. — Вероятно, это чисто технический вопрос...

— Ты о чем? — спросила Марша, снова прижавшись к мужу.

— Ты помнишь свой сон? Разве мы не лежим по-прежнему в «Мегатроне»? Разве мы физически не подвешены в определенной точке времени?

— Проклятье! — пробормотала Марша. — Верно!.. Но мы же вернулись, мы невредимы!

— По всей видимости, да... И это, в конце концов, важней всего...

Джек ощутил тепло ее вздрагивающего тела. Вот уж что воистину является Божьим благословением — эта нежность, эта восхитительно-беззащитная хрупкость.

— Ведь теперь ты опять такая же, как прежде...

Джек осекся на полуслове. Да, он обнимал свою жену, хрупкую, милую Маршу... Пожалуй, *слишком* хрупкую.

— Марша, — стараясь не выдать своего волнения, проговорил Джек, — что-то не так!..

— Не так? — Марша напряглась. — Что ты имеешь в виду?

— Сними одежду! — Он нетерпеливо дернул за «молнию» у нее на юбке. — Ну, быстрей!..

Растерянная Марша отпрянула в сторону.

— Здесь?! Но, милый, здесь столько народу!..

— Давай, говорю тебе! — рявкнул Джек командным тоном.

Марша непослушными пальцами стала расстегивать блузку. Освободившись от нее, она швырнула ее на койку и нагнулась, чтобы снять юбку. В некоем подобии транса присутствующие наблюдали, как она переступила через упавшее на пол белье и встала, обнаженная, посреди комнаты.

Вот это да! У молодой женщины напрочь отсутствовали всякие половые признаки.

— Взгляни на себя! — сурово приказал Джек. — Ради Бога, взгляни! Неужто ты не чувствуешь?..

Изумленная Марша опустила голову. Ее прелестные груди прекратили свое существование. Тело стало, как у подростка, чуть угловатым, гладким, как с целомудренной картинки.

Худенькая, лишенная всякой растительности, Марша могла с тем же успехом сойти за мальчика. Только вот и мальчиком-то, строго говоря, она не являлась. Теперь Марша превратилась в «оно» — ни женщина, ни мальчик. Так, средний род.

— Не понимаю!.. — испуганно пролепетала Марша.

— Мы еще не вернулись, — хмуро сказал Гамильтон. — Это не наш мир.

— Но ведь ангелы... — подала голос мисс Рейсс. — Они пропали!

Потрогав щеку, Макфиф тоже пробасил:

— И мой зуб в порядке!

— Да, это уже не мир Сильвестра! — бросил ему Джек. — А чей-то другой. Какой-то третьей стороны. Боже мой! Что, если мы так и не найдем пути назад?!

С мучительной гримасой на лице он спросил обступивших его людей:

— Сколько осталось еще миров? Сколько еще раз нам надо это пережить?

Глава 9

Разбросанные во все стороны, будто щепки, среди искореженной арматуры и кусков расколотого бетона лежали восемь человеческих тел. Дымились останки той платформы, на которой недавно люди стояли.

Медленно и осторожно, подобно улиткам, спасатели спускались в «Мегатрон». Вскоре они доберутся до распростертых тел, магнит будет выключен, а жуткий луч протонов прекратит существование.

Ворочаясь в постели, Гамильтон так и сяк анализировал эту картину, дотошно обмусоливая каждый фрагмент. Когда Джек расставался со сновидением, картину закрывала дымка. Но стоило ему вновь погрузиться в беспокойный сон, как сцены оживали опять — отчетливые, ясные.

На соседней койке вздыхала и ворочалась жена. Восемь человек в городе Белмонте не находили покоя, то впадая в сон, то пробуждаясь, снова и снова наблюдая очертания «Мегатрона», а внизу, на треснувшем от удара полу, — распростертые, смятые фигуры.

Стремясь постигнуть смысл происшедшего, не упустить ни единой детали, Гамильтон скрупулезно, дюйм за дюймом, изучал эту сцену.

Прежде всего, конечно, — он сам, его собственное тело. Он приземлился последним. Удар был жестоким. Джек растянулся безжизненно, раскинув руки. Одна нога согнута под туловищем. Кроме слабого дыхания, больше никаких признаков жизни. Боже, если бы он мог отсюда, из другой реальности, как-то расшевелить самого себя, докричаться, вырвать из мрака беспамятства. Но это невозможно.

Выброшенным на берег кашалотом лежал неподалеку Макфиф. Одутловатое лицо хранило выражение возмущенного удивления. Одна рука по-прежнему вытянута в попытке ухватиться за несуществующий поручень. Струйка крови стекала по щеке. Он ранен, в этом нет сомнения. Дыхание тяжелое и неровное.

За Макфифом лежала мисс Джоан Рейсс. Наполовину засыпанная бетонной крошкой, она задыхалась, руки и ноги ее конвульсивно дергались в попытках разгрести придавившую ее тяжесть. Очки у нее разбиты, одежда порвана, над виском выросла уродливая опухоль.

Марша тоже рядом. При виде ее безжизненного тела сердце Гамильтона сжимала жестокая боль. Подобно остальным, ее нельзя поднять. Она без сознания. Руки заломлены, колени подтянуты почти к подбородку, голова вывернута набок, обожженные волосы рассыпались в беспорядке по плечам. Губы едва шевелятся при вдохе и выдохе; больше не видно ни малейшего движения. Одежда ее тлела; медленно, неумолимо вдоль силуэта двигались мелкие вспышки. Облако едкого дыма

висело над ней, мешая разглядеть ее ноги. Одна туфля сорвана полностью и валяется в ярде от Марши.

Миссис Притчет напоминала просто холмик пульсирующей плоти, карикатурная в своем цветастом аляповатом платье, от которого теперь остались обгорелые лохмотья. Ее фантастическая шляпа измочалена. Кошелек раскрыт, а его содержимое рассыпано вокруг.

Под обломками находился Дэвид Притчет. Один раз мальчик застонал. В другой — пошевелился. Металлическая панель придавила ему грудь, не давая подняться. К нему сейчас продвигалась нерасторопная медицинская бригада. Что им мешало двигаться быстрей? Джеку хотелось орать, ругаться... почему они не торопятся? Четверо суток пролетело!

Но, к сожалению, в том реальном мире прошло всего лишь несколько страшных секунд.

Среди обрывков экранирующей решетки лежал и негр — гид Билл Лоуз. Его долговязое тело вздрагивало; широко открытыми, подернутыми пеленой глазами он бессмысленно таращился на дымящуюся кучу органической материи. Эта куча являла собой тощий остов Артура Сильвестра. Старик потерял сознание — боль от сломанного позвоночника изгнала из вояки последние проблески сознания. Сильвестр ранен серьезнее других.

Они все еще лежали там, все восемь. Покалеченные и обожженные. Страшная картина. Но Гамильтон, ворочаясь на комфортабельном ложе, отдал бы все на свете, чтоб оказаться там опять: вернуться в «Мегатрон» и расшевелить своего неодушевленного физического двойника. Тогда бы он вызволил истинного «Джека» из жуткого, бесконечного лабиринта, куда тот так нелепо угодил.

Во всех мыслимых мирах понедельник — всегда понедельник. В восемь тридцать утра Гамильтон сидел в пригородном поезде, развернув на коленях свежий номер «Сан-Франциско кроникл» и держа путь к Агентству по развитию электроники. Если, конечно, такая компания существовала. Пока утверждать что-то наверняка невозможно.

Вокруг курили, читали комиксы и обсуждали спортивные новости добропорядочные граждане. Сгорбившись на сиденье, Гамильтон мрачно наблюдал за копошащейся массой. Неужели все эти люди не подозревали, что являются всего-навсего извращенной выдумкой чьей-то прожженной башки? По-видимому, нет. Они благополучно занимались привычными де-

лами, не сознавая того, что любая грань их существования управляется чужой волей.

Нетрудно опознать обладателя этой воли. Вероятно, уже семеро из восьми участников группы пришли к одному и тому же выводу. Догадалась даже Марша. За завтраком жена взглянула на Джека торжественно и заявила:

— Миссис Притчет, вот кто! Я думала об этом всю ночь. И теперь абсолютно уверена!

— Почему абсолютно? — ехидно поинтересовался Джек.

— Потому что она единственный человек, кто может во все это верить! — Она провела ладонью по своим плоским формам. — Ведь это та самая пуританская чушь, которую она способна навязать всем и каждому.

Если у Джека оставались еще какие-то сомнения, то они рассеялись на выезде из Белмонта при виде мимолетного зрелища в вагонном окне. У какого-то склада стояла телега, груженная ржавыми частями автомобильных кузовов. На лошади, запряженной в телегу, были одеты штаны.

— Сан-Франциско, Южный Сектор! — объявил кондуктор, появляясь в конце качающегося вагона. Сунув газету в карман, Гамильтон присоединился к выходящим. Через минуту он уже вышагивал к искристо-белым зданиям агентства. По крайней мере, хоть компания существовала... Это уже неплохо. Суеверно скрестив два пальца правой руки, Джек выпалил горячую молитву. Пусть его работа также окажется неотъемлемой частью этой действительности.

Доктор Гай Тиллингфорд встретил Джека в своем ближнем к выходу кабинете.

— Светлая ранняя пташка, — просиял он, протягивая руку. — В добрый час!

С чувством громадного облегчения Джек снял пальто. Агентство существовало. Тиллингфорд — даже в этом искаженном мире — опять принял Джека на работу. В конце концов, что-то ведь должно уцелеть при переходе через катаклизм.

— Чертовски мило с вашей стороны предоставить мне свободный день, — оставаясь настороже, заметил Гамильтон, пока Тиллингфорд провожал его по коридору к лабораториям. — Весьма признателен.

— Ну, и каковы достижения? — спросил его Тиллингфорд.

А это уже острый момент! В мире Сильвестра Тиллингфорд отправил Джека к пророку Второго Бааба. Маловероятно, чтоб эта идея перекочевала сюда... точнее, об этом не могло быть и речи. Надеясь потянуть время, Гамильтон сказал:

— Неплохо, с учетом обстоятельств. Конечно, немного не в моем стиле.

— Трудно было разыскать это место?

— Ничуть.

Гамильтон вспотел, лихорадочно размышляя, что он мог натворить в *этом* мире.

— Ну... — начал он. — С вашей стороны все чертовски мило. Первый день — и такой приятный подарок.

— Не стоит об этом. Скажи мне одну только вещь. — Тиллингфорд на мгновение задержался в дверях. — Кто победил?

— П-победил?

— Твой участник отхватил, конечно, приз? — Добродушно осклабившись, Тиллингфорд хлопнул Джека по спине. — Держу пари, что так и было. У тебя все на лице написано.

В коридоре появилась внушительная фигура директора по кадрам, с толстым портфелем под мышкой.

— Ну, как он проявил себя? — спросил кадровик, противно причмокивая губами. С видом посвященного в тайну, он тронул Джека за руку: — Может, что-нибудь нам покажете?.. Ленточку? Жетон?

— Не признается, — поведал ему Тиллингфорд. — Эрни, давайте сделаем сообщение в служебном бюллетене. По-моему, персонал заинтересуется...

— Вы совершенно правы, — согласился директор по кадрам. — Я беру на заметку.

Гамильтона он спросил:

— Как, вы сказали, зовут вашего кота?

— Что?.. — пошатнулся Джек.

— В пятницу, помнится, вы как-то его назвали. Но, убей меня Бог, не вспомню. Важно не переврать имя в бюллетене.

В новой Вселенной Джек получил свободный от работы день, чтобы сводить Прыг-Балду для участия в конкурсном шоу.

Гамильтон не сдержался и издал беззвучный внутренний стон. Мир миссис Притчет, в некотором смысле, мог стать еще большим испытанием, чем маразм Артура Сильвестра.

Собрав все необходимые данные о конкурсе котов и кошек, директор по кадрам поспешил дать делу ход, оставив Джека лицом к лицу с новым боссом. Откладывать дальше выяснение кое-каких обстоятельств смысла не имело. Гамильтон решил закусить удила и ринуться напролом.

— Доктор, — проговорил он с мрачной решительностью, — я должен сделать признание. В пятницу я так был взволнован своей предстоящей работой у вас, что... — Он просительно

улыбнулся. — Откровенно говоря, я ничего не помню из нашей беседы. Все осталось каким-то смутным пятном...

— Понимаю, мой мальчик, — с отеческой улыбкой ответствовал Тиллингфорд. — Не беспокойся. Обсудим все по порядку. Я полагаю, что ты пришел к нам надолго.

— По правде говоря, — с открытым забралом пошел вперед Гамильтон, — я даже не помню, в чем состоит моя работа... Ну разве не смешно?

Вдвоем они вволю посмеялись над этим.

— Это весьма забавно, мой мальчик! — признал в конце концов Тиллингфорд, вытирая выступившие слезы. — А я-то думал, в мои годы меня уже нечем удивить.

— Может, вы... — Джек старался, чтоб его голос звучал непринужденно. — Может, кратенькую вводную, пока есть время?

— Ну, что ж, — вздохнул Тиллингфорд. Его веселье уступило место серьезному, даже этакому торжественному выражению. В глазах появилась некая отрешенность человека, зрящего дальше прочих. — Полагаю, никогда не вредно повторить основополагающие принципы. Напротив, крайне полезно. И я не устаю повторять: возвращайтесь время от времени к базовым постулатам! Чтобы тем самым избежать опасности сбиться с курса.

— Самоконтроль, — согласно кивнул Джек, моля Бога о том, чтоб этого нового Тиллингфорда не понесло в какие-нибудь мрачные дебри казуистики. Черт его знает, что там напридумывала Эдит Притчет о функциях гигантского электронного концерна.

— Наше агентство, — гудел Тиллингфорд, — как ты понимаешь, есть важный элемент национальной социоструктуры. Оно играет жизненно важную роль. И стоит на высоте своих задач!

— Безусловно! — откликнулся Гамильтон.

— То, что мы делаем здесь, — более чем работа. Больше, я бы сказал, чем просто промышленное предприятие. Агентство создавалось не ради выколачивания прибыли.

— Понимаю, — поддакнул Джек.

— Было бы недостойно бахвалиться такой мелочью, как финансовый успех. Конечно, он имеет место. Но это не самое главное. Наша задача — гигантская и благородная задача — превосходит всякие соображения выгоды и прибыли. Это особенно применительно к тебе, мой мальчик. Тобой, молодым, идеалистически настроенным человеком, движут те же самые устремления, которые в свое время побуждали и меня. Теперь я стар, свое уже сделал. В один прекрасный день я сложу с себя это бремя, передав его в более энергичные руки!

Положив руку Джеку на плечо, доктор гордо повел его в бескрайнее царство исследовательских лабораторий агентства.

— Наша цель, — вещал он, — заключается в обращении колоссальных ресурсов и талантов электронной индустрии на дело повышения культурного уровня нации. Привнести высокое искусство в массы и сделать его жизненной необходимостью для человека.

Гамильтон от ужаса чуть не грохнулся в обморок.

— Доктор Тиллингфорд! — закричал он. — Вы можете посмотреть мне прямо в глаза и повторить, что вы сказали?!

Тиллингфорд удивленно разинул рот.

— Джек? — пробормотал он. — Что ты?..

— Как можно декларировать эту чепуху? Вы же образованный, умный человек. Признанный во всем мире авторитет по цифровой обработке информации! — неистово жестикулируя, Гамильтон вопил в лицо растерявшемуся старику. — У вас мозги, что ли, ампутировали? Ради Бога, вспомните наконец, кто вы такой! Не позволяйте безумию пролезть в душу!

Тиллингфорд, заикаясь от испуга, нервно сцепил пальцы и попятился.

— Джек, мальчик мой... Что с тобой случилось?

Шкуру Гамильтона штурмовали здоровенные мурашки. Все бесполезно! Он теряет понапрасну время. Вдруг на него напал приступ дебильного смеха. Ситуация абсурдна до невероятности. Можно было не драть глотку, ничего от этого не изменилось бы. Бедняга Тиллингфорд — он ведь ни при чем... Ха-ха, он виноват не более, чем та лошадь, на которую напялили штаны.

— Извините, — пробормотал Джек удрученно. — Расшалились нервы.

— Боже мой, — перевел дыхание Тиллингфорд. — Ты не возражаешь, если я пойду присяду?.. Сердце... так, ничего особенного: стенокардия. Движок иногда подводит... Извини.

Он шмыгнул в ближайшую дверь. Вскоре оттуда послышались звуки открываемых пузырьков с лекарствами и падающих на пол пилюль.

Скорее всего новая работа потеряна. Гамильтон уселся на скамью в коридоре и нащупал в кармане сигареты. Адаптация в новом мире началась просто великолепно... Лучше не придумаешь.

Медленно, осторожно приоткрылась дверь. Доктор неуверенно выглянул наружу; в глазах его стояли слезы.

— Джек... — едва слышно позвал он.

— Что? — избегая смотреть доктору в глаза, спросил Гамильтон.

— Джек... Ты ведь желаешь нести культуру в массы, не так ли?

Гамильтон перевел дух.

— Само собой, доктор. — Встав во весь рост, он посмотрел прямо в глаза Тиллингфорду. — Я обожаю культуру.

Лицо Тиллингфорда зарделось от удовольствия.

— Слава Небесам!

Вновь ощутив некоторый прилив сил и уверенности, он вышел в коридор.

— Ты чувствуешь себя способным взяться за работу? Не хотелось бы перегружать тебя...

Все ясно! Мир, рожденный безумием госпожи Эдит Притчет, легко предвидеть — дружественный, взаимопомогающий, приторный, как патока. В нем может замысливаться и осуществляться только прекрасное и доброе.

— Вы меня не уволите? — с надеждой спросил Джек.

— Уволить тебя? — моргнул Тиллингфорд. — Чего ради?

— Я ведь грубо оскорбил вас.

Доктор смущенно хмыкнул:

— Забудь об этом. Мой мальчик, твой отец был лучшим моим другом. В свободную минутку я расскажу, какие мы порой устраивали склоки... А ты, Джек, молодец! Снял стружку со старика.

Отечески похлопав Гамильтона по плечу, доктор провел его в лаборатории. Секции и отделы с аппаратурой и специалистами расходились во все стороны, как паутина. Пространство вокруг наполнял ровный гул — это вовсю работали электронные мозги вычислительных машин.

— Доктор, — сомневаясь, стоит ли начинать разговор, обратился тем не менее к Тиллингфорду Джек. — Можно задать один вопрос? Просто для полноты картины?..

— Конечно, конечно, мой мальчик. Спрашивай!

— Вам ни о чем не говорит имя «Тетраграмматон»?

Тиллингфорд растерянно почесал затылок.

— Как ты говоришь? Тетраграмматон? Нет, не помню.

— Спасибо, — выдавил через силу Гамильтон. — Просто хотел убедиться. Я так и думал, что вы его не знаете.

Доктор взял со стола ноябрьский номер «Прикладных наук».

— Здесь есть статья, она прямо-таки ходит в агентстве по рукам. Может, и заинтересует тебя, хотя касается вещей несколько устаревших. Это анализ текстов одного из величайших мыслителей нашего столетия — Зигмунда Фрейда.

— Чудесно, — безжизненным тоном отозвался Джек. Он был готов ко всему.

— Как тебе известно, Зигмунд Фрейд разработал психоаналитическую концепцию секса как сублимации эстетических устремлений. Он доказал, что основополагающее стремление человека к художественному творчеству, если оно не находит адекватных средств самовыражения, преобразуется в уродливый суррогат — в половую активность.

— И это правда? — огорченно промямлил Джек.

— У здорового человека, — повысил голос доктор, — чьи устремления не подавляются средой, не может быть сексуальных вожделений и даже любопытства к сексу. Вопреки традиционным представлениям, секс есть не что иное, как искусственно вызванная озабоченность. Когда мужчина или женщина получает возможность свободно проявить себя в пристойной форме художественной деятельности — в живописи, литературе, музыке, — тогда так называемое *вожделение* пропадает. Сексуальная деятельность — скрытая форма вырождения артистической одаренности человека, имеющая место, когда общество всячески подавляет таланты индивидуума.

— Да, да, — сказал Гамильтон. — Я проходил это в школе. Или что-то похожее.

— К счастью, мы преодолели первоначальное сопротивление эпохальному открытию Фрейда. Он столкнулся со страшным противодействием, и это вполне естественно. К счастью, теперь все в прошлом. Редко уже встретишь образованного, культурного человека, который говорил бы о сексе. Конечно, я сейчас употребляю эти термины в их клиническом значении — как описание клинически аномального состояния!

Пораженный дикой догадкой, Джек все-таки тихо спросил:

— Но остатки традиционного мышления еще встречаются в низших социальных слоях?

— Да, — признал Тиллингфорд, — понадобится время, чтобы новое мышление проникло повсюду.

Лицо озарилось огнем энтузиазма, глаза победно заблестели. Со стороны, впрочем, могло показаться, что доктора на пару секунд окунули мордой в кипящий борщ.

— И это наше главное предназначение, мой мальчик! Основная функция электронного ремесла.

— Ремесла!.. — эхом отозвался Джек.

— Да, боюсь, что это не вполне художественная сфера. Но близка к творческому началу. Наша задача, мой мальчик, состоит в продолжении поиска *предельного медиума коммуникации.* Такого средства, которое пробуждало бы даже камень. С его помощью живущие на земле представители рода человеческого

будут обладать — непосредственно — всем культурным и художественным наследием минувших веков. Улавливаешь?

— Я в это уже залез по самые небалуйся, — хмуро ответствовал Джек. — У меня много лет стереокомбайн дома.

— Стереокомбайн? — Если бы смог, Тиллингфорд, наверное, подпрыгнул бы в порыве поросячьего восторга. — А я и не знал, что тебя интересует музыка.

— В основном качество звука.

Игнорируя это уточнение, Тиллингфорд радостно проблеял:

— Тогда тебе нужно срочно вступить в наш симфонический оркестр. Мы вызываем на состязание оркестр полковника Эдвардса. У тебя, черт возьми, будет шанс выступить против своей старой фирмы. Ты на каком инструменте играешь?

— На одноклавишном рояле.

— Стало быть — начинающий?.. А как твоя жена? Она играет?

— На шарманке.

Озадаченный Тиллингфорд отступил.

— Хорошо, обсудим это позже. Видно, тебе не терпится приступить к работе.

В половине шестого того же дня Джек с полным правом отложил в сторону бумаги. Влившись в поток направляющихся со службы людей, Гамильтон с чувством облегчения вышел на гравийную дорожку, что вела к улице.

Едва он успел оглядеться, припоминая путь к железнодорожной станции, как к тротуару подкатила знакомая голубая машина. За рулем «форда» сидела Силки.

Джек беззвучно чертыхнулся.

— Ты что здесь делаешь? Я как раз собирался начать охоту за своей тачкой.

Силки, улыбаясь, распахнула дверцу.

— Я нашла твое имя и адрес по регистрационной карточке.

Она показала белую полоску на рулевой колонке.

— Выходит, ты мне правду говорил. А что значит «У» перед фамилией?

— Уиллибальд.

— Кошмарики!

Усевшись рядом с девушкой, Джек осторожно заметил:

— По одной только карточке трудно узнать, где я работаю.

— Конечно. Я просто позвонила твоей жене, и она объяснила, где тебя найти.

Пока Гамильтон тупо взирал на нее, пытаясь переварить это заявление, Силки включила передачу и, сильно газанув, рванула с места.

— Ничего, что я села за руль? — спросила она. — Мне так понравилась твоя машина! Красивенькая, послушненькая!

— Валяй, — махнул рукой Джек, все еще пребывая в трансе. — Так, значит, ты звонила Марше?

— Да, мы долго говорили по душам, — не моргнув глазом, сообщила Силки.

— О чем?

— О тебе.

— Обо мне?

— О том, что тебе больше всего нравится, о твоей работе. Обо всем! Ты же знаешь, женщины любят посплетничать.

В бессильной ярости Джек молча уставился невидящим взором на шоссе Эль-Камино, на бесконечный поток машин, несущихся вдоль полуострова к пригородам. Силки в упоении вела машину, мордашка ее так сияла. В этом безупречно-стерильном мире Силки претерпела радикальные изменения. Белокурые волосы спускались на спину двумя туго заплетенными косичками. Белая блузка полувоенного покроя и длинная темно-синяя юбка прямо-таки испускали ауру чистоты с отутюженных стрелок и складочек. На ногах простые, без украшений, туфли на низком каблуке. Бывшая потаскушка теперь выглядела гимназисткой. Никакой косметики. Плутовато-хищное, столь притягательное для мужиков выражение личика исчезло. И фигура, совсем как у нынешней Марши, совершенно неразвита.

— Как ты провела это время? — сухо спросил Гамильтон.

— Прекрасно!

— Ты не помнишь, — решил прощупать почву Джек, — когда мы виделись в последний раз? Что тогда произошло?

— Помню, конечно, — уверенно ответила Силки. — Ты, я и Чарли Макфиф поехали в Сан-Франциско.

— Зачем?

— Макфиф захотел, чтоб ты побывал в церкви.

— Ну и... я побывал?

— Наверно. Вы оба вошли туда.

— И что потом?

— Понятия не имею. Я уснула в машине.

— Ты ничего не видела?

— Например?

Наверное, дико прозвучало бы, если б Джек изрек: «Например, как двое взрослых мужчин поднялись в Небо на зонтике?» И он счел за благо сменить тему:

— Куда мы едем? В Белмонт?

— Конечно. Куда же еще?

— Ко мне? — Что-то уж больно медленно проходило привыкание к этому миру. — Ты, я и Марша...

— Обед готов, — спокойно сообщила девушка. — Или будет готов к нашему приезду. Марша позвонила мне на работу, объяснила, что надо найти в магазине, и я все купила.

— К тебе на работу? — Лоб Джека аж покрылся испариной. — Э... что ж у тебя за работа?

Силки посмотрела озадаченно:

— Джек, ну и странный же ты!

— О!

Силки продолжала обеспокоенно глазеть на него, пока скрежет чьих-то тормозов не заставил ее сосредоточиться на трассе.

— Сигналь! — крикнул Гамильтон. Гигантский тягач-нефтевоз выруливал справа на их полосу.

— Чего? — не поняла Силки.

Гамильтон сердито вытянул руку и постучал по кнопке клаксона. Тщетно! Звуковой сигнал бездействовал.

— Зачем ты так делаешь? — с любопытством спросила Силки, сбавляя скорость, чтобы пропустить вперед тягач с цистерной.

Снова впадая в медитацию, Джек занес новую информацию в свой банк данных. В этом мире понятие автомобильного клаксона упразднено. До него вдруг дошло, что над плотным потоком машин, торопившихся по домам, должна висеть отчаянная какофония. Но ее не было.

Очищая мир от недостатков, Эдит Притчет вырвала с корнем не просто предметы и явления, но даже целые их категории. Наверное, когда-то в прошлом ее привела в раздражение автомобильная сирена. Зато теперь, в приторно-розовой версии мира, таких вещей не стало вообще. Их *не было*.

Список недовольств и жалоб старой дуры, несомненно, значителен. И трудно даже с большими допусками угадать, что именно угодило в этот список. Подобная перспективка явно не способствовала приливу жизненных сил и праздничного оптимизма.

Если хоть какая-то малость омрачила убогое благополучие дамочки за все ее пятьдесят лет, то теперь эта вещь тихо придушена в зародыше. Джек боялся дать волю фантазии. Многого, ох, многого можно теперь недосчитаться! Мусорщики, гремящие контейнерами. Рассыльные, звонящие рано утром в дверь. Налоговые счета и прочие платежные бумажки. Плачущие младенцы (если только не *все* младенцы). Пьяницы. Грязь. Нищета. Вообще страдание.

Удивительно, как смогло уцелеть то, что Джек еще видит за окном машины.

— В чем дело? — сочувственно спросила Силки. — Плохо себя чувствуешь?

— Это смог виноват, — пробормотал Джек. — Мне всегда от него плохо.

— Что такое смог? Какое смешное слово...

Разговор надолго утих. Гамильтон просто сидел и тщетно пытался заставить свои мысли прекратить бешеную прискочку. Сейчас надлежало быть крайне осторожным и рассудительным.

— Хочешь, остановимся где-нибудь? — предложила Силки. — Может, выпьешь лимонаду?

— Ты заткнешься или нет?! — взорвался Гамильтон.

Силки послала ему полный отчаяния взгляд и в испуге уставилась на дорогу.

— Извини. — Нахохлившись, Джек подыскивал себе оправдание. — Новая работа, неприятности всякие...

— Могу представить!

— Ты — можешь? — Он не смог подавить циничных ноток в голосе. — Кстати, ты собиралась рассказать... Твоя работа. В чем она состоит?..

— Все то же самое.

— Черт побери, что же это?

— Я по-прежнему работаю в «Тихой гавани».

Малая толика веры в разумность окружающего мира вернулась к Гамильтону. По крайней мере, кое-что осталось. По-прежнему существовала «Тихая гавань». Небольшой осколок прошлой реальности, за него можно ухватиться в трудную минуту.

— Заедем туда! — выпалил Джек с жадностью. — По паре пива, а потом — домой!

Когда они добрались до Белмонта, Силки поставила машину на противоположной от бара стороне улицы. Джек критически оглядел фасад кабака. Особых изменений пока не наблюдалось. Разве что малость почище. В оформлении четко присутствует морской элемент; алкогольные аллюзии как будто стали менее явными. По правде говоря, Джеку стоило труда прочесть отсюда рекламу «Золотистой пены». Горящие красные буквы сливались в плотное пятно. Если не знать, что они означают...

— Джек, — встревожилась Силки, — ты не объяснишь мне, что происходит?

— А именно?

— Сама не знаю. — Девушка растерянно улыбнулась. — У меня такие странные ощущения. Будто в голове крутятся бес-

порядочные воспоминания... Только какие-то бессвязные... Знаешь, как разорванные бусы.

— О чем они?

— О нас с тобой.

— А-а... — Джек покачал головой. — Может, там еще и Макфиф?

— Чарли — тоже. И Билли Лоуз. Словно все случилось очень-очень давно. Но ведь это не могло быть, правда? Мы же только-только познакомились, да?

Она сжала виски кончиками пальцев. Джек мимоходом отметил, что лак на ногтях отсутствует.

— Каша какая-то получается, честное слово!

— Хотелось бы тебе помочь, — искренне признался Джек. — Но я сам здорово запутался в последние дни.

— И что ты об этом думаешь? У меня такое чувство, будто я вот-вот должна ступить и провалиться сквозь мостовую!.. — Девушка нервно засмеялась. — Наверно, пора подыскать себе другого психоаналитика.

— Другого? Ты хочешь сказать, у тебя один уже есть?..

— Конечно! — Силки взволнованно обернулась. — В этом все и дело. Ты задаешь такие странные вопросы! Ты не должен спрашивать о таких вещах, Джек. Это неприлично. Ты мне причиняешь боль, Джек.

— Извини. — Гамильтон смущенно заерзал. — Не надо было подкалывать тебя.

— О чем ты?

— Оставим это!

Распахнув дверцу, Джек вылез на тротуар.

— Давай пройдем в бар и закажем пивка.

«Тихая гавань» претерпела внутреннюю метаморфозу. Квадратные столики, накрытые белыми крахмальными скатертями, расставлены аккуратно и с умом. На каждом зажжена свеча. Стены украшены гравюрами Ива и Кюрье. Несколько пожилых пар чинно ели зеленый салат.

— В глубине приятнее! — заметила Силки, ведя Джека между столиков. Вскоре они сидели в уютном затененном уголке, изучая меню.

Отведав поданное пиво, Джек решил, что это лучшее пивко за всю его жизнь. В меню значился «Маккой» — настоящее немецкое бочковое пиво, тот самый сорт, который всегда крайне редко удавалось найти. Впервые за все время, проведенное в мире Эдит Притчет, Джек испытал что-то вроде оптимизма.

Дружески подмигнув Силки, Гамильтон поднял кружку. Девушка улыбнулась и ответила тем же жестом.

— Как здорово быть снова здесь с тобой, — отхлебнув из кружки, сказала она.

— Точно.

Подвигав в нерешительности кружку с места на место, Силки наконец спросила:

— У тебя нет приличного психоаналитика? Я перепробовала их сотни... Всегда перехожу к кому-то получше. Так и самого лучшего найду, верно? В принципе каждый может кого-нибудь предложить...

— Только не я.

— В самом деле? Как странно!

Силки принялась разглядывать литографию на стене, изображавшую зиму в Новой Англии в 1845 году.

— Схожу посоветуюсь с консультантом МОПС. Обычно они помогают.

— Что такое МОПС?

— Международное объединение психологической санитарии. Ты разве не состоишь там? Все состоят!..

— Вообще-то я — маргинальный тип.

Силки вытащила из сумочки и показала членское удостоверение МОПСа.

— Они решают все проблемы, связанные с психическим здоровьем. Это просто чудесно, психоанализ в любое время дня и ночи!

— А лекарства — тоже?

— Разумеется. И еще у них — круглосуточная диетслужба.

Джек простонал:

— С Тетраграмматоном, пожалуй, было легче!

— Тетраграмматон? — Силки вдруг забеспокоилась. — Где-то я слышала это раньше. Что оно значит? У меня такое впечатление...

Она печально тряхнула головой:

— Нет, не вспомнить...

— Расскажи-ка мне о диетслужбе! — пожалел девушку Гамильтон.

— Ну, они разрабатывают нам диеты.

— Я догадываюсь.

— Правильное питание крайне важно, Джек. В данный момент я живу на патоке и домашнем твороге.

— Кто б мне подал бифштекс с кровью! — плотоядно произнес Гамильтон.

— Биф-ште-е-екс? — Глаза Силки округлились от ужаса. — Мясо животных?!

— Еще бы! И побольше! С тушеным луком, печеной картошкой, зеленым горошком и... черным кофе.

У Силки страх сменился отвращением.

— О, Джек!..

— А что такое?

— Ты... ты — дикарь.

Наклонившись через столик, Гамильтон бодро сказал:

— Как насчет того, чтобы свалить отсюда? Пойдем-ка в парк на дальнюю аллейку и трахнемся хорошенько.

На лице девицы отразилось только недоуменное безразличие.

— Я не совсем поняла.

Гамильтон сдался.

— Забудь об этом.

— Но...

— Забудь, говорю!

Он мрачно допил пиво.

— Пошли, нас ждут дома к обеду. Марша наверняка беспокоится, не случилось ли с нами чего.

Глава 10

Марша встретила их с радостным вздохом:

— Наконец-то. Долго же вы добирались. — Встав на цыпочки, она потянулась поцеловать Джека. В фартуке и ситцевом платьице Марша выглядела воистину свежей, стройной и душистой, как цветок. — Мойте руки и садитесь.

— Могу я чем-нибудь помочь? — вежливо спросила Силки.

— Все готово. Джек, возьми ее пальто.

— Не надо, — отмахнулась Силки, — я просто брошу его в спальне.

Она оставила супругов ненадолго одних.

— Этого мне только не хватало, — ворчал Гамильтон, вслед за женой проходя на кухню.

— Ты ее имеешь в виду?

— Ну да.

— Когда ты с ней познакомился?

— На прошлой неделе. Подружка Макфифа.

— Она миленькая. — Согнувшись, Марша извлекла из духовки горячую кастрюлю.

— Родная моя, это же проститутка.

— О... — Марша глупо хлопнула ресницами. — Правда? Она не похожа на... то, что ты сказал.

— Конечно, не похожа. Здесь у них такого не бывает.

Марша просияла:

— Тогда и она — нормальная девчонка. Другого быть не может.

Джек преградил жене дорогу, не пропуская ее с кастрюлей в гостиную.

— Но правда заключается в другом. Она действительно проститутка. В настоящем мире — она девка из бара, профессиональная подстилка для завсегдатаев.

— Ну да! — по-прежнему не верила Марша. — Мы с ней долго говорили по телефону. Она что-то вроде официантки. Очаровательный ребенок.

— Милая, ты бы видела ее в рабочей форме...

Он умолк при появлении Силки. В своем целомудренном наряде деваха была свежа, как огурчик.

— Джек, ты меня удивляешь. — Марша опять отправилась на кухню. — Как тебе не стыдно!

Гамильтон, чувствуя себя полным идиотом, побрел прочь. Черт с ними!.. Он взял вечерний выпуск «Окленд трибюн», шлепнулся на диван, закрывшись газетой от Силки, и пробежал глазами заголовки.

ФАЙНБЕРГ ОБЪЯВЛЯЕТ О НОВОМ ОТКРЫТИИ: ГАРАНТИРОВАНО ИЗЛЕЧЕНИЕ АСТМЫ!

Статья на первой полосе снабжалась фотографией улыбающегося упитанного лысика, который словно рекламировал средство для полоскания рта. Заметка повествовала о его открытии, потрясшем мир. На первой полосе первая колонка.

Колонка вторая подробно рассказывала об археологических раскопках на Ближнем Востоке. Черепки, горшки и вазы... Обнаружен неизвестный город Железного века. Человечество затаило дыхание...

Джека посетила любопытная мысль: а как же холодная война? И, если уж на то пошло, что стало с Россией? Джек быстро пролистал газету. То, что он обнаружил, заставило волосы подняться дыбом.

Россия как географическое понятие исчезла. Уж слишком отрицательные эмоции она вызывала. Миллионы людей, миллионы квадратных миль суши испарились! Что же осталось на ее месте? Бесплодная равнина? Или колоссальная бездна?..

Забавно, что газета вообще выпущена без привычной передовицы, без сенсационных заявлений и разоблачений. Публицистика, если ее можно так назвать, сразу окунала читателя в

грязновато-розовый прудик домохозяек: мода, светские сплетни, свадьбы, разводы, распродажи и реклама. Комиксы? Отчасти они тоже присутствовали — детский юмор, а также бытовые зарисовки. Но «страшные» комиксы, с драками и насилием, исчезли. Конечно, беда невелика. Но белые пустоты на газетном листе как-то обескураживали.

Вероятно, так же выглядел сейчас и север Азии: гигантское белое пятно, где еще недавно, во зло или во благо, теплились миллионы жизней. Эдит Притчет, пожилая располневшая дамочка, решила, что жили они напрасно. Россия раздражала ее; новости об этой стране докучали, как назойливый комар.

Кстати, о насекомых! Джек не заметил вокруг ни мух, ни комаров. Или, скажем, пауков. Когда мадам Притчет испустит последний вздох, мир станет весьма приятным для жизни... если уцелеет само понятие жизни.

— Скажи, — обратился он к Силки, — тебя не беспокоит, куда-то вдруг пропала Россия?

— Вдруг чего?.. — Силки оторвала взгляд от иллюстрированного журнала.

— Забудь! — махнул рукой Джек. Отшвырнув газету, он отправился на кухню. — От этого можно свихнуться! — бросил он жене.

— От чего, дорогой?

— Им всем просто наплевать!

Марша краем уха слышала их разговор.

— Но России ведь никогда и не было!.. Зачем же беспокоиться о ней?

— А побеспокоиться следовало бы. Если бы миссис Притчет упразднила письменность, тоже бы никто не волновался. Даже не почувствовал бы потери, понимаешь?

— Если не чувствуешь потери, — задумчиво проговорила Марша, — стоит ли о ней говорить?

Джека сразила неоспоримость логики. И теперь, пока обе женщины накрывали на стол, он пребывал в задумчивости.

— Но это еще хуже! — вновь наехал он на Маршу. — Худшее из всего, что происходит. Эдит Притчет перекраивает мир, коверкает судьбы людей, а они даже не замечают. Это ужасно.

— Почему?! — взорвалась Марша. — Может, наоборот... — Понизив голос, она кивнула в сторону Силки. — Что ж тут ужасного? Неужели раньше она была лучше?

— Речь не об этом. Вопрос в другом... — Джек сердито направился вслед за женой. — От Силки не осталось и следа. Те-

перь это совсем другая личность. Восковая фигура, слепленная госпожой Притчет и подсунутая на прежнее место.

— А мне кажется, что это именно Силки.

— Ты же никогда ее раньше не видела.

— И слава Богу! — парировала Марша.

Жутковатое подозрение медленно заползало Джеку в мозг.

— Тебе это, видно, по душе! — тихо проговорил Джек. — Ты бы предпочла, чтоб все оставалось без изменений.

— Я этого не говорила, — уклонилась Марша от прямого ответа.

— Да, да! Тебе нравятся эти... *нововведения!*

Марша остановилась на пороге кухни с ложками и вилками в руках.

— Я об этом сегодня думала. Знаешь, действительно, теперь все намного чище и приличней. Нет того безобразия. Проще стало, что ли. Пришло в некое подобие порядка!

— Только осталось не так уж много.

— Ну и что?

— Может статься, мы сами еще окажемся нежелательными фрагментами. Ты не подумала об этом? — Джек возмущенно ткнул кулаком в стену. — Мы под колпаком! Оглянись вокруг — нас уже перекроили, слепили по-новому. Мы — бесполые уродцы. Тебе это нравится?

Марша не нашлась, что ответить.

— Тебе нравится!.. — задохнулся от ужаса Гамильтон.

— Позже поговорим, — сухо заметила Марша, унося столовые приборы.

Схватив жену за руку, Гамильтон грубо потащил ее назад.

— Ответь! Тебе нравится, как все закрутилось? Ты, может быть, рада, что суетливая толстая старуха изгоняет секс из этого мира!

— Если честно, — медленно проговорила Марша, — на мой взгляд, небольшая чистка миру не повредит. И если мужики не могут держать себя в руках... или не хотят...

— Должен тебе кое-что сказать, дорогая! — угрожающе заворчал Джек. — Еще быстрей, чем Эдит Притчет упраздняет реалии, я собираюсь их возродить. И первым я верну секс. Прямо с сегодняшней ночи.

— Ну конечно, конечно! Ты ведь чокнулся на сексе, только об этом и думаешь!

— Буду трахаться с подругой! — Гамильтон мотнул головой в сторону гостиной, где Силки умиротворенно расправляла скатерть на столе. — Затащу ее вниз — и поехали!

— Милый, — деловито заметила Марша, — это невозможно.

— Почему?..

— Она... — Марша сделала неопределенный жест, — у нее нет того, что тебе нужно...

— А в остальном тебе наплевать?

— Ну не сходи с ума. Это беспредметный разговор. Ты ведь не стал бы спорить о розовых крокодилах. Их не существу-у-ет!

Широким шагом Гамильтон ринулся в гостиную и схватил Силки за руку.

— Пошли! — отрывисто приказал он. — Спустимся в подвальчик послушать квартеты Бетховена.

Недоуменная девушка, спотыкаясь, неохотно побрела за Джеком.

— А как же обед?

— К черту обед! — Он рывком распахнул дверь на лестницу. — Поторопись, пока Притчет не упразднила музыку.

В подвале было холодно и сыро. Гамильтон включил обогреватель и спустил шторы. Когда вместе с теплом вернулся уют, Джек принялся пачками доставать пластинки.

— Что будем слушать? — спросил он нервно.

Перепуганная Силки жалась к дверям.

— Я хочу есть! Марша приготовила чудный обед...

— Только скот ест! — проворчал Гамильтон. — Отвратительное занятие. И неприличное! Я отменил его.

— Не понимаю! — жалобно заныла Силки.

Включив усилитель, Гамильтон подкрутил регуляторы.

— Что скажешь о моей системе? — гордо спросил он.

— М-м... симпатичная.

— Симпатичная... Параллельный выход в противофазе! Никаких искажений вплоть до тридцати тысяч герц. Одних низкочастотных колонок — четыре! Восемь — высокочастотных. Трансформаторы ручной работы. Алмазный звукосниматель, идеальная кинематика! — Он поставил пластинку на проигрыватель и, не удержавшись, добавил: — Способна крутить восьмитонный груз без потери скорости хотя бы на десятую процента! Неплохо, а?

— Угу.

Зазвучала «Дафнис и Хлоя»... Добрая половина фонотеки загадочным образом испарилась — в основном современные аранжировки или эксперименты с ударными. Миссис Притчет предпочитала добротных классиков: Бетховена, Шумана, тяжеловесные концерты, привычные для слуха человека пуританских устоев. Утрата любимой коллекции Бартока привела Джека в страшное уныние. Вещи Белы Бартока лучше всего ложились

Джеку на душу, отзываясь самым интимным переживаниям. Нет, жить в мире миссис Притчет нельзя — старуха пострашней Тетраграмматона.

— Как теперь? — почти машинально спросил он, убавив свет лампы почти до нуля. — Больше не бьет в глаза?

— Она и не била, Джек! — откликнулась Силки. Смутное беспокойство отразилось у нее на лице. — Странно... Я не вижу, куда идти. Боюсь, упаду!..

— Упадешь — так найдем! — усмехнулся Гамильтон. — Что будешь пить? Где-то тут оставалась бутылочка виски

Дернув дверцу бара, он опытной рукой пошарил внутри. Пальцы обхватили горлышко бутылки. Одновременно он нагнулся за стаканами. Бутылка показалась подозрительно легкой — ближайшее ознакомление подтвердило отсутствие выпивки.

— Тогда хлебнем мятного ликера, — вздохнул Джек. — О'кей?

«Дафнис и Хлоя» уже наполняли полутемную комнату великолепием страсти и неги. Джек подвел Силки к тахте и усадил девушку. Она послушно взяла рюмку ликера и чинно пригубила. Джек с видом судебного эксперта на месте преступления расхаживал взад-вперед, то регулируя звук, то убавляя свет. Потом взбил подушку на тахте, убедился в том, что дверь заперта на ключ. Сверху слышалось, как Марша суетится на кухне. Что ж, сама виновата...

— Закрой глаза и расслабься! — приказал он Силки.

— Я расслабилась!.. — В ее голосе по-прежнему звучал испуг. — Этого, что ли, недостаточно?

— Конечно, конечно, — мрачно согласился Джек. — Все просто замечательно. Послушай, а что, если ты сбросишь обувку и сядешь по-турецки? Вот увидишь, Равель будет восприниматься совсем по-другому.

Силки послушно сбросила белые кроссовки и, подтянув ноги, уселась по-восточному.

— Очень мило, — проговорила она с грустью.

— В сто раз лучше, правда?

— Ага.

И тут неожиданный приступ отчаяния накатил на Джека.

— Все бесполезно, — подавленно забормотал он. — Ничего не получится!

— Что не получится, Джек?

— А, не важно!

На пару минут повисло гнетущее молчание. Потом Силки тихо и осторожно тронула Джека за руку:

— Мне очень жаль.
— Мне тоже.
— Я виновата, да?
— Немного. Так сразу не объяснишь.
Чуть поколебавшись, Силки сказала:
— Можно тебя спросить?
— Конечно. О чем угодно.
— Ты бы хотел...
Голос девушки звучал едва слышно. В сумерках ее широко распахнутые глаза напоминали две тусклые звездочки на затянутом тучами небе.
— Джек, хочешь меня поцеловать? Один только раз?
Джек крепко обнял девушку и притянул к себе. Взял в ладони ее маленькое острое личико и поцеловал. Силки прильнула к нему, легкая, хрупкая и ужасно костлявая. Джек не разжимал объятий, пока девушка сама не высвободилась. Впрочем, какая девушка? Всего лишь слабая тень, потерянная своим владельцем в сумерках.
— Мне так плохо. — Голос ее задрожал.
— Не надо...
— Я какая-то... опустошенная. У меня все болит. Почему, Джек? В чем дело? Почему мне так плохо?
— Оставь! — отрывисто бросил он.
— Мне страшно. Мне хочется тебе что-то дать... и нечего. Я — всего лишь пустое место, да? Пустышка?
— Не совсем.
Силки вскочила на ноги и теперь маячила размытым силуэтом, быстро передвигаясь по комнате. Когда Джек вновь поднял глаза, Силки предстала уже полностью нагой. Одежда аккуратной стопочкой сложена рядом на тахте.
— Ты меня хочешь?
— Да, но... скорее теоретически.
— Ты можешь!
— Могу? — иронически усмехнулся Гамильтон.
— Тебе — можно, я хотела сказать.
Гамильтон протянул ей обратно тряпки:
— Одевайся. Мы зря теряем время, а обед стынет.
— Что, бесполезно?
— Да! — с горечью ответил Джек, стараясь не смотреть на нелепо исковерканное женское тело. — Абсолютно бесполезно. Но ты сделала все, что могла.
Как только Силки оделась, Джек взял ее за руку и повел к двери. Проигрыватель за спиной все еще плел бессмысленные

кружева любовных призывов. Ни Гамильтон, ни Силки не слышали их, удрученно поднимаясь по лестнице.

— Извини, я так подвела тебя, — шептала Силки.

— Забудь.

— Может, найдется какой-нибудь выход. Может, я...

И вдруг голос ее смолк, оборвавшись на половине фразы. А ладонь Джека уже не сжимала тонкие сухие пальчики. Шокированный, он резко обернулся и вытаращился в темноту.

Силки исчезла. Она выбыла из этой реальности.

Джек замер на месте, с дрожью в коленях поджидая новых сюрпризов. И тут наверху распахнулась дверь, на лестнице показалась Марша.

— О!.. — удивленно воскликнула она. — Вот ты где. Поднимайся быстрей, у нас гости.

— Гости!.. — тупо повторил Джек.

— Миссис Притчет. И она привела еще кое-кого. Похоже, намечается вечеринка.

Как в дурмане, Гамильтон одолел оставшиеся ступеньки и проковылял в гостиную. И окунулся в оживленное многоголосие. Из всех пришедших выделялась громоздкая фигура женщины в кричаще-дешевой шубе и нелепой шляпе с громадными перьями... Ее перекрашенные локоны обрамляли одутловатое лицо и морщинистую шею.

— А вот и вы! — восторженно закричала миссис Притчет, едва завидев Джека. — Сюрприз! Сюрприз!

Приподняв набитую до отказа картонку, она громко объявила:

— Я привезла изу-уми-и-ительные пирожные! И глазированные фрукты — уверяю, вы таких в жизни не пробовали!

— Что вы сделали с ней? — рявкнул Гамильтон, наступая на женщину. — Где она теперь?

На миг миссис Притчет лишилась дара речи. Затем ее пятнистые пухлые щеки разъехались в коварной улыбке:

— Да ведь я упразднила ее, милый! Всю эту категорию. Вы не знали разве?

В то время как Гамильтон пытался взглядом сокрушить миссис Притчет, Марша тихонько подошла и шепнула ему на ухо:

— Осторожней, Джек! Будь осторожен!

Он повернулся к жене:

— И ты причастна к этому?

— Косвенно. — Она пожала плечами. — Эдит меня спросила, где ты, и я сказала ей... Не в подробностях, ты не думай... просто в общих чертах.

— В какую же категорию угодила Силки?

Марша улыбнулась:

— Эдит очень точно определила. Маленькая говнюшка или что-то вроде.

— Но их же множество! — воскликнул Гамильтон. — Стоило ли так?..

За спиной у Эдит Притчет показались Билл Лоуз и Чарли Макфиф. Оба навьючены, как грузчики из бакалейной лавки.

— Большое торжество! — доложил как бы извиняющимся тоном Лоуз, осторожно кивнув Гамильтону. — Где тут кухня? Я хочу скорей это поставить!

— Как жизнь, приятель? — хитро подмигнул Макфиф. — Неплохо время проводишь, верно? У меня в мешке двадцать банок пива.

— Здорово, — еще не до конца очухавшись, буркнул Джек.

— Тебя стоит только пальцем ткнуть!.. — добавил раскрасневшийся Макфиф. — То есть, я говорю, это ей стоит только пальцем...

Подошла хмурая Джоан Рейсс. Мальчишка, Дэвид Притчет, шагал рядом с ней. Замыкая процессию, ковылял с каменным выражением лица старый ветеран.

— Все здесь?! — не вполне понимая происходящее, спросил Гамильтон.

— Мы собираемся играть в шарады, — радостно сообщила Эдит Притчет. — Я забегала на минутку после ленча, — пояснила она Гамильтону. — И мы отлично поболтали с вашей женушкой. От души!

— Миссис Притчет... — начал было Джек, но Марша сразу оборвала его.

— Пошли на кухню, ты мне поможешь! — четко скомандовала она.

Джек поплелся без особого желания за Маршей. В кухне торчали с неприкаянным видом Макфиф и Билл Лоуз. Лоуз состроил гримасу, что, видимо, должно было означать улыбку — опасливую и отчасти виноватую. Гамильтону было нелегко определить. Лоуз торопливо отвернулся и принялся распаковывать бесконечные кульки и свертки с закуской. Миссис Притчет явно питала слабость к бутербродам.

— Бридж! — торжественно объявила миссис Притчет в соседней комнате. — Но нам потребуются четверо. Мы можем рассчитывать на вас, мисс Рейсс?

— Боюсь, из меня никудышный игрок, — бесцветным голосом ответила мисс Рейсс. — Но я сделаю все что смогу.

— Лоуз! — окликнул Гамильтон. — Не могу поверить, что ты играешь в это... Я не удивился бы Макфифу, но чтобы — ты?!

— Беспокойся о себе! — не поднимая глаз, проворчал Лоуз. — Я сам о себе позабочусь!

— В твоей башке достаточно мозгов, чтобы...

— Масса Гамильтон, — стал кривляться Лоуз. — Даст Бог день, даст Бог и пищу. Мая дольше жить будит.

— Прекрати! — покраснев, сердито бросил Джек. — Кончай придуриваться!

С издевательской ухмылкой Лоуз повернулся к Джеку спиной. Но несмотря на всю его браваду, было заметно, как он дрожит. Руки Лоуза тряслись так сильно, что Марше пришлось отнять у него кусок копченого бекона, чтоб негр не уронил.

— Оставь его в покое, Джек! — фыркнула она осуждающе. — Не лезь в чужую жизнь.

— Тут ты и не права! — возразил Гамильтон. — Это *ее* жизнь, ты поняла? Сама-то ты сможешь питаться только холодными закусками?

— Не так уж и плохо, — философски заметил Макфиф. — Ты что, приятель? Проспись! Это старушкин мир, не так ли? Она тут заправляет!

В дверях появился Артур Сильвестр.

— Пожалуйста, можно мне стакан теплой воды и немного соды? У меня небольшая изжога.

Сильвестр молча прошел мимо к кухонной мойке. Там он получил от Марши стакан подогретой воды и соду. Удалившись в угол, он всецело сосредоточился на процедуре.

— Никак не могу поверить... — как заведенный бормотал Джек.

— Во что, дорогой?

— Силки. Она исчезла! Абсо-лют-но! Как мошка под паровозом.

Марша безразлично пожала плечами:

— Ну, она должна быть где-то в другом мире. В том самом *настоящем* мире. Скорей всего опять клянчит у мужчин выпивку и предъявляет свой товар.

О «настоящем мире» Марша упомянула как-то двусмысленно, если не презрительно.

— Могу я вам помочь? — колыхаясь телесами в цветастом шелковом платье, возникла на пороге Эдит Притчет. — О, мне бы только передник, дорогие мои!

— Вон там, в чулане, дорогая! — Марша показала ей где и как.

Джек брезгливо отстранился, когда нелепое создание оказалось рядом. Старуха ласково улыбнулась ему, но за приторной улыбочкой пряталась самая настоящая ненависть.

— Ну-ну, мистер Гамильтон, не будьте букой! Не портите нам вечер.

Когда миссис Притчет убралась из кухни в гостиную, Джек прижал в углу Лоуза:

— Ты что же, будешь и дальше плясать под дудку этого чудовища? Позволишь распоряжаться собственной жизнью?

Лоуз пожал плечами:

— Да у меня и жизни-то никогда толком не было. Это жизнь, по-твоему, — водить экскурсии по «Мегатрону»? Зевак, ничего не смыслящих в этом. Они просто забрели с улицы, им ведь все равно — что нейтрон, что электрон!

— Хорошо, чем ты занят теперь?

Лоуз гордо выпрямился:

— Я возглавляю исследовательские программы в «Лакман соуп компани». Это в Сан-Хосе.

— Никогда не слыхал о такой.

— Ее придумала миссис Притчет, — смущенно пояснил Лоуз. — Она производит всевозможные душистые шампуни...

— Бож-же праведный! — выдохнул Гамильтон.

— Для тебя это глупость, да? Вашу милость, конечно, не заманишь на такую работенку — мелковата.

— Ну уж я не стал бы делать шампуни для Эдит Притчет!

— Я вот что тебе скажу. — Лоуз перешел на зловещий шепот, весь дрожа от обиды и ярости. — Влезь в шкуру цветного — тогда болтай. Попробуй покланяйся со словами «да, сэр» перед всяким белым дерьмом, что появляется у тебя под носом... Перед каким-нибудь ублюдком из Джорджии, что сморкается на пол или не может без посторонней помощи отличить мужской туалет от женского! Я, оказывается, должен был учить его, как спускать штаны. Нравится такая работенка? Повкалывал бы ты шесть лет, чтоб оплатить колледж, помыл бы тарелки после белых посетителей в закусочной на шоссе! Я слышал о твоих предках: папочка — светило в физике. Ты купался в деньгах; тебе не приходилось работать в дешевой забегаловке. А попробовал бы ты заработать диплом, как я его заработал. И потом потыркайся с ним в кармане, поищи работу. В результате — поводырь идиотов. Иди получай нарукавную повязку, будто еврей в концлагере... Тогда и мыльный завод покажется раем земным.

— Даже если этот мыльный завод не существует?

— *Здесь* он существует! — Темное, худое лицо Лоуза исказилось в судороге отчаяния. — Я там работаю. Пользуюсь шансом на все сто.

— Но это же иллюзия!

— Иллюзия? — Лоуз саркастически ухмыльнулся, стиснул кулак и ударил костяшками по стене. — По-моему, вполне реально.

— Не более чем бредовые навороты Эдит Притчет. Послушай, при твоих-то знаниях...

— Хватит! — грубо оборвал Лоуз. — Не хочу ничего слышать. В том прошлом мире тебя не слишком волновали мои знания. Тебя не беспокоило, что я работал гидом.

— Тысячи людей работают гидами, — попытался оправдаться Джек.

— Люди вроде меня, конечно! Но не такие, как ты. Хочешь знать, почему *здесь* я чувствую себя лучше? Из-за тебя, Гамильтон. И ты, а не я в этом виноват. Подумай над этим. Если б ты попытался хоть что-нибудь сделать — *там*... но ты не сделал. У тебя было все: жена, дом, кот, машина и работа. И теперь, естественно, ты хочешь назад. Но у меня все по-другому. И я не хочу назад.

— Все равно ты вернешься, когда накроется этот мир, — заметил Гамильтон.

Холодная ненависть сверкнула во взгляде Лоуза.

— Ты бы уничтожил его?

— Можешь не сомневаться.

— Тебе хочется, чтоб я снова напялил нарукавную повязку? В таком случае, ты не особо отличаешься от остальных. Никакой существенной разницы. Мне всегда говорили: «Не верь белым людям». Но тебя я считал своим другом.

— Лоуз, — тяжело вздохнул Джек, — ты самый неврастеничный сукин сын, какого я встречал.

— Если так, то в этом ты виноват.

— Мне жаль, что ты так думаешь.

— Но это правда! — горячо воскликнул Лоуз.

— Не совсем. Какая-то подспудная правда, наверное, присутствует. Может, ты и прав: лучше тебе остаться здесь. Миссис Притчет о тебе позаботится, если ты опустишься на все четыре кости и будешь издавать именно те звуки, каких от тебя потребуют. Если будешь держаться сзади на безопасном расстоянии и сильно не беспокоить. Если ты не против шампуней, холодных бутербродов и пилюль от астмы. Потому что в настоящем, реальном мире тебе пришлось бы драться. А ты, вероятно, не создан побеждать.

— Прекрати его мучить, — подал голос слушавший их Макфиф. — Пустая трата времени: он же пропащий ниггер.

— Ты не прав, — отмахнулся Джек. — Он обычный человек и устал от поражений. Но победа не светит ему и здесь, как, впро-

чем, и тебе тоже. Тут никто ничего не выиграет, кроме миссис Притчет.

Лоузу он заметил:

— Тебя перетряхнет почище, чем придирки белых... В этом мире ты окажешься в лапах у пожилой белой женщины!

— Ужин готов! — резко выкрикнула из гостиной Марша. — Идите все и садитесь!..

Гуськом друг за другом они проследовали в гостиную. Гамильтон подоспел как раз вовремя, чтобы увидеть на пороге Прыг-Балду. Котяра заинтересованно принюхивался.

Взъерошенный после сна в обувной коробке в чулане, Балда роковым образом пересек путь Эдит Притчет...

Споткнувшись о бедное животное, та воскликнула:

— Какой ужас!

И Балда, уже изготовившийся вскочить кому-нибудь на колени, исчез.

Миссис Притчет продолжила свой путь, даже не заметив исчезновения кота, сосредоточившись на содержимом подноса в своих пухлых розовых пальцах.

— Она убрала вашего кота! — пронзительно воскликнул Дэвид Притчет.

— Не беспокойся, — рассеянно ответила Марша. — Кошек еще много на свете.

— Нет, — хрипло возразил Джек. — Уже нет. Ты забыла?.. Исчезает целая категория!

— О чем это вы? — спросила миссис Притчет. — Я не уловила, о чем вы?..

— Так, пустяки, — быстро ответила Марша и стала обслуживать гостей.

Все заняли свои места. Последним подошел Артур Сильвестр. Покончив с содой, он принес из кухни стеклянный кувшин с горячим чаем.

— Куда это поставить? — ворчливо спросил он, выискивая место на заставленном посудой столе; большой сверкающий кувшин в его вялых, старческих руках выглядел скользким и чересчур тяжелым.

— Дайте сюда, — сладко улыбаясь, проговорила миссис Притчет и потянулась за кувшином. Подойдя к ней с бесстрастным выражением, точно принимая парад новобранцев, Сильвестр поднял кувшин и швырнул изо всех сил женщине в голову. Общий вздох изумления раздался над столом; все вскочили на ноги.

Прежде чем кувшин угодил в цель, Артур Сильвестр растворился в воздухе. Сосуд, потеряв поддержку растаявших рук, грохнулся на ковер и лопнул на кусочки. Во все стороны полетели бледно-коричневые брызги.

— О Господи! — с досадой воскликнула миссис Притчет. Вслед за Артуром Сильвестром прекратили существование разбитый кувшин и дышащая паром чайная лужа.

— Какая неприятность, — с трудом проговорила Марша.

— Я рад, что с этим покончено, — не очень убедительно соврал Лоуз. — Я как чувствовал — должно что-то случиться.

У негра тряслись руки.

Джоан Рейсс порывисто вскочила:

— Мне что-то нехорошо. Я сейчас приду.

Круто развернувшись, она бросилась из гостиной, пересекла коридор и скрылась в спальне.

— В чем дело? — спросила весьма обеспокоенная миссис Притчет, обводя взглядом присутствующих. — Что могло ее так расстроить? Вероятно, я могла бы...

— Мисс Рейсс! — прокричала Марша настойчиво и пронзительно. — Пожалуйста, вернитесь! Ужин остынет!

— Придется мне пойти посмотреть, что с ней, — вздохнула миссис Притчет, делая попытку подняться на ноги.

Но Джек уже успел переступить порог гостиной.

— Я сам займусь, — бросил он через плечо.

В спальне, сложив руки на коленях, сидела мисс Рейсс. Пальто, шляпа и сумочка лежали рядом с ней.

— Я предупреждала его, — тихо прошептала она Гамильтону. Потом нервно сняла свои очки в тяжелой роговой оправе. Без привычных очков глаза ее казались бесцветными и жалкими. — Такими методами ничего не добьешься, — вещала она.

— Выходит, вы сговорились?

— Конечно. Артур, мальчик и я. Мы встречались сегодня. Больше ведь рассчитывать не на кого. Вас мы тревожить не решились — из-за вашей жены.

— На меня вы можете положиться, — хмыкнул Гамильтон.

Мисс Рейсс извлекла из сумочки стеклянный пузырек и поставила на кровати.

— Мы собираемся усыпить ее, — произнесла она ледяным тоном. — Старая, глупая...

Схватив пузырек, Джек поднес его к свету. Жидкий хлороформ.

— Но он же убьет ее.

— Нет, не убьет.

В дверях появился взволнованный Дэвид:

— Лучше идите к нам, а то мама злится.

Поднявшись, мисс Рейсс взяла пузырек и сунула обратно в сумочку.

— Мне уже лучше, спасибо. Просто шок от неожиданности. Он обещал не делать этого... ох уж эти старые вояки...

— Я сделаю все сам, — заявил Гамильтон.

— Почему вы?

— Не хочу, чтоб вы ее убили. Потому что вы непременно ее убьете.

Какой-то миг они пристально смотрели друг другу в глаза. Затем мисс Рейсс резким нервным движением выдернула пузырек из сумочки и пихнула Джеку в ладонь.

— Тогда проверните все как следует. И сегодня же.

— Нет. Завтра, в подходящий момент. Не в доме, а... на пикнике. Мы увезем ее в горы, прямо утром. Как только рассветет.

— Смотрите же: не трусить и не идти на попятный!

— Ни за что, — мотнул головой Джек, кладя в карман пузырек.

Он был совершенно серьезен.

Глава 11

Лучи октябрьского солнца пронзали воздух холодными, хрупкими иглами тусклого света. Слабая изморозь еще белела на траве. Раннее утро. Белмонт тихо пускал парок в голубовато-белесом тумане. Вдоль автострады плотный поток автомашин двигался — бампер к бамперу — в сторону Сан-Франциско.

— О Боже!.. — огорченно вздохнула миссис Притчет. — Такое движение!..

— Мы не поедем этой дорогой, — заметил ей Джек, сворачивая с прибрежного шоссе на боковую трассу. — Мы едем к Лос-Гатосу.

— И что потом? — с жадным, почти детским любопытством спросила миссис Притчет. — Подумать только, я никогда не была в той стороне!

— Тогда мы доберемся до самого океана! — порозовев от волнения, предложила Марша. — Поедем по автостраде номер один, вдоль берега, аж до Биг-Сура.

— Это где же? — с сомнением в голосе спросила миссис Притчет.

— В горах Санта-Лусия, пониже Монтерея. Много времени не займет, а место для пикника отличное.

— Чудненько! — согласилась миссис Притчет, устраиваясь поудобнее на сиденье. — Как мило с вашей стороны — устроить пикник.

— Ну что вы. — Джек не удержался от сарказма. Пришлось сильно надавить на акселератор, чтоб дернувшаяся машина выбила из куцых мозгов Эдит Притчет любое подозрение.

— А почему бы не поехать в Голден-Гейт-парк? — хмуро предложил Макфиф.

— Слишком много народу, — логично возразила мисс Рейсс.

— А Биг-Сур — это часть федерального заказника. Дикое место.

Миссис Притчет встревожилась:

— А мы будем там в безопасности?

— Абсолютно! — заверила ее мисс Рейсс.

— Кстати, почему вы не на работе, мистер Гамильтон? — продолжала кочевряжиться миссис Притчет. — Ведь сегодня не праздничный день, не так ли? Мистер Лоуз давно работает.

— Я взял на несколько часов отгул, — сдерживая раздражение, ответил Джек. — Чтобы прокатить вас на природу.

— О, как это мило! — Миссис Притчет всплеснула пухлыми ручками.

Мрачно пыхтя сигарой, Макфиф спросил:

— Что происходит, Гамильтон? Вы кого обмишурить собираетесь, а?

Тошнотворное облако сигарного дыма поплыло к заднему сиденью — прямо под нос миссис Притчет. Нахмурясь, она упразднила сигары. Макфиф обнаружил, что напрасно чмокает губами. На мгновение его лицо приобрело цвет свежеочищенной свеклы. Чарли поспешил взять себя в руки.

— Угу! — пробормотал он.

— Вы что-то сказали?.. — с улыбкой каннибала осведомилась миссис Притчет.

Макфиф не ответил; он неуклюже ощупывал карманы, надеясь, что хоть одна сигарка чудом уцелела.

— Миссис Притчет, — небрежно заметил Гамильтон, — вам не приходила в голову мысль, что ирландцы ничего не внесли в мировую культуру? Нет ни ирландских художников, ни ирландских музыкантов...

— Господи Иисусе! — Обалдевший от такой наглости, Макфиф чуть не грохнулся в обморок.

— И музыкантов?.. — удивленно переспросила миссис Притчет. — Боже, неужели это так? Нет, я не задумывалась об этом.

— Ирландцы — нация варваров, — с садистским удовольствием продолжал Гамильтон. — Все, что они могут...

— Джордж Бернард Шоу!.. — в страхе завопил Макфиф. — Величайший драматург в мире! Уильям Батлер Йетс, величайший поэт! Джеймс Джойс, ве... — Он осекся. — Тоже поэт.

— Автор «Улисса»! — тоном обвинителя добавил Гамильтон. — Запрещенного долгие-долгие годы из-за неприличных и вульгарных страниц.

— Это великое искусство! — прокаркал Макфиф.

Миссис Притчет размышляла.

— Да, — согласилась она наконец, принимая решение. — Любой окружной судья признал бы это искусством. Так что, мистер Гамильтон, я думаю, вы тут не правы. Ирландцы очень талантливы в драматургии и в поэзии.

— Свифт, — прошептал с надеждой Макфиф, — написал «Приключения Гулливера». Сенсационная вещь.

— Хорошо, — дружелюбно кивнул ему Гамильтон. — Сдаюсь.

Едва не лишившись рассудка от пережитого страха, Макфиф откинулся на спинку сиденья, хватая ртом воздух. Физиономией он сейчас больше всего походил на утопленника.

— Как ты мог?!. — осуждающе зашептала Марша на ухо мужу. — Ты — зверь!

Маленький инцидент позабавил мисс Рейсс; она с интересом и уважением посмотрела на Гамильтона:

— Вы подошли совсем близко...

— Ближе некуда, — ответил Джек, сам немного шокированный собственным поведением. — Сожалею, Чарли.

— Забудь, — хрипло выдавил Макфиф.

По правой стороне дороги тянулись странные пустыри — сплошняком голая земля. Джек попытался вспомнить, что ж тут раньше располагалось. Ага, вспомнил: индустриальная зона и нефтеперерабатывающие заводы. Красители, мазут, гербициды, пластмассы... Вонючее, липкое, гнусное. Теперь все исчезло. Спешите радоваться...

— Я как-то раз посетила здешние места, — заметив удивление Джека, пояснила миссис Притчет. — И упразднила источник зловония.

— Заводы, значит, приказали долго жить? — криво усмехнулся Джек. — Билл Лоуз будет разочарован, оказавшись без мыловарни.

— Я оставила мыловаренные фабрики. — Старуха обидчиво поджала губы. — По крайней мере те, которые приятно пахнут.

Джек поймал себя на мысли, что жуткая рехтовка действительности доставляет некое мрачное удовольствие. При всей своей нелепости и произвольности. Мановением руки миссис

Притчет стирала с лица земли целые индустриальные районы. Джек не сомневался, что разгул безумия долго не продлится, поскольку уничтожалось само основание мира вещей. Никто не рождался, ничто не производилось. Телесная любовь перешла в категорию болезненных явлений, известных только узкому кругу специалистов. Нет, такая шиза должна лопнуть под тяжестью своих же собственных законов.

И это навело Джека на мысль... Вероятно, надо начинать с другого конца. Должен быть более простой способ «освежевать кошку».

Вот только кошки тоже перестали существовать. Вспомнив о Прыг-Балде, Джек почувствовал прилив загнанной в подсознание ярости. Угораздило же бедного кота перейти ведьме дорогу... Но коты, во всяком случае, остались в том, настоящем мире. Артур Сильвестр, Балда, комары, химзаводы и Россия — все это продолжало существовать в подлинной реальности. Джек перевел дух.

Балде все равно бы здесь не понравилось. Мыши, мухи, кузнечики, тараканы — все помножено на ноль. К тому же в ханжеском мире нет места и подзаборным кошачьим радостям. Джек решил поставить пробный эксперимент.

— Смотрите-ка, — самым беззаботным тоном бросил он, когда за окнами машины промелькнули какие-то трущобы полузаброшенного городка. — Какие мерзкие развалины! Я возмущен до глубины души!

Трущобы сгинули. Естественно, в сем мире прибавилось свободного пространства.

— Так уже получше. — Марша беспокойно поглядывала в окна. — Но, может быть, правильнее... я хочу сказать, пусть миссис Притчет решает сама.

— Я стараюсь помочь, — обворожительно улыбнулся Гамильтон. — В конце концов, я тоже хочу нести культуру в массы.

Мисс Рейсс не заставила себя долго ждать.

— Взгляните на того полисмена, — заметила она. — Штрафует беднягу водителя. Как может он так поступать?

— Мне жаль шофера! — пылко поддержал ее Джек. — Попался в лапы к дикарю. Наверно, еще один ирландец. Они все такие!

— Мне он кажется итальянцем, — возразила миссис Притчет. — Но разве полиция не делает доброе дело, мистер Гамильтон? Мне всегда казалось...

— Полиция — конечно. Но не автодорожные псы. Есть разница.

— О!.. — кивнула миссис Притчет. — Понимаю.

Полицейские дорожной службы, включая того, что попался по пути, сгинули в небытие. Все в машине, кроме Макфифа, вздохнули с облегчением.

— Меня не обвиняй, — заметил Гамильтон. — Это все мисс Рейсс.

— Давайте упраздним мисс Рейсс, — угрюмо проворчал Макфиф.

— Ну, Чарли!.. — ухмыльнулся Джек. — Это не совсем гуманно с твоей стороны.

— Да, да!.. — сурово напустилась миссис Притчет. — Вы меня удивляете, мистер Макфиф.

Прямо-таки дымясь от бессильной злобы, Макфиф отвернулся к окну.

— Кто-то должен избавить нас от этих болот, — вдруг брякнул он. — Они смердят до самого неба.

Заболоченная равнина перестала дурно пахнуть. Точнее, не стало и самих болот. Вместо них вдоль дороги появилась некая неопределенная низменность. Бросив взгляд в ту сторону, Гамильтон спросил себя, какой могла быть глубина этих болот. Не больше нескольких ярдов... Тут на обочину выскочила перепуганная стайка длинноногих птиц. Птицы растерянно крутили головами, потеряв привычную среду обитания.

— Смотрите! Какие интересные! — воскликнул Дэвид Притчет.

— Давай, давай! — поощрил его Джек. — От чего ты хочешь избавиться?

Дэвид рассудительно ответил:

— Я ни от чего не хочу избавиться. Я все хочу видеть.

Это отрезвило Гамильтона.

— Ты молодчина, — сказал он мальчику. — И не слушай никого, кто станет разубеждать тебя.

— Как я смогу стать ученым, если будет нечего изучать? — спросил Дэвид. — Куда идти за водой, чтобы рассматривать ее под микроскопом? Все стоячие пруды исчезли.

— Стоячие пруды? — пытаясь понять смысл разговора, переспросила миссис Притчет. — Что это такое, Дэвид? Я не уверена, что...

— И в полях больше нету разбитых бутылок, — обиженно сказал Дэвид. — И мне уже нечем пополнить коллекцию жуков. Ты убрала всех змей, и мой змееловный капкан больше не нужен. На что мне теперь смотреть: как уголь грузят на железной дороге? Теперь и угля-то нет! Раньше я всегда ходил через завод чернил для паркеровских ручек — теперь нет завода. Ты *вообще* ничего не оставишь?

— Только приятные вещи! — с обидой в голосе ответила ведьма. — Тебе вполне хватит для занятий. Ты же не станешь играть всякой пакостью, не правда ли?

— И еще!.. — упрямо продолжал Дэвид. — Элинор Рут, девчонка, они недавно переехали в дом напротив, обещала мне показать то, что у нее есть, а у меня нет, если я пойду с ней в гараж. Я пошел, а у нее ничего не оказалось. И это мне не нравится.

Миссис Притчет побагровела, казалось, ее хватит удар.

— Дэвид! — наконец удалось выкрикнуть ей. — Ты маленький грязный извращенец! Скажи, ради Бога, что с тобой случилось? Откуда в тебе эти животные наклонности?

— Наверное, от папаши, — елейно заметил Джек. — Дурная наследственность.

— Не иначе!.. — Миссис Притчет тяжело дышала, будто карабкалась на невидимую гору. — Дэвид, когда вернемся домой, я задам тебе таку-ую трепку, что ты на всю жизнь запомнишь. Неделю сидеть не сможешь. Никогда в жизни я такого...

— Упраздните его, — с философским видом посоветовала мисс Рейсс.

— Не смей упразднять меня! — воинственно заорал Дэвид. — Только попробуй!

— Я позже с тобой поговорю! — Сверкнув злобно глазами, старая дура горделиво задрала морщинистый подбородок. — Сейчас я не желаю с вами общаться, молодой человек.

— У-у-у!.. — заныл Дэвид.

— Я могу с тобой пообщаться, — напомнил мальчишке Джек.

— Я бы предпочла, чтоб вы этого не делали, — проворчала миссис Притчет. — Пусть до него дойдет наконец, что нельзя находиться в обществе приличных людей, если сам занят грязными делишками.

— За мной тоже водятся грязные делишки... — начал было Гамильтон, но Марша хорошенько пнула его, и Джек заткнулся.

— На твоем месте я бы помалкивала, — прошипела Марша.

Миссис Притчет молча уставилась в окно, мимоходом корректируя столь отвратную для нее реальность. Ветхие фермерские усадьбы, старые ветряные мельницы исчезали на глазах. Ржавые кузова битых авто десятками покидали этот мир. Флигеля, времянки, амбары пропадали из виду вместе с сухими деревьями и кучами мусора. Походя волна праведного гнева старой маразматички истребила одетых в потрепанные комбинезоны сезонных рабочих, гнувших спины на уборке урожая.

— А что это там такое? — раздраженно воскликнула ведьма.

Справа, как бельмо на глазу, торчало приземистое, уродливое здание из бетона.

— Это, — сообщил Гамильтон, — подстанция Тихоокеанской газоэлектрической компании. Она контролирует высоковольтные линии.

— Ну, что ж, — пожала плечами миссис Притчет. — Полагаю, вещь полезная.

— Есть люди, склонные так думать, — ответил Гамильтон.

— Могли, конечно, сделать бы привлекательней. — Миссис Притчет возмущенно фыркнула. Когда машина проезжала рядом с подстанцией, четкие прямые линии здания вдруг задрожали и расплылись. И через мгновение в зеркале обратного вида можно было наблюдать странного вида коттедж с черепичной крышей, увитый плющом.

— Очень мило, — оглянувшись, пробормотала Марша.

— Подождите, когда придут электрики проверить кабель, — бросил Гамильтон. — Вот будет удивление!

— Ну что вы, — холодно улыбнулась мисс Рейсс. — Они ничего не заметят.

Солнце еще не добралось до своей полуденной точки, а Гамильтон выруливал с автострады в буйную зелень дикого леса. Массивные стволы красного дерева возвышались вокруг; темные лощины мелькали по обе стороны от узкой дороги, которая вела в глубь парка «Биг-Сур» и вверх по склону Коунпика.

— Страшно! — воскликнул Дэвид.

Дорога карабкалась вверх. Вскоре они выбрались на широкий склон, буйно заросший кустарником. Тут и там, как памятники древних времен, среди зелени поднимались обломки скал. Любимые цветы Эдит Притчет, золотые калифорнийские маки, цвели здесь в бесчисленном количестве. При виде этой картины миссис Притчет издала восторженный возглас:

— Какое великолепие!.. Лучшего места для пикника не придумаешь. Остановите машину!

Гамильтон послушно свернул с дороги и повел «форд» прямиком к поляне. Пришлось немного потрястись на ухабах, прежде чем миссис Притчет догадалась их упразднить. Вскоре Джек затормозил и выключил мотор. Вокруг стояла удивительная тишина, только потрескивал остывающий радиатор и доносились издали слабые крики птиц.

— Вот мы и приехали, — сказал Гамильтон.

Все оживленно выкатились из машины. Мужчины достали из багажника корзины с провизией. Марша взяла одеяло и фотокамеру. Мисс Рейсс — термос с чаем. Дэвид резво носился вокруг, хлестал по кустам длинным прутом, вспугнул даже целое семейство куропаток.

— Ну что за прелесть! — умилилась птичкам миссис Притчет. — Смотрите, даже птенцы летят!

Жилья вокруг явно не наблюдалось. Только зеленые волны леса плавно спускались вниз к океану, словно стремясь слиться с синевой воды. Зрелище впечатлило даже Дэвида.

— Вот это да!.. — прошептал он. — Вот это здорово!

Миссис Притчет покрутилась немного и ткнула пальцем в том месте, где надо расстелить одеяло. Открыли корзины с припасами. Салфетки, картонные тарелочки, вилки и чашечки весело расходились по кругу.

Украдкой забравшись поглубже в кусты, Джек лихорадочно принялся готовить «угощение» для старухи. Никто не обращал на него внимания. Джек развернул носовой платок и смочил его хлороформом. Прохладный ветерок отнес дурманящий запах в сторону, его никто даже не почуял. Порция хлороформа предназначалась только для одной особы. Все пройдет быстро, эффективно, а главное — безболезненно.

— Чем ты занимаешься, Джек? — проговорила вдруг неожиданно возникшая рядом Марша.

Застигнутый врасплох, Джек воровато вздрогнул, едва не уронив бутылочку с хлороформом.

— Ничем, — ответил он глухо. — Ступай к остальным и готовь закуску.

— Ты что-то затеваешь! — Марша нахмурилась, а потом ловко глянула Джеку за плечо. — О Боже! Это крысиный яд?

Гамильтон злорадно усмехнулся:

— Лекарство от кашля. У меня катар.

— Ты задумал очередную пакость! — У Марши от гнева округлились глаза. — Я ведь вижу! Ты всегда финтишь, если готовишься что-нибудь выкинуть.

— Просто собираюсь положить конец безумию, — заявил Джек с решимостью фаталиста. — С меня хватит!

Марша цепко схватила мужа за руку:

— Джек, умоляю, ради меня...

— Тебе нравится дебильная империя старухи? — Он рывком освободился от острых пальчиков Марши. — Тебе, Лоузу и Макфифу!.. Вам хорошо и весело, пока ведьма упраздняет людей, животных, насекомых — все, что превосходит ее убогое воображение!

— Джек, ничего не делай, пожалуйста! Обещай мне!

— Извини. Все решено. Колеса завертелись.

Близоруко щурясь в их сторону, миссис Притчет позвала:

— Идите сюда! Тут йогурт с бутербродами — торопитесь, пока все не съели!

Встав на пути у мужа, Марша горячо зашептала:

— Я не пущу тебя! Ты не должен, Джек!.. Неужели тебе непонятно? Вспомни Артура Сильвестра...

— Уйди с дороги! — резко оборвал он ее. — Снадобье испаряется.

К его изумлению, глазки супруги неожиданно наполнили слезы.

— Боже мой... Джек, милый! Что со мной будет? Я не выдержу, если она упразднит тебя. Я умру.

Сердце Гамильтона дрогнуло.

— Ну, не глупи...

— Это правда.

Слезы беспомощно катились по ее щекам; вцепившись в Джека, она толкала его назад. Но все усилия Марши были напрасны. Мисс Рейсс уже провела ряд маневров, и в результате миссис Притчет повернулась к разыгравшейся сцене спиной. Дэвид, отвлекая внимание мамаши, возбужденно демонстрировал ей разноцветные камешки, откопанные им где-то поблизости. Нельзя больше ждать ни секунды; другого случая может не подвернуться.

— Стань в сторонке, — мягко попросил Гамильтон жену. — Если не можешь смотреть, отвернись.

Решительным движением он отодвинул Маршу в сторону.

— В конце концов, рискую-то я ради тебя. Ради тебя, и Лоуза, и Прыг-Балды, и всех нас. Даже ради дурацких сигар Макфифа.

— Я люблю тебя, Джек, — убитым голосом сказала Марша.

— А я спешу! — бросил Джек в ответ. — Понятно?

Она кивнула:

— Понятно. Желаю удачи.

— Спасибо. — И уже двинувшись вперед, добавил: — Рад, что не сердишься из-за Силки.

— А ты на меня?

— Сержусь, — буркнул Джек. — Но, вероятно, перестану, когда увижу девчонку живой и невредимой.

— Надеюсь, что увидишь, — пролепетала виновато Марша.

— Ну, держи пальцы крест-накрест.

Широко шагая по упругому дерну, Джек быстро подобрался к Эдит Притчет, рассевшейся как слон на солнцепеке. Миссис

Притчет как раз допивала из бумажного стаканчика апельсиновый чай. В левой руке она держала половинку вареного яйца. На толстых коленях покоились тарелка винегрета и банка абрикосового компота. Когда Джек уже навис над старухой, мисс Рейсс поспешно проговорила:

— Миссис Притчет, вы не передадите мне сахар?

— Ну конечно, дорогая! — Она положила остатки яйца на салфетку и взялась за бумажный пакет с сахаром.

— Боже!.. — Ведьма вдруг сморщила нос. — Откуда этот страшный запах?

И пропитанный хлороформом платок исчез из дрожащих рук Гамильтона. Бутылочка, заткнутая за пояс и слегка давившая в бедро, перестала беспокоить. Миссис Притчет вежливо передала пакетик с сахаром мисс Рейсс и вернулась к трапезе.

Все кончилось. План рухнул — тихо, бесповоротно.

— Восхитительный чай! — заявила миссис Притчет, когда рядом появилась озадаченная Марша. — Вас можно поздравить, дорогая! Вы — прирожденный кулинар!

— Так оно и есть, — подтвердил Джек.

Он уже пришел в себя от неожиданного поражения, уселся на землю и нервно потер руки:

— Что тут у нас хорошего?

Дэвид широко раскрытыми глазами уставился на него, разинув рот.

— Бутылка пропала! — громко завыл он. — Она пронюхала!

Игнорируя вопли мальчика, Гамильтон спокойно выбирал себе закуску.

— Я, пожалуй, возьму всего понемножку! — жизнерадостно объявил он. — Все так замечательно!

— Берите, угощайтесь! — прошамкала с набитым ртом миссис Притчет. — Попробуйте этот чудный сыр с сельдереем и сливками. Невероятно вкусно!

— Спасибо! — кивнул признательно Гамильтон. — Так и сделаю.

Дэвид Притчет, уже на грани истерики, вскочил на ноги и, гневно указывая на мать пальцем, завизжал:

— Это ты, мерзкая жаба, взяла наш хлороформ! Ты сделала, чтоб он пропал!

— Да, дорогой, — запросто подтвердила миссис Притчет. — Ужасный, отвратительный химикат, и, честно говоря, я не представляю, для чего он тебе. Погулял бы лучше вокруг, посмотрел. Здесь, кстати, растут замечательные папоротники. Тебе полезно на них взглянуть.

Раздался звенящий от напряжения голос мисс Рейсс:

— Миссис Притчет, что вы собираетесь делать с нами?

— Господи, — сказала миссис Притчет, накладывая себе еще винегрета, — что за странный вопрос? Ешьте, дорогая. Вы такая худенькая, вам действительно неплохо бы поправиться.

Машинально все продолжали жевать. Но только миссис Притчет ела с видимым удовольствием; она сопела и чавкала, напоминая в эти мгновения экзотическое животное, только что очнувшееся от голодной спячки.

— Здесь так мирно, — промямлила она. — Только ветер шумит в верхушках сосен.

Высоко над лесом послышался слабый рокот самолета — это совершал рейд патруль береговой охраны...

— Что такое?.. — Брови миссис Притчет сошлись у переносицы. — Непрошеное вторжение...

Самолет, как и *вообще все* самолеты в этом мире, выбыл из игры.

— Понятно, — с наигранным безразличием сказал Гамильтон. — Что следующее на очереди?

— Сырость! — Миссис Притчет скроила брезгливую гримаску.

— Не понял?..

— Сырость! — Она заерзала на подушке. — Я чувствую сырость от земли. Это неприятно.

— А вы можете упразднить даже понятие? — спросила мисс Рейсс.

— Могу, дорогая!

Земля вдруг стала на ощупь теплой и сухой, как поджаренный тост.

— И ветер немного прохладен, вы не находите?

Ветер стал согревающе ласковым, будто тепло от камина.

— Ну, как вам теперь?

Джека захлестнуло чувство отчаянной бесшабашности. В конце концов, терять уже нечего: все равно безумие уничтожит самое себя. Надо ускорить развязку.

— Вам не кажется, что цвет у океана отвратительный? — спросил он. — Глядеть противно!

Свинцово-синяя ширь океана окрасилась зеленью пастельных оттенков.

— Так гораздо лучше, — высказалась Марша. Она сидела рядом с Джеком, судорожно стиснув ладонь мужа. — О, дорогой... — беспомощно пробормотала она.

Гамильтон привлек жену к себе и указал вдаль:

— Посмотрите, как вон та чайка шныряет!

— Она охотится за рыбой, — прокомментировала мисс Рейсс.

— Подлая птица, — заключил Гамильтон. — Убивает беспомощных рыб.

Чайка растворилась в воздухе.

— Но рыбы сами виноваты, — строила логическую цепочку мисс Рейсс. — Они уничтожают другие формы жизни — маленьких рачков, планктон и водоросли.

— Злобные, алчные рыбы! — подхватил Гамильтон.

По дрогнувшей глади океана пробежала рябь. Рыба, как вид жизни, списана за ненадобностью. Кстати, со скатерти-самобранки пропало блюдо копченой селедки.

— Ой!.. — воскликнула Марша. — Это был импорт из Норвегии.

— Должно быть, обошлось недешево, — проворчал Макфиф. — Импорт всегда сжирает изрядные суммы.

— Кому нужны деньги?! — удивленно, будто открыв великую истину, оглядел собравшихся Джек. Достав из кармана горсть мелочи, он швырнул ее вниз по склону. Яркие кружочки металла сверкнули на солнце. — Деньги — грязь и тлен.

Блестеть монеткам пришлось недолго. В кармане у Гамильтона странно хрюкнул бумажник: улетучились банкноты.

— Очаровательно! — хихикнула миссис Притчет. — Как мило, что все вы мне помогаете! Иногда мне идей не хватает.

Вдали на склоне корова щипала траву. В тот момент, когда взоры обедающей компании обратились на нее, корова поднатужилась и произвела нечто не к столу сказанное...

— Упразднить коров! — закричала мисс Рейсс, но это оказалось излишним. Эдит Притчет успела почувствовать неудовольствие — и корова испарилась.

Но одновременно у Джека исчез ремень. Туфли Марши. И сумочка мисс Рейсс. Все, что сделано из кожи. А со скатерти пропали йогурт и сливочный сыр.

Мисс Рейсс протянула руку и дернула за пучок сухого бурьяна.

— Какие неприятные растения! — пожаловалась она. — Я укололась...

Упомянутые растения ушли в забвение. Также сдуло почти всю траву на пастбище, где прежде паслись коровы. Теперь вокруг расстилалась лишь голая земля да камень.

Прыжками носясь по кругу, как клоун по манежу, Дэвид вопил:

— Мне попался ядовитый дуб! Отравленный дуб!

— Деревья вообще ядовиты, — сделал открытие Гамильтон. — И репейники, лопухи... сорняки всякие...

От этих слов рощу справа сильно тряхнуло. Лес вокруг тоже затрепетал, будто по нему прошлась гигантская невидимая расческа. После такой «стрижки и укладки» проплешин в растительном мире явно прибавилось.

Марша хмуро пыталась спрятать подальше остатки своей обувки — лохмотья дратвы и металлические заклепки.

— Просто безумие какое-то! — прошептала она Джеку.

— Упразднить обувь! — предложил Гамильтон.

— Неплохая мысль, — согласилась миссис Притчет. Глаза ее горели сумасшедшим огнем: — Обувь жмет ноги!

Остатки туфель исчезли у Марши из рук. Кстати, вместе с обувью остальных присутствующих. Макфиф нервно заерзал своими большими лапами в желто-красных носках. Не найдя, куда пристроить ноги, он смущенно подтянул их под себя.

Тут на горизонте появился дымок океанского сухогруза.

— Алчные торгаши стригут купоны, — констатировал Гамильтон. — Сотрем его с карты морских путей!

Темный дым на горизонте пропал. Торговое судоходство стало достоянием истории.

— Теперь намного чище! — одобрила мисс Рейсс.

По шоссе приближалась машина. Из открытого окна долетели веселые звуки джаза.

— Упраздните радио, — посоветовал Джек.

Шум прекратился.

— Заодно бы и телевизоры, и кино...

Видимых перемен не произошло; но кино и телевидение наверняка отпраздновали покойника.

— А как же остальная дешевка? Аккордеоны, гармони, банджо, маракасы!..

Наверное, сейчас многие музыканты в мире получили хороший подарочек.

— Рекламу! — закричала мисс Рейсс при виде длинной тяжелой автоцистерны, размалеванной по бокам яркими буквами.

Слова на бортах цистерны увяли.

— Грузовые машины — туда же!

Тягач с цистерной прямиком въехали в небытие, выплюнув ошалевшего водителя в кювет, как косточку от компота.

— Ему больно, — жалобно проговорила Марша.

Водитель, не успев выползти на дорогу, исчез...

— Топливо! — подсказал Гамильтон. — То, что везла цистерна.

В мире не стало больше дизельного топлива.

— Нефть, скипидар, нафталин!.. — внесла свою лепту в дело улучшения реальности мисс Рейсс.

— Пиво, медицинский спирт, чай! — добавил Гамильтон.

— Повидло, мед и шипучка, — предложила мисс Рейсс.

— Яблоки, апельсины, лимоны, абрикосы, груши... — робко подала идею Марша.

— Изюм и персики, — мрачно проворчал Макфиф.

— Орехи, лакрица и бататы! — продолжил Джек.

Миссис Притчет любезно упразднила упомянутые категории. Стаканчики чая опустели. Скатерть, заставленная едой, заметно обеднела.

— Яйца и сосиски! — вскочив на ноги, закричала мисс Рейсс.

— Сыры! Дверные ручки! Вешалки! — тоже вставая, добавил Гамильтон.

Идиотски хихикая, миссис Притчет продолжала раскручивать свою адскую мельницу.

— В самом деле!.. — колыхаясь от охватившего ее веселья, задыхаясь от смеха, проговорила она. — Но не слишком ли далеко мы зашли?

— Чеснок, бигуди и зубные щетки! — чуть громче произнесла Марша.

— Сера, карандаши, мел, помидоры! — захваченный общей шизой, выпалил Дэвид.

— Трава, автомобили, газонокосилки! — пролаяла мисс Рейсс.

На краю поляны благополучно окончил свои дни «форд» Гамильтона. Склоны холмов будто вытоптало стадо мамонтов.

— Тротуары, — зашел с другого бока Джек.

— Питьевые фонтанчики, часы... — добавила Марша.

— Мебельная политура, — приплясывая, взвизгнул Дэвид.

— Массажные щетки, — отчеканила мисс Рейсс.

— Комиксы, — напомнил Макфиф. — И эти торты с надписями кремом. Французская стряпня.

— Кресла, — неожиданно для себя сказал Гамильтон, и ему стало жарко от собственной смелости, — и диваны!

— Диваны — аморальная вещь! — подтвердила мисс Рейсс, в возбуждении не заметив, что наступила на термос. — Долой их тоже! И стекло! Все стеклянное.

Миссис Притчет послушно упразднила очки мисс Рейсс, как и все стеклянные изделия.

— Металлы! — прокричал изумленный Гамильтон.

У брюк пропала «молния». Металлический корпус термоса тоже исчез. Часы на запястье у Марши... металлические пломбы в зубах... и даже крючки на женском белье.

Потерявший голову Дэвид, прыгая за спинами у взрослых, провизжал:

— Одежду!

В тот же миг все оказались в чем мать родила. Но никто не испытывал и тени смущения, ибо разница полов, как самая страшная скверна, устранена гораздо раньше.

— Растительность! — сказала Марша и поднялась, чтобы встать рядом с мужем.

На этот раз перемены вышли значительные. Ближние холмы и далекие горы мигом облысели, превратившись в гигантские голые черепа. На них, будто пятна запекшейся крови, темнели лишь небольшие островки жухлой земли.

— Облачность! — с перекосившимся лицом крикнула мисс Рейсс. Несколько белых нежных перышек, плывших по небу, растаяли. — И дымку тоже!

Солнце вспыхнуло слепящим заревом.

— Океаны, — прорычал Гамильтон.

Пастельную зелень, простиравшуюся до горизонта, сморгнуло, как соринку на ресницах. Осталась только пропасть без конца и края. Потрясенный Джек замер, и паузой воспользовалась мисс Рейсс:

— Песок!

Колоссальная бездна осела еще глубже...

Низкий зловещий звук пророкотал в потревоженных глубинах — нарушился баланс земной коры.

— Не отставайте! — задыхаясь, подстегнула всех мисс Рейсс; лицо ее исказилось, словно она с головой окунулась в любовный экстаз. — Что дальше? Что осталось?

— Города! — тут же предложил Дэвид.

Гамильтон нетерпеливо отмахнулся.

— Земной рельеф, — рявкнул он.

Все обнаружили себя стоящими на гладкой, как стол, равнине. Шесть голых, бледных фигур равного веса и формы лихорадочно озирались вокруг.

— Всех животных, кроме человека! — выпалила мисс Рейсс.

Сделано.

— Все формы жизни, кроме человека! — превзошел ее Гамильтон.

— Кислоты! — возопила мисс Рейсс.

Невыносимая боль мгновенно скрутила тело. Все, скорчившись, с перекошенными лицами рухнули на колени. Радикально менялись основы химического строения тел. Но люди продолжали биться в судорогах отрицания.

— Соли! — проскрипел Гамильтон.

И вновь до самых пят пронзила невидимая агония клеток.

— Нитраты! — пронзительно взвизгнула мисс Рейсс.

— Фосфор!

— Йод!

— Кальций! — Мисс Рейсс, почти теряя сознание, опустилась на четвереньки. Все остальные выглядели так, будто только что покинули камеру пыток. Разбухшее, пульсирующее тело Эдит Притчет дергалось в конвульсиях.

Из раскрытого рта выползала струйка слюны, но старуха упрямо пыталась сосредоточиться на предлагаемых ей категориях.

— Гелий! — хрипло прокаркал Гамильтон.

— Двуокись углерода... — прошептала мисс Рейсс.

— Азот, — сумел выдавить Джек.

Вокруг все оплывало, словно воск. Теряло краски. Закружил черный вихрь первозданного хаоса.

— Неон! Фреон!

Медленно смыкалось кольцо небытия.

Мисс Рейсс, в последнем судорожном усилии, рванулась и прохрипела:

— Воз-дух!

Атмосферу сдуло в одно мгновение. Легкие обожгла вселенская пустота, и Джек стал погружаться в собственную смерть. В распадающейся картине мира взгляд зафиксировал последнее: тело Эдит Притчет конвульсивно перевернулось и застыло; сознание покинуло ее.

Они победили. Старая ведьма больше не властна над ними. Они покончили с ней и теперь наконец свободны... пусть даже на границе жизни и смерти, но свободны...

Кажется, он пока еще жив. Тело бессильно распростерто, грудь судорожно вздымается, пальцы царапают землю. Но где же он находится?..

Ценой невероятного усилия Джек открыл глаза.

Нет, это явно не мир миссис Притчет... Вокруг глухо пульсировала тьма; она обволакивала и давила. Но взгляд уже лихорадочно нашарил другие фигуры, разбросанные там и тут.

Вот неподалеку Марша, затихшая и неподвижная. За ней виднелся Чарли Макфиф с разинутым ртом и остекленевшим взором.

Сквозь мутную пелену Джек разглядел также Артура Сильвестра, Дэвида Притчета, долговязую фигуру Билла Лоуза, а рядом — бесформенные очертания Эдит Притчет.

Неужели они еще в «Мегатроне»? Мгновенная острая радость пронзила Джека... и тут же пропала. Нет, это не «Мегатрон». Из горла вырвался булькающий стон, надулся пузырем едкой слю-

ны и лопнул на растрескавшихся губах. Джек попытался ползти, но не было сил, чтобы сдвинуться с места. Как же спрятаться от нависшей угрозы, неясной тени, может быть — самой Смерти, а может — гигантского насекомого, собравшегося ужалить... Нечто жуткое склонилось над Джеком, приготовив острое жало...

Сухой, шелестящий, рвущий перепонки шепот проник в уши; ядовитое жало, вибрируя, поразило мозг. И когда Джек перестал кричать, выбившись из сил, то у него осталась возможность только слушать.

— Благодарю вас, — шептал чуть отдающий металлом голос. — Вы очень хорошо сыграли свою роль. Как я и планировала.

— Прочь от меня! — вякнул Джек.

— Я уберусь, — пообещал голос. — Я подожду, когда вы займетесь своими делами. Я буду за вами наблюдать. Каждый из вас — интересен. Я давно слежу за вами, но не так, как мне хотелось бы. Я хочу все видеть с близкого расстояния и каждую минуту — все, что вы делаете; быть вокруг и внутри вас, чтобы схватить в любой момент. Мне надо быть в контакте с вами. Мне надо, чтоб вы делали то, чего я захочу. Мне необходима ваша реакция, ваши чувства. Мне надо...

Теперь Джек понял, где очутился, в чьей оказался реальности. Он узнал монотонный металлический голос, коловший слух. Голос Джоан Рейсс.

Глава 12

— Хвала Небу, — воскликнул кто-то рядом, судя по всему — женщина. — Мы вернулись. Мы вернулись в настоящий мир.

Черный вихрь улегся, падение в бездну прекратилось. Взору открылась знакомая панорама — лес и океан. Зелень парка Биг-Сур и лента шоссе у подножия Коун-пика вновь заняли надлежащее им место.

Над головой — чистое послеполуденное небо; золотые калифорнийские маки искрятся мириадами росинок. На месте оказалась и скатерть-самобранка с баночками, блюдцами, с бумажными стаканчиками и тарелочками. По правую сторону чуть шелестела на ветру сочная зелень рощи. «Форд», ослепительно сверкая, стоял точно там, где его оставили, — в конце поляны.

Над океаном кружила чайка. Грузовой дизель проревел вдоль шоссе, оставляя клубы черного дыма. В кустарнике зигзагами шныряла земляная белка, запутывая след к своей норе.

Наконец зашевелились остальные собратья по несчастью. Марша неуверенно поднялась на колени и молча озиралась вокруг. Неподалеку все еще неподвижно покоилась Эдит Притчет. За ней — Артур Сильвестр и Дэвид Притчет. Возле самой скатерти ворочался, словно кабан, застрявший в зарослях, Чарли Макфиф. Билл Лоуз отсутствовал. Наверное, оплакивал где-то в Сан-Хосе потерю своего мыловаренного завода.

Рядом с Гамильтоном примостилась хлипкая фигурка — Джоан Рейсс. Она методически собирала свои вещички — сумочку, очки...

С бесстрастным выражением лица она приводила в порядок узел волос на затылке.

— Хвала Небу, — повторила она, — кошмары уже позади. Все кончено.

Оказывается, именно ее голос и вернул Джека к сознанию. Макфиф только приподнял голову и, поглядев вокруг мутным взором, тупо повторил:

— Позади... Кончено...

Мисс Рейсс деловито констатировала:

— Мы вернулись в реальный мир. Это замечательно!

Повернувшись к неподвижному грузному телу на сырой траве, она бросила:

— Вставайте, миссис Притчет. Мы ускользнули от вас! Ничего вы нам теперь не сделаете!

Она склонилась и ущипнула пухлую руку старухи:

— Все теперь будет как положено!

— Слава Тебе, Господи! — набожно пробормотал Сильвестр, пытаясь подняться. — Но что это за ужасный голос?

— Неужели прошло... — прошептала Марша. В глазах ее светился огонек некоего странного чувства — смесь отчаяния и надежды. Кое-как она сумела подняться на дрожащие, подгибающиеся ноги. — Какая жуть явилась под конец! Я запомнила только кусочек...

— А что это было? — спрашивал испуганный Дэвид Притчет. — Страшное место и чей-то голос, такой неприятный...

— Все прошло, — слабым голосом успокаивал его Макфиф, молитвенно поднимая взор. — Мы в безопасности.

— Я помогу вам, мистер Гамильтон! — воскликнула мисс Рейсс, приближаясь к Джеку. Протянув свою худенькую, костлявую руку, она улыбалась бесцветной улыбкой. — Как чувствуете себя в реальном мире?

Джек не нашел что ответить. Конечно, можно было соврать, но от одной мысли об этом накатывала волна леденящего ужаса.

— Ну, ну, придите же в себя! — успокаивающим тоном проговорила она. — Рано или поздно вам придется встать. Отвезите нас обратно в Белмонт. Чем раньше каждый из нас вернется целым и невредимым домой, тем лучше я буду себя чувствовать.

Без малейшего следа сентиментальности на остром личике она добавила:

— Я хочу видеть вас возвратившимися к прежней жизни. И до тех пор я не успокоюсь.

Джек вел машину, будто робот, — механически, чисто рефлекторно. Впрочем, все остальное в тот день он делал точно так же. Вперед убегало ровное полотно шоссе, прорезая серые склоны холмов. Время от времени мимо проносились другие машины: чувствовалась близость прибрежной трассы.

— Уже скоро, — нетерпеливо повторяла мисс Рейсс. — Мы почти в Белмонте.

— Послушайте! — хриплым голосом проговорил Джек. — Бросьте прикидываться наивной дурочкой. Прекратите свою садистскую игру!

— Какую игру? — мягко переспросила мисс Рейсс. — Я вас не понимаю, мистер Гамильтон.

— Мы не вернулись в настоящий мир. Мы находимся в вашем — злом и параноидальном...

— Но я *создала* для вас настоящий мир, — просто ответила мисс Рейсс. — Неужели вы не видите? Посмотрите вокруг. Разве я плохо постаралась? Это было давно предусмотрено. Вы обнаружите, что все происходит как надо. Я ничего не забыла!

Вцепившись в руль так, что побелели костяшки пальцев, Гамильтон спросил:

— Вы ждали этого? Вы знали, что после миссис Притчет настанет ваш черед?

— Разумеется, — спокойно ответила мисс Рейсс. — Вы просто не дали себе труда подумать хорошенько, мистер Гамильтон. Почему Артур Сильвестр первым среди нас овладел ситуацией? Потому что после аварии не потерял сознание. А почему за ним пришла очередь Эдит Притчет?

— Она шевелилась. Там, в «Мегатроне», — тихо сказала Марша. — Я видела, мне это снилось...

— Следует быть повнимательней к тому, что вам снится, миссис Гамильтон! — заметила мисс Рейсс. — Вы помните, в каком порядке мы лежали? Я была следующей на очереди... к пробуждению.

— А кто после вас? — спросил Гамильтон.

— Кто за мной — не важно, мистер Гамильтон, потому что я последняя. Вы вернулись... то есть завершили странствие. Вот ваш мир — разве он плох? Для вас он и создан, чтобы все было так, как вы хотите.

— Я думаю, — проговорила Марша после долгого молчания, — нам ничего другого не остается.

— А почему бы вам нас не отпустить? — задал бесполезный вопрос Макфиф.

— Я не могу вас отпустить, мистер Макфиф. — Мисс Рейсс вздернула сухой подбородок. — Мне пришлось бы для этого самой *исчезнуть*.

— О нет, что вы! — торопливо возразил Макфиф, слегка заикаясь. — Просто мы могли бы как-нибудь отключить вас на время. Тот же хлороформ, например...

— Мистер Макфиф, — спокойно прервала его мисс Рейсс, — я слишком много трудилась для этого. Планировала тщательно и долго — сразу же после катастрофы. Как только поняла, что наступит и моя очередь. Позволительно ли теперь от этого отказываться? Может, другого случая уже не представится... Нет, это слишком дорогой шанс, чтоб упускать его. Слишком дорогой!

Через несколько минут Дэвид Притчет показал рукой:

— Вот уже Белмонт!

— Как приятно снова оказаться дома, — дрожащим, неуверенным голосом заметила Эдит Притчет. — Наш городок очень мил.

Следуя указаниям мисс Рейсс, Джек развез всех по домам. Последними остались они с Маршей. Остановившись у дома мисс Рейсс, они молча наблюдали, как она ловко собрала свои вещи и юркнула из машины.

— Вы поезжайте! — крикнула она с тротуара. — Горячая ванна и постель — лучшее, что можно вам пожелать.

— Спасибо, — еле слышно отозвалась Марша.

— Попытайтесь расслабиться и приятно провести время, — наставляла мисс Рейсс. — И, пожалуйста, постарайтесь забыть все, что произошло. Все теперь позади. Я имею в виду неприятности.

— Да, конечно, — машинально кивнула Марша, — мы постараемся.

Шмыгнув через тротуар к подъезду многоквартирного дома, мисс Рейсс обернулась. В длинном вельветовом пальто, с сумочкой, перчатками под мышкой, с экземпляром «Нью-Йоркер», купленным по пути, она могла показаться обыкновенной мелкой служащей, вернувшейся домой из конторы. Во всяком слу-

чае, она производила впечатление ничем не примечательной серой городской мышки. Холодный вечерний ветер растрепал ее жидкие волосенки. Толстые очки в роговой оправе неестественно искажали и увеличивали глаза, делая их похожими на жабьи буркалы.

— Может, я заскочу к вам на́ днях, — вкрадчиво проговорила она. — Мы могли бы вместе скоротать вечерок.

— Это... было бы замечательно, — выдавила Марша.

— Доброй ночи! — поставила точку мисс Рейсс. Коротко кивнув на прощание, она повернулась, взбежала вверх по ступенькам, отперла массивную дверь и исчезла в сумерках.

— Домой!.. — простонала Марша. — Джек, поехали домой поскорей!

Джек гнал машину так быстро, как только мог. Подъехав к дому, резко дернул ручной тормоз, выключил мотор и рывком распахнул дверь.

— Приехали!

Марша сидела неподвижно. Лицо ее сейчас больше всего напоминало восковую маску. Джек бережно обхватил жену и вывел из машины; здесь он поднял Маршу на руки и понес по дорожке вдоль боковой стены и вверх по ступенькам крыльца.

— Во всяком случае, — дрожа, прошептала Марша, — Прыг-Балда, должно быть, вернулся. И секс тоже. Все вернется, правда? Все будет хорошо?

Джек не ответил. Он сосредоточенно отпирал дверь.

— Она желает власти над нами, — продолжала, словно в бреду, Марша. — Ну и что?.. В конце концов пусть. Она создала для нас реальный мир. Для меня он все тот же... Ты видишь разницу? Джек?.. Ради всего святого, скажи хоть что-нибудь!

Плечом он толкнул дверь и надавил на выключатель, зажигая в гостиной свет.

— Мы дома, — сказала, робко озираясь, Марша, когда муж осторожно поставил ее на пол.

— Да, дома! — Джек захлопнул дверь.

— Наш старый дом. Такой же, как всегда...

Расстегнув пальто, Марша, словно в трансе, прошлась по гостиной, разглядывая занавески, покрывала, книги, мебель, картины...

— Правда, замечательно? Все знакомое, родное... Никто не сыплет на тебя саранчу, никто не упраздняет вещи... Это здорово!

— Да уж, сенсация высшей пробы, — с горечью ответил Гамильтон.

— Джек... — Она подошла и встала рядом. — Не надо о ней дурно думать. Все будет не так, как у миссис Притчет. Она слишком умна для откровенного маразма и рассчитывает каждый шаг далеко вперед.

— Как минимум, на миллион лет вперед! — согласился Джек. — У нее появился шанс подмять нас под себя, и она им умело воспользовалась.

Ни с того ни с сего Джек нащупал у себя в кармане твердый цилиндрический предмет; в припадке неизъяснимой злобы он запустил им в стену. Бутылочка из-под хлороформа упала на коврик, покатилась и уткнулась, целехонькая, в ножку кресла.

— Отрава больше не поможет, — мрачно заметил он. — Пора признать поражение. На этот раз мы вляпались основательно, по самые... в общем, вляпались.

Марша достала из шкафа плечики и повесила пальто.

— Биллу Лоузу будет плохо.

— У него, наверное, так и чешутся руки начистить мне рыло.

— Нет, — испугалась Марша. — Ты тут ни при чем.

— Как я посмотрю ему в глаза? Как я посмотрю в глаза любому из вас? Ты хотела остаться у миссис Притчет — а я тебя затащил сюда... попался на удочку этой психопатки!

— Не терзай себя, Джек. Это ничего не даст.

— Нет, конечно. Ничего не даст.

— Я сварю кофе.

С порога кухни она повернула к мужу грустное лицо:

— Тебе кофе с коньяком?

— Да, да. Прекрасно!..

Вымученно улыбнувшись, она ушла на кухню. И какое-то время стояла тишина.

Затем раздался пронзительный визг.

Джек в тот же миг был на ногах; пулей пролетев коридор, он замер на пороге кухни.

Сначала он ничего не смог разобрать; Марша, прислонившись к столу, частично закрывала обзор... И только подойдя к ней вплотную, он разглядел — зрелище впилось в мозг, как раскаленное шило в маргарин. Джек закрыл глаза, вцепился в Маршу и потащил ее прочь. Он зажал ей рот ладонью, визг женщины перешел в тихий стон. Джек и сам едва не орал от ужаса, собрав всю волю в кулак и балансируя на грани истерики.

Мисс Рейсс терпеть не могла котов и кошек, считая их тварями злокозненными и вредными.

В кухне на полу издыхал Прыг-Балда. Неведомая сила вывернула бедное животное нутром наружу... но кот все еще ос-

тавался жив. Кошмарное месиво продолжало функционировать; милая дамочка конечно же позаботилась об этом. Она не собиралась так запросто дарить врагам легкую смерть.

Дрожа и пульсируя обнаженными сосудами, сверкая влажными внутренностями, кровавый ком костей и мяса слепо тащился через кухню. Наверное, этот шизоидный путь изувеченного кота продолжался довольно долго — с момента возникновения реальности мисс Рейсс. За три с половиной часа агонизирующий комок плоти прополз полкухни.

— Но он не должен, — сквозь рыдания выла Марша, — он не может быть живым!..

Метнувшись во двор, Джек схватил совковую лопату, подцепил страшный груз и вынес его на задворки. Моля Бога о скорейшем избавлении от мук несчастного животного, Джек наполнил водой большое ведро и опустил туда дрожащую массу.

Даже в столь плачевном состоянии кот упорно пытался выбраться из воды. Но в конце концов с последней конвульсией погрузился на дно и расстался с жизнью.

Гамильтон сжег останки, торопливо вырыл яму и закопал их. Спрятав инструменты и умывшись, он вернулся в дом.

Прошло всего несколько минут, но Джеку показалось, что минула целая вечность. Марша тихо сидела в гостиной, обхватив руками колени, и отрешенно смотрела куда-то в пространство. Когда Джек оказался рядом, она не подняла глаз.

— Милая... — позвал он.

— Кончено?

— Кончено. Балда умер. Можно только радоваться, он теперь недосягаем. Никто больше не причинит ему боли.

— Даже завидно. За нас-то она еще не принималась.

— Она ведь кошек ненавидит, а к нам, надеюсь, подобных чувств не питает.

Марша повернулась к мужу.

— Вспомни, что ты ей сказал тогда ночью! Ты испугал ее. И она это наверняка запомнила.

— Да, вероятно. Она ничего не забывает.

Джек вернулся на кухню и сам приготовил кофе. Он уже разливал его по чашкам, когда тихо вошла Марша и стала доставать сливки и сахар.

— Вот в этом и заключается ответ, — проговорила она.

— На какой вопрос?

— На вопрос, можно ли нам жить. И ответ — отрицательный. Хуже чем отрицательный.

— Хуже отрицательного ничего не бывает, — вяло возразил Джек, сам прекрасно понимая, насколько неубедительно звучат его слова.

— Она нездорова, да?

— По-видимому. Паранойя плюс мания преследования. Все, что зацепит ее лягушачий взгляд, тут же становится звеном в цепи всеобщего заговора.

— Но теперь, — вздохнула Марша, — ей не о чем беспокоиться. Потому что она, впервые в жизни, может сокрушить любой заговор.

Прихлебывая обжигающий кофе, Гамильтон рассуждал:

— Думаю, она действительно верит, что создала копию истинного мира. По крайней мере своего. Боже правый, ее *истинный мир* запросто переплюнет самый лютый глюк алкаша или торчка!

Он с минуту помолчал, затем продолжил:

— То, что она сотворила с Балдой... Маньячка, очевидно, решила, что с ней проделали бы то же самое, попадись она в лапы воображаемых врагов. Натуральная фобия. Она свято верит, что все решается именно таким способом.

Поднявшись, Джек обошел комнаты и приспустил шторы. Солнце уже село. Пустынные улицы окутала темень.

Джек открыл ящик стола, достал пистолет 45-го калибра и принялся набивать обойму.

— Она глубоко заблуждается в собственном всевластии.

Он сунул оружие во внутренний карман пальто. Пальто оттопырилось бугром на груди.

Марша грустно улыбнулась:

— Ты похож на бандита.

— Я частный детектив.

— А где твоя секретарша с шикарным бюстом?

— Это ты, — улыбнулся Джек.

Марша застенчиво подняла руки.

— А я все гадаю: заметит муженек, что жена... в норме?

— Уже заметил.

— И как?.. — лукаво спросила она.

— Придется терпеть. Во имя былых времен.

— Так странно... Чувствую себя почти толстухой.

Плотно сжав губы, Марша прошлась по кругу.

— Тебе не кажется, что я снова привыкну? Но все равно ощущение странное... Эдит Притчет здорово заморочила мне мозги.

Гамильтон с иронией ответил:

— Это в прошлом. Теперь нас несет по другой колее.

Стыдливо пряча свою радость, Марша предпочла не расслышать последнюю фразу.

— Давай, Джек, спустимся вниз! В нашу музыкальную комнату. Там можно... расслабиться и послушать музыку.

Подойдя вплотную к Джеку, она положила свои маленькие ладошки мужу на плечи:

— Пойдем?

Джек резко отстранился:

— В другой раз.

Оскорбленная и удивленная, Марша опустила руки:

— В чем дело?

— А ты не помнишь?

— О!.. — Она кивнула. — Та девица, официантка... Но ведь она исчезла! Когда вы с ней были там.

— Она не официантка.

— Вероятно, да.

Лицо Марши посветлело:

— В конце концов она же вернулась! Так что все в порядке. Разве нет? И знаешь, Джек... — Она с надеждой заглянула ему в глаза. — Я не обижаюсь из-за нее. Я понимаю...

Джек так толком и не понял, раздражает или забавляет его это странное признание.

— Что же именно ты понимаешь?

— Ну, как... ты чувствовал себя тогда. В том смысле, что к ней это не имело никакого отношения; она была всего лишь предлогом. Ты выражал *протест*.

Гамильтон привлек Маршу к себе:

— Ты невероятно широко мыслящая натура!

— Я считаю, что на вещи надо смотреть по-современному, — важно заявила Марша.

— Рад это слышать.

Высвободившись из объятий, Марша игриво потянула Джека за ворот рубашки.

— Ну, пойдем?.. Ты так давно не крутил для меня пластинки... Я жутко ревновала, когда вы вдвоем отправились вниз... Давай послушаем что-нибудь из наших любимых!

— Ты имеешь в виду Чайковского? Ты всегда ставишь его, когда говоришь о «наших любимых».

— Иди включи свет и отопление. Чтоб было светло, тепло и уютно. Тогда я и приду.

Джек склонился и поцеловал ее в губы.

— Все будет просто излучать эротику, — пообещал он.

Марша наморщила носик.

— Боже праведный! — зазвучал где-то рядом резкий мужской голос — Что ты делаешь там, Джек?

По-обезьяньи раскорячившись и выгнув до боли шею, Джек рассмотрел долговязую фигуру Билла Лоуза.

— Помоги мне, — тихо проговорил Гамильтон.

— Конечно!

Лоуз обернулся к Марше:

— Оставайтесь здесь и держитесь покрепче за что-нибудь.

Схватив ее руку, он показал Марше, как надо ухватиться за угол стены.

— Удержитесь?

— Думаю, что да, — кивнула Марша.

Взяв женщину за другую руку, Лоуз стал на цыпочках спускаться по ступенькам. Спустившись как можно ниже, он присел на корточки и протянул открытую ладонь вниз.

— Ну как, дотянешься? — спросил он Гамильтона.

Джек, не в силах обернуться, вывернул руку назад, навстречу Лоузу. Видеть-то он его не мог, но чувствовал, что негр где-то рядом, слышал даже его хриплое частое дыхание.

— Ничего не выйдет, — после нескольких тщетных попыток констатировал Лоуз. — Ты слишком далеко.

Джек опустил онемевшую от напряжения руку и с обреченностью висельника присел на ступеньку.

— Жди и не двигайся! — крикнул Лоуз. — Я сейчас!..

Он с грохотом побежал наверх, увлек с собой Маршу и был таков.

Когда он вернулся, с ним был Дэвид Притчет.

— Держись за руку миссис Гамильтон, — велел он мальчику. — Не спрашивай ни о чем — делай, как говорят.

Ухватившись за угол на верхней площадке, Марша другой рукой сжала ладошку мальчика. Лоуз свел Дэвида чуть ниже по лестнице, затем спустился сам. Получилась этакая живая цепочка.

— Я иду, — буркнул Лоуз. — Ты готов, Джек?

Держась за перила, Джек вновь вывернул руку назад. Хриплое дыхание Лоуза раздавалось совсем близко; Джек ощущал, как дрожит лестница под сильными шагами негра. Затем — о, чудо! — жесткая потная ладонь обхватила руку. Мощным рывком Лоуз сорвал Гамильтона с места и натужно потащил наверх.

Задыхаясь, они оба вывалились на площадку. Дэвид в испуге убежал; Марша, подымаясь с коленей, потянулась к спасенному мужу. Джека бил озноб.

— Что произошло? — спросил Лоуз, немного отдышавшись. — Какая пакость там внизу?

— Я... — Джек едва мог говорить. — Я не мог выбраться наверх. Как ни изворачивался... Оба направления вели туда же — вниз.

— Там кто-то прячется, — хмуро заметил Лоуз. — Я видел.

Гамильтон кивнул:

— Она все это время поджидала меня.

— *Она?*

— Мы расстались на том месте... Она стояла на лестнице, когда Эдит Притчет упразднила ее.

Марша издала болезненный стон:

— Он говорит об официантке.

— Она вернулась, — пояснил Гамильтон. — Но она не официантка. Во всяком случае не в этом мире.

— Мы можем заколотить лестницу, — предложил Лоуз.

— Да, — согласился Джек. — Обязательно заколотите. Чтобы она не добралась до меня.

— Мы это сделаем, — заверил его Лоуз. Он и Марша тесно обступили Джека, пока он стоял на площадке, глядя в затянутый паутиной полумрак лестницы.

Глава 13

— Нам надо подловить мисс Рейсс, — заявил Гамильтон, когда остальные «странники по мирам» появились в гостиной. — И прикончить. Быстро — и в полном смысле слова. Без колебаний. Как только она окажется в наших руках.

— Она сама нас прикончит, — проворчал Макфиф.

— Не всех. Но, возможно, многим из нас достанется...

— Все равно так будет лучше, — заметил Лоуз.

— Это точно, — кивнул Джек. — По крайней мере, намного лучше, чем просто сидеть и ждать. Этому миру надо положить конец.

— Есть несогласные? — обвел собравшихся ястребиным взором Артур Сильвестр.

— Нет, — пискнула Марша. — Никто не спорит.

— А как вы, миссис Притчет? — спросил Гамильтон. — Что скажете?

— Конечно, ее надо усыпить, — откликнулась миссис Притчет. — Бедняжка!

— Бедняжка?!

— В этом мире ей приходится жить. Ужасный, безумный мир. Представьте себе... Год за годом. Мир, полный иллюзорных врагов, каждодневный, непрекращающийся кошмар.

Не сводя глаз с заколоченной двери в полуподвал, Дэвид Притчет жалобно спросил:

— А та штуковина не доберется до нас?

— Нет, — успокоил его Лоуз. — Не сможет. Она останется там, пока не подохнет с голоду. Или до тех пор, пока мы не прихлопнем мисс Рейсс.

— Значит, все согласны! — подытожил Гамильтон. — Это уже хорошо. Единственный мир, в котором не хочет оставаться никто.

— Решить-то мы решили, — сказала Марша, — но как задуманное осуществить?

— Неплохой вопрос, — хмыкнул Артур Сильвестр. — Это будет непросто.

— Ничего невозможного нет, — пожал плечами Джек. — Ведь справились же мы с вами. Да и с Эдит Притчет разобрались в конце концов.

— А вы обратили внимание, — задумчиво произнес Сильвестр, — что всякий раз выбираться становится труднее? Теперь мы не возражали бы вновь очутиться в мире миссис Притчет...

— Когда мы были у нее в гостях, — мрачно заключил Макфиф, — то хотели вернуться к вам.

— К чему вы клоните? — с беспокойством спросил Гамильтон.

— Не исключено, что у нас опять возникнет подобное желание, — ответил старый ветеран, — когда попадем в следующий мир.

— Следующий будет настоящим! — воскликнул раздраженно Джек. — Рано или поздно мы выскочим из этой крысиной гонки.

— Но только не сейчас, — покачала головой Марша. — Нас всего восемь, а мы побывали лишь в трех... Значит, нам предстоит еще пять раз окунаться в безумие?

— Да, мы в самом деле три раза прогулялись по Дантову аду, — вздохнул Джек, искоса глянув на жену. — Это три герметических мира, никак не соприкасающихся с действительностью. До сих пор нам не везло, мы были не больше чем пленники. Однако не все же из нас шизоиды? Надеюсь, остальные не блуждают по темным лабиринтам своих фобий и кошмаров. Или, по крайней мере, не возводят их в абсолют.

После долгой паузы Лоуз вякнул:

— Ну и ловкий же ты сукин сын!

— Я попытался обрисовать примерный расклад, не более того...

— Возможно.

— Это, кстати, касается и тебя.

— Ну уж нет!

— Ты, — бросил ему Джек, — невротик и циник, но в то же время — реалист. Как и я, как Марша, Макфиф, Дэвид... Все мы существуем вне пределов собственных иллюзий, не переносим их на окружающую реальность.

— О чем вы говорите, мистер Гамильтон? — обеспокоенно заерзала миссис Притчет. — Я не понимаю.

— Я и не ждал, — отмахнулся Джек. — Это не обязательно.

— Интересно, — оживился сидевший до этого с видом пьяного удава Макфиф. — Ты, возможно, и прав. Я соглашусь насчет тебя, себя и Лоуза, а также мальчишки. Но что касается Марши — нет. Простите, миссис Гамильтон.

Марша побледнела.

— Вы ничего не забыли, да?

— Так я представляю себе фантастический мир.

— Я, заметьте, точно так же!

Побелевшие губы Марши дрожали, вместо слов с них срывались нечленораздельные звуки:

— Вы... человек... вроде... грязь...

— О чем они? — резко спросил у Гамильтона Лоуз.

— Не важно, — дернул плечом Джек.

— Может, и важно! В чем дело?

Марша посмотрела на мужа:

— Я не боюсь — пусть уж все знают. Если Чарли так приспичило поднять муть со дна.

— Называйте как угодно. Пусть даже и «муть». Все равно надо обсудить, — упрямо гнул свое Макфиф. — От этого зависят наши жизни.

— Маршу обвинили, что она якобы коммунистка. — Голос Джека дрогнул. — Телегу выкатил Макфиф. Разумеется, абсурд полный.

Лоуз поскреб подбородок, пожевал губами, раздумывая.

— Штука серьезная. Нет особого желания очутиться в таком глюке.

— А ты и не очутишься, — заверил его Гамильтон.

Гримаса исказила темнокожее лицо Лоуза, будто ему только что врезали под дых.

— Однажды ты уже подставил меня, Джек.

— Я сожалею.

— Не стоит. Наверное, ты был прав. Я недолго бы наслаждался ароматами мыловарни. Но... — Он пожал плечами. — Но в принципе ты редкостная сволочь. Прежде чем мы выберемся... — Он оборвал себя: — Ладно, хватит о прошлом. Надо ду-

мать о том, где мы сейчас. Нас тут явно не клубникой собираются кормить.

— Погоди, осталась одна вещь...

— Что еще?

— Спасибо, что вытащил меня.

Лоуз кисло улыбнулся:

— Все в порядке. Видуха у тебя была неважнецкая, когда ты там сидел на ступеньке. Я в любом случае спустился бы, даже если б точно знал, что меня накроет. Та мерзость внизу одному не по зубам.

Марша поднялась и направилась в кухню, бросив на ходу:

— Я поставлю кофе. Кто-нибудь хочет есть?

— Я здорово проголодался, — сразу отозвался Лоуз. — Мчался сюда прямо из Сан-Хосе, когда исчезла мыловарня.

— Что осталось на ее месте? — не без сарказма спросил Джек, когда все потащились на кухню вслед за Маршей.

— Что-то непонятное. Похожее на инструментальный завод. Щипцы, пинцеты, все звякает и блестит, как в хирургическом кабинете. Я прихватил парочку посмотреть на досуге, но так ни черта и не понял.

— Несуществующие изделия?

— По крайней мере, не в подлинном мире. Вероятно, мисс Рейсс видела что-то подобное издали, но не могла взять в толк.

— Орудия пыток, — предположил Джек.

— Очень может быть. Я дунул оттуда, как кот с наскипидаренной задницей. А потом уж залез в автобус.

В это время, встав на маленькую стремянку, Марша открывала кухонный шкафчик над раковиной.

— Что скажете насчет консервированных персиков?

— Чудесно! — ухмыльнулся Лоуз. — Все что пожелаете.

Когда Марша сунула руку в шкафчик, оттуда вывалилась банка и острым ребром ударила ей по ноге. Задохнувшись от боли, Марша соскочила со стремянки. Загремела вторая банка, на миг задержалась на краю шкафчика и упала... Изогнувшись в сторону, Марша едва увернулась от импровизированного снаряда.

— Закрой шкаф! — закричал Джек, бросаясь на помощь. В каком-то невероятном прыжке он умудрился одним махом захлопнуть обе дверцы. Было слышно глухое биение металлических банок о деревянные створки; и стук этот прекратился не сразу.

— Случайность, — легкомысленно высказалась миссис Притчет.

— Если рассуждать рационально, — спокойно проговорил Лоуз, — то подобное может случиться с кем угодно.

— Вы забыли — это не рациональный мир, — напомнил Артур Сильвестр. — Это фантазм мисс Рейсс.

— Да, — согласился Джек, с трудом уняв охватившую его панику. — Случись с ней такое, она не сочла бы это случайностью.

— Тогда все вышло преднамеренно? — жалобно спросила Марша, растирая место ушиба. — Чтобы банка персиков...

Джек поднял банку и поднес ее к механической открывашке, встроенной в стену.

— Нам надо быть начеку. Теперь от самых безобидных предметов следует ожидать пакости. Вещи будто мстят нам.

Едва сунув в рот большой аппетитный персик, Лоуз с перекошенной физиономией отпрянул от тарелки:

— По-по-нятно.

Джек осторожно попробовал свою порцию... Вместо обычного мягкого вкуса консервированных фруктов язык обожгла какая-то дрянь, отдающая металлом. Джека замутило, на глаза навернулись слезы. Он резво подскочил к раковине и подставил губы под струю холодной воды.

— Кислота!..

— От-рава. — Лоуз сидел с открытым ртом, как ворона, проглотившая шуруп. — З-з-значит, тут еще и ядами все нашпиговано. Круто...

— Может, стоит провести инвентаризацию, — вымученно предложила миссис Притчет. — Посмотреть, как теперь себя поведут вещи.

— Это идея, — согласилась Марша. — Тогда можно не опасаться веселеньких сюрпризов.

Она с трудом надела туфлю на ушибленную ногу и, хромая, подошла к мужу:

— Железяки и деревяшки зажили собственной жизнью. И у них одно желание — вредить...

Компания отправилась обратно в гостиную. Там их поджидал еще подарочек — погас свет.

— Вот, — сказал тихо Гамильтон, — очередная случайность. Сгорели лампочки. Может, кто-нибудь хочет пойти заменить?

Отважных не оказалось.

— Пусть останется так, — решил Джек. — Не стоит возиться. Завтра днем я этим займусь.

— А если опять перегорят? — спросила Марша.

— Хороший вопрос, — признал Джек. — Только ответ на него найти трудновато. Наверно, придется как одержимым добывать свечи. И вообще автономные источники света вроде батареек или зажигалок.

— Бедная сумасшедшая, — пробормотала Марша. — Подумать только, всякий раз, когда в доме гаснет свет, она сидит впотьмах и ожидает прихода чудовищ. А в голове крутится: «Заговор... заговор... заговор...»

— Примерно как мы сейчас, — уныло заметил Макфиф.

— Но это и есть заговор, — проворчал оклемавшийся Лоуз. — Мир свихнувшейся дуры. Здесь, когда гаснет свет...

В полутемной гостиной, как удар бича, хлестнул по нервам телефонный звонок.

— Ага, это нам для полного комплекта! — оскалился Джек. — Что, по-вашему, она воображает в таких случаях? Лучше бы нам знать заранее: что значит для параноика телефонный звонок?

— Это зависит от самого параноика, — ответила Марша.

— Очевидно, что в данном случае звонок должен завлечь ее в неосвещенную комнату. Поэтому мы останемся на месте.

Они стали ждать. Вскоре телефон умолк. Компания облегченно вздохнула.

— Может, посидеть здесь? — Лоуз сделал круг по кухне и вернулся к столу. — Это нам не повредит: тут хорошо, уютно...

— Да, миленькая неприступная цитаделька, — мрачно пошутил Джек.

Марша попыталась поставить вторую банку персиков в холодильник, но агрегат не желал открываться. Женщина растерянно дергала ручку, придерживая банку возле груди, пока Джек не подошел и не попросил жену прекратить глупости.

— Я просто нервничаю, — вяло отозвалась Марша. — Просто тут что-то заело, это бывает.

— Кто включил тостер? — истерично вскрикнула миссис Притчет. Тостер на десертном столике работал на всю катушку, как маленькая домна. — Посмотрите, он весь аж раскалился!

Джек пришел испуганной мадам на помощь. После безуспешных попыток отключить распоясавшийся прибор, Джек просто выдернул штепсель из розетки. Набрякшие алым жаром спирали постепенно утратили яркость.

— Неужели ничему больше нельзя доверять? — сдавленно голосила миссис Притчет.

— Ничему, — развел руками Гамильтон.

— Но это же... нелепо! — возмутилась Марша.

Лоуз задумчиво потянул ящик кухонного стола:

— Нам нужно защищаться.

Он порылся в кухонной утвари и выбрал здоровенный нож — секач с тяжелой ручкой. Не успел Лоуз как следует прихватить свое оружие, как Джек рванулся вперед и стукнул негра по руке:

— Поосторожней! Вспомни, как вела себя банка.

— Нет уж, он останется у меня! — окрысился Лоуз.

Он оттолкнул Гамильтона и вновь схватился за нож:

— Пусть будет что-нибудь под рукой. У самого-то вон пушка выпирает, как зад у павиана.

Сначала нож мирно покоился у Лоуза в ладони. А потом вдруг вырвался, описал дугу и полетел изумленному негру прямо в живот. Лоуз чудом успел отскочить. Широкое лезвие с отвратительным хрустом вонзилось в деревянную стенку мойки. Лоуз с необычайной прытью вскинул ногу и подошвой тяжелого ботинка припечатал взбесившийся секач. Послышался звук, очень похожий на стон. Рукоять у ножа отломилась. Лезвие глубоко увязло в дереве и какое-то время продолжало дрожать, будто в агонии слепой ярости.

— Видал? — коротко бросил Джек.

Миссис Притчет, издав некий хлюпающий звук, сползла в кресло возле стола:

— Боже мой, что же делать? О!..

Глаза ее закатились. Было понятно, что обморок дамочке обеспечен. Марша схватила чистый стакан и подставила под кран.

— Выпейте воды, миссис Притчет!

Но из крана потекла отнюдь не вода. И даже не отрава. Водопроводная труба выдавила густую, теплую струю.

Кровь!

— Дом! — взвизгнула Марша, быстро перекрывая кран. — Вы видите, это сам дом! Он живой!

Липкая, красная лужа медленно стекала в водослив.

Джек стал пепельно-серым, горло у него перехватил спазм, но он все-таки проговорил:

— Ты права. И что самое смешное — мы у него в утробе.

После инцидента с водопроводом все долгое время подавленно молчали. Наконец подал голос старый вояка:

— Думаю, нам лучше поскорее выбраться наружу. Вот только неизвестно — выпустят ли нас?

Терзаемый дурными предчувствиями, Джек пробрался к двери черного хода. Проверил запор. Тот плотно сидел в гнезде.

Джек так и сяк пытался сдвинуть его с места, но запор не поддавался.

— Только не через эту дверь, — сообщил он остальной компании.

— Замок там и раньше барахлил, — неуверенно заметила Марша. — Попробуй переднюю.

— Но туда можно попасть только через гостиную, — напомнил Лоуз.

— А ты что предлагаешь?

— Ничего, — признался Лоуз. — Только то, что надо все делать быстро.

Построившись гуськом, все семеро осторожно двинулись через темный коридор, сквозь черную тишину гостиной. Джек шел первым. От мысли, что он крадется, как вор, по своей же частной собственности Джека покоробило. Но и прибавило толику смелости. В глубине души теплился слабый огонек надежды, что дом не посмеет угробить хозяина.

Из калорифера в передней послышалось что-то вроде ритмичного сопения. Гамильтон настороженно замер и прислушался. Выползающий из решетки калорифера теплый воздух нес весьма странные запахи. Нет, это была не горячая затхлость машинного нутра, а скорее дыхание живого организма. Боже правый! Такое надо еще вообразить: печь, работавшая в полуподвале, дышала. Поток воздуха перемещался то в одну, то в другую сторону: дом вдыхал и выдыхал.

— Интересно, какого оно пола? — прошептала Марша.

— Самец, — тут же отозвался паскудник Макфиф. — Мисс Рейсс чертовски боится мужиков.

В дыхании фантастического существа отчетливо присутствовали сигарный дым и пивной перегар. Тяжелая смесь, от которой мисс Рейсс наверняка дурела в автобусах, лифтах, ресторанах... Плюс резкий чесночный выдох пожилого мужчины.

— Так, вероятно, пахнет ее приятель, — высказал предположение Джек, — когда сопит ей в ухо.

Маршу передернуло:

— И как она все это терпит...

Джек мысленно попробовал продолжить шизоидную картину ожившей недвижимости. Наверное, электропроводка теперь стала нервной системой существа. А почему бы и нет? Водопровод превратился в кровеносную систему; отдушины от печки гнали воздух в легкие. Волосы монстра не нужно было даже представлять. Джек бросил взгляд в окно и увидел завитки вьющейся лианы — любимого детища Марши. Жена заботливо

ухаживала за вьюном, так что он вырос до самой крыши. Сейчас веселые зеленые колечки и усики с небольшими желтыми цветами трансформировались в буро-коричневые лохмотья.

Как растрепанные, давно не мытые и не стриженные волосы уличного бродяги, они зловеще шевелились на ветру, роняя мертвые стебли и листья на газон.

Джек не успел толком удивиться или испугаться представшему зрелищу и собственным догадкам, как под ногами неожиданно дрогнул пол. Джек сначала даже не почувствовал толчков; только испуганные причитания миссис Притчет привлекли его внимание.

Нагнувшись, он тронул пол ладонью. И не поверил своим ощущениям — пол теплый, как человеческая плоть.

Джек шагнул к стене. Эффект тот же самый. Обои, краска, штукатурка утратили свои обычные свойства. Поверхность стены удивительным образом податливо прогибалась под пальцами.

— Пошли, — нетерпеливо сказал Лоуз. — Надо поскорее уносить отсюда ноги.

Словно затравленные охотниками звери, семеро бедняг в порыве отчаяния шагнули в гостиную, окунувшись в торжественное всевластие темноты. Под ногами тут же беспокойно задергался ковер. Люди моментально почувствовали вокруг себя чье-то присутствие — раздраженное и воинственное...

Путь получился мучительно долгим. В гостиной творилось явно что-то неладное; со всех сторон доносились загадочные звуки: какой-то шелест, скрежет, шебуршание. Это плотоядно шевелили страницами книги; ерзали на своих местах вазы, похожие в темноте на раздувшихся упырей; стулья дергали ножками, как гигантские пауки, приготовившиеся к броску.

Внезапно миссис Притчет издала короткий вопль — шнур от телевизора обвился вокруг ее лодыжки. Билл Лоуз резким движением подхватил новоявленную гадину и, разорвав пополам, отшвырнул с омерзением в угол. Куски синтетического тела бешено забились в агонии — точь-в-точь изрубленная змея.

— Осталось совсем немного, — бросил Джек идущим позади. Он уже различал дверную ручку, еще усилие — и он дотянется до нее... Три шага, два... последний шаг...

Тут Джек почувствовал, что пространство несколько изменилось. Впечатление было такое, будто поднимаешься по крутому склону.

Весьма странно... Джек с удивлением обнаружил, что стоит на наклонной плоскости. И не просто стоит, а с каждой секун-

дой соскальзывает назад. Он взмахнул руками, пытаясь найти хоть какую-нибудь опору, но потерял равновесие и завалился на спину. То же самое произошло и с остальными. Все семеро, единым комом повалившихся друг на друга тел, за несколько мгновений перекатились из гостиной в коридор, а оттуда — в кухню. Здесь, хорошенько припечатавшись о стену, живой ком распался, и люди застыли в самых нелепых позах. Со стонами и проклятиями компания кое-как разобралась, на месте ли руки-ноги и живы ли все.

На кухне царила тьма. Только за окнами мерцали звезды, крохотные точки далекого небесного света.

Один за другим бедняги поднимались, отряхивались, оправляли одежду.

— Это ковер!.. — раздался шепот потрясенного Лоуза. — Он... слизнул нас. Скорее к выходу, пока не поздно.

Ковер продолжал выделывать дикие выкрутасы. Губчатая поверхность стала горячей и влажной. Споткнувшись, Гамильтон ударился о стену и отшатнулся. Стена покрылась обильной влагой — алчущая и жадная, она в нетерпении выделяла голодную слюну.

Дом собирался поужинать.

Прижимаясь к отвратительно склизкой стене, Джек старался двигаться, не задевая ковра. Острый кончик «языка» вытягивался вверх и в стороны, стараясь поймать ускользающую добычу. Джек трясся, как в лихорадке, обливался потом, но все же упрямо пробирался к передней. Шаг. Второй. Третий. Четвертый. За Джеком последовали другие, но не все.

— Где Эдит Притчет? — тревожно спросил Гамильтон.

— Пропала, — отозвалась Марша. — Помнится, она покатилась в коридор...

— В пищевод, — прохрипел Лоуз.

— А мы у *него* во рту, — пискнул в довесок Дэвид Притчет.

Горячие влажные стены пульсировали рядом. Спазм подкатил к горлу, Джека чуть не вырвало. Он судорожно вытянул вперед руку, стараясь не потерять из виду слабо блестевшую искорку дверной ручки. На этот раз он сумел ее схватить и отчаянным рывком распахнул дверь. Фигуры позади единодушно ахнули, неожиданно увидев звездное ночное небо. И темные дома на дальней стороне улицы, и деревья, качавшиеся на ветру... Щеки обожгла восторженно-ледяная струя свежего воздуха.

Вот и все.

Прямоугольник дверного проема сломался, непостижимым образом разрушив привычную геометрию. Будто стены и пото-

лок резко сдавили переплет — и губы чудовища плотно сжались, окончательно закрыв выход.

Сзади опять накатило чесночно-затхлое дыхание дома. «Язык» жадно рыскал в «пасти», нащупывая вожделенную трапезу. Стены сочились слюной. И тут нервы у людей не выдержали. Страх, так долго подавляемый усилием воли, вырвался наружу. Это был общий вопль безнадежного отчаяния. Истошно кричали все — на разные голоса, но в едином порыве захлестнувшего разум ужаса.

Джек до боли зажмурил глаза. Не поддаваться панике! Пусть случится самое жуткое, самое невероятное — не обращать внимания! Пусть они вопят сколько влезет, надо действовать. И чем быстрее, тем лучше. Джек ринулся в атаку на смыкающиеся «губы» монстра. Нужно успеть хоть немного раздвинуть оставшуюся щель, пока потолок и пол не слились воедино. Тогда уже будет поздно что-то предпринимать. Останется только действительно сесть на пол и завыть похоронный марш.

— Оно жует!.. — всхлипнула где-то рядом Марша.

Гамильтон изо всех сил размахнулся и пнул слюняво-липкое подобие стены. Потом уперся плечом туда, где по логике вещей раньше находилась дверь, и стал остервенело бить, царапать и рвать мягкую псевдоплоть. Живая ткань облепила руки мерзкими клочьями; глубоко вонзая пальцы, он вырвал большие трепещущие куски.

— Помогите мне! — рявкнул Джек в темноту гостиной.

Подскочили уже пришедшие в себя Лоуз и Макфиф. Сообразив, что нужно делать, они бешено заработали в четыре руки. После парочки хороших атак в стене плоти образовалась приличная дыра.

— Все вон! — прорычал Гамильтон, выталкивая Маршу. Она упала на крыльцо и скатилась по ступенькам.

— Теперь вы! — приказал Джек Сильвестру. Старика бесцеремонно выпихнули сквозь кровоточащую дыру; за ним выскочили Лоуз и Макфиф. Гамильтон покрутил головой, всматриваясь во тьму, но больше никого не увидел, кроме парнишки Притчета. Потолок и пол почти сомкнулись; времени на бестолковую суету уже не осталось.

— Полезай! — крикнул Джек и выпихнул мальчишку в пульсирующую рваную рану. Затем ласточкой вылетел сам. Он еще не успел приземлиться, как «рот» чудовища сжался. Послышался плотоядный хруст...

Миссис Притчет, не сумевшая спастись, стала *добычей*.

Уцелевшие бедолаги сгрудились на безопасном расстоянии и молча наблюдали, как огромное «тело» методично сокращается

и расширяется. Пошел процесс пищеварения. Наконец движение прекратилось. Прокатилась последняя спазматическая волна, и чудовище застыло.

С глухим стуком опустились оконные шторы, затянув окна непроницаемой пеленой.

— Уснуло, — убитым тоном проговорила Марша.

Всю компанию на какое-то время накрыл плотный колпак тишины — криков, проклятий и жалоб было уже предостаточно. Люди удрученно молчали. И лишь холодный ночной ветер плаксиво шептался о чем-то с листьями в темных кронах.

Внезапно у Джека мелькнула совершенно идиотская мысль: что скажут мусорщики, обнаружив на заднем крыльце горку обсосанных до блеска человеческих костей. Плюс, вероятно, несколько пуговиц и кнопок. Нет, лучше об этом не думать...

Тут подал признаки жизни Лоуз. Он мрачно подвел итог:

— Вот и все!

Джек стряхнул оцепенение и резво направился было к машине, заметив на ходу:

— Пристрелить эту придурочную — просто наслаждение!..

— Оставь машину! — предостерег Лоуз. — Сейчас доверять технике нельзя.

Остановившись, Гамильтон раздумывал.

— Мы пойдем к ней на квартиру пешком. Я попробую вызвать ее на улицу. Если прихватить мерзавку, не заходя в дом...

— Вряд ли она сидит дома, — заметила Марша. — Скорее всего бродит по улице. А может, она уже мертва? Вот было бы здорово, если б ее сожрала собственная квартира.

— Она не могла умереть, — криво усмехнулся Лоуз. — Иначе нас самих бы здесь не было.

Из глубокой тени от стены гаража отделилась фигурка...

— Верно, — прозвучал сухой бесцветный голос. — Я пока еще жива.

Не успев даже как следует разглядеть возникшую из темноты шизофреничку, Джек уже выхватил из кармана пистолет. Когда пальцы уже нащупали спусковой крючок, Джек вдруг явственно осознал непреложный факт: он никогда еще в жизни не пользовался оружием. Мало того, близко даже не видал пистолета. В истинной реальности у него никогда не было «пушки». 45-й калибр появился вместе с миром мисс Рейсс; это ведь неотъемлемая часть ее фобий.

— Вы уцелели? — промямлил Лоуз.

— У меня хватило сообразительности не подниматься по лестнице. — Женщина гордо вскинула голову. — Ваши козни стали известны мне, как только я ступила на ковер в прихожей. — В ее голосе зазвучало возбужденное торжество: — Ваша пресловутая хитрость не стоит и выеденного яйца!

— Боже мой!.. — Марша съежилась и прикрыла лицо ладошкой. — Мы никогда...

— Да, да! Вы хотите меня убить, не так ли? — Мисс Рейсс растянула губы в злорадной усмешке. — Вас тут целая банда! Вы уже давно строите козни.

— Это правда! — неожиданно выпалил Лоуз.

Смех мисс Рейсс напоминал резкие удары молотка по куску жести.

— Я догадалась уже... А вам не страшно в этом признаваться?

— Мисс Рейсс, — вступил в разговор Джек, — мы, конечно, обсудили все варианты, как вас убрать. И пришли к выводу, что это невозможно. В этом безумном мире нет ни одного человека, кто мог бы тронуть вас хоть пальцем. Все ужасы и страхи лишь плод вашей больной фантазии...

— Когда речь идет о людях, то это верно, — перебила его мисс Рейсс. — Но ведь вы не люди.

— Что? — возмутился Артур Сильвестр.

— Конечно нет. Я поняла это с первого взгляда, тогда, в «Мегатроне». Вот почему вы пережили аварию и не погибли. Вам так хотелось затащить меня туда и столкнуть с платформы прямо в адову бездну. Но я, как видите, жива и невредима. — Мисс Рейсс вновь улыбнулась своей страшной улыбкой. И добавила: — У меня имеются собственные пути и средства.

— Если мы не люди, — медленно произнес Гамильтон, — то кто же тогда?

Вопрос так и не нашел ответа. Точнее, нашел, но уже не словесный, а материальный. Поскольку Билл Лоуз решил действовать.

С гортанным криком он взвился над сырой травой и обрушился на тщедушную фигурку мисс Рейсс. Раскрытые крылья, как старый пергамент под ножом, с сухим треском прострекотали в ночной тишине. Он точно попал в цель, рухнув сверху на головенку мисс Рейсс, прежде чем бедная сумасшедшая смогла двинуться или крикнуть.

То, что прежде было человеческим существом, теперь оказалось членистоногим: покрытое хитиновым панцирем тело, хищно выставленные мандибулы, громкое жужжание мощных крыльев. Гигантское насекомое в мгновение сломило слабое

сопротивление мисс Рейсс. Задняя продолговатая часть брюха извивалась, будто прицеливаясь. Резким движением оборотень вонзил жало в трепыхающееся тело жертвы, чуть задержал внутри, выпуская яд, и затем удовлетворенно вытащил обратно. Злобно ощеренные, скребущие челюсти отпустили женщину. Качнувшись пару раз, как пьяная, мисс Рейсс рухнула на четвереньки и осталась лежать ничком в траве.

— Она может уползти! — крикнул Сильвестр.

Диким прыжком он подскочил к корчащемуся телу и быстро перевернул его. Тут со старым воякой произошла странная метаморфоза: у него на животе выросло несколько ворсистых трубочек. Густой струей брызнула вязкая, как цементный раствор, жидкость, заливая тощие бедра поверженной женщины. Жидкость мгновенно застывала, превращаясь в упругие нити. Вращая туловищем, Сильвестр обмотал жертву несколькими слоями жестких волокон. Когда он закончил, то насекомое, прежде бывшее Лоузом, снова сдавило мисс Рейсс челюстями. Придерживая дергающийся кокон, он помог Сильвестру произвести длинный волокнистый канат и забросить его на сук ближайшего дерева. Через минуту парализованная мисс Рейсс, закатив глаза и разинув рот, свисала вниз головой, спеленутая в коконе.

— Теперь она не вырвется, — удовлетворенно кивнул Гамильтон.

— Я рада, что вы ее оставили в живых, — кровожадно заметила Марша. — Можно хорошо провести время... Она ничего уже не сделает.

— Но грохнуть стерву все равно придется, — напомнил Макфиф. — Конечно, после того, как вдоволь позабавимся.

— Она убила мою мамочку! — дрожащим голоском выкрикнул Дэвид Притчет.

И прежде чем кто-нибудь смог его остановить, парнишка взобрался на качающийся кокон. Отрастив себе длинный хоботок, мальчонка раздвинул волокнистую оболочку, оторвал у женщины клок платья и жадно впился в бледную плоть. Не прошло и минуты, как он заполз в кокон чуть ли не с ногами, жадно высасывая влагу. Вскоре все было кончено. Маленький хищник сыто рыгнул, отвалился и упал на землю, оставив висеть пожухлую обезвоженную оболочку.

Однако Джоан Рейсс все еще жила; крохотная искра сознания тлела в искалеченном, растерзанном теле. Затуманенные болью глаза глядели со злобной ненавистью, но несчастная дурочка уже мало что понимала в происходящем. Компания с

нескрываемым удовольствием наблюдала за последними секундами агонии.

— Она заслужила это, — тихо проговорил Джек. Теперь, когда возмездие свершилось, он вдруг усомнился в содеянном...

Рядом огромное колючее насекомое — Билл Лоуз — кивнуло в знак согласия.

— Конечно, заслужила, — проскрежетал оборотень. — Вспомните, что она сделала с Эдит Притчет!

— Хорошо бы поскорее убраться из этого мира, — вздохнула Марша. — В наш собственный, обратно.

— И в наши собственные тела, — добавил Гамильтон, красноречиво взглянув на Сильвестра.

— Что ты имеешь в виду? — возмущенно стрекотнул Лоуз.

— Он не понимает! — насмешливо бросил Лоузу ветеран. — Это и есть наши тела, Гамильтон. Просто раньше их никто не мог увидеть.

Лоуз выдал жуткую скрипучую трель, означающую, наверное, смех:

— Вы только послушайте его! Ну ты даешь, Джек, надо ж такое подумать!

— Может, глянуть, что у него там еще в черепушке? — заискивающе предложил Сильвестр.

— Давай, — согласился Лоуз. — Подбирайся к нему поближе. Посмотрим, как он дальше запоет!..

Джек с криком отпрянул в сторону:

— Убейте сумасшедшую — и закончим дело! Вы всего лишь фрагменты ее бреда и даже не догадываетесь об этом.

— Интересно, быстро ли он бегает? — гадал Сильвестр, медленно подбираясь к Гамильтону.

— Не подходи ко мне! — рявкнул Джек, хватаясь за пистолет.

— И его жена тоже!.. — продолжал зачарованно ветеран. — Давай погоняем ее!

— Она моя! — алчно заверещал Дэвид Притчет. — Отдайте ее мне. Если хотите, можете ее подержать. А то еще убежит!..

Неизвестно, чем бы все закончилось, если б мисс Рейсс, дернувшись последний раз в коконе, не испустила дух.

И тут же окружающий мир рассыпался в пыль.

Еще не веря свалившемуся счастью, Джек ошеломленно озирался по сторонам. Увидев испуганное личико жены, он кинулся к Марше и прижал дрожащую женщину к себе.

— Слава Богу, — хрипел Джек. — Мы наконец-то выбрались.

Марша тесно прильнула к мужу.

— Едва успели, а то бы нам не поздоровилось...

Выскользнули из небытия и закружились вокруг серые тени. Стиснув зубы, Джек терпеливо ждал, когда нахлынет обжигающая боль. А потом появится засыпанный обгорелыми ошметками бетонный пол «Мегатрона». Вся группа экскурсантов угодила в дьявольскую заваруху; всем придется пройти сквозь невыразимые страдания. А потом в течение мучительно долгих дней выкарабкиваться к жизни на больничных койках. Но будущее стоит того. Еще как!..

Тени рассеялись.

Нет! Не может быть! Это опять не «Мегатрон»...

Из глотки Макфифа вырвался клекот — так, наверное, кричит хищная птица, у которой из-под самого клюва утащили добычу.

— Снова началось!..

Он прошлепал по мокрому газону к крыльцу и взялся за перила.

— Но это невозможно, — тупо пробормотал Джек. — Ведь психов больше не осталось. Мы же всех проверили.

— Ошибаешься. — Макфиф покачал головой. — Извини, Джек, но я уже говорил тебе. Я предупреждал, а ты не послушал.

Гамильтон хотел было сказать Чарли какую-нибудь гадость, но вдруг заметил, что у тротуара перед домом стоит зловещего вида черный автомобиль. Двери широко распахнуты, а с заднего сиденья неуклюже выбирается громадных размеров детина. Вот он вылез из машины и вперевалку зашагал через темный двор.

За толстяком последовали какие-то мрачные типы в длинных пальто и широкополых шляпах. Карманы у ребят подозрительно оттопыривались.

— Вот ты где, Гамильтон, — пропыхтел детина, подойдя поближе. — Отлично, поедешь с нами.

Сначала Джек не узнал толстяка. Лицо странного господина напоминало комок свежезамешенного теста, в который воткнули маленькие поросячьи глазки. Похожие на сардельки пальцы больно сдавили Джеку локоть. К тому же от толстяка исходил тяжелый запах дорогого одеколона... и крови.

— Почему тебя сегодня не было на работе? — грозно зарычал детина. — Мне жаль тебя, Джек! А я ведь был знаком с твоим отцом...

— Нам все известно про ваш пикник, — вставил один из сопровождающих.

— Тиллингфорд... — ошеломленно произнес Гамильтон. — Это в самом деле вы?

Окинув Джека презрительным взглядом, доктор Тиллингфорд — раздувшийся кровосос-капиталист — повернулся и пошел, волоча ноги, обратно к «кадиллаку».

— Взять его, — приказал он своей банде. — Мне пора возвращаться в агентство. Предстоят испытания новых бактериальных ядов. Из него выйдет хороший подопытный кролик.

Глава 14

Промозглый ночной воздух, казалось, под завязку пропитан смертью. Незримое присутствие курносой леди ощущалось во всем, каждый фрагментик реальности был обласкан ее жесткой ладонью.

Джек, затаив дыхание, наблюдал редкостное зрелище: прямо на глазах разрушался огромный механизм. Будто какие-то невидимые грызуны уничтожали железный остов машины. Кузов корчился, скрежетал, дергался, как горячечный больной. По асфальту растекалась лужа темной, пузырящейся жидкости.

Гамильтон не сразу понял, что происходит. Абрис предмета скривился до неузнаваемости; он расползался, как старая мочалка в лапах десантника. Голые луковки звезд слабо дрожали на осколках оконных стекол. Будто прогнившее дерево, кузов машины просел и рассыпался. Гнилым яйцом лопнул капот. Во все стороны полетели стальные потроха; как кровь, хлынула вязкая смесь масла, воды, бензина и тормозной жидкости.

На какой-то миг высветилась массивная рама. Затем и она, с протестующим стоном, уронила на асфальт останки двигателя. Движок раскололся пополам. И прямо на тротуаре стал разлагаться на составные элементы. Выглядело это так, будто на экране в бешеном темпе прокручивают сцену с гниющим трупом животного.

— Ну вот, — глухо произнес шофер Тиллингфорда, — тачки как не бывало!

Тоскливо взирал Тиллингфорд на скорую гибель своего «кадиллака». Потом уныние сменил гнев.

— Все разваливается!.. — Он со злостью пнул бесформенный кусок железа. Груда металла еще больше оплыла и почти растворилась во тьме.

— Не поможет, — заметил один из его громил. — Лучше бросить этот хлам здесь.

— А как мы доберемся до агентства? — воскликнул Тиллингфорд, тщетно пытаясь стряхнуть с брюк жирные капли масла. — Между нами и лабораторией — целый рабочий район!

— Да, они, наверное, перекрыли баррикадой шоссе, — согласился водитель.

Боевики Тиллингфорда в полутьме неразличимы друг от друга; каждый казался Гамильтону стандартным, крепко сбитым великаном-эсэсовцем, бесстрастным и жестоким.

— Сколько с нами людей? — требовательно спросил Тиллингфорд.

— Тридцать, — отчеканили ему.

— Надо пустить осветительную ракету, — не особо уверенно заметил другой боец. — Слишком темно: мы можем прозевать, когда они полезут.

Джек протолкался к Тиллингфорду:

— Неужели все это серьезно? Вы в самом деле полагаете...

Договорить он не успел, так как в кучу железного лома, бывшего когда-то шикарным «кадиллаком», тяжело ухнул кирпич. В темноте стала заметна какая-то возня; под прикрытием деревьев из-за дальних домов перебежками приближались чьи-то мутные фигуры.

— О!.. — выдохнул Джек. — Теперь вижу!

Он все понял.

— Боже мой. — Голос Марши дрожал. — Неужели мы это переживем?

— Может, и не переживем, — ответил Гамильтон.

В воздухе просвистел еще один кирпич. Марша присела от страха, потом бросилась к мужу.

— Чуть в меня не попали! Джек, мы в гуще какой-то потасовки, они собираются перебить друг друга!

— Жаль, что не попали, — тихо процедила Эдит Притчет. — Тогда б мы освободились от этого кошмара.

Потрясенная Марша вскрикнула. Оглядевшись вокруг в поисках поддержки, она увидела жесткие, отчужденные лица — неестественно бледные, будто припорошенные мелом. Бесчувственные маски в ломком, неверном свете зажженного факела.

— Вы все-таки поверили!.. Думаете, что я — коммунистка!

Тиллингфорд резко обернулся. Его мерзкая рожа сделалась еще более уродливой, исказившись до неузнаваемости от приступа истерического гнева.

— Точно!.. Я и забыл! Вы же все выезжали на партийную сходку.

Джек до боли стиснул кулаки и хотел было выдать кабанудоктору лихую тираду отборных ругательств, но потом вдруг передумал и лишь закрыл на мгновение глаза, отдаваясь во власть охватившей все тело апатии. Наплевать на все! Какая

разница, что он сейчас скажет свихнувшемуся толстяку? Может, в этом мире они на самом деле ездили на шабаш коммуняк. Горланили идиотские гимны, плясали с прискочкой, толкали лозунги и речи, собирали подписи.

— Ну что ж, — мягко заметил он жене. — Дорога у нас получилась длинная. Протащились через три мира, чтоб угодить вот в этот.

— Что ты имеешь в виду? — пролепетала Марша.

— Жаль, что ты не призналась мне раньше.

Глаза ее вспыхнули, как два маленьких окошечка в охваченном пожаром доме.

— Ты тоже мне не веришь?

Мелькнула в темноте тонкая белая рука... щеку обжег не сильный, но хлесткий удар... заплясали разноцветные искры и рассыпались колючим фейерверком.

Припечатав ладонью Джека, Марша безвольно обмякла, выплеснув в одном порыве всю горечь и обиду.

— Это неправда, — произнесла она жалким голоском.

Гамильтон потер горящую щеку:

— И все-таки интересно... Помнится, мы говорили, что необходимо исследовать психику каждого из нашей компании. Так вот: мы побывали в фантазмах Сильвестра и Эдит Притчет, чуть не погибли в кошмарах мисс Рейсс...

Ровным голосом Сильвестр заявил:

— Надо убить ее и спокойно отправиться домой.

— Обратно в наш собственный мир! — добавил Макфиф.

— Не приближайтесь к ней! — прорычал Гамильтон. — Не прикасайтесь к моей жене!

Вокруг Марши и Джека образовалось плотное кольцо горящих ненавистью глаз, искаженных безумием лиц.

Никто не двигался; шесть фигур напряженно застыли, выжидая. Джек буквально кожей ощутил ледяные иглы чужой злобы. Затем Лоуз дернул плечом, как бы отгоняя морок, повернулся и медленно побрел прочь.

— Хватит! — бросил он через плечо. — Пускай Джек сам разбирается. Это его проблемы.

Марша задыхалась, будто кто-то невидимый сдавил ей горло.

— Это ужасно... Я не понимаю... — Она в отчаянии затрясла головой. — Просто абсурд какой-то!

В опасной близости шлепнулось еще несколько увесистых булыжников. Оттуда, где мелькали смутные тени нападающих, неслось неразборчивое подвывание. Звуки имели свой определенный ритм и вскоре переросли в громкое скандирование.

Тиллингфорд болезненно сморщился, словно в рот ему угодила особенная мерзость.

— Слыхал? — окликнул он Джека. — Вот они — прячутся в потемках...

Он с отвращением плюнул:

— Зверье!

— Доктор! — возопил Гамильтон. — Неужели вы верите во всю эту муть? Вспомните наконец, кто вы на самом деле!

Даже не глянув в его сторону, Тиллингфорд промычал:

— Убирайся к своим краснопузым дружкам.

— Прекратите валять дурака! Ведь это только иллюзия, не более.

— Ты — коммуняка, — утробным голосом ответствовал Тиллингфорд. — И жена твоя — тоже. Вы — отбросы человечества. Тебе нет места на моем предприятии и вообще в приличном обществе. Проваливай! — Помолчав, он добавил: — Ступай на ваш бесовский праздник.

— Вы будете драться с ними?

— Естественно.

— И убивать?..

— Если не мы их, — пояснил Тиллингфорд с непробиваемой логикой, — то они нас. Не моя вина, что именно так все обстоит.

— Этот бред долго продлится, — хмуро проговорил Лоуз. — Они всего лишь манекены в дешевом театрике. Грубая пародия на жизнь в Америке. Слишком явно просвечивает сквозь нее подлинный мир...

Последние слова Лоуза утонули в шуме разразившейся перестрелки. Палили беспорядочно и суматошно, так что понять, откуда несутся пули, было трудно. Джек приметил, как на крыше одного из соседних домов какие-то личности торопливо устанавливают пулемет.

Длинная очередь вспорола пространство, подняв в воздух цементную крошку и комья грязи. Тиллингфорд неуклюже упал на четвереньки и пополз, стараясь укрыться за обломками «кадиллака». Его мордовороты, перебегая с места на место, открыли ответный огонь. Яркая вспышка на миг разогнала ночную мглу — кто-то додумался шарануть гранату. Свет резанул по глазам. В уши будто насыпали песку. Джека подбросило, перевернуло, он со всего маху полетел лицом в траву. Когда взметнувшийся фонтан сырой земли, камней и сорванных листьев кое-как улегся, вокруг свежей воронки распласталось несколько изувеченных тел бойцов Тиллингфорда.

Джек очухался, протер глаза и со стоном сел. Увидев раскоряченные позы мертвецов, он оторопело уставился на разодранное человечье мясо, не в силах отвести взгляд. И тут услышал горячий шепот Лоуза:

— Они тебе кого-нибудь напоминают? Смотри повнимательней!

В наступившем вновь сумраке Джек вряд ли мог разглядеть что-то конкретное. Но одна неподвижная фигура зацепила уж больно знакомой внешностью. Гамильтон озадаченно пытался разобрать, кто этот человек, полузасыпанный обломками бетона и дымящейся золой.

— Это же ты!.. — прохрипел Лоуз.

Так оно и было.

Размытые контуры реальности дрожали, то проступая, то исчезая. Словно дымовые эффекты в театре безумия, пеленой наползали туманные полосы извращенных фантазмов. Как если бы сам автор этого лжедейства с трудом понимал смысл придуманной им пьесы.

Выходило нечто странное... Засыпанный мусором тротуар, развороченная грязь газонов, мешанина битого асфальта и мокрой листвы больше напоминали останки «Мегатрона». Тут и там лежали подозрительно знакомые фигуры людей. Слабо шевелясь, они потихоньку царапались в заветную дверку с убедительной табличкой «ЖИЗНЬ».

Среди клокочущих, как в последнем приступе чахотки, развалин осторожно, дюйм за дюймом, двигались спасатели. Пробирались они мучительно медленно, беспокоясь, наверное, больше за собственные шкуры, нежели за жизни пострадавших. Спасатели боязливо спускались со... стен стоящих рядом домов... они аккуратно спрыгивали на опустевшую мостовую... Что за бред? Какая мостовая? Ведь это покосившиеся руины «Мегатрона»! Вот скользнули вниз пожарные лестницы. На рукавах спасателей можно явственно различить знак Красного Креста. У Джека мозги поехали в разные стороны, и он бросил попытки распутать загадочный монтаж места действия и персонажей.

— Все скоро закончится, — прошептала мисс Рейсс. С тех пор как сгинул ее жестокий фантазм, она возродилась в прежнем виде: в мешковатом вельветовом пальто, в тех же дурацких роговых очках. Будто ящерица, поймавшая кузнечика, она прижимала к тощей груди свою драгоценную сумочку. — Сегодня заговор не очень удался. Прошлому он и в подметки не годится.

— Вот как! Ваш собственный вы находите более убедительным? — ледяным тоном осведомился Гамильтон.

— О да! В самом деле было остроумно! — Рот ее исказила лютая улыбка фанатика. — Я почти поверила, что это именно *мой* мир. Но когда вошла в вестибюль своего дома, то поняла правду... Эти письма с угрозами расправы на журнальном столике...

Стоя на коленях рядом с мужем, Марша выговорила дрожащим голосом:

— Что происходит? Вокруг какой-то туман... И тени...

— Собственно говоря, ничего интересного, — менторским тоном заметила мисс Рейсс.

Марша с трепетом схватила Джека за руку, словно он держал ключи от рая:

— Значит, мы скоро проснемся? Правда?

— Возможно, — буркнул Гамильтон. — По крайней мере, кое-кто так считает.

— Замечательно!

— Неужели?

По лицу Марши скользнула тень затаенного где-то в глубине души панического страха.

— Конечно, замечательно. Мне здесь все ненавистно... Здесь так страшно. Так подло и страшно.

— Давай обсудим это позже.

Сейчас внимание Джека сосредоточилось на Тиллингфорде. Толстяк-босс собрал свою банду и что-то втолковывал громилам — тихо и размеренно.

— Бандюги еще свое не получили, — мрачно проговорил Лоуз. — Мы вляпаемся в потасовку, прежде чем унесем ноги отсюда.

Тиллингфорд закончил бубнеж. Ткнув пальцем в Лоуза, он приказал:

— Свяжите его. Ему с нами не по пути.

Лоуз вымученно осклабился:

— Еще одного ниггера будут линчевать. Буржуя могила исправит!

Вот это да! Гамильтон чуть не зашелся в хохоте. Однако Тиллингфорд был настроен весьма решительно.

— Доктор, — торопливо встрял в опасный расклад Джек, — не принимайте происходящее всерьез. И ваша идиотская роль, и уличные сражения — все это дикая фантазия моей жены. Смотрите! Реальность чуть расплывается. Марша вот-вот откажется от своих иллюзий. Послушайте же меня!

— И этого красного — тоже, — устало добавил Тиллингфорд. Он утер вспотевший лоб шелковым платком. — И эту красную сучку. Когда перестанут трепыхаться, облейте бензином... Нет,

надо было остаться в агентстве. Там бы мы нашли хорошие средства защиты!

Как посланцы с того света, рабочие-повстанцы подползали все ближе. Долбанула еще парочка гранат. По улице прокатилась тяжкая, режущая глаза и залезающая в горло волна пыли.

— Смотрите! — воскликнул Дэвид Притчет.

В ночном небе вспыхнули и заплясали яркие световые пятна, постепенно принимая форму гигантских букв. Буквы складывались в слова — неразборчиво-кривые послания:

МЫ НА ПАДХОДИ!
ДИРЖИТЕСЬ!
ВПИРЕД БАРЦЫ ЗА МИР!

— Весьма ободряет, — с отвращением прокомментировал Гамильтон.

Несущееся из темноты ритмичное завывание стало тоном выше. Холодный ветер швырял бессмысленные обрывки фраз.

— Может, они еще спасут нас... — неуверенно проговорила миссис Притчет. — Но эти ужасные слова вверху... от них становится не по себе.

Вокруг снова засуетились бойцы Тиллингфорда. Они спешным ходом сгребали щебень, таскали обломки поребрика и куски асфальта, сооружая нечто вроде баррикады. Сквозь пыль и дым трудно было разглядеть их лица. Только на миг перед Джеком мелькнула грубая, костлявая физиономия. И тут же пропала во мраке. Кого же они напоминают?.. Джек силился вспомнить. Низко надвинутые шляпы, похожие на клюв носы...

— Гангстеры... — подал голос Лоуз. — Чикаго тридцатых годов.

Гамильтон кивнул:

— Точно.

— Все как по-писаному. Она, вероятно, зубрила наизусть свои книжки.

— Оставь ее в покое, — вяло предупредил Джек.

— Что теперь на очереди? — иронически обратился Лоуз к собравшейся в комок Марше. — Пособники капитала сходят с ума от отчаяния? Так, наверное, по-вашему?

— Думаю, им до этого недалеко, — резонно заметил Артур Сильвестр.

— Какие неприятные типы, — затрепетала миссис Притчет. — Не думала, что подобные водятся на свете!

В это время в небесах взорвался один из пламенных призывов. Ошметки огненных букв полетели вниз, мимоходом зажигая кучи

хлама и мусора. Изрыгая проклятия, Тиллингфорд неохотно отступил; его пальто тлело от сыплющихся горящих словес. Половину его громил похоронил под собой сверзившийся с неба громадный светоконтурный портрет советского Генсека...

— Прихлопнуло, как мухобойкой, — удовлетворенно хмыкнул Лоуз.

Джек увидел, как на крышу его дома со зловещим шипением шлепнулись огненные черви — по горькой иронии это было слово «МИР». Крыша мгновенно занялась, потом пламя перекинулось на гараж и сарай. С нестерпимой болью в душе Джек смотрел на взметнувшиеся жадные лилово-желтые языки. Как и следовало ожидать, тьму городских улиц не огласил рев пожарной сирены. Дома и проспекты хранили враждебное молчание.

— Господи Боже, — промолвила Марша. — Похоже, что вон то здоровенное «ДИРЖИТЕСЬ» сейчас свалится нам на головы!

Тиллингфорд окончательно утратил всякое соображение. Бесформенной грудой он торчал среди своих бойцов, монотонно долдоня, как кликуша:

— Бомбы и пули их не остановят... Бомбы и пули их не остановят...

Число его громил заметно поубавилось.

В неверном свете мерцающих углей, будто призраки, появились силуэты повстанцев. Их вопли достигли уровня истерического экстаза. Безумная звуковая оргия опережала наступавших, летела впереди, прокладывая дорогу среди огня.

— Пошли! — крикнул Джек Марше. Схватив ее дрожащую руку, он яростно повлек жену прочь, подальше от спектакля абсурда. От балагана хаоса и смерти.

Джек по памяти пробирался вокруг погибшего дома. По цементированной дорожке — и на задний двор. Часть забора уже сгорела. Теперь Джек брел мимо дымящихся руин. Еще совсем недавно здесь стояло его уютное пристанище, и вот... Вокруг только тьма и зловещая тишина каменных коробок.

Время от времени навстречу попадались бегущие мужчины — безликие статисты кровавой трагикомедии. Потом пропали и они. Звуки перестрелки стихли. Джек перевел дух. Кажется, удалось миновать район безобразной бойни.

— Подождите!.. — послышался сзади чей-то крик.

Джек нервно оглянулся.

Их догоняли запыхавшиеся Лоуз и Макфиф.

— Тиллингфорд совсем взбесился, — выпалил Лоуз. — Боже, это настоящая мясорубка...

— До сих пор не верю... — Искаженное гримасой лицо Макфифа лоснилось от пота. — Они опустились на четвереньки. Облеплены кровью и грязью... Сцепились, как звери...

Впереди сверкнули огни.

— Что это? — подозрительно спросил Лоуз. — Нам лучше сойти с главной дороги.

Перед ними открылась деловая часть Белмонта. Но, честно говоря, в памяти она всегда представала несколько другой...

— Ну что ж, — ядовито произнес Джек, — я предполагал нечто подобное.

Мертвенно-холодные, как мерцание гнилушек на болоте, огни обозначили во тьме простиравшиеся во все стороны трущобы. Ветхие магазинчики и лавки торчали над тротуарами, словно уродливые, ядовитые грибы. Кабаки, казино, бордели... А над всем этим —невыносимый металлический визг. Из громкоговорителей, укрепленных на столбах и примитивно сработанных арках, несся рев разухабистого джаза. Мигала неоновая реклама. Бесцельно шлялись вооруженные солдаты, подбирая себе подругу подешевле.

В одной из витрин Джек увидел странное зрелище. Огромная выставка холодного и огнестрельного оружия в обитых плюшем ящиках.

— Почему бы и нет? — заметил Лоуз. — Представление коммуняк об Америке — страна бандитов, насилия и пороков.

— А в провинции, — добавила Марша, — бесконечные войны с индейцами, скальпы и суды Линча. Произвол и резня.

— Вы неплохо осведомлены, — буркнул Лоуз.

Марша с убитым видом присела на поребрик.

— Я дальше не пойду.

Трое мужчин растерянно остановились.

— Пошли! — грубо приказал ей Джек. — Иначе замерзнешь.

Марша не ответила. Она сжалась в комок, опустив голову и обхватив колени, — маленькое, хрупкое, беззащитное существо.

— Надо бы завести ее в тепло, — предложил Лоуз. — Может, в какой-нибудь ресторан...

— Не вижу смысла продолжать этот фарс... — сказала Марша мужу. — А ты?

— Наверное, тоже.

— И тебе все равно, вернемся ли мы...

— Да.

— Как же мне быть? Как объяснить тебе...

Джек широким жестом обвел бездарную панораму вокруг:

— Все понятно и без слов.

— Мне очень жаль, — неуклюже промолвил Макфиф.

— Это не твоя вина, — ответил Гамильтон.

— На душе гнусно, будто я что-то такое натворил...

— Забудь.

Склонившись, Джек тронул дрожащие плечи жены:

— Пойдем, милая. Тебе нельзя здесь оставаться.

— Даже если больше некуда идти?

— Именно так. Даже если некуда... Даже если наступил конец света.

— Очень, кстати, похоже, — безжалостно процедил Лоуз.

У Гамильтона не нашлось ответа. Согнувшись, он поднял безвольно обмякшую Маршу на ноги.

— Кажется, прошла вечность, — задумчиво произнес Джек, не выпуская руку жены. — Помнишь, я встретил тебя в холле и сказал, что меня вызывает полковник Эдвардс.

Марша кивнула:

— В тот день мы угодили на «Мегатрон».

— Только представь, — с гадким смешком встрял Макфиф, — если б не авария, вы бы так ничего и не поняли!..

По пути попадались всевозможные рестарации, но вид у них был чересчур шикарный, чтобы попробовать сунуться туда. Похожие на разноцветных крыс, меж роскошных столиков сновали официанты в ливреях. Четверка бедолаг тоскливо тащилась вдоль всего этого вычурного великолепия. Улицы стали практически безлюдны. Время от времени проходил мимо какой-нибудь оборванец — скрюченная от холода фигура.

— Что это, яхта? — тускло спросил Лоуз.

— Что?..

— Да яхта же! — Лоуз указал на освещенную витрину длиной чуть ли не в квартал. — Много яхт. Купишь себе?

Рядом с вереницей сверкающих яхт громоздились груды мехов и драгоценностей. Дорогая парфюмерия, заморские деликатесы... и непременные рестораны, бьющие по глазам и нервам своей навязчивой роскошью, приторной суетой лакеев, слепым хрусталем полыхающих люстр. Случайные бродяги в лохмотьях глазели на это буйство, как голодные псы на вывеску колбасной лавки.

Однажды встретилась телега, запряженная лошадью. В повозке сидела семья. Люди с потухшими взорами, судорожно растопырив пальцы, цеплялись за жалкие корзинки, тючки и узлы.

— Должно быть, беженцы, — предположил Лоуз. — Из Канзаса, пораженного засухой и голодом. Из района пыльных бурь — ты помнишь?

Впереди замаячил обширный квартал красных фонарей.

— Ну, — хмыкнул Джек, — что скажете?

— А что нам терять? — ухмыльнулся Лоуз. — Мы и так дошли уже до ручки.

— Отчего бы не поразвлечься? — проворчал Макфиф. — Пока еще есть возможность. Потом ведь это все рассыплется в прах...

Не говоря больше ни слова, четверка направилась к горячечным соблазнам сверкающего неона и ревущих рожков. К старой доброй «Тихой гавани».

Усталая Марша благодарно уселась за столик в углу.

— Как хорошо здесь! Мило и тепло.

Джек вертел головой, озирая прокуренное гостеприимное пространство бара, слушая металлическое бряцание музыкального ящика. В «Тихой гавани» все по-прежнему. У стойки сидит привычная группа работяг. Унылые фигуры с бесцветными лицами и пустыми глазами согнулись над кружками. Паркет устлан ковром из окурков. Бармен, вяло елозивший по прилавку грязной тряпкой, кивнул Макфифу, когда компания усаживалась.

— Эх, хорошо дать отдых ногам, — вздохнул Макфиф.

— Пиво все будут? — спросил Лоуз. Получив подтверждение, он отошел к бару.

— Далеко мы забрались, — грустно сказала Марша, высвобождаясь из рукавов пальто. — Я, кажется, здесь ни разу не была.

Вернулся Лоуз с четырьмя бутылками «Золотой пены» в руках.

— Угощайтесь!

— Ты ничего не замечаешь? — спросил Джек. — Взгляни-ка на детишек!

В тускло освещенных нишах вдоль стен расположились подростки. Джек с удивлением увидел, как юная девчушка, явно не старше четырнадцати, прошла к стойке. Это что-то новенькое! Старый истинный мир показался Джеку некой давно забытой сказкой, смутным воспоминанием детства. Но и теперешняя дурная реальность расплывалась остатками сна. Она дрожала, как марево, как оптический обман. Бар, ряды бутылок и стаканов при рассеянном взгляде превращались в зыбкую тень. Все таяло, растворяясь в дыму и сумерках; Джек даже не мог разглядеть дальнюю стену кабака. Привычные неоновые значки туалетов и те неразличимы.

Прищурившись, Джек вглядывался из-под руки. Где-то далеко, за столами, за нечесаными головами пьяниц, светилась красная полоска...

— Что там написано? — показал он Лоузу.

Лоуз напрягся, зашевелил губами.

— Как будто «аварийный выход».

И подумав, добавил:

— Я видал это на стене «Мегатрона». По-моему, пожарный спуск.

— Да нет! — вякнул Макфиф. — Обыкновенный сортир.

— Это у тебя ложная память, — бросил ему Гамильтон.

— А почему, кстати, детишки пьют? — спросил Лоуз. — И наркоту курят...

— Аморальные издержки системы, — пояснил Джек. — Кока-кола, наркотики, алкоголь и секс. А вместо школы, наверно, они работают на урановых рудниках. — Он не сумел скрыть горечь в голосе: — Подрастут — станут гангстерами.

— Чикагскими, заметь! — подлил масла в огонь Лоуз.

— Потом наденут военную форму и будут расстреливать фермеров и жечь их хижины. В такой уж стране мы живем. Заповедник убийц и эксплуататоров.

Повернувшись к жене, Джек спросил саркастически:

— Не так ли, дорогая? Дети долбят наркотики, у буржуев руки по локоть в крови, а бездомные роются в помоях...

— Вон идет твоя подруга, — тихо прошипела Марша.

— Моя?.. — Гамильтон с удивлением обернулся.

Сквозь толчею торопливо пробиралась стройная, гибкая блондинка. Чувственный ротик полураскрыт, буйная копна волос лихо спадает на плечи. Сначала Джек не узнал ее. На ней мятая блузка с низким вырезом. Лицо лоснится от обильной косметики. Юбка в обтяжку соблазнительно подчеркивала округлые формы. Роскошный бюст вздрагивал при каждом шаге.

Джеку ударил в ноздри сложный букет запахов — аромат духов и разгоряченного женского тела. В голове сразу закружились столь же сложные воспоминания.

— Привет. — У Силки был низкий, хрипловатый голос.

Она склонилась и чуть ткнула губами Джека в висок.

— Я ждала тебя.

Гамильтон смущенно поднялся и предложил ей стул.

— Спасибо. — Усевшись рядом, Силки обвела взглядом присутствующих. — Привет всей честной компании!

— Могу я задать вам один вопрос? — холодно обратилась к ней Марша.

— Разумеется.

— Какого размера вы носите лифчик?

Не моргнув глазом, Силки спокойно задрала блузку так, что обнажились великолепные груди.

— Вас удовлетворяет мой ответ?..

Марша густо покраснела.

С беззастенчивым, мальчишеским восторгом Джек глазел на невероятных размеров сиськи.

— Полагаю, что лифчики — буржуйская выдумка для обмана простого народа.

— Кто бы говорил о народе! — слабо возразила Марша; только что увиденное зрелище явно лишило ее душевного равновесия. — Тебе, должно быть, нелегко поднимать вещи, когда ты их роняешь, — сказала она девице.

— В коммунистическом обществе, — объявил Лоуз, — пролетариат ничего не роняет!

Силки рассеянно улыбалась, касаясь своих обнаженных грудей длинными тонкими пальчиками. Затем, пожав плечами, она опустила блузку, расправила рукава и положила руки на стол:

— Что новенького?

— Большая битва на дороге, — сообщил Гамильтон. — Кровожадный Уолл-стрит против героического, самозабвенно распевающего гимны рабочего класса.

Силки с сомнением посмотрела на Джека:

— И чья возьмет?

— Честно говоря, почти вся шакалья стая фашистов погребена под горящими лозунгами.

— Смотри! — вдруг показал на что-то Лоуз. — Видишь, вон там?

В углу бара стоял автомат, продающий сигареты.

— Помнишь, а?

— Еще бы.

— И тот тоже на месте. — Лоуз ткнул пальцем в другой угол, на леденцовый автомат, едва различимый в табачном дыму. — Помнишь, что мы учудили с ним?

— Конечно. Заставили бандуру выдавать французский коньяк высшего качества.

— ...И собирались изменить мир, — вдохновенно продолжил Лоуз. — Подумай только, Джек, что мы могли бы сотворить!

— Думаю, думаю...

— Выдавали бы любой продукт, все что душа пожелает! Да, вот это был принцип!

— Принцип божественной отрыжки. Или принцип размножения посредством чуда, — кивнул Гамильтон. — В этой свихнувшейся реальности чудо здорово бы пригодилось.

— Мы бы переплюнули коммуняк, — поддержал его Лоуз. — Им приходится вкалывать до седьмого пота. А нам бы нужен был только этот бар.

— И немного трубок из-под неона, — напомнил Джек.

— Ты говоришь так печально, — забеспокоилась Силки. — Что-нибудь случилось?

— Ничего, — кратко ответил Гамильтон. — Ровным счетом ничего.

— Может, я могу помочь?

— Нет. — Он слегка улыбнулся. — Но все равно спасибо.

— Если хочешь, пойдем на второй этаж и ляжем в постельку. — Она с готовностью сдвинула юбку, обнажая пухлые ляжки.

Джек похлопал ее по руке.

— Ты хорошая девчонка. Но это не поможет.

— Уверен? — Она призывно подалась вперед. Груди ее в этот момент напоминали два тяжелых штурмовика, идущих на таран.

— Как-нибудь... в другой раз.

— Какая милая беседа! — Марша состроила презрительную гримасу.

— Мы просто дурачимся, — мягко сказал ей Джек. — Не обижайся, пожалуйста.

— Смерть мировому капиталу! — торжественно рыгнув, провозгласил Лоуз.

— Вся власть — рабочему классу! — тут же откликнулся Гамильтон.

— За народную демократию! — продолжил Лоуз.

— За Союз Советских Социалистических Штатов.

Оторвавшись от пивных кружек, работяги за стойкой хмуро глянули в их сторону.

— Потише, олухи! — просипел Макфиф.

— Слушайте, слушайте! — кричал Лоуз, стуча по столу перочинным ножом. Открыв лезвие, он угрожающе выставил его. — Я сдеру шкуры с хищников Уолл-стрит!

Джек с подозрением смерил его взглядом:

— Негры не носят ножей. Это клевета буржуазии.

— А я ношу.

— Тогда ты не негр. Ты — *скрытый негр*, предавший свою религию.

— Свою религию? — непонимающе повторил Лоуз.

— Понятие расы — фашистская категория, — сообщил ему Гамильтон. — Негры — это религиозно-культурная группа, и ничего больше.

— Черт возьми! — Лоузу заявление Джека пришлось по душе. — Такая стряпня начинает мне нравиться!

— Может, потанцуем? — спросила Гамильтона Силки. Неожиданно в ее голосе появились властные нотки.

— Не хочу, — сухо ответил Джек.

— Что мы можем сделать для революции? — с энтузиазмом обратился к присутствующим Лоуз. — Кого надо убить?

— Не важно, — махнул рукой Гамильтон. — Первого встречного, кто умеет читать и писать.

Силки и кое-кто из работяг обменялись настороженными взглядами.

— Джек, — заерзала на стуле подружка, — такими вещами не шутят!

— Ни в коем случае! — согласился Гамильтон. — Нас самих едва не линчевал этот бешеный пес Тиллингфорд.

— Ликвидируем Тиллингфорда! — закричал Лоуз.

— Я сделаю это, — брякнул Джек. — Растворю его в кислоте и спущу в унитаз.

Силки по-прежнему не сводила с Джека озадаченного взгляда.

— Прошу тебя, не говори так. Ты пугаешь меня.

— Пугаю? Почему же?

— Потому что... — Она сделала беспомощный жест. — Мне кажется, ты говоришь с сарказмом.

У Марши вырвался истеричный всхлип:

— О Боже... *она* еще и рассуждает!..

Пролетарии тем временем соскользнули с табуретов и, лавируя меж столиками, тихо приближались. Шум в баре стих. Смолк музыкальный автомат. Подростки в дальнем углу сорвались с мест и быстро выскочили на улицу.

— Джек, — испуганно шепнула Силки, — будь осторожен. Ради меня!

— Вообще-то я многое уже повидал! — усмехнулся Гамильтон. — Даже политически подкованную шлюху. Ай да ты!.. Честная девушка, говоришь? Развращена системой?

— Золотом толстосумов, — мрачно поправил Лоуз, переворачивая опорожненную бутылку. — Совращена пузатым богатеем. А может, священником! Он ее девственность прибил на стене библиотеки, над камином.

Марша тревожно оглядывалась вокруг:

— На самом деле это совсем не бар, так ведь? Только жалкое подобие...

— Бар, вид спереди, — уточнил Гамильтон. — А тебе что нужно?

— Тогда сзади, — медленно продолжила Марша, — это... партячейка. А твоя подружка...

— Ты работаешь на Гая Тиллингфорда, верно? В тот день я тебя там посадила в машину?

— Да. Но Тиллингфорд меня уволил. Полковник Эдвардс выгнал, Тиллингфорд выгнал... и боюсь, что этим не закончится.

Гамильтона почему-то крайне позабавил тот факт, что пролетарии, окружавшие столик, оказались при оружии. Каждый в этом мире вооружен. И каждый — на той или на другой стороне. Даже юная потаскушка.

— Силки, — проговорил вслух Джек, — я тебя с кем-нибудь другим не перепутал?

Девица на миг смутилась. Потом тряхнула головой, расплескав по плечам волны светлых волос.

— Правда... все кажется немножко странным... Ничего не понять.

— Да, каша заварилась густая...

— Я-то, дура, решила, — сокрушенно вздохнула Силки, — что мы на одной стороне баррикад. Что мы друзья...

— А мы и так друзья. По крайней мере — были. Где-то в другом месте... Далеко-далеко отсюда.

— Разве ты не собирался меня эксплуатировать?

— Дорогая моя... — заметил Джек с горечью. — Эксплуатировать тебя — мое самое заветное желание. В любом месте, в любом чокнутом мире. Ох, как хочется взять тебя покрепче и так от... отэксплуатировать, чтоб твоя сказочная грудь затряслась, как осинка на ветру.

Она прильнула к Джеку, прижавшись щекой к его плечу. Он неуклюже поиграл белокурым локоном, упавшим девушке на глаза.

— Жаль, — монотонно произнесла она, — что так ничего и не получилось.

— Да, жаль... Но я буду заглядывать на огонек, опрокинуть с тобой по рюмочке...

— Подкрашенной воды! — напомнила Силки. — А бармен даст мне тонюсенький бутерброд...

В некоторой нерешительности окружившие их работяги подняли винтовки.

— Сейчас? — спросил один из них.

Высвобождаясь, Силки поднялась на ноги.

— Пожалуй... — еле слышно пробормотала она. — Приступайте. И кончайте побыстрей.

— Смерть фашистским собакам, — замогильно пошутил Лоуз.

— Смерть мерзавцам! — добавил Гамильтон. — Мы можем встать?

— Конечно, — сказала Силки. — Как хотите. Мне очень жаль, Джек... Правда, правда! Но вы же не с нами, так?

— Боюсь, что не с вами, — почти добродушно согласился с ней Гамильтон.

— Ты против нас?

— Я должен быть против. Мне трудно быть кем-то другим.

— Мы что, так и позволим прикончить себя? — запротестовала Марша.

— Это наши друзья. — Голос Макфифа напоминал булькающий клекот паралитика. — Сделай что-нибудь! Неужели ты не можешь поговорить с ними?

Джек развел руками:

— С ними бесполезно говорить.

Он бережно поставил Маршу на ноги.

— Закрой глаза, — шепнул он ей. — И расслабься. Это не очень больно.

— Что ты собираешься делать? — пролепетала Марша.

— Вызволить нас отсюда. Единственно возможным способом...

И когда уже лязгнули затворы и поднялось полукружие нацеленных стволов, Джек отвел назад кулак, тщательно примерился и ударил жену точно в подбородок.

Слабо вздрогнув, Марша повалилась как сноп на руки Билла Лоуза. Гамильтон подхватил ее легкое тело и остался стоять с самым идиотским видом... Идиотским — поскольку бесстрастные фигуры пролетариев были вполне осязаемы и реальны. И по-прежнему готовились пустить в ход оружие.

— Боже, — хрипло сказал Лоуз. — Они все еще здесь. А вокруг отнюдь не «Мегатрон».

Не зная, куда деваться от смущения и отчаяния, негр рванулся к Джеку и помог тому подержать потерявшую сознание Маршу.

— Какие же мы болваны! Марша здесь абсолютно ни при чем!

Глава 15

— Полный маразм! — деревянным голосом проскрипел Джек. Он крепко обхватил неподвижное теплое тело жены. — Кто ж тогда устроил эту пакость, а?

И вдруг боковым зрением он заметил...

С Чарли творилось что-то неладное. Казалось, Макфиф полностью сбрендил и теперь действует не более осознанно, чем заводной болванчик. Странные метаморфозы вылезали из темных глубин его естества. Словно проклюнулся чудовищный, доселе дремавший внутри зародыш и сейчас прорывается наружу.

Макфиф рос прямо на глазах. Пока Джек и Билл пялились на компаньона, он превратился из приземистого, грубо сколоченного толстяка с пятачком куцего носа в рослого, великолепного мужчину. Божественное благородство снизошло на него. Идеально сложенный, глаза горят пламенем праведного гнева. Квадратные челюсти высокоморального Чарли стиснуты с выражением неумолимой строгости и справедливости.

Сходство с Тетраграмматоном просто поразительное! Макфиф явно не смог расстаться со своими затаенными страхами.

— Что это? — потрясенно спросил Лоуз. — Во что это он превратился?

— Ой, что-то мне нехорошо... — нелепо-звучно и полновесно произнес Макфиф. — Надо бы принять бром...

Нескладные фигуры работяг опустили винтовки. Дрожа и благоговея, они глазели на Макфифа, разинув рты.

— Товарищ комиссар, — пробормотал один из них. — Мы не узнали вас.

Болезненно поморщившись, Макфиф повернулся к Гамильтону.

— Дураки проклятые! — прогремел его зычный повелительный голос.

— О, что я вижу... — ухмыльнулся Джек. — Разрази меня гром, если это не Святой Папаша собственной персоной?

Благородные уста Макфифа зашевелились, но звук почему-то отсутствовал.

— Теперь ясно, — скривился Гамильтон, — почему тогда, на зонтике, Тетраграмматон так тебя разглядывал... Понятно, почему ты чуть не свихнулся! И болячками ты запаршивел не зря.

Макфиф ответил не сразу.

— Я растерялся. Знаешь, не очень-то верилось, что увижу Его там. Казалось, мол, все это шарлатанство и выдумки.

— Чарли! — Джек чуть не взвыл от восторга. — Ты же коммуняка!

— Да, — тяжко выдохнул Макфиф. — Это так.

— И давно?

— С Великой Депрессии.

— Какого черта? Маленького братика застрелили агенты ФБР?

— Нет. Просто голод, безработица и отчаяние...

— Вообще-то ты парень неплохой, — примирительно заметил Джек. — Но душа у тебя вся изодрана. Ты безумец покруче мисс Рейсс. Ты еще больший жлоб и зануда, чем миссис Притчет. В суевериях и предрассудках ты переплюнешь даже Сильвестра. В тебе дерьма гораздо больше, чем у всех предыдущих психов. А так — ты в полном порядке.

— Нет смысла выслушивать эту ахинею! — величественно объявило божество.

— И вдобавок ко всему ты порядочная мразь. Отвратительный, бессовестный лжец, властолюбивый мошенник... и редкостная сволочь. Как ты мог поступить так с Маршей? Как ты мог устроить такую подлость?

Помедлив, сиятельная фигура ответила:

— Как говорится, цель оправдывает средства.

— Еще один дешевый лозунг...

— Люди вроде твоей жены опасны.

— Почему? — искренне удивился Джек.

— Они никому не отдают предпочтения. Они только заигрывают со всеми. Стоит лишь повернуться к ним спиной...

— И поэтому вы их уничтожаете! Отдаете на растерзание невменяемым фанатикам.

— Фанатики нам близки и понятны, — ответствовал Макфиф. — А вот твоя жена — нет. Она подписывает партийные воззвания и в то же время читает «Чикаго трибюн». Людям, подобным ей, чужда жесткая дисциплина и самоконтроль. Они больны индивидуализмом. Заражены слюнявой романтикой и примитивной этикой. Они не способны беспрекословно подчиняться авторитету. А это переворачивает все с ног на голову. На таком фундаменте ничего не построишь.

— Макфиф, — сказал Джек, — прости меня.

— За что?

— За то, что я собираюсь сделать. Хотя это, конечно, безнадежно. Ну и пусть! Все равно я вышибу из тебя дух!

С этими словами он бросился на Макфифа. У монстра мгновенно напряглись мощные мускулы. Схватка вышла, увы, слишком неравной: Джек не мог даже как следует подобраться к ве-

ликому вождю. Макфиф отступил назад, сгруппировался и контратаковал.

Зажмурив глаза, Джек изо всех сил обхватил Макфифа. Весь залитый кровью из рассеченного лба, потеряв большую часть зубов, он крепко вцепился в чудовище. Повис на нем, как истерзанная крыса, даже в предсмертной агонии не разжимающая челюстей. Им овладело почти религиозное неистовство: он впился в Макфифа в экстазе отвращения и ненависти. Он остервенело колотил божество головой о стену. Железные пальцы врага, казалось, вот-вот разорвут его на кусочки, словно старую газету, но Джек не отпускал гада.

Все закончилось так же быстро, как и началось. Яростный приступ сгинул, как пустой выхлоп, как холостой выстрел. Лоуз валялся на полу с проломленным черепом, неподалеку от смятой фигурки Марши. Сам Джек кое-как еще держался на ногах. Но вот поднялись винтовочные приклады... Значит, время пришло.

— Давай, смелее! — подбодрил он убийц. — Это ничего не меняет. Даже если порвете нас на клочки. Даже если построите из наших тел баррикады или сотрете в порошок! Марша ни в чем не виновата — и это главное...

Жестокий удар швырнул Джека на пол. От страшной боли тело скрючилось в уродливую загогулину. Один из пролетариев пнул Джека в пах; другой стал методично крушить ему ребра. В кровавом тумане массивное тело вождя исчезло. Из клубящейся темноты возникали и тут же пропадали фигуры вооруженных боевиков. Хрипя, харкая горячей, липкой слюной, Джек встал на четвереньки. Сквозь красную пелену ненависти, отчаяния и боли, сквозь жесткую корку запоздалого раскаяния пробивалась, как острие шпаги, только одна мысль — разыскать и придушить Макфифа.

Крики, команды, стоны... Удары прикладами в голову и в ребра. Он дрожал, слабо отмахивался скользкими от крови ладонями... Заметив чье-то неподвижное тело, Джек пополз туда.

— Оставьте, пусть подыхает... — прокаркал грубый голос. Джек уже не обращал внимания на побои, он на ощупь искал Макфифа. Но неподвижное тело оказалось не комиссаром, а всего лишь несчастной Джоан Рейсс.

После долгой отчаянной возни он все-таки наткнулся на Чарли. Пошарил в груде мусора что-нибудь поувесистее. Вот! Осколок кирпича... и хлесткий удар ногой отшвырнул Джека далеко в сторону. Враг снова ускользнул, пропал в хаосе свалки и медленно оседающей завесы пепла.

Реальность опять сдвинулась. Вновь проступили искореженные потроха «Мегатрона» и медленно ползущие силуэты спасателей.

Справа от Гамильтона неподвижно лежала его жена; одежда на ней обгорела. Одна рука неестественно вывернута за спину. Марша казалась беззащитным зверьком, брошенным безжалостной рукой на почерневший бетон. Чуть дальше распростерся Макфиф. Гамильтон, превозмогая боль, судорожно пополз к нему. На полпути его остановили спасатели и попытались уложить на носилки. Почти теряя сознание, не в силах вымолвить ни слова, но все еще движимый страстным порывом, Гамильтон оттолкнул спасателей и со стоном сел.

Беднягу Макфифа, в экстазе кровавого гульбища, вырубили собственные бойцы. Его физиономия до сих пор хранила гримасу крайнего негодования. Дыхание было неровным и хриплым. Что-то бормоча, Чарли дергался и вздрагивал, толстые пальцы хватали воздух, пытаясь то ли схватить кого-то, то ли нащупать опору.

Мисс Рейсс, наполовину засыпанная щебнем, тоже потихоньку шевелилась. С трудом поднявшись на колени, она попыталась вслепую разыскать свои очки.

— О! — простонала она, слепо моргая, испуганно роняя слезы. — Что же это...

Близоруко прищурившись, оглядела себя и трясущимися руками стала приспосабливать обгоревшие лоскуты одежды, чтобы хоть как-нибудь прикрыть свои худосочные прелести.

В это время спасатели отыскали миссис Притчет. Они быстро сгребли в сторону мусор, заваливший ее необъятные телеса. Джек ползком подобрался к жене и принялся сбивать скачущие по ее платью язычки пламени. Марша задрожала.

— Не двигайся, — прохрипел Джек. — У тебя, может, что-нибудь сломано.

Она послушно застыла, не открывая глаз.

Откуда-то из-за едких клубов гари послышался испуганный плач Дэвида Притчета... Что ж, кажется, несчастные люди, угодившие на мельницу безумия, возвращаются к жизни. Вон Билл Лоуз бессмысленно таращит глаза на окруживших его санитаров... Вопли, крики, рев сирен...

Наконец-то! Неподдельные звуки настоящего мира. Дым пожарища, обгоревшие железо и камень. Нервная беготня медиков, спешащих оказать первую помощь.

— Мы вернулись! — крикнул Гамильтон жене. — Ты меня слышишь?

— Слышу, — откликнулась Марша.

— Ты рада?

— Да, — проговорила она еле слышно. — Не кричи, дорогой. Береги силы.

Полковник Эдвардс молча внимал докладу Джека. После того как были суммированы все основные пункты, в конференц-зале воцарилась тишина. Чуткое ухо уловило бы только сухое потрескивание дымящихся сигар и скрип карандаша стенографистки.

— Вы обвиняете нашего офицера безопасности в принадлежности к коммунистической партии, — после долгой паузы хмуро проговорил Эдвардс. — Я вас верно понял?

— Не совсем...

Джек был еще немного слаб; всего неделя с небольшим минула со времени аварии.

— Я заявляю, что Макфиф — коммунист по убеждению. Он подчиняется партийной дисциплине и использует свое служебное положение для осуществления тайных целей.

Резко повернувшись к Макфифу, Эдвардс спросил:

— Что скажешь, Чарли?

Не поднимая взгляда, Макфиф ответил:

— Скажу, что это очевидная клевета.

— Значит, Гамильтон просто пытается поставить под сомнение ваши мотивы?

— Именно так, — бубнил монотонно Макфиф. — Вместо того чтобы защищать жену, он атакует меня.

Полковник снова повернулся к Джеку:

— Боюсь, с этим мне придется согласиться. Ведь речь идет о вашей жене, а не о Чарли Макфифе. Постарайтесь говорить по существу.

— Как вы понимаете, — взволнованно начал Джек, — я не могу прямо сейчас доказать, что Марша не коммунистка. Однако мне вполне ясно, почему Макфиф обвинил ее. Я могу открыть всю реальную подоплеку этого дела. Подумайте о положении, которое Чарли занимает. Кто ж его заподозрит? У него свободный доступ к секретным досье. Он может обвинять кого угодно по собственному выбору... Идеальное положение для диверсанта! Всех, кто мешает, можно запросто устранить.

— Безосновательно, — отмахнулся Эдвардс. — Все логично, но где доказательства? Вы можете доказать, что Чарли — красный? Вы же сами сказали, что он не состоит в компартии.

— Я не детектив, — ответил Гамильтон. — У меня нет возможности собрать сведения. Полагаю, он постоянно контактирует с каким-нибудь связником... Откуда-то он должен получать приказы? Если парни из ФБР возьмут его в оборот и потолкуют вдумчиво...

— Значит, доказательств нет, — прервал его Эдвардс, пожевав сигару.

— Нет, — признал Гамильтон. — Трудно, знаете ли, залезть человеку в мозги. Тем более что-то оттуда вытащить. Это, кстати, относится и к моей жене. Откуда вам знать, что у нее творится в голове?

— У нас обширный компромат на нее. Всевозможные воззвания, подписи, походы на сомнительные сборища. А покажите мне хоть одну петицию, подписанную Чарли Макфифом. Назовите хоть один шабаш, на котором он побывал!

— Ни один настоящий диверсант не раскроет себя, — проворчал Джек, сам прекрасно понимая, насколько нелепо это утверждение.

— Мы не можем на этих основаниях уволить Чарли. Слишком абсурдно тогда получится.

Губы полковника чуть дрогнули в неком подобии улыбки.

— Сожалею, Джек. Ты ничего не доказал.

— Я знаю.

— Знаешь?.. — Эдвардс крайне удивился. — И сам признаешь это?

— Конечно, признаю. Я и не надеялся вас убедить. — Джек уже подрастряс изначальные воодушевление и напор. Теперь голос его отдаленно напоминал гул погребального колокола. — Нет, не надеялся... Хотел только привлечь внимание. Может, для досье и сгодится.

Макфиф не проронил ни слова. Лишь еще больше надулся, глубоко погрузившись в кресло, как булыжник в тесто. На Джека он старался не глядеть.

— Я честно пытался тебе помочь... — с усилием проговорил Эдвардс. — Но, Джек, черт возьми... Следуя твоей логике, нам надо каждого считать фактором риска.

— Вы так и поступаете. Я всего лишь перекинул ваш метод на Макфифа. Жаль, что он вышел сухим из воды! Жалко и мерзко...

— Полагаю, — сухо произнес Эдвардс, — что высокая порядочность и патриотизм Чарли Макфифа выше упреков и подозрений. Вам прекрасно известно, что этот человек сражался на войне в ВВС армии США. Он ревностный католик. И состоит в организации «Ветераны экспедиционных войн».

— К тому же, наверное, еще и бойскаут! — усмехнулся Джек. — И каждый год наряжает рождественскую елку.

— Не хотите ли вы сказать, что католики и легионеры — предатели? — Полковник аж потемнел лицом, словно кактус, в который впрыснули шприцем чернила.

— Нет, не хочу. Я пытаюсь лишь объяснить, что человек может отвечать всем требуемым нормам официальной морали и тем не менее быть отчаянным подонком. А несчастная женщина, по простоте душевной подписывающая всякие глупые бумажонки, — любить даже придорожную грязь этой страны.

— Мы напрасно теряем время, — холодно резюмировал Эдвардс.

Джек поднялся, отодвигая стул.

— Спасибо, полковник, что выслушали меня.

— Не за что. — Откровенно испытывая неловкость, Эдвардс добавил: — Очень хотелось бы поработать вместе, парень. Но ты сам видишь...

— Не вините себя. — Джек сделал успокоительный жест. — По правде говоря, я даже рад, что вы не обратили внимания на мое заявление. Макфиф невиновен, пока не доказано обратное.

Собрание потихоньку расползалось. Боссы «Калифорния мэйнтэнанс» радостно выскакивали в коридор, чтобы вернуться к своим привычным делам. Аккуратная стенографистка собрала записи, сигареты в сумочку. Макфиф, исподтишка бросив на Гамильтона злорадный взгляд, прошмыгнул мимо и исчез.

В дверях Эдвардс задержал Джека.

— Что ты собираешься делать? — хмуро спросил полковник. — Думаешь прочесать фирмы на полуострове? Например, Тиллингфорда... Знаешь, а он запросто возьмет тебя!.. Он ведь дружил с твоим отцом.

В реальном мире Гамильтон еще не побывал у Гая Тиллингфорда.

— Возьмет... — произнес он задумчиво. — Может, из-за отца... А может, потому, что в электронике я все-таки специалист высшего класса.

Эдвардс, как гимназистка, у которой неожиданно лопнула на трусах резинка, покрылся красными пятнами.

— Извини. Я имел в виду...

Джек передернул плечами, как если б ему вдруг стало зябко. Тут же дала о себе знать боль в стянутом пластырем ребре. На десны давили вставные зубы, во рту ощущался какой-то гнусный привкус, словно хлебнул из сточной канавы. И вообще Джека терзало странное чувство, будто он заглянул в

зеркало и увидел вместо своего собственного лица чью-то чужую морду. Джек отчетливо осознал, что здорово постарел и вымотался за время скачки по шизоидным мирам.

— Я не пойду к Тиллингфорду, — вздохнул он. — Буду работать самостоятельно.

Потоптавшись на месте, Эдвардс спросил:

— И затаишь обиду на нас?

— Нет. Работу я, конечно, потерял, но теперь это не важно. Я чувствую себя как больной, только что вышедший из стен госпиталя. Я был в глубокой коме и вот очнулся. Я стряхнул с себя остатки дурного сна. К тому же меня наконец-то ткнули носом в собственное дерьмо. Поэтому действовать по-старому я уже не смогу. В голове, наверное, что-то перещелкнулось. Вот так!

— Ну, Джек...

— Раньше мне все давалось слишком легко. У моих родителей была уйма денег. Папаня — всемирно известная шишка. Люди моего положения редко сталкиваются с уродцами типа Макфифа. Но времена меняются. Макфифы выползают из нор, чтобы охотиться на нас. Пришла пора и нам обратить на них внимание.

— Все это крайне трогательно. — Эдвардс поскреб подбородок, прикидывая следующую фразу. — Но тебе придется зарабатывать на жизнь, содержать семью. Без спецдопуска ты не сможешь проектировать ракеты ни здесь, ни в другом месте.

— Ну и что? Честно говоря, я устал делать бомбы.

— Однообразие надоело?

— Я бы назвал это пробуждающейся совестью. Случилось нечто, перечеркнувшее многие мои убеждения. Как говорится, вышибло меня из накатанной колеи.

— Ах да! Несчастный случай...

— Я увидел множество таких вещей, о которых и не подозревал. Наверное, стоило пережить вереницу кошмаров, чтобы выбраться из ямы на свободу.

По коридору разнеслось знакомое стаккато каблучков. Марша, запыхавшаяся и румяная, подбежала и взяла Джека под руку.

— Мы готовы, — задорно сообщила она.

— И еще, — сказал Гамильтон полковнику. — Я узнал самое главное: Марша говорила правду. Новую работу, в конце концов, найти можно, а вот с любимым человеком дело посложнее.

Джек повернулся и зашагал прочь, даже не вслушиваясь, что там полковник булькает ему вдогон.

— Милый, — взволнованно сказала Марша, когда они спускались по ступенькам главного подъезда, — машины уже прибыли. Разгрузка идет полным ходом.

— Отлично! — обрадовался Джек. — Это хороший допинг к вечеру, когда мы на родном матрасике слегка...

— Не говори так! — воскликнула Марша, сжимая его руку. — Мне стыдно за тебя.

Широко улыбаясь, Гамильтон помог жене сесть в машину.

— С этого момента я абсолютно честен со всеми. Жизнь чересчур коротка, чтобы ходить кругами.

Марша пожаловалась:

— Меня беспокоит вся эта ваша с Биллом затея...

— Мы разбогатеем! — весело крикнул Джек, выруливая на шоссе. — Запомни мои слова! Ты и Прыг-Балда будете есть сливки до отвала и спать на шелковых подушках.

Через полчаса они стояли на пустыре, критически рассматривая небольшой ангар из гофрированного железа.

К ним навстречу, согнувшись против осеннего ветра, шагал Билл Лоуз. В зубах — потухшая сигарета, руки засунуты в карманы.

— Ну что, — криво усмехнулся он, — скоро будет очень весело. Мы, конечно, можем провалиться. Но зато провалимся с музыкой.

— А Джек сказал, что мы разбогатеем, — разочарованно проговорила Марша, надув губы в кокетливом недовольстве.

— Чуть позднее, — пояснил Лоуз. — Когда из нас песок посыплется. И старым маразматикам станет уже невмоготу как следует оттянуться.

Вприпрыжку подбежал мальчонка, не старше одиннадцати лет.

— Вы что будете строить? — возбужденно спросил он. — Ракеты?

— Нет, — улыбнулся Джек. — Проигрыватели. Чтобы люди слушали музыку.

— Здорово! А я в прошлом году сделал приемник с наушником, на батарейке...

— Хорошее начало! Может, еще и у нас поработаешь.

— А сейчас я строю тюнер.

Осторожно ступая по развороченному пустырю, подошла Эдит Притчет. В тяжелой меховой шубе и вычурной шляпке на крашенных хной кудрях.

— Ладно, не докучай мистеру Лоузу и мистеру Гамильтону, — одернула она сына. — У них и так забот хватит.

Дэвид надулся.

— Мы говорили об электронике! — прежде чем удалиться, буркнул он.

— Очень много оборудования вы купили! — настороженным тоном поведала миссис Притчет мужчинам. — Наверняка это стоило уйму денег.

— Нам оно понадобится, — спокойно ответствовал Джек. — У Билла разработан новый проект. Это будет сенсацией на рынке эксплуатации!

— Вы, дегенераты! — шутливо крикнула Марша. — Обслуживаете капризы класса бездельников!

— Я считаю, — не моргнув глазом, продолжал Гамильтон, — что музыка всегда будет нужна. Вопрос в том, как и на чем ее слушать.

— Я вот как это представляю, — ухмыльнулся Лоуз. — Молодые ребята, сидя на полу где-нибудь в Норт-Бич, в экстазе вертят ручки настройки, в то время как из динамиков на них обрушивается *абсолютно* чистый, полновесный рев паровоза, свист снежной пурги, грохот самосвала, сбрасывающего железный лом. И прочая экзотика. Живая!

— Я что-то не улавливаю... — запричитала миссис Притчет. — Вы оба столь эксцентричны... А как же финансовый успех? Я не собираюсь инвестировать, пока не буду уверена в умеренной прибыли.

— Миссис Притчет, — сурово обратился к ней Джек, — помнится, кое-кто желал вдолбить в головы всем олухам высокое искусство?..

— О Боже! — Миссис Притчет картинно заломила ручки. — Нет ничего более важного в жизни, чем наследие великих гениев прежних поколений...

— Значит, вы поступаете правильно! — заверил ее Гамильтон. — Ваш рэкет накрыл нужную цель.

— Мой...

— Ракеты, — уточнил Лоуз. — Джек сравнил ваши деньги с ракетами, поскольку они взлетят очень высоко! Вы же помните, он работал на ракетном заводе... Так что простите его.

Джек крепко обнял жену:

— Как тебе нравятся перспективы, дорогая?

— Прекрасно! — Марша судорожно сглотнула. — Но ты поаккуратнее... Помни о моих ожогах!

Все еще с недоверчивой миной на лице Эдит Притчет рылась в своей объемистой сумке в поисках чековой книжки.

— Что ж, дело выглядит вполне пристойно.

— Конечно, — кивнул Гамильтон. — Поскольку без денег никакого дела быть не может.

Резким движением миссис Притчет защелкнула сумочку.

— Пожалуй, не стану я встревать...

— Не обращайте на него внимания, — поспешила на выручку Марша. — Они оба несут полную околесицу.

— Ладно. — Миссис Притчет, наконец-то решившись, выпустила пары, словно паровоз после тяжелого подъема в горы. Она с крайней осмотрительностью достала чековую книжку и выписала чек на покрытие первоначальных расходов. — Я ожидаю, что получу все обратно! — строго заметила она, передавая чек Лоузу. — Согласно условиям нашего договора.

— Конечно, получите! — заверил ее Лоуз.

И вдруг с воплем подпрыгнул на месте. Схватившись за лодыжку, он нагнулся и, морщась, раздавил что-то пальцем.

— Что там? — нервно спросил Джек.

— Оса... Заползла под штанину и цапнула, зараза! — Лоуз криво улыбнулся и добавил: — Простое совпадение. Случается и не такое... Откуда она только взялась?

— Мы *надеемся*, что вы получите обратно ваши деньги, — торжественно обратился Джек к миссис Притчет. Голова его инстинктивно вжалась в плечи, как бы в предчувствии неожиданного удара. — Естественно, на все сто обещать не можем. Но мы постараемся.

Он выждал. Нет, по ноге никто не ползал и не кусал.

— Слава Богу, — вздохнула Марша. И украдкой глянула на чек.

Размашисто зашагав в сторону ангара, Билл Лоуз прокричал:

— Эй, чего вы ждете? За работу!

МАСТЕР ВСЕЯ ГАЛАКТИКИ

●

РОМАН

Синтии Голдстоун посвящается

И я боялся, страшно я боялся,
Но, вместе с тем, еще сильней гордился,
Что моего искал гостеприимства
Тот, что нежданно появился
Из темных врат неведомой земли[1].

Глава 1

Его отец тоже был Мастером. Он также воскрешал из небытия бесценную керамику, сохранившуюся с Ветхих Времен. Давным-давно, еще до войны, люди не все подряд лепили из пластмассы. Оставались светлые головы, которых воротило от квадратов и прямоугольников, тупой геометрии железобетонных джунглей.

Керамический сосуд — вещь удивительная. Каждый образец, который приходилось реставрировать, он запоминал навсегда. Форма, текстура, глазурное покрытие — все это оставалось не только в памяти, но западало глубоко в душу.

Правда, сегодня уже никто не нуждался в его помощи. На планете сохранилось слишком мало керамических изделий, счастливые владельцы старательно следили, чтобы их сокровища не портились.

«Я, Джо Фернрайт, — лучший мастер на Земле, — убеждал он себя. — Я, Джо Фернрайт, — не чета другим».

В его мастерской пылилась груда футляров — пустые металлические коробки. В них он обычно возвращал клиентам восстановленные сосуды. Теперь заказов нет. Верстак пуст вот уже семь месяцев.

У Джо за месяцы вынужденного безделья была уйма времени, чтобы подумать. Он прикидывал, не стоит ли ему все бросить и заняться чем-нибудь другим — какой угодно работой, лишь бы не сидеть на пособии. Может, у него страдает качество, и клиенты обращаются к другим мастерам? Как-то раз у Джо мелькнула соблазнительная идея самоубийства. Потом пришла мысль о тягчайшем преступлении — грохнуть кого-нибудь из высшей иерархии КПСЗ (или полностью — Контрольно-Про-

[1] Перевод Сергея Троицкого.

грессивного Сената Земли). Но что бы это дало? Скорую расправу, и только. К тому же, если честно, жизнь совсем неплохая штука. Даже когда все валится из рук и идет наперекосяк, остается одна лазейка. Одна отдушина в беспросветности бытия, называемая Игрой.

На крыше своего жилища, с термосом для ленча в руках, Джо Фернрайт ожидал транзитного аэробуса. Холодный утренний ветер пощипывал кожу. Джо ежился. «Вот-вот появится эта жужжалка, — думал он. — Впрочем, она может оказаться переполненной. Тогда она не остановится, а прожужжит мимо, набитая под завязку. Впрочем, я могу и прогуляться».

Он уже привык ходить пешком. Правительство жутко запустило общественный транспорт, как и все остальное. «Черт бы их побрал, — ворчал про себя Джо. — Или, точнее, черт бы побрал всех нас». В конце концов, он тоже был частицей гигантской паутины, которая повсюду распростерла свои липкие сети, словно в любовном экстазе заключив всех землян в объятия смерти.

— С меня хватит, — буркнул мужчина рядом с Джо. На его гладко выбритых скулах ходили желваки. — Я спускаюсь по желобу на уровень земли и иду пешком. Всем привет. — Мужчина протиснулся сквозь толпу ожидающих, толпа сомкнулась позади него, и он исчез.

«Я тоже пойду», — решил Джо и направился к желобу. За ним последовали и другие ворчуны.

Он вышел на уровне улицы, ступил на потрескавшийся тротуар, глубоко вздохнул и зашагал на север.

Жандармский крейсер, плавно опустившись, завис над головой.

— Эй, ты ковыляешь слишком медленно, — окликнул Джо громила в униформе и прицелился лазерным пистолетом. — Нука, пошевеливайся, или я тебя прихвачу.

— Клянусь Богом, я сейчас прибавлю шаг, — отозвался Джо. — Я только что вышел и просто не успел набрать скорость. — Он пошел быстрее, приспосабливаясь к темпу других, проворно снующих пешеходов, как и он, довольных хотя бы тем, что у них есть куда спешить в этот промозглый четверг в начале апреля 2046 года, в городе Кливленде, в Народной Автономной Республике Америке (или сокращенно — НАРА).

Серые тени людей скользили по разбитым тротуарам — если не по важным делам, то хотя бы в поисках какой-нибудь работы. Может, найдется кто-нибудь, кому нужны твои знания и опыт?

Его так называемая мастерская — по сути дела, жалкая каморка-модуль — вмещала верстак, инструменты, груду пустых металлических футляров, небольшой стол и старинное кресло — обитое кожей кресло-качалка, принадлежавшее когда-то деду, а затем отцу. Теперь в нем угнездился Джо — просиживал изо дня в день, из месяца в месяц. Еще здесь была одна-единственная керамическая ваза, приземистая и широкая, украшенная бледно-голубой лазурью по белому фарфору. Джо нашел ее много лет назад, определил, что это японская работа семнадцатого века. Он обожал эту вазу и сумел пронести ее в сохранности сквозь все невзгоды, даже сквозь войну.

Сейчас Джо забрался в кресло, чувствуя, как оно чуть подается тут и там, словно приспосабливаясь к знакомой фигуре. Кресло так же привыкло к хозяину, как он к креслу. Казалось, будто оно знает все секреты его личной жизни. Джо потянулся к кнопке почтового ящика — патрубок от ящика спускался прямо к столу, — потянулся и застыл в нерешительности. А если там ничего нет? Обычно там пусто. Но в этот раз могло быть иначе. Это как артобстрел: если его долго нет, значит, можно ожидать в любой момент. Джо нажал кнопку.

На стол скользнули три квитанции.

А вместе с ними выпал грязно-серый пакетик с сегодняшним госпособием. Государственные бумажные деньги, в виде аляповатых, почти ничего не стоящих инфляционных талонов. Каждый день, получив сизый пакетик со свежеотпечатанными купюрами, Джо стремглав мчался в ближайший обменно-закупочный центр и совершал свой суетливый бизнес — обменивал талоны, пока они хоть что-то еще стоили, на еду, журналы, лекарства, новую рубашку. Так вынуждены были делать все: хранить госденьги хотя бы в течение суток означало катастрофу, фактически самоубийство. Примерно каждые два дня государственные деньги теряли восемьдесят процентов своей покупательной способности.

Мужчина из соседней каморки крикнул через стену: «Многая лета Обер-Прокурору». Рутинное приветствие.

— Ага, — машинально отозвался Джо.

Каморки-модули, один над другим, уровень над уровнем. Он вдруг задумался: а сколько всего в здании таких каморок? Тысяча? Две, две с половиной? «Сегодня я попробую посчитать, — решил Джо. — Я посчитаю и узнаю, сколько здесь еще модулей, кроме моего. И вычислю, сколько людей живет в доме — кроме умерших или увезенных в лечебницу».

Но вначале надо бы покурить. Он достал пачку табачных сигарет, строго запрещенных по причине ущерба для здоровья граждан, и собрался зажечь спичку.

В этот момент его взор, как всегда, сосредоточился на дымоуловителе, висящем на стене напротив. «Одна затяжка — десять кредиток», — напомнил он себе. И засунув пачку обратно в карман, яростно потер лоб, пытаясь осознать странный позыв, рвущийся откуда-то из глубины, острое желание, заставившее Джо несколько раз нарушить закон. «Чего же мне на самом деле так не хватает?» — вопрошал он себя, чувствуя зияющую пустоту первобытного голода. На мгновение перед Джо возник образ чудовища с гигантскими челюстями, словно готовыми пожрать живьем все вокруг. «Мне нужно нечто такое, что сумеет заполнить дурной вакуум внешнего мира».

Наверное, поэтому Джо и занимался Игрой.

Нажав красную кнопку, он поднял трубку и подождал, пока медлительная, скрипучая техника выведет его номер на внешнюю линию. «Пи-и-ип», — раздалось из телефона. На экране мелькали неопределенные цветовые пятна и фигуры — расплывчатая картинка электронной связи.

Джо набирал номер по памяти. Двенадцать цифр. Первые три соединяли его с Москвой.

— Вам звонят из ставки вице-комиссара Сэкстона Гордона, — сказал он русскому офицеру-телефонисту, лицо которого высветилось на миниатюрном экране.

— Еще поиграть хотите? — спросил телефонист.

Джо ответил:

— Человекообразное двуногое не может поддерживать обмен веществ только посредством поглощения планктонной муки...

Изобразив некое подобие кривой усмешки, офицер соединил Фернрайта с Жавкиным. Постная, усталая физиономия мелкого российского чиновника уставилась на Джо. Скука на лице мгновенно сменилась интересом.

— О, преславный витязь, — затянул Жавкин по-русски, — достойный коновод толпы безмозглой, преступная...

— Кончай свои речи, — перебил Джо, чувствуя, как подкатывает волна раздражения. И в то же время пробивает нетерпеливая дрожь. Это было его обычное утреннее состояние.

— Про-сти-те, — извинился Жавкин.

— У вас есть загадка для меня? — спросил Джо, держа наготове ручку.

— Компьютер-переводчик в Токио заблокирован все утро, — ответил Жавкин. — Так что я пропустил текст через маленькую

машину — в Кобе. В некотором смысле Кобе — как бы это сказать? — интереснее, чем Токио. — Он замолчал, сверяя слова по листку бумаги. Его модуль тоже напоминал кубик, куда влезали только стол, телефон и пластиковый стул. — Вы готовы?

— Готов. — Джо царапнул ручкой по бумаге, расписывая перо.

Жавкин прочистил горло и стал читать с листа. На лице застыла напряженная улыбочка; взгляд — с хитрецой, словно в этот раз он полностью уверен в победе.

— Это слово происходит из вашего языка, — объявил Жавкин, отдавая должное одному из правил, которые они разработали вместе — кучка людей, разбросанных по всему миру. В крошечных модулях, на ничтожных должностях. Их стремления убоги, горести или радости — мелки, жизни — никчемны. У них нет ничего, кроме вопиющей безликости коллективного бытия. Каждый по-своему ее не приемлет, все вместе они дружно пытаются обмануть ее посредством Игры.

— Заглавие книги, — продолжал Жавкин. — Это единственный ключ, который я вам даю.

— Она общеизвестна? — спросил Джо.

Игнорируя вопрос, Жавкин прочел с клочка бумаги:

— «Перегороженное ружьем — жалящее насекомое».

— Ружьем... жарящее? — переспросил Джо.

— Нет. Жалящее.

— Перегородка... — размышлял вслух Джо. — Сетка. Жалящее насекомое... Оса? — Он растерянно почесал лоб пером. — И вы это добыли из компьютера в Кобе? Пчела, — решил он. — Bee... Если ружье — то Gun-Bee... Пистолет... Обрез... Револьвер... ага, gat. — Он быстро записал слово. Револьвер-оса, gat-wasp... нет, gat-bee. Гэтсби. Перегородка... Решетка — grate. Грейт... то есть великий. — Он догадался: — «Великий Гэтсби», роман Скотта Фицджеральда. — Он подбросил ручку, торжествуя.

— Ваши десять баллов, — ухмыльнулся Жавкин. Он сделал подсчет. — Теперь вы наравне с Хиршмайером из Берлина и слегка опережаете Смита из Нью-Йорка. Хотите еще разок?

— У меня тоже есть, — заторопился Джо. Он достал из кармана сложенный листок. Разложив его на столе, прочел: «Мужской отпрыск в дополнение движется кверху». Он встретился взглядом с русским и ощутил ни с чем не сравнимое тепло от только что одержанной победы. Сейчас он сделает этого русского: свежий вариант он добыл из большого компьютера-переводчика в Токио.

— Это фононим, — без труда определил Жавкин. — Слово «сын» по-английски звучит так же, как слово «солнце». «И восходит солнце». Десять баллов мне. — Он сделал пометку.

Джо, нахмурившись, прочел вторую шараду: «Те, с кого гомосексуал мужчина берет пошлину за транзит».

— Пошлина... Toll... For whom the bell tolls — «По ком звонит колокол»... Опять Суровая Удушающая Тропа.

— Суровая Удушающая Тропа? — удивился Джо.

— Earnest Hemming Way.

— Сдаюсь, — вздохнул Джо. Он вымотался. Русский, как обычно, далеко опережал его в игре с обратным переводом по звучанию.

— Давай еще разок? — спросил вкрадчиво Жавкин, делая вежливую мину.

— Ну ладно, еще раз, — решился Джо.

— «Быстро разбитый вдребезги у ссорящейся задней части».

— Бог мой, — пролепетал Джо, глубоко и обреченно сознавая, что сбит с толку. — Глухо, совершенно глухо. Быстро разбитый... Брек. Фаст. Брекфаст — завтрак. Но «ссорящаяся задняя часть»? — Он быстро, в римской манере, перебирал варианты. Дерущийся. Ругающийся. Плюющийся... Решение не находилось. Задняя часть. Тыл. Задница. Ягодица. Некоторое время он медитировал в тишине, как йог. — Нет, — сказал он наконец, — я не могу это решить. Я сдаюсь.

— Так быстро? — поинтересовался Жавкин, поднимая бровь.

— Ну не сидеть же так до конца дня с одной этой штукой.

— Жопа, — хохотнул Жавкин. — Fanny.

Джо застонал.

— Стонешь? — удивился Жавкин. — Из-за того, что один раз продул? Ты утомился, Фернрайт? А тебе не утешительнее торчать в своей норе, час за часом проводя в безделье, как и мы все? Тебе проще затихариться и не общаться с нами?.. Может, попробуешь еще раз? — Жавкин, похоже, всерьез разволновался, лицо его потемнело.

— Не беспокойся. Наверное, вариант получился слишком легким, — сказал Джо неуверенно. Он увидел, что коллегу из Москвы такое объяснение не убедило. — Ну ладно, — продолжал он. — У меня, кажется, депрессия. Нет сил больше это терпеть. Ты понимаешь, о чем я говорю? Наверняка понимаешь... — Он умолк. Минуту они молчали. Минута обрела размеры вечности. — Я разъединяюсь, — проговорил Джо и потянулся к рычагу.

— Подожди, — засуетился Жавкин. — Еще разок.

— Нет, — отрезал Джо. Он прервал связь и теперь сидел, уставившись в потемневший экран. На листке бумаги оставалось еще несколько шарад, но...

«Все закончилось, — горько размышлял Джо. — Иссяк источник энергии, пропала способность проматывать жизнь вхолостую, без достойного применения своих пусть маленьких, но данных свыше талантов. Какой смысл заниматься дешевым фиглярством? Разыгрывать из себя жалкую посредственность, которая пыжится доказать собственную незаурядность. Примерно этим мы и занимаемся в Игре.

Столь желанное общение с другими, — думал Джо, — это всего лишь бегство от одиночества. Наши редкие контакты разрушали на время глухие стены всепоглощающей тоски, создавая с помощью Игры иллюзию полноценного существования. Но вот мы выглядываем наружу, и что же видим? Зеркальные отражения самих себя, безвольные, жалкие, сочувственные взгляды, ни к кому конкретно не обращенные.

Смерть бродит где-то очень близко, — сокрушался про себя Джо. — Особенно если в голову лезет всякая чернуха. Я это чувствую. Чувствую, как курносая леди подбирается потихоньку. Никто конкретно мне не угрожает, у меня нет ни врагов, ни соперников. Просто я испаряюсь, как подписка на журнал, месяц за месяцем. И, надо признаться, Игра мне тут не поможет. Пусть даже все остальные игроки нуждаются во мне и в моем вшивом участии».

Некоторое время Джо бессмысленно таращился на бумажный квадратик. Потом поймал себя на том, что где-то внутри его естества совершается некое смутное действо, наподобие фотосинтеза. Попытка собрать оставшиеся крохи сил, где-то на уровне животного инстинкта. Предоставленное самому себе, тело вынуждено было защищаться. Ничего не поделаешь, если разум отлетел неизвестно куда!

Джо принялся составлять новую шараду.

Набрав номер, он вышел на спутниковую связь с Японией. Вызвал Токио и передал цифровой шифр токийскому компьютеру-переводчику. С привычной сноровкой он подключился напрямую к огромному, лязгающему, гудящему сооружению, обойдя его многочисленных персональных пользователей и множество защит.

— Устная передача, — сказал он.

Огромный GX-9 переключился с визуального входа на звуковой.

— Пшеница зеленая, — сообщил Джо и включил записывающее устройство телефона.

Компьютер ответил мгновенно, выдав японский эквивалент фразы.

— Спасибо. Отключаюсь. — Джо повесил трубку. Затем дозвонился до компьютера-переводчика в Вашингтоне. Включив запись, в устной форме ввел японские слова в сегмент компьютера, который переводил японское звучание на английский.

— Клише неопытно, — отбарабанил компьютер.

— Простите? — засмеялся Джо. — Повторите, пожалуйста.

— Клише неопытно, — произнес компьютер с неподражаемым благородством и спокойствием.

— Это точный перевод? — поинтересовался Джо.

— Клише неоп...

— О'кей, — пожал плечами Джо. — Разъединяюсь. — Он повесил трубку и широко улыбнулся. Простая забава наконец-расшевелила его, оторвав от мрачных раздумий.

Поколебавшись минуту, он набрал номер старика Смита в Нью-Йорке.

— Контора закупки и снабжения, отдел седьмой, — подал голос Смит. На сером экранчике возникло лицо, напоминавшее морду гончей собаки, терзаемой несварением желудка. — О, это ты, Фернрайт? Что-нибудь есть для меня?

— Очень легкая штука, — начал было Джо. — Клише неоп...

— Погоди, ты лучше послушай мою, — перебил Смит. — Это необычная штучка. Ты ни за что не разгадаешь. Слушай. — Он читал быстро, запинаясь и захлебываясь слюной. — «Болотные постоянства». Автор — «Шкала Гвоздеяблока».

— Нет! — вдруг выпалил Джо.

— Что — нет? — Смит поднял голову, недоуменно прищурившись. — Ты же не попробовал. Я дам тебе время. Как по правилам, пять минут. У тебя пять минут в запасе.

— Я выхожу, — заявил Джо.

— Выходишь? Из Игры? Но ты же достиг такого уровня!

— Хватит с меня экспериментов, — отрезал Джо. — Надоело прикидываться интеллектуалом, крючить из себя черт знает кого. Закрою номер телефона и нырну на дно. Никаких больше игр. — Он сделал глубокий вдох, как перед прыжком в воду. — Я скопил шестьдесят пять четвертинок. Довоенных. Это заняло два года.

— Монет? — ахнул Смит. — Металлических монет?

— Целый асбестовый мешок под радиатором у меня дома, — сказал Джо. — Это равно... — Ему пришлось посчитать в блокноте. — Десять миллионов долларов в товарных талонах. По сегодняшнему курсу в газете. — Джо глянул на Смита. — На моей улице, у перекрестка, есть будка...

Про себя Джо подумал: «Сегодня я попытаю счастья. Интересно, если в итоге у меня окажется достаточно монет? Говорят, мистер Найм дает очень мало... или, другими словами, просит очень много. Но шестьдесят пять четвертинок — это предостаточно».

После гнетущей паузы Смит медленно проговорил:

— Я понял. Что ж, желаю удачи. Может, получишь слов двадцать на всю сумму. Парочку пустых фраз. «Поезжайте, мол, в Бостон. Спросите...» — скажет мистер Найм и закроет лавочку. Приемная коробка зазвенит; твои монеты провалятся туда, в лабиринт труб, перекатываясь под давлением к центральному мистеру Найму в Осло. — Он почесал у себя под носом, словно вытирая сопли, как школьник, уставший от зубрежки. — Завидую тебе, Фернрайт. Вдруг пары фраз будет достаточно? Я однажды консультировался. Кинул пятьдесят четвертушек. «Поезжайте в Бостон, — сказал мистер Найм. — Спросите...» — и отрубился. И как мне показалось, с удовольствием. Будто ему нравится отключаться, будто мои четвертушки вызывают у него приятную щекотку. Наверное, даже у механического организма есть свои маленькие удовольствия. Но ты давай, попробуй.

— О'кей. — Джо заставил голос звучать твердо.

— Когда он переварит твои четвертинки... — продолжал Смит.

— Я тебя уже понял, — резко оборвал его Джо.

— Никакие молитвы... — твердил Смит.

— О'кей, — повторил Джо.

Минуты две они молчали, глядя друг на друга.

— Никакие молитвы, — закончил Смит, — ничто на свете не заставит эту Богом проклятую машину выплюнуть хоть одно лишнее слово.

— Гм-м. — Джо старался не показывать виду, но слова Смита оказали свое действие. Он почувствовал вдруг неестественный холод. Ощутил дуновение — воющий вихрь — ужаса. «Примерно так, наверное, переживает приговоренный к смерти, — подумал он. — Урезанное, чахоточное сообщение от мистера Найма, а потом, как выражается Смит, — облом. Выключающийся мистер Найм — это облом из черного железа, старого железа допотопных времен. Окончательный отказ. Если и существует адская бездна, то вот что это такое — монетки, опущенные в мистера Найма, проваливаются в никуда».

— Можно я — очень быстро — загадаю тебе одну штуку? — попросил Смит. — Она пришла с компьютера в Намангане. Послушай. — Он лихорадочно схватил длинными, дрожащими

пальцами сложенный лист бумаги. — «Шахматная фигура, доведенная до банкротства». Знаменитый кинофильм, примерно...

— «Ростовщик», — проговорил Джо безжизненным тоном.

— Да! Вы правы, Фернрайт, вы действительно правы, и можете размахивать руками, а также вилять хвостом. Еще одну? Не вешайте трубку! У меня есть действительно хорошая шарада, погодите!

— Задайте ее Хиршмайеру из Берлина, — сказал Джо и отключился.

Он опустился в свое оборванное, древнее кресло и только сейчас разглядел, что на почтовом ящике включилась красная сигнальная лампочка — очевидно, пару минут назад. «Странно, — подумал Джо. — Сегодня после четверти второго нет рассылки. Специальная доставка?» Он нажал кнопку.

Выкатилось письмо. Действительно — спецдоставка.

Джо вскрыл конверт. Внутри была полоска бумаги. Она гласила: «МАСТЕР, ТЫ МНЕ НУЖЕН. Я ЗАПЛАЧУ».

Без подписи. Без обратного адреса.

«Боже, это что-то реальное и весомое. Это верняк».

Джо осторожно развернул кресло к письменному столу, чтоб хорошо был виден патрубок от ящика. И приготовился ждать.

«Буду ждать новых известий, — решил Джо. — Пусть даже заморю себя голодом. Правда, по собственной воле подыхать не хочется... Надо жить. И ждать».

Он стал ждать.

Глава 2

Но в этот день ящик больше не преподнес сюрпризов. И Джо Фернрайт побрел домой.

«Дом» — это, конечно, громко сказано. Всего лишь комнатушка-модуль почти на уровне улицы, в уродливом небоскребе-муравейнике. Когда-то компания «Радость труженика» из Большого Кливленда, наведывающаяся сюда каждые полгода, соорудила трехмерную копию калифорнийского пейзажа. С тех пор вид на долину Кармел заполняло эрзац-окно. В последнее время, поскольку дела у Джо шли плохо, он уже не пытался вообразить, будто живет на огромном холме с видом на море и на величественные леса. Он удовлетворился — или скорее смирился — с тем, что созерцает бледную, вялую, голубоватую траву. И к тому же, если этого было недостаточно, он мог запустить «мозгодуй» — психоактивный аппарат, вмон-

тированный в шкаф. Когда Джо бывал дома, аппарат заставлял верить, что эрзац-пейзаж настоящий.

Наваждение покинуло разум, а иллюзия больше не заглядывала в окно. Вернувшись «домой» с работы, Джо окунулся в омут безграничной тоски, раздумывая, как обычно, о тщете собственной жизни.

В свое время Кливлендский институт шедевров прошлого регулярно поставлял работу. Калильная игла сплавляла между собой множество фрагментов, воссоздавала одно керамическое изделие за другим, как когда-то учил отец. Но эта работа осталась позади; все керамические экспонаты музея давно уже приведены в порядок.

Оглядывая серый кубик модуля, Джо с горечью отмечал, насколько беден и скуп интерьер жилища. Когда-то его посещали богатые заказчики с дорогими, изысканными вазами. Он все это исправно реставрировал. Но ничего не оставил себе — ни единого горшочка, который мог бы скрасить вид каморки, заменив лживую глупость эрзац-окна. Однажды, сидя вот так, Джо подумал о калильной игле.

«Если я приставлю этот маленький инструмент к груди, — размышлял он, — и направлю прямо в сердце, то меньше чем за секунду со мной будет все кончено. В некотором смысле мощное орудие. Недоразумение, которым является моя жизнь, было бы исчерпано. Почему нет?»

Но странная записка, полученная по почте... Как этот человек — или эти люди — узнал о нем? В поисках клиентов Джо постоянно давал маленькое объявление в «Керамик мантли» — и через это объявление сочилась тоненькая струйка заказов. Годами сочилась — и вот иссякла. Но это... Какая странная записка!

Он поднял трубку телефона, набрал номер и через несколько секунд увидел лицо своей бывшей жены Кейт. Самоуверенная, энергичная блондинка.

— Привет, — сказал Джо как можно дружелюбнее.

— Где последний чек на алименты? — резко спросила Кейт.

— У меня тут наметилась работа, — заерзал Джо. — Наверное, сумею отдать все долги, если это дело...

— Какое еще дело? — со злостью перебила Кейт. — Очередная идиотская выдумка? Маразм, всплывший из недр твоих, с позволения сказать, мозгов?

— Записка... — выдавил Джо. — Я хочу ее тебе прочесть: может, ты поймешь больше, чем я. — Бывшая жена (хоть Джо и ненавидел ее за это — как и за многое другое) была сообра-

зительна. Даже теперь, спустя год после развода, он все еще полагался на силу ее интеллекта. «Странное дело, — думалось ему порой, — разве можно ненавидеть человека и не желать встречи с ним, но в то же время искать его и спрашивать совета. Это же иррационально... Или, наоборот, сверхрационально — быть выше ненависти?..»

В конце концов, Кейт не сделала ему ничего дурного — лишь давала понять, регулярно и настойчиво, что Джо не способен приносить в дом деньги. Она научила его ненавидеть себя, а сделав это, бросила.

А он по-прежнему звонит ей и спрашивает у нее совета...

Джо прочел вслух записку.

— Скорее всего, это нелегальщина, — не раздумывая, заметила Кейт. — Ты знаешь, мне наплевать на твои заморочки с работой. Разбирайся сам. Или попроси помочь ту кошку, с которой теперь лижешься. Наверное, какая-нибудь восемнадцатилетняя пигалица, которая ни черта не знает и не умеет. Ведь у нее нет опыта зрелой женщины.

— Что ты имеешь в виду под словом «нелегальщина»? — спросил Джо. — Как могут быть вазы нелегальны?

— Порнографические вазы. Те, что делали китайцы во время войны.

— О Боже, — изумился Джо. Ему такая мысль и в голову не пришла бы. Кто б мог о подобном подумать, кроме Кейт? Она, помнится, похотливо пялилась на такие вазы, побывавшие в его мастерской.

— Вызови жандармов, — посоветовала Кейт.

— Я...

— Еще что-нибудь придумал? — съязвила Кейт. — Ты помешал мне обедать, и не только мне, а всем, кто ко мне пришел в гости.

— А можно, и я зайду? — попросил Джо. И тут же почувствовал, как сердце ушло в пятки. Долгое одиночество всегда рождает страх быть посланным куда подальше. И бывшая женушка умело манипулировала этим. Джо каждый раз охватывал ужас, что Кейт возьмет и спрячется в свой неприступный шахматный замок, замок ее души и тела, который она отваживалась покидать лишь для того, чтобы нанести одну-две раны. А затем вновь исчезнуть, оставив только безжизненную маску любезности. И маска эта, холодный слепок презрительного равнодушия, ранил еще больнее, чем поток беспочвенных оскорблений.

— Нет, — отрезала Кейт.

— Почему?

— Ты же не в состоянии ничего предложить — ни словом, ни делом. Ты сам много раз говорил: твой талант в твоих руках. Он состоит в том, чтобы притащиться ко мне, разбить одну из моих чашек, чашек короля Альберта с синей глазурью, а потом торжественно ее починить? Джо, ты похож на магическое заклинание, составленное так, чтобы вызывать у всех приступы смеха...

— Я могу просто посидеть, поговорить о чем-нибудь, — предложил Джо.

— Приведи-ка пример.

— Чего? — переспросил он, глупо уставившись на ее лицо в экране телефона.

— Ну, скажи что-нибудь дельное.

— Прямо сейчас, что ли?

Кейт кивнула.

— Музыка Бетховена прочно укоренена в реальности. Вот что делает ее уникальной. С другой стороны, такой несомненный гений, как Моцарт...

— Заткнись! — рявкнула Кейт и повесила трубку. Экран затянуло серым.

«Не стоило напрашиваться в гости, — тоскливо подытожил Джо. — Я приоткрылся и дал ей возможность плюнуть мне в душу. Она всегда на этом играет. Господи, зачем я ей позвонил? — Он встал и уныло стал мерять шагами комнату. Движение становилось все более бесцельным, и в итоге Джо наконец остановился. — Черт возьми, надо выбросить всю пакость из головы! Думать не о том, что бывшая жена наговорила гадостей, а о том, означает ли что-нибудь сегодняшнее послание. Порнографические вазы... Кейт, возможно, права. А чинить порнуху запрещено, вот в чем дело.

Я вообще-то мог бы и сам догадаться, прочитав записку, — пнул себя мысленно Джо. — Но в этом-то разница между мною и Кейт. Она поняла бы сразу. Я бы, наверное, догадался, только починив горшок и разглядев его потом как следует. Я просто дефективный. По сравнению с Кейт. По сравнению со всеми нормальными людьми.

Арифметическая сумма, выброшенная в дырявый поток. — Джо криво усмехнулся. — Предел моих возможностей: придумывать идиотские шарады для Игры. Ну и что?

Мистер Найм, — заголосил он про себя, — спасите меня! Время пришло!»

Джо протиснулся в крошечную ванную, примыкающую к модулю, и рывком приподнял крышку сливного бачка. Никто

не станет без надобности заглядывать в унитаз, полагал Джо. Там висел асбестовый мешок с четвертинками. Но, кроме мешка, Джо увидел на поверхности воды маленький пластмассовый пенал. Интересно, откуда он тут взялся?

Выловив его из воды, Джо, не веря своим глазам, обнаружил, что в пенал вложен свернутый листок бумаги. Записка, плавающая в сливном бачке, словно бутылка, брошенная в море. Этого быть не может. Джо стало смешно. Боже, но этого же просто не может быть! Однако смех угас в зародыше: подкатила волна страха. Даже не страха, а панического ужаса. Еще одно послание! Вроде того, что пришло по почте. Но никто так не посылает сообщения... на Земле.

Джо, собравшись с силами, прочел текст. Потом перечитал снова.

«Я ЗАПЛАЧУ ТЕБЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ТЫСЯЧ КРАМБЛОВ».

«Именем Господа, что еще за крамблы?» Страх перешел в смятение. Джо почувствовал, как плотный комок жара поднялся по спине к затылку: тело, как и разум, пыталось смириться с происшедшим. С тем, чему случаться никак нельзя.

Вернувшись в комнату, Джо снял трубку и набрал номер круглосуточной лингво-службы.

— Что такое крамбл? — задал он вопрос роботу-автоответчику.

— Частица раскрошенного вещества, — сообщил робот. — Другими словами, мелкий осколок. Маленькая долька или частичка. В английском языке слово существует с 1577 года.

— А в других языках? — спросил Джо.

— На среднеанглийском — «кремелен». На староанглийском — «гекримиан». На средне-верхнеготском...

— А как насчет неземных языков?

— На урдийском наречии Бетельгейзе-Семь это означает маленькое отверстие временного характера; клин, который...

— Не то, — оборвал Джо.

— На Ригеле-Два это мелкое живое существо, которое бегает...

— Опять не то, — перебил Джо.

— На плабкианском наречии Сириуса-Пять «крамбл» — это денежная единица.

— Вот оно, — выдохнул Джо. — Теперь подскажите, сколько составляют тридцать пять тысяч крамблов в земных деньгах.

— Извините, но вам придется по этому вопросу проконсультироваться с банковской службой, — сказал робот-переводчик. — Найдите номер в вашей телефонной книге. — Он отключился, экран погас.

Джо нашел номер и дозвонился до банковской справочной.
— Мы не работаем ночью, — ответил робот.
— По всему миру? — изумился Джо.
— Сейчас перерыв.
— Сколько же мне ждать?
— Четыре часа.
— Моя жизнь, вся моя судьба... — Но он говорил уже в умолкшую, будто умершую трубку. Банковский робот прервал контакт.

«Возьму-ка я да завалюсь спать. И время пробежит незаметно», — решил Джо. Было семь. Он мог поставить будильник на одиннадцать.

Нажатием нужной кнопки кровать выдвигалась из стены, при этом она фактически заполняла весь модуль — гостиная становилась спальней. «Четыре часа», — повторял Джо, налаживая механизм прикроватных часов. Он лег, устроился поудобнее — насколько позволяла несуразная постель, — и потянулся к регулятору сновидений.

Раздался гудок.

«Чертов сонный контур! Даже в такую рань я обязан его включать!» Он вскочил, открыл ящичек у кровати и достал инструкцию. Да, принудительное сновидение требовалось при каждом использовании кровати... если, конечно, не нажимать сексуальный тумблер. «Попробую-ка, — подумал Джо. — Скажу ему, что занимаюсь изучением библейского чувства женщины».

Он снова пощелкал регулятором сна.

— Вы весите сто сорок фунтов, — откликнулась кровать. — Это как раз тот вес, который на мне размещен. Значит, вы не занимаетесь совокуплением. — Регулятор автоматически отключился, и в тот же момент кровать стала нагреваться.

Джо не мог поспорить с рассерженной кроватью. Поэтому он включил сонную связь и покорно закрыл глаза.

Он заснул мгновенно, как обычно: механизм работал безотказно. И сразу же включился сон, который видели все спящие по всему миру.

Один сон на всех. Слава Богу, каждую ночь разный.

— Хэлло, — жизнерадостно приветствовал голос из грезы. — Сегодняшний сон написан Рэгом Бейкером и называется «Великая память народная». Внимание, граждане! Вы можете предложить собственные сценарии снов и выиграть большие денеж-

ные призы! А если ваш сценарий будет использован, вы получите право на бесплатную поездку вокруг всей Земли — в любом направлении, в каком пожелаете!

Сон начался.

Джо Фернрайт в благоговейном трепете стоял перед Комиссией Гражданского Благополучия. Секретарь КГБ зачитывал заранее приготовленный текст.

— Мистер Фернрайт, — заявил он торжественно, — вы в вашей граверной мастерской создали эталоны, с которых будут печататься новые деньги. Ваш проект победил в соревновании, где участвовали сотни тысяч мастеров. Многие проекты были выполнены с фантастической изобретательностью. Мы поздравляем вас, мистер Фернрайт. — Секретарь по-отечески лучисто улыбался. В его внешности было что-то от пастора, он это с успехом использовал.

— Я польщен этой наградой, — ответил Джо, — и понимаю, что приложил свои усилия для укрепления финансовой стабильности в мире. Для меня было не столь важно, что мое лицо изобразят на новых купюрах. Но раз это случилось, позвольте мне выразить удовольствие по поводу оказанной мне чести.

— Ваша подпись, мистер Фернрайт, — напомнил ему секретарь отечески мудрым тоном. — На банкнотах появится ваша подпись, а не портрет. Кто вам сказал, что там будет еще и ваше изображение?

— Возможно, вы меня не поняли, — сказал Джо. — Если мое лицо не появится на новых денежных знаках, я откажусь от своего проекта. Вся экономическая структура Земли разрушится, поскольку вам придется использовать прежние инфляционные талоны, по сути дела уже макулатуру. От нее люди избавляются при первой же возможности.

Секретарь задумался.

— Вы отклоните ваш проект?

— Вы четко и ясно слышите меня, — проговорил Джо. В этот момент миллиарды жителей Земли, как и он, отклоняли свои проекты. Но Джо, разумеется, не думал об этом. Он знал только, что без него вся система, весь государственный организм развалится на части.

— Что же касается моей подписи, — продолжал Джо, — то я подпишусь как великий герой прошлого Че Гевара. Этот благородный гражданин, прекрасный человек погиб ради своих друзей. В память о нем я оставлю на купюре только имя «Джо». Но мое лицо должно быть напечатано в несколько красок. Как минимум в три.

— Мистер Фернрайт, — нахмурился секретарь, — вы ведете жесткий торг. Вы твердый человек. Вы действительно напоминаете мне Че, и я думаю, что с этим согласятся миллионы зрителей. Давайте поприветствуем одновременно Джо Фернрайта и Че Гевару! — Секретарь отложил текст и захлопал в ладоши. — Пусть же прозвучит от имени всех добрых людей: вот герой государства, новый решительный мужчина, который долгие годы работал над...

Мерзкий звук зуммера вклинился в сон и порвал паутину иллюзии.

«Боже мой, — содрогнулся Джо и со стоном сел на кровати. — О чем это было? О деньгах?..» Все помутилось у него в голове.

«Я создал деньги. — Джо недоуменно моргал, все еще пребывая на грани реальности и сна. — Или печатал их. Впрочем, кому какое дело? Это сон. Своего рода государственная компенсация за гнусное дневное бытие. Это хуже, чем вовсе не спать. Нет, — решил Джо. — Нет ничего хуже бодрствования».

Он снял трубку и набрал номер банка.

— Плановый Пшенично-Овсяный Народный банк слушает.

— Сколько стоят тридцать пять тысяч крамблов в наших талонах? — спросил Джо.

— Крамблов — на плабкианском наречии Сириуса-Пять?

— Да.

Банковский робот на мгновение задумался и затем выдал ответ:

— Два дека-квадриллиона.

— В самом деле? — Глаза у Джо вылезли из орбит.

— Зачем мне обманывать? — Голос робота воспроизвел раздражение. — Я даже не знаю, кто вы такой.

— А есть ли какие-нибудь другие крамблы? — спросил Джо. — То есть это слово в значении денежной единицы в любом другом анклаве, народности, племени, культуре или обществе в изученной Вселенной?

— Известен еще вышедший из употребления крамбл, существовавший несколько тысяч лет назад в...

— Нет, — фыркнул Джо. — Это действующий крамбл. Спасибо, отключаюсь. — Он повесил трубку. В ушах звенело. Казалось, что он бродит по огромной пещере, где во всю мощь бьют чудовищные колокола. «Наверное, нечто подобное в древности называли мистическим опытом», — подумал он.

Неожиданно с треском распахнулась дверь, и в комнату ввалились два дюжих бойца из Службы Спокойствия. Отчужденно-бесстрастные лица, а глаза — так и бегают. Как рыболовные крючки, цепляются за каждую мелочь, отыскивая малейший намек на криминал.

— Хайм и Перкинс, офицеры СС, — представился один из них, на мгновение показав Джо удостоверение. — Вы мастер-керамист Фернрайт? Вы получаете пособие ветерана, не так ли? Так, — ответил он сам себе. — Каков же ваш ежедневный доход, учитывая пособие и плату за упомянутую работу?

Другой офицер открыл дверь ванной.

— Тут кое-что интересное. Крышка бачка снята. И здесь висит мешок с металлическими монетами. Думаю, не меньше восьмидесяти четвертин. А вы бережливый человек, Фернрайт. — Офицер вернулся в комнату. — Сколько же времени вам потребовалось...

— Два года, — пролепетал Джо. — Но я не нарушил ни один закон. Начав копить монеты, я проконсультировался с мистером Адвокатом.

— А как насчет тридцати пяти тысяч плабкианских крамблов?

Джо остолбенел.

Он, как и все, относился к СС и ее бойцам с суеверным ужасом. Они носили строгие мундиры из добротной серо-коричневой ткани. Каждый имел при себе чемоданчик. Все они были похожи на респектабельных джентльменов — работников на ключевых постах, людей волевых и способных принимать решения. Это отнюдь не бюрократы, которые получают указания и чисто механически, как роботы, их выполняют... и все же в них сквозило нечто нечеловеческое, противоестественное. Джо не мог объяснить, что именно. Впрочем, теперь, прижатый к стенке, он кое-что понял. Человека из СС невозможно было представить себе ухаживающим за дамой или играющим с детьми. Мелочь, казалось бы, но она приоткрывала жестокую сущность СС. «Никогда не придержит дверь, — думал Джо, — никогда не снимет перед тобой шляпу в лифте. Обычные правила приличия или милосердия для них не писаны, да они и не следовали этим правилам никогда. Но как же они, черт возьми, чисто выбриты, как подчеркнуто аккуратны.

Странно, — лихорадочно размышлял Джо, — у меня сегодня день каких-то сплошных откровений. Будто я начинаю понимать глубинную суть вещей. Вон ребята из СС, например. В моих шизоидных фантазиях два бойца переросли в некий надмирный символ. Если так дальше дело пойдет, я окончательно спячу...»

— Я получил записку, — честно признался Джо. — Сейчас покажу. — Он достал листок бумаги, который нашел в сливном бачке.

— Кто это писал? — спросил один из офицеров.

— Бог знает, — развел руками Джо.

— Это шутка?

— Не понял... Записка — шутка, или то, что я сказал вам «Бог знает»?.. — Он осекся, поскольку один из бойцов достал портативный психодетектор, который зафиксирует и запишет для жандармской картотеки даже самые незначительные мыслишки Фернрайта. — Увидите, — заверил Джо. — Это правда.

Антенна детектора, как фаллос, торчала у Джо над головой. Все молчали. Затем офицер СС сунул детектор в карман и вложил в ухо маленький датчик. Внимательно вслушиваясь, он проигрывал снова мысли Джо.

— Все верно, — подтвердил эсэсовец и остановил ленту, что находилась, естественно, в его кожаном чемоданчике. — Он не знает ничего об этой записке — кто положил ее туда и зачем. Вы в курсе, конечно, что мы отслеживаем все телефонные переговоры. Этот разговор нас заинтересовал, поскольку речь шла о такой большой сумме.

— Сообщайте нам раз в день о всех изменениях в этой истории, — сказал другой офицер. Он протянул Джо карточку. — Вот номер, по которому вам следует звонить. Не спрашивайте кого-либо конкретно; кто бы ни ответил, расскажите, как развиваются события.

Первый эсэсовец добавил:

— Нет такой законной причины, которая бы объясняла выплату вам тридцати пяти тысяч крамблов. Так мы считаем.

— Может, там, на Сириусе-Пять, до черта битых горшков? — попытался сострить Джо.

— Шутить изволите? — резко бросил первый офицер. Он кивнул напарнику и вышел. Дверь захлопнулась.

— А может, одна гигантская ваза, — продолжил мысль Джо. — Размером с планету. Полсотни слоев глазури и... — Он замолчал. В любом случае эсэсовцы не могли его услышать.

«Ваза украшена оригинальным орнаментом величайшего в плабкианской истории мастера, — сочинял он уже про себя. — Единственное произведение гения. Землетрясение сильно ее повредило, а она является на Сириусе-Пять объектом поклонения... И вся плабкианская цивилизация рухнула. Плабкианская цивилизация. Гм... А насколько вообще высоко развитие жителей Сириуса? Не мешало бы выяснить».

Он набрал номер робота-энциклопедии.

— Добрый вечер, — произнес механический голос. — Какую информацию вы хотите получить, сэр или мадам?

— Дайте мне краткое описание развития общества на Сириусе-Пять, — сказал Джо.

Не прошло и десяти секунд, как робот ответил:

— Это древнее общество, которое помнит лучшие времена. Сегодня доминирующим видом на планете является так называемый Глиммунг. Это мрачное, гигантское существо чуждо планете, оно оказалось там несколько столетий назад, одержав верх над такими слабыми видами, как вабы, верджи, клаки и тробы. После того, как исчез прежде доминировавший вид — так называемые Туманные Существа.

— Глиммунг... Глиммунг — он всемогущ? — спросил Джо.

— Его могущество, — сообщил робот, — резко ограничивается условиями, записанными в книге — возможно, не существующей, — где якобы зафиксировано все, что было, есть и будет.

— Откуда взялась эта книга?

— Вы уже получили положенное количество информации, — сказал робот.

И отключился.

Джо подождал ровно три минуты и снова набрал номер.

— Добрый вечер. Какую информацию вы хотите получить?

— Книга о Сириусе-Пять. В ней якобы записано все, что было...

— А, это опять вы. Ваш трюк больше не сработает: теперь мы записываем образцы голосов. — Робот снова отключился.

«Точно, — подумал Джо. — Я же читал об этом в газете. Государству слишком дорого обходится телефонное пиратство. Вот дерьмо...» Теперь еще двадцать четыре часа он не сможет получить новой информации. Конечно, можно запросто обратиться в частную контору, к мистеру Энциклопедии. Но это наверняка стоит не меньше, чем его асбестовый мешок: государство, лицензируя частные предприятия типа мистера Адвоката, мистера Энциклопедии или мистера Найма, это предусмотрело.

«Кажется, я опять пролетел, — мрачно думал Джо Фернрайт. — Как обычно. Наше общество управляется самым совершенным образом. Каждый в конечном счете пролетает».

Глава 3

На следующее утро Джо обнаружил у себя в мастерской очередное послание, поступившее спецдоставкой.

«ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ НА ПЛАНЕТУ ПЛАУМЭНА, МИСТЕР ФЕРНРАЙТ, ТАМ ВЫ НЕОБХОДИМЫ. ВАША ЖИЗНЬ ПРИОБРЕТЕТ ОСОБЫЙ СМЫСЛ. ВЫ НАЧНЕТЕ ВЕЛИКОЕ ДЕЛО, КОТОРОЕ ПЕРЕЖИВЕТ И МЕНЯ, И ВАС».

Планета Плаумэна... Название что-то напоминало, но смутно. Джо рассеянно набрал номер робота-энциклопедии.

— Скажите, планета Плаумэна.... — начал он, но механический голос перебил его:

— Осталось еще двадцать часов. До свидания.

— Даже один вопрос? — разозлился он. — Я только хотел узнать, Сириус-Пять и планета Плаумэна — это... — Щелк. Механизм отключился. «Сволочи. — Джо в бессилии сжал кулаки. — Все эти сервис-роботы и компьютеры — сволочи! Кого же мне спросить? Кто бы мог ответить сразу: планета Плаумэна — это и есть Сириус-Пять? Кейт! Точно! Она должна знать».

Однако, уже набирая номер ее модуля, Джо решил, что не стоит говорить Кейт о записке. Вдруг придется действительно сваливать, а она сможет его вычислить по долговым платежам за алименты.

Джо вновь взял в руки неподписанное послание, рассмотрел его. И постепенно, как бы по каплям, в разум проникала догадка, переходящая в убежденность. На записке были еще какие-то слова, начертанные невидимыми чернилами. Руническое письмо?.. Джо испытывал нечто вроде яростного возбуждения, будто зверь, учуявший след суки во время течки.

Он набрал номер Смита.

— Если ты получаешь письмо, — как бы между прочим сообщил Джо, — с неразличимой глазом рунической надписью, как бы ты, именно ты, смог сделать ее видимой?

— Я подержал бы ее над источником тепла, — сказал Смит.

— Зачем?

— Затем, что скорее всего она написана молоком. А то, что написано молоком, проявляется над источником тепла.

— Руническое письмо *молоком*? — сердито переспросил Джо.

— Статистика свидетельствует...

— Не представляю себе. Просто не могу себе представить. Руническое письмо молоком... — Он покачал головой. — В конце концов, какая статистика существует на тему рунического письма? Абсурд. — Он достал зажигалку и подержал над пламенем листок. На нем сразу же проступили черные буквы: «МЫ ПОДНИМЕМ ХЕЛЬДСКАЛЛУ».

— Что там, на листке? — торопливо спросил Смит, по-обезьяньи вертясь на месте.

— Слушай, — сказал Джо, — ты не пользовался энциклопедией в последние сутки?

— Нет.

— Соединись с ней, — попросил Джо. — Спроси, не является ли планета Плаумэна другим названием Сириуса-Пять. И еще спроси, из чего состоит Хельдскалла.

«Наверное, я мог бы об этом справиться в словаре, — досадовал про себя Джо. — Что за чушь! Разве так ведутся дела?» Джо вдруг опять охватил страх, к горлу подкатила тошнота. Вся эта возня вокруг немыслимых посланий могла закончиться мрачной разборкой. Это уже не смешно, скорее наоборот.

«Мне придется настучать обо всем жандармам, — думал он, — значит, я снова буду у них под колпаком, и теперь там наверняка лежит досье на меня — черт с ним, оно было там с моего рождения, но сейчас в нем наверняка появились новые пункты. Что всегда считалось дурным знаком. Каждому гражданину это известно».

«Хельдскалла, — размышлял Джо. — Странное и почему-то впечатляющее слово». Оно привлекало его; казалось, оно было совершенно противоположно таким вещам, как кубические ночлежки, телефоны с «ушами», хождение в шеренгах несметных толп, угасание жизни на ветеранском пособии, жалкие потуги в Игре.

«Я должен быть там», — решил Джо. И похолодел от безрассудной смелости собственных мыслей.

— Перезвоните мне, Смит, — проговорил он в трубку, — как только сверитесь с энциклопедией. Счастливо. — Он разъединился, подождал, затем набрал номер словаря. — Хельдскалла, — продиктовал он. — Что это означает?

Словарь — или, точнее, его искусственный голос — сообщил:

— Хельдскалла — древний храм прежних жителей Сириуса-Пять — Туманных Существ. Он опустился на дно моря сотни лет назад и с тех пор не был поднят на сушу. В нем остались предметы искусства, реликвии.

— Вы сейчас подсоединились к энциклопедии? — поинтересовался Джо. — Это какое-то ужасно длинное определение.

— Да, сэр. Я подсоединился к энциклопедии.

— Можете добавить что-нибудь еще?

— Нет, ничего.

— Спасибо, — сказал Джо ставшим неожиданно хриплым голосом. И повесил трубку.

Он, кажется, понял. Глиммунг, или Глиммунги... наверное, один из них пытался восстановить гигантский храм Хельдскаллу, а чтобы это сделать, Глиммунг нуждался в большом количестве мастеров. В том числе и в профессионале-керамисте. Хельдскалла, очевидно, содержала керамику — в достаточной

степени, чтобы Глиммунг был вынужден обратиться к Фернрайту... и предложить кругленькую сумму за работу.

«Может быть, сейчас он уже набрал сотни две мастеров с такого же количества планет, — прикидывал Джо. — Не я один получаю странные письма». В его голове возник образ огромной пушки, стреляющей посланиями спецдоставки, тысячами таких посланий, адресованных разным живым существам по всей Галактике.

«И — о Боже, — ужаснулся Джо, — эсэсовцы это засекут. Они вломились в мой модуль, едва я успел поговорить с банком; они уже знали, что означает странная записка, плавающая в сливном бачке. Конечно, они могли мне сказать. Однако не захотели. Это было бы слишком по-человечески».

Зазвонил телефон. Джо снял трубку.

— Я поговорил с энциклопедией, — возник на экране Смит. — Планета Плаумэна — это Сириус-Пять на жаргоне астронавтов. Но раз я уж связался с энциклопедией, постарался задать и другие вопросы. Думаю, ты будешь доволен.

— Да. — Джо напрягся в нетерпении.

— Там живет одно большое старое существо. Очевидно, немощное.

— Вы хотите сказать — *больное*? — спросил Джо.

— Ну да... возраст и тому подобное. Спящее, вот какое.

— Опасное?

— Как оно может быть опасным? Оно немощное и к тому же спит. Дряхлое. Вот точное слово — дряхлое.

— Оно что-нибудь говорит?

— Фактически нет. Лет десять назад оно вышло на кратковременную связь и попросило орбитальный метеоспутник.

— Чем оно расплатилось?

— Ничем. Оно нищее. Мы отправили спутник бесплатно, и вместе с ним — типовой информационный блок.

— Нищее и дряхлое, — прошептал Джо. Ему стало тоскливо. — Да, сдается мне, не получу я никаких денег.

— Почему?.. Ты просил деньги?

— Счастливо, Смит, — заторопился Джо.

— Стой! — закричал Смит. — Есть новая игра. Хочешь поучаствовать? Она состоит в быстром просмотре газетных архивов с выискиванием самых забавных заглавий. Настоящих заглавий, ты понял, не выдуманных. У меня есть отличное — с 1962 года. Хочешь услышать?

— О'кей, — буркнул Джо угрюмо. Мрачное настроение, словно мощный электрический разряд, прошило Фернрайта на-

сквозь, превратив и тело, и душу в некое подобие губки. Джо отреагировал рефлекторно: — Давай свое заглавие.

— «Элмо Пласкетт Топит Гигантов», — прочел Смит с клочка бумаги.

— Кто это еще такой — Элмо Пласкетт?

— Он вышел из бедняков, а потом...

— Все, мне пора, — сказал Джо, поднимаясь. — Надо идти. — Он повесил трубку. «Домой, — закончил Джо про себя. — Забрать мешок с четвертинками».

Глава 4

На городских тротуарах, стягиваясь, застывая в ожидании и перемешиваясь клубами, роилось огромное, вздыхающее, тоскливое и жалкое существо — толпа кливлендских безработных. Джо Фернрайт со своим мешком монет прокладывал путь к будке мистера Найма, кожей ощущая присутствие гигантского существа, вдыхая его резкий запах, отдающий почему-то уксусом. Прелый дух унылого отчаяния. Со всех сторон, как липкие лапки насекомых, к нему цеплялись бессмысленно-тупые взгляды.

— Прошу прощения, — обратился Джо к худому юноше, по виду мексиканцу, который маячил прямо перед ним, преграждая путь.

Юноша нервно моргнул, но с места не сдвинулся. Он увидел асбестовый мешок в руках у Джо. Само собой, он отлично понял, что находится в мешке и, соответственно, куда и зачем направляется Джо.

— Ты дашь мне пройти? — повысил голос Джо. И тут обнаружил, что очутился в западне. Позади сомкнулась бессловесная толпа, отрезав путь к отступлению. Джо не мог двинуться ни назад, ни вперед. «Так, — в отчаянии подумал он, — сейчас они вытрясут из меня все монеты. Как пить дать». У него заныла грудь, ему почудилось, будто он стоит на вершине горы, на этаком перевале жизни, на страшном склоне, усеянном черепами. Вокруг зияли зловещей чернотой пустые глазницы. Страшный фантазм вспыхнул в мозгу, когда толпа окончательно сомкнулась, как жевательная полость чудовищного моллюска. Казалось, что подобный конец ожидает их всех, и вот сейчас высший суд свершится.

— Разрешите взглянуть на ваши монеты, сэр? — произнес мексиканец.

Что же Джо мог поделать? Глаза, или, скорее, черные провалы в белой костяной оправе смерти, продолжали сжимать его плотным кольцом. Джо почти физически ощущал, как жадные взгляды мертвецов пронизывают его асбестовый мешок. «Я проваливаюсь в преисподнюю», — мелькнула безумная мысль. Почему? Он чувствовал жалость и бессилие, но только не вину. В конце концов, это его деньги. Толпа знала это так же, как и он. И все же взгляд мертвых глаз, стена мертвых тел низводили Джо до уровня полного ничтожества. «Как будто уже ничего не зависит от меня, доберусь я до будки мистера Найма или нет. Что бы я ни сделал, что бы ни стало со мной, для этих ходячих покойников ничего не изменится».

И все же где-то в глубине сознания тлел огонек равнодушного спокойствия, как у овцы, идущей вместе с другими сородичами на бойню и тешащей себя глупыми надеждами. У них свои жизни, у меня своя. И в качестве пограничного столба — мешок кропотливо накопленных металлических монет. «Разве они могут увлечь меня инерцией своего потока? — спрашивал себя Джо. — Это их дело, не мое. Я не собираюсь оседать на дно вместе со всеми. Поэтому и решился двинуться в путь, наплевав даже на два письма спецдоставки. Решился на путешествие с мешком монет. Это начало моего бегства, и больше я не попадусь».

— Нет, — отрезал Джо.

— Я их не трону, — заверил юноша.

Странный порыв охватил Джо Фернрайта. Он пошарил в мешке, достал монету и протянул ее юноше мексиканцу. Как только парень схватил ее, со всех сторон вырос лес рук. Кольцо жадных глаз сменилось кольцом трясущихся, потных ладоней. Всколыхнувшаяся волна алчности была лишена агрессии: ни одна рука не пыталась схватить мешок. Простертые ладони только окружили Джо и ждали. Ждали в тишине, исполненной безумной надежды, с какой он сам ожидал письма у почтового ящика.

«Какой ужас! — подумал Джо. — Эти люди думают, что я собираюсь принести им дар, которого они ждали от Вселенной. Ждали всю свою жизнь, не получали ничего и принимали это так же покорно, как сейчас. Они видят во мне сказочное, сверхъестественное существо. Но нет! Надо мотать отсюда. Я ничем не могу им помочь».

Но даже когда Джо это понял, пальцы его продолжали шарить в мешке, и в протянутые ладони одна за другой ложились монеты.

Над головой, снижаясь, пронзительно засвистел жандармский крейсер, больше похожий на крышку кастрюли. Внутри сидели двое бойцов в блестящей униформе и искрящихся защитных шлемах, с лазерными пистолетами наготове.

— Оставьте в покое этого человека! — прорычал один из жандармов.

Тесно сомкнувшийся круг моментально стал таять. Протянутые руки исчезали, словно проваливаясь во тьму обреченности.

— Нечего тут торчать, — пророкотал бас другого жандарма. — Уходи. И забери обратно деньги, иначе я тебя так припеку, что у тебя не останется ни одной вшивой монеты.

Джо молча двинулся вперед.

— Ты что из себя воображаешь? — спросил боец. Крейсер следовал за Джо, зависнув точно над головой. — Какую-нибудь благотворительную организацию от частного фонда?

Джо подавленно хранил молчание.

— Ты по закону обязан мне ответить, — напомнил жандарм.

Сунув руку в мешок, Джо достал монету и протянул ее ближайшему из бойцов. И одновременно с изумлением обнаружил, что у него осталось всего несколько четвертинок.

«У меня больше нет денег, — понял он. — Значит, остался один выход — почтовый ящик и то, что я из него получил за эти два дня. Нравится мне это или нет — теперь, после того, что случилось, вопрос решен».

— Зачем ты суешь мне эту монету? — свирепо бросил боец.

— На чай, — ответил Джо.

И в то же мгновение ощутил, как голова разлетается на части: луч ударил ему в лицо точно между глаз.

В жандармском отделении франтоватый молодой чин, худой, белокурый и голубоглазый, в идеально отутюженной форме, вещал:

— Мы не собираемся вас арестовывать, Фернрайт, хотя практически вы виновны в преступлении против личности.

— Против государства, — уточнил Джо. Он сидел сгорбившись, потирая лоб и пытаясь унять боль. — Не против личности, — с трудом произнес он. Он закрыл глаза, и боль вспыхнула с новой силой, сочась из точки, куда угодил луч.

— То, что вы говорите, — усмехнулся молодой офицер, — само по себе уже является составом преступления. Мы могли бы прямо сейчас упрятать вас за решетку. Более того, имеем право передать вас в Главное Политическое Управление как

врага рабочего класса, участвующего в заговоре с целью создания мятежа против народа и слуг народа, каковыми являются жандармы. Но ваша энцефалограмма... — Он окинул Джо цепким, придирчивым взглядом. — Человек в своем уме не станет раздавать монеты совершенно незнакомым людям. — Офицер вгляделся в лист бумаги, выползавший из углубления в столе. — Вы, очевидно, не отдавали отчета в своих действиях.

— Да, не отдавал, — тупо кивнул Джо. Боль была настолько жуткой, что в голове отсутствовали даже зародыши мыслей. Лишь стучал нервный пульс боли.

— Тем не менее мы намерены конфисковать оставшиеся у вас монеты. На время, во всяком случае. И в течение года вы будете считаться в условном заключении. На этот срок вы обязаны еженедельно сообщать нам о своих действиях.

— Без суда? — спросил Джо.

— А вы хотите быть осужденным? — Офицер вновь пристально посмотрел на него.

— Нет, — мотнул головой Джо. Он по-прежнему потирал переносицу.

«Видимо, материал из СС их компьютеры еще не получили. Но в конечном счете они будут знать все. И все сойдется одно к одному — чаевые жандарму, записка в сливном бачке... Какой же я кретин! Дошел до ручки от безделья — последние семь месяцев меня доконали. И вот теперь, когда я наконец сделал шаг, когда решил отнести монеты мистеру Найму, — все провалилось».

— Одну минутку, — подал голос другой жандарм. — Тут кое-что пришло из СС по части этого типа. Только что выпало из коллектора их центрального банка данных...

Джо повернулся и бросился к двери — скорее туда, в плотную человеческую толпу, зарыться в ней, раствориться, как малая частица...

Впереди выросли две кряжистые фигуры. Стоило Джо сорваться с места, как они устремились к нему с неестественной быстротой, словно в ускоренной видеосъемке.

И тут вдруг невероятным образом жандармы очутились под водой. Они лупоглазо уставились на Джо, ритмично двигаясь, как серебристые рыбешки посреди — Бог мой! — настоящих кораллов и водорослей. Сам Джо не осязал вокруг воды, но тем не менее видел, что интерьер жандармского участка превратился в аквариум. Мебель, полузасыпанная песком, стала похожа на остовы затонувших кораблей. А бойцы, извиваясь, проскальзывали мимо, тускло отсвечивая блестками, — это было, пожалуй,

красиво. Дотронуться до Джо они, однако, не могли, поскольку тот остался за пределами аквариума. И не слышал ни звука. Жандармы разевали рты, но с таким же успехом можно было ждать от рыб художественного свиста.

Мимо, растопырив щупальца, пронесся большой кальмар. «Словно дух моря», — подумал Джо.

Неожиданно кальмар выпустил чернильное облако, словно намереваясь затушевать все вокруг. Жандармы исчезли; чернота расплывалась перед Джо, пока не заняла все пространство. Потом она уплотнилась, создавая полную непроницаемость. Однако Джо мог дышать.

— Эй! — крикнул он и услышал собственный голос. «Значит, я не в воде, — подумал Джо. — Я сам по себе, существую отдельно. Но почему?»

«А что, если пошевелиться?» — мелькнула мысль. Он сделал шаг, другой и — бум! — наткнулся на подобие стены.

«А если в другую сторону?»

Он повернулся и шагнул вправо. Бум!

«Я в ящике, вроде как в гробу, — ужаснулся Джо. — Они меня поймали при попытке к бегству...» Он протянул руки наугад во тьму... и что-то ощутил в правой ладони. Что-то маленькое, квадратное, с двумя бугорками типа дисков...

Это был транзисторный приемник.

Джо включил его.

— Привет всем! — радостно зазвенел в темноте оловянный голос. — С вами говорит развеселый Кэри Карнс! Передо мной шесть телефонов и двадцать открытых линий, поэтому я слышу всех вас. Всех, кто хочет о чем-нибудь, не важно, о чем, поговорить или поспорить. Мой номер 394-950-911111. Звоните же мне, друзья, рассказывайте о чем угодно, что на ум взбредет, о хорошем, плохом, никаком, об интересном или скучном. Стоит вам набрать номер Кэри Карнса 394-950-911111, и радиослушатели смогут узнать от вас все, что вы скажете, узнают вашу точку зрения, узнают какие-то важные сведения, которые, по вашему мнению, касаются всех... — Из микрофона послышался телефонный звонок. — И вот нам уже звонят! — объявил Кэри Карнс. — Слушаю, сэр! Извините — слушаю, мадам!

— Мистер Карнс, — проговорил хриплый женский голос, — я настаиваю, чтобы на пересечении Фултон-авеню и Клеверной улицы поставили дорожный знак. Тут много малышей-школьников, и каждый день я вижу, как они...

В левую руку Джо легло что-то твердое. Он ощупал предмет. Это был телефон.

Джо сел на пол, поставил перед собой телефон и приемник, затем достал зажигалку и высек пламя. Высветился крохотный кружок, в котором, однако, можно различить телефон и приемник. Приемник типа «Зенит» — судя по размеру, хороший.

— Итак, друзья, — весело затараторил Кэри Карнс, — по номеру 394-950-911111 вы можете связаться со мной, а с моей помощью — и со всем миром...

Джо набрал номер. Ему не сразу удалось без ошибки набрать все цифры. Он прижал трубку к уху, услышал вначале короткие гудки, затем голос Карнса зазвучал и из приемника, и из телефона:

— Да, сэр? Или мадам?

— Где я? — спросил Джо в трубку.

— Внимание, друзья! — сказал Карнс. — Нам кто-то опять звонит, и этот человек, бедная душа, заблудился. Ваше имя, сэр?

— Джозеф Фернрайт, — отозвался Джо.

— Что ж, мистер Фернрайт, мы слушаем вас просто с удовольствием. Вы хотите знать, где вы находитесь? Друзья! Может ли кто-нибудь сказать, где находится мистер Джозеф Фернрайт... из Кливленда? Вы из Кливленда, не так ли, мистер Фернрайт? Не знает ли кто-нибудь, где этот человек находится сейчас, сию минуту? Думаю, что мистеру Фернрайту очень важно это узнать. Я подключаю все линии: может, хоть кто-нибудь позвонит нам и подскажет, хотя бы приблизительно, в каком районе сейчас находится мистер Фернрайт. Итак, друзья, те из вас, кто не может дать нам такую подсказку, пока не звоните. Мы должны вычислить местонахождение мистера Фернрайта... Мистер Фернрайт, это вряд ли продлится долго: у нас десятимиллионная аудитория, передатчик на пятьдесят тысяч ватт, и... О! Звонок. — Послышался оловянный звук телефона. — Да, сэр или мадам? Сэр. Ваше имя, сэр?

Мужской голос из телефона и приемника произнес:

— Меня зовут Дуайт Л. Глиммунг, адрес — Плезант-Хилл-роуд, 301. Я знаю, где мистер Фернрайт. Он у меня в подвале. Немного правее и сзади камина. Он находится в деревянном упаковочном ящике из-под кондиционера, который я заказал в прошлом году в «Народном отоплении».

— Вы слышите, мистер Фернрайт? — вскричал развеселый Кэри Карнс. — Вы в упаковочном ящике у мистера Дуайта Л. ...как дальше, сэр?

— Глиммунг.

— Да. Вы в подвале дома мистера Дуайта Л. Глиммунга на Плезант-Хилл-роуд, 301. Так что ваши страхи позади, мистер Фернрайт. Выбирайтесь из ящика, и все будет в порядке!

— Впрочем, я не хочу, чтобы он разворотил мой ящик, — подал голос Дуайт Л. Глиммунг. — Лучше я, пожалуй, спущусь в подвал, отогну несколько досок и выпущу его.

— Мистер Фернрайт, — затрещал Карнс, — скажите нам, просто в назидание слушателям: как получилось, что вы попали в пустой упаковочный ящик в подвале мистера Дуайта Л. Глиммунга с Плезант-Хилл-роуд, 301? Думаю, нашей аудитории любопытно об этом узнать.

— Я не знаю, — ответил Джо.

— Может быть, на этот вопрос ответит мистер Глиммунг? Мистер Глиммунг! Он, кажется, уже отключился. Очевидно, сейчас он спускается в подвал, чтобы освободить вас. Как вам повезло, сэр, что мистер Глиммунг оказался среди слушателей нашей передачи! Иначе вам, вероятно, пришлось бы сидеть в этом ящике до второго пришествия... А теперь послушаем других... Алло? — Трубка щелкнула. Связь прервалась.

Послышался шум. Откуда-то снаружи. Треск — и массивная черная тень отодвинулась назад. В ящик, где сидел Джо Фернрайт, со своей зажигалкой, телефоном и приемником, хлынул свет.

— Это был лучший способ вытащить вас из кутузки, — сообщил мужской голос. Джо только что слышал его по радио.

— Странный способ, — проговорил Джо.

— Странный — для вас. А мне показались странными некоторые вещи, которыми вы занимались с тех пор, как я впервые услышал о вас.

— Например, раздача монеток кому попало? — спросил Джо.

— Нет. Как раз это я понял. Что мне показалось удивительным, так это ваше добровольное затворничество и сидение в ожидании заказа. — Сдвинулась еще одна доска; стало еще светлее, и Джо заморгал. Он пытался разглядеть Глиммунга, но не мог. — Что вам стоило забраться в ближайший музей и тайком разбить там несколько горшков — вот и было бы занятие. И горшки бы вы им сделали, как новые. И ничего не потеряли бы, зато все эти дни могли бы работать и творить. — Упала последняя доска, и Джо увидел при полном освещении то самое существо с Сириуса-Пять, ту форму жизни, определенную энциклопедией как нечто дряхлое и убогое.

Он увидел гигантский обруч воды, вращающийся вокруг горизонтальной оси, а внутри него вращался вертикально обруч огня. Спереди и сзади двух перекрещенных обручей тянулся занавес из колышущейся ткани — к изумлению, это оказалась кашемировая шаль с шотландским узором.

И еще одно: образ, запечатленный на ядре меж вращающихся колец огня и воды. Прелестное, нежное лицо темноволосой девушки-подростка. Оно висело в воздухе, оно улыбалось... простые черты лица, настолько простые, что их легко можно забыть, но так же легко встретить где угодно. Словно разноцветная маска, нарисованная мелками на тротуаре. Не особо впечатляющий образ. Посредством его Глиммунг, очевидно, решил вступить в контакт. Но обруч воды... Основа мироздания? Так же, как и обруч огня. И они непрерывно вращаются, с точно отлаженной скоростью. Превосходный и вечный самодвижущийся механизм — не считая ветхой шали и девичьего лица.

Джо был озадачен. Он не мог решить, создавало ли это зрелище впечатление мощи. Во всяком случае, ни о какой дряхлости не могло быть и речи. Тем не менее, несмотря на юное лицо, существо казалось очень старым. Что же касается богатства, то это должно было (если вообще могло) выясниться позже.

— Я купил этот дом семь лет назад, — сказал Глиммунг или, по крайней мере, его голос. — Когда еще можно было купить дом на рынке.

Пытаясь понять, откуда доносится голос, Джо обнаружил нечто странное — и похолодел, как будто в нем, как в бледной тени Глиммунга, огонь смешался со льдом.

Голос... Он звучал из древней заводной «Виктролы». На ней с необычно большой скоростью вращалась грампластинка. Получается, голос записан?

— Да, вы, наверное, правы, — пробормотал Джо. — Семь лет назад было самое время покупать... Вы прямо отсюда и ведете свои поиски?

— Я здесь работаю, — отвечал голос Глиммунга из «Виктролы». — Я работаю и во многих других местах... во многих звездных системах. Теперь, Джо Фернрайт, я хотел бы сообщить вам, в каком положении вы находитесь. Для полиции вы просто повернулись и ушли, а им что-то помешало остановить вас. Но за вами послали наряд, и теперь вы не можете вернуться домой или в мастерскую...

— Не попав в лапы к жандармам, — закончил Джо.

— Вам этого хочется?

— Возможно, это мне суждено, — заявил Джо стоически.

— Ерунда. Ваши жандармы глупы и злобны. Я хочу, чтобы вы увидели Хельдскаллу — такую, какой она была до потопа. Вы-ы-ы-ы-ы... — и фонограф остановился. Джо, взявшись за ручку, завел его снова, переживая целую сумятицу чувств. Вряд

ли бы он сумел их описать, если б его об этом попросили. — Вы-ы... вы найдете оптический прибор справа от себя на столе, — продолжил Глиммунг. Пластинка теперь вращалась с обычной скоростью. — Устройство объемного изображения, созданное впервые здесь, на вашей планете.

Джо поискал прибор... и обнаружил древний стереоскоп, модели, наверное, года тысяча девятисотого, с набором черно-белых карточек.

— Ничего получше у вас нет? — Джо скептически оглядел ветхое приспособление. — Кинопроектора или видео? Ведь эту штуку изобрели еще раньше автомобиля. — Вдруг его осенило. — Так вы все-таки на мели! Смит был прав.

— Клевета! — В голосе Глиммунга прозвучали нотки возмущения. — Я всего лишь скуп. Это наследственная черта моего рода. Вы в своем социалистическом обществе привыкли к огромным затратам. Я же, однако, по-прежнему обеспечиваю себя на собственные средства. Полушка доллар бережет...

— О Боже, — застонал Джо.

— Если хотите, чтобы я замолчал, — ядовито заметил Глиммунг, — просто снимите с пластинки иглодержатель.

— И что будет, если запись кончится? — спросил Джо.

— Этого никогда не произойдет.

— Тогда это не настоящая пластинка.

— Настоящая. Просто звуковая дорожка сведена в кольцо.

— Как вы на самом деле выглядите? — спросил Джо.

— А вы как выглядите на самом деле?

Джо немного опешил от такого вопроса и нервно взмахнул рукой:

— Это, видите ли, зависит от того, признаете ли вы «динг ан зих», вещь в себе Канта, аналогичную монаде Лейбница...

Он замолчал: у фонографа вновь кончился завод, и пластинка остановилась. Снова вращая ручку, Джо думал, что Глиммунг, наверное, не расслышал последней фразы. И, очевидно, намеренно.

— Я услышал ваш философский экскурс, — как бы опровергая мысль Джо, проговорил голос из фонографа.

Джо пришел в себя от нового поворота событий и продолжил:

— Так вот, дело в том, что воспринятое явление измеряется в структурной системе воспринимающего... Многое из того, что вы видите, воспринимая меня, — Джо сделал ударение, — это проекция из вашего собственного разума. В другой воспринимающей системе я возникаю в совершенно ином виде. К при-

меру, в восприятии жандармов. Точек зрения на мир так же много, как воспринимающих существ.

— Гм-м, — хмыкнул Глиммунг.

— Вы поняли? — спросил Джо.

— Мистер Фернрайт, чего же вы, собственно, хотите? Для вас пришло время выбора, время решительных действий. Время участия — или неучастия — в большом историческом событии. В данный момент, мистер Фернрайт, я нахожусь в тысяче мест, направляю работу множества инженеров и художников... а вы — один ремесленник из многих. Я не могу больше ждать.

— А я жизненно необходим в вашем проекте? — спросил Джо.

— Да. Мастер-керамист необходим. Это можете быть вы или кто-нибудь другой.

— Когда я смогу получить свои тридцать пять тысяч крамблов? — спросил Джо. — Авансом?

— То-о-о-о... — начал было Глиммунг, но тут у старой «Виктролы» опять кончился завод. Пластинка остановилась.

«Хитрая сволочь», — мрачно подумал Джо, в очередной раз вращая ручку.

— То-о-олько в том случае, если храм будет восстановлен в первозданном виде, как и столетия назад, — продолжил Глиммунг.

«Я так и думал», — усмехнулся про себя Джо.

— Вы полетите на планету Плаумэна? — спросил Глиммунг.

Какое-то время Джо размышлял. Он вспомнил свой модуль, тесную рабочую ячейку, утрату монет, жандармов... Он вспоминал все это, пытаясь как-то свести воедино. «Что держит меня здесь? — спрашивал он себя. — Обыденные, серые по сути вещи. На самом деле все сводится к привычке. Привыкнуть можно ко всему, и даже научиться это любить. Прав Павлов со своей теорией условного рефлекса: в клетке меня больше держит привычка, нежели стальные прутья».

— Нельзя ли получить несколько крамблов вперед? — спросил он Глиммунга. — Хочу купить спортивную куртку и новую пару ботинок.

Фонограф вдруг с треском разлетелся на куски. Осколки, взвизгнув шрапнелью, едва не изувечили Джо. А посреди обручей из воды и огня возникла огромная, свирепая, искаженная злобой морда. Смутный девичий образ исчез, а то, что уставилось на Джо, пронизывало его, будто смертоносные лучи. Морда изрыгала проклятия на незнакомом языке. Джо отпрянул, потрясенный гневом Глиммунга. Обычные предметы, через которые Глиммунг только что действовал, рассыпались в прах. И кашемировая шаль, и даже два основных обруча. Стены подва-

ла дрогнули, будто от подземного толчка. Раздался зловещий хруст, словно оседали древние руины. На пол посыпались обломки, а затем и сам пол раскололся, как сухая глина.

«Боже милостивый, а Смит еще называл его дряхлым...»

Дом рушился, летели кирпич и штукатурка. Кусок трубы крепко припечатал Джо по затылку. Джо явственно услыхал тысячеголосую песню ужаса.

— Я поеду! — заорал он что есть мочи, закрыв глаза и обхватив руками голову. — Простите меня! Я понял, для вас это очень важно!

Выросший из ниоткуда гигантский кулак обхватил Джо вокруг поясницы, сжал и приподнял в воздух, словно намереваясь скомкать человека, как газетный лист. На мгновение Джо увидел злой, пылающий, плавящий глаз — один глаз! — и тогда разбушевавшаяся стихия успокоилась. Давление на поясницу стало слабее... совсем прекратилось. Но Джо этого хватило с лихвой. «Хорошо, если у меня не поломаны ребра,— подумал он. — Неплохо бы пройти медицинское обследование перед отлетом с Земли. Просто для профилактики».

— Я переправлю вас в центральный зал кливлендского космопорта, — сказал Глиммунг. — У вас найдется достаточно денег, чтобы добраться до планеты Плаумэна. Летите текущим рейсом; домой за вещами не возвращайтесь — там вас поджидают бойцы. Возьмите. — Глиммунг сунул Джо что-то в руку. На свету предмет отливал множеством ярких пятен. Затем они помутнели, а после потекли нитевидными потоками, сливаясь в новый орнамент. А потом — в другой. Джо чувствовал себя так, будто ему в лицо плеснули кружку кипятка.

— Фрагмент, — несколько самодовольно пояснил Глиммунг.

— Эт-то к-кусок разбитой в-вазы из храма? — От изумления у Джо с трудом ворочался язык. — Почему же вы мне не показали раньше? «Я бы сразу согласился, — закончил он про себя, — если б... если б хоть немного представлял, о чем идет речь».

— Теперь вы знаете, к чему приложите свой талант. — В голосе Глиммунга смешались насмешка и гордость.

Глава 5

Человек — это ангел, сошедший с ума. Когда-то люди — все люди — были настоящими ангелами, и в те времена у них имелся выбор между добром и злом. А потом что-то случилось. Что-то нарушилось или не состоялось. И они оказались перед не-

обходимостью выбирать меньшее из двух зол. Это свело их с ума, и они превратились в людей.

Ожидая на пластиковой скамье кливлендского космопорта свой рейс, Джо никак не мог унять бивший его озноб. Впереди страшная работа — в том смысле страшная, что предъявляла невиданные требования к его скромным способностям. «Я похож на перекати-поле, — думал Джо. — Болтаюсь на ветру, меня гонит, несет куда-то, словно ком сухой травы».

Сила. Сила бытия и противостоящий ей мир небытия — что предпочтительнее? Сила всякий раз выдыхается в конце пути, и это, должно быть, означает, что она больше не нужна. Сила — бытие — вещь временная. А мир — небытие — вечен, он существовал до его рождения и пребудет после его смерти. Период усилия, лежащий в промежутке, — всего лишь эпизод, недолгое напряжение взятых напрокат мышц — тела, которому суждено вернуться... к истинному владельцу.

Не повстречай Джо Глиммунга, подобные мысли никогда бы не проклюнулись сквозь вялую корку его полусонного, отупевшего мозга. Но в Глиммунге Джо увидел вечную, самообновляющуюся силу. Глиммунг, как звезда, горел собственным светом, ни у кого ничего не выпрашивая. Он и прекрасен, как звезда. Он — гладь озера, цветущее поле, безлюдная вечерняя улица, над которой угасает закат. Закат угаснет, сумерки перельются во тьму, но Глиммунг по-прежнему будет сиять, как бы очищая своим светом всех и все вокруг. Он — свет, проникающий в душу, в те закоулки души, что тронуты тленом. И светом своим он выжигает червоточины гнили и разложения, здесь и там, этих немых свидетелей невостребованной жизни.

Джо сидел в зале космопорта, в неудобном пластиковом кресле, и вслушивался в гул ракетных двигателей. Повернув голову, он увидел сквозь огромное окно стартующий ЛБ-4. Здание космопорта содрогнулось. Спустя несколько секунд корабль исчез.

«Передо мною тишина непролазной топи, — думал Джо, — и зловещие, хищные звуки гигантских машин разрывают эту тишину...»

Он встал и прошел через зал ожидания к будке Исповедальной Службы. Бросив монетку в прорезь, он наугад набрал шифр. Стрелка указателя остановилась на *Дзен*.

— Скажи, что мучит тебя. — Голос учителя-старца был исполнен сострадания и покоя. Он говорил так, будто не существовало земной суеты и забот, будто не было самого времени.

— Мне страшно, — сказал Джо. — Семь месяцев я маялся от безделья, а теперь вот нашел работу. Но она может и вовсе

выключить меня из жизни в Солнечной системе. А вдруг я не справлюсь? Вдруг я за это время растерял все способности?

— Ты и работал, и не работал, — донесся плавный, невесомый голос старца, — а самое трудное занятие — это не работать.

«Это все, что мне может сказать Дзен», — понял Джо, и прежде чем старец продолжил свою мысль, он уже перешел на *Протестантство.*

— Без работы, — тон пастора был более суровым и решительным, — человек ничего не значит. Он просто перестает существовать.

Джо сразу же переключился на *Католичество.*

— Господь и любовь Господня да приимут тебя, — зазвучал далекий умиротворяющий голос падре. — Ты невредим в деснице Его. Он тебя никогда...

Джо включил *Ислам.*

— Убей врага своего, — прорычал мулла.

— Да нет у меня врагов, — покачал головой Джо. — Кроме собственных усталости и страха.

— Это и есть твои враги, — гнул свое магометанин. — Ты должен объявить им джихад; должен доказать себе, что ты настоящий человек, воин, способный дать отпор. — Мулла разошелся не на шутку.

Джо попробовал *Иудаизм.*

— Возьми миску супа из марсианских червей... — сладко запел рабби, но у Джо кончились монеты. Без денег не бывает исповеди, и голос из автомата угас — или, может быть, заснул. Кто их разберет, этих роботов...

«Суп из червей, — повторил Джо. — Самый крутой деликатес... Что ж, наверное, рабби прав, сейчас лучше всего сходить перекусить».

В ресторане космопорта он едва успел присесть на табурет и взять меню, как к нему обратился сосед:

— Не хотите ли сигарету?

— Господь с вами! Нельзя же курить в помещении — особенно здесь... — Джо повернулся к собеседнику и застыл на полуслове. Он понял, с кем говорит. Рядом с ним, в человеческом обличье, сидел Глиммунг.

— Простите, у меня и в мыслях не было вас пугать, — успокоил Глиммунг разволновавшегося Джо. — Ваша работы превосходны, я вам об этом уже говорил. Я взял вас именно потому, что считаю вас лучшим керамистом на Земле; об этом я тоже говорил. Служитель культа был прав: вам надо поесть,

чтобы немного прийти в себя. Я сейчас что-нибудь закажу. — Глиммунг кивнул роботу-разносчику, одновременно раскуривая сигарету.

— Разве они не видят, что вы курите? — изумился Джо.

— Нет. — Глиммунг огляделся по сторонам. — Робот даже не замечает моего присутствия. — Он повернулся к Джо. — Заказывайте сами, что пожелаете.

Проглотив полную миску супа из червей и выпив кофе (как и полагалось по закону, кофе не содержал кофеина), Джо заметил:

— Боюсь, вы не понимаете, что со мной творится. Для такого, как вы...

— Для какого, как я? — переспросил Глиммунг.

— Ну, вы же знаете... — смутился Джо.

— Ни одно из живых существ себя не знает, — заявил строго Глиммунг. — Вы не знаете себя, вы не имеете ни малейшего понятия о главных своих способностях. Знаете, что для вас будет означать Подъем? То, что было скрыто в глубине вашего естества, то, что дремало в состоянии эмбриона, — все это будет реализовано. Кто причастен к Подъему, кто вовлечен в этот процесс, со всех планет, разбросанных по Галактике, — *все смогут быть*. Ведь вас *никогда не было*, Джо Фернрайт. Вы только влачили существование. Быть — значит свершать. И мы совершим великое дело, Джо Фернрайт. — Голос Глиммунга зазвенел, как сталь.

— Вы пришли рассеять мои сомнения? — обиженно проскрипел Джо. — Именно для этого вы здесь появились? Убедиться, что я не передумал и не сбежал в последний момент?

Джо, разумеется, понимал, что городит абсолютную чушь. Вот уж важная птица нашлась! Именно из-за него, Джо Фернрайта, Глиммунг, разрываясь между пятнадцатью мирами, тратит свое драгоценное время, несется на окраину Галактики подбадривать какого-то жалкого горшечника из города Кливленд. Бред чистой воды! Еще один самообман! У Глиммунга без Фернрайта хватает забот, и куда более важных...

— Это как раз и есть «важная забота», — ответил Глиммунг, прочитав мысли Джо.

— Почему?

— Потому что нет забот второстепенных. Как нет второстепенной жизни. Жизнь насекомого или паука так же значима, как ваша, а ваша — так же, как моя. Жизнь есть жизнь.

Вы хотели бы прожить столько же, сколько я? Однако провели семь месяцев в адском состоянии, день за днем ожидая, пока наконец случится то, что вы считаете везением... Вот так же ждет и паук. Представьте себе паука, Джо Фернрайт. Он соткал паутину, сделал маленькое укрытие и сидит в нем. В его лапках нити, ведущие во все концы паутины. Как только в ловушку угодит пища, он получит сигнал. Для паука это вопрос жизни и смерти. И вот он ждет. Проходит день. Два. Неделя. Он все ждет: а что ему остается, кроме как ждать? Он словно нищий рыбак, закинувший удочку в ночную мглу... может, что-то появится, и он будет жить. Или же ничего не придет. Однажды он впадает в отчаяние: «Все. Добычи не будет. Поздно». И действительно, уже поздно. Он так и умирает в ожидании.

— Но я таки дождался, — буркнул уязвленный Джо.

— Да. Я пришел.

— Вы взяли... — Джо осекся. — Вы подобрали меня из жалости?

— Ничего подобного, — сказал Глиммунг. — Подъем потребует великого таланта. Многих талантов, знания многих ремесел, огромного количества искусных мастеров. Вы взяли с собой тот фрагмент?

Джо вынул из кармана куртки осколок божественного творения и поставил его на столик, рядом с миской из-под супа.

— Их тысячи, — продолжил Глиммунг. — У вас, как я полагаю, в запасе еще сотня лет. Но это ничтожно мало. Вы будете бродить среди чудесных обломков до конца своих дней. Но кто знает, может, и исполнится самое сокровенное: вы сможете в полной мере *быть*. И причастившись к бытию, пребудете навсегда. — Глиммунг поглядел на часы. — Через пару минут объявят ваш рейс. Пора.

Когда защелкнулись пристяжные ремни и опустился защитный экран, Джо, с трудом повернув голову, разглядел пассажира, сидевшего рядом.

На табличке обозначено имя: «МАЛИ ЙОХОС». Это была девушка одной из неземных рас.

Включились ракетные двигатели, и корабль вышел на старт.

Джо никогда еще не бывал за пределами Земли. На него навалилась нарастающая сила тяжести. «Это... не то что... лететь... из Нью-Йорка... в Токио», — подумал Джо, задыхаясь. Снова с невероятным усилием он повернулся, чтобы еще раз взглянуть на девушку с другой планеты. Ее лицо сделалось синим.

«Может быть, это типично для их расы, — решил Джо. — А может быть, я тоже весь посинел. И сейчас отдам концы». Тут заработали основные двигатели, и Джо Фернрайт потерял сознание.

Очнувшись, он услышал звуки Четвертой симфонии Малера и тихий гул голосов. Бойкая темноволосая стюардесса деловито отстегивала у Джо защитный экран и кислородную подушку.

— Вам лучше, мистер Фернрайт? — поинтересовалась стюардесса, осторожно поглаживая его волосы. — Мисс Йохос прочла вашу анкету, которую вы нам представили перед полетом, и очень хочет поговорить с вами. Вот так, теперь ваши волосы в порядке. Не так ли, мисс Йохос?

— Как вы здравствуете, мистер Фернрайт? — спросила мисс Йохос с резким акцентом. — Я порадовалась узнать вас очень. Всю продолжительность нашей дороги я удивлялась обратиться к вам, потому что я решила, что у вас и у меня много то же самое.

— Позвольте мне взглянуть на анкету мисс Йохос, — обратился Джо к стюардессе; ему передали текст, и он по диагонали просмотрел его. Любимое животное — сквамп. Любимый цвет — редж. Любимая игра — монополька. Любимая музыка — кото, классика и кимио-ито. Родилась в системе Прокс, что сделало ее в некотором смысле первопроходцем.

— Думаю, — заметила мисс Йохос, — что вы и я в одном предприятии. Несколько из нас с включением меня и себя.

— Вас и меня, — поправил Джо.

— Вы природный землянин?

— Я никогда не улетал с Земли.

— Тогда это ваш первый путь?

— Да, — кивнул Джо. Он тайком оглядел девушку и нашел, что она привлекательна. Коротко остриженные бронзовые волосы эффектно контрастировали со светло-серой кожей. К тому же она обладала необычайно тонкой талией. Сквозь воздушную блузу и трико хорошо просматривались и другие соблазнительные подробности фигуры.

— Вы морской биолог? — уточнил Джо, дочитав ее анкету.

— Действительно так. Я должна определить глубину прорастания кораллами... — она запнулась, достала карманный словарик и нашла нужное слово, — затонувших предметов искусства.

Одна вещь вызвала у Джо любопытство.

— В каком воплощении вы видели Глиммунга?

— Воплощение? — отозвалась мисс Йохос и стала растерянно листать словарь.

— Облик, — подсказала стюардесса. — Могу предложить вам воспользоваться компьютерной системой. У каждого кресла есть наушники и микрофон. Вот ваш, мистер Фернрайт, а вот ваш, мисс Йохос.

— Спасибо. Мои языковые навыки восстанавливаются, — пояснила мисс Йохос, отказавшись от наушников. — Так что вы спросили?

— Кем предстал перед вами Глиммунг? — повторил Джо. — Как он выглядел физически? Высокий? Маленький? Полный?

— Глиммунг вначале предстает в обрамлении из воды, — сказала мисс Йохос. — Поскольку он действительно часто бывает на дне океана своей планеты, в... — она подбирала слово, — в окрестностях затонувшего храма.

Джо понял океанскую метаморфозу в жандармском участке.

— А как он выглядел потом? Так же?

— Второй раз он появился впереди меня, в виде прачечной из корзины.

«Абракадабра какая-то. Ничего не понимаю. Про что это она? — недоумевал Джо. — Может быть, корзина из прачечной?» Вдруг он вспомнил об Игре. Прежнее занятие неожиданно всплыло в памяти.

— Мисс Йохос, — предложил Джо. — А что, если мы воспользуемся компьютером? В самом деле, это может быть интересно... Я расскажу вам, какой казус со мной случился при автоматическом переводе русской технической статьи. Один термин...

— Хорошо, только помедленнее, — прервала его мисс Йохос. — Я не успеваю вас понять и дополнительно у нас есть другие вещи, чтобы обсуждать. Нам нужно спросить всех и выяснить, сколько всего нас пригласил мистер Глиммунг. — Она надела наушники, закрепила микрофон и нажала по очереди все кнопки на пульте. — Пожалуйста, поднимите руки те, кто направляется на планету Плаумэна по приглашению мистера Глиммунга.

— Так вот, в статье, — продолжал Джо, — когда компьютер перевел ее на английский язык, было странное выражение, которое все время повторялось: «Водяная овца». И все спрашивали: что бы это значило, черт возьми? И никто не мог понять. Тогда они наконец...

— Тридцать из сорока пяти пассажиров заняты в предприятии Глиммунга, — опять перебила Джо мисс Йохос. — Может быть, теперь нам пора заключить союз и действовать сообща?

Из передней части салона седой джентльмен с суровым взглядом отозвался:

— Пожалуй, это неплохая идея.

— Но он уже и так много платит, — заметил тщедушный юноша слева.

— А вы имеете письменное подтверждение? — спросил седой. — Он ведь дал только обещание на словах, а потом припугнул, насколько я понял. Во всяком случае, меня он точно пытался запугать. Явился, как архангел в Судный день. Это совершенно выбило меня из колеи. Если б вы меня знали поближе, то поняли, что такие вещи трудно проделать с Харпером Болдуином.

— В конце концов, — упрямо талдычил свое Джо, — удалось найти русский оригинал статьи, и знаете, что это было? Гидравлический таран. А на английский переводится как «водяная овца». С этой истории началось любопытное занятие. Мы с друзьями...

— Устных обещаний мало, — подала голос остролицая пожилая дама в конце салона. — Прежде чем приступить к работе, нам стоило бы подписать контракты. По существу, если вдуматься, он действительно согнал нас на корабль, изрядно запугав.

— Тогда давайте подумаем, какая угроза будет исходить от него, когда мы доберемся до планеты Плаумэна, — предложила мисс Йохос.

— Мы назвали это занятие Игрой... — как сомнамбула, бормотал Джо.

— К тому же, — вещал седовласый, — надо помнить, что мы — лишь небольшая часть рабочей силы, которую Глиммунг собирает по всей Галактике. Можем действовать вместе, пока не сдохнем, но какое это имеет значение? Мы здесь как капля в море. Или станем этой каплей, когда он соберет всех остальных на чертову планету.

— Что необходимо сделать, — сказала мисс Йохос, — так это объединиться прямо здесь. Тогда, оказавшись на планете Плаумэна, мы вместе поселимся в одном из центральных отелей, наведем контакты с другими работниками Глиммунга. Тогда от нашего союза будет толк.

— Но разве Глиммунг... не сверхъестественное существо? — заговорил краснолицый толстяк, оживленно жестикулируя. — Разве он — не божество?

— Божеств не существует, — заметил тщедушный юноша. — Я в свое время свято веровал в них, но после парочки неприят-

ных историй, когда все мои планы разлетелись в прах, — не верю. И другим не советую.

— Я имею в виду его возможности, — пояснил краснолицый. — Какая разница, как называть? По сравнению с нами Глиммунг обладает могуществом божества, — уверенно заявил он. — К примеру, он может находиться одновременно в десяти или пятнадцати мирах и все же при этом оставаться на планете Плаумэна. Мне он явился в жутком обличье, как и седому джентльмену. Я убежден, что так оно и было на самом деле. Глиммунг вынудил нас забраться в космолет. Со мной случилось именно так. Примерно в то же время, как Глиммунг впервые дал о себе знать, у меня на хвосте висели жандармы. Я попал в серьезную переделку, так что пришлось выбирать: либо принять приглашение Глиммунга, либо оказаться за решеткой.

«Боже праведный, — подумал Джо. — Может, Глиммунг посодействовал тому, чтобы меня накрыла СС. А эти цепные псы, что пристали ко мне, когда я раздавал монеты? А офицер, который отобрал у меня последние гроши? Ведь их, наверное, тоже навел Глиммунг!»

Теперь уже несколько пассажиров говорили, перебивая друг друга. Внимательно слушая, Джо обнаружил общее место во всех повествованиях. Все рассказывали о побеге из жандармского участка или из патрульной машины. «Это меняет дело», — решил Джо.

— Из-за Глиммунга я нарушила закон, — сетовала почтенная дама. — Он заставил меня в порыве эмоций выписать чек одной из благотворительных организаций. Чек завернули из банка, и, конечно, эсэсовцы тут же меня засекли. Правда, потом выпустили на поруки, а я скрылась и оказалась на этом корабле. Не понимаю, как СС меня отпустила: я была уверена, что меня остановят в порту...

«Вот ведь странное дело, — размышлял Джо. — Нас всех могла прихватить СС. И Глиммунг не перенес нас на планету Плаумэна своими магическими силами, а заставил воспользоваться обычным транспортом. При этом он лично явился в космопорт — очевидно, убедиться, что мы не дали задний ход. Значит ли это, что между Глиммунгом и СС по существу нет разницы?»

Джо попытался вспомнить, существуют ли законы, регламентирующие жизнь граждан с необычными знаниями и способностями. Да, есть такой закон: человек, владеющий талантом, недоступным руководству или «слугам народа» (в его отсутст-

вие), не имел права покидать Землю — это считалось уголовным преступлением.

«А мне, когда я сообщил свою профессию, просто сказали «о'кей» и поставили печать. И вызвали следующего... тоже, вероятно, обладающего особым и высоко ценимым талантом. И ему тоже, очевидно, сказали «о'кей», отпуская на планету Плаумэна».

Подведя невеселый итог, Джо почти физически ощутил присутствие где-то рядом серьезной опасности. Сходство между Глиммунгом и жандармами, пусть даже во многом кажущееся и неявное, настораживало Джо. И здесь, и в жандармском участке он в равной степени был в плену сильных мира сего. Более того, на планете Плаумэна он не будет защищен даже тем минимумом формальностей, на которые имеет право подсудимый. Как сказал уже кто-то из пассажиров, в этом мире они окажутся целиком во власти Глиммунга и его необузданных желаний. Они станут, по существу, приложением к Глиммунгу.

Что ж получается? Корабль уносит его сейчас в такой же беспощадный, тоталитарный мир, из какого Джо, казалось, уже вырвался. Значит, опять облом. Значит, он в очередной раз пролетел, в прямом и переносном смысле слова. Как ни старайся, от судьбы не убежишь!

Наверное, то же самое случилось и с остальными, с сотнями или даже тысячами существ, стекающихся на планету Плаумэна со всей Галактики. В бессильном отчаянии Джо хотел закричать. Но потом вдруг вспомнил слова Глиммунга, когда тот сидел в человеческом облике в ресторане космопорта: «Нет второстепенных жизней». И еще о смиренном пауке, о нищем рыболове в ночной мгле.

— Послушайте-ка. — Джо настроил микрофон на общую трансляцию. — Глиммунг кое-что объяснил мне еще там, на Земле. Он говорил о жизни в бесцельном ожидании чуда. О том, что для большинства людей чудес так и не происходит, и они умирают, растратив все силы на бессмысленное безделье. Глиммунг намекнул, что таким свершившимся чудом может стать для меня Ремесло. А восстановление Хельдскаллы — конечная цель моего бытия...

Джо говорил и чувствовал, как в нем крепнет вера в собственные слова, по ходу речи становясь едва ли не Абсолютом, могущественным и незыблемым. Джо ощущал, как вера эта меняет нечто внутри него. Да, она растет, дает невиданные доселе силы, и теперь Джо может заявить смело: «Аз есмь».

— То, что скрыто во мне, — попытался повторить он слова Глиммунга, — то, что дремлет в зародыше, все будет реализо-

вано... Когда он произнес это, я вдруг... — Джо осекся, подбирая нужное слово. Попутчики молча внимали ему. — Тьфу! Короче, ему известна вся моя жизнь. Он знает всю подноготную, будто залез ко мне в душу с фонариком.

— Да, он читает мысли! — подтвердил тщедушный юноша. По салону прокатился гул голосов.

— Более того, — ораторствовал Джо. — Черт возьми, у эсэсовцев есть приборы, сканирующие наши черепушки насквозь. И они используют их на каждом шагу. Вчера вон попробовали на мне.

— Я это тоже испытала, — подтвердила мисс Йохос и обратилась к остальным: — Мистер Фернрайт прав. Глиммунг заглянул в сердцевину моего естества. Сделал так, будто увидел весь путь моей прошлой жизни, все ее течение. И в итоге привел меня сюда. Он понял, что в настоящий момент жизнь моя скучна и бесцельна. И выбирать мне не из чего, кроме того, что он сам предлагает.

— Он снюхался с жандармами, — проворчал седовласый, но мисс Йохос перебила его:

— Откуда это известно? Мне кажется, что мы ударились в панику. Я думаю, что Глиммунг затеял это предприятие, чтобы спасти нас. Он увидел всю никчемность наших жизней и неизбежно жалкий конец. Он полюбил нас и решил спасти. Восстановление Хельдскаллы — это только предлог, а истинная цель — мы сами, все мы, может быть, несколько тысяч.... — Помолчав, она продолжала: — Три дня назад я попыталась покончить собой. Присоединила шланг пылесоса к выхлопной трубе машины, другой конец вывела в салон, затем села и включила мотор.

— А потом раздумали? — спросила хрупкая девушка со светлыми, как лен, волосами.

— Нет, — качнула головой мисс Йохос. — Двигатель дал сбой и снес шланг. Около часа я сидела, будто окаменев.

— И повторили попытку? — поинтересовался Джо.

— Собиралась это сделать сегодня, — ровным голосом ответила она. — На этот раз уже другим способом, чтоб уже наверняка.

— Послушайте, что я вам скажу. Это важно, — вмешался краснолицый мужчина.

Он издал хриплый, прерывистый вздох, то ли смущения, то ли покорности неизбежному.

— Я тоже собирался это сделать.

— Только не я, — заявил седовласый, прямо-таки закипев от гнева. Джо чуть ли не кожей почувствовал силу его возмуще-

ния. — Я вписался в это дело, поскольку речь зашла о больших деньгах. Вы знаете, кто я? — Он окинул взглядом попутчиков. — Я психокинетик. Лучший психокинетик на Земле. — Он раздраженно вскинул руку, и чей-то портфель из задней части салона взмыл в пространство и полетел к нему. Он легко поймал предмет и победно глянул по сторонам.

«Он заграбастал его, — мелькнуло у Джо, — так же, как Глиммунг — меня в подвале». Потом у него родилась мысль предельно сумасшедшая.

— Глиммунг здесь, — заявил Джо. — Он среди нас.

Потом, повернушись к седому, добавил:

— Глиммунг — это вы. Вы. Хотя изо всех сил и убеждаете нас не доверять ему.

Седовласый усмехнулся:

— Нет, мой друг. Я Харпер Болдуин, психокинетик, правительственный консультант. На вчерашний день, по крайней мере.

— Глиммунг все же где-то здесь, — заметила пухлая дама с копной смешных, почти что кукольных волос. Она потихоньку вязала и до сих помалкивала. — Он здесь, этот мужчина прав.

— Мистер Фернрайт, — заботливо предложила стюардесса, — позвольте, я вас всех представлю друг другу? Итак, эта милая девушка рядом с мистером Фернрайтом — мисс Мали Йохос. А этого джентльмена зовут... — Она затараторила дальше, но Джо не слушал; его не интересовали имена, кроме одного, может быть, — имени девушки в соседнем кресле. Все прошедшие сорок минут он чувствовал, как его все больше притягивает странная, угловатая, даже угрюмая красота незнакомки. «Ничего общего с Кейт, — думал Джо. — Полная противоположность. Действительно женственная натура. А Кейт — просто несостоявшийся мужик. Такие стараются кастрировать всех, направо и налево».

Представившись пассажирам, Харпер Болдуин заявил своим властным, стальным голосом:

— Как я понимаю, нам предложен статус рабов. Задумайтесь на минутку и вспомните всю эту историю. Как мы все здесь оказались? Нас поймали на приманку. Разве я не прав? — Он оглядел лица сидящих, ожидая поддержки.

— Планета Плаумэна, — заговорила мисс Йохос, — не является отсталой или дикой. Она населена активными развивающимися индивидами. Правда, их трудно назвать цивилизованными в строгом смысле слова, но это не стада охотников и даже не общины земледельцев. Там есть города. Законы.

Множество искусств, от танца до своеобразных шестнадцатиклеточных шахмат.

— Полная чепуха! — с возмущением выпалил Джо. Все повернулись к нему, удивленные его тоном. — Там живет лишь одно огромное дряхлое существо. Очевидно, беспомощное. И ничего похожего на развитую цивилизацию.

— Одну минутку, — поднял руку Харпер Болдуин. — Если упомянутое существо — Глиммунг, то он не беспомощен. Откуда вы взяли эти сведения, Фернрайт? Из официальной энциклопедии?

— Да. Правда, из второразрядной, — буркнул Джо.

— Что ж, если энциклопедия описывает Глиммунга как жалкое существо, — спокойно проговорила мисс Йохос, — мне интересно знать, о чем же в ней еще упоминается. Хотелось бы знать, насколько ваши представления о планете Плаумэна далеки от истины.

— Спящее, дряхлое... И безвредное, — промямлил Джо, чувствуя, как у него пылают уши.

Безобидность Глиммунга, однако, была отнюдь не очевидна, по крайней мере, для самого Джо. Как, впрочем, и для остальных.

Мисс Йохос встала.

— Простите, мне почему-то хочется перебраться в салон. Почитать журнал или вздремнуть. — Быстрыми мелкими шагами она вышла из пассажирского отделения.

— Я полагаю, — сказала пухлая дама с вязанием, не отрываясь от своего занятия, — что мистеру Фернрайту следовало бы догнать мисс Йохос и извиниться.

Джо встал и вышел вслед за Мали Йохос. Уши горели, к затылку, казалось, прикрепили чугунную гирю. Странное чувство овладело им, когда он спускался по ковровым ступенькам. «Словно я шагаю навстречу смерти. Или это, наоборот, начало жизни? Процесс рождения?»

Рано или поздно все прояснится. Но не сейчас.

Глава 6

Мисс Йохос действительно сидела в холле, в одном из огромных мягких кресел, и листала «Ramparts». Она не подняла глаз, но Джо догадался, что она услышала его шаги. Поэтому быстро проговорил:

— Откуда... откуда вы знаете так много о планете Плаумэна, мисс Йохос? Ведь, как я понимаю, вы черпали свои знания отнюдь не из энциклопедии. В отличие от меня.

Она продолжала молча читать.

После паузы Джо неловко уселся рядом, толком не зная, что сказать. С чего это он вдруг взбеленился? Она всего лишь высказалась о расе на планете Плаумэна... Джо мысленно выругал себя, теперь собственная выходка казалась ему столь же нелепой, как восприняли ее и остальные.

— А у нас появилась новая игра, — попытался он сменить тему. Девушка не отрывала взгляд от журнала. — Вы находите в архивах самые забавные газетные заголовки. Кто лучше. — Она молчала. — Могу сказать, какой заголовок показался мне самым смешным. Пришлось здорово попотеть. Я перерыл весь архив до 1962 года.

Мали Йохос подняла глаза. На лице не отразилось ни особого интереса, ни обиды. Только вежливое любопытство. Не более.

— Так что за заголовок, мистер Фернрайт?

— «Элмо Пласкетт топит гигантов», — сказал Джо.

— Кто это такой — Пласкетт?

— То-то и оно, — оживился Джо. — Он вышел из низов, никто о нем и понятия не имел. В этом-то и секрет. В общем, он появился в один прекрасный день, и только ему достался мяч, он всех победил...

— В баскетбол? — спросила мисс Йохос.

— В бейсбол.

— Ах да. Это когда играют на дюймы.

— Вы бывали на планете Плаумэна?

— Да, — просто ответила она после секундной паузы. Джо обратил внимание, что она скатала журнал в трубку, крепко сжав обеими руками. Лицо ее резко напряглось.

— Так вы все знаете из первых рук... А с Глиммунгом сталкиваться доводилось?

— Нет. Мы и не знали, что он там, полуживой или полумертвый — как вы выразились... Я не знаю. Прошу прощения. — Она отвернулась.

Джо хотел спросить что-то еще, но тут увидел в углу холла нечто, напоминающее машину ПЗВ. Он встал и подошел к ней, чтобы рассмотреть получше.

— Я могу помочь вам, сэр? — К нему спешила стюардесса. — Хотите, чтобы я заперла холл? Вы с мисс Йохос можете заняться любовью...

— Нет! — Джо даже вздрогнул от неожиданного предложения. Потом с напускным безразличием добавил: — Меня интересует вот это. — Он прикоснулся к пульту машины. — Сколько стоит обслуживание?

— Один раз за время полета вы можете включить ее бесплатно, — сказала стюардесса. — Повторно — две настоящих монеты по десять центов. Если хотите, я настрою машину для вас и мисс Йохос...

— Меня это не волнует, — подала голос мисс Йохос.

— Как несправедливо по отношению к мистеру Фернрайту, — заметила стюардесса. Она по-прежнему улыбалась, но взгляд ее был явно осуждающим. — Вы же понимаете, мисс, он не может воспользоваться машиной сам.

— Попробуйте. Что вам стоит? — удивляясь собственной наглости, попросил Джо.

— У нас с вами нет общего будущего.

— Но это может определить только машина, — запротестовал Джо. — Надо выяснить, можем ли...

— Я знаю, каким будет ответ, — прервала его Мали Йохос. — Я уже пробовала раньше. Впрочем, ладно, — коротко закончила она. — Посмотрите, как она работает. В виде... — Она подбирала слово. — В виде эксперимента.

— Спасибо, — улыбнулся Джо.

Стюардесса настраивала машину ПЗВ на быстрый эффективный режим, по ходу дела давая пояснения.

— ПЗВ означает «Под знаком Вечности», — объяснила она. — Многие думают, что машина может заглядывать в будущее, давать пророчества. Это неверно. Механизм посредством электродов присоединяется к мозгу каждого из вас и быстро снимает огромное количество данных. Затем он синтезирует данные и на базе теории вероятности дает экстраполяции: отвечает, чтобы скорее всего произошло с вами, если б вы сочетались браком либо просто вели совместную жизнь. Мне придется выбрить два кружка волос на ваших головах, чтобы подсоединить электроды. — Она достала маленькую безопасную бритву. — Какой срок вас интересует? — спросила стюардесса, выбрив по два пятнышка на головах Джо и Мали Йохос. — Год? Десять лет? Можете выбирать, но чем короче промежуток времени, тем точнее прогноз.

— Год, — решил Джо. Десять лет — срок невероятный. Может, ему столько и не прожить.

— Вас это устраивает, мисс Йохос? — спросила стюардесса.

— Да.

— Компьютеру потребуется минут пятнадцать на сбор и обработку всех данных, — сказала стюардесса, присоединяя два электрода к голове Джо и два — к голове Мали Йохос. — Просто посидите спокойно, расслабьтесь, никакого дискомфорта не будет. Вы даже ничего не почувствуете.

— Вы и я, мистер Фернрайт, — колко заметила Мали Йохос. — Вместе целый год. Какой насыщенный год обещает быть.

— Вы проделывали это раньше? — спросил Джо. — С другим мужчиной?

— Да.

— И совмещение было неудачным?

Она кивнула.

— Простите, что я причинил вам боль, — проговорил Джо тоном робким и извиняющимся.

— Вы упрекнули меня... — Мали Йохос заглянула в словарь. — Во лжи. Но я там была. А вы — нет.

— Я имел в виду только... — начал было Джо, но его прервала стюардесса.

— Компьютер сейчас собирает данные из вашей психики. Лучше всего, если вы расслабитесь и не будете ссориться. По возможности как бы плывите свободно... Пусть ваши души откроются, широко откроются и позволят датчикам снять информацию. Не думайте ни о чем конкретном.

«Легко сказать, — размышлял Джо мрачно, — да трудно сделать. Наверно, Кейт права. За десять минут я умудрился обидеть мисс Йохос, славную девушку и попутчицу... — Он тяжело вздохнул. — И все, что я могу ей предложить, — ахинею типа «Элмо Пласкетт топит гигантов»... Что может быть глупее? Чем такой осел, как я, сумеет увлечь женщину? Хотя, стоп! Мое ремесло! Эх, надо было сразу с него начать. В конце концов, это та ниточка, которая всех нас здесь связывает. Наши таланты, знания, навыки».

— Совсем забыл вам сказать, — выпалил Джо, будто боясь опоздать. — Я мастер-керамист.

— Знаю, — сказала Мали Йохос. — Я прочла вашу анкету, помните? — Теперь из голоса ее исчезла обида. Враждебность, вызванная бестактностью Джо, сошла на нет.

— Вас заинтересовала моя профессия? — как можно любезнее спросил Джо.

— Я очарована ею, — ответила Мали. — Вот почему я... — Она сделала жест, вновь нуждаясь в помощи словаря. — Восхищена сидением и говорением с вами. Скажите: вы делаете, чтобы горшки снова новые? Исправленные... нет, как вы говорите, — ре-ста...

— Реставрированная керамика имеет тот же вид, что до поломки. — Джо был польщен. — Разумеется, в мире нет ничего постоянного, все меняется, по фрагменту трудно вообразить

целое. Так и мне, конечно, нужно как можно больше осколков, чтобы воссоздать первоначальный вид.

«Я начинаю болтать в ее манере, — поймал себя Джо. — У нее сильный характер, я это нутром чую. Как заметил Юнг, существует архетип души, проявляющийся у мужчины при встрече с женщинами. Образ, спроецированный вначале на одну женщину, затем на другую, закрепляется надолго и силу имеет абсолютную. Надо быть поосторожнее. Взять хотя бы злополучную Кейт. Сколько я ни рыпался, меня все равно тянуло к ней, я лез напролом и разбивал лоб о стену злобной отчужденности. Не стоит повторять прежнюю ошибку. Ошибку под названием Кэтрин Блейн».

— Компьютер получил данные, — доложила стюардесса, снимая электроды. — На обработку уйдет две-три минуты.

— Как будет выглядеть результат? — спросил Джо. — В виде записи на ленте, типа перфокарты, или...

— Вам представят его в виде картины, изображающей типичную ситуацию из вашей совместной жизни год спустя, — сказала стюардесса. — В цвете и трехмерном изображении вон на той стене. — Она указала на лампы в конце холла.

— Можно закурить? — спросила Мали. — Мы же здесь не связаны земными законами.

— Курить табак на борту запрещается в течение всего полета, — строго сказала стюардесса. — Иначе будет нарушен кислородный баланс.

«Вечность» вступила в свои права: огни светильников потускнели, очертания предметов стали чуть смазанными, как на размытом водой рисунке. Джо будто бы погружался в облако, в белесый туман из детских снов. Лицо сидящей рядом девушки превратилось в темное пятно. Минуту спустя где-то в недрах зыбкого облака материализовался экран. Один за другим поплыли яркие цветовые образы. Джо увидел себя, склонившегося за верстаком; накрытый обеденный стол; Мали, расчесывающую волосы у туалетного столика. Образы быстро сменяли друг друга, а затем неожиданно появилась живая трехмерная картина.

Он увидел себя и Мали, медленно идущих по вечернему пляжу, держа друг друга за руки, в каком-то чужом, пустынном мире. Оптическая система, похожая на рыбий глаз, сместилась кверху, и Джо увидел лица — свое и Мали. Оба лучились безграничной нежностью. Джо удивился: такого выражения лица у него сроду не было. А у нее? Он оглянулся, но туманные полосы вновь закрыли картинку, и Джо так и не разобрал, как Мали воспринимает подобное зрелище.

— Надо же, — умилилась стюардесса. — А вы, похоже, счастливы.

— Оставьте нас в покое. Сейчас, — бросила Мали Йохос.

— Да-да, — засуетилась стюардесса. — Мне очень неловко, что я задержалась... — Она покинула холл; дверь защелкнулась.

— Они здесь повсюду, — пояснила Мали. — Все время полета. Ни за что не дают остаться в одиночестве.

— Она же должна была показать, как работает машина, — пожал плечами Джо.

— Черт возьми, я сама могла бы ее завести. — Голос ее почему-то вдруг стал напряженно-озлобленным, словно увиденная на экране идиллия вызвала в девушке чувства совершенно противоположные.

— Сдается мне, мы подходим друг другу, — изрек Джо.

— Ради всего святого! — простонала Мали и стукнула кулаком о поручень кресла. — То же самое этот ящик показывал и раньше. Для меня и Ральфа. Полная гармония во всем. И ничего не вышло! — Ее голос сорвался на хриплый стон; гнев, как выплеснувшийся раствор, густой и вязкий, наполнил холл. Джо почувствовал, как она вся съежилась, точно затравленный зверек. Неужели мимолетная иллюзия, глупый фокус компьютера сумел так взбудоражить ее?

— Нам же объяснили, — проговорил растерянно Джо, — что машина не предсказывает будущее. Она только собирает воедино всю информацию из нашей психики и выстраивает наиболее подходящую цепочку.

— Зачем она тогда вообще нужна? — сквозь силу прошептала Мали.

— К ней надо относиться, как к страховке от пожара, — попытался пошутить Джо. — Вы как бы требуете от нее возмещения убытков за обман, поскольку ваш дом в конечном счете не сгорел, другими словами, вы не нуждались в страховке.

— Это плохая аналогия.

— Простите, — промямлил Джо. Честно говоря, она его тоже достала. У женщин вечно настроение скачет, как вша на гребешке.

— Вы думаете, — зло выдавила Мали, — я обязана спать с вами только из-за того, что мы на картинке фланировали под ручку? Тунума мокимо гило, кей дей бифо дитикар сюат, — произнесла она на своем языке. Очевидно, нечто малопристойное.

Тут в дверь постучали.

— Эй, вы, двое, — раздался голос Харпера Болдуина. — Мы здесь обсуждаем нашу совместную работу. Вы оба нам нужны.

Джо встал и направился через темный холл.

Они проспорили два часа, но так и не договорились до чего-либо конкретного.

— Мы толком ни черта не знаем об этом Глиммунге, — хмуро жаловался Харпер Болдуин. И почему-то время от времени поглядывал на Мали Йохос. — Как я понимаю, вы больше всех знакомы с... гм... предметом. Только мне почему-то кажется, что сведений из вас и клещами не вытянуть. Проклятье, вы ведь скрыли даже, что уже бывали на планете Плаумэна. Если б не Фернрайт...

— Ее никто об этом и не спрашивал до меня, — отозвался Джо. — А на мой вопрос она ответила прямо.

— Что вы думаете, мисс Йохос? — спросил долговязый юноша в шарфе. — Глиммунг пытается нам помочь или же по сути готовит для своих нужд популяцию рабов-специалистов? Во втором случае нам выгоднее заставить корабль повернуть назад, прежде чем мы окажемся вблизи планеты Плаумэна. — Его голос дрожал от волнения.

Мали, сидевшая теперь позади Джо, наклонилась к нему и тихо проговорила:

— Давайте уйдем отсюда. Вернемся в холл. Все равно это пустая болтовня, а я хотела бы еще кое-что обсудить с вами.

— Хорошо, — охотно согласился он. Они встали и вновь направились к выходу.

— Опять они смываются, — застонал Болдуин. — Что вам так приспичило в холле, мисс Йохос?

— Мы предаемся любовным утехам. — Мали, замедлив шаг, одарила Болдуина ледяной улыбкой. И спокойно двинулась дальше.

— Не стоило так отвечать, — заметил Джо, когда они захлопнули за собой дверь. — Они, скорее всего, поверили вам.

— Но это правда, — пожала плечами Мали. — Человек только тогда обращается к «Вечности», когда его всерьез интересует кто-то другой. — Она села на кушетку и протянула Джо руки.

«Радость бывает слишком безумна, — подумал Джо, — слишком сильна, чтобы ее можно было описать. Тот, кто впервые это изрек, знал, о чем говорит».

Глава 7

Выйдя на орбиту планеты, корабль отстрелил тормозные ракеты, сбавляя скорость. Посадка ожидалась через полчаса.

Между тем Джо Фернрайт предавался сомнительному развлечению, перелистывая «Уолл-стрит джорнэл»; он давно за-

метил, что это издание всегда смакует самые изощренные новшества земной цивилизации. Чтение «Джорнэл» было чем-то вроде путешествия в ближайшее будущее — месяцев этак на шесть вперед.

«Новейшая изысканная модель дома в Нью-Джерси спроектирована специально для стариков, снабжена суперсовременным устройством, позволяющим сменить квартиранта легко и без задержек. Когда жилец умирает, электронные детекторы в стене фиксируют остановку пульса и запускают в действие устройство. Умершего подхватывают стандартные зажимы, встроенные в стену комнаты, где тут же, на месте, останки сжигаются дотла в асбестовой камере, таким образом в тот же день освобождая комнату для нового, также престарелого, жильца...»

Джо отшвырнул газету. «Лучше уж быть здесь, — решил он. — На матушке-Земле за нас уже все решили».

— Я проверила бронь, — подала голос Мали. — У всех заказаны комнаты в отеле «Олимпия», в самом большом городе планеты. Название города переводится как «Изумрудная голова»: он находится на извилистом мысу, на пятьдесят миль вдающемся в Маре Ностурм.

— Что такое Маре Ностурм? — спросил Джо.

— «Наш Океан».

Джо показал ей заметку в «Джорнэл», затем молча передал остальным пассажирам. Все прочли и переглянулись, наблюдая за реакцией друг друга.

— Мы сделали верный выбор, — проговорил наконец Харпер Болдуин. Остальные кивнули. — Лично я сыт этим изуверством по горло. — Он мотнул головой, гнев и отвращение исказили его лицо. — Хорошенькое общество мы построили, — пробормотал он.

Корабль благополучно приземлился. Правда, перед тем как выйти, пришлось немного повозиться. В шлюзовой камере не работала автоматика, и мужчины, кто покрепче, откручивали люк вручную. Снаружи водоворотом ворвался свежий, непривычно прохладный воздух. Джо решил, что океан где-то рядом. Прикрыв глаза рукой, он поглядел на свет тусклого солнца, различил темный абрис раскинувшегося вдалеке города, а за ним — серо-коричневую гряду холмов. «И все же океан где-то поблизости, — подумал Джо. — Мали права: на этой планете властвует океан. И все самое интересное мы найдем именно в океане».

С приклеенной улыбкой дежурной вежливости стюардесса проводила пассажиров до трапа, который вел вниз, на влажные плиты летного поля. Джо Фернрайт взял Мали под руку, и они стали спускаться. Оба молчали. Мали, казалось, была погружена в собственные мысли и не обращала внимания ни на попутчиков, ни на окружающий пейзаж. «Вспоминает... — решил Джо. — Наверное, с ней приключилась здесь какая-то чертовски неприятная история».

«А для меня, — подумал он, — это первый в жизни межзвездный полет. Эта суша подо мною — неземная твердь. Может, именно сейчас решается моя судьба, а я плетусь с постной физиономией».

Джо вдохнул полной грудью. Иной мир, иной воздух. Странное чувство...

— Только не говори, что находишь этот мир «неземным», — заметила Мали. И, как показалось Джо, немного раздраженно.

— Не понял, — удивился Джо. — Он ведь действительно неземной. Совершенно не похож...

— Да нет, это я так. — Мали махнула рукой. — Была у нас с Ральфом такая игра. Давно. Мы называли это «фактизмы». Сейчас я припомню парочку из них. Это он все придумывал. Вот, например: «Книжный бизнес бездарен». Или: «Растения прививаются то здесь, то там повсеместно». Еще... «Оператор разъединил связь». Мне это всегда нравилось: как будто имеется единая гигантская связь, один чудовищных размеров телефон. «В 1945 году атомная энергия электрифицировала мир»... Ясно? — Она взглянула на Джо. — Не понимаешь... Ну и что?

— Все это категорические заключения, — сказал Джо. — Как я понял. Так в чем игра?

— А как тебе нравится: «Запрос сената о современном применении поясного оружия отфутболен»? Я нашла это в газете. Думаю, что остальные Ральф тоже отыскал в газетах или по телевизору; они наверняка настоящие. Все у нас с Ральфом было по-настоящему, — добавила она хмуро. — Но только вначале.

Массивное бурое существо, напоминающее крысу, осторожно приблизилось к Джо и Мали. Оно тащило какой-то груз; оказалось, что это охапка книг.

— Спиддл, — объяснила Мали, указывая на усердного крысюка. Точно такой же привязался к Харперу Болдуину. — Дитя здешней природы. В отличие от Глиммунга. Здесь водятся и другие. — Мали начала загибать пальцы: — Спиддлы, вабы, верджи, клаки, тробы и принты. Они остались со старых вре-

мен, пережив Туманных Существ античности... Он хочет, чтобы ты купил у него книгу.

Спиддл тронул лапой крошечный магнитофон, укрепленный на поясе; включилась запись.

— История чарующего мира во всех подробностях. — Фраза прозвучала по-английски, а затем, очевидно, и на множестве других языков; так или иначе, английской речи больше на пленке не было.

— Купи, — предложила Мали.

— Что? — переспросил Джо.

— Купи у него книгу.

— Ты знаешь, о чем она?

— В этом мире существует только одна книга, — сказала Мали серьезным тоном.

— В мире? Имеется в виду — на этой планете? Или вообще?

— На планете Плаумэна есть только эта книга, — уточнила Мали.

— И люди не устают ее читать?

— Книга меняется. — Мали протянула спиддлу десять центов. Существо приняло деньги с величайшим почтением. Купленный экземпляр Мали вручила Джо.

— Странно, нет ни названия, ни автора, — удивился Джо.

— Она написана группой существ, или созданий... не помню, как это по-английски. Они фиксируют все, что делается на планете. Все. Большое и малое, — говорила Мали, пока они добирались до здания космопорта.

— Тогда это газета, — предположил Джо.

Мали остановилась, и вновь в ее глазах мелькнула искра гнева.

— Календы ткут историю, — сказала она как можно спокойнее. — Они заносят события в непрерывно меняющуюся книгу, а затем уже эти события происходят.

— Предсказывают, — поправил Джо.

— А вот тут вопрос: что причина, а что следствие. Календы записали в своем бесконечном сценарии, что Туманные Существа исчезнут. И они действительно исчезли. Можно ли считать, что Календы погубили их? Спиддлы, к примеру, так и решили. Они очень суеверны, — добавила она.

Джо наугад раскрыл книгу. Текст не английский: он не узнал ни строя языка, ни даже алфавита. Однако, полистав немного, он наткнулся на коротенькую главку на английском, окруженную множеством записей на чужом языке:

«Девушка Мали Йохос — специалист по очистке затонувших предметов от коралловых отложений. Из различных звездных

систем прибыло множество профессионалов: геологи, конструкторы, инженеры-гидравлики, сейсмологи. Есть археолог, у него богатый опыт по глубинным работам. Многоногий моллюск — уникальный инженер-спасатель. Прилетело на планету даже кишечнополостное, способное...»

В этом месте привычный земной текст обрывался и снова шла тарабарщина. Озадаченный, Джо захлопнул книгу.

— Быть может, я здесь тоже где-нибудь упомянут, — проговорил он. Они подходили к эскалатору, ведущему в зал космопорта.

— Вполне возможно, — спокойно сказала Мали. — Как говорится, ищущий да обрящет. Только зачем? Ну, найдешь ты. А дальше? Что будет пробо... извини, твориться у тебя в душе?

— Кошмар, — рассеянно заметил Джо.

Наземное такси доставило их в гостиницу. Всю дорогу Джо Фернрайт продолжал изучать странную книгу. У нее даже не было заглавия. Его настолько затянул этот загадочный текст, что знакомство с новым миром отошло на второй план. Джо не обращал никакого внимания на сверкающие всеми цветами радуги витрины, на снующих по улицам удивительных существ. Он весьма смутно уловил облик города. Зато обнаружил в книге другой отрывок на английском:

«Очевидно, Предприятие подразумевает подъем и восстановление затонувших частей, возможно, судя по количеству приглашенных инженеров, — частей огромного размера. Почти несомненно речь идет о целом городе или даже целой цивилизации, скорее всего давно погибшей».

И вновь бежали буквы незнакомого алфавита, состоящие из точек и тире: наподобие азбуки Морзе.

— Авторы книги знают о восстановлении Хельдскаллы, — сказал Джо своей спутнице.

— Да, — коротко отозвалась Мали.

— Но где же предвидение? — спросил Джо. — Это же абсолютное совпадение с настоящим временем — точно по часам, возможно, плюс-минус час. И не более того.

— Его можно найти, если исследовать текст долго, — ответила Мали. — Оно скрыто среди различных отрывков. Все они — лишь перевод основного текста. Книга, как золотой нитью, пронизана насквозь единой линией. Линия прошлого, переходящая в наше время и затем в будущее. Вписана сюда и судьба Хельдскаллы, и судьба Глиммунга. И наше будущее. Пестрый

ковер бытия выткан нитью времени Календ. Их времени, лежащего за пределами обыденной сути вещей.

— Так ты и раньше знала об этой книге?

— Я видела ее, когда мы с Ральфом здесь были. Машина предсказала нам полную идиллию. Но в книге Календ обнаружилась запись о том, что Ральф... — Она осеклась. — Он покончил с собой. А сначала пытался убить меня.

— И книга Календ предсказала это?

— Да. Именно. Я помню, как мы с Ральфом впервые прочитали текст и не могли поверить. Нам казалось, что «Вечность» дает абсолютную гарантию, а эта книжка — просто старушечьи басни. Вымысел сотни старух, которые выжили из ума и специально предсказывают всякие пакости.

— Почему же машина ошиблась?

— Потому что не зафиксировала одну подробность. У Ральфа был синдром Уитни. Психологическая реакция на фенамин. Паранойя со склонностью к агрессии. Он считал, что у него лишний вес, и принимал это лекарство, как... — Она искала слово.

— Как средство, подавляющее аппетит, — помог Джо. — Типа алкоголя.

«Что хорошо одному, плохо другому, — подумал он. — Надо же, синдром Уитни... Ведь он не вызывается передозировкой: если есть предрасположенность, достаточно ничтожного количества. Так и с алкоголиками: стоит принять чуть-чуть, и происходит срыв, а потом в итоге окончательная деградация».

— Какой кошмар, — пробормотал Джо.

Такси затормозило у поребрика. Водитель, существо наподобие бобра, с выступающими наружу грозными резцами, проворчал нечто на непонятном Джо языке; Мали, однако, кивнула и сунула ему в лапу горсть монет. Они ступили на тротуар.

— Как полторы сотни лет назад, — промолвил Джо, оглядевшись по сторонам. Наземные автотрассы, дуговой газовый свет... такой, наверное, была Земля во времена президента Франклина Рузвельта. Джо стало интересно и даже весело. Понравился чем-то ему этот мир. Чуть позже он понял чем. Темпом жизни. Все происходило медленнее, чем на Земле. К тому же город не был так плотно населен, как земные города. Редкие прохожие фланировали туда-сюда по улицам, пешком (передвигая то, что у них считалось конечностями) или на машинах.

— Пойми, почему я на тебя рассердилась, — проговорила Мали, уловив состояние Джо. — Ты плел какие-то небылицы о

планете, которая шесть лет была моим домом. А теперь... — Она взмахнула рукой. — Я вернулась. И снова, как тогда, верю в пророчества машины...

— Пойдем в гостиницу, — предложил Джо. — И выпьем.

Через вращающуюся дверь они вошли в отель «Олимпия». Со всех сторон их окружила ветхая старина: деревянные полы, лепные украшения, латунные полированные перила, дверные ручки замысловатого литья, пушистые узорчатые ковры. И древний механический лифт — никакой электроники, догадался Джо.

В номере, обставленном железной кроватью, комодом, заляпанным краской зеркалом и парусиновой ветрозащитной занавеской, Джо уселся на кособокий, выцветший стул и продолжил изучение Книги.

Не так давно он был увлечен Игрой. Теперь — Книга. Впрочем, пророческое творчество Календ трудно с чем-нибудь сравнивать. И чем дальше Джо углублялся в текст, тем яснее это становилось. Постепенно, водя глазами по строкам, он начал мысленно составлять воедино весь английский вариант, определяя последовательность отдельных кусков.

— Пойду-ка я приму ванну, — сказала Мали. Она уже распаковала чемодан, и ее одежда теперь грудой лежала на постели. — Не странно ли, Джо? — спросила девушка. — Нам приходится брать две комнаты. Как сто лет назад.

— Может быть, — оторвавшись от Книги, ответил Джо.

Она вошла в комнату. Что ж, зрелище впечатляет. Трико в обтяжку. Обнажена до пояса. Маленькая грудь. Высокая и статная фигура.

«Тело танцовщицы, — подумал Джо, — или... кроманьонки, первобытной охотницы, привыкшей к долгим, тяжелым странствиям». У девушки не было ни грамма лишнего веса. Тогда, на корабле, Джо познавал ее тело на ощупь, теперь же смог разглядеть. Помнится, у Кейт фигурка тоже была ничего — да и сейчас, пожалуй, осталась. Неожиданно всплывший образ бывшей жены вызвал раздражение. Джо опять занялся Книгой.

— Ты спал бы со мной, если б я была циклопом? — спросила Мали. Она показала ему пятнышко над переносицей. — Представь себе: вот здесь один глаз. Помнишь Полифема из «Одиссеи»? Ему вроде бы выкололи глаз горящей палкой...

— Послушай, — перебил ее Джо. Он стал читать Книгу вслух: — «Ныне доминирующим существом на планете является так называемый Глиммунг. Это огромное, странное со-

здание имеет внешнее происхождение; оно мигрировало на планету несколько веков назад, сменив более слабые виды, когда прежде доминировавший вид, так называемые Туманные Существа античности, исчез. — Джо поманил Мали, чтобы она подошла. — Власть Глиммунга, однако, существенно ограничена загадочной книгой, в которой якобы зафиксировано все, что было прежде и что будет». — Он захлопнул Книгу. — Видишь, Книга рассказывает о себе самой.

Мали подошла к нему и наклонилась над текстом.

— Посмотрим, что там написано дальше, — сказала она.

— Это все. Английский вариант на этом обрывается.

Взяв Книгу из его рук, Мали начала листать страницы. Она нахмурилась, лицо ее стало напряженным и строгим.

— Вот оно, Джо, — наконец проговорила девушка. — Я же предупреждала. Здесь написано о тебе.

Он выхватил Книгу и быстро прочел: «Джо Фернрайту удается выяснить, что Глиммунг считает Календ и их Книгу своими соперниками и якобы намеревается ликвидировать Календ раз и навсегда. Как он предполагает это сделать, остается неясным. Версии на этот счет расходятся».

— Дай-ка я полистаю еще. — Мали пристально вгляделась в следующие страницы и вдруг застыла; лицо ее потемнело.

— Это мой родной язык, — прошептала она. Потом долго, очень долго изучала отрывок. И по мере того, как она вновь и вновь его перечитывала, ее лицо, и без того напряженное, приняло выражение крайнего возбуждения.

— Там сказано, — наконец произнесла она, — что смысл предприятия Глиммунга в том, чтобы вновь выстроить на суше храм Хельдскалла. И у него это не получится.

— И все?.. — Джо не отводил взгляда от ее лица и прекрасно видел, что девушка чего-то не договаривает.

— Здесь еще сказано, что большинство приглашенных в помощь Глиммунгу погибнет, когда Предприятие провалится... Нет. Не погибнет... Иначе... «Туджик»... Будут сломлены или канут в небытие... Изуродованы. Вот так. На них обрушится некая разрушающая сила, и возможности им сразу же помочь не будет.

— Как ты думаешь, Глиммунг знает об этих пророчествах? — спросил Джо. — О том, что у него ничего не получится, а мы...

— Конечно, знает. Здесь так и написано: «Глиммунг считает Календ и их Книгу своими противниками и намеревается их ликвидировать». И дальше: «Он восстанавливает Хельдскаллу, чтобы подорвать их силу».

— Этого там нет, — заметил Джо. — Там говорится: «Как он предполагает это сделать, остается неясным. Версии на этот счет расходятся...»

— Но речь, скорее всего, идет именно о Хельдскалле. — Она прошлась по комнате, нервно сцепив пальцы. — Ты же сам сказал: авторы Книги знают о восстановлении храма. Просто нужно совместить два отрывка. Неужели не понятно, что здесь — наше будущее, судьба Глиммунга, судьба Хельдскаллы. А нам суждено уйти в небытие, погибнуть. — Она замерла, в отчаянии глядя на Джо. — Вот так погибли Туманные Существа. Они бросили вызов Книге Календ. Спиддлы могут подтвердить; они до сих пор стрекочут об этом.

— Нужно все рассказать остальным, — решил Джо.

В дверь постучали. И в номер осторожно заглянул Харпер Болдуин.

— Простите, что потревожил вас, — пробасил он, — но мы тут читали эту Книгу... — Он держал в руках свой экземпляр. — Тут о нас всякая дрянь понаписана. Я потребовал, чтоб дирекция гостиницы оповестила всех гостей об общей встрече в главном конференц-зале через полчаса.

— Мы придем, — сказал Джо. Мали Йохос кивнула. Ее полуобнаженное тело напряглось, будто в ожидании чего-то неизбежного, сулящего боль и страх.

Глава 8

Через полчаса главный конференц-зал отеля заполнили представители сорока цивилизаций обитаемой Вселенной. Джо, оглядев это невероятное сборище разумных существ, обнаружил, что некоторых из них он на Земле запросто употреблял в пищу. Большинство видов ему были не знакомы. Глиммунг действительно облетел множество звездных систем, чтобы отыскать нужных специалистов. Больше, чем Джо мог себе представить.

— Слушай, — шепнул Джо своей спутнице, — сейчас, скорее всего, мы увидим Глиммунга в истинном обличье. Он наверняка покажется таким, каков на самом деле.

Мали хмыкнула:

— Что ты! Глиммунг весит сорок тысяч тонн. Появись он здесь, и здание развалится на куски.

— Тогда он, наверное, превратится в птицу...

Харпер Болдуин, выйдя к микрофону, постучал по столу, призывая к тишине.

— Начнем, друзья, — произнес он, и все гости через наушники услышали перевод на свой язык.

— Типа цыпленка? — Мали удивила последняя реплика Джо.

— Цыпленок — это будущая курица. А курица, как известно, не птица. Так же, как и... Ой, пардон! Я хотел сказать, что куры не летают, а только ходят по двору и ковыряются в отбросах. А Глиммунга я представляю чем-то вроде огромного парящего альбатроса.

— Глиммунг не парит в облаках, — возразила Мали. — Однажды он предстал передо мной в виде... — Она осеклась. — Ладно, Бог с ним.

— Наше сегодняшнее собрание, — вещал тем временем Харпер Болдуин, — связано с так называемой Книгой. Мы тут недавно с ней ознакомились. Те, кто прожил на планете изрядное время, должно быть, сумел понять суть Книги. У них наверняка сложилось собственное...

Многоногое кишечнополостное потянулось к микрофону:

— Конечно, мы знакомы с Книгой. Спиддлы торгуют ею в порту.

— У нас в руках новое издание, — проговорила Мали в свой микрофон. — Возможно, оно содержит материал, который вам неизвестен.

— Мы покупаем каждый день свежий экземпляр, — ответило кишечнополостное.

— Тогда вы знаете, о чем там речь. Восстановление Хельдскаллы провалится, — сказал Джо. — А нас убьют.

— Смысл предсказания не совсем тот, — возразило существо. — Правильнее будет так: все помощники Глиммунга подвергнутся мощному воздействию, перенесут некий удар, и последствия удара станут необратимыми.

Слово взяла огромная стрекоза, догадавшаяся подлететь к Болдуину и взгромоздиться ему на плечо. Она обратилась к кишечнополостному:

— Нет сомнения, однако, что Книга Календ предсказывает провал попытки восстановить храм.

Кишечнополостное уступило микрофон розоватому желе, которое было заключено в металлическую рамку, удерживавшую его в стоячем положении; только так существо могло вступить в дискуссию. Видимо, очень робкое, желе густо покраснело, начав говорить:

— Задача текста вроде бы состоит в том, чтобы доказать обреченность проекта. Подчеркиваю — вроде бы! Я лингвист и при-

глашен Глиммунгом в этом качестве, поскольку в храме под водой имеются бесчисленные документы. Ключевая фраза: «Предприятие провалится» — повторена в Книге сто двадцать три раза. Я прочел каждый из переводов и смею утверждать, что наиболее точно текст означает: «За восстановлением последует провал». То есть оно скорее *приведет* к провалу, нежели *провалится как таковое.*

— Не вижу разницы. — Харпер Болдуин нахмурился. — В любом случае нам важна та часть, где упоминается наша гибель или мучения. Разве Книга не всегда права? Существо, у которого я ее купил, утверждает, что Книга не ошибается.

— Продавцы Книги получают с каждой сделки сорок процентов прибыли, — заявило розоватое желе. — Естественно, они утверждают, что каждая строка — истина.

Джо вскочил, уязвленный насмешкой.

— С тем же успехом вы можете обвинить всех врачей во Вселенной в корыстном отношении к делу: мол, если вы заболели, то в этом их вина.

Мали со смехом усадила Джо в кресло.

— Господи, — проговорила она, прикрывая ладонью улыбку, — никто еще, наверное, за двести лет не вставал на защиту бедных спиддлов. Только теперь они обрели... как это называется... авокадо.

— Адвоката, — проворчал Джо, все еще кипя от возмущения. — Черт возьми, ведь речь идет о нашей жизни! Это же не политические дебаты. И не собрание налогоплательщиков по поводу городского транспорта.

По залу, как внезапно налетевший ветер, пронесся гул голосов. Все заговорили одновременно. Мастера пытались переспорить друг друга.

— Я настаиваю, — кричал Харпер Болдуин, — чтобы мы действовали сообща. Надо создать что-то вроде союза, который будет отстаивать наши интересы в споре с Глиммунгом. Но прежде всего, уважаемые друзья и коллеги, сидящие или летающие, я предлагаю провести голосование: хотим мы участвовать в предприятии или нет. Может, не хотим? Предпочитаем лучше вернуться по домам? Давайте узнаем, каково наше коллективное мнение. Итак, кто из вас за то, чтобы приступить к работе... — Договорить он не успел. Оглушительный грохот заполнил конференц-зал. Голос Харпера Болдуина был уже не слышен. Как, собственно, и любая другая речь.

Это явился Глиммунг.

Наверное, это его истинный облик, решил Джо, когда увидел и услышал Глиммунга. Без всяких сомнений, это настоящий, всамделишный Глиммунг.

Со страшным шумом, будто десять тысяч старых ржавых бочек кто-то размешивал гигантской деревянной ложкой, Глиммунг взгромоздился на помост в конце конференц-зала. Его туловище дрожало и сотрясалось, глубоко изнутри несся глухой стон. Он нарастал и нарастал, переходя в хриплый рев. «Зверь, — подумал Джо. — Зверь, попавший в западню. Одной лапой. И пытающийся теперь выбраться, но тщетно — слишком хитра ловушка».

Неведомо откуда ударили фонтаны соленой морской воды, вместе с мелкими рыбешками и водорослями, — весь зал мгновенно заполнился резким йодистым запахом и рокочущим гулом моря. И в центре всего этого металась огромная туша Глиммунга.

— Нет, к такому они не пойдут, — вполголоса произнес Джо. Господи Боже — бурая слизь трепещущих щупалец, хлещущих, корчащихся змей, лезущих из каждой точки гигантского туловища... Все это вздыбилось, а затем, со свирепым ревом, провалилось под пол, раскидав по всему залу ошметки морской травы и кораллов. Из зияющего провала, словно дым из труб, с шипением вырвались струи пара. Но Глиммунга уже не было видно. Как и предсказывала Мали, его вес был слишком велик. Теперь Глиммунг внизу, у основания здания, на десять этажей ниже.

— На-на-наверное, мы должны спуститься и переговорить с ним, — проскрипел в микрофон потрясенный Харпер Болдуин. Он нагнулся, видимо к чему-то прислушиваясь, затем выпрямился. — По-моему, он угодил в подвал. Он... — Болдуин отчаянно взмахнул рукой, — он проломил насквозь все этажи подряд.

— Я знала, что это случится, если ему вздумается прийти, — заметила Мали. — Что ж, придется вести переговоры в подвале. — Мали и Джо поднялись, чтобы присоединиться к толпе любопытных, уже скопившейся возле лифтов.

«Лучше бы он явился в виде альбатроса».

Глава 9

Когда первые желающие пообщаться с монстром добрались до подвала, Глиммунг проревел им свое сердечное приветствие.

— Переводчики вам не понадобятся, — объявил он. — Я буду общаться телепатически, с каждым на его языке.

Туща чудовища заполнила почти весь подвал: мастерам пришлось оставаться у лифтов. В тесном, полутемном помещении казался чуть меньше, но это было обманчивое впечатление. Он оставался таким же огромным.

Джо набрал полную грудь воздуха и, загнав поглубже страх, выпалил:

— Глиммунг, вы расплатитесь с отелем за нанесенный ущерб?

— Мой чек будет на почте завтра утром, — ответствовал Глиммунг.

— Мистер Фернрайт просто пошутил, — занервничал Болдуин, — насчет платы за отель.

— Ничего себе шутка, — возмутился Джо, — разворотить десять этажей! А вдруг при этом кого-нибудь раздавило? Так можно запросто угробить минимум человек сто и еще столько же покалечить.

— Нет-нет, — заверил его Глиммунг. — Никто не пострадал. Но вопрос справедливый, мистер Фернрайт. — Джо внезапно почувствовал, как внутри его мозга кто-то копается, словно у себя в кармане. Глиммунг! Этот телепат потихоньку рыщет в самых заветных уголках разума. «Интересно, что он там хочет найти?» — подумал Джо. И сразу же в сознании зазвучал ответ:

— Меня интересует ваша реакция на Книгу Календ. — Потом Глиммунг обратился уже ко всем: — Из прибывших мастеров только мисс Йохос знала о Книге. Остальных мне сейчас придется проверить. Это займет всего минуту. — Тут Джо почувствовал, как астральные щупальца Глиммунга куда-то переместились.

— Я хочу задать ему вопрос, — шепнула Мали. И спросила, тоже вначале набрав побольше воздуха, чтобы собраться с духом. — Глиммунг, — резко сказала она, — ответьте мне. Вы не собираетесь вскоре умереть?

Огромное туловище свела судорога, щупальца, похожие на хлысты, вздыбились было, но потом бессильно обвисли.

— Разве об этом сказано в Книге Календ? — отозвался Глиммунг. — Если б я собрался, то предупредил.

— Книга непогрешима, — напомнила Мали.

— У вас нет причин считать, что я при смерти, — заявил Глиммунг.

— Конечно нет, — ответила Мали. — Я задала этот вопрос, чтобы кое-что выяснить. И я выяснила.

— Когда у меня дурное настроение или приступ меланхолии, — проговорил Глиммунг, — я вспоминаю Книгу и предсказание Календ о том, что я не смогу ничего осуществить, и

храм так навсегда и останется на дне Маре Нострум. В такие минуты я действительно верю в могущество Книги.

— Но это когда у вас дурное настроение, — заметил Джо.

— Каждое живое существо,— сказал Гликмунг, — переживает периоды подъема и упадка. У меня точно такой же ритм жизни, как и у вас. Я больше, старше вас, я могу делать многие вещи, которые недоступны всем вам, вместе взятым. Но бывает время, когда солнце клонится к закату, когда смеркается и близка настоящая ночь. До меня то и дело доходят лучики света, но его источник слишком далек. А там, где я обитаю, совсем темно. Конечно, я могу сам производить жизнь и свет вокруг себя, но это лишь продолжение меня самого. Правда, теперь кое-что изменилось, сюда стали прибывать мастера. Те, кто прилетел вместе с мисс Мали Йохос, мистером Фернрайтом и мистером Болдуином, — последнее пополнение.

«Интересно, покинем ли мы эту планету», — подумал Джо. Он вспомнил Землю; вспомнил Игру и свой жилой модуль с мертвым черным окном; вспомнил о шутовском государственном пособии. Он вспомнил Кейт. «Больше я ей не позвоню, — мелькнула у Джо мысль. — Я почему-то в этом уверен. Наверное, из-за Мали. А может, из-за всей этой истории — с Гликмунгом, с его Предприятием».

А это падение Гликмунга сквозь пол? Провалиться сквозь десять этажей, чтобы потом скрючиться в подвале. За этим явно что-то кроется... И тут Джо осенило. Ведь Гликмунг прекрасно знает собственный вес. Как и говорила Мали, никакой пол его бы не выдержал. Гликмунг все проделал умышленно.

«Так что теперь нам нет смысла его бояться, — думал Джо. — Теперь, когда наконец мы увидели его в настоящем обличье. Хотя, может, и наоборот: надо уносить ноги, пока не поздно. Что еще взбредет в голову монстру?..»

— Боитесь меня? — дошел до него мысленный вопрос Гликмунга.

— Боюсь всего проекта, — откликнулся Джо. — Слишком мало шансов на успех.

— Вы правы, — сказал Гликмунг. — Речь идет о шансах, о вероятности. Статистической вероятности. Может быть, получится. Может быть, и нет. Не могу утверждать. Только надеюсь. У меня нет уверенности в будущем — как и у всех, включая Календ. На этом основана моя позиция. И мои намерения.

— Но попытка и затем провал... — начал было Джо.

— Разве это так ужасно? — перебил Гликмунг. — Я вам скажу кое-что: вы все обладаете одним свойством, общим качест-

вом. Вам так часто не везло, что у вас возник комплекс неудачника.

«Я думал об этом, — вспомнил Джо. — В общем, так оно и есть».

— Чем я, собственно, занимаюсь? Я пытаюсь понять, насколько я силен, — продолжал Глиммунг. — Ведь не существует универсального способа определения границ чьей-либо силы. Это можно узнать только в таком деле, которое выдает реальную ограниченность очевидно конечных — но огромных — сил. Провал так же много мне расскажет, как и успех. Понимаете? Нет, вы не понимаете. Вы парализованы. Вот почему я привлек вас сюда. Самопознание — вот то, чего я достигну. Того же достигнете и вы — каждый для себя.

— А если у нас не получится? — спросила Мали.

— Самопознание все равно состоится, — уверенно заявил Глиммунг. Он был немного удивлен непониманием собравшимися столь очевидных и простых истин. — Так вы по-прежнему не уяснили ничего? — спросил он их всех. — Вы поймете, прежде чем это закончится. Те из вас, конечно, кто захочет.

— Значит, мы все же имеем право выбора? — прошепелявило грибовидное существо.

— Те из вас, кто желает вернуться, имеют такую возможность, — сказал Глиммунг. — Я обеспечу возвращение — по высшему разряду. Но предупреждаю: вы вернетесь туда, откуда бежали. Как и прежде, жизнь будет невыносимой. Вспомните-ка, ведь каждый из вас намеревался покончить с собой. Некоторых даже пришлось вытаскивать из лап смерти. Вспомнили? То-то! Не делайте свое будущее таким же, каким было прошлое.

Наступило неловкое молчание.

— Я ухожу, — хрипло бросил Харпер Болдуин.

Еще несколько существ приблизились к нему, подтверждая этим, что тоже намерены уйти.

— Что ты решил? — спросила Мали у Джо.

— Позади у меня жандармы, — пробормотал Джо. «Ну, а впереди — смерть, — подумал он. — Как и у тебя... как у всех нас». — Нет, — сказал Джо твердо. — Надо сделать попытку. Само собой, есть шанс, что он... что мы разобьем себе лоб. Но доля истины в его словах присутствует: даже полный провал имеет ценность. Он хочет показать пределы наших возможностей, обозначить своего рода границы.

— Если ты дашь мне настоящую сигарету, — сказала Мали, передернувшись то ли от холода, то ли от страха, — я тоже останусь. Но я до смерти хочу курить.

— Ничего не стоит хотеть до смерти, — заметил Джо. — Хотя за попытку испытать свои силы я готов умереть. Даже если мы при этом провалимся через десять этажей.

— А другие остаются? — спросил Глиммунг.

— Точно, — проскрипел одностворчатый моллюск.

— Я... наверное, тоже останусь, — пристыженно произнес Харпер Болдуин.

— Тогда приступим к делу, — удовлетворенно скрипнул Глиммунг.

Возле отеля припарковалось несколько мощных грузовиков. В каждом из них сидел водитель, и каждый имел свое задание.

Приземистое существо с длинным тонким хвостом приблизилось к Джо и Мали, энергично сжимая пушистой лапой папку для бумаг.

— Вы двое идите со мной, — объявило оно, а затем выбрало из состава группы еще одиннадцать мастеров.

— Это вердж, — объяснила Мали. — Наш водитель. Верджи способны развивать необыкновенную скорость, поскольку обладают очень быстрой реакцией. Не пройдет и минуты, как мы доберемся до мыса.

— Как нас довезут, — рассеянно поправил ее Джо, забираясь на сиденье в дальнем конце грузовика.

Остальные мастера втиснулись в машину вместе с Джо и Мали, и грузовик вздрогнул от рева двигателя.

— Что это за устройство? — спросил Джо, удивленный непривычным шумом мотора.

— Это двигатель внутреннего сгорания, — пропищал в ответ добродушный моллюск. — Пых, пых, пых — и так всю дорогу.

— Граница... — вздохнул Джо. У него сладко засосало под ложечкой. Да, черт возьми, это граница Дикого Запада, и мы снова в деревянной хижине с Авраамом Линкольном, Дэниэлом Буном и так далее. С первопроходцами былых времен.

Один за другим грузовики растворялись в ночи. Огни мерцали во мгле, подобно стаям невиданных светящихся насекомых.

— Глиммунг будет ждать нас, — сказала Мали. — Там, на месте. — У нее был усталый голос. — Он способен свободно перемещаться в пространстве благодаря некой пульсации, исходящей из его нервной системы. Стоит ему захотеть, и он может перебраться из одного места в другое без потери времени. — Она кашлянула и потерла рукой слипающиеся глаза.

— Это правда, — отозвался участливый моллюск, протягивая Мали для знакомства свою ложноножку. — Позвольте представиться: я Нерб Коль Дак с Сириуса-Три. Мисс Йохос, мы все с нетерпением ждали прибытия вашего рейса. Было ясно, что мы сможем приступить к работе, только когда появитесь вы. Похоже, что так оно и есть. Но я особенно рад познакомиться с вами. Ведь моя задача — определять местонахождение объектов, проросших кораллами, которые затем прямо из моря попадут в вашу мастерскую.

— А я инженер по поиску разрозненных предметов искусства, — проговорило паукообразное, сверкнув черным глянцем хитина. — Мне предстоит транспортировать объекты в вашу мастерскую, мисс Йохос, по заявкам мистера Нерба Коль Дака.

— Вы проводили какую-нибудь предварительную работу, пока ждали нас? — спросила Мали.

— До сих пор Гликмунг держал нас в отеле, — объяснил моллюск. — У нас были две задачи. Во-первых, мы изучали все документы, имеющие отношение к истории Хельдскаллы. Во-вторых, наблюдали по видеомонитору, как роботы-сенсоры сканировали участки затонувшего храма. На экранах мы видели Хельдскаллу бесчисленное множество раз. Но до сих пор нам не представлялась возможность прикоснуться к ней непосредственно.

— Сейчас бы поспать, — сказала Мали. Она крепко прижалась к Джо и положила ему голову на плечо. — Разбуди меня, когда приедем...

— Все это Предприятие, — продолжало паукообразное, обращаясь к Джо и моллюску, — напоминает мне земную сагу, которую когда-то в колледже нас учили запоминать наизусть. Это было сильное впечатление...

— Он имеет в виду предание о Фаусте, — уточнил моллюск. — Тему человека, который стремится вперед и не может успокоиться. Гликмунг чем-то напоминает Фауста, в чем-то — нет.

Паукообразное, волнуясь, зашевелило усами.

— Гликмунг во всем похож на Фауста. Во всяком случае, если придерживаться версии «Фауста» Гете.

«Странное дело, — думал Джо. — Хитиновый многоногий паук и двустворчатый моллюск с ложноножками обсуждают «Фауста» Гете. Книгу, которую я никогда не читал, хотя она создана на моей планете, является творением человеческой культуры...»

— Впрочем, трудность трактовки во многом связана с переводом, — говорило паукообразное. — Ведь книга была написана на ныне исчезнувшем языке...

— На немецком, — подсказал Джо. Это, по крайней мере, он знал.

— Видите ли, я сделал... — Паукообразное запустило лапки в свою дорожную сумку. — Чёрт возьми, — произнесло оно. — Все проваливается на дно... Вот. — Оно вытащило многократно сложенный лист бумаги и аккуратно развернуло его лапками. — Я сделал собственный перевод на современный земной язык, ранее называвшийся английским. Здесь у меня записана ключевая сцена из второй части: эпизод, когда Фауст созерцает то, что сделал, и испытывает удовлетворение. Позвольте... разрешите... как же лучше сказать? Можно, я прочту, сэр?

— Конечно, — кивнул Джо. Грузовик подбрасывало на рытвинах и камнях, пассажиров швыряло из стороны в сторону. Мали, должно быть, уже крепко спала. Очевидно, она не ошиблась в способностях шофера-верджа: грузовик мчался сквозь мрак с огромной скоростью.

Паук читал с заботливо хранимого листочка бумаги:

Болото тянется вдоль гор,
Губя работы наши вчуже.
Но, чтоб очистить весь простор,
Я воду отведу из лужи.
Мильоны я стяну сюда
На девственную землю нашу.
Я жизнь их не обезопашу,
Но благодатностью труда
И вольной волею украшу.
Стада и люди, нивы, села
Рассядутся на целине,
К которой дедов труд тяжелый
Подвел высокий вал извне.
Внутри по-райски...[1]

Моллюск прервал увлеченно декламирующего паука:

— Ваш перевод неплох. Вот только эта странная фраза: «Стада и люди, нивы, села рассядутся...» Грамматической ошибки здесь нет, но земляне так не говорят. — Моллюск взмахнул ложноножкой, обращаясь к Джо за поддержкой. — Не так ли, мистер Фернрайт?

«Стада и люди... рассядутся», — размышлял Джо. Моллюск, конечно, прав, однако...

— Мне нравится ваш перевод, — проговорил он.

---

[1] И.Ф. Гете. «Фауст». Перевод Бориса Пастернака. В перевод сознательно вкраплена ошибка, которую допускает в английском оригинале персонаж автора. На самом деле у Пастернака не «рассядутся», а «раскинутся». *(Примеч. перев.)*

Паук подпрыгнул от удовольствия.

— Посмотрите, — вскричал он, — как сильно это напоминает Глиммунга и его Предприятие! Вода символизирует все, что сметает на своем пути творения разумных существ. Это вода, которая захлестнула Хельдскаллу; поток одержал верх столетия назад, но теперь Глиммунг хочет заставить его отступить. А «мильоны», которые вышли, чтобы одолеть поток, — это мы. Наверное, Гете был прорицателем; очевидно, он предвидел восстановление Хельдскаллы.

Грузовик замедлил ход.

— Все, приехали, — сообщил водитель-вердж. Он нажал на тормоза, и машина с визгом остановилась. Пассажиры повалились друг на друга. Мали, вздрогнув, открыла глаза и в панике огляделась по сторонам; очевидно, не сразу осознав, где она находится.

— Все в порядке, — сказал Джо и прижал девушку к себе.

«Вот и началось, — подумал он. — К лучшему или к худшему. К богатству или к бедности. До смерти; лишь смерть нас разлучит». Странно было сейчас думать об этом, давать клятву верности. Но все же она была к месту. Ибо смерть, в какой-то безотчетной реальности, казалось, бродила где-то поблизости.

Он поднялся на негнущихся ногах и помог Мали встать. Со скрипом распахнулся кузов грузовика, и они ступили на землю. Ночной воздух был пронизан запахом моря... Джо глубоко вздохнул. Вот теперь это рядом. Море и храм. И Глиммунг, пытающийся их разъединить, увести море от Хельдскаллы. Как Господь. Разделить тьму и свет, воду и сушу.

— Господь Бог, создавая мир, тоже напоминал Фауста, — сказал Джо пауку.

— Помилуйте, — застонала Мали. — Только богословия не хватало среди ночи. — На пронизывающем влажном ветру ее трясло. — Я ни черта не вижу. Мы, по-моему, попали в центр небытия.

На фоне туманного ночного неба Джо различил округлый силуэт, оказавшийся геодезическим куполом.

«Вот оно!» — решил Джо.

Прибыли остальные грузовики. Из каждого одно за другим выбирались разноликие существа, помогая друг другу; розовое желе, например, испытывало большие затруднения, пока ему не оказало помощь гигантское иглокожее, напоминающее невиданный кегельный шар.

Внезапно в небе появился большой, сверкающий огнями аэробус на воздушной подушке. Постепенно снижаясь, он наконец приземлился рядом с толпой.

— Алло, — раздался голос изнутри. — Я буду сопровождать вас к местам работы. Поднимайтесь на борт, и я с удовольствием вас доставлю. Приветствую. Приветствую.

«Привет, привет», — мысленно ответил ему Джо, наблюдая, как пассажиры влетают, вползают, вкатываются внутрь.

В геодезическом куполе их встретила стайка роботов. Джо замер, не веря глазам.

— Они здесь не запрещены, — сказала Мали. — Не забывай: это тебе не Земля.

— Но Эдгар Моган ведь доказал, что синтетические формы жизни не могут существовать. «Жизнь происходит от жизни, и поэтому о создании самопрограммирующихся механизмов не может даже идти речи...»

— Что ж, вот они перед тобой, двадцать штук, — усмехнулась Мали.

— Зачем же нам тогда внушили, что изготовить их невозможно? — спросил Джо.

— Потому что на Земле и так хватает безработных. Правительство просто подтасовало научные данные и документы, чтобы доказать, будто роботов создать невозможно. Конечно, их мало. Изготовление трудоемко и дорого. Мне странно, что здесь их так много. Это все, что у него есть. Это... — Она подыскивала слово. — Это ради нас. Для показа... Чтобы нас удивить.

— Мистер Фернрайт? — произнес один из роботов.

— Да, — откликнулся Джо. Он осматривал интерьер здания: коридоры, массивные двери, мягкое верхнее освещение... Построено эффектно, с размахом и похоже на лабиринт. И без единой царапинки на стенах. Очевидно, его только что построили и не использовали до сих пор.

— Я чрезвычайно рад видеть вас, — заявил робот. — У меня на груди, в центре, вы, очевидно, заметили табличку: «Виллис». Я запрограммирован на выполнение любой инструкции, начинающейся с этого имени. Например, если вы хотите осмотреть место своей работы, просто скажите: «Виллис, проводите меня к месту моей работы», — и я с радостью это сделаю, к своему и вашему удовольствию.

— Виллис, — тут же спросил Джо, — где здесь жилые помещения? Например, не найдется ли отдельной комнаты для мисс Йохос? Она устала, ей необходимо выспаться.

— Для вас и мисс Йохос приготовлена трехкомнатная квартира, — отрапортовал Виллис. — Это ваше личное жилье.

— Что? — не понял Джо.

— Трехкомнатная квартира...

— Так у нас настоящая квартира? Не просто комната?

— Трехкомнатная квартира, — повторил Виллис с механической бесстрастностью.

— Отведите нас туда, — приказал Джо.

— Нет, — ответил робот. — Вам нужно сказать: «Виллис, отведите нас туда».

— Виллис, отведите нас туда.

— Да, мистер Фернрайт. — Робот провел их через вестибюль к лифтам.

Оглядев квартиру, Джо уложил Мали в постель; девушка заснула без звука. Даже кровать была огромной. Все в квартире было добротно и выдержано в хорошем вкусе (скромного толка), а само жилище столь же велико, как его содержимое. Джо с трудом верил своим глазам. Он осмотрел кухню, гостиную...

Там, в гостиной, на кофейном столике стояла ваза из Хельдскаллы. Он сразу это понял, едва увидев ее. Сев на кушетку, он протянул руку к столику и осторожно взял вазу.

Глазурь густого желтого цвета. Джо никогда не видел такой яркой желтизны; она превосходила желтизну дельфийских изразцов, превосходила даже желтизну на керамике короля Альберта. Джо подумал о костяном фарфоре. Интересно, есть ли на этой планете костные отложения? Если есть, то сколько процентов кости используется в производстве фарфора? Шестьдесят? Сорок? А костные отложения так же богаты, как на промыслах в Моравии?

— Виллис, — позвал он.

— Чего?

Джо удивился:

— Почему «чего», а не «что»?

— Да я тут давеча ковырялся в вашей земной культуре, масса Фернрайт...

— Послушайте. На планете Плаумэна есть костные отложения?

— Ну, масса Фернрайт, почем я знаю? Ежели вам охота знать, звякните в центральную компьютерную. А то я в этом ни фига не петрю.

— Я приказываю вам разговаривать нормально, — повысил голос Джо.

— Сперва скажите: Виллис. Ежели вам охота...

— Виллис, говорите нормально.

— Да, мистер Фернрайт.
— Виллис, вы могли бы проводить меня к месту работы?
— Да, мистер Фернрайт.
— Хорошо. Ведите.

Робот отпер тяжелую стальную дверь и отступил в сторону, пропуская Джо в огромное темное помещение. Едва Фернрайт переступил порог, автоматически включился свет.

В дальнем конце комнаты Джо увидел основной верстак, полностью оборудованный. Три набора зажимов. Не отбрасывающее бликов освещение, управляемое от ножного пульта. Самофокусирующиеся лупы, диаметром пятнадцать дюймов и более. Отдельные калильные иглы всех возможных размеров. Слева от верстака он обнаружил защитные коробки такого типа, о которых читал, но никогда не видел. Ради эксперимента он уронил одну из них... и увидел, как она плавно спланировала вниз и бесшумно коснулась пола.

В запечатанных контейнерах хранилась глазурь. Любого мыслимого цвета, тона и оттенка. Контейнеры в четыре ряда заполняли одну из стен. С их помощью Джо мог подобрать практически любой цвет глазури для изделия, требующего восстановления. И еще одна вещь — он остановился перед ней в изумлении. Это был агрегат невесомости, где гравитация планеты уравновешивалась кольцом невидимого противовращения; идеальное устройство для реставратора керамики. Теперь не нужно будет придерживать кусочки изделия, чтобы спаять их воедино; в камере невесомости осколок останется точно там, куда его поместили. С помощью такого устройства Джо мог бы восстанавливать в четыре раза больше изделий, чем он делал это в былые времена, в пору своего процветания. И совмещение будет идеально точным: ничто не соскользнет и не сместится во время работы.

Он заметил также печь для обжига. Порой мастеру не хватало фрагмента и ему приходилось готовить дубликат. В таких делах печь просто необходима, причем печь должна быть первоклассной — только тогда есть шанс восстановить изделие. Эта грань искусства реставратора обычно оставалась в тени, но... она существовала.

Никогда в жизни Джо не видел так хорошо оборудованной мастерской.

Часть расколотых изделий уже принесли. Груда заполненных защитных коробок сложена на полке для заказов. «Можно при-

ступать прямо сейчас, — подумал Джо. — Стоит включить полдюжины ламп — и я за работой. Соблазнительно...»

Он подошел к полке для калильных игл, взял одну, повертел в руках. Хорошо сбалансирована. Отличный, качественный инструмент. Он открыл первую попавшуюся коробку, глянул на фрагменты сосудов. Мгновение, и его внимание уже полностью приковано к изделиям. Установив на место иглу, Джо один за другим бережно извлек фрагменты, восхищаясь цветом глазури и текстурой. Приземистый низкий сосуд, вероятно, забавный. Джо вновь вернул осколки в коробку, намереваясь перенести их в зону невесомости. Он жаждал работы — отчаянно, как изнывающий от голода зверь. В этом смысл его жизни. «Мог я когда-нибудь даже мечтать, — размышлял Джо, — что у меня будет доступ к...»

Вдруг Джо напрягся и замер. Он почувствовал, как некая посторонняя сила проникла внутрь его существа и вцепилась в сердце. Вцепилась с жадностью — и наслаждением.

Напротив него возникла черная фигура — словно негатив с самой жизни. Наверное, все это время черный призрак наблюдал за Джо и, даже будучи обнаруженным, исчезать никуда не собирался. Джо немного подождал. Фигура не двигалась.

— Что это? — спросил он робота, который все еще стоял у порога мастерской.

— Вам нужно вначале сказать «Виллис», — напомнил ему робот. — Вы должны спросить: «Виллис, что...»

— Виллис, — спросил он, — что это такое?

— Календа, — ответил робот.

Глава 10

«С Календами, — подумал Джо, — нет жизни, есть только набросок, что-то вроде конспекта. Мы просто нить, проходящая через их руки; нас уносит движением, потоком, мы становимся текучей массой. Это движение непрерывно, оно уносит все дальше и дальше, к чудовищной алхимии могилы».

— Вы можете связать меня с Гликмунгом? — спросил он Виллиса.

— Вы должны сказать...

— Виллис, вы можете связать меня с Гликмунгом? — На другом конце комнаты безмолвно маячила фигура Календы — не так безмолвно, как сова, впитывающая и поглощающая шум своими крыльями, но механически беззвучно, будто у нее

отключили воспринимающий аппарат. «А здесь ли она? — усомнился Джо. Календа казалась материальной, но в то же время напоминала бесплотный призрак. — Да, она здесь. Она вторглась в мастерскую, не успел я даже накалить хотя бы одну иглу...»

— Я не могу связаться с Гліммунгом, — доложил Виллис. — Он спит; сейчас у него время сна. Через двенадцать часов он проснется, и тогда я свяжусь с ним. Но он оставил здесь много вспомогательных механизмов связи, на случай экстренной необходимости. Вы хотите, чтобы я включил один из них?

— Скажите мне, что делать... Виллис, скажите мне, черт возьми, что же делать.

— С Календой?.. Нет свидетельств, что кому-то удалось сделать что-нибудь с Календами. Если хотите, я могу исследовать этот вопрос более детально. Например, подключиться к специальному компьютеру, который проанализирует ваши способности относительно природы Календ и сформулирует новое взаимодействие...

— Они смертны? — перебил Джо.

Робот молчал.

— Виллис, их можно убить?

— Трудно сказать, — отвечал робот. — Они устроены не так, как обычные живые существа. Кроме того, они все одинаковы, что еще больше усложняет задачу.

Календа положила экземпляр Книги на стол рядом с Джо. И ждала, пока землянин возьмет ее в руки.

Джо молча взял Книгу, подержал, затем открыл на помеченной странице. Там было записано: «То, что Джо Фернрайт обнаружит в затонувшем храме, заставит его убить Гліммунга и таким образом навсегда остановить восстановление Хельдскаллы».

«То, что я обнаружу в храме, — повторил про себя Джо. — Там, под водой. Внизу, на дне океана. Оно ждет меня...»

«Надо поскорее спуститься на дно и посмотреть все самому, — решил он. — Но позволит ли Гліммунг?.. Он ведь наверняка следит за всеми изменениями в тексте, который растет, изменяется, исправляет себя каждый день, каждый час. Если он быстро соображает, — подумал Джо, — то убьет меня первым. Прежде чем я спущусь под воду. Убьет прямо *сейчас*».

Джо некоторое время стоял неподвижно, ожидая нападения Гліммунга.

Его не последовало. Ну да, ведь Гліммунг спит.

«С другой стороны, — раздумывал Джо, — возможно, мне не стоит идти туда. Странно, что моя первая реакция — это жела-

ние спуститься под воду. Будто бы мне невтерпеж сделать открытие, которое уничтожит Глиммунга, а с ним и весь проект. Извращенная реакция... — Джо с удивлением обнаружил некий новый поворот собственных мыслей. — Наверное, это имел в виду Глиммунг, когда говорил о самопознании, о неожиданных изменениях психики. Спросить бы его сейчас. Уж больно много совпадений за такой короткий срок... Скорее всего, это Календы и их Книга виноваты. Я прочел предсказание и тут же получил своего рода толчок к действию. Теперь понятно, каким образом они заставляют свои пророчества сбываться...»

— Виллис, — сказал Джо, — как добраться до Хельдскаллы?

— С помощью костюма и маски. Или с помощью опережающей камеры, — ответил робот.

— Вы можете проводить меня туда? — спросил Джо. — То есть... Виллис, вы можете...

— Минутку, — сказал робот. — Вам звонят. Это официальный звонок. — Робот умолк, прислушиваясь к чему-то. Затем продолжил: — С вами хочет поговорить мисс Хильда Рейсс, личный секретарь Глиммунга. — В груди робота открылась дверца, и из нее на подставке выплыл аудиотелефон.

Джо снял трубку.

— Мистер Фернрайт? — Голос секретаря звучал с подчеркнутой официальностью. — У меня срочная просьба от мистера Глиммунга, который сейчас спит. Он хотел бы, чтоб вы прямо сейчас не спускались в храм, а подождали сопровождающего.

— Вы сказали: просьба, — заметил Джо. — Должен ли я считать это приказом?

— Все распоряжения мистера Глиммунга, — проговорила мисс Рейсс, — поступают в виде просьб. Он не приказывает; он просто обращается с просьбой.

— Но фактически-то приказывает...

— Я думаю, вы поняли, мистер Фернрайт, — ответила мисс Рейсс. — Завтра мистер Глиммунг найдет время, чтобы позвонить вам. — Телефон щелкнул и замолк.

— Опять приказы, — вздохнул Джо.

— Верно, — согласился Виллис. — Как она правильно заметила, он таким образом управляет всем.

— Но если бы я решил спуститься...

— Да, но вы не можете, — категорически заявил робот.

— Могу, — возразил Джо. — Я могу спуститься, и меня уволят.

— Вы можете спуститься, — сказал робот, — и вас убьют.

— Убьют, Виллис? Как и кто меня убьет? — Джо охватили одновременно и страх, и гнев. Эта смесь вызывала в душе це-

лую бурю противоречивых чувств, а тело скрутило так, что сильно забилось сердце и перехватило дыхание. — Кто меня убьет? — повторил он.

— Вы должны сказать сначала... ладно, черт с ним, — буркнул робот. — Там полно опасных хищников.

— Их хватает в любом океане, — заметил Джо.

— Предположим. Но подобная просьба...

— Я спускаюсь под воду, — заявил Джо.

— Там, внизу, вы увидите следы чудовищного разложения. Такого вы и представить себе не можете. Подводный мир, где покоится Хельдскалла, — это мир мертвых вещей, место, где все гниет и распадается. Вот почему Глиммунг хочет поднять храм на сушу. Он не в состоянии справиться с этим там, внизу. Подождите: он спустится вместе с вами. Потерпите несколько дней. Займитесь лучше своей мастерской и забудьте об океанских глубинах. Глиммунг называет это «Водяной Преисподней». Он прав: это мир, замкнутый в самом себе; мир со своими отвратительными законами, согласно которым все должно превращаться в тлен. Мир, управляемый силами непреодолимой энтропии, и ничем больше. Там даже такие мощные существа, как Глиммунг, в конечном счете утрачивают силу. Это океанская могила, и она убьет нас всех, если мы не сможем восстановить храм.

— Не может быть все так плохо, — отмахнулся Джо, чувствуя, однако, как ужас просочился сквозь кожу и угнездился в сердце.

Робот загадочно смотрел на него; этот взгляд выражал какую-то смесь ощущений, в которой постепенно начинало преобладать презрение.

— Если вы робот, — проговорил Джо, — то почему вы так эмоционально реагируете. Вы ведь не живое существо.

— Никакое создание, даже искусственное, — объяснил Виллис, — не испытывает удовольствия от процесса энтропии. Это конечная судьба всех существ, и поэтому все сопротивляются ей.

— А Глиммунг рассчитывает остановить этот процесс? — спросил Джо. — Если это конечная судьба всего сущего, то Глиммунг не в силах это остановить; он обречен. У него ничего не получится.

— Там, под водой, — сказал Виллис, — разложение — единственная действующая сила. Но здесь, если поднять храм, найдутся другие силы. Силы восстановления и созидания. Вот почему вы так здесь нужны. Вы и подобные вам противопос-

тавите процессу распада ваши способности и ваш труд. Вы понимаете?

— Я хочу спуститься туда, — упрямо сказал Джо.

— Как хотите. Можете надеть акваланг и спуститься в Маре Нострум, один, ночью. Загляните в преисподнюю своими глазами. Я доставлю вас на одну из плавучих баз; оттуда вы сможете спуститься — без меня.

— Сердечно благодарю. — Джо постарался вложить в эту реплику добрую порцию сарказма, но слова прозвучали как слабый выдох, и робот, похоже, не уловил интонации.

Плавучая база представляла собою платформу внутри герметически запечатанных куполов; их было три, и каждый достаточного размера, чтобы вместить множество живых существ вместе с оборудованием. Джо огляделся по сторонам, оценивая размеры сооружения. Построено роботами. И недавно: купола казались совершенно новыми.

«Да, — подумал Джо, — пространство здесь не такой дефицит, как на Земле. Купола могли быть и в десять раз больше... Впрочем, Глиммунг постарался на славу».

— Итак, вы по-прежнему не желаете со мной спускаться? — спросил Джо Виллиса.

— Ни за что.

— Покажите мне акваланг, — сказал Джо. — И объясните, как им пользоваться. И вообще, покажите все, что мне нужно знать.

— Я покажу вам минимальный... — начал робот и осекся. К посадочной площадке на крыше самого большого купола спускался небольшой самолет. Виллис внимательно присмотрелся к нему. — Слишком мал для Глиммунга, — пробормотал он.

Самолет застыл неподвижно на крыше купола. Затем распахнулся люк. Оттуда выпрыгнула Мали Йохос.

Она спустилась на лифте и направилась прямо к Джо и Виллису.

— Со мной разговаривал Глиммунг, — быстро проговорила она. — Он объяснил мне, что ты здесь делаешь. Он попросил проводить тебя. У него возникли сомнения, что у тебя получится в одиночку,.. просто физически перенести этот спуск в преисподнюю.

— А у тебя, значит, получится, — резюмировал Джо.

— Он считает, что, если мы спустимся вдвоем, помогая друг другу, это может получиться. У меня больше опыта, значительно больше.

— Мисс Леди, — спросил ее Виллис, — Глиммунг хочет, чтобы я тоже спустился?

— Он не упомянул вас, — резко бросила Мали.

— Слава Богу. — Робот вздохнул. — Терпеть не могу болтаться там, внизу.

— Скоро все изменится, — заметила Мали. — «Там, внизу» больше не будет. Будет только наш мир, где правят нормальные законы.

— Сказала мышь, толкая гору, — добавил робот с холодным скепсисом.

— Помогите нам надеть акваланги, — приказал Джо.

— Там, внизу, в Водяной Преисподней, — ворчал робот, — вы окажетесь в местах, оставленных Амалитой.

— Что такое Амалита? — спросил Джо.

— Это божество, для которого был воздвигнут храм, — пояснила Мали. — Бог, которому воздавали молитвы в Хельдскалле. Когда храм будет восстановлен, Глиммунг сможет снова воззвать к Амалите, как в прежние времена, до катастрофы, погубившей храм. Победа Борели над Амалитой — временная, но наиболее важная. Мне это напоминает земную поэму Бертольда Брехта, она называлась «Утопленница». Сейчас попробую вспомнить... «И постепенно Бог ее оставил; Вначале ее руки, а затем И ноги, и все тело, и в итоге Она была...»

— Что это за божества? — спросил Джо. Он еще ни разу о них не слыхал, хотя очевидно и логично, что храм — место для молитв, и кто-то должен быть объектом поклонения. — Ты знаешь еще что-нибудь об этом?

— Я могу вас полностью проинформировать, — обиженно изрек робот.

— Вы никогда не задумывались, — спросила его Мали, — что Амалита действует через посредство Глиммунга, поднимающего храм? Для того, чтобы восстановить на планете веру в себя?

— Гм-м... — хмыкнул робот как будто уязвленно. Джо показалось, что внутри Виллиса что-то жужжит и потрескивает, так глубоко он задумался. — Видите ли, мистер Сэр, — сказал он наконец, — ведь вы вначале спрашивали о двух божествах. Кстати, вы опять забыли сказать...

— Виллис, расскажите мне про Амалиту и Борель, — попросил Джо. — Как давно им молятся и на скольких планетах? И где родился этот культ?

— У меня есть брошюра, где все изложено исчерпывающим образом, — сказал робот. Он запустил руку в нагрудный карман и вытащил оттуда ксерокопию. — Я написал это на досуге, —

пояснил Виллис. — С вашего позволения, я буду заглядывать в текст. Дело в том, что я не хочу перегружать свою память. Начнем с того, что вначале Амалита был одинок. Это случилось примерно пятьдесят тысяч земных лет назад. Затем, в порыве воодушевления, Амалита испытал сексуальное желание. Но у него не было объекта страсти. Он любил, но ему некого было любить. Он ненавидел, но ему некого было ненавидеть.

— Ему было наплевать. Но ему не на кого было плевать, — продолжила в том же духе Мали. Ей стало неинтересно.

— Да, так я говорил о сексуальном желании, — продолжал робот. — Хорошо известно, что самая сладострастная форма сексуальной любви — это инцест, поскольку инцест — фундаментальное табу во всей Вселенной. Чем строже табу, тем больше острота искушения. Поэтому Амалита создал себе сестру — Борель. Другая самая возбуждающая сторона половой любви — это любовь к воплощению зла, которое, если не является объектом любви, становится объектом ненависти. И Амалита сделал свою сестру средоточием зла, после чего она тут же начала уничтожать все, что он сотворил за много веков.

— В том числе Хельдскаллу, — пробормотала Мали.

— Да, мисс Леди, — согласился робот. — Итак, еще один мощный стимул половой любви — это любовь к более сильному созданию. И Амалита наделил свою сестру способностью уничтожать свои творения одно за другим; потом он пытался ей помешать, но она уже была сильнее его. К чему он и стремился. И наконец, последнее: предмет страсти принуждает любящего снисходить до своего уровня, где властвуют его законы, аморальные и жестокие. Вот то, с чем мы имеем дело при восстановлении Хельдскаллы. Каждый из вас должен будет спуститься в Водяную Преисподнюю, где законы Амалиты не действуют. Даже сам Глиммунг неизбежно погрузится в Преисподнюю, где перевернутые законы Борели вездесущи.

— Я полагал, что Глиммунг — божество, — произнес Джо. — Из-за его огромной силы.

— Божества не проламывают десять этажей, — заметил робот.

— Резонно, — признался Джо.

— Рассмотрим по пунктам, — предложил робот. — Начнем с бессмертия. Амалита и Борель бессмертны; Глиммунг смертен. Второй критерий...

— Мы знаем остальные два критерия, — перебила Мали. — Неограниченная власть и неограниченное знание.

— Значит, тогда вы читали мой памфлет, — сказал робот.

— Господи Иисусе, — произнесла Мали с уничтожающим презрением.

— Вы упомянули Иисуса Христа, — заметил робот. — Это интересное божество, поскольку его власть ограничена, его знания также ограничены, и он мог умереть. Он не удовлетворяет ни одному из критериев.

— Тогда как же возникло христианство? — спросил Джо.

— Оно возникло, — пояснил робот, — поскольку Иисус заботился о других людях. «Забота» — точный перевод греческого «агапе» и латинского «каритас». Иисус стоит с пустыми руками: он никого не может спасти, даже себя. И тем не менее своей заботой, своей любовью к другим он...

— Ладно, хватит. Дайте нам памфлет, — устало проговорила Мали. — Мы прочтем, когда будет время. А сейчас мы собираемся под воду. Приготовьте наши акваланги, вас же об этом попросил мистер Фернрайт.

— Подобное божество есть и на Бете-Двенадцать, — продолжал робот, будто не слыша приказа. — Оно научилось умирать вместе с каждым существом на планете. Оно не могло умереть вместо других существ, но умирало *вместе* с ними. И потом, с рождением нового существа, оно возрождалось. И таким образом пережило бессчетное число смертей и воскрешений. Сравните с Христом, который умер только однажды... Об этом тоже написано в моем памфлете. Там есть все.

— Все? Тогда вы — Календа, — заявил Джо.

Робот посмотрел на него. Долго и пристально. Молча.

— И ваш памфлет, — продолжал Джо, — это Книга Календ.

— Не совсем так, — произнес наконец робот.

— То есть? — резко переспросила Мали.

— То есть я построил свой памфлет на Книге Календ.

— Почему? — спросил Джо.

Робот помялся, но затем ответил:

— Со временем я хотел бы стать вольным литератором.

— Давайте наши акваланги, — бросила Мали с нарастающим нетерпением.

Странная мысль возникла у Джо в голове. Может быть, в связи со спором о Христе.

— Забота, — произнес он, повторяя термин робота. — Мне кажется, я понял, что вы имеете в виду. Там, на Земле, со мною однажды случилась странная вещь. Так, незначительный случай. Я снял с буфета чашку, которой никогда и не пользовался, и обнаружил в ней паука. Мертвого паука; он умер от отсутствия пищи. Наверное, он свалился туда и не смог выбраться. Но вот

что интересно. Он свил паутину на дне чашки. Когда я нашел его, мертвого, с жалкой, бесполезной паутиной, я понял, что он был заведомо обречен. Ни одна муха не могла бы попасться в сеть, даже если бы он ждал вечно. Он ждал, пока не умер. Он сделал все, что мог, но без толку. Я до сих пор думаю: понимал ли он бесполезность усилий? Знал ли, когда ткал паутину, что у него ничего не получится?

— Маленькая трагедия жизни, — констатировал робот. — Каждый день они происходят миллиардами, и никто их не замечает. Кроме Господа. По крайней мере, так я написал в своем памфлете.

— Да, я понимаю, что вы имеете в виду, — сказал Джо, — говоря о заботе. Точнее было бы сказать: *это касается его.* Я чувствовал, что трагедия паука касается меня. Она действительно касалась меня. «Каритас»... Или, по-гречески... — Он пытался вспомнить слово.

— Мы можем наконец спускаться? — спросила Мали.

— Да, — кивнул Джо. Очевидно, она не понимала его. Как ни странно, робот понимал. Непонятно... Почему железяка способна понять то, что не способен живой человек?.. Может быть, «каритас» — производное интеллекта. Может быть, мы всегда ошибаемся: «каритас» — не чувство, а высшая форма мозговой деятельности, способность воспринимать то, что тебя окружает, — замечать и, по словам робота, заботиться. Познание, вот что это такое. Это не тот случай, когда чувство борется с разумом: познание есть *познание.*

— Можно попросить у вас экземпляр памфлета? — вслух спросил он.

— Десять центов, пожалуйста. — Робот протянул книжку.

Джо выудил из кармана картонную монетку и протянул роботу.

— Теперь пойдем, — сказал он Мали.

Глава 11

Робот дотронулся до выключателя. Бесшумно отворились дверцы стенного шкафа, и Джо увидел полный набор водолазных приспособлений: кислородные маски, ласты, пластиковые костюмы, водонепроницаемые фонари, грузы, самострелы, кислородные и гелиевые баллоны... И много видов другого оборудования, которое он не смог опознать.

— Учитывая, что у вас нет опыта подводного плавания на глубине, — заявил робот, — я предложил бы вам спуститься в

сферической опережающей камере. Но раз вы так настаиваете... — Он пожал плечами. — Тут уж я ничего не могу поделать.

— У меня достаточно опыта, — бодро проговорила Мали и стала вынимать оборудование из шкафа; вскоре у ее ног выросла внушительная груда водолазных принадлежностей. — Доставай то же самое, — объяснила она Джо. — Одевайся в том же порядке, что и я.

Они натянули акваланги, прочее снаряжение и в сопровождении Виллиса прошли в шлюзовую камеру.

— Когда-нибудь я напишу памфлет о глубоководном плавании, — бормотал робот, отвинчивая огромный запорный клапан. — Общепризнано, что Преисподняя находится под землей — это вы найдете в любой религии. На самом же деле она в глубине океана. Океан, — он снял тяжелую дверцу клапана, — это материнская стихия, из нее вышли все живые существа миллиард лет назад. На вашей планете, мистер Фернрайт, эта ошибка обнаружена во многих религиях. Так, греческая богиня Деметра и ее дочь Кора произошли из подземéлья...

Не слушая робота, Мали инструктировала Джо:

— На поясе имеется аварийное устройство на случай поломки кислородной системы. Если начнет выходить воздух из-за повреждения или разрыва трубки или если иссякнут баллоны, приведи в действие нижний плунжер на поясе. — Она показала устройство на собственном костюме. — Постепенно замедлится обмен веществ, так что потребность в кислороде упадет до минимума. И ты успеешь всплыть на поверхность, не ощутив кислородного голодания или других последствий. Конечно, когда всплывешь, то будешь без сознания, но маска устроена так, что автоматически впустит воздух, реагируя на присутствие атмосферы. Тут я поднимусь и помогу тебе добраться до базы.

— «Я словно умер, — продекламировал Джо, — в той могиле, сплелись стволы нарциссов, лилий...»

— «...И фавн, спящий под землей, мне улыбнулся, как родной». Мои любимые стихи, — сказал робот. — Это Йитс, как я понимаю. Не кажется ли вам, мистер Сэр, что вы спускаетесь в могилу? Что перед вами смерть? Что спуститься — значит умереть? Ответьте одной фразой.

— Я помню, что сказала мне Календа, — ответил Джо угрюмо. — Я могу отыскать в Хельдскалле нечто, что заставит меня убить Глиммунга. Я в каком-то смысле действительно движусь к смерти, может быть, не к собственной, а еще к чьей-нибудь. Которая навсегда остановит восстановление Хельдскаллы. —

Эти зловещие слова прочно застряли в его мозгу. Они все время приходили на ум, и ясно было, что они забудутся не скоро. «Может быть, никогда, — подумал Джо. — Это клеймо на мне, и придется нести его до конца жизни».

— Я дам вам талисман, — проговорил вдруг робот, снова роясь в нагрудном кармане. Он протянул Джо маленький пакетик. — Здесь хранится знак, олицетворяющий чистоту и величие Амалиты. Проще говоря, символ.

— И он оградит нас от зла? — спросил Джо.

— Вы должны сказать: «Виллис, он оградит...»

— Виллис, — Джо чуть было не взорвался от гнева, — этот талисман поможет нам там, внизу?

— Нет, — ответил робот, помолчав.

— Зачем вы тогда нам его даете? — саркастически поинтересовалась Мали.

— Чтобы... — Робот задумался. — Нет, просто так. — Он умолк и только теперь стал напоминать настоящего робота — холодную, бездушную машину.

— Я предлагаю спускаться тандемом, — сказала Мали, связывая между собой их пояса. — Здесь двадцать футов свободной длины кабеля. Этого должно быть достаточно. Я не могу рисковать, удаляясь от тебя.

Робот безмолвно вручил Джо пластиковую коробку.

— Зачем это? — спросил Джо.

— Вдруг вы найдете там осколки керамики. Вам ведь нужно во что-нибудь их упаковать.

По-кошачьи приблизившись к отверстию в днище камеры, Мали проговорила:

— Вперед.

Зажгла гелиевый фонарик, оглянулась на Джо и исчезла из виду. Двадцатифутовый кабель, пристегнутый к поясу, туго натянулся, увлекая к отверстию, вытолкнул Джо наружу, — и он, забывая все на свете, нырнул вслед за Мали.

Желтое пятно света над головой растаяло во тьме. Джо включил фонарь. Его тянуло все дальше вниз; вода стала совершенно черной, кроме мутного, зыбкого пространства, освещаемого фонарем. А внизу мерцал свет фонаря Мали, похожий на фосфоресценцию глубоководной рыбы.

— У тебя все нормально? — зазвучал над ухом голос Мали; Джо вздрогнул от неожиданности, не сразу сообразив, что соединивший их кабель обеспечивал двустороннюю связь.

— Да, — откликнулся он.

Мимо него проплывали рыбы. Равнодушно и надменно поглядев на него, они продолжали свой путь, скрываясь в черной пустоте, окружавшей узкую полосу света.

— Это трепло робот, — зло проговорила Мали, — черт возьми, двадцать минут проболтали с ним.

«Но так или иначе, мы здесь, — подумал Джо. — Мы в водах Маре Ностум, погружаемся все глубже и глубже. Интересно, — размышлял он, — много ли во Вселенной роботов, склонных к богословию. Быть может, один Виллис такой... потому Глиммунг и использует его, чтобы он заговаривал зубы не в меру любопытным работникам, типа меня».

Костюм включил автообогрев; Джо почувствовал, как холод морской глубины медленно отступает. И то хорошо.

— Джо Фернрайт, — вновь раздался голос Мали, — тебе не кажется, что Глиммунг мог подослать меня к тебе? Чтоб мы нырнули вместе, а потом я тебя на дне и прикончила. Глиммунг ведь знает предсказание Календы. Ты об этом не задумывался?

Ему действительно такое не приходило в голову. И сейчас, пронзенный этой мыслью, он ощутил, как холод океана вновь сдавливает тело мертвой хваткой; обжигающий холод сковал сердце, проник в пах, — Джо чувствовал, что замерзает, столбенеет, как беззащитное создание. Это был страх, стирающий человеческое начало. Это страх мелкого животного. Джо как будто скукоживался, проваливаясь в бездну дремучих инстинктов. «Господи, — подумал Джо. — Я испытываю страх, которому миллионы лет».

— А с другой стороны, — продолжала Мали, — текст, который тебе показала Календа, мог быть запросто сфабрикован специально для тебя. Единственный экземпляр только для твоих глаз.

— Откуда ты знаешь о Календе и новом тексте? — хрипло спросил Джо.

— От Глиммунга.

— Значит, он прочел то же, что и я... Выходит, не подлог. Будь это так, ты бы здесь не появилась.

Она засмеялась, больше ничего не сказав. Они все глубже и глубже спускались в бездну.

— Тогда получается, что я прав, — решил Джо.

Ниже, в фокусе фонаря, высветилось что-то огромное, бесконечное, желтое — гигантское тело, блестящее и разлагающееся. Справа от Джо фонарь Мали осветил другой позвонок этого огромного тела. Огромного... как ковчег, построенный, чтобы

вместить каждую тварь и — погрузившийся на дно Маре Ностурум. «Это ковчег смерти», — подумал Джо.

— Что это? — спросил он Мали.

— Скелет.

— Чей? — Джо устремился к находке, стараясь высветить фонарем как можно больше. Мали делала то же самое.

Вскоре она подплыла поближе, и Джо смог различить лицо девушки сквозь прозрачный диск кислородной маски. Голос у Мали чуть дрожал. Чувствовалось, что, несмотря на свои знания и опыт, она не ожидала этой находки.

— Это Глиммунг, — проговорила она. — Это скелет древнего, давно умершего и забытого Глиммунга. Он страшно разрушен кораллами. Боже милостивый...

— Ты не знала, что он здесь? — спросил Джо.

— Может быть, Глиммунг знал. Я не знала. — Она задумалась. — По-моему, это Гнуммильг.

— Что ты сказала? — не понял Джо. Страх все нарастал, наполнял его, превращаясь во всепоглощающий ужас.

— Это почти невозможно объяснить. — Мали подыскивала слова. — Так же, как с антивеществом: об этом можно говорить, но представить себе просто нереально. Есть Глиммунг, есть Гнуммильг, или Черный Глиммунг. Всегда — сколько одних, столько и других. У каждого Глиммунга есть его противоположность, его темный двойник. И в течение жизни, рано или поздно, ему приходится уничтожить своего Черного двойника, иначе тот уничтожит его.

— Почему? — спросил Джо.

— Потому что так устроен мир. Еще спроси: почему это камень? Просто они так развивались, таким странным образом. Они — взаимоисключающие явления, или, если хочешь, свойства. Да, свойства, как у химических веществ. Видишь ли, Гнуммильги как бы не совсем живы. И все же они не мертвы в биохимическом отношении. Они — как деформированные кристаллы, существующие по принципу саморазрушения. Говорят, что это двойное существование типично не только для Глиммунгов; говорят даже, что... — Она осеклась. — Нет! Только не это. Только не сейчас, только не сразу!..

Разлагающийся остов из рваной плоти, обвитый полусгнившими нитями одежды, ковылял прямо к ним, увлекаемый течением мутной воды. Его облик напоминал человеческий; когда-то он держался прямо и передвигался на крепких ногах. Но сейчас прогибался в пояснице, а ноги волочились, точно из них вылущились кости. Джо глядел на него, он все приближался, а

Джо продолжал глядеть, потому что это существо явно стремилось пробраться именно к нему. Медленно и неуклюже он двигался к Джо. Можно было уже различить его черты.

Джо увидел лицо. И почувствовал, как весь мир рассыпается на куски.

— Это твой труп, — проговорила Мали. — Ты должен понять: здесь время просто не...

— Он слепой, — прошептал Джо. — Его глаза... они... сгнили. Их нет. Разве он видит меня?

— Он чувствует тебя. Он хочет... — Она замолчала.

— Что он хочет?! — крикнул Джо так, что Мали вздрогнула.

— Он хочет поговорить с тобой, — сказала Мали. И замерла. Теперь она просто наблюдала. И ничего не предпринимала. Не помогала ему. Как будто вообще отсутствовала. «Я остался один на один с этой *штукой*», — понял Джо.

— И что мне делать? — все же спросил он.

— Не надо... — Мали опять замолчала, потом отрывисто произнесла: — Не надо его слушать.

— Мертвец может говорить? — в ужасе промолвил Джо. Он кое-как сумел переварить то, что предстало перед ним; смог удержать рассудок в рамках, увидев собственные останки. Но представить себе что-то сверх этого... Это уже попахивало безумием... Нет, скорее всего, это мимикрия какого-то водяного существа, которое увидело Джо и попыталось пластически воспроизвести подобие его облика...

— Он скажет тебе, чтобы ты уходил, — объяснила Мали. — Чтобы ты покинул этот мир. Покинул Хельдскаллу и Глиммунга с его надеждами и планами. Посмотри: он уже пытается что-то произнести.

Полусгнившая плоть на лице у трупа чуть раздвинулась. Джо увидел сломанные зубы, и затем из пещеры, в которую превратился оскаленный рот, вырвался наружу звук. Это был глухой рокот, будто несущийся издалека по массивному океанскому кабелю, как нечто растянутое на сотни миль, нечто тяжелое, густое и неповоротливое. И все же существо пыталось говорить. Наконец, когда оно приблизилось вплотную, слегка поворачиваясь вокруг своей оси, то чуть распрямляясь, то снова склоняясь, Джо различил одно слово, затем другое...

— Оставайся, — произнес труп, широко открыв пасть. Мелкая рыбешка скользнула внутрь, исчезла, затем выплыла обратно. — Ты... должен... идти дальше. Дальше. Поднимать. Хельдскаллу.

— Ты еще жив? — спросил Джо.

— Здесь ничто не живо, — подала голос Мали. — Ничто не живо в прямом смысле слова. Остаточные энергии... частичные изменения в поврежденных батареях...

— Но этого еще нет, — выдохнул Джо. — Это случится в будущем.

— Здесь нет будущего, — объяснила Мали.

— Но ведь я-то жив. Я смотрю на этого урода, на эту жуткую движущуюся гниль. *Если б я был им*, мы не смогли бы разговаривать.

— Очевидно, так, — согласилась Мали. — Но разница между вами не окончательна. У тебя есть кое-что от него; в нем тоже есть частица тебя. «Дитя — отец человеку», помнишь это? И человек — отец трупу. Я думала, он потребует, чтоб ты убирался. А он, наоборот, просит тебя остаться здесь. Вот что он хотел от тебя. Я чего-то не понимаю. Во всяком случае, это не может быть Черный человек, в том смысле, как я объясняла про Гнуммильга. Он изуродован, но доброжелателен, а Черные не бывают доброжелательны. Позволь, я у него кое-что спрошу.

Джо не ответил. Мали восприняла это как согласие.

— Как ты умер? — спросила она у мертвеца.

Выпяченная челюсть, покачиваясь, белела в потоках воды. Из пасти человеческого остова глухо выталкивались искаженные слова. Он ответил:

— Нас убил Глиммунг.

— Нас? — переспросила она тревожно. — Как много? Всех?

— Нас. — Существо протянуло в сторону Джо полусгнившую руку. — Нас обоих. — Труп замолчал, его стало относить течением. — Но это ничего... У меня есть ящик, там я в безопасности. Я забираюсь туда и закрываю проход, и рыбы туда не проникают...

— Ты пытаешься защитить свою *жизнь*? — спросил Джо.

— Твоя жизнь окончена, — ответил скелет.

Джо ничего не понял. Это было слишком невероятно и нелепо. Представить себе, что труп — его собственный труп — ползает здесь во мраке, пытаясь к тому же сохранить себя...

— Улучшим жизненные стандарты для мертвых, — диким голосом произнес он, обращаясь не к Мали и не к трупу — просто в пространство.

— Проклятие! — выдохнула Мали.

— Что?

— Он тебя не отпустит. Он противостоит тебе конечной судьбой, но все же не отпустит тебя. А потом, когда ты станешь

таким, — она показала на труп, — ты пожалеешь, что не ушел. Сегодня. Сегодня вечером. Завтра утром.

— Оставайся, — прохрипел труп.

— Почему? — спросил Джо.

— Когда Хельдскаллу поднимут из моря, я уйду спать. Я хочу заснуть; я рад, что ты наконец пришел. Я ждал века. Я знал: пока ты не придешь сюда и не освободишь меня, я останусь в плену времени. — Труп сделал умоляющий жест рукой, но кусочки кисти отделились и исчезли в мутном течении; у кисти трупа осталось только два пальца, и Джо почувствовал, как к горлу подкатила тошнота.

«Если б можно было повернуть время назад, я бы ни за что не появился здесь», — подумал Джо. Труп, однако, говорил противоположное: появление Джо означало освобождение — для трупа... и для самого Джо.

«Господи Иисусе, когда-нибудь я стану таким же. Тело будет разваливаться на кусочки, и хищные рыбы станут жрать мою мертвую плоть. Я спрячусь в каком-нибудь ящике на дне моря, но рыбы найдут меня и примутся рвать кусок за куском».

«А может быть, это обман? — думал он. — Может, это не мой труп? Часто ли люди встречаются с собственными трупами, к тому же говорящими и умоляющими? Календы, — вспомнил Джо. — Но они явно ни при чем: ведь, вопреки предсказанию Мали, труп убеждал остаться, убеждал заняться своим ремеслом».

«Глиммунг! Это галлюцинация, созданная Глиммунгом, — извращенный, безумный способ удержать меня на крючке. Наверняка».

— Спасибо за совет. Я приму его к сведению, — сказал он болтающемуся в струях воды трупу.

— А мой труп тоже здесь? — спросила Мали.

Ответа не последовало. Останки Джо уплыли прочь.

«Я сказал что-то не так? — размышлял Джо. — Но боги, боги! О чем вообще можно беседовать с собственным трупом?!» Его охватила странная злость, уже без изумления и страха. Такой способ принуждения отвратителен. Джо же и раньше говорили, что он *должен* продолжать свою часть проекта... И тут он вспомнил о проклятии.

— Смерть, — сказал он Мали, когда они подплыли друг к другу. — Смерть и грех взаимосвязаны. Это значит, что если храм проклят, то мы тоже...

— Я возвращаюсь, — вдруг сообщила Мали. Она принялась подниматься, умело работая ластами. — Не хочу быть так близко к драге.

Она сделала жест рукой. Джо взглянул в этом направлении и увидел далеко справа от себя громоздкую конструкцию, которой ранее не замечал, и, прислушавшись, различил низкое, глухое гудение. Вероятно, звук раздавался и раньше, но был трудно определим из-за низкой частоты — порядка двадцати циклов в секунду, то есть на нижнем пороге слышимости.

— Что это? — спросил он и, влекомый любопытством, устремился в сторону, откуда доносился звук.

— Каприксовый ковш, — сказала Мали. — Из ионийского каприкса; у этого вещества самый большой атомный вес из всех материалов, используемых в технике. Он заменяет старые рексероидные ковши, которые ты, вероятно, видел.

— И весь храм собираются поднять с помощью этого ковша? — спросил Джо. Мали, взмахнув руками, последовала за ним; она двигалась рывками с явной неохотой.

— Нет. Только фундамент, — сказала Мали.

— А остальное будет распилено на блоки?

— Все, кроме фундамента. Он сделан из цельного куска агата с планеты Денеб-Три. Если его тоже распилить на куски, он не сможет держать на себе эту громадину. Поэтому нужен ковш. — Она дернулась назад. — Нельзя так близко приближаться, это опасно. Ты же видел, как работают ковши и лопатки, и представляешь себе устройство драги. Точка опоры перемещается взад-вперед между четырьмя остриями ковша. Давай уплывем отсюда. Поднимемся на поверхность. Черт возьми, здесь нужно быть очень осторожным.

— Все блоки уже распилены? — спросил Джо.

— Боже мой, — устало проговорила Мали. — Нет, не все. Только несколько первых блоков. Ковш еще не поднимает фундамент, он только вгрызается в дно.

— Какова будет скорость подъема? — спросил он.

— Это еще не установлено. Будь осторожен, нас сейчас застигнут врасплох. Ты толкуешь о скорости подъема, а в это время мы можем попасть под ковш. Это не твоя специальность, ты не смыслишь в драгах. Ковш движется горизонтально со скоростью шесть дюймов в сутки, то есть почти не движется. Мы просто не заметим, как...

— По-моему, ты просто не хочешь, чтобы я оглядел все хорошенько, — сказал Джо.

— Ты параноик, — отозвалась Мали.

Джо пустил сильный луч фонаря в сторону ковша, и справа от него высветилось что-то массивное — плотная и свето-

непроницаемая масса, вздымающаяся высоко вверх и увенчанная треугольником из плоскостей; около нее сновали рыбы; она вся была облеплена рачками и ракушками, мириадами одностворчатых моллюсков. И рядом, где медленно перемещался ковш, виднелся точно такой же силуэт, силуэт Хельдскаллы.

— Вот что ты хотела скрыть от меня, — произнес Джо.

Под водой было два храма.

Глава 12

— Один из них — Черный. Черный храм.

— Но не тот, под которым работают, — с трудом выдавила Мали.

— А он в этом уверен? — спросил Джо. — Не мог ли он ошибиться? — Такой поворот дел мог запросто его прикончить. Джо интуитивно это чувствовал. Это был бы конец всему. Всему и всем. Просто зная теперь о существовании второго храма и видя его, он чувствовал жало смерти; сердце опять надолго сковало льдом. Джо растерянно водил фонарем вправо-влево. Словно пытаясь — безуспешно — найти выход.

— Теперь ты понимаешь, — проговорила Мали, — почему я так хотела вернуться наверх.

— Я с тобой, — бросил Джо. Он больше не желал оставаться здесь. Как и Мали, он тосковал по свету, по надводному миру. В том мире не было ничего такого... и не должно быть. Он не для этого предназначен... — Поплыли, — сказал Джо и устремился вверх, с каждой секундой удаляясь от мрачной холодной бездны с ее жуткими обитателями. — Дай мне руку. — Он обернулся к Мали и...

И тут, в свете фонаря, он увидел керамический сосуд.

— В чем дело? — тревожно спросила Мали, когда Джо остановился.

— Мне придется вернуться, — сказал он.

— Джо, не позволяй тянуть себя вниз! Это та страшная штука, она действует на тебя. Поднимайся! — Она высвободила руку и, энергично работая ластами, рванулась наверх. Она как будто отбивалась ногами от какой-то липкой субстанции, которая затягивала ее обратно в трясину.

— Поднимайся одна, — буркнул Джо. Он вновь погружался в глубину, стараясь не упустить из виду сосуд и нацелив на него луч фонаря. Вокруг сосуда пророс коралл, но его поверхность

была почти полностью открыта. «Как будто меня здесь что-то поджидает, — подумал Джо, — и надеется завладеть мною, приманив самым верным способом».

Мали, помедлив наверху, с неохотой погрузилась, поравнявшись с ним.

— Что... — хотела спросить она и ахнула, тоже увидев находку Джо.

— Это спиральный кратер, — объяснил Джо. — Очень большой. — Он уже мог различить оттенки эмали; они словно двигались навстречу взору. Цвета, способные приковать его к этому месту лучше любого каната, сильнее водорослей или щупалец спрута. Джо стремился к нему — ближе, еще ближе.

— И что ты можешь о нем сказать? — спросила Мали.

Он почти прикоснулся к сосуду; руки Джо как бы сами собою тянулись вниз, стремясь обхватить его.

— Это не терракота, — проговорил Джо, сдерживая дыхание. — Он обжигался при температуре ниже пятисот по Цельсию. Даже, возможно, при двухстах пятидесяти. Сильное остеклование на глазури и под нею... — Он прикоснулся к сосуду, осторожно потянул его, но коралл крепко держал сосуд. — Это керамика, — определил он. — Не фарфор: он не просвечивает. Судя по белизне глазури, в ней примесь оксида олова. Так что это, видимо, майолика. Так называемая оловянная эмаль. Как на дельфийских жертвенниках. — Он поскоблил пальцем поверхность сосуда. — По ощущению это похоже на технику граффито, с оловянной глазурью. Видишь? Рисунок нанесен через порез, обнажая внутренний телесный цвет. Да, это спиральный кратер, но с тем же успехом мы можем найти здесь псиктры и амфоры, стоит только снять скопления кораллов и посмотреть, что внизу.

— Это хороший сосуд? — спросила Мали. — По мне, он кажется необыкновенным; наверное, он невероятно красив. Но как твое мнение специалиста?..

— Он превосходен, — просто ответил Джо. — Красная глазурь, очевидно, получена из восстановленной меди, прошедшей через углекислотную атмосферу печи. Еще — закись железа; видишь черный цвет? А желтый наверняка из олова; оно дает великолепный желтый цвет.

«Точно кто-то специально подсунул мне эту штуку, чтобы я нашел ее», — думал Джо. Он все очищал и очищал пальцами поверхность, скорее оценивая ее внутренним чувством, нежели зрением. Голубизна окиси меди... На сосуде было все, кроме нее. Не Глиммунг ли подложил его сюда?..

— Посмотри, здесь вроде как сняты коралловые отложения, — показал он Мали. — Странно, что он не покрыт ими полностью.

Пока Мали рассматривала сосуд, изучая его поверхность и проросший снизу коралл, Джо исследовал рисунок. Сложная и витиеватая композиция. Даже более витиеватая, чем урбинианский стиль «историато». Что изображала сцена? К сожалению, виден не весь рисунок. Но Джо имел опыт восполнения недостающих сегментов у разбитых сосудов. «Что бы это значило? — думал он. — Какое-то повествование? Но о чем?»

— Мне не нравится эта чернота, — проговорила Мали. — Все черное здесь, на дне, внушает мне тревогу. — Закончив рассматривать сосуд, она немного отплыла в сторону. — Мы будем подниматься? — спросила она, с каждой секундой все больше нервничая. — Мне что-то не хочется оставаться здесь и добровольно отдать жизнь за какой-то дрянной горшок. Ейбогу, горшки для меня не самое важное на свете.

— Что ты можешь сказать о коралле? — спросил Джо.

— Коралл отделен от сосуда не раньше шести месяцев назад, — ответила Мали. Она отломила кусочек коралла, открыв еще больше поверхность сосуда. — Будь у меня инструменты, я бы убрала все остальное за пару минут.

Теперь рисунок был лучше виден. Джо рассмотрел фигуру человека, одиноко сидящего в пустой комнате. На второй панели был изображен торговый межпланетный корабль. На третьей снова человек (очевидно, тот же самый), занятый ловлей рыбы — видно, как он вытаскивает из воды огромную черную рыбину. Здесь и расплывалась черная глазурь, которая так насторожила Мали: цвет рыбины. Следующий рисунок не разглядеть: его закрывал коралл. Но за сценой ловли следовало что-то еще. Рыба — явно не последний сюжет в серии рисунков. За ним следовала по крайней мере еще одна картина, а возможно, и две.

— Это глазурь «фламбе», — рассеянно произнес Джо. — Как я и думал, из восстановленной меди. Но в некоторых местах она выглядит наподобие так называемого «сухого листа»; если б я не знал лучшего, я бы...

— Ты все-таки педант и эстет, — зло сказала Мали, — ты законченный болван. Я ухожу. — Она приподнялась, отстегнула соединявший их кабель и вскоре исчезла из виду, лишь свет фонаря мерцал вверху. Джо остался наедине с сосудом и с Черным храмом. Стояла тишина. И полное отсутствие всего живого. Ни единой рыбы не проплывало мимо; они словно сторо-

нились Черного храма и его окрестностей. «Мудрые твари, — подумал Джо. — Столь же мудрые, как Мали».

Он в последний раз окинул долгим и грустным взглядом мертвую громаду храма, который никогда не был живым. Наклонившись над сосудом, Джо резко потянул его кверху, отложив в сторону фонарь. Сосуд распался на множество осколков; их тут же унесло течением, и перед ним остались лишь те куски, которые по-прежнему находились в плену у коралла.

Восстановив равновесие, Джо вновь ухватился за оставшийся фрагмент и дернул кверху. Окостеневший коралл сопротивлялся, продолжая удерживать осколки, но потом постепенно высвободил их. Сжимая добытый фрагмент в руке, Джо заспешил наверх.

На осколке находились остальные две панели рисунка-повествования.

Вынырнув на поверхность, Джо сбросил маску и, раскачиваясь на волнах, принялся рассматривать осколок с помощью фонарика.

— Что это? — спросила Мали, подплыв к нему; она плыла короткими, сильными гребками.

— То, что осталось от сосуда, — проговорил Джо сквозь зубы.

На одной из сохранившихся панелей была видна огромная черная рыба, заглатывающая человека. На второй и последней панели рыба появлялась вновь. Только на этом рисунке она уже пожирала и проглатывала... Глиммунга. Именно того Глиммунга, которого Джо знал. Оба, и человек, и Глиммунг, исчезали в пасти рыбы. И человек и Глиммунг прекращали свое существование; оставалась лишь черная, все пожирающая рыбина.

— Осколок... — хотел сказать Джо и замер. Он увидел то, что вначале не привлекло его внимания. Теперь эта, прежде не замеченная деталь притягивала его. Он созерцал ее, ощущая тревогу и бессилие.

На последнем рисунке над рыбьей головой виднелась рамка со словами; очевидно, эти слова принадлежали рыбине. И написаны — о ужас! — на английском. Остановившимся взглядом Джо вперился в эту надпись. Черные волны океана мерно качали его.

«Настоящая жизнь на планете — в море, а не на суше. Не следует вести дела с надутым самозванцем, именующим себя Глиммунгом. За сушей открываются глубины, и в этих глубинах обитает истинный Глиммунг».

И затем, очень мелкими буквами, — те же слова по краю последнего рисунка.

ЭТО ПОСЛАНИЕ ДЛЯ ШИРОКОЙ ПУБЛИКИ.

— Дрянь какая-то, — пробормотал Джо, когда Мали подплыла к нему. Ему хотелось выпустить из рук осколок сосуда, чтобы он вновь исчез в темной воде и навсегда скрылся из виду.

Мали, прильнув к Джо влажным телом, заглядывая через плечо, читала надпись на рамке.

— Бог мой! — Она засмеялась. — Это вроде того, что ты получал на Земле. Пирожок с сюрпризом.

— Пряник на счастье, — зло бросил Джо.

— Я где-то читала, — вспомнила Мали, — как на Земле, в некоем китайском ресторане, клиент обнаружил в таком прянике записку: «Воздерживайтесь от случайных связей». — Она вновь засмеялась теплым смехом, обнимая Джо за плечо и разворачиваясь так, чтобы заглянуть ему в глаза. Потом вдруг успокоилась и сказала очень серьезно: — Похоже, будет страшная битва. За то, чтобы храм остался на дне.

— Он *сам* не хочет выходить наружу, — заметил Джо. — Храм желает остаться там. Этот осколок — часть его. — Он выронил фрагмент сосуда, и тот канул в небытие; Джо наблюдал за ним еще несколько секунд, увидел на его месте лишь пузыри и вновь обратился к Мали. — Это храм говорит с нами, — выразил он угрюмо мысль, навязчиво вертевшуюся в голове.

— А этот сосуд не принадлежит Черному храму?..

— Нет, — сказал Джо. — Не Черному.

Джо понял, что прикоснулся к сокровенной тайне. Это касалось всех: и мастеров, и Глиммунга.

— Не уверен, знает ли он об этом, — сказал Джо вслух. — Вопрос посложнее. Подобную штуку уже не выдашь запросто за предсказание Календ. Это тебе не проблема гидравлической техники...

— Это душа, — еле слышно произнесла Мали.

— Что?! — гневно переспросил он.

— Наверное, я хотела не это сказать... точнее, не хотела... — выдавила Мали после паузы.

— И хорошо, черт возьми, что не хотела, — проворчал Джо. — Потому что он мертв.

«Кроме надписи на осколке, — размышлял Джо. — Это только видимость жизни. Инерция. Как любое физическое тело, он остается, пока к нему не приложена достаточная сила... и затем неохотно поддается силе. Храм под нами, — подумал он, — содержит массу предельной величины, и мы расшибемся в лепешку, пытаясь ее сдвинуть. Никто из нас, в том числе и Глиммунг...

Он останется там, — думал Джо. — Все будет так, как есть сегодня. Мир без пределов, как говорят в церкви. Но что за

странная манера у этого храма царапать послания на изъеденных кораллами сосудах... Наверное, должен быть лучший способ общения с живущими на суше. И все же... Манера общения Глиммунга, его записка, плавающая в сливном бачке... это столь же нелепо. Общая склонность этой планеты, — решил Джо. — Традиция, прошедшая сквозь столетия...»

— Он знал, что ты отыщешь сосуд? — спросила Мали.

— Откуда?

— Из Книги. Там набрано где-то посредине, в сноске, мелким «агатом».

— Но предположим, что Календы ошиблись, — сказал Джо, — когда предсказали, будто я найду в Хельдскалле нечто, что толкнет меня на убийство Глиммунга. Это могла быть просто догадка, и, наверное, плохая...

«И все же, — подумал он, — она сбылась: ведь я нашел этот сосуд. И быть может, в один прекрасный день волны бытия прибьют нас с Глиммунгом друг к другу, и я в конце концов убью его. Если пройдет достаточно времени... На самом деле, — размышлял он, — по прошествии времени может случиться что угодно. По сути, на этом и работает Книга Календ».

Работала — и не сработала.

«Вероятность, — подумал Джо. — Наука в себе. Теорема Бернулли, теорема Байе-Лапласа, распределение Пуассона, отрицательное биномиальное распределение... монеты, карты, дни рождения, наконец. И, воспаряющие надо всем этим, плеяда мудрецов — Рудольф Карнаи и Ганс Рейхенбах; венский кружок философов и расцвет символической логики». Смутный мир, в который ему как-то совсем не хотелось вникать. Несмотря на то, что это явно имело отношение к Книге. Этот мир был мутнее водного царства, выплеснувшегося на него и Мали.

— Давай вернемся на базу, — дрожа, произнесла Мали. Она тут же поплыла прочь; там, куда она уплывала, Джо увидел огни. Их наверняка зажег робот Виллис.

«Амалита не настиг нас, — думал Джо, вслед за Мали направляясь к ярко светящимся огням базы. — Что ж, и на том спасибо».

Было действительно так жутко, как и предупреждал Виллис. Собственный труп... до сих пор у Джо перед глазами маячила выпяченная болтающаяся челюсть, белая и мертвая в потоке Водяной Преисподней. Мир Амалиты со своими законами. Наполненный тленом и падалью.

Джо наконец добрался до ярко освещенной базы. Там стоял Виллис, готовый помочь выбраться из воды.

Робот, казалось, был раздражен, когда Джо и Мали сняли акваланги.

— Время истекло, Сэр и Леди, — придирчиво проговорил он, складывая снаряжение. — Вы не послушались меня и задержались слишком долго. Не меня, а Глиммунга, — уточнил он.

— Что с вами? — спросил Джо.

— Чертова радиостанция, — фыркнул робот. Он снимал с Мали кислородные баллоны; его сильные руки поднимали их без малейшего усилия. — Только представьте себе... — Он расстегнул на девушке костюм, сложил все и стал относить к стенному шкафу. — Я сижу тут, жду вас и слушаю радио. Передают Девятую Бетховена. Потом реклама повязки для грыжи. Затем фрагмент «Доброй пятницы» из «Парсифаля» Вагнера. Потом реклама мази для ног спортсменов. Дальше — хорал из кантаты Баха «Иисус, Ты моя душа». После него — реклама свечей от геморроя. После — «Мать скорбящая» Перголези. Затем реклама зубного порошка для искусственных челюстей. «Святый Боже» из «Реквиема» Верди. Реклама слабительного. «Глория» Гайдна. Обезболивающее при месячных. Хорал из «Страстей по Матфею». Подстилка для кошек. Потом... — Внезапно робот замолчал. Он наклонил голову, что-то пытаясь расслышать.

Теперь слышал и Джо. И Мали, кажется, услышала тоже; она быстро повернулась и побежала ко входу в здание. Снаружи, в полумраке, она задрала голову вверх.

Джо и Виллис последовали за нею.

В ночном небе повисла огромная птица; на ней сверкали два обруча — огненный и водяной. На их пересечении виднелось девичье лицо, частично закрытое кашемировой шалью. Глиммунг в том виде, каким его впервые встретил Джо, обратился в форму гигантской птицы. Орел, изумился Джо. Орел, с криком раздирающий ночное небо когтями. Джо отступил назад в помещение, под безопасную крышу. Но огромная птица устремилась с неба прямо к базе; перпендикулярные обручи вращались с устрашающей скоростью.

— Старик прибыл, — заметил Виллис, не обнаруживая беспокойства. — Я просил его прийти. Или он меня просил?.. Не помню. Короче, мы поговорили, но кто с кем, я помню смутно. У нас так бывает, у меня и моих коллег.

— Он приземляется, — прошептала Мали.

Птица замерла в воздухе; клюв открывался и закрывался в судорожном возбуждении, желтые глаза швыряли огонь, казалось, прямо в лицо Джо. Затем из гигантского птичьего зоба зазвучали слова, падая в черноту ночи. Слова, острые и злые.

— Вы! — заорала птица. — Я не хотел, чтобы вы спускались в океан. Я не хотел, чтобы вы видели, что покоится на дне. Вы здесь для того, чтобы чинить горшки. Что вы здесь видели? Что вы здесь делали? — В криках птицы сквозила какая-то лихорадочная тревога. Глиммунг появился здесь, ибо не мог ждать выяснения обстоятельств; ему необходимо было немедленно узнать, что произошло на дне океана.

— Я нашел сосуд, — ответил Джо.

— Там написана ложь! — заорал Глиммунг. — Забудьте об этом. Лучше послушайте меня. Ясно?

— Там только сказано... — начал Джо.

— Там валяются тысячи горшков, — перебил Глиммунг. — И на каждом из них своя лживая история для всякого, кто появится и прочтет.

— Большая черная рыба, — сказал Джо. — Она говорила, что...

— Нет никакой рыбы. И ничего нет, кроме Хельдскаллы. Я могу поднять храм, когда захочу. Могу сделать это и без вашей вонючей помощи. Смогу собрать все сосуды, один за другим очистить от кораллов, и если они разбиты, сам починю их или найду кого-нибудь себе в помощь. А вас надо отправить обратно в убогий модуль, где вы будете тешиться дурацкой игрой. И год за годом терять себя. И разлагаться, разлагаться, пока не превратитесь в тупую развалину. Вы этого хотите?

— Нет, — пролепетал Джо. — Не хочу.

— Вы возвратитесь на Землю! — заорал Глиммунг. Его клюв все открывался и закрывался, свирепо хватая воздух.

— Простите, но я... — начал Джо, но птица прервала его с безжалостной яростью. И, как прежде, с непреодолимым раздражением.

— Я отправлю вас обратно в ящик в моем погребе, — заявил Глиммунг. — И вы там будете торчать, покуда до вас не доберутся жандармы. Более того, я сообщу им, кто вы такой; они найдут вас и разорвут в клочья. Вам понятно? Вы что, не сообразили, что я могу исключить вас из группы за неповиновение? Вы мне не нужны. Насколько мне известно, вы вообще больше не существуете... Мне не стоило бы так кричать на вас, но вы довели меня до такого состояния. Так что вам придется потерпеть.

— По-моему, вы зря так кипятитесь, — справившись с испугом, заявил Джо. — Что я сделал особенного? Да, спустился. Да, нашел сосуд. Но...

— Вы нашли сосуд, который я не хотел показывать вам. — Горящие глаза птицы неотступно сверлили Джо яростным

взглядом. — Вы хоть поняли, что совершили? Вы пошли против моей воли. Теперь я должен ответить вам, и немедленно.

Птица вдруг взмыла вверх, разворачиваясь теперь уже не в сторону Джо, а навстречу морю. На огромной скорости она помчалась прочь. Тяжелые крылья трепетали в отчаянном гневе. Поднявшись над океаном, птица парила в воздухе. Она висела в небе, издавая дикий, пронзительный крик.

— Развеселый Кэри Карнс с его шестью телефонами больше не поможет вам! — кричала птица, повиснув в черном небе, сливаясь с туманом, который клубами наползал на поверхность океана. — Радиослушатели не знают о вас! Им на вас наплевать! — Птица описала круг и вновь спикировала вниз...

И тут что-то поднялось из черной бездны.

Глава 13

— О Боже, — прошептала Мали, сжимая руку Джо. — Это Темный. Он летит ему навстречу.

Из моря вылетел Гнуммильг. Две птицы сшиблись у кромки воды. Они вцепились когтями друг в друга, во все стороны полетели перья. Затем, сплетаясь в одну массу, птицы камнем рухнули в волны. В воде они жестоко схватились, и Джо показалось, если это не было обманом зрения, что настоящий Глиммунг безуспешно пытался высвободиться.

Обе птицы исчезли из виду в глубинах Маре Ностурум.

— Он затянул его под воду, — упавшим голосом произнесла Мали.

— Мы что-нибудь можем сделать? — спросил Джо робота. — Что-нибудь, чтобы спасти, освободить его?

«Он тонет, — понял Джо. — И это погубит его».

— Он выплывет, — ответил робот.

— Откуда вы знаете? — почти выкрикнул Джо. Мали повторила его слова. — Разве такое случалось раньше? Разве Глиммунга затягивали под воду?.. — Теперь, подумал он, вместо подъема Хельдскаллы Глиммунг сам очутится на дне... и навсегда останется с Гнуммильгом и Черным храмом. Как мой труп. Изуродованное тело, болтающееся средь водорослей. И скрывающееся от рыб в ящике.

— Я могу разрядить в воду зенитную установку, — заметил робот. — Но такой залп прикончит и его.

— Нет, не надо, — попросила Мали.

— Один раз такое уже было, — задумчиво продолжал Виллис. — По земному времени, — подсчитывал он, — где-то в конце 1936 года. Во время летней Олимпиады в Берлине...

— И он выбрался? — спросила Мали.

— Да, мисс Леди, — кивнул Виллис. — Черный тогда снова ушел на дно. Где он и оставался до сегодняшнего дня... Глиммунг сознательно шел на риск, прилетев сюда: он знал, что может потревожить Черного. Вот почему он сказал: «Вы принудили меня». Вы действительно принудили его, и вот он там, на дне.

Осветив фонарем поверхность воды, Джо увидел какой-то предмет, плещущийся в волнах. Предмет отражал свет фонаря.

— У вас не найдется моторной лодки? — спросил он Виллиса.

— Да, мистер Сэр, — сказал робот. — Вы хотите выйти в море? Вы не боитесь, что они сейчас вынырнут и утопят вас?

— Я хочу посмотреть, что там в воде. — Джо, кажется, догадался, что это было.

Робот неохотно пошел искать лодку. Спустя несколько минут лодка качалась на волнах бурлящего Маре Ностум.

— Вот оно, — проговорил Джо. — В нескольких ярдах вправо. — Он высветил странный предмет фонарем. Когда лодка подобралась достаточно близко, Джо нагнулся и схватил его. Это была большая бутыль.

На дне бутыли лежала записка.

— Еще одно послание от Глиммунга, — кисло заметил Джо. Он отвинтил пробку и вытряхнул наружу листок бумаги. Листок выпорхнул на дно лодки. Джо осторожно подобрал его и прочел вслух, осветив бумагу фонарем:

— «Наблюдайте за этим местом. Каждый час я буду присылать сообщения. Искренне ваш Глиммунг. P.S. Если я не вынырну к утру, сообщите всем, что Проект провалился. Возвращайтесь тогда на свои планеты по возможности быстрее. Всего вам лучшего. Г.».

— Почему он так делает? — спросил Джо робота. — Зачем эти записки в бутылках, беседы с людьми через радиопередачи и тому подобное?

— Причудливый метод интерперсональной коммуникации, — согласился Виллис. Лодка возвращалась к плавучей базе. — Сколько я его помню, он всегда разбрасывает информацию странным образом, выпадающими частями, окольным путем. Хотя как, по-вашему, он должен был сейчас связаться с нами? Через спутник?

— Хоть бы и так, — проворчал Джо. Тоска навалилась на него безмолвным, жутким облаком. Он замолк, ушел в себя; содрогаясь от холода, он ждал, пока они вернутся на базу.

— Он, наверное, умрет, — тихо сказала Мали.

— Глиммунг? — спросил Джо.

Девушка кивнула. В сумеречном свете лицо ее было бледным, как у призрака; смутные тени скользили по нему, как волны прибоя.

— Я тебе не рассказывал об Игре? — спросил Джо.

— Извини, но мне сейчас не до...

— Это делается так. Берешь заголовок книги, желательно известной, и вводишь его в японский компьютер, который буквально переводит на японский. Тогда...

— Это то, что тебя ждет на Земле? — перебила Мали.

— Да, — ответил Джо.

— Мне бы стоило тебе посочувствовать, — сказала Мали, — но я не могу. Ты наслал беду на всех нас — ты уничтожил Глиммунга, который почти что спас тебя от полной деградации. Он так хотел вернуть тебе достоинство мастера в героическом деле, в общем подвиге, — и тебе, и сотням других, со множества планет...

— Но мистер Сэр должен был спуститься на дно, — вдруг возразил робот.

— Приспичило ему, — уточнила Мали.

— Это Книга заставила меня, — оправдывался Джо.

— Нет, — сказал робот. — Вы собирались это сделать еще до того, как появилась Календа и показала отрывок из Книги.

— Человек должен делать то, что положено человеку, — заявил Джо.

— Что это значит? — спросила Мали.

— Так просто. Оборот речи, — слабым голосом произнес Джо. — В том смысле, как покоряют горы... так.

«А теперь, — думал он, — я убил Глиммунга, точно по предсказанию. Календы правы. Календы всегда правы. Глиммунг погибает, а мы тут болтаемся в лодке. А если бы не я, если бы не мое желание спуститься в Маре Нострум, с ним было бы все в порядке. Они правы. Это моя вина, как и сказал Глиммунг, перед своей гибелью, перед тем, как Черный напал на него, вынырнув из моря».

— И как ты теперь себя чувствуешь, Джо Фернрайт? — поинтересовалась Мали. — Теперь, когда ты понял, что наделал и в чем виноват?

— Что ж, — ответил Джо. — Я предлагаю следить за ежечасными сообщениями. — Даже он сам чувствовал, насколько жал-

кими были эти слова; его голос растворился в тишине. Потом все трое молчали, пока не добрались до пристани плавучей базы, где Виллис пришвартовал лодку.

— Ежечасные сообщения, — сардонически усмехнувшись, повторила Мали, когда они поднялись на причал. Яркие огни испытательной площадки сияли вокруг наподобие окисленного олова, придавая Мали и Виллису неестественный вид, будто они странным, жутким образом превратились в неких демонов, выходцев с того света. «Или, — мелькнула у Джо дикая мысль, — как будто я их тоже убил, и теперь это трупы. Впрочем, робот не может быть трупом. Это просто игра теней, и потом, я устал».

Джо еще никогда в жизни не был так вымотан; поднимаясь, он тяжело глотал воздух, чувствуя боль в легких. Словно усилием мышц пытался вынести Глиммунга на себе из моря в безопасное место.

Если бы он мог это сделать...

— Интересно, как Глиммунг впервые обратился ко мне, — сказал Джо, чтобы сменить тему разговора. — Я сижу в своем кубике, делать мне нечего, а почтовый ящик ярко освещен. Я нажимаю кнопку, и вдруг по патрубку...

— Смотрите, — спокойно перебила его Мали. Проговорила она тихо, но в голосе прозвучал металл. И показала на воду. Джо подсветил. — Это пена. Пена от битвы под водой. Гнуммильг пожирает Глиммунга. Черный храм поглощает Хельдскаллу. Это конец Амалиты и Борели. Это конец Глиммунгу. Ничто не уцелеет, все скроется под водой. — Она отвернулась и продолжала подниматься на палубу.

— Тише, — сказал робот. — Я слышу звонок. Это официальный звонок мистеру Фернрайту. — Робот прислушался. — Это личный секретарь Глиммунга. Она снова хочет поговорить с вами. — У робота на груди открылась дверца и выдвинулся телефон. — Снимите трубку.

Джо протянул руку. В ладонь будто легла пудовая гиря и оттянула руку вниз; Джо с трудом поднял трубку достаточно высоко, чтобы слышать.

— Мистер Фернрайт? — зазвучал спокойный, уверенный женский голос. — С вами вновь говорит Хильда Рейсс. Глиммунг у вас?

— Скажи ей, — приказала ему Мали. — Скажи ей правду.

— Он на дне Маре Ностум, — выдал Джо.

— Это точно, мистер Фернрайт? Он на дне — я вас правильно поняла?

— Он нырнул в Преисподнюю. Совсем неожиданно. Никто из нас не ожидал этого.

— Я не уверена, что правильно все поняла. — Мисс Рейсс явно нервничала. — Вы, кажется, хотите сказать, что...

— Да! Он сражается там, в глубине, — повысил голос Джо. — Я уверен, что в конце концов он выплывет. Он передал, что будет посылать ежечасно сообщения. Так что не стоит особо волноваться.

— Мистер Фернрайт, — сухо проговорила мисс Рейсс, — Глиммунг посылает ежечасные послания только когда он в беде.

— Гм-м, — смог выдавить Джо.

— Вы поняли меня? — резко переспросила мисс Рейсс.

— Да! — каркнул Джо.

— Он ушел в глубину сам — или его уволокли?

— В некотором смысле и так, и эдак, — объяснял Джо. — Видите ли, была схватка... — Он жестикулировал, пытаясь подобрать нужные слова. — Схватка между ними. Но Глиммунг решительно выглядит сильнее. Он положит его на лопатки... или на крылья?..

— Позволь, я поговорю сама. — Мали выхватила у Джо трубку. — Это мисс Йохос. — Она молча слушала. — Да, мисс Рейсс, я знаю. Да, это я тоже знаю. Что ж, как считает Фернрайт, он может вернуться с победой. Мы должны верить, как сказано в Библии. — Она опять долго слушала. Потом обернулась к Джо, прикрыв рукой микрофон. — Она хочет, чтобы мы передали Глиммунгу послание.

— Какое послание? — спросил Джо.

— Какое послание? — сказала Мали в трубку.

— Никакое послание ему не поможет, — заметил Джо Виллису. — Мы ничего не сможем сделать.

Он отчетливо чувствовал свое бессилие — острее, чем когда-либо в жизни. Ощущение близости смерти, которое преследовало его в периоды депрессии, разрасталось; он ощущал, как у него деревенеют внутренности, сердце, нервы. Сознание вины окутывало, как причудливый атласный плащ. Стыд в обнаженном, почти архетипическом виде, — будто он заново переживал стыд Адама, первое чувство греховности перед лицом Бога. Это была ненависть к себе, к ничтожности собственных поступков: он поставил под угрозу своего благодетеля — и всю планету целиком.

«Я — Иона, — подумал Джо. — Календы правы; я появился здесь, чтобы погубить планету своим присутствием. Глиммунг не мог не знать... и все же привез меня сюда. Возможно, про-

сто ради меня: я в этом нуждался. Господи! Вот он, конец! И вот как я отблагодарил — убийством».

Мали положила трубку. Ее лицо, неподвижно-напряженное, повернулось к Джо, глаза их встретились. Она долго-долго смотрела на него немигающим взглядом, будто желала обжечь, оставить на его коже следы раскаленного железа. Потом девушку передернуло, и она встряхнула головой, будто сбрасывая наваждение.

— Джо, — хрипло сказала она, — мисс Рейсс говорит, что нам тут не на что надеяться. Мы должны вернуться в отель «Олимпия» за вещами. И потом... — Она замолчала; ее лицо исказила гримаса отчаяния. — И потом покинуть планету Плаумэна и вернуться в свои миры.

— Почему? — спросил Джо.

— Потому что надежды нет. И как только Глиммунг... — она сделала судорожный жест, — погибнет, тлен и разложение охватит всю планету. Так что мы должны... понимаешь... убираться.

— Но в записке сказано, что мы должны ждать ежечасных сообщений, — напомнил Джо.

— Сообщений не будет.

— Почему?..

— Она не ответила.

— Она тоже собирается уходить? — спросил Джо, холодея от ужаса.

— Да. Но сначала мисс Рейсс останется, чтобы проводить всех в космопорт. Тут есть межзвездный корабль, который готов к погрузке в любой момент. Она надеется, что в течение часа все смогут собраться на корабль... Вызовите мне такси, — бросила Мали Виллису.

— Вы должны сказать: «Виллис, вызовите мне такси».

— Виллис, вызовите мне такси.

— Ты уезжаешь? — спросил Джо. Он был изумлен. И чувствовал, что окончательно пал духом.

— Нам приказали уехать, — просто сказала Мали.

— Нам приказали ждать ежечасных сообщений, — возразил Джо.

— Ты кретин!

— Я намерен остаться здесь, — заявил Джо.

— Ну и оставайся. Вы мне вызвали такси? — спросила девушка Виллиса.

— Вы должны сказать...

— Виллис, вы мне вызвали такси?

— Номер занят, — ответствовал робот. — Они носятся по всей планете, вывозя жителей в космопорт из каждого уголка этого гнусного прогнившего мира.

— Отвезите ее на той штуке, на которой мы с вами сюда прибыли, — сказал Джо.

— А вы уверены, что хотите остаться? — спросил робот.

— Уверен!

— Кажется, я тебя поняла, — сказала Мали. — Это из-за тебя произошел страшный провал. И ты чувствуешь себя не вправе спасать собственную шкуру.

— Нет. Я просто устал, — откровенно признался Джо. — Я не смогу смириться с возвращением. Попробую рискнуть. Либо Глиммунг вернется на сушу и мы продолжим восстановление Хельдскаллы, либо... — Он пожал плечами.

— Фальшивая бравада, — криво усмехнулась Мали.

— Ничего подобного. Просто усталость. Уходите! Отправляйтесь в космопорт. Вы же знаете, что в любую минуту может наступить конец.

— Что ж, по крайней мере мне так сказала мисс Рейсс. — Мали словно извинялась. Она медлила, прикидывая, как лучше поступить. — Если я останусь...

— Ты не останешься. Ни ты, ни остальные. Кроме меня.

— Позвольте мне сказать, — вмешался Виллис. Поскольку оба молчали, он продолжал: — Глиммунг никогда не хотел, чтобы кто-либо погиб вместе с ним. Отсюда инструкции мисс Рейсс всем вам; она следует его требованию. Несомненно, что он оставил ей категорический приказ на случай экстренных обстоятельств. Понимаете, мистер Сэр?

— Понимаю.

— Так вы отправляетесь с мисс Леди?

— Нет, — покачал головой Джо.

— Земляне известны своей тупостью, — съязвила Мали. — Виллис, отвезите меня прямо в космопорт; заезжать домой за вещами не будем. Поедемте.

— Прощайте, мистер Сэр, — сказал Виллис.

— Скатертью дорожка, — отозвался Джо.

— Что это значит? — спросила Мали.

— Ничего. Древняя присказка. — Джо направился к причалу. Там он уставился невидящим взором на пришвартованную лодку, в которой осталась бутылка с письмом от Глиммунга. «Скатертью дорога и мне», — подумал Джо.

— Дурацкое выражение, — сказал он вслух неизвестно кому. Глиммунгу, наверное.

«Удачи ему. Там, в Маре Ностру́м, где следовало быть и мне. Всем нам. И сражаться, как он сражается. Смерть на ходу. Одушевленная смерть. Смерть с аппетитом».

— «Проклятый аппетитами моими», — вслух продекламировал он.

Они ушли. Джо остался один на плавучей базе. Он стоял и слушал низкий гул двигателей, от которого задрожало здание: они стартовали.

— Это из «Принцессы Иды», — констатировал Джо в пространство. — Ария Сирила, второй акт. В садах Алмазного замка. — Он снова молча слушал. Звук ракет стих.

«Что за черт, — думал Джо. — Что за чертова гнусность. И все это из-за меня. Книга сделала из меня бильярдный шар, инертное тело в аристотелевском мировосприятии. Один бильярдный шар касается другого, другой лупит по третьему, и в этом суть жизни».

Могли бы Мали и Виллис догадаться, откуда он цитирует стихи? Мали — нет, а Виллис знает Йитса. Скорее всего, знает и У. С. Гилберта.

«Йитс», — подумал Джо.

«В о п р о с: Вы любите Йитса?

О т в е т: Не знаю, не пробовал».

Вот и все. В голове пусто. Потом Джо вспомнил другой диалог:

«В о п р о с: Как вам нравится Толстой?

О т в е т: Предпочитаю худых».

Мука и отчаяние наполнили разум, когда эти дурацкие диалоги прозвучали в голове. «Я спятил. В голову лезет только всякая чушь; я, видимо, отупел от отчаяния. Что там происходит внизу?»

Он стоял на причале, вглядываясь в волны. Темная поверхность воды скрывала все под собою; Джо не мог ничего ни увидеть, ни понять. Но потом...

В четверти мили от базы вода яростно забурлила. Что-то огромное всплыло на поверхность, словно освободившись из плена. Распростерлись и слабо захлопали огромные крылья; они бились вяло, будто существо было обессилено. Потом оно поднялось в воздух, в прерывистом, наклонном полете. Оно взмахивало крыльями, но смогло подняться только на несколько футов над поверхностью.

Глиммунг?.. Джо пытался разглядеть существо. Оно достигло купола плавучей базы. Однако не приземлилось, а продол-

жало нестись мимо. Джо услышал, как оно промчалось над головой в ночную мглу.

И в это время, включившись от приближения существа, автоматически заработала сирена тревоги. Громовой голос, записанный на пленку, зазвучал из репродукторов.

— Внимание! Поблизости Гнуммильг! Примите меры предосторожности по схеме номер три! Внимание! Поблизости... — Текст повторялся и повторялся.

Огромное, бьющее крыльями существо, поднявшееся из моря, являлось Черным двойником Глиммунга.

Глава 14

Случилось самое страшное. Глиммунг повержен. Джо понял это, когда услышал вой сирены и шум тяжелых крыльев. «У этой дряни была какая-то цель. Она летела в определенном направлении. Куда?» — думал Джо. Он инстинктивно сжался. Даже не приземлившись, существо давило своей огромной массой на всю поверхность планеты. И на Джо Фернрайта тоже. По крайней мере на минуту он почувствовал такую тяжесть, будто чудовище оседлало его. «Оно не интересуется мной», — с безнадежным отчаянием подумал Джо, скрючиваясь, закрыв глаза, в положении зародыша в матке.

— Глиммунг, — произнес он вслух.

Ответа не было.

Эта дрянь летит в космопорт, решил он. Им теперь не удастся покинуть планету. Чудовище летело туда: Джо чувствовал устремленность в его диком напряжении. Глиммунг ранил монстра, но не смог уничтожить. А сам теперь лежал на дне Маре Ностум, вероятно — почти наверняка, — умирая.

«Мне нужно спуститься туда, — решил Джо. — Я должен погрузиться еще раз и посмотреть, смогу ли ему чем-нибудь помочь». Он стал лихорадочно собирать прежний водолазный набор: нашел кислородные баллоны, прозрачную маску, ласты, фонарь; закрепил грузы, чтобы пристегнуть пояс... И уже облачившись в туго обтягивающий костюм, осознал, что все это бесполезно. Он опоздал.

«Даже если я найду его, — подумал Джо, — то вряд ли вытащу. У меня нет приспособлений, чтоб поднять такую махину на сушу. А кто будет лечить его? Я не умею. Никто не умеет».

Джо сдался. Он стал снимать костюм. Пальцы не слушались, они словно одеревенели и срывались с застежек. Раздеться он был уже не в состоянии.

«Гиблое дело, — думал Джо. — Глиммунг сейчас на дне океана, а Черный оборотень Гнуммильг завладел небом. Все перевернулось. Но по крайней мере он не стал нападать на меня. Он пронесся мимо... вдогонку за более соблазнительной добычей».

Джо вгляделся в воду, посветил фонарем в ту сторону, где ушли на дно Глиммунг и его противник. Белесые и слипшиеся, на поверхности качались клочья кожи и смятые пучки перьев. И темное пятно, будто нефть, расплывалось кругами, все шире и шире. Кровь, понял Джо. Да, чудовище ранено... Или это кровь Глиммунга?

Тело нещадно болело и плохо повиновалось, руки тряслись. Джо с трудом забрался на пришвартованную моторную лодку. Вскоре она, тарахтя, приблизилась к страшному месту. Когда Джо выключил мотор, кровавое пятно окружало лодку со всех сторон. То, что плавало на воде, ничего не могло объяснить. И все же, оставаясь на месте, Джо прислушивался к звуку волн, глухо плещущих о темный берег где-то позади него. Он наугад опустил руку в волны и посмотрел на нее. В свете фонаря то, что испачкало ладонь, казалось черным. Но это была кровь. Свежая кровь, обилие крови. Кровь, сочившаяся из огромной раны. Без надежды на исцеление.

«Тот, кто потерял столько крови, умрет через пару дней, — подумал Джо. — Если не через пару часов».

Из глубины океана всплыла на поверхность бутылка. Джо осветил ее фонарем, врубил мотор и, добравшись до бутылки, втащил ее в лодку.

Записка! Джо откупорил бутылку и вытряхнул листок бумаги в трясущуюся ладонь. При свете фонаря он прочел:

«Хорошие новости! Я справился с врагом и скоро восстановлю свои силы».

Не веря глазам, Джо прочел записку еще раз. Что это? Розыгрыш? Фальшивая бравада перед агонией? «Надутый самозванец», — вспомнил он надпись на осколке сосуда. Так, может, сама эта записка — подлог, устроенный вовсе не Глиммунгом. Как и надпись на сосуде, этот текст может быть написан Храмом — не Черным двойником, а Хельдскаллой, которую Глиммунг собирается — или собирался — поднять из моря. «Я справился с врагом», — отдавалось эхом в мозгу, пока Джо вновь и вновь перечитывал записку. Возможно, это попытка уйти от реальности, решил он. Враг, вырвавшийся из глубины и взле-

тевший в воздух, ранен, но не смертельно. А Гликмунг под толщей вод, несмотря на записку, ранен смертельно.

Еще одна бутылка, меньшего размера, чем первые две, показалась на поверхности. Джо схватил ее, отвинтил крышку и прочел содержание маленького листка бумаги:

«Предыдущее сообщение — не фальшивка. Я в добром здравии, надеюсь, что и вы тоже. *Г.* P.S. Теперь больше нет необходимости покидать планету. Передайте всем, что со мною все в порядке, и скажите, чтобы все оставались пока в своих жилищах. *Г.*»

— Но уже поздно, — проговорил вслух Джо. — Они как раз сейчас отправляются... Гликмунг, вы слишком долго не отзывались. Я остался здесь один. Я и роботы, в том числе Виллис. И нас немного. Ничто по сравнению с той огромной и разноликой командой, которую вы собрали. Ваш Проект не состоялся...

Но ведь записка тоже могла быть подложной. Вдруг это просто попытка Хельдскаллы удержать всех от бегства с планеты, вопреки распоряжению мисс Рейсс? Однако в кратких, рубленых фразах звучал подлинный стиль Гликмунга. Если это и подделка, то искусная.

Джо взял последний листок бумаги и на его обороте печатными буквами вывел:

«Если вы в добром здравии, то почему вы не возвращаетесь?
Обеспокоенный Подчиненный».

Он упаковал записку в одну из бутылок, прикрепил к ней грузик со своего пояса, туго завинтил крышку и сбросил бутылку с борта лодки. Она сразу же ушла под воду. И почти мгновенно вновь всплыла. Джо выудил из волн бутылку и откупорил ее.

«Я сейчас приканчиваю Черный храм. Вернусь на сушу, как только справлюсь.

Признательный Покровитель.

P.S. Свяжитесь с остальными. Они будут необходимы. *Г.*»

Послушно, однако без особой уверенности, Джо устремился обратно к огням плавучей базы. Он отыскал видеотелефон — их было несколько — и, соединившись, попросил робота-телефониста связать его со станцией космопорта.

— Когда отправился последний корабль? — спросил он станцию.

— Вчера.

— Значит, межзвездный корабль у вас прямо сейчас под погрузкой?

— Да.

Хорошие новости. Хотя и зловещие в некотором смысле. Джо сказал:

— Глиммунг просит, чтобы посадку прекратили и распустили пассажиров, чтобы они могли вернуться сюда.

— Вы имели честь беседовать с мистером Глиммунгом?

— Да, — сказал Джо.

— Докажите это.

— Он передал мне просьбу устно.

— Докажите.

— Если вы отправите корабль, — сказал Джо, — Хельдскала никогда не будет восстановлена. А Глиммунг уничтожит вас.

— Вы должны мне это подтвердить.

— Соедините меня с мисс Рейсс, — сказал Джо.

— Кто такая мисс Рейсс?

— Она на борту корабля. Это личный секретарь Глиммунга.

— Я не могу принимать распоряжения от нее тоже. Я автомат.

— Скажите, огромное крылатое существо, совершенно черное, не пролетало мимо вас?

— Нет.

— Так вот, — сказал Джо, — оно направляется к вам. Оно может показаться в любой момент. И все на борту корабля погибнут, если вы их сейчас не выпустите.

— Меня не убеждают нервные панические сигналы, — ответствовала станция, но ее голос звучал неуверенно. Потом он замолчал; Джо изо всех сил напрягал слух. — Я, — произнесла станция отрывисто, — я, кажется, понимаю.

— Распустите пассажиров корабля, — потребовал Джо. — Пока не поздно.

— Но их можно будет взять голой рукой, — сказала станция.

— Голыми руками, — поправил Джо.

— В общем, вы меня поняли. Может, соединить вас с кем-нибудь на борту корабля?

— Да, и поскорее.

Экран телефона замелькал полосами неестественно ярких цветов, а затем на нем появилась седая, массивная голова Харпера Болдуина.

— Да, мистер Фернрайт? — Он, как и станция, был сильно встревожен. — Мы сейчас отправляемся. Я понял, что лже-Глиммунг движется к нам. Если мы сию минуту не стартуем...

— Распоряжения изменились, — сказал Джо. — Гликмунг жив и здоров и требует, чтобы вы все прибыли на плавучую базу. И как можно скорее.

На экране возникло холодное, неподвижное лицо. Какое-то неестественно бесполое.

— Я Хильда Рейсс. В данной ситуации у нас единственная реальная альтернатива — эвакуироваться с планеты. Я полагала, что вы меня поняли. Я же говорила мисс Йохос...

— Но Гликмунг ждет вас, — рявкнул Джо. Волокита, проклятая волокита. Он взял письмо Гликмунга и поместил перед экраном. — Вы узнаете почерк? Как личный секретарь вы должны узнать.

Она прищурилась, наморщив лоб.

— Вижу. Да, здесь все совершенно разборчиво. — Она взглянула на Джо. — Хорошо, мистер Фернрайт. Мы наймем водителей-верджей, транспорт и спешно прибудем к вам. Мы появимся в течение десяти — пятнадцати минут. По ряду причин я полагаю, что улетевший Гнуммильг не уничтожит нас по пути. До свидания. — Она отключилась. Экран потемнел, в трубке стало тихо.

«Десять минут, — думал Джо. — Десять минут с Гнуммильгом над головами. Им еще повезет, если какие-нибудь верджи согласятся их везти. Даже автоматическая станция, неживое сооружение, — и она испугалась».

Надежда на то, что они доберутся до плавучей базы, показалась Джо призрачной. Прошло полчаса. Никаких признаков гидросамолета не было. Как и сообщений от группы. Чудовище настигло их. И теперь им конец. А между тем Гликмунг сражается с Черным храмом на дне Маре Ностум. И сейчас все должно решиться.

«Почему их не видно? — тщетно пытался понять он. — Монстр опередил и теперь их трупы качаются на волнах — или же валяются на суше, чтоб с течением времени превратиться в голые, ломкие кости? А Гликмунг? Что с ним? Даже если они доберутся до базы, все по-прежнему зависит от того, сможет ли Гликмунг одолеть Черный храм. Если он погибнет, то окажется, что они прибыли впустую. Всем нам придется бежать с планеты. Мне — на перенаселенную Землю, где издевательское пособие, пустой модуль, окно, за которым ничего не происходит. И Игра. Чертова Игра. И так до конца дней.

Я не хочу уезжать отсюда, — думал Джо. — Даже если Гликмунг погибнет. Но... что это будет за мир без Гликмунга? Мир, управляемый Книгой; механический мир, заведенный машиной

Календ; мир без свободы. Книга каждый день будет диктовать нам, что предстоит сделать, и мы это будем исполнять. И наконец Книга скажет нам, что пришла пора умереть. И мы...

И мы умрем. Нет! Книга не всесильна; в ней было сказано, что моя находка на дне океана побудит меня убить Глиммунга. Но ведь этого не произошло.

И все же Глиммунг мог умереть; предсказание могло сбыться. Осталось две битвы: разрушение Черного храма — и самая трудная, самая жестокая битва, подъем Хельдскаллы на сушу. Глиммунг мог погибнуть во время любой из этих битв. Может быть, он погибает уже сейчас. И все наши надежды с ним».

Он включил радио, надеясь, что услышит новости.

— Вы утратили потенцию? — спросило радио. — Вы неспособны достичь оргазма? «Хардовакс» поможет вам. Он превратит разочарование в наслаждение.

Последовал грустный мужской бас:

— Черт возьми, Салли, я не знаю, что такое со мной. Ты заметила, что я совершенно дряблый в последнее время? Черт возьми, уже все об этом догадываются.

— Генри, тебе просто нужна маленькая таблетка, которая называется «Хардовакс». И через пару дней ты станешь снова отличным мужчиной.

— «Хардовакс»? — переспросил Генри. — Черт возьми, я, наверное, попробую.

И снова голос диктора:

— Обратитесь в ближайшую аптеку или непосредственно в...

Джо выключил радио.

«Кажется, я понял, что имел в виду Виллис», — подумал он.

Огромный аэробус на воздушной подушке с ревом заходил на посадку на миниатюрном летном поле плавучей базы. Джо почувствовал, как содрогнулось и завибрировало здание. «Все-таки они добрались», — вздохнул облегченно Джо и устремился на площадку. Ноги были словно нагретый термопластик; он еле мог стоять.

Первой показалась высокая и статная фигура Харпера Болдуина.

— Ага, вы здесь, Фернрайт. — Он сердечно пожал руку Джо; казалось, он только что расслабился. — Да, это было настоящее сражение...

— Что случилось? — спросил Джо у остролицей дамы средних лет, вышедшей вслед за Болдуином. «Ради Христа, — завопил он про себя, — да не стойте вы так! Расскажите что-нибудь!..» — Как вам удалось от него скрыться? — спрашивал он

у выбиравшегося из самолета краснолицего полного мужчины, у пухлой дамы, у тщедушного юноши...

— Успокойся, Джо, — сказала, появившись следом за ними, Мали. — Не стоит так волноваться.

Теперь на летное поле выбирались негуманоидные существа. Многоногое кишечнополостное, огромная стрекоза, пушистый ледяной куб, розоватое желе в своей металлической раме, одностворчатый моллюск, добродушный Нерб Коль Дак, паукообразное, сияющее своим хитиновым покровом и топочущее многочисленными ножками... а за ними приземистый, с кольчатым хвостом водитель-вердж. Разноликие существа сновали, бегали, переваливались и ползали под крышей из трех герметически закрытых куполов базы, приходя в себя после ночного холода. Мали осталась наедине с Джо, если не считать шофера-верджа, который слонялся поблизости, покуривая трубку с местной анашой. Вердж был явно доволен собою.

— Что, трудно пришлось? — спросил Джо.

Еще бледная и напряженная, но постепенно расслабляясь, как и Харпер Болдуин, Мали ответила:

— Это было ужасно, Джо.

— И никто не хочет мне рассказать, — посетовал Джо.

— Я расскажу. Только погоди минутку. — Она оглянулась на верджа. — Только погоди минутку. — Дрожащими руками она достала сигарету, быстро затянулась и передала сигарету Джо. — Когда мы были здесь с Ральфом, то пользовались этой штукой. Помогает. — Джо отрицательно помотал головой. — В самом деле, — кивнула Мали. Она помолчала, собираясь с мыслями. — Так вот... После твоего звонка мы выбрались из корабля, и тут появился Гнуммильг и начал кружить над нами. Мы окликнули верджа, и...

— И я взлетел, — гордо произнес вердж.

— Да, он взлетел, — продолжала Мали. — Ему полностью объяснили ситуацию: ведь неизвестно было, согласится ли он нас везти. Он полетел низко-низко над землей, футах в десяти над близлежащими зданиями и дальше, за пределы города. И, что самое главное, он выбрал знакомый ему маршрут. Я забыла, почему вы предпочитаете такой странный путь. Объясните, — попросила Мали верджа.

Существо ухмыльнулось, вынув трубочку из серых губ.

— Дорога от налога, — объяснил вердж.

— Да-да, — кивнула Мали. — На планете Плаумэна очень большой подоходный налог, около семидесяти процентов от общей прибыли в среднем, хотя, конечно, варьирует... Так вот,

верджи обычно везут пассажиров в обратную сторону, в космопорт, описывая хитрые зигзаги, чтобы не встретиться с местными жандармами и налоговой инспекцией. А добравшись до космопорта, вердж уже в безопасности, поскольку космопорт считается внешней территорией, как иностранное посольство.

— Я могу доставить пассажира в порт из любой точки, — вкрадчиво заметил вердж, — прямо на корабль, и ни его, ни меня не поймают. Никакой жандармский крейсер, даже с радаром, не может меня вычислить, когда я шпарю в космопорт. За десять лет меня только раз задержали, и то я вышел сухим из воды. — Вердж хитро щурился, затягиваясь новой порцией кумара.

— Так Черный пустился в погоню за вами? — спросил Джо.

— Нет, — качнула головой Мали. — Он врезался в корабль через несколько минут после того, как мы покинули судно. Судя по звукам, которые мы слышали, корабль полностью разрушен, но Гнуммильг тоже изувечен.

— Тогда зачем вам понадобился хитроумный маршрут бегства? — удивился Джо.

— В тот момент он оказался спасением, — пояснила Мали. — Как я поняла со слов Хильды Рейсс, Глиммунг сейчас атакует Черный храм. Ты получал какие-нибудь еще послания — после того, которое показал мисс Рейсс по видеофону?

— Нет. Я еще не посмотрел: все ждал, когда же вы вернетесь.

— Еще минута на этом корабле, — заметила Мали, — еще минута в ожидании отлета, и мы бы все погибли. Мы были просто на волоске, Джо. Я бы не хотела пережить такой страх еще раз. Скорее всего, Черный решил, что корабль живой, из-за его огромных размеров. А мы сами были слишком крохотны для восприятия монстра: очевидно, он даже не заметил наш аэробус.

— Чудные вещи творятся на этой планете, — подал голос вердж. Теперь он ковырял в зубах продолговатым когтем своего большого пальца. Вдруг он протянул к ним ладонь.

— Что вы хотите? — спросил Джо. — Попрощаться?

— Нет, — ответил вердж. — Я хочу восемьдесят пять сотых крамбла. Мне сказали, что за мою великолепную доставку по особому маршруту мне заплатят по счету.

— Надо передать счет Глиммунгу, — сказал Джо.

— А у вас нет восьмидесяти пяти сотых крамбла? — спросил вердж.

— Нет, — ответил Джо.

— А у вас? — обратился вердж к Мали.

— Никому из нас еще не платили, — объяснила она. — Мы рассчитаемся, как только нам заплатит Глиммунг.

— Я могу и жандармов позвать, — заметил вердж, но в глубине души явно смирился.

«Само по себе это существо не склочное, — подумал Джо. — Мы уговорим его подождать с оплатой».

Мали взяла Джо за руку и повела внутрь. Вердж остался позади, негодуя, но не пытаясь их остановить.

— Мне кажется, — сказала Мали, — что мы совершили большую победу. Я имею в виду наше бегство от Гнуммильга и его увечье; как я понимаю, он по-прежнему там, в космопорту, и власти думают, что с ним делать. Они будут ждать распоряжений от Глиммунга. Они так работали десятилетиями, практически с тех пор, как Глиммунг прибыл сюда. По крайней мере, так рассказывал Ральф. Ему было очень интересно, как Глиммунг управляет планетой; он часто говорил...

— А что, если Глиммунг умрет? — спросил Джо.

— Тогда верджу не заплатят... — проговорила Мали.

— Меня не это беспокоит, — перебил Джо. — Я говорю вот о чем: если Глиммунг умрет, не решат ли власти вылечить Черного и позволить ему управлять планетой? Вместо Глиммунга? Как наиболее сильному заменителю?

— Бог их знает, — пожала плечами Мали. Она подошла к остальным, к разношерстной толпе существ из разных миров, и, сложив руки на груди, стала слушать, о чем Харпер Болдуин беседует с добродушным двустворчатым моллюском.

— Фауст всегда погибает, — заявил Харпер Болдуин.

— Только в пьесе Марло и в легендах, которые он использовал, — возразил Нерб Коль Дак.

— Всем известно, что Фауст погибает, — настаивал Харпер Болдуин, окинув взглядом группу существ, собравшихся вокруг него и моллюска. — Разве не так? — спросил он у всех.

— Это не предопределено, — заметил Джо.

— Предопределено! — с жаром воскликнул Харпер Болдуин. — В Книге Календ, в частности. И мы напрасно пренебрегли ею. Нам следовало бежать, когда была такая возможность, когда корабль был готов запустить стартовые двигатели.

— Тогда бы мы погибли, — сказало паукообразное, возбужденно размахивая конечностями. — Черный погубил бы всех нас, врезавшись в корабль.

— Что верно, то верно, — вставила Мали.

— Это действительно так, — добродушным тоном проговорил Нерб Коль Дак. — Мы здесь находимся лишь потому, что

мистер Фернрайт смог связаться с мисс Хильдой Рейсс и передать нам, что Глиммунг просил покинуть корабль, что мы и сделали. Еще бы минута, и...

— Да ну вас всех, — зло отмахнулся Харпер Болдуин.

Джо взял фонарь и направился к причалу. Он послал яркий гелиевый луч на темную поверхность воды в поисках... Хотя бы чего-нибудь. Хоть какого-нибудь сигнала, свидетельствующего о состоянии Глиммунга. Он посмотрел на часы. Почти час прошел с тех пор, как Глиммунг в схватке с чудовищем рухнул в воду и ушел на дно для решающей битвы с двойником, а затем и с самим Черным храмом. «Жив ли он?» — размышлял Джо. Если нет, то всплывет ли его труп на поверхность? Или останется там, внизу, в царстве гниения, разлагаясь до требухи, скрываясь в ящике или в каком-нибудь другом убежище, не живой, но и не совсем застывший, в полубесчувственном состоянии, которое может длиться века? И тогда Черному храму ничто не помешает подняться из глубин на сушу. Если Глиммунг будет мертв, Черный храм уже ничто не остановит.

Может быть, появилась еще одна записка? Джо отчаянно буравил лучом поверхность воды, разыскивая бутылку, бросал луч туда-сюда, стараясь охватить как можно большее пространство.

Никакой бутылки. Ничего.

Мали подошла к нему.

— Есть что-нибудь?

— Нет, — ответил он резко.

— Знаешь, что я думаю? — спросила Мали. — Мне кажется, и раньше казалось, что он обречен на провал. Книга права. И Харпер Болдуин прав. Фауст всегда проигрывает, а Глиммунг — воплощение Фауста. И борьба, и неустанные усилия — все это записано в легенде о Фаусте. И легенда сбылась, то есть, по сути, сбывается сейчас; пока мы тут стоим.

— Все может быть, — проговорил Джо, по-прежнему обстреливая воду вспышками белого света.

Мали взяла Джо за руку и уткнулась ему лицом в плечо.

— Так или иначе, теперь мы в безопасности. Мы могли бы улететь отсюда. Черное чудовище больше не преследует нас.

— Я остаюсь здесь. — Джо чуть отодвинулся от нее, продолжая прочесывать темные волны лучом фонаря. Он чувствовал странную пустоту в голове — ни единой мысли. Только слух обострен до предела. И знобкий холодок ожидания. Ожидания сигнала, знака, *любого* сообщения о том, что происходило внизу.

Вдруг вода бешено забурлила. Джо направил свет фонаря в сторону звука. Как жаль, что в руках убогий фонарик, а не звезда. Джо вглядывался изо всех сил.

Что-то огромное, взбивая пену, пыталось выбраться на поверхность. Что это было? Хельдскалла? Глиммунг? Черный храм? Джо, содрогаясь, ждал. Огромный предмет вспенивал волны; облака пара поднимались к небу. Ночь распорол оглушительный рев; ночь превратилась в котел, в котором судорожное кипение жизни подогревалось титаническими усилиями.

— Это Глиммунг, — тихо пролепетала Мали. — И он тяжело ранен.

Глава 15

Огненный обруч угас. Вращался только лишь обруч воды. Он издавал пронзительный скрежет, как будто, подумалось Джо, погибает не живое существо, а машина.

Остальные члены группы выбежали на причал.

— С ним все кончено, — произнесло розоватое желе в металлической рамке. — Видите? Он испускает дух.

— Да, — сказал Джо вслух и испугался собственного голоса: он звучал низко и хрипло сквозь стоны раненого Глиммунга. Еще несколько зрителей повторили за ним: «да», как будто Джо изрек некое заклятие, магический пароль, как будто от его решения зависело, будет жить Глиммунг или нет. Он опустил бесполезный фонарь и слез по деревянной лестнице в пришвартованную лодку.

— Сейчас я все узнаю, — бросил он непонятно кому и, взяв фонарь, ежась и дрожа на холодном ночном ветру, завел мотор лодки.

— Не уходи! — просительно крикнула Мали.

— Я скоро вернусь, — прохрипел Джо.

Он вывел лодку из укрытия и направился прямо к бешено клокочущему водовороту, к огромным волнам, расходившимся от агонизирующего тела Глиммунга.

«Страшная рана, — думал Джо. Утлую лодчонку швыряло вверх и вниз. — Такая рана, что мы даже не можем себе представить. Черт возьми! — мысленно с горечью воскликнул он. — Ну почему все так кончается? Почему не могло произойти иначе?»

У Джо внутри все заледенело, словно смерть обрушилась и на него. Как будто он вдруг стал Глиммунгом...

Огромное тело барахталось в воде, из распластанного туловища непрерывно хлестала кровь. Как Иисус на кресте, он, казалось, будет теперь вечно истекать кровью, словно запас его крови неисчерпаем. «Как будто, — думал Джо, — эта минута будет длиться бесконечно: я в лодке, пытаясь приблизиться к нему, и он, тонущий, истекающий кровью, умирающий. Господи! Это катастрофа, это действительно катастрофа!»

И все же он направлял лодку вперед, все ближе и ближе к агонизирующему телу.

Откуда-то из глубины Глиммунг глухо произнес:

— Вы... мне нужны. Вы все.

— Что мы можем сделать? — Он приближался, он был совсем рядом; туловище огромного существа напрягалось и корчилось всего в ярде от носа лодки. Вода и кровь начали перехлестывать через борт. Джо чувствовал, как суденышко медленно начинает тонуть. Он хватался за борта, пытаясь переместить собственный вес. Но кровь и вода продолжали литься непрерывным потоком. «Через несколько секунд я утону», — подумал Джо.

Он неохотно изменил направление, немного удалившись от Глиммунга. Лодку перестало захлестывать. И все же он испытывал прежние ощущения. Его ужас и агония были теми же, он уже явно отождествил себя с погибающим колоссом.

— Я... я... — пробормотал Глиммунг. Теперь он испускал пену, заваливаясь набок, не способный управлять сокращениями своего искалеченного тела.

— Как бы то ни было, мы справимся, — сказал Джо.

— Это... особенно зависит... от вас, — смог прохрипеть Глиммунг. Затем, перевернувшись всем телом, он погрузился под воду, и его последние слова поглотила черная глубь воды.

«Это конец», — подумал Джо.

Он понуро развернул лодку и снова отправился к причалу, чувствуя, как на сердце легло невыносимое бремя горя. Все кончено...

Мали, Харпер Болдуин и несколько негуманоидов встретили Джо, чтобы помочь пришвартовать лодку.

— Спасибо, — сказал он, тяжело ступая по деревянной лестнице. — Он мертв, — сообщил Джо всем присутствующим. — Мертв или почти мертв. По существу, мертв. — Он позволил мисс Рейсс и Мали накинуть на себя одеяло и теплый плащ, чтобы согреть свое тело после страшной ванны из черной пены и крови. «Господи, — подумал Джо, — я совершенно вымок».

Он только что заметил это, будучи все еще под впечатлением увиденного кошмара. Мысли были заняты только Глиммун-

гом. Теперь Джо взглянул на себя... и понял, что промок, замерз, окоченел от воды, изнемог от отчаяния.

— Возьми здешнюю сигарету, — посоветовала Мали. Она вложила сигарету в его дрожащие губы. — Посиди в помещении. Не смотри в море. Ты все равно ничего не можешь сделать. И ты устал.

— Он просил нашей помощи, — срывающимся голосом произнес Джо.

— Я знаю, — сказала Мали. — Мы слышали.

Остальные молча кивнули и вздохнули от невыносимой тоски.

— Но я не знаю, о чем идет речь, — продолжил взволнованно Джо, — о какой помощи. Я совершенно не понимаю, что мы бы могли сделать. Он пытался сказать об этом. Может быть, если б он смог договорить до конца, тогда... Впрочем, последнее, что он сказал, была благодарность мне.

Джо позволил Мали отвести его под герметически закрытый купол, в тепло.

— Мы улетим с этой планеты сегодня, — сказала Мали, когда они остались вдвоем.

— Ладно, — кивнул Джо.

— Поедем со мной на мою планету, — предложила Мали. — Не возвращайся на Землю: тебе там будет плохо.

— Да, — согласился он. Что правда, то правда. И нету сомненья, что там меня встретит забвенье, как сказал бы У. Ш. Джилберт... — Где Виллис? — спросил Джо, оглянувшись. — Я хочу с ним обменяться цитированием.

— Цитатами, — поправила Мали.

Он кивнул, соглашаясь.

— Да. Я имел в виду цитаты...

— Ты в самом деле устал...

— Дьявол! — вспыхнул Джо. — Я не знаю, с чего мне было уставать. Я всего лишь вышел навстречу ему на лодке.

— Ответственность, — пояснила Мали.

— Какая ответственность? Я его еле расслышал.

— Обещание, которое ты ему дал. За всех нас.

— Так или иначе, у меня ничего не вышло, — развел руками Джо.

— Это у него не вышло. И в том не твоя вина. Ты слушал... мы все слушали. Он так и не сказал этого...

— Он еще на поверхности? — спросил Джо, взглянув мимо нее, через причал, на волны.

— Он на поверхности. Его медленно относит к нам.

Джо смял сигарету, растоптал ее ногой и зашагал к причалу.

— Постой, — сказала Мали, пытаясь удержать его. — Побудь здесь. Тут теплоизоляция. Ты весь мокрый, тебя знобит, ты умрешь.

— Ты знаешь, как умер Джилберт? — спросил он ее. — Уильям Швенк Джилберт? У него случился сердечный приступ, когда он спасал тонущую девушку. — Джо вышел, отстранив ее, через термобарьер, и направился наружу, к причалу. — Я не умру, — сказал он Мали, следовавшей за ним. — Что вообще-то плохо.

«Может быть, лучше было погибнуть вместе с Глиммунгом, — подумал он. — Так, по крайней мере, мы показали бы, как нам тяжело. Но кому показывать? Кто остается здесь? Спиддлы и верджи. И роботы». Он шел дальше, протискиваясь сквозь толпу, пока не достиг кромки причала.

Четыре прожектора высветили испускающую дух громаду, которая раньше была Глиммунгом. В прыгающем, искрящемся свете прожекторов Джо, как и остальные, молча стоял и наблюдал. Ему нечего было сказать, да никаких слов и не требовалось. «Посмотрите, — произнес он про себя. — Это все по моей вине. В конце концов Книга Календ оказалась права: спустившись на дно, я тем самым вызвал смерть».

— Вы это сделали, — обратился к нему Харпер Болдуин.

— Да, — произнес Джо стоически.

— С какой-то целью? — прошипело многоногое кишечнополостное.

— Ни с какой, — пожал плечами Джо. — Если, конечно, не брать в расчет глупость.

— Я беру в расчет, — проскрежетал Харпер Болдуин.

— Ладно, — отмахнулся Джо. — Думайте как хотите.

Он глядел, глядел, глядел; Глиммунг подплывал все ближе, ближе, ближе. И вдруг, у края причала, почти на уровне стального планширa, тело вздыбилось вверх.

— Берегитесь! — завизжала Мали откуда-то сзади. Группа разделилась, рассыпалась, устремившись в безопасное убежище под куполом.

Поздно. Масса Глиммунга рухнула на причал. Деревянный настил раскололся и ушел под воду. Джо, взглянув вверх, увидел огромное тело снаружи. А потом, в следующий миг, он увидел море уже *изнутри тела.*

Глиммунг поглотил их. Всех. Никто не успел скрыться, даже робот Виллис, стоявший поодаль, сбоку. Все попали в плен, в ловушку. Внутрь того, что было Глиммунгом.

Джо услышал его голос — воспринял скорее не ушами, а напрямую мозгом. В то же время до него доносилось бормо-

тание остальных, оставшейся части группы. Их голоса, как непрерывный фон радиопомех, ложились на собственный голос Глиммунга. Похоже на игру «испорченный телефон».

— Помогите! Где я? Как мне выбраться отсюда? — Они тараторили друг с другом, как потревоженные, напуганные муравьи.

А голос Глиммунга гудел, перекрывая, но не заглушая их.

— Я просил вас прийти сюда, — произносил Глиммунг, ударяя в мозг Джо, — потому что мне нужна ваша помощь. Только от вас я могу получить ее...

«Мы — часть его, — вдруг понял Джо. — Частицы!»

Он пытался что-нибудь разглядеть, но перед его взором маячило только что-то клубящееся, желеобразное, что скорее мешало, чем помогало сориентироваться в окружающем.

«Я не на краю, — понял он, — я в глубине. Поэтому я ничего не вижу. Те, кто с краю, видят, но...»

— Слушайте меня, — вмешался Глиммунг, разгоняя его мысли, как сонм летучих мышей. — Сосредоточьтесь. Иначе вы будете поглощены и в конечном счете исчезнете, и от этого не будет пользы ни мне, ни вам. Вы нужны мне живыми, как отдельные создания, собранные воедино в моем теле.

— Нас выпустят отсюда? — вопил Харпер Болдуин. — Или мы останемся здесь на веки вечные?

— Я хочу наружу! — кричала в истерике мисс Рейсс. — Выпустите меня!

— Прошу вас, — умоляла огромная стрекоза, — я создана, чтобы летать и петь, а меня держат здесь взаперти, сжимают и толкают. Разрешите мне летать, Глиммунг!

— Освободите меня! — упрашивал Нерб Коль Дак. — Это нечестно!

— Вы уничтожаете нас!

— Вы приносите нас в жертву своим корыстным целям!

— Как мы сможем вам помочь, если вы нас уничтожите?

— Вы не уничтожены, — сказал Глиммунг. — Вы поглощены.

— Значит, уничтожены? — спросил Джо.

— Нет, — прогудел Глиммунг, — вы не правы. — Он начал вышвыривать из себя остатки причала, раздробленные куски металла и дерева, которые не смог переварить.

«Вниз», — подумал Глиммунг, и эта мысль врезалась в разум Джо, как и в мысли всех остальных. Вниз, на дно. Время пришло: Хельдскаллу необходимо поднять.

«Пора, — думал Глиммунг. — То, что затонуло много веков назад, должно вновь исторгнуться из глубин. Амалита и

Борель, — думал он. — Вы будете свободны на берегу; теперь снова станет, как было раньше, — миры без конца».

Глубина. Вода помутнела. Животные проплывали или проносились мимо, их было множество, и все разные. «Снежинки моря, — подумал он. — Вихрь растительной жизни, которая ползает и цепляется. Пусть плывет дальше».

Вот оно! Перед ним раскинулась Хельдскалла. Ее белые башенки, ее готические арки, ее ажурные опоры, ее красные с золотом витражи — он все это видел множеством глаз. Все это, кроме инженерных перегородок, не пострадало в тот период, когда он надеялся поднять храм извне. «Вот теперь, — думал он, — я смогу войти в тебя; я стану твоей частью, и тогда мы умрем на берегу. Но ты будешь спасен».

Он различил зубчатые останки Черного храма. «Разбиты вдребезги, — подумал он. — Разрушены мною. Гнилые и бесполезные останки, которые не служат ничьей цели и которые не могут больше стоять на моем пути, как бы я ни был слаб, благодаря всем вам, — думал Глиммунг, — я снова могу действовать. Вы слышите меня?» Он говорил отчетливо:

— Скажите, вы слышите меня?

— Да. Мы слышим.

— Да...

— Да... — Он слышал в себе рокот отвечающих голосов; он считал их; все они были на месте, все жили и функционировали, как его собственные органы.

— Хорошо, — проговорил он и, ликуя, подплыл к самой Хельдскалле.

«Сможем ли мы это осилить?» — мысленно вопрошал Джо Фернрайт. Ему было страшно.

«Вы сможете, — думал Глиммунг ему в ответ. — Вы, но не я».

Увеличив свой объем, он растянул себя так, чтобы его передняя часть сделалась как можно вместительнее.

«Теперь ты — это я, а я — это ты, Хельдскалла, — думал он. — Это свершилось, вопреки Книге».

Он поглотил затонувший Храм.

«Пора, — думал он. И замер, вслушиваясь. — Мистер Болдуин, — мысленно произнес он, — и вы, мисс Йохос, и вы, мистер Дак, мисс Флег, мисс Рейсс, — вы слышите меня?»

— Да... — Слабые, но подлинные ответы; он ощущал их присутствие, их волнение; они, кажется, выдерживали его силу.

— Ну, взялись вместе, — сказал он им всем. — Чтобы выжить, мы должны подняться, и это обязывает вас действовать. Другого пути нет. И никогда не было.

— Как мы можем действовать? — спросили голоса.

— Соединяйтесь со мной, — сказал Глиммунг. — Добавьте ваши таланты, ваши способности, ваши силы... добавьте все это к моему разуму. Мистер Болдуйн, вы можете перемещать материю на расстояние; помогите мне; помогите всем. Мисс Йохос, вы знаете искусство освобождения предметов от коралловых наростов; займитесь этим сейчас; отделяйте коралловые наросты. Вы, мистер Фернрайт, соедините расколотые керамические поверхности собора; они сделаны из глины, а вы — специалист по глиняным сосудам. А вы, мистер Дак, как инженер-гидравлик...

— Нет, — ответил Дак, — я археолог-график, специалист по ископаемым предметам искусства; я могу определить, классифицировать их, установить их культурную ценность...

«Да, правильно, — вспомнил Глиммунг, — это мистер Лунц — инженер-гидравлик; я спутал похожие имена...»

— Сейчас мы сделаем первую попытку, — сказал им Глиммунг — сказал частям себя, обладавшим собственной уникальной индивидуальностью. — Вероятно, мы вновь погрузимся. Но мы попробуем снова.

— И так всю жизнь? — спросила Мали Йохос.

«Да, — подумал он. — Мы будем пытаться, пока мы живы». — «Но это нечестно», — подумал Харпер Болдуин. «Вы предложили мне все, что у вас было, — отвечал ему Глиммунг, — вы жаждали помочь мне, когда я был на грани смерти. Теперь вы приступили к делу, так радуйтесь!»

Он вцепился всеми отростками своего тела в цельный фундамент Храма. «Прежде, когда здесь обитали Черный Глиммунг и Черный храм, я не мог пойти на такой риск, чтобы самому впрягаться в подъем Хельдскаллы. Теперь я могу».

Попытка не удалась. Храм остался в плену кораллов, прочно удерживаемый своим объемом, своим весом, своими оковами. Он испустил тяжелый вздох, истощенный бесплодным усилием. Все у него внутри болело, и в отдельных голосах звучали тревога и отчаяние. И боль.

«Он не хочет сдвигаться с места», — подумал Джо Фернрайт.

«Так ли? — спрашивал Глиммунг. — Откуда вы знаете?»

«Я понял это, — подумал Джо. — Когда оказался здесь. Я прочел об этом на сосуде, помните?»

«Да, — подумал Глиммунг. — Я помню. — Им овладевали усталость, страх, непреодолимая обреченность всего, что происходило в этих глубинах. Даже он был во власти роковой обреченности. — И вот опять, — думал он. — Фауст всегда проигрывает, — вспомнил Глиммунг. — Но я не Фауст, — подумал

он. — Фауст — это вы, ваше сонмище унылых стонов, печальный шум поражения и разочарования».

— Попробуем потянуть вверх, — сказал Глиммунг. — Соберем усилия. — Он ощутил сопротивление фундамента Храма. «Возможно, вы правы», — подумал он. «Я знаю, что я прав, — ответил ему голос. — Так случалось раньше, так случится вновь, так будет каждый раз». — «Но я могу поднять Хельдскаялу, — сказал Глиммунг себе и им. — Мы можем. Все вместе».

С их помощью, превращая их в свои руки, он приподымал здание; он притягивал к себе громаду Храма и заставлял ее подыматься, вопреки ее собственным желаниям. Ощущая сопротивление, он вновь испытал горечь и растерянность. «Я не знал этого, — подумал он. — Может быть, это знание убьет меня. Может быть, это как раз то, о чем шла речь в Книге. Может быть, — подумал он, — мне стоило бы оставить его здесь; может быть, это будет лучший выход».

Храм не подымался.

Он попытался снова. Нет. Храм не поднимется; он наверняка не поднимется. Никогда. Ни для кого. Ни при каком стечении обстоятельств.

— Храм поднимется, — сказал Джо Фернрайт, — когда вы вылечите свою рану, когда заживет увечье, причиненное вам Черным Глиммунгом.

— Что? — спросил он, вслушиваясь.

Остальные голоса присоединились к голосу Джо.

— Когда вы восстановите силу. Подождите до этих пор.

«Я должен набраться сил, — понял он. — Должно пройти время, достаточное время, над которым я не властен. Почему они знают об этом, а я не знаю? — Он прислушивался, но голоса молчали; они замолкли сразу же, едва он прекратил свои попытки. — Да будет так, — решил он. — Я поднимусь на поверхность один, и вскоре, в какой-нибудь другой день, я попробую снова. И вновь поглощу всех вас. Всех. Вы снова станете частью меня, как сейчас». — «Хорошо, — отозвались голоса. — Но теперь отпусти нас; докажи, что ты можешь нас отпустить на волю». — «Да, я сделаю это», — ответил Глиммунг. И медленно всплыл на поверхность.

Прохладный ночной ветер остудил его, и он увидел мерцание далеких звезд.

На диком побережье, где бродили ночные водяные птицы, он выгрузил всю свою говорящую, скрипящую, пищащую ораву, всех, кого он недавно вместил в свое тело, а затем снова нырнул в океан — в водную стихию, где он был теперь в безопас-

ности: он мог остаться там навсегда, не потревоженный больше никакой враждебной силой. «Спасибо, Джо Фернрайт», — подумал Глиммунг, но не услышал ответа: внутри него уже никого не было. Тогда он произнес эти слова вслух, чувствуя себя одиноко. Хорошо, когда кто-то обитает внутри. Но он еще услышит этот теплый рокот голосов внутри своего тела.

Он осмотрел свои раны, устроился поудобнее, в наполовину погруженном положении, и стал ждать.

Дрожа на ночном ветру и увязая ногами в липкой грязи, Джо Фернрайт прислушался. До него донесся голос Глиммунга:

— Спасибо тебе, Джо Фернрайт.

Он продолжал слушать, но больше не донеслось ни звука.

Джо видел издали силуэт Глиммунга; огромное существо лежало в воде в нескольких сотнях ярдов от берега. «Он мог погубить нас, — подумал Джо, — и себя тоже, если бы продолжал попытки поднять Храм. Слава Богу, что он прислушался ко мне».

— Это чуть-чуть не произошло, — сказал Джо всем своим спутникам, расположившимся вдоль илисто-песчаного берега. В особенности слова относились к Мали Йохос, которая прильнула к нему, пытаясь согреться. — Чуть-чуть, — повторил Джо чуть слышно. И закрыл глаза. «Так или иначе, Глиммунг отпустил нас. И теперь нам только остается выйти к какому-нибудь дому или дороге. Если он не хочет, чтобы мы разъехались по своим планетам».

Но, видимо, речь не шла об этом. По крайней мере, на некоторое время.

— Ты остаешься на планете Плаумэна? — спросила его Мали. — Ты понимаешь, что это значит: вскоре он снова проглотит всех нас.

— Я остаюсь, — сказал Джо.

— Почему?

— Я хочу убедиться в том, что Книга ошибалась.

— Но ведь и так видно, что она ошиблась.

— Я хочу убедиться окончательно: раз и навсегда, — упрямо повторил Джо. «А сейчас, — подумал он, — Календы все же могут оказаться правы... потому что мы не знаем, что случится завтра — после того, как я все же мог убить Глиммунга. Каким-нибудь косвенным образом».

Он знал, однако, что этого не могло случиться. Было слишком поздно. К этому уже невозможно было вернуться. Календы были посрамлены. Их власть пала.

— Но Книга была почти права, — сказал Джо. Очевидно, Календы исходили из процентов вероятности. В целом, в конечном счете, они были правы. Но в отдельных случаях, как в этой ситуации, они ошибались. И эта ошибка оказалась решающей: ведь речь шла о буквальной, физической гибели Глиммунга и о буквальном, физическом подъеме Хельдскаллы.

По отношению к этому событию все то, что неминуемо должно случиться в дальнейшем, вплоть до падения планеты на свое солнце, от которого она некогда отделилась, не имело особого значения. До гибели всего этого мира нужно еще дожить. В предсказании финала Календы, возможно, правы; их прогнозы, очевидно, основывались на таких космических тенденциях, как законы термодинамики и предельной энтропии. И, конечно, в итоге Глиммунг умрет. Как и он, Джо. Как и все остальные. Но сегодня, здесь и сейчас Хельдскалла ждала выздоровления Глиммунга. И она дождется. И — восстанет из глубин, как того и хотел Глиммунг.

— Мы превратились в общий мозг, — сказала Мали.

— Что? — отозвался Джо.

— В коллективный разум. Мы хотя и подчинялись Глиммунгу, но какое-то время... — Она сделала жест. — Все мы, по крайней мере из десяти звездных систем, работали как единый организм. Это в некотором роде потрясающе. Не быть...

— Одиноким, — подсказал Джо.

— Да. Это заставляет понимать, насколько мы обычно отделены друг от друга, словно отрезаны. Отгорожены стеной от остальных... особенно от их жизни. Это одиночество закончилось, когда Глиммунг поглотил нас. И мы перестали быть одиночками-неудачниками.

— Закончилось, — согласился Джо, — но вновь возобновилось. По крайней мере, вот сейчас.

— Если ты остаешься здесь, то я с тобой, — проговорила Мали, словно извиняясь.

— Почему?

— Мне нравится коллективный разум, коллективная воля. Как говорят на вашей планете, в этом-то и состоит деятельность.

— У нас этого не говорят уже лет сто, — возразил Джо.

— Наши учебники устарели, — вздохнула Мали.

Джо громко обратился ко всем своим спутникам, замершим в ожидании на берегу:

— Друзья, давайте все вместе отправимся в отель «Олимпия». Там мы сможем принять ванну и пообедать.

— И поспать, — добавила Мали.

Джо обнял ее.

— И что-нибудь еще, — сказал он, — то, что свойственно всем гуманоидам.

Глава 16

Прошло восемь земных суток, прежде чем Глиммунг попросил группу собраться в теплом и освещенном помещении плавучей базы. Робот Виллис сверился со списком и, убедившись, что прибыли все, сообщил об этому Глиммунгу. Теперь все вместе ждали.

Раньше всех появился Джо Фернрайт. Он устроился поудобнее на одном из прочных стульев и закурил сигарету, набитую местной травой. Неделя прошла хорошо: он много времени провел с Мали, к тому же подружился с добродушным моллюском Нерб Коль Даком.

— Вот что рассказывают на Денебе-Четыре, — говорил моллюск. — Некий фреб, назовем его А, пытается продать глэнк за пятьдесят тысяч берфлей.

— Что такое фреб? — спросил Джо.

— Что-то вроде... — Моллюск начал раздраженно извиваться. — Ну, вроде идиота.

— А что такое берфль?

— Денежная единица, вроде крамбла или рубля. Так вот, некто говорит фребу: «Ты действительно думаешь, что тебе дадут пятьдесят тысяч берфлей за твой глэнк?»

— Что такое глэнк? — спросил Джо.

Моллюск, извиваясь, на этот раз ярко порозовел от сдерживаемого раздражения.

— Это домашняя тварь, грошовое низшее существо. Так вот, фреб говорит: «А мне уже заплатили». Его спрашивают: «Да ну?» Фреб говорит: «Ну да, я обменял моего глэнка на двух пиднидов по двадцать пять тысяч берфлей».

— А что такое пиднид?

Моллюску надоели вопросы; он хлопнул своей раковиной и уединился в тишине. «Что-то мы все нервничаем, — подумал Джо. — Даже Нерб Коль Дак».

Вошла Мали. Джо поднялся, уступая ей свой стул.

— Спасибо, — пробормотала Мали. Ее лицо казалось бледным, и когда она прикуривала, ее руки дрожали. — Мог бы сам поднести мне огоньку, — заметила она полушутя, полу-

сердито. — Я, кажется, пришла последней? — Она окинула взглядом холл.

— Ты одевалась? — спросил Джо.

— Да. — Она кивнула. — Я хотела выглядеть так, как подобает для предстоящего дела.

— А как подобает одеваться для слияния душ и тел?

— Вот. — Она встала, чтобы показать свой зеленый костюм. — Я берегла его до особого случая. И вот особый случай настал. — Она снова села, скрестив длинные, стройные ноги. Глубоко затянулась сигаретой. Очевидно, погрузилась в раздумья. Казалось даже, что Мали не обращает на Джо внимания.

В холле появился Глиммунг.

В таком обличье им еще не приходилось его видеть. Рассматривая строгий, внушительный предмет, напоминающий сумку, Джо недоумевал: почему Глиммунг решил имитировать именно такой организм? И, между прочим, для какой звездной системы такая форма характерна?

— Дорогие друзья, — загудел Глиммунг. Голос его не изменился. — Во-первых, я хочу сообщить вам, что я полностью физически выздоровел, хотя сохранилась душевная травма, из-за чего у меня бывают сбои памяти. Далее, я всех вас протестировал, незаметно для вас и не причиняя вам неудобств. Мои данные указывают на то, что вы тоже физиологически в отличной форме. Мистер Фернрайт, я хочу вас особо поблагодарить за то, что вы уговорили меня прекратить преждевременные усилия по подъему Храма.

Джо кивнул.

Наступила пауза.

— Что-то вы все очень спокойны, — произнес предмет, напоминающий сумку, своим щелевидным ртом.

Джо встал и бросил вызов Глиммунгу:

— Каковы шансы, что мы не погибнем?

— Хорошие, — сказал Глиммунг.

— Но не превосходные, — уточнил Джо.

— Давайте заключим договор, — предложил Глиммунг. — Если я почувствую, что силы на исходе и не смогу больше справляться, я вернусь на поверхность и выпущу вас.

— А что потом? — спросила Мали.

— А потом, — сказал Глиммунг, — я вновь отправлюсь на дно и попробую еще раз. Я буду пробовать, пока не сделаю это. — Два угрюмых глаза распахнулись в центре сумкообразного предмета. — Вы это имеете в виду?

— Да, — ответило розоватое желе в металлической рамке.

— Так вы озабочены только этим? — спросил Глиммунг. — Вашей личной безопасностью?

— Совершенно верно, — сказал Джо. Он испытывал странные чувства. По сути, он отклонил атмосферу посвященности, с которой пришел Глиммунг; вместо коллективного усилия первостепенными стали индивидуальные жизни. Но он должен был поступить так. Общие чувства группы диктовали ему эти слова. И к тому же это было и его собственное чувство.

— Ничего с вами не случится, — заверил Глиммунг.

— В том случае, — уточнил Джо, — если вы нас вовремя поднимете на поверхность моря. И на сушу.

Глиммунг сосредоточил на нем долгий взгляд трех расположенных посредине сумки глаз.

— Я уже сделал это однажды, — проговорил он.

— Хорошо. Тогда отправляемся в путь, — кивнул Джо, разглядывая свои наручные часы.

— Вы сверяетесь по Вселенной, не поздно ли? — поинтересовался Глиммунг. — И вы можете измерить во времени ширину и объем звезд?

— Я отмеряю время вам, — честно сказал Джо. — Мы провели обсуждение и решили предоставить вам два часа.

— Два часа? — Три глаза изумленно уставились на него. — Два часа на подъем Хельдскаллы?

— Совершенно верно, — подтвердил Харпер Болдуин.

Глиммунг задумался.

— Вы же знаете, — наконец произнес он угрожающе, — что я могу принудить вас к совместному усилию в любой момент. Могу просто взять и не выпустить вас.

— Не получится, — заговорило многоногое кишечнополостное. — Потому что даже в совместном усилии мы можем отказаться помогать вам. А если мы откажемся, у вас ничего не выйдет.

Предмет, похожий на сумку, вздулся от самолюбивого гнева. Это было дьявольское зрелище — негодование существа в восемьдесят тысяч тонн весом, заключенного в столь хрупкое вместилище. Затем постепенно Глиммунг успокоился и малопомалу приобрел прежние размеры.

— Сейчас четыре тридцать вечера, — сказал Джо Глиммунгу. — Вам предстоит до шести тридцати поднять Хельдскаллу и доставить нас на сушу.

Высунув щупальце, огромная сумка извлекла из своего кармана Книгу Календ. Она раскрыла том, подвергнув текст тщательному изучению. Затем Книга водрузилась на прежнее место.

— Что там сказано? — спросила остролицая женщина средних лет.

— Там сказано, что у меня не получится, — ответил Глиммунг.

— Два часа, — повторил Джо. — Теперь уже меньше.

— Двух часов не потребуется, — заявил Глиммунг, подбоченившись с довольным видом. — Если у меня не получится сделать это за час, я оставлю попытки и выгружу вас обратно. — Повернувшись, он выполз из холла на только что отремонтированный причал.

— Куда вы нас ведете? — спросил Джо, следуя за ним наружу, в прохладу вечера, из герметически закрытого теплого помещения.

— К воде, — откликнулся Глиммунг. Голос его был сердитым и в то же время с оттенком презрения; условия, поставленные группой, казалось, лишь укрепили его решимость.

— Удачи, — сказал Джо.

Остальные вылетели, выползли, вышли на причал; по требованию Глиммунга все выстроились вдоль кромки воды. Глиммунг окинул их еще одним взглядом, затем по деревянной лестнице соскользнул в воду. Он сразу же исчез в глубине, лишь круги и пузыри на воде обозначали то место, где он погрузился. «Может быть, навсегда, — подумал Джо. — Он может — и мы можем — никогда не вернуться».

— Я боюсь, — прошептала Мали, прижимаясь к Джо.

— Это не продлится долго, — заметила пухлая женщина со спутанными кукольными волосами.

— Какая у вас специальность? — спросил ее Джо.

— Изготовление плит из каменных пород.

Потом они долго молчали.

Он испытал Слияние как чудовищный шок. И обнаружил, что с остальными произошло то же самое. Над ним метался испуганный рокот их смешавшихся голосов, а кроме того, подавляющее присутствие Глиммунга, его мыслей, его желаний... и его страха. Под оболочкой гнева и презрения таилась сердцевина страха, скрытая до Слияния. Теперь все почувствовали это... и Глиммунг об этом знал; его мысли быстро сменялись, поскольку он усиленно старался спрятать их.

— Глиммунг напуган, — заявила почтенная дама.

— Да, и очень сильно, — согласился тщедушный юноша.

— Больше, чем мы, — добавило паукообразное.

— Чем некоторые из нас, — уточнила огромная стрекоза.

— Где мы? — спрашивал краснолицый мужчина. — Я совершенно ничего не могу понять. — Его голос панически клокотал.

— Мали, — позвал Джо.

— Да. — Она, казалось, была совсем рядом, в пределах досягаемости, но у Джо словно исчезли руки, он чувствовал себя как личинка в коконе, как и в прошлый раз, туго втиснутый в утробу Глиммунга. И никто из них не мог двигаться сам по себе; они могли только думать... странное ощущение, оно показалось Джо неприятным.

И все же... вновь наступил прилив сил. Умноженный всеми остальными и, в наибольшей степени, Глиммунгом. Он был беспомощен, но в то же время стал сверхсуществом, потенциал которого не поддавался измерению. И у Глиммунга вдруг резко прибавилось сил; Джо пристально прислушался к мозговой активности Глиммунга и был изумлен ее новой остроте... остроте и мощи.

Они погружались в глубину океана.

— Где мы? — нервно спросил Харпер Болдуин. — Я не могу толком разглядеть, я слишком глубоко. Вы видите, Фернрайт?

Глазами Глиммунга Джо увидел вырастающий перед ними силуэт Хельдскаллы. Глиммунг двигался быстро, не теряя времени; очевидно, он всерьез отнесся к двухчасовому ультиматуму. Достигнув Храма, Глиммунг попытался обхватить его. В долю секунды весь заряд своей энергии он направил на то, чтобы заключить Храм в такие мощные объятия, какие было бы невозможно разъединить.

И вдруг Глиммунг застыл. Что-то, какой-то смутный силуэт поднялся из Хельдскаллы и встал перед ним. Поток мятущихся мыслей Глиммунга захлестнул Джо, пронизывая насквозь. Из этих мыслей Джо понял, почему Глиммунг остановился.

Это было Туманное Существо. Оно не погибло и теперь стояло между Глиммунгом и Хельдскаллой.

Реально, физически, оно преградило ему путь.

— Квестобар, — произнес Глиммунг. — Ты же мертв.

— Как и все мертвое на этой планете, я тем не менее здесь живу, — ответило Туманное Существо. — Живу здесь, в Маре Нострум. Ведь ничто на этой планете не умирает полностью. — Существо подняло руку и направило ее прямо на Глиммунга. — Если ты поднимешь Хельдскаллу из глубин на сушу, ты вернешь к жизни царство Амалиты и, косвенным образом, Борели. Ты готов к этому?

— Да, — ответил Глиммунг.

— И с нами? С нами, какими мы были раньше?

— Да, — сказал Глиммунг.

— Ты больше не будешь главным существом на этой планете.

— Да, — сказал Глиммунг. — Я знаю. — Яркие молнии мыслей пронзали его разум, но они отражали только напряжение, а не страх.

— И ты, зная это, все же намерен поднять Храм?

— Он должен быть поднят на сушу, — сказал Глиммунг. — Туда, где был. Отсюда, из царства тлена и тьмы.

Туманное Существо отступило.

— Я не буду мешать тебе, — произнесло оно.

Радость наполнила Глиммунга. Он устремился вперед, чтобы обнять Хельдскаллу, и все устремились вместе с ним. Все вместе с Глиммунгом заключили Храм в объятия. И когда это произошло, Глиммунг стал меняться. Он развивался в обратном направлении, превращаясь в то, чем очень давно перестал быть. Он стал сильным, бесстрашным и мудрым. А затем, уже подняв Храм, он снова изменил облик.

Глиммунг превратился в огромное существо женского пола.

Теперь обратное развитие затронуло и Храм. Он также изменился. В руках Глиммунга он превратился в еще не родившегося ребенка, в плод, спящее тельце, туго спеленутое коконом, нити которого прочно охватывали его. Глиммунг без усилий поднял... *подняла* его на поверхность, и все издали вопль восторга, когда, словно искра, Храм пробился сквозь толщу воды, вверх, на свет холодного послеполуденного солнца.

«Что это за превращение?» — изумленно подумал Джо.

«Однажды, — мысленно ответила ему Глиммунг, — мы с ним были двуполым существом. Эта часть меня была подавлена много, много лет. Пока я не обрела ее вновь, я не смогла бы сделать Храм своим ребенком — как это должно быть».

Суша осыпалась и продавливалась под тяжестью ребенка-гиганта; Джо чувствовал, как земля опадает под колоссальным весом. Но Глиммунг не выказывала тревоги. Постепенно она выпустила из рук Храм, с явной неохотой расставаясь с ним, чтобы снова существовать с ним раздельно. «Я — это он, — думала она, — а он — это часть меня».

Раздался удар грома, и пошел дождь. Бесшумно и тяжело падая в песок, дождевые струи напитали влагой все вокруг. Вода, отхлынув от Храма, проторила извилистое русло обратно вниз, к Маре Ностум. Теперь Храм постепенно приобретал первоначальный вид. Очертания ребенка-гиганта уступи-

ли место стенам из бетона, камня, базальта, воздушным силуэтам контрфорсов и парящей готической арке. И снова красно-золотые витражи поблескивали в неровном свете затянувшегося облаками заката.

«Дело сделано, — подумала Глиммунг. — Теперь я могу передохнуть. Большой рыболов ночи добился своей победы. Теперь снова все на месте».

«Пора идти, — подумал Джо. — А этому — оставаться».

— Да! — зашумели все остальные. — Выпусти нас!

Глиммунг замерла в растерянности. Джо слышал, как ее противоречивые мысли перекатывались туда-сюда, подобно бильярдным шарам. «Нет, — думала она. — Благодаря вам у меня есть великая сила; если я отпущу вас, то вновь уменьшусь, скукожусь, стану ничтожной».

«Ты должна отпустить нас, — думал Джо. — Таков был договор».

«Это правда, — мысленно отвечала Глиммунг. — Но у вас так много преимуществ, пока вы — части меня. Мы вместе можем работать тысячу лет, *и никто из нас не будет одинок*».

— Проведем перекличку, — предложила Мали Йохос.

«Да, — подумала Глиммунг. — Пусть среди вас пройдет перекличка, чтобы выяснилось, кто хочет остаться внутри меня, а кто предпочитает отделиться и стать самостоятельным индивидом».

«Я останусь», — подумал Нерб Коль Дак.

«И я», — подумало паукообразное.

Перекличка продолжалась. Джо слышал, что кто-то предпочел остаться, а кто-то выйти на волю.

«Я хочу, чтобы меня отпустили», — сказал он, когда пришел его черед. При этом Глиммунг растерянно содрогнулась.

«Джо Фернрайт, — подумала Глиммунг. — Ты же лучший из них, неужели ты не останешься?»

«Нет!» — подумал Джо.

Он шел по тенистому берегу, где шевелились неясные темные силуэты и простиралось вдаль бесконечное топкое болото, где-то в глуши планеты Плаумэна. Как долго он находится здесь? Он не знал. Еще не так давно он был внутри Глиммунга, а сейчас брел, оступаясь и морщась от боли, когда острый камень резал голые ступни. Оступался на этом трудном пути.

«Неужели я один?» — думал Джо. Остановившись, он вгляделся в сумерки, пытаясь различить поблизости хоть какое-нибудь живое существо.

Многоногое кишечнополостное, извиваясь, двигалось к нему.

— Я ушел вместе с вами, — произнесло оно.

— И больше никого? — спросил Джо.

— На окончательной перекличке — только мы двое. Все остальные остались. Может показаться невероятным, но это факт: они остались.

— В том числе и Мали Йохос?

— Да, — ответило кишечнополостное.

Значит, это все же случилось. Джо ощутил на своих плечах тяжесть веков; сначала подъем Храма, теперь утрата Мали — нет, это слишком много.

— Вы не знаете, где мы находимся? — спросил он. — Я не смогу долго так идти.

— Я тоже, — сказало кишечнополостное. — Но там, к северу, горит огонь. Я провел в его сторону параллактический луч, и сейчас мы движемся в этом направлении. Еще через час мы должны достигнуть его, если я правильно вычислил нашу скорость.

— Я не вижу света, — сказал Джо.

— Мое зрение лучше. Вы увидите его минут через двадцать. Он почти угасает; он очень зыбок. Я полагаю, что это колония спиддлов.

— Спиддлы, — повторил Джо. — Мы что, собираемся остаток жизни прожить среди спиддлов? Мы на это настраиваемся, покинув остальных в Глиммунге?

— Мы можем оттуда на аэробусе добраться до отеля «Олимпия», где остались наши вещи. А после этого можем вернуться каждый на свою планету. Мы сделали большое дело, ради которого прибыли сюда. Мы должны радоваться.

— Да, — проговорил Джо мрачно. — Мы должны радоваться.

— Это был великий подвиг, — тараторило кишечнополостное. — Можно было убедиться в том, что легенды, согласно которым Фауст должен потерпеть провал, не только ложны по отношению к реальности, но к тому же...

— Давайте поговорим об этом, когда доберемся до отеля, — перебил его Джо. Он продолжал брести по берегу. Немного помедлив, многоногое существо последовало за ним.

— На вашей планете очень плохо? — поинтересовалось кишечнополостное. — На Земле, как вы ее называете?

— На Земле, — сказал Джо, — так же, как в небесах.

— Значит, это плохо.

— Да, — подтвердил Джо.

— Почему бы вам тогда не отправиться на мою планету? — спросило кишечнополостное. — Я могу найти вам дело... Ведь вы мастер-керамист, не так ли?

— Да.

— У нас на Бетельгейзе-Два полно керамики. Ваши услуги будут пользоваться большим спросом.

— Мали, — произнес Джо еле слышно.

— Я понимаю, — участливо застрекотало кишечнополостное. — Но она осталась там; она осталась с Глиммунгом. Потому что, как и остальные, она боится вернуться в прошлое. К одиночеству, тоске и сплошным неудачам.

— Наверное, я улечу на ее планету, — сказал Джо. — Из того, что она рассказывала... — Он замолчал, продолжая брести наугад. — Так или иначе, — закончил он, — там мне будет лучше, чем на Земле.

«И я все же буду среди гуманоидов, — подумал он. — А может быть, встречу кого-нибудь... вроде Мали. По крайней мере есть шанс».

Они продолжили путь в молчании. К маячащей вдали колонии спиддлов, которая с каждым усталым, неверным, слабым шагом становилась ближе.

— Вы знаете, — заметило кишечнополостное, — я, кажется, догадываюсь, в чем ваша проблема. Я думаю, вам стоило бы создать собственный сосуд из керамики, чем латать старые.

— Но еще мой отец был мастером-реставратором, — возразил Джо.

— Перед вами пример Глиммунга, который желал своего — и добился успеха. Так померяйтесь силой с тем, кто боролся за свершение задуманного, пусть даже безумного предприятия — и посрамил Книгу Календ, тем самым сломив казалось бы всесильную волю Рока. Восстаньте против Рока. Сделайте попытку.

— Да. Я сделаю, — решил Джо. Ему это еще не приходило в голову — керамика собственного производства. Технически он знал, как это делается. Он точно представлял себе, как изготовить керамическое изделие.

— У вас есть все, что нужно — и оборудование, и материалы, в мастерской, которую вам подарил Глиммунг, — продолжало кишечнополостное. — С вашими знаниями и способностями вы должны добиться успеха.

— Да-да, — глухо проговорил Джо. — Я попробую.

Джо Фернрайт вошел в свою новую, сверкающую чистотой мастерскую. Сверху лился свет ярких ламп. Он осмотрел верстак, три набора зажимов, самофокусирующиеся лупы, десять отличных калильных игл и глазурь любой расцветки, любого тона, густоты и оттенка. И зону невесомости. И печь. И банки с сырой глиной. И электрический гончарный круг.

Надежда теплилась в нем. У него было все, что нужно. Круг, глина, глазурь, печь.

Открыв банку, Джо зачерпнул из нее влажную пригоршню серой глины, перенес ее к гончарному кругу, включил его и опрокинул глину на центр вращения: «Итак, начнем», — довольно сказал он себе. Большими пальцами он углубился в податливый материал, вытягивая из него высокую форму, которая вскоре оказалась совершенно симметричной. Удлиняя заготовку все больше, он все глубже погружал в толщу глины два больших пальца, оставляя в центре пустоту.

Наконец форма готова.

Джо высушил глину в инфракрасной печи и затем, выбрав пока один цвет глазури, начал наносить рисунок. Еще один цвет? Он взял второй цвет, и этого было достаточно. Теперь пора обжигать.

Джо поставил форму в уже накаленную печь обжига, закрыл дверцу, уселся за верстак и стал ждать. У него было бесконечно много времени. Целая жизнь.

Спустя час просигналило реле. Печь обжига отключилась. Сосуд был готов.

Надев асбестовую перчатку, Джо с трепетом протянул руку к еще не остывшей печи и достал из нее высокую, белую, с голубовато-дымчатыми разводами, вазу, свое первое творение. Поставив ее на стол, под прямые лучи света, Джо смог хорошенько разглядеть ее. Он решил профессионально оценить ее художественные достоинства. Оценить то, что сотворил. А вместе с тем и то, что получится в дальнейшем. Другие изделия. Их будущее стояло перед Джо на столе. Так же как и его оправдание тому, что он покинул Глиммунга и всех остальных. И прежде всего Мали. Мали, которую Джо любил...

Ваза получилась безобразной.

КУКЛА ПО ИМЕНИ «ЖИЗНЬ»

●

РОМАН

Глава 1

В начале семидесятых мы попытались усовершенствовать свое искусство торговать. Для начала в отделе мелких объявлений местной газеты появилась рекламка:

«Спинеты, а также электроорганы, бывшие, правда, в употреблении, но в прекрасном состоянии, ПРОДАЕМ СЕБЕ В УБЫТОК. Оплата наличными. Готовы рискнуть продать в кредит. Оплату предпочитаем получать по почте — это лучше, чем отвозить инструмент обратно в Орегон. Обращаться в «Компанию Фрауенциммера», Онтарио, штат Орегон, мистеру Року, кредит-менеджеру».

В течение нескольких лет мы помещали в газетах подобные объявления, охватив за это время все западные штаты, умудрились проникнуть даже в такую глубинку, как Колорадо.

Подход у нас был если и не сугубо научный, то где-то рядом. Мы разворачивали карты, ползали по ним вдоль и поперек, чтоб ни один городишко не остался без внимания. У нас четыре трейлера с турбоприводом, к ним по одному человеку обслуги. Машины постоянно в разъездах.

Работу нашу вряд ли кто-нибудь признает образцом крутого маркетинга, но, как говорится, чем богаты... Мы, к примеру, помещали объявление в каком-нибудь «Сан-Рафаэльском независимом журнале», и вскоре в наш офис сползалась корреспонденция. Мой партнер, Мори Рок, занимался всей этой кухней: сортировал письма, составлял списки клиентов, а когда у него набиралось приличное количество заявок из какого-нибудь определенного места, скажем, из округа того же Сан-Рафаэля, он отправлял телеграмму водителю одного из трейлеров. Предположим, шофера зовут Фред и он в данный момент крутится где-то возле Мэрин Каунти. Получив депешу, Фред открывает кар-

ту, намечает для себя список заказчиков, потом подруливает к телефону и звонит первому потенциальному клиенту.

Между тем Мори высылает авиапочтой ответы каждому, кто откликнулся на нашу рекламку:

«Уважаемый мистер такой-то! Мы счастливы получить Ваш отклик на сообщение в журнале. Сотрудника, занимающегося данным вопросом, несколько дней не будет в офисе, поэтому мы решили сообщить ему Ваши координаты с просьбой связаться с Вами и ознакомить Вас со всеми подробностями».

Письмо, конечно, могло и не принести желаемых результатов, хотя, при благоприятствии к нам фортуны, способно было загрузить компанию работой. Но за последнее время продажа электроорганов сошла на нет. К примеру, в окрестностях Валлехо мы не так давно продали сорок спинетов — и ни одного органа. Это прискорбное обстоятельство обострило наши отношения с Мори. Ситуация не из приятных, прямо скажем...

В тот день я вернулся в город поздно. Пришлось смотаться в глубинку, в район Санта-Моники, и довольно крепко потрепать себе нервы с парочкой «доброжелателей». Эти деятели наняли судебных исполнителей и попытались засунуть свои не в меру длинные носы в наши дела. Ни черта у них не получилось, поскольку работаем мы легально и без всякой уголовщины.

Надо заметить, что Онтарио — городишко для меня абсолютно чужой. Родом я из Уичито-Фолс, штат Канзас. Еще подростком я перебрался в Денвер, потом судьба занесла меня в Буаз. Что же касается Онтарио, то это обычный городок на границе Айдахо. Стоит вам пересечь длинный железный мост — и вы уже на равнине, среди квадратов перепаханных полей. Матушка провинция! Самое крупное предприятие — фабрика картофельных пирожков, в особенности ее отдел электроники. Зато здесь полным-полно фермеров-япошек, депортированных сюда еще во время Второй мировой. Они потихоньку ковыряются на своих фермах, выращивают лук и прочую овощную дребедень. Однако воздух в Онтарио сухой, прожить можно дешево, а если возникает нужда прикупить что-нибудь эдакое навороченное — отправляйся обратно в Буаз. Я лично стараюсь туда не ездить. Делать там нечего, даже перекусить толком нельзя.

Офис наш расположен в центре, в кирпичном доме, напротив скобяной лавки. Вокруг буйно разрослись ирисы — мы когда-то раздобыли несколько хороших клубней. Яркие цветы осо-

бенно радуют глаз, когда подъезжаешь к конторе уставший от однообразия пустынной дороги.

Итак, я припарковал свой пыльный «шевроле» и пересек тротуар, направляясь в офис. Конечно же, первым делом на глаза попалась вывеска: «АССОЦИАЦИЯ САСА».

САСА — сокращенно «Сложные акустические системы америки». Это торговая марка нашей фирмы. Случилось так, что фамильным бизнесом нашей семьи стало производство электроорганов. Мы даже умудрились построить небольшой заводик. И когда судьба свела меня с Мори, тот сразу выдвинул встречное предложение: устроить разъездную торговлю, назвав компанию как-нибудь позаковыристее, вроде — «Лучшие инструменты Фрауенциммера». Фрауенциммер — так по-настоящему величают Мори. Его предки давным-давно прибыли в Америку и крепко пустили здесь корни. Рок — это он сам придумал, для легкости произношения. Лично меня мое имя вполне устраивает: Льюис Роузен, коротко и доходчиво. А Мори решил выпендриться. Как-то я спросил у него, что означает слово «Фрауенциммер». Он немного помялся, а потом объяснил, что это переводится как «женский пол». Тогда мне стало интересно, как он додумался взять себе фамилию Рок.

— Ничего особенного я не выдумывал. Закрыл глаза и наугад ткнул пальцем в словарь. Там было написано: «РОК — судьба...»

— Вот и попал пальцем в небо. Надо было прочитать дальше. Получилось бы — Мори Булыжник.

Дверь в наш офис давно уже пора бы заменить. Но денег вечно не хватает, вот и болтается на петлях старое страшилище, благо что еще сама не падает, держится. Я с отвращением толкнул это убожество и прошел в лифт — допотопную полумеханическую бандуру. Спустя минуту я уже расхаживал по конторе. Народ галдел и выпивал.

— Мы безнадежно отстали, — тут же наехал на меня Мори. — Наша аппаратура страшно устарела.

— Ты не прав, — устало отмахнулся я. — Наоборот, сейчас должна пойти мода на органолы. Интерес к электронике возрастает. Сам понимаешь, без нее Америке ни шагу. Тем более в космических проектах. Не пройдет и десятка лет, как наши спинеты будут гнить на складе. Эта штука покажется всем пострашнее динозавра.

— Льюис, — проворчал Мори, — ты хоть глянул бы, что делают наши конкуренты. Электроника, конечно, шагает вперед,

да только без нас. Возьми, к примеру, тональный орган Хаммерштейна. Посмотри на «Эйфорию» Вальтейфеля. А теперь скажи, с какой стати кому-то довольствоваться, подобно тебе, простым наяриванием дешевой музычки?

Мори — с виду здоровяк, однако парень впечатлительный и нервный, типичный гипертироид[1], руки у него всегда немного трясутся, пищу он глотает быстро, почти не пережевывая, переваривает ее так же молниеносно, и это здорово сказывается на его туловище. Врачи, помнится, назначили ему какие-то пилюли, но особых результатов до сих пор не видно. Волосы у Мори длинные, когда-то были черными и густыми, однако время берет свое, и роскошная шевелюра выглядит теперь более чем скромно. Большие глаза всегда широко распахнуты, а взгляд их такой убитый, будто дела идут из рук вон плохо, с какой стороны ни подступись...

— Ни один хороший инструмент не может устареть, — горячился я.

Но куда там! У Мори была своя навязчивая идея. Что нас погубило — так это всякие ультрасовременные исследования в области психиатрии. Яйцеголовые из разных университетов усердно принялись рассовывать кому ни попадя свои методики и разработки. Взять хотя бы Пенфилда, Джекобсона и Олдса, в особенности их открытия, относящиеся к среднему мозгу: мол, гипоталамус — вместилище эмоций. Нам было глубоко наплевать на все эти изыски. Подумаешь, гипо...по...таламус. Его-то мы как раз и не приняли в расчет, производя и продавая электроорганы. Наша фабрика — фабрика Роузена никогда не использовала для передачи избирательной частоты ток короткого диапазона, стимулирующий очень специфичные клетки среднего мозга, и мы, нет сомнения, провалились с самого начала, не заметив, как просто и как существенно было встроить переключатели контуров в пульт управления восьмьюдесятью восьмью черными и белыми клавишами.

Как и большинство любителей, я нескладно барабанил по клавиатуре тонального органа Хаммерштейна, и даже получал от этого занятия удовольствие. Хотя называть это творчеством было бы глупо. Можно, конечно, преуспеть в новых формах стимуляции мозга и сформировать в своей голове совершенно новые эмоции. Эмоции, которые там иным путем никогда бы не возникли. Теоретически вы можете даже преуспеть, придумав комбинацию, погружающую вас в состояние нирваны, как преуспели на этом

---

[1] Человек с повышенной секреторной функцией щитовидной железы.

поприще обе корпорации — Хаммерштейна и Вальтейфеля. Но это уже не музыка, а, скорее, новая разновидность наркоты, дарующая уход от действительности. Кому это нужно?!

— Да мне это нужно! — Мори прокричал эти слова, окончательно утратив всякую надежду, пошел и нанял инженера-электронщика, уволенного из Федерального космического агентства. Мори, видимо, расчитывал что тот наскоро соорудит для нас новую версию органолы.

Конечно, Боб Банди, может, и гений по части электроники, но опыта по конструированию органол у него не было никакого. На прежнем месте он разрабатывал по заказу правительства контуры для симулакров. Симулакры — синтетические человекоподобные существа, я всю жизнь считал их роботами: время от времени их запускают в космос с мыса Доброй Надежды, используют для освоения Луны.

Причины, по которым Банди выперли из Космического агентства — тайна, покрытая мраком. Правда, он любит пропустить рюмашку, но это не отражается на его работе. Еще он шляется по бабам — так кто из нас без греха? Вероятнее всего, его выкинули за неблагонадежность: нет, он не фашист и не коммуняка. Банди никогда в жизни даже и не догадывался о существовании каких-то там политических идей. Неблагонадежность его заключалась в психических отклонениях: с первого взгляда было понятно, что перед вами — явный шизоид. Он мог, к примеру, исчезнуть вдруг без всякого предупреждения, чтобы маленько побродяжить. Одет он всегда в какое-то грязное тряпье, немыт, нечесан, небрит — в общем, не на что глаз положить. По его физиономии вечно блуждала глупая, бессмысленная ухмылка. Одним словом, таких, как он, спецы из Бюро психического контроля называют «больными в стадии распада личности». Говорит он невнятно, на вопросы отвечает не сразу или вообще игнорирует их. Но зато Боб на все руки мастер и в работе равных себе не имеет. Вот почему закон Макхестона не коснулся его.

Как бы то ни было, Банди работал на нас уже в течение многих месяцев, однако особых результатов что-то не замечалось. Правда, в основном с ним занимался Мори, пока я колесил по стране.

— Ты цепляешься за бандуры с клавиатурой, — поддел меня Мори, — только потому, что их мастерят твои папаша и брат. Именно поэтому ты не хочешь взглянуть правде в лицо.

— Ты используешь аргументы ad hominum[1].

---

[1] Переходишь на личности, пользуешься запрещенными приемами *(лат.)*.

— Да брось ты свои талмудизмы, — парировал Мори.

Видно было, что ребята и правда здорово врезали: пока я мотался по дорогам, крутил баранку тяжеленного трейлера, они тут лакали выдержанный бурбон.

— Ты что же, в кусты отползаешь? Тебя не устраивает наше партнерство? — спросил я. В тот момент оно меня тоже не устраивало, из-за пьяного наезда Мори на мою семью и нашу фабрику.

— Подожди, не кипятись. Я хочу, чтобы до тебя дошло: новости из Валлехо означают одно — наше главное изделие с треском накрылось, — ответил Мори. — Даже несмотря на свои шестьсот тысяч возможных тональностей, пусть их никогда и не слышало человеческое ухо. Ваше семейство просто помешано на убойных шумовых эффектах, которые издает твоя электронная куча дерьма! И у тебя еще хватает наглости называть это музыкальным инструментом! Вы, Роузены, начисто лишены слуха! Даже если ты мне подаришь ваш электронный орган стоимостью в шестнадцать тонн баксов, я и то не поставлю его у себя дома. Лучше уж парочку отбойных молотков туда приволоку!

— Ладно, — взорвался я, — ты, долбаный меломан! У моего органа, кстати, тональностей не шестьсот, а семьсот тысяч!

— Твои усиленные контуры все равно ничего кроме безумного воя не издают. Как бы ты его ни улучшал, там не мелодия, а зоопарк сплошной какой-то!

— Кое-кто все же умудряется сочинять на нем музыку, — возразил я.

— Сочинять?! Это все равно что варить на этой фигне микстуру от плоскостопия! Говорю тебе, Льюис, лучше спали к чертям собачьим ту часть вашей фабрики, где делают эти штуки, или, черт тебя дери, измени ее профиль. Пусть выпускает что-нибудь новенькое, полезное, на что человечество могло бы положиться на протяжении своего мучительного восхождения к вершинам будущего. Ты понял? — Он нетвердо качнулся, тыча в меня длинным пальцем. — Мы уже на небе. Вовсю шпарим к звездам. Нет больше пределов для человека, слышишь?

— Слышу, — отозвался я. — Только позволь тебе напомнить: предполагалось, что именно ты и Боб Банди родите что-нибудь новенькое. Вроде бы девять месяцев прошло, а младенца я что-то не вижу!

— Отчего же, мы тут кое-что сделали, — возразил Мори. — И когда ты ЭТО увидишь, то согласишься, что ОНО смотрит в будущее!

— Ну так давай показывай, что там у тебя за ЭТО!

— Идет. Мы съездим на фабрику — твой папа и брат Честер наверняка там. Иначе будет нечестно: ведь именно им придется ЭТО выпускать.

Боб Банди стоял рядом со стаканом в руке и скалил зубы в своей подлой манере. Наши постоянные склоки наверняка действовали ему на нервы.

Я обратился почему-то к нему:

— Мужики, у меня такое ощущение, что вы собираетесь нас разорить.

— Мы разоримся в любом случае, — проворчал Мори, — если будем возиться с твоей органолой или еще какой-нибудь хреновиной, которую наслесарит твой братец Честер.

Мне нечего было возразить, и с мрачным видом я плеснул себе выпивки.

Глава 2

«Ягуар» — старинное громоздкое авто, коллекционный экземпляр: противотуманные фары, решетка как у «роллс-ройса», кожаные сиденья цвета орехового дерева, масса внутренних светильников. Эта игрушка досталась Мори в отличном состоянии, хотя была выпущена Бог знает когда. Мори обхаживал ее, как ребенка, но тем не менее мы не смогли выжать из этого драндулета больше чем 90 миль в час. И зачем тогда выезжать на скоростную магистраль, соединяющую Онтарио с Буаз? Такой занудный темп передвижения выводил меня из себя.

— Послушай-ка, Мори,— потребовал я, — хотелось бы все-таки услышать объяснения по поводу того, что вы задумали.

Расположившись за рулем, Мори затянулся сигарой «Корина Ларкс», откинулся на спинку сиденья и спросил:

— Как ты думаешь, что занимает умы Америки в наши дни?

— Секс, — предположил я.

— Мимо.

— Ну, тогда преимущество перед Россией на внутренних планетах Солнечной системы.

— Нет.

— Ладно, говори.

— Гражданская война.

— Боже милосердный! — только и смог выдавить я.

— Это правда, приятель. Нация одержима войной между Северными и Южными штатами. И я скажу тебе почему: это была первая и единственная национальная эпопея, в которой

мы, американцы, участвовали.— Он выдохнул дым прямо мне в лицо.— Война привела нас, американцев, к зрелости.

— Это мне не по душе, — буркнул я.

— Могу остановиться на любом людном перекрестке любого города Штатов, схватить за шиворот с десяток горожан, и шестеро из них на вопрос о том, что занимает их мысли, ответят: «Гражданская война!» Как только я в это врубился, а случилось это месяцев шесть назад, сделал выводы и приступил к работе над практической стороной вопроса. Для «Ассоциации САСА» это имеет колоссальное значение, если, конечно, мы собираемся держать руку на пульсе. Известно ли тебе, когда отмечали сотую годовщину Гражданской войны? Ты помнишь?

— Да, — согласился я, — помню.

— И празднество обернулось провалом: выползла сотня дураков и попыталась изобразить парочку сражений. Но все это жалкая пародия. А теперь глянь-ка на заднее сиденье.

Я включил свет в салоне, обернулся назад и увидел длинную картонную коробку, обернутую газетами. По форме она напоминала манекен из витрины. Так как в области грудной клетки выпуклость отсутствовала, я заключил, что ОНО не женского пола.

— Ну и..? — спросил я.

— Вот над чем мы работали.

— Пока я искал новые рынки сбыта?!

— Точно, — кивнул Мори. — И ЭТО со временем переживет твою торговлю всякими там спинетами и органолами, да так, что у тебя башка пойдет кругом!

Он выразительно качнул головой.

— Скоро мы доберемся до Буаз, а пока что слушай: мне бы не хотелось, чтоб твои папаша и братец показали нам пятую ногу у коровы. Поэтому необходимо просветить тебя прямо сейчас. Вон та хреновина сзади — она принесет прибыль в биллион баксов нам или любому, кому посчастливится на ЭТО наткнуться. Давай-ка съедем с дороги, остановимся у какой-нибудь забегаловки, и я продемонстрирую ЭТО тебе. Для наших целей сгодится и бензоколонка — лишь бы освещение там было. — Мори выглядел чрезвычайно возбужденно, руки у него дрожали сильней, чем обычно.

— А ты уверен, — спросил я, — что у тебя не манекен Льюиса Роузена и что ты не собираешься меня пристукнуть, чтоб кукла заняла мое место?

Мори дико взглянул на меня:

— Ну у тебя и мысли! Однако по чистой случайности ты оказался близок к истине, дружище. Приятно ощущать, что

наше былое единство умов все еще существует. Помнишь, совсем как в старое доброе время, когда мы были молоды и зелены и никакой поддержки, кроме разве что твоего папаши и младшего братца, который всех от всего предостерегал... Просто поразительно, отчего он не стал ветеринаром, лечил бы своих любимых лошадей да коров... Зато окружающие бы дольше прожили. Нет, ведь надо такому случиться: вместо того чтобы стать Айболитом, он управляет фабрикой музыкальных инструментов... Идиотизм! — Мори повертел головой.

— Зато твое семейство даже этого не совершило! Они ничего не создали и не построили. Они — всего лишь мелкие галантерейщики. Ты понял, на что я намекаю? Они палец о палец не ударили, чтобы помочь нам начать свое дело. В отличие от папы и Честера! Что у тебя там за кукла на заднем сиденье?! Только никаких остановок! Есть у меня дурное предчувствие, определенно есть — ты на самом деле решил расправиться со мной или что-нибудь в этом роде. Поэтому поехали-ка дальше.

— Я не смогу описать тебе ЭТО словами.

— Уверен, что сможешь. Ты первоклассный брехун.

— Ну ладно. Я тебе объясню, по какой причине празднование сотой годовщины Гражданской войны обернулось неудачей. Потому, что никого из настоящих ее участников, добровольцев, сложивших головы за Унию или Конфедерацию, уже давным-давно нет в живых. Если даже кто-то из них и дотянул до сотого дня рождения, то прикинь, на что они пригодны: сражаться не смогут, да куда там сражаться — винтовку в руках не смогут удержать! Или я не прав?

— Ты хочешь сказать, что там, сзади, у тебя мумия или монстр из ужастика? Их еще называют «живыми мертвецами»?

— Я пытаюсь объяснить тебе, что за товар у меня там. В газеты завернут Эдвин М. Стентон.

— Это еще кто такой?

— Военный министр в правительстве Линкольна.

— Хватит врать!

— Да нет же, правда!

— А когда он умер?

— Давным-давно.

— Я так и думал.

— Слушай, — вздохнул Мори, — там, на заднем сиденье, электронный симулакр. Я создал ЕГО, вернее, мы заставили Банди создать ЕГО. Это обошлось в шесть тонн баксов, но ОНО того стоит. Давай-ка притормозим возле той бензоколон-

ки у дороги, видишь, там и кафе есть. Я разверну ЭТУ ШТУКУ и продемонстрирую тебе — иного способа не вижу.

У меня по телу поползли мурашки величиной с кулак.

— Ты на самом деле сделаешь это?

— А ты думал, это шуточки, приятель, а?

— Да нет, вроде бы ты абсолютно серьезен.

— Вот именно, — ухмыльнулся Мори, притормозил и включил сигнал поворота. — Я остановлюсь вон там, у вывески. «Прекрасные итальянские обеды «У Томми» и «Чудесное пиво «Люгер».

— И что же потом? Как ты собираешься показывать товар лицом?

— Мы развернем ЭТО, и ОНО пойдет с нами, закажет пиццу с ветчиной и курицей — вот это я имел в виду.

Мори припарковал «ягуар» и не спеша обошел машину. Открыв заднюю дверцу, принялся срывать с человекоподобного свертка газеты, и вскоре мы воочию увидели почтенного седобородого джентльмена. Глаза закрыты, руки — сложены на груди. Одет сей почтенный старец в платье старинного покроя.

— Увидишь, какое сходство с человеком, когда ОН закажет себе пиццу, — заметил Мори и стал возиться с выключателем на спине ЭТОЙ ШТУКИ.

Внезапно ЕЕ физиономия приобрела сердитое, высокомерное выражение и ОНА проворчала:

— Друг мой, уберите подальше свои пальцы, будьте так любезны! — ШТУКА отпихнула от себя руки Мори, а тот радостно осклабился, глядя на меня, и спросил:

— Вот видишь?

Симулакр медленно сел и теперь был занят тем, что очень методично стряхивал с себя пыль. Наверное, ЕМУ казалось, что пострадал ОН по нашей вине. Вид у НЕГО был строгий и злорадный: кто знает, может, мы ЕГО специально обесточили, а потом начистили морду... Мне уже было ясно — продавец в кафе «У Томми» будет одурачен. Мори достиг желаемого эффекта: если б я собственными глазами не видел, как симулакр пробуждается к жизни, я бы, лопух лопухом, спокойно созерцал всего лишь почтенного джентльмена с раздвоенной седой бородой, одетого несколько старомодно, отряхивающего одежду с видом оскорбленного достоинства.

— Вижу, конечно, — проговорил я.

Мори придержал открытой заднюю дверцу «ягуара», и Стентон, электронный симулакр, выскользнул из машины и выпрямился во весь рост с непередаваемым чувством собственного достоинства.

— У НЕГО есть деньги? — спросил я.

— Ну а как же, — ответил Мори, — не задавай пустячных вопросов, это — самое серьезное дело из всех, с которыми тебе приходилось сталкиваться.

Наша троица, хрустя гравием, направилась к ресторанчику. Мори вещал:

— Будущее наше с экономической точки зрения, как, впрочем, и будущее всей Америки, полностью зависит от симулакров. Через десяток лет мы с тобой станем богачами, именно благодаря вот ЭТОЙ ШТУКЕ.

Все мы дружно заказали в забегаловке пиццу. Она оказалась слегка пригоревшей по краям. Надо было видеть, какую шумную сцену закатил Стентон, как он размахивал кулаками перед носом хозяина заведения! Наконец мы расплатились и ушли.

На целый час мы отклонились от расписания, и мне уже стало глубоко наплевать, доберемся мы в конце концов до фабрики Роузена или нет. Поэтому, не успели мы забраться в «ягуар», я насел на Мори, чтобы он поторопился.

— Эта машина делает двести в час, — хвастливо заявил Мори, трогаясь с места, — если, конечно, заправить ее сухим реактивным топливом.

— Не рискуйте без нужды, — зловеще предупредил Стентон, когда автомобиль, взревев, помчался по дороге. — Ничто того не стоит...

— Не твое дело! — огрызнулся Мори.

Нельзя сказать, что фабрика спинетов и электроорганов Роузена слишком уж привлекает к себе внимание. Так, обычное одноэтажное здание, напоминающее однослойный пирог: стоянка машин — сзади, спереди же — вывеска, слепленная из тяжелых пластиковых букв. А что? Смотрится очень даже современно, да еще красная подсветка сзади. Единственные окна — в офисе.

В столь позднее время фабрика заперта, там не было ни души. Поэтому мы подрулили прямиком к жилой секции.

— Что ты думаешь о таком соседстве? — спросил Мори у Стентона.

Восседающая на заднем сиденье «ягуара» ШТУКА проворчала:

— Отвратительно и недостойно, я бы так выразился.

— Послушай-ка, — сразу же вспылил я, — Роузены поселились здесь, близ промышленного района Буаз, чтобы ближе было к фабрике. — Меня всегда приводили в бешенство высосанные из пальца придирки в адрес честнейших в мире людей, особенно такого прекрасного человека, как мой папа. Что же касается брата, то очен' и очень немногие из радиа-

ционных мутантов когда-либо добились успеха в индустрии музыкальных инструментов, если, конечно, не считать Честера Роузена. ОСОБО РОЖДЕННЫЕ ЛИЧНОСТИ — так их называют. Почти во всех областях жизни их удел — сплетни и безмозглое суеверие обывателей. К большинству престижных профессий доступ для них закрыт...

Источником переживаний в семье Роузенов всегда был тот факт, что глаза Честера расположены под носом, а губы — там, где должны находиться глаза. Но виноваты в этом не мы, а испытания водородной бомбы. Они искалечили парня, и множество подобных ему хороших ребят. Помню, как в детстве прочесал массу медицинской литературы по врожденным аномалиям — естественно, тема представлялась самой горячей пару десятилетий назад. Так вот — в сравнении с этими иллюстрациями книг наш Честер смотрелся-таки просто кинозвездой. К примеру, на одной из картинок, всегда повергавшей меня в полнейший отрубон, как минимум, на неделю, был изображен человеческий эмбрион, разложившийся в матке и родившийся по кускам: челюсть, плечо, пригоршня зубов, все пальцы по отдельности... Совсем как пластмассовые детальки, из которых мальчишки собирают модели самолетов. Вот только кусочки человеческой плоти в единое целое не соединить. Не найдется в мире такого клея. Не придумали...

А еще там были эмбрионы, все заросшие волосами, словно меховые тапочки. А один настолько высох, что кожа на нем потрескалась: выглядел он так, будто дозревал где-то на солнцепеке. Поэтому давайте-ка оставим в покое Честера!

«Ягуар» ткнулся у обочины напротив моего родного дома: наконец-то мы добрались! Я заметил свет в гостиной. Значит, семейка смотрит телевизор.

— Давай пошлем Стентона одного, — предложил Мори. — Пусть постучит в дверь, а мы посидим в машине, посмотрим.

— Папа сразу учует, что это фальшивка, за целую милю! — возразил я. Так и будет. Скорее всего, он спустит симулакра с лестницы — и тогда плакали шесть тонн, вложенные в монстра. Как бы там ни было, ведь именно Мори потратил денежки и, без сомнения, будет претендовать на имущество «Ассоциации САСА».

— Готов рискнуть, — проговорил Мори, держа заднюю дверцу машины открытой, таким образом, чтоб его «новинка» могла сесть обратно, и дал команду: — Поднимись и позвони в дверь, а когда к ней подойдет человек, скажи: «Теперь он принадлежит вечности», — после чего просто стой там.

— Что это значит? — спросил я, — что это за слова такие?

— Это — знаменитая фраза Стентона, вошедшая в историю, — пояснил Мори. — Он произнес ее, когда умер Линкольн.

— Теперь он принадлежит вечности, — репетировал Стентон, пересекая тротуар и взбираясь по лестнице.

— Будет время, я объясню, как сконструирован Стентон, — пообещал Мори, — как мы собирали данные, дошедшие до наших дней, переводили их в матсистему, питающую монаду управления — она у симулакра вместо мозга.

— Ты представляешь, что творишь?! — возмутился я. — Ты разрушаешь САСА, все это — мыльный пузырь! Бездарная болтовня и вздор недоумка! Меня в это дело не втравливай!

— Тихо, — шикнул Мори, как только Стентон позвонил.

Дверь распахнулась, и я увидел отца: он стоял в брюках, тапочках и новом халате — это мой рождественский подарок. Папа был импозантным мужчиной, и Стентон, начавший было свою маленькую речь, запнулся и несколько замешкался.

— Сэр, — проговорил ОН наконец, — я имею честь быть знакомым с вашим сыном Льюисом.

— О да, — ответил отец, — он сейчас в Санта-Монике.

Похоже, что Стентон понятия не имеет, что такое Санта-Моника, и стоит теперь перед папой дурак дураком. В «ягуаре», рядом со мной, Мори ругался самым скверным образом, доводя себя прямо-таки до белого каления. Но мне стало смешно: этот симулакр застыл ну совсем как нерасторопный продавец-новичок, у которого язык к небу присох и ни единой мысли в голове...

С другой стороны, зрелище впечатляло: два почтенных джентльмена, лицом к лицу — Стентон с раздвоенной седой бородой, в старинных одеждах, и мой отец, который вряд ли выглядел более модерново.

«Встреча патриархов, — подумал я. — Словно в синагоге...»

Наконец мой папа сказал:

— Почему бы вам не войти в дом? — Он держал дверь открытой, и ШТУКА проследовала вовнутрь, исчезнув из поля зрения. Дверь захлопнулась, освещенное крыльцо опустело.

— Ну и что ты скажешь? — обратился я к Мори. После чего мы последовали вослед, благо дверь оказалась незапертой.

В гостиной на софе восседал Стентон, держа руки на коленях, и беседовал с папой, в то время как Честер и мама продолжали смотреть телевизор.

— Папа, — проговорил я, — ты зря тратишь время на разговоры со ШТУКОЙ. Ты знаешь, что ЭТО такое? Просто-напро-

сто машина, вроде кофемолки. Мори собрал ее наспех, и обошлась она ему в шесть тонн баксов.

Отец со Стентоном замолчали и уставились на меня.

— Этот очаровательный пожилой джентльмен?! — произнес мой отец, разражаясь праведным гневом. Нахмурив брови, он громко отчеканил: — Запомни, Льюис, этот человек — хрупкий тростник, самая малая и ничтожная вещь в природе, но, черт возьми, mein Sohn, это — мыслящий тростник! Вселенной нет смысла ополчаться на него: достаточно капли воды, чтобы убить его. — Раздраженно тыча в меня пальцем, папа проревел: — Но если даже вся Вселенная замыслит сокрушить его, то знаешь, что тогда будет? Слушай, и я скажу тебе: все равно человек будет величествен и прекрасен! — Он в сердцах стукнул по подлокотнику кресла. — А знаешь почему, mein Kind? — Потому, что он сознает свою бренность, и вот что я скажу тебе еще: у него есть преимущество перед проклятой Вселенной — она-то ни капельки не соображает. И, — немного успокоившись, завершил папа, — в этом состоит все наше величие. Я имею в виду то, что человек мал и слаб, он не может наполнить собой время и пространство, но он наверняка может найти применение своему разуму, данному Богом.

Так же, как это может сделать вот эта, как ты назвал ее, ШТУКА. Это — не ШТУКА. Это — ein Mensch, человек. Я должен рассказать тебе одну смешную вещь. — После этого он разразился шуткой, наполовину на идише, наполовину по-английски.

После окончания мы все рассмеялись, несмотря на то, что, как мне показалось, улыбка Стентона несколько принужденная, если не сказать — вымученная.

Пытаясь воскресить в памяти все, что читал о Стентоне, я вспомнил, как на протяжении Гражданской войны и во времена реконструкции Юга его считали крепким орешком. Особенно когда он сцепился с Эндрю Джонсоном, пытаясь предъявить ему обвинение в преступлении против государства. Папина шутка была очень человеколюбивой — вероятно, он не оценил ее, ведь так же имел обыкновение вести себя Линкольн. Но папу прорвало: его собственный отец был широко известным специалистом по Спинозе, настоящим ученым, а папа мой, хоть и окончил семь классов, прочел все книги и документы, какие только есть на свете, и вел переписку с литераторами всего земного шара.

— Простите, Джером, — после некоторой заминки обратился к папе Мори, — но вам сказали чистую правду. — Он подошел к Стентону, протянул руку и что-то там переключил у него за ухом.

— Глоп! — выдавил Стентон и сразу стал неподвижным и безжизненным, как утюг. В глазах померк свет, упали и застыли неподвижно руки. В общем, зрелище прямо-таки картинное. С мелкой дрожью в коленях, я уставился на папу. Мне хотелось видеть, как он это воспримет. Честер же и мама лишь на миг оторвали взгляды от телеэкрана. Наступила пауза, полная якобы задумчивости. И даже если б в этот вечер атмосфера не была столь насыщена выспренней болтовней, то именно сейчас наступил момент, который мог положить начало такому состоянию: мы все вдруг резко сделались серьезными.

Папа даже встал и отправился изучать ШТУКУ собственноручно.

— Ой, гевалт! — покачал он головой.

— Я могу снова ЕГО включить, — предложил Мори.

— Nein, das gent mir nicht. — Папа вновь устроился в своем уютном кресле, после чего спросил спокойно, однако в голосе его явственно сквозило отчаяние: — Итак, как идут торговые дела в Валлехо, мальчики? — Пока мы готовились к ответу, он взял сигару «Антоний и Клеопатра», развернул и закурил. Это гаванская сигара превосходного качества, и комната сразу наполнилась душистым ароматом. — Ну так что — хорошо продаются органы и спинеты «Амадей Глюк»? — довольно хохотнул отец.

— Джером, — сказал Мори, — спинеты еще как-то продаются, но не ушел ни один орган...

Отец насупился. Мори продолжил:

— У нас произошел на эту тему честный, откровенный дружеский разговор, в котором выяснился целый ряд фактов. Дело в том, что электроорган Роузена...

— Подожди, — прервал его папа, — не торопись, Морис. — По эту сторону железного занавеса орган Роузена не имеет себе равных. — Он взял с журнального столика один из тех мейсонитовых щитков, на которых мы монтировали схемы для дисплея. — Вот тебе наглядная демонстрация действия истинного электрооргана Роузена, — начал папа. — Вот это — замедляющий контур, и...

— Джером, мне прекрасно известно, как работает инструмент. Позволь закончить.

— Продолжай. — Отец отложил щиток, но прежде, чем Мори открыл рот, добавил: — Если ты рассчитываешь, что мы откажемся от нашего главного источника средств к существованию только лишь по причине того, что искусство продавать товар и находить покупателей — обрати внимание: я говорю это наме-

ренно, у меня есть личный опыт в этом деле... так вот, повторяю: лишь потому, что это искусство вырождается и нет желания заниматься торговлей...

— Джером, да послушай же меня! — вскипел Мори. — Я-то ведь предлагаю тебе перейти в наступление! — Папина бровь поехала вверх, а Мори продолжил: — Теперь вы, Роузены, можете и дальше производить всякие электронные хреновины, какие только душа пожелает, но я знаю прекрасно, что цены на них продолжают падать, и это — факт! Нам ведь что нужно? Просто-напросто взбодрить рынок, подсунуть что-нибудь новенькое. Ведь тот же Хаммерштейн не дремлет. Он шлепает свои тональные органы. Вот их-то народ и хватает, весь рынок забит ими до отказа. Эта фирма полностью контролирует его, и нам туда не протиснуться! А теперь послушай, что я хочу предложить.

Подняв руки вверх, папа включил свой слуховой аппарат.

— Спасибо, Джером, — сказал Мори. — Вот это — электронный симулакр Эдвина Стентона. Он настолько хорош, что кажется, будто живой Стентон пришел к нам на чашечку кофе поболтать о всяких разностях. У меня грандиозная идея: вы только представьте себе, как их станут раскупать для учебных целей. Школы, например! Но это еще цветочки. Сначала я только это предполагал, но настоящая-то торговля вот на чем будет стоять. Слушайте! Мы предлагаем президенту Мендосе в Капитолии упразднить статью расходов на вооружение. Взамен ее на протяжении десяти лет будет отмечаться юбилей Гражданской войны, а наша задача будет вот какой: фабрика Роузена поставляет всех участников сражений — это будут симулакры. Слово-то само латинское. Вы уловили? ВСЕХ, слышите? ВСЕХ! Линкольна, Стентона, Джефа Дэвса, Роберта Ли, Лонгстрита, а также около трех миллионов простых солдат. Вот вам и настоящая война — сделанные на заказ симулакры, рвущиеся в клочья на минах и снарядах. Вместо киношек невысокого пошиба, где ставят Шекспира на уровне любительского шалмана. Вы меня поняли? Чувствуете, какой размах?

Мы все дружно молчали. «Это точно, — думал я, — что-что, а размах присутствует...»

— Мы сможем разрастись до масштабов «Дженерал электрик» за какие-нибудь пять лет! — вопил Мори.

Папа смотрел на него пристально, попыхивая сигарой:

— Не знаю, Морис, не знаю... — качал он головой.

— Почему нет? Джером, ну, скажите мне, чем это вас не устраивает?!

— Быть может, это времена довели тебя до крайности, — тихо, утомленно проговорил мой отец, — а может, я просто старею...

— Да, вы стареете! — покраснев, заметил Мори.

— Может быть, это и так, Морис, — папа немного помолчал, а потом поднялся и произнес: — Нет, в твоей идее слишком много... тщеславия, Морис. Мы не гиганты, и нам не следует возноситься слишком высоко, ведь оттуда можно и упасть, nicht wahr?

— Только не надо говорить со мной на этом идиотском языке! — буркнул Мори. — Если вы не одобрите... я уже слишком далеко зашел. Вы уж простите, но я продолжу. В прошлом у меня была масса прекрасных идей, которые мы использовали, и это — пока что лучшая из них. Время настало, Джером. Нам надо ПОШЕВЕЛИВАТЬСЯ.

— Тем хуже для него, — сделал вывод мой папа, покуривая сигару.

Глава 3

Все еще надеясь склонить моего отца на свою сторону, Мори оставил симулакр Стентона, так сказать, на хранение, и мы двинулись обратно в Онтарио. Было уже около полуночи. Мозги у нас расползлись в разные стороны от сегодняшней нервотрепки и напряга. Особенно расклеился Мори. Он ведь желал видеть, что его новую «игрушку» встретят с энтузиазмом первых полярников. Всю обратную дорогу мы молчали. Наконец Мори предложил мне переночевать у него. Я с удовольствием согласился. Честно, не хотелось оставаться сейчас одному.

Дома у Мори нас поджидала его дочка Прис: я думал, что она все еще томится в клинике им. Кэзэнина, что в Канзас-Сити. Ее отправили туда по распоряжению Бюро психического контроля. Мори говорил мне, что Прис находится под опекой правительства с третьего класса средней школы. Тесты, проводимые обычно в госшколах, выявили у нее, как сейчас называют это психиатры, «динамизм характеропатии» — проще говоря, шизофрению.

— Она встряхнет тебя, — убеждал меня Мори, когда я стал упираться. — Нам с тобой именно это и нужно. С тех пор, как ты видел ее в последний раз, она круто изменилась. Это уже не ребенок. Пошли! — И он затащил меня в дом.

Прис сидела на полу гостиной, на ней были надеты розовые штанишки для езды на велосипеде. Волосы коротко острижe-

ны. Она сильно похудела с последней нашей встречи. Кругом был разбросан цветной кафель, она колола его на куски неправильной формы громадными щипцами.

— Пойдемте, посмотрим в ванной, — с ходу предложила она, вскочив на ноги. Я с опаской последовал за ней.

На стенах ванной комнаты Прис сделала наброски всевозможных морских чудищ и рыб, имелась даже русалка. Кое-что Прис уже выложила кусочками кафеля разных оттенков. К примеру, соски у русалки — из красного кафеля, по одному яркому осколку на каждой груди.

Все это художество произвело на меня двойственное впечатление: оно ошарашило, но в то же время и заинтересовало.

— Почему бы не прикрепить в качестве сосков маленькие лампочки? — спросил я. — Когда кому-нибудь приспичит по нужде, он повернется на свет, соски загорятся и укажут путь.

Несомненно, кафельная оргия была прямым следствием долгих лет трудотерапии в клинике: психиатры прямо-таки помешаны на всевозможном творчестве. У правительства масса клиник по всей стране, а в них — десятки тысяч пациентов. И все они заняты кто плетением, кто живописью или танцами, кто делает ювелирные украшения или переплетает книги, а кто костюмы для спектаклей шьет. И все они засунуты туда по воле закона. Подобно Прис, многих ущучили в период полового созревания — ведь именно тогда, как правило, и проклевывается психоз.

Может быть, у Прис крыша и встала на место, иначе ее никогда бы не выпустили за стены клиники. Но, с моей точки зрения, ей ещё явно далеко до нормального состояния. Возвращаясь с ней в гостиную, я рассмотрел ее поближе: жесткое, маленькое, сердцевидное личико, увенчанное траурной вуалью черных волос. Эксцентричный грим — глаза обведены черным, помада кричащая, кроваво-красного тона. Лицо напоминало маску арлекина и от этого казалось застывше-ирреальным. Прис словно бы спрятала свою истинную внешность за маской, которую создала на собственном лице. Худоба тела усиливала впечатление: танец смерти, да и только. Мертвец оживлен каким-то сверхъестественным образом, правда, не похоже, что путем обычного приема пищи... возможно, она жевала исключительно скорлупу грецких орехов. Но, как бы то ни было, с определенной точки зрения смотрелась девчонка неплохо, как бы странно это ни звучало. Однако, по-моему, даже у Стентона вид куда более бодрящий, чем у нее.

— Золотце, — обратился к ней Мори, — мы пока оставили Стентона в доме папы Льюиса.

Бросив на него быстрый взгляд, Прис спросила:

— Оно выключено? — Ее глаза полыхнули диким пламенем, испугавшим и поразившим меня.

— Прис, — проговорил я, — ребята из Бюро психического контроля протерли, наверное, себе ладони до дыр, когда доводили тебя до ума.

Надо же, какой ты стала красоткой, да к тому ж еще и выздоровела.

— Спасибо, — вяло отреагировала она. Надо заметить, что и в прежние времена голос ее не отличался жизненным буйством, что бы она ни говорила, даже если ситуация была критической. Таким он и остался.

— Разбери постель, — попросил я Мори, — чтобы я смог в нее плюхнуться.

Мы вместе расправили кровать в комнате для гостей, набросав простыней, одеял и подушек. Девчонка даже не шелохнулась, чтобы помочь. Она осталась в гостиной, раскалывая кафель.

— Долго она уже трудится над этой фреской в ванной? — спросил я.

— С тех пор, как вернулась из клиники. Пару недель сразу по приезде ей надо было появляться в психиатрической службе у нас в округе. Сейчас она пока еще на испытательном сроке и лечится амбулаторно. Можно сказать, что ее дали нам взаймы.

— Ей лучше или хуже?

— Намного хуже. Никогда я не говорил тебе, насколько плоха она была в школе, еще до того, как они засекли это с помощью своего теста. Можешь мне поверить, я благодарен Богу, что существует закон Макхестона. Если б они вовремя ее не прихватили, и болезнь продолжала развиваться, то сегодня она бы уже стала стопроцентным шизоидом. Естественно, под замком в бараке для безнадежных.

— Она так странно выглядит... — заметил я.

— А что ты думаешь о ее кафельной мозаике?

— Дом твой она точно не украсит.

— А я считаю иначе, — ощетинился Мори.

В дверях гостиной возникла Прис и каркнула:

— Я ведь, кажется, спросила: ОНО ВЫКЛЮЧЕНО? — Девчонка сердито смотрела на нас, будто догадываясь, что мы только что обсуждали ее.

— Да, — ответил Мори. — Если Джером снова не включит ЕГО, чтоб потолковать о Спинозе.

— Неужели ОНО и Спинозу знает? — спросил я. — В НЕГО что, заложена куча лишних, никому не нужных фактов? Если нет, то интереса у моего папы к ШТУКЕ ненадолго хватит.

— ОНО знает все, что знал подлинный Стентон. Мы тщательно поковырялись в его жизни...

Я не выдержал и выгнал их обоих из спальни. Разделся и улегся в постель. Вскоре я услышал, как Мори пожелал дочке спокойной ночи и ушел к себе. А потом единственным звуком, царящим в темном доме, был, как я и предполагал, треск разбиваемого кафеля.

Битый час я вертелся, пытаясь уснуть. Порой забывался неглубоким сном, из объятий которого меня безжалостно возвращал к действительности несмолкаемый треск. Наконец я встал, включил свет, опять оделся, пригладил волосы, проскреб слипающиеся глаза и вышел из спальни. Прис сидела в той же позе, в какой я впервые в этот вечер увидел ее. Словно йог. Вокруг нее возвышалась здоровенная куча колотого кафеля.

— Этот грохот мешает мне уснуть, — хмуро сообщил я.

— Очень плохо. — Она даже не взглянула на меня.

— Я гость.

— Идите куда-нибудь в другое место.

— Нетрудно понять значение этих щипцов: ты символически кастрируешь самцов, тысячи и тысячи, одного за другим, — заметил я. — Ты что, только ради этого и покинула клинику? Ради того, чтоб сидеть здесь всю ночь и орудовать щипцами?

— Отнюдь. Я ищу работу.

— Чем же ты собираешься заняться? Рынок труда насыщен до отказа.

— У меня на этот счет особых опасений нет. Таких, как я, в целом мире считанные единицы. Я уже получила предложение от компании, занимающейся проблемами эмиграции. Там огромное количество сложнейшей статистической работы.

— Значит, кто-нибудь вроде тебя, — спросил я, — решает, кто из нас может покинуть Землю?

— Я отказалась. Хороша перспективка — стать еще одним бюрократом. Кстати, вы когда-нибудь слышали о Сэме Берроузе?

— Никогда, — ответил я, однако это имя показалось мне до боли знакомым.

— В журнале «Лайф» о нем статья. Когда ему было двадцать, он вставал в пять утра, съедал чашку моченого чернослива, пробегал две мили по улицам Сиэтла, потом возвращался к себе побриться и принять холодный душ. После чего уходил из дому, чтобы штудировать юридические книги.

— Ах, он юрист...— Я подпустил в голос изрядную порцию сарказма.

— Не только,— пояснила Прис.— Поищите-ка в книжном шкафу, там где-то должен быть экземпляр журнала.

— Зачем мне это? — возразил я, однако направился к шкафу за журналом.

И правда, на цветной обложке изображен человек. Надпись гласила:

СЭМ К. БЕРРОУЗ,
САМЫЙ ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ МУЛЬТИМИЛЛИОНЕР
АМЕРИКИ.

Журнал сравнительно свежий. И, конечно же, вон он, Сэм, собственной персоной, бежит трусцой по одной из улиц деловой части Сиэтла. В шортах цвета хаки и сером спортивном свитере. Похоже, был как раз тот самый хваленый рассвет нового дня, парень с блестящей, гладко выбритой головой, глаза — крохотные, лишенные выражения, как угольки на физиономии снежной бабы. Взгляд абсолютно бесчувственный и тупой. Лишь на нижней половине лица, кажется, ухмылка.

— Вы видели его по телевидению? — спросила Прис.

— Да, — ответил я, — видел. Сейчас вспомнил. Тогда этот молодчик произвел на меня неприятное впечатление. У него какой-то бесцветный, механический голос... Он стоял вплотную к репортеру, склонившись над ним, и что-то очень быстро бормотал.— Я помедлил немного, а потом спросил: — Тебе взбрело в голову работать у него?

— Сэм Берроуз, — ответила Прис, — величайший из существующих в природе торговцев территориями, пригодными для заселения. Подумайте сами.

— Вероятно, поэтому мы так стремительно нищаем,— заметил я. — Все агенты по продаже недвижимости разоряются, так как им нечем торговать. Всюду одни только люди — и некуда их деть.

И тут я вспомнил.

Берроуз решил проблему торговли недвижимостью. Путем хитроумных юридических ходов он умудрился склонить правительство Штатов разрешить частную торговлю землей на других планетах. Сэм Берроуз один, без посторонней помощи дал зеленую улицу мелким акционерам на Луну, Марс или Венеру. Его имя теперь навечно занесено в анналы истории.

— Значит, вот он, человек, на которого ты хочешь работать,— проворчал я. — Человек, протянувший лапы к чистым,

незагаженным мирам. Его подручные, не вынимая своих задниц из конторских кресел, распродали красочно разрекламированные участки на Луне.

— «Лапы. Незагаженные миры», — передразнила меня Прис. — Прямо-таки манифесты составляй с твоих слов. Для собраний домохозяек.

— Однако это правда, — заметил я. — Послушай, как ты думаешь использовать землю, если уже приобрела ее? Как ты на ней собираешься жить? Ни воды, ни воздуха, ни тепла, ни...

— Их обеспечат, — заявила Прис.

— Каким образом?

— Именно это и делает Берроуза великим человеком, — торжественно проговорила Прис. — Его мечта. «Берроуз энтерпрайзис» работает круглые сутки.

Повисла напряженная тишина.

— Ты когда-нибудь лично говорила с Берроузом? — спросил я. — Ведь одно дело иметь кумира: ты молоденькая девушка и, естественно, тащишься от парня, что глядит королем с обложек и экранов. К тому же он богат и без посторонней помощи открыл Луну для ростовщиков и спекулянтов. Но ты ведь о работе говорила.

Прис ответила:

— Я обратилась в одну из его компаний. И сказала им, что хочу видеть Берроуза лично.

— Они небось вдоволь посмеялись.

— Нет, почему же. Направили в его офис, он там был и уделил мне целую минуту своего времени. Потом, разумеется, вернулся к неотложным делам. А меня отослали в офис начальника отдела кадров.

— И что ты успела наплести ему в течение отпущенной минуты?

— Я смотрела на него, а он — на меня. Вы никогда не видели, каков он на самом деле. Он невероятно хорош собой.

— Судя по телевизионной передаче, он похож на жабу,— усмехнулся я.

Прис пропустила комментарий мимо ушей и продолжала:

— Я предложила ему отсеить бездельников. Ни один пожиратель чужого времени не смог бы пройти мимо меня, если б я служила его секретаршей. Я умею быть жесткой, когда надо. Но кого-нибудь с дельным предложением не выставлю за дверь. Видите, я всяко могу. Вы понимаете?

— А письма ты умеешь вскрывать? — спросил я.

— У них для этого есть машины.

— Вот твой отец умеет. В этом заключается его работа у нас.

— Именно поэтому у вас я никогда не буду работать, — огрызнулась Прис. — Потому что вы ничтожно мелки. Вы существуете где-то по ту сторону нуля. Нет, я не умею вскрывать письма. Меня не устраивает глупая, рутинная работа. Я скажу вам, что могу делать. Симулакр Стентона — моя идея.

Я почувствовал себя так, будто у меня прямо посреди улицы свалились штаны.

— Мори до этого никогда не додуматься, — продолжила Прис. — Вот Банди — гений. У него наитие свыше. Но это — гениальность идиота. От его талантливой думалки остались одни руины. Я задумала «Стентона», а он создал его, и это — успех. Вы сами видели ЭТО. Мне все равно, поверят мне или нет. Я получила огромное удовольствие. Это была игра. Нечто, как сейчас... — Она сделала неопределенный жест, имея в виду, наверное, свою возню с кафелем. — Творческий акт, — добавила она.

— А что же делал Мори? Завязывал шнурки для ботинок?

— Мори был организатором. Он нас снабжал.

В меня закралось отвратительное чувство, что все ее слова чистейшая правда. Естественно, я мог спросить и у Мори. И еще — непохоже, что эта девчонка умеет лгать. Она практически полная противоположность отца. Быть может, унаследовала это от матери, которую я, к сожалению, никогда не видел. Они с Мори разошлись задолго до того, как мы с ним встретились и стали партнерами.

— Как продвигается твое амбулаторное лечение? — решил я сменить тему.

— Хорошо. А как ваше?

— Мне оно не нужно, — оторопел я.

— А вот здесь вы не правы. Вы серьезно больны, совсем как я. — Она улыбнулась. — Факты налицо.

— Слушай, перестань греметь! Я тогда спокойно отправлюсь спать.

— Нет, — ответила она. — Хочу закончить спрута сегодня ночью.

— Если я не усну, то свалюсь замертво.

— Ну и что?

— Ну, пожалуйста, — взмолился я.

— Еще два часа, — бесстрастно ответила Прис.

— Они что, все такие же, как ты? — спросил я. — Люди, что выходят из федеральных клиник? Юнцы, возвращающиеся на стезю свою? Неудивительно, что у нас сложности с продажей органов.

— Каких еще органов? — спросила Прис. — Лично я получила все органы, какие хотела иметь.

— Наши электронные...

— А мои — нет. Мои — из плоти и крови.

— Ну и что! — разозлился я. — Лучше б они были электронными и ты залезла бы в постель, и дала гостю нормально выспаться.

— Вы не мой гость. Точнее, вы — гость моего отца. И не говорите со мной о постели, а не то я устрою вам головную боль. Скажу отцу, что вы приставали ко мне. И это будет концом «Ассоциации САСА». Тогда вы возжаждете, чтоб вам никогда больше не довелось лицезреть орган любой разновидности, электронный он или нет. Значит так: вали-ка ты в кроватку, приятель, и скажи спасибо, что главная твоя неприятность пока — бессонница. — И она снова защелкала щипцами.

На мгновение я застыл, соображая, что делать. Потом повернулся и потащился в комнату, не найдя подходящих слов для маленькой мерзавки.

«Боже мой, — думал я, — рядом с ней железяка-Стентон — само дружелюбие и сердечность».

И все же, невзирая на колючую холодность слов и отчужденный взгляд, Прис вряд ли меня ненавидела. Скорее всего, она сама не поняла, что наговорила гадостей — просто-напросто выпалила первое, пришедшее на ум, и снова занялась своим делом. С ее точки зрения ничего не случилось. Если б Прис действительно невзлюбила меня... Но могла ли она? Была ли на это способна? Ха! Способна! Думаю, такое словечко к ней вообще вряд ли применимо. Будет лучше, если я запру дверь спальни. Какой-нибудь святоша по глупости душевной, может, и решил бы: «Прис меня невзлюбила». Но только не я! Быть прирезанным в кровати просто потому, что я неинтересен, потому, что чокнутой девке надо закончить работу? Нет уж. Не желаю быть разновидностью неудобства, раздражающей помехой для припадочной.

Я прикидывал так и эдак и решил, что Прис, должно быть, видит лишь внешнюю сущность людей, небогатую содержанием. Наверное, она судит о них лишь с точки зрения пациентки психбольницы. Способ рассуждения прост, как грабли: «Станут меня принуждать или не станут». Погруженный в невеселые раздумья, я лежал, одно ухо прижимая к подушке, а другое — прикрыв рукой, одуревая от несмолкающей какофонии звуков колющегося кафеля, уходящей в бесконечность.

Теперь понятно, почему они с Сэмом Берроузом так быстро снюхались. Одного поля ягоды, или, вернее, одного боло-

та жабы. Я видел его в телешоу, а теперь вновь лицезрел на обложке журнала... У меня родился фантазм, замысловатый глюк: мозг Берроуза, бритый свод его черепа отсечен, а затем искусно заменен некой сервосистемой или контуром с обратной связью. И все это — с дистанционным управлением. Или же оно управлялось КЕМ-ТО, сидящим наверху, у контрольного пульта, конвульсивно щелкающим выключателями...

Кстати, об электронике. Просто удивительно, как могла придурковатая девчушка создать чуть ли не самое привлекательное электронное устройство? А вдруг где-нибудь на уровне подсознания она полностью ощущает свою ущербность, понимает, что внутри нее существует крупный недостаток — мертвая точка пустоты. И пытается его компенсировать...

На следующее утро мы с Мори завтракали в маленьком кафе недалеко от здания САСА. Только мы уселись друг против друга поперек этой забегаловки, я решил утрясти ряд вопросов:

— Скажи-ка мне, приятель, насколько больна твоя дочь в данный момент? Если Прис все еще под опекой психслужбы, то она должна быть...

— Такое состояние, как у нее, — неизлечимо, — ответствовал Мори, потягивая апельсиновый сок. — Это тянется всю жизнь. Болезнь может регрессировать, но может и усиливаться, переходя в более сложные стадии.

— А что, если они прогонят ее по тесту Бенджамена? Она попадет под закон Макхестона?

Мори покачал головой:

— Теперь они используют прибамбасы русских — тест Выгодского—Лурье с цветными кубиками. Ты даже не представляешь себе, как рано у девочки всплыла эта гадость. Можно сказать, что, покинув материнское лоно, она покинула и «норму».

— В школе я тоже проходил тест Бенджамена, — заметил я. — Тогда всех скопом загоняли тестироваться. Без обследования — никуда.

— Все правильно, — продолжил Мори, — если сделать вывод из того, что мне наговорили в клинике, то получается, будто сейчас ее нельзя считать шизофреничкой. Дурь крутилась у нее в голове где-то на протяжении трех лет. Им удалось привести ее в состояние, какое было у Прис примерно в двенадцать лет. А это уже не шиза. Значит, она не попадает под закон Макхестона — следовательно, может преспокойно разгуливать на свободе.

— Выходит, у нее невроз.

— Нет, они назвали это нетипичным или же латентным развитием. В сущности, пограничное психозу состояние. Оно мо-

жет поплыть или в сторону невроза с навязчивой идеей, или же расцвести пышным цветом глубокого маразма, что и случилось с Прис на третий год в школе.

За завтраком Мори прочитал мне обширную лекцию по теории и практике треснутых мозгов, прямо как яйцеголовый из психушки. Сначала, мол, Прис росла замкнутой, ни черта из нее было не вытащить — специалисты называют таких детей «закапсулированными» или интровертными. У Прис сплошь и рядом были одни секреты и тайны — личный дневник, личные укромные местечки в саду. В девять лет у нее появились ночные страхи. К десяти годам они превратились в настоящие фобии, и девочка большую часть ночи бродила по дому. В одиннадцать Прис увлеклась наукой: приобрела химический набор и после уроков только им и играла. У нее совсем не было друзей, да и не похоже, что она в них нуждалась.

Подлинный кошмар начался в школе. Прис боялась входить в большие общественные помещения. Например, классные комнаты. Даже автобус внушал ей ужас. Когда со скрежетом закрывались дверцы, ей начинало казаться, что она задыхается. А еще Прис не могла есть на людях. Даже если один-единственный человек смотрел на нее, этого было достаточно. Она пряталась где-нибудь в укромном месте, как дикое животное, и там съедала свой обед. В то же время она стала преувеличенно аккуратной: каждая вещь должна была находиться в строго отведенном месте. Целыми днями девчонка без устали буквально вылизывала дом и мыла руки по десять раз на дню.

— Помню, — рассказывал Мори, — как ужасно она растолстела. Когда ты впервые увидел ее, Прис увлеклась всякими диетами, морила себя голодом, чтоб только сбросить вес. И отчаянно худела. Она даже сейчас никогда не ест больше одного блюда.

— Ты все ведешь к тому, что, если б ни тест Бенджамена, ты так и не въехал бы, больна девчонка или нет?! — спросил я. — После всего, что ты мне тут накрутил?

Он пожал плечами:

— Мы лгали сами себе. Мы хотели верить, что у нее всего лишь невроз. Страхи, невротические ритуалы и все такое прочее... И верили, черт возьми!

Больше всего Мори беспокоило то, что у дочери как-то незаметно пропало чувство юмора. Когда-то она была смешливой доброй глупышкой, а сейчас превратилась в ходячее подобие счетной машины. Когда-то она любила животных и возилась с ними, а после лечения в Канзас-Сити резко невзлюбила кошек

и собак. Единственное, что осталось без видимых изменений — ее увлечение химией. Мори был доволен. Ведь Прис хоть как-то сумела приобрести профессию.

— Ну а что же амбулаторная терапия? Она ей помогает сейчас?

— Она не позволяет Прис скатиться обратно. Однако есть вещи уже необратимые. Прис все время балансирует на грани полного депресняка. И слишком часто моет руки. Девочка продолжает оставаться сверхточной и замкнутой. Могу сказать тебе, как они это называют: шизоидный тип личности. Я видел результаты теста, который проводил доктор Хорстовски. — Тут Мори немного помолчал, потом продолжил: — У него она проходит амбулаторный курс лечения. Кажется, он неплохой врач, имеет частную практику, поэтому нам это влетает в копеечку.

— Множество народа тратится теперь на лекарей, — заметил я. — Если верить телевидению, ты не один такой. Просто наваждение какое-то! Получается, каждый четвертый человек отмотал срок в дурке?!

— Подожди ты со статистикой! Я имею в виду не федеральное лечение, ведь оно бесплатное. Речь идет про амбулаторное наблюдение. Это ведь идея Прис, не моя — вернуться домой из клиники. Я полагал, что девочка погостит дома и вернется, однако она с ходу впряглась в работу по моделированию Стентона. А вечерами шурует с мозаикой в ванной. Девчонка постоянно в действии. Откуда только силы берутся...

Я вздохнул:

— Как вспомнишь, сколько знакомых уже угодили в психушку, волосы на голове начинают шевелиться. Моя тетя Гретхен лежит сейчас в «Гарри Стек Салливан клиник», в Сан-Диего. Мой кузен Лео Роггис тоже залетел. Учитель английского в средней школе, старина Хаскинс — оставил мозги в пиццерии. Бедолага-итальянец, живший на нашей улице, Джордж Оливьери — он ведь даже пенсию не успел себе пробить. Помню своего армейского дружка, Арта Боулза — крыша у него съехала капитально, и его отправили в клинику Фромма—Райхманна в Рочестере, штат Нью-Йорк. Потом, Элис Джонсон. Однокурсница из колледжа. Торчит сейчас в клинике имени Сэмюэля Андерсона, в Третьей зоне, в Батон-Руж. Парень, с которым я начинал работать, Эд Йетс — теперь законченный параноик. А Уолдо Денджерфилд, еще один мой приятель? Глория Мильштейн, давняя подружка, с такими сиськами, что любой мужик из штанов выпрыгнет?.. Бог знает, где она сейчас. Ее повязали, когда она хотела устроиться машинисткой и проходила психотест для персонала. Налетела федеральная служба, прихватила —

и пиши пропало. А ведь она была клевой телкой... И Мардж Моррисон, еще одна моя знакомая: у нее гебефрения. Правда, она-то, по-моему, сумела выкарабкаться. Даже открытку мне, помнится, прислала. А Боб Экерс, товарищ по общаге? А Эдди Вейсс? Проклятье, всех и не перечислишь...

Мори тяжело поднялся на ноги.

— Давай лучше пойдем.

Мы вместе вышли из кафе. Я спросил:

— Ты знаком с Сэмом Берроузом?

— Лично — нет. Но наслышан изрядно. Вот уж кто точно долбанутый! Ему глубоко плевать на всех. Если одна из его дамочек, — а это вообще отдельная история, — так вот, если одна из его дамочек сиганет из окна отеля, он будет биться об заклад, каким концом она хрястнется на асфальт: головой или задницей. Берроуз своего рода новая инкарнация одного из финансовых заправил былых времен. Для такого парня, как он, жизнь — азартная игра. Можно даже сказать, что я от него в восторге.

— Прис тоже.

— Да, она обожает его. Представляешь, она с ним встречалась! Они пытались заставить друг друга опустить глаза — это было круто! Он прямо-таки околдовал ее. Она потом недели две с трудом могла разговаривать.

— Это случилось тогда, когда она искала работу?

Мори кивнул.

— Работу не получила, но зато побывала в святая святых. Льюис, этот парень способен раскопать лазейки к таким неограниченным возможностям, какие другой не сыщет и за миллион лет. Ты можешь как-нибудь заглянуть в «Фортуну»: месяцев десять назад они дали о нем большой материал.

— Судя по тому, что она мне рассказала, Прис устроила ему в тот день цирк по полной программе.

— Она наплела ему, что представляет собой невероятную ценность, этакий непонятый гений. И Сэм Берроуз просто обязан, наконец, раскрыть ее талант. Девчонка нарисовала захватывающую картину своей карьеры у Сэма: головокружительный взлет и популярность чуть ли не на всю Вселенную. Короче говоря, она была в своем репертуаре. Прис сообщила ему, что она тоже человек азартный. И хотела бы рискнуть всем, чтобы попасть к Сэму. Что ты на это скажешь?

— Ничего, — ответил я. Этого она мне не рассказывала.

Немного помолчав, Мори проговорил:

— Между прочим, симулакр — ее идея.

Значит, это правда! Веселенькое известие заставило мой желудок исполнить что-то типа фокстрота. Гнусное, скажу вам, состояние...

— А скопировать именно Стентона предложила она?

— Нет. Тут уж я постарался. Ей хотелось, чтобы ОН был похож на Сэма Берроуза. Однако мы не располагали достаточным количеством данных, чтобы ввести их в управляющую монадную систему. Поэтому нам пришлось поштудировать справочники исторического плана. Я всегда интересовался Гражданской войной. Поэтому вопрос решился именно таким образом.

— Понятно, — буркнул я.

— У девчонки один Берроуз на уме. Ее психоаналитик называет такие вещи навязчивыми идеями.

Мы отправились к офису «Ассоциации САСА».

Глава 4

Когда мы вошли, как раз звонил мой брат Честер, чтобы напомнить, что мы оставили Стентона в гостиной, и просил забрать ЕГО оттуда.

— Ладно, мы попытаемся выбраться к вам завтра, — пообещал я.

Честер бубнил сердито:

— ОНО сидит там же, где вы ЕГО оставили. Утром папа включил ЕГО на пару минут, чтобы послушать новости.

— Какие еще новости?

— Утренние известия, краткий обзор, как у Дэвида Бринкли.

Вот оно, значит, как: пораскинув мозгами, мое семейство все-таки решило, что я прав и что, в конце концов, ЭТО — не личность, а машина.

— Ну и что? — спросил я.

— А ничего, — ответил Честер, — ОНО что-то там болтало о сверхъестественной дерзости командиров в походе.

Когда я повесил трубку, Мори предложил:

— Может, Прис заберет ЕГО оттуда?

— А у нее есть машина?

— Она может взять «ягуар». Кстати, тебе лучше поехать с ней — а вдруг твой папаша все-таки заинтересуется?

Чуть попозже, днем, в конторе появилась Прис, и вскоре мы уже катили в Буаз.

Сначала мы молчали. Прис вела машину. И вдруг говорит:

— Нет ли у вас знакомых, кого бы заинтересовал Стентон?

Спросила, а сама так и буравит меня взглядом.

— Странный вопрос — конечно же нет.

— Скажите правду: зачем вы поехали со мной? Впрочем, я и так знаю, у вас это на лбу написано! Если б от меня зависело, я не подпустила бы вас к Стентону ближе чем на сто ярдов! — Так как она продолжала пялиться на меня, я понял, что продолжение вивисекции следует.

— Почему вы не женаты? — зашла с другого боку Прис.

— Не знаю...

— Вы что, гомик?

— Черт возьми, нет!

— Значит, девушка, за которой вы ухаживали, сочла вас уродом?

Я лишь тяжело вздохнул.

— Сколько вам лет?

Этого было более чем достаточно, а учитывая ее генеральную линию поведения, мне приходилось быть настороже. Я промурлыкал:

— Мммм...

— Сорок?

— Нет. Тридцать три.

— Однако волосы у вас на висках седеют, и еще такие смешные редкие зубы. Торчат в разные стороны!

Мне хотелось умереть.

— Какова ваша первая реакция на Стентона?

— Я подумал: до чего приятный пожилой джентльмен, — ответил я.

— Вы лжете, не так ли?

— Да!

— О чем вы думали тогда?

— Я думал: какой приятный пожилой джентльмен завернут в газеты!

Прис глубокомысленно заявила:

— Вероятно, вы помешаны на пожилых мужчинах. Вот почему вашему мнению грош цена!

— Послушай-ка, Прис, кое-кто соберется когда-нибудь с силами и вмажет тебе хорошенько по соплям! Поняла?

— Все, что вы можете — это кое-как держать в узде свою агрессию, не так ли? Не потому ли, что вы считаете себя неудачником? Возможно, вы слишком строги к себе. Расскажите мне лучше о своих детских фантазиях. О чем мечтали, чего хотели добиться. И я скажу вам...

— Никогда. Даже за миллион долларов!

— Они постыдны, да? — Прис продолжала настойчиво изучать меня. Я тихо закипал. — Занимались ли вы всякими гадкими сексуальными штучками, как это описывают книги по психиатрии?

Я почувствовал, что готов бежать без оглядки на край света.

— Очевидно, я коснулась болезненной темы, — со спокойствием палача продолжала Прис. — Ну что вы, не стесняйтесь! Вы ведь больше так не делаете, правда? Хотя мне кажется, что вы все еще можете... Вы ведь не женаты, нормальные сексуальные отдушины для вас недоступны... — Она решила обдумать это, потом сказала: — Хотела бы я знать, чем в сексуальном плане занимается Сэм?

— Сэм Фогель? Наш водитель? Он сейчас в Рино, штат Невада...

— Нет. Сэм Берроуз.

— Ты одержима, — вздохнул я. — Твои мысли, речи, возня с мозаикой, суета вокруг Стентона...

— Симулакр прекрасен.

— Что скажет о НЕМ твой психоаналитик?

— Хорстовски? Он давно уже знает. И мнение свое высказал.

— Интересно, что именно, — хмыкнул я. — Неужели он не отметил, что это попахивает самой настоящей манией?

— Нет, он согласился, что я должна заниматься каким-нибудь творчеством. Когда я рассказала ему о Стентоне, он поздравил меня и выразил надежду, что ЭТО сработает.

— Ты, наверное, наговорила ему там с три короба?

— Нет, только правду.

— О том, чтобы ПРОКРУТИТЬ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ С ПОМОЩЬЮ РОБОТОВ?!

— Да. Он похвалил оригинальность идеи.

— Господи Иисусе! — воскликнул я. — Они все помешанные!

— Все, — подтвердила Прис, неожиданно протянув руку и взъерошив мне волосы, — кроме тебя, дружочек. Верно?

У меня на некоторое время отнялся язык.

— Ты все так серьезно воспринимаешь, — нараспев произнесла Прис. — Расслабься и радуйся жизни. Ты относишься к так называемому «анальному типу». Главное для тебя — чувство долга. На этот раз ты должен позволить этим старым сфинктерам работать... посмотришь, как это ощущается. Тебе хочется быть плохим. Тайное желание всех людей анального типа. Они чувствуют, что должны выполнить свой долг. Именно поэтому они столь педантичны и постоянно подвержены сомнениям. Если у тебя возникли сомнения насчет...

— Нет у меня никаких сомнений, одно лишь ощущение абсолютного ужаса.

Прис рассмеялась.

— Да, смешно, — пробормотал я. — всепоглощающий ужас.

— И вовсе ты не ужас ощущаешь, — возразила Прис, — а всего лишь, самую малость естественной телесной похоти — чуть-чуть ко мне, чуть-чуть — к добыче, чуть-чуть — к могуществу и славе. — И она показала эту «малость» своими пальчиками, большим и указательным. — Примерно вот столечко — вот они какие, твои грандиозные, всепоглощающие эмоции. — И весьма довольная собой, Прис лениво взглянула на меня.

Машина неслась дальше.

В Буаз мы забрали симулакра, снова завернули его в газеты и погрузили в машину. Потом вернулись в Онтарио. Прис оставила меня в офисе. На обратном пути мы говорили очень мало: она замкнулась в себе, а я смотрел на нее с затаенной опаской и негодованием. Ее, похоже, забавляло мое смятение. Наученный горьким опытом, я был достаточно хитер, чтоб держать рот на замке.

Войдя в офис, я обнаружил там низенькую, пухлую темноволосую женщину в теплом жакете, ожидавшую меня.

— Мистер Роузен?

— Совершенно верно, — ответил я, больше всего на свете желая знать — не судебный ли она исполнитель...

— Меня зовут Колин Нилд, я работаю в конторе мистера Берроуза. Мистер Берроуз попросил меня заглянуть сюда и побеседовать с вами, если у вас найдется свободная минутка. — Голос у нее был низкий, говорила она нерешительно и вообще выглядела этакой бедной родственницей.

— Что угодно мистеру Берроузу? — осторожно осведомился я, указав ей на стул и усаживаясь напротив.

— Мистер Берроуз поручил мне сделать копию письма, подготовленного им для мисс Фрауенциммер и вручить ее вам. — Она протянула мне тоненькие, словно луковая чешуя, странички. Предо мной предстала не очень отчетливая копия чрезвычайно грамотно напечатанного письма. — Вы — семья Роузенов из Буаз, не так ли? Те самые, которые предлагают наладить производство симулакров?

Пробегая письмо взглядом, я заметил слово «Стентон», оно подозрительно часто повторялось. Берроуз отвечал на письмо Прис только потому, что ему надо было вообще хоть как-то

среагировать. Однако я никак не мог ухватить главную мысль — если там и присутствовали какие-то выводы, то в сильно разбавленном состоянии.

В конце концов мне удалось уловить направление.

Берроуз изначально неправильно понял Прис: он считал, что идея «прокрутить» Гражданскую войну с использованием симулакров, выпущенных нашей фабрикой в Буаз, всего лишь некое общественное мероприятие, благотворительный порыв идиотов по части усовершенствования системы школьного образования, а также попутного освоения пустующих земель. В общем, наша идея не показалась ему деловым предложением.

«Вот достойный ответ киношного кумира, — со злорадством думал я. — Выходит, как в воду глядел. Достойный отклик, ничего не скажешь: «Сэм Берроуз благодарит Прис за интересную идею и за то, что она нашла время и желание обратиться в организацию...» И далее сказано, что с подобными просьбами Берроузу надоедают ежедневно, а он уже по уши занят благотворительностью. Например, очень много времени он потратил на борьбу против сноса жилых застроек времен войны где-то в Орегоне... здесь письмо стало настолько смутным, что я совершенно потерял нить.

— Могу ли я оставить его себе? — спросил я у мисс Нилд.

— Конечно, пожалуйста. И, если у вас возникнет желание сделать комментарий — уверена, мистеру Берроузу будет интересно любое ваше мнение.

Я спросил:

— Давно вы работаете у Берроуза?

— Восемь лет, мистер Роузен, — произнесла она голосом, полным счастья.

— Он и в самом деле миллионер, как пишут в газетах?

— Я полагаю, что да, мистер Роузен. — Ее карие глаза, увеличенные линзами очков, сияли.

— Он хорошо обращается со своими сотрудниками?

Ничего не ответив, она просто улыбнулась.

— А что это за проект жилой застройки, ну, знаете, его все называют «Хохма для простаков», о котором Берроуз говорит в письме?

— На самом деле это называется «Холмы доброй надежды»: один из гигантских проектов многоэтажной застройки на северо-западном побережье Тихого океана. Кстати, мистер Берроуз всегда называет его так, как только что назвали вы. Хотя первоначально это была оскорбительная кличка, придуманная людьми, жаждущими снести этот жилой район. И вот в итоге мистер Бер-

роуз позаимствовал это смешное название. Для того чтобы защитить живущих там людей, чтоб они не чувствовали себя так, словно всем плевать на них. И они это ценят очень высоко. Прислали петицию, в которой благодарят его за блокирование процедуры сноса. Под ней подписались почти две тысячи человек.

— Значит, люди не хотят, чтоб их дома сносили?

— О да! Они истово преданы родному району. Группа благотворителей давно крутится там, лишь бы найти предлог и сунуть нос не в свое дело. В основном — глупые бездельники и истеричные домохозяйки. Да парочка проходимцев, которым не терпится нагреть на этом руки. Они бы с удовольствием использовали территорию под загородный клуб или еще что-нибудь в таком же духе. Их группа называется «Лучший дом Северо-Запада». Возглавляет его миссис Деворак.

Я вспомнил, что читал о ней в орегонских газетах. Миссис Деворак — не в меру озабоченная дамочка — принадлежала к верхушке шикарного общества, ее фотографии регулярно появлялись на первой странице раздела светской хроники.

— Почему Берроуз хочет спасти эту полосу застройки? — поинтересовался я.

— Он приходит в ярость от одной мысли, что граждане Америки ущемляются в своих правах. Большинство из них — беднейшие люди. Им некуда деться. Мистер Берроуз прекрасно понимает, каково им, — он сам долгие годы жил в меблирашках... Вы знаете, ведь у его семьи денег не больше, чем у любого другого небогатого человека. Он заработал свой капитал самостоятельно, тяжкими усилиями и изнурительной работой добился положения в обществе.

— Да, мы наслышаны об этом, — ответил я. Кажется, она ждала продолжения, поэтому добавил: — Как мило с его стороны — все еще отождествлять себя с рабочим классом, несмотря на миллионы...

— Большая часть состояния мистера Берроуза сделана на недвижимости, поэтому он прекрасно осознает проблемы, с которыми сталкиваются люди в борьбе за приличное жилье. Для светской дамы, такой как Сильвия Деворак, «Хохма для простаков» — всего лишь скопище уродливых развалюх. Никто из них, «благодетелей», никогда не переступал порог подобного дома — им никогда не придет в голову сделать это.

— Знаете, — изрек я, — услышав такое о мистере Берроузе, я надолго проникся ощущением, что нашей цивилизации упадок не грозит.

Она улыбнулась — тепло и дружески.

— А что вам известно о симулакре Стентона? — задал я ей вопрос.

— Знаю, что один у вас уже готов. Мисс Фрауенциммер упоминала об этом мистеру Берроузу — письменно и по телефону. Помнится, мисс Фрауенциммер хотела также посадить симулакра в скоростной междугородный автобус «Грэйхаунд» и отправить его одного в Сиэтл, где в настоящее время находится мистер Берроуз. Это наглядно бы продемонстрировало ЕГО возможность сливаться с толпой, оставаясь незамеченным.

— Если не обращать внимания на смешную раздвоенную бороду и старомодную одежду.

— Я об этом не знала.

— Возможно, симулакр мог бы поскандалить с водителем насчет кратчайшего пути до конторы мистера Берроуза, — предположил я,— это стало бы дополнительным доказательством его человекоподобности.

Колин Нилд согласно кивнула:

— Я сообщу об этом мистеру Берроузу.

— Вам известен электронный орган Роузена, а может, приходилось видеть наши спинеты?

— Не уверена...

— Фабрика Роузенов выпускает лучшие из существующих в настоящее время электронные органы. Они несравнимо совершеннее тонального органа Хаммерштейна, звучание которого — только рев, напоминающий настоящую органную музыку не более, чем сливаемая в унитазе вода.

— Об этом я тоже ничего не знала, — заметила мисс Нилд, — я сообщу об этом мистеру Берроузу. Он всегда любил музыку.

Я продолжал вчитываться в письмо Берроуза, когда вернулся из кафе мой партнер. Я показал письмо.

— Берроуз откликнулся, — проговорил он, усаживаясь поудобнее, чтоб углубиться в изучение клочка бумаги. — Может статься, мы попали в яблочко, Льюис. Надеюсь, это не очередной фортель глупышки Прис. Черт, за этим парнем трудно угнаться. Что он говорит, есть у него интерес к Стентону или нет?

— По-моему, Берроуз сейчас весь в хлопотах насчет своего излюбленного проекта. Полоса жилой застройки, ну, знаешь, ее еще называют «Хохмой для наивных».

— Я там жил, — сообщил Мори. — Лет пятнадцать назад, если не больше...

— Ну и как?

— Сущий ад! Эту мусорную кучу надо спалить до основания. Ничего, кроме горящей спички, ей уже не поможет.

— Есть добрые люди, вполне с тобой согласные.

Мори тихо произнес:

— Если им нужен человек, чтоб пустить хорошего петуха, то пожалуйста, я готов оказать им такую услугу лично. Ты можешь ссылаться на меня. Кстати, владеет этим местом твой любимый Сэм Берроуз.

— А...аа, — протянул я.

— Он стрижет капусту на арендной плате за дома. Сдача внаем трущоб — сегодня один из крутых источников дохода. Ты получаешь просто бешеную прибыль. Ладно, оставим это... Как бы то ни было, Берроуз остается серьезным бизнесменом и лучшей кандидатурой для поддержки производства симулакров, даже если он и богатый мошенник. Но ты, кажется, сказал, что он отклонил наше предложение?

— Можешь позвонить ему и убедиться. Кажется, Прис уже ему звонила.

Мори поднял трубку и принялся набирать номер.

— Подожди-ка, — попросил я.

Он свирепо взглянул на меня.

— У меня дурное предчувствие, — пояснил я.

Мори произнес в трубку:

— Мистер Берроуз!

Я отобрал у него телефон и положил трубку на место.

— Ты! — Его прямо-таки заколотило, так он разозлился. — Ты! Трус! — Мой партнер опять стал набирать номер. — Алло, девушка, меня прервали. — Потом оглянулся вокруг в поисках письма, там был указан номер телефона Сэма.

Я выхватил листок у него из-под носа, скатал в шарик и швырнул через всю комнату.

Выругавшись в мой адрес, Мори бросил трубку. Тяжело дыша, мы уставились друг на друга.

— Что с тобой происходит?! — поинтересовался Мори.

— Я считаю, что мы не должны связываться с таким человеком!

— С КАКИМ ЕЩЕ ТАКИМ?

— Когда Бог хочет кого-то покарать, он лишает его разума, — парировал я.

Эта стрела достигла цели: Мори был потрясен. Как-то по-птичьи вертя головой и глядя на меня, он промямлил:

— Что ты имеешь в виду? Думаешь, что я ненормальный, да? И место мое в дурдоме? Может, ты и прав. Но с Берроузом я все равно свяжусь! — Прошмыгнув мимо меня, он вцепился в

бумажный шарик, расправил его, разглядел телефон Сэма и, вернувшись к аппарату, снова заказал разговор.

— Вот нам и конец пришел, — вздохнул я.

Прошло несколько минут.

— Алло, — внезапно произнес Мори, — мне мистера Берроуза пожалуйста. Говорит Мори Рок из Онтарио. — Снова пауза. — Мистер Берроуз! Это Мори Рок. — На лице моего компаньона застыла идиотская ухмылка, он изогнулся, уперев локоть в бедро. — У меня здесь ваше письмо, сэр, вы написали его моей дочери, Прис Фрауенциммер... касательно нашего избретения. Я имею в виду электронный симулакр. Очаровательное воплощение военного министра Линкольна, Эдвина Стентона. — Пауза, в течение которой Мори тупо пялился на меня. — Вы заинтересованы, сэр? — Снова пауза, на этот раз подлиннее.

«У тебя ничего не выйдет, Мори», — подумал я.

— Мистер Берроуз! — горланил Мори. — Да, понимаю... Это правда, сэр. Однако лучше увидеть своими глазами, чем обсуждать... Конечно! Если вы что-то упустили из виду...

Разговор продолжался, казалось, бесконечность. Наконец Мори поблагодарил Берроуза, попрощался и повесил трубку.

— Не срослось?— предположил я.

Он глянул на меня сердито и устало:

— Угу.

— Что он сказал?

— То же, что и в письме. Он в упор не видит коммерческой выгоды. Думает, что мы — какая-то благотворительная фирма. — Мори прищурился, удрученно поводя головой: — «Не срослось», как ты изволил выразиться...

— Очень плохо.

— Может, это и к лучшему, — выдавил из себя Мори, только с такой безнадегой в голосе, словно бы и сам не верил в то, что говорит. Надо знать Мори! Чем больше в нем отчаяния, тем ближе он к безумным поступкам. Наверняка и теперь Мори выкинет какой-нибудь номер.

Я расстался с ним, снедаемый самыми гнусными предчувствиями.

Глава 5

В течение следующих двух недель мрачные предсказания Мори насчет краха электронного органа Роузена, кажется, подтвердились. Все наши люди, занимавшиеся доставкой то-

вара, докладывали, что инструменты практически не продаются. К тому же всплыл веселенький фактик, что ребята Хаммерштейна предлагают теперь один из своих тональных органов дешевле тысячи долларов за штуку. Естественно, в эту цену не входила ни стоимость перевозки, ни цена банкетки. Что и говорить, новости просто праздничные!

Тем временем присутствие Стентона в нашей конторе почти не ощущалось, хоть он и торчал там безвылазно. У Мори возникла идея сварганить что-то типа демонстрационного зала для уличной торговли и заставить Стентона рекламировать спинеты. Я разрешил ему пригласить подрядчика, чтоб переделать первый этаж фабрики. Работа началась, а Стентон бесцельно бродил наверху, помогая Мори разбирать почту и выслушивая его бесконечные тирады о том, как надо улучшать производство. Мори предложил симулакру сбрить бороду, и они немного повздорили. В результате мой партнер отказался от своей идеи, а Стентон продолжал, как и раньше, разгуливать с длинными седыми бакенбардами.

— Чуть погодя, — объяснял мне Мори, заведя в укромный уголок, подальше от ушей Стентона, — я собираюсь заставить ЕГО демонстрировать самого себя. Как раз сейчас заканчиваю инструкции для этого дела. — И он пояснил, что собирается ввести инструкции в управляющий контур Стентона. Таким образом, последний просто не сможет возражать, как это произошло в случае с бакенбардами.

Кроме конторской суеты и склок, Мори стряпал нового симулакра, приспособив под мастерскую гараж. И как-то раз, по-моему в четверг, мне было позволено впервые лицезреть детище праведных трудов.

— Кем это будет? — поинтересовался я, уныло обозревая ШТУКУ. ОНО состояло пока лишь из сплошной мешанины схем, переключателей и проводов. Все это хозяйство собрано на здоровенной монтажной панели. Банди был занят проверкой центрального узла-«думалки». Он всадил щуп вольтметра в самую гущу проводки, изучая показания шкалы.

— Это Авраам Линкольн.

— Ты рехнулся, парень!

— Отнюдь. Мне надо сделать нечто воистину грандиозное, чтобы потом взять с собой к Берроузу. Хочу навестить Сэма в следующем месяце.

— А, понятно, — промямлил я. — Ты мне об этом не говорил.

— Что ж, думаешь, я собираюсь втихую свинтить от тебя?

— Да нет, — отмахнулся я, — ты работу не бросишь. В конце концов, не законченная же ты сволочь...

— А мне вот кажется, что ты меня держишь за отпетого подлеца! — огрызнулся Мори.

На следующий день, после долгих угрюмых размышлений, я отыскал в справочнике телефон доктора Хорстовски. Кабинет психиатра, амбулаторно пользующего Прис, находился в одном из самых престижных районов Буаз. Я набрал номер и попросил встретиться со мной как можно скорее.

— Можно ли узнать ваши рекомендации? — осведомилась медсестра.

— Мисс Присцилла Фрауенциммер, — с отвращением выдавил я.

— Хорошо, мистер Роузен, доктор Хорстовски сможет принять вас завтра в тринадцать тридцать.

По идее, надо было сейчас мотаться, выпятив язык, в поисках новых заказчиков. Разработка маршрутов, равно как и помещение объявлений в прессе — мои прямые обязанности. Однако с тех пор, как Мори позвонил Сэму Берроузу, что-то со мной случилось...

Наверное, меня беспокоило состояние отца. С тех пор, как он увидел Стентона и обнаружил, что ЭТО — человекообразная машина, он заметно стал сдавать. Вместо того чтоб каждое утро ходить на фабрику, папа частенько оставался дома, в основном сидел, сгорбившись, в кресле перед телевизором. Когда мы с ним виделись последний раз, по лицу его блуждало странное выражение, похоже даже, он слегка повредился умом. Я сообщил об этом Мори.

— Несчастный старик! — посочувствовал тот. — Льюис, мне просто страшно говорить тебе об этом, но Джером сильно сдает.

— Я понимаю.

— Он больше не может участвовать в игре.

— Что же мне делать?

— Держи его подальше от конторских разборок. Посоветуйся с матерью и братом, вспомните, о каком хобби Джером всегда мечтал. Может, ему хотелось строить летающие модели аэропланов времен Первой мировой войны... Ради старика ты обязан подсуетиться, Льюис. Я прав, дружище?

Я кивнул.

— Здесь ведь есть и твоя доля вины, — заметил Мори. — Ты не заботился о нем должным образом. Человек с возрастом нуждается в поддержке — да, черт возьми, не о финансах речь, а именно о ДУХОВНОСТИ!

На следующий день я отправился в Буаз и в 13:20 остановил машину перед роскошным, модерновым зданием, в котором находился офис доктора Хорстовски.

Доктор встретил меня в холле. Я оказался лицом к лицу с человеком, чье телосложение весьма напоминало яйцо: круглое тело, такая же голова... Даже крохотные очки тоже оказались круглыми. Во всем его облике не было ни единой прямой линии, ни единого излома. Да и ходил он — словно бы перекатывался с места на место. Голос его был тоже каким-то округлым, плавным и мягким. Когда же мы добрались до кабинета и я уселся напротив, разглядывая доктора, то совершенно неожиданно оказалось, что его круглая физиономия украшена крепким, грубым носом. Наглым, словно клюв попугая. А в голосе мелькало тщательно замаскированное жало безграничной жестокости.

Хорстовски уселся, приготовив стопку разлинованной бумаги и ручку, скрестил ноги и начал задавать мне скучные рутинные вопросы:

— Чего вы ожидаете от нашей встречи? — спросил он чуть слышно, но вполне отчетливо.

— Моя проблема вот какого плана. Я — один из партнеров в фирме «Ассоциация САСА». Я чувствую, что мой партнер и его дочь настроены против меня и что-то замышляют за моей спиной. В особенности сильно я ощущаю, что они задались целью разрушить мою семью, особенно это касается моего пожилого отца, Джерома. Он уже недостаточно силен и здоров, чтобы вынести такое.

— Что вы имеете в виду?

— Преднамеренное и безжалостное разрушение фабрики Розенов. Всю систему нашей розничной торговли в угоду безумной затее то ли во имя спасения человечества, то ли победы над русскими или чего-то в этом духе. Если честно, я даже не могу точно определить, что это такое...

— А почему не можете? — Его ручка так и поскрипывала.

— Потому что это меняется с каждым днем. — Я сделал паузу, ручка — тоже. — Похоже, они задумали довести меня до состояния полной беспомощности. А в результате Мори подомнет дело под себя. Возможно, он слопает даже фабрику. А еще они связались с невероятно богатым и влиятельным, но зловещим типом, Сэмом Берроузом из Сиэтла, чью фотографию вам, возможно, доводилось видеть на обложке журнала «Лайф». — Я замолчал.

— ПРО-ДОЛ-ЖАЙ-ТЕ, — произнес он раздельно и внятно, словно репетитор, вдалбливающий нерадивому ученику правила произношения.

— Так вот, вдобавок я ощущаю, что дочь моего партнера, вдохновительница всего этого безобразия, а вдобавок еще и опасная экс-психотичка, — тверда как сталь и начисто лишена каких-либо признаков совести. Я бы так сказал... — Тут я выжидательно посмотрел на доктора, но он молчал и вообще никак не реагировал, и тогда я добавил: — Это Прис Фрауенциммер.

Он кивнул.

— Что вы на это скажете? — спросил я.

Доктор Хорстовски от усердия даже высунул язык, как змея над птичьим гнездом, потом спрятал его, и все это — уткнувшись в свои записи. Затем произнес:

— Прис — динамичная личность.

Я ждал продолжения, но это было все.

— Вы думаете, мои опасения беспочвенны? — спросил я.

— Как вы считаете, есть ли у них МОТИВ всех этих поступков? — ответил он вопросом на вопрос и застал меня врасплох:

— Не знаю. Разве мое дело — раздумывать о мотивах? Черт, они хотят запродать симулакра Берроузу и огрести кучу денег. Что же еще-то?! Ну, наверное, добиться престижа и могущества. Даже мечты у них какие-то маниакальные.

— И вы встали им поперек дороги?

— Вы абсолютно правы, — ответил я.

— А у вас нет таких мечтаний?

— Я реалист. По крайней мере, стараюсь им быть. Пока же меня волнует Стентон. Кстати, вы ЕГО видели?

— Однажды Прис приходила сюда с ним. Пока она была у меня, ШТУКА сидела в приемной.

— А что ОН делал?

— Читал «Лайф».

— У вас от НЕГО кровь в жилах не стыла?

— Нет.

— Разве вас не испугала мысль, что развеселая парочка — Мори и Прис — смогла придумать что-то настолько противоестественное и опасное, как ЭТО?

Доктор Хорстовски пожал плечами.

— Господи Иисусе! — с горечью произнес я. — Вам ведь наплевать! Здесь, в уютном кабинете вы в безопасности. Вас вообще хоть что-нибудь из происходящего в мире волнует?

На физиономии доктора расцвело нечто, что выглядело с моей точки зрения как мимолетная, но самодовольная улыбка. Это меня взбесило.

— Доктор, — заявил я, — открою вам правду. Прис играет с вами в жестокую игру. Это она прислала меня сюда. На самом деле я — симулакр, как Стентон. Не предполагалось, что я разболтаю секрет, но я не могу больше! Я — всего-навсего машина, электронная железяка. Видите, насколько это все серьезно? Она даже нас попыталась надуть. Что вы на это скажете?

Прекратив писать, доктор Хорстовски спросил:

— Вы, кажется, говорили мне, что женаты? Если да, то скажите, как зовут вашу жену, сколько ей лет и кто она по профессии? А также — где она родилась?

— Я холост. У меня была подруга, итальяночка. Пела в ночном клубе. Высокая и темноволосая... Звали ее Лукреция, но она просила называть ее Мими... Умерла от туберкулеза уже после того, как мы с ней расстались. Мы с ней дрались...

Доктор старательно все запоминал.

— Вы не собираетесь отвечать на мой вопрос? — напомнил я.

Это было бесполезно. Доктор, даже если он и среагировал на симулакра, рассевшегося в его приемной с журналом «Лайф», совсем не собирался обсуждать свои впечатления. А может статься, он вообще не прореагировал. Скорей всего, ему просто начхать, кто сидит перед ним или полистывает журнал — вероятно, он давным-давно привык одобрительно относиться к любой чертовщине, которую обнаружит в приемной...

В конце концов, я попытался выжать из него хоть какое-нибудь мнение о Прис. Ведь девчонка, на мой взгляд, гораздо большее зло, чем симулакр.

— У меня имеется «сервис» сорок пятого калибра и патроны к нему, — сообщил я. — Это все, что мне нужно. Остальное — вопрос благоприятного случая. Только надо успеть прежде, чем маленькая мерзавка попытается сыграть такую же шутку с кем-нибудь еще. Видит Бог, я говорю чистую правду. Мой священный долг — устранить девчонку.

Разглядывая меня, Хорстовски заметил:

— Вы правильно сформулировали суть вашей проблемы. Я верю в то, что вы говорите. Так вот, ваше истинное затруднение — агрессия. Глухая, ставящая вас в тупик враждебность, ищущая выход, по отношению к вашему партнеру и восемнадцатилетней девочке, у которой и своих сложностей хватает — она пытается их решить изо всех сил.

Такое толкование лишало опасения основательности. Это не враги изводили меня, а мои собственные эмоции. НИКАКИХ ВРАГОВ НЕТ — есть лишь подавление и отрицание своей эмоциональности.

— Итак, чем же вы можете мне помочь?

— Вряд ли мне под силу изменить действительность, сделать приятной ситуацию, в которой вы оказались. Я лишь могу помочь вам разобраться в происходящем. — Он выдвинул ящик стола, и я увидел коробочки, пузырьки, этикетки, в общем, настоящее крысиное гнездо, наполненное образчиками медицины, нагроможденными в беспорядочную кучу. Хорстовски немного порылся в ней и предстал передо мной, держа маленький пузырек. — Могу прописать вам вот это. Принимайте по таблетке утром и вечером. Это «Хубризин». — И он протянул пузырек мне.

Я сунул бутылочку в карман и спросил:

— А как оно действует?

— Надеюсь, вы поймете, так как по роду своей деятельности хорошо знакомы с принципом действия тонального органа. «Хубризин» стимулирует переднюю долю головного мозга. Стимуляция этой области дает ощущение бодрости, оживленности и веры в то, что любое событие пройдет успешно само по себе. Это сопоставимо с музицированием на тональном органе Хаммерштейна. — Он протянул мне сложенный кусочек глянцевой бумаги. Там было расписано действие клавишей и педалей органа Хаммерштейна. — Однако, как вам известно, амплитуда давления на эмоции органа Хаммерштейна строго регламентируется законом, а это лекарство действует сильнее.

Я придирчиво прочел бумажку. О Господи, если переложить это на ноты, то получится нечто весьма напоминающее Шестнадцатый квартет Бетховена! Даже от простого разглядывания номеров клавишей я почувствовал себя лучше.

— Это лекарство можно запросто спеть, — обрадовался я. — Попробовать, что ли?

— Нет, благодарю вас.— Доктор сделал предупредительный жест.— В случае неудачи медикаментозной терапии, мы можем проверить ваш мозг по срезам в районе височных долей. Естественно, после обширной топографии распределения биопотенциалов, которую можно провести в госпитале высшего разряда в Сан-Франциско или Маунт-Зайене. У нас здесь нет соответствующей аппаратуры. Лично я стараюсь избегать такой методики, так как нередко выясняется, что невозможно сохранить область, включающую в себя височные доли. Правительство в своих клиниках отказалось, знаете ли, от этого.

— Тогда лучше ну его, этот срез, — согласился я. — У меня были друзья, которым делали... но лично меня в дрожь бросает от одной мысли. Позвольте задать вопрос: а нет ли у вас случайно лекарства, чье действие, пользуясь музыкальной терминологией, аналогично девятой симфонии Бетховена. Знаете, в том месте, где вступает хор?

— Я туда никогда не заглядывал, — признался доктор.

— Я прямо-таки впадаю в экстаз, когда исполняю на тональном органе ту часть, где хор поет: «Mus'ein Lieber Vater wohnen», и потом, очень высоко, как ангелы, скрипки и сопрано выводят ответ: «Ubrem Sternenzelt».

— К сожалению, я не в такой степени знаком с этим произведением, — ответил Хорстовски.

— Они спрашивают, существует ли Отец Небесный, а потом, в очень высокой тональности, им отвечают: — «Да, над звездной сферой». Именно эта часть, если вы сможете найти ей фармакологический эквивалент, могла бы очень помочь мне.

Доктор достал толстую пачку листов и стал в ней рыться:

— Боюсь, что не смогу подобрать таблетки, которые соответствовали бы этой музыке. Почему бы вам не проконсультироваться с инженерами Хаммерштейна.

— Неплохая идея, — удивился я подобному предложению.

— А сейчас — о ваших отношениях с Прис. Думаю, вы слегка преувеличили насчет опасности. В конце концов, вы вольны ВООБЩЕ с ней не общаться, не так ли? — И он бросил на меня хитрый взгляд.

— Наверное.

— Прис бросила вызов. Она — провоцирующая личность... Большинство ее знакомых, могу себе представить, ощущают то же, что и вы. Это — способ Прис возбуждать их, заставлять реагировать. Вероятно, это связано с ее склонностями... Некая форма любопытства. Она хочет видеть, *что именно* заставляет людей дергаться. — Хорстовски улыбнулся.

— Да, и именно по этой причине она, пытаясь исследовать подопытный экземпляр, доводит его до полусмерти...

— Простите? — Он навострил уши. — Ах да. Именно. Подопытный экземпляр. Иногда она воспринимает других людей в таком аспекте. Однако нет смысла лишь из-за этого ненавидеть ее. Мы живем в обществе, где беспристрастие — почти необходимое качество, — говорил он, строча что-то в своем журнале назначений, а немного погодя пробормотал: — Что вам приходит на ум, когда вы думаете о Прис?

— Молоко, — ответил я.

— Молоко! — Он широко раскрыл глаза. — Интересно. Молоко...

— Все, хватит! Это мой последний визит сюда, — заявил я. — Не надо никаких карточек. Кстати, на сегодня наше время истекло, не так ли?

— К сожалению, — промямлил Хорстовски.

— Я вам не врал, говоря, будто я — один из симулакров Прис. Жил да был Льюис Роузен, вот и все... Сейчас это действительно я. А если со мной что-нибудь случится, Прис и Мори сварганят матрицу другого. А тело она склеит из кафеля для облицовки ванных. Очаровательно, не правда ли? На дешевку купятся все: и вы, и мой брат Честер, а может, даже и папа. Знаете, душевная тоска — это предчувствие необратимых событий... — С этими словами я кивнул доктору на прощание и ушел восвояси.

«Но тебе, доктор Хорстовски, ни о чем не догадаться, даже спустя миллион лет! Ты точно такой же идиот, как и все остальные!»

Усевшись в машину, я не спеша поехал домой.

Глава 6

После того как я в присутствии доктора Хорстовски назвал себя симулакром, мысль эта стала неотступно преследовать меня. Жил да был настоящий Льюис Роузен, но однажды вдруг исчез. А я занял его место, обманув всех, в том числе и самого себя.

Дурацкая идея крутилась у меня в башке неотвязно всю следующую неделю, с каждым днем теряя остроту, однако полностью не исчезая.

Прямым следствием бредовой идеи было возникшее у меня желание взглянуть на симулакр Стентона. Вернувшись в офис после приема у врача, я спросил Мори, где мне найти ЕГО.

— Банди готовит новую запись для Стентона, — пояснил Мори. — Прис прошлась по ЕГО биографии, и появились кое-какие дополнения. — И он снова ткнул нос в письма.

Я обнаружил Банди вместе с симулакром в мастерской. Наш инженер уже закончил работу и теперь заново собирал ШТУКУ. Сейчас Банди задавал ЕМУ вопросы.

— Эндрю Джонсон предал Унию, так как оказался неспособен понять мятежные штаты как... — Увидев меня, Банди выключил Стентона. — Привет, Роузен.

— Мне хотелось бы поговорить с НИМ, ладно?

И Банди удалился, оставив нас наедине. Стентон сидел в коричневом зачехленном кресле с открытой книгой на коленях и сурово взирал на меня.

— Сэр, — обратился я к нему, — вы помните меня?

— Да, сэр, помню. Вы — мистер Льюис Роузен из Буаз, штат Айдахо. Я вспоминаю, как приятно мы провели время с вашим отцом. Надеюсь, у него все в порядке?

— Не так, как хотелось бы.

— Сожалею.

— Сэр, мне не терпится задать вам вопрос: не кажется ли вам странным, что вы родились в начале девятнадцатого века, но до сих пор еще живы? И не кажется ли вам необычным, что вас в любую минуту могут выключить? А как насчет того, что вы состоите из реле и транзисторов? Ведь в девятнадцатом веке их в помине не было! — Я выжидательно замолчал.

— Дааа, — протянул Стентон. — Это странные вещи. Вот здесь у меня книга, она толкует о современной науке кибернетике и проливает свет на кое-какие темные места, вызывающие недоумение.

Это меня заинтриговало:

— Вы сказали — недоумение?!

— Совершенно верно, сэр. Когда я имел удовольствие общаться с вашим отцом, именно такие ставящие в тупик вопросы мы и обсуждали. Когда я думаю о кратком миге своей жизни, поглощенной вечностью, а также о ничтожном пространстве, которое я занимаю или просто вижу, мне становится страшно!

— Надо думать! — откликнулся я.

— Мне страшно, сэр, и я удивлен, видя себя здесь, а не там. Сейчас, а не тогда.

— И к какому же выводу вы пришли?

Стентон прокашлялся, достал аккуратно сложенный полосатый носовой платок и тщательно высморкался.

— Мне кажется, что время, должно быть, движется странными прыжками, пропуская стоящие на пути эпохи. Но *почему* или хотя бы *как* это происходит, я не знаю... Есть такие вопросы, где разум бессилен.

— Хотите услышать мою теорию?

— Да, сэр.

— Я берусь утверждать, что ни Эдвина Стентона, ни Льюиса Роузена более не существует. Это было когда-то, но они уже умерли. Мы же с вами — машины.

Стентон смотрел на меня, его круглое морщинистое лицо исказилось.

— В этом, возможно, есть доля истины, — проговорил он.

— Мори Рок с Прис Фрауенциммер придумали нас, а Боб Банди — построил. А сейчас они работают над симулакром Эйва Линкольна.

Лицо симулакра омрачилось.

— Мистер Линкольн умер.

— Знаю.

— Вы хотите сказать, что они собираются вернуть его обратно?

— Вот именно, — ответил я.

— Но ЗАЧЕМ?

— Чтобы произвести впечатление на мистера Берроуза.

— А кто это такой? — спросил он скрипучим голосом.

— Мультимиллионер, живет в Сиэтле, штат Вашингтон. Благодаря его влиянию мелкие акционеры закрутили свои делишки на Луне.

— Сэр, слыхали ли вы когда-нибудь об Артемьюзе Уорде?

— Нет, что-то не приходилось.

— Если мистер Линкольн вновь оживет, вы будете просто в восторге от бесконечных, полных юмора цитат из сочинений мистера Уорда! — Стентон, нахмурясь, взял книгу и вернулся к чтению. Лицо его покраснело, руки дрожали.

Очевидно, я ляпнул что-то не то.

В действительности я недостаточно много знал о Стентоне. Так как сегодня все относятся к Аврааму Линкольну с уважением, мне и в голову не пришло, что у Стентона совершенно другие ощущения... Да... Век живи — век учись. В конце концов, его отношение к покойному президенту сформировалось более столетия назад. Попробуй-ка, измени столь устоявшиеся взгляды!

Я извинился. Стентон лишь глянул на меня и кивнул, а я вышел и отправился вдоль по улице в библиотеку. Через пятнадцать минут мне выдали Британскую энциклопедию. Там всего полно: и про Линкольна, и про Стентона, и про Гражданскую войну.

Статья о Стентоне короткая, но интересная. Он тихо ненавидел Линкольна. Старик был демократом и терпеть не мог новой Республиканской партии. В энциклопедии Стентон характеризовался как грубый, суровый человек — это я уже и сам успел заметить. Там также говорилось о многочисленных ссорах из-за пустяков с генералами, а особенно с Шерманом. Однако авторы отмечали, что старик хорошо послужил Линкольну: выгнал мошенников-подрядчиков, и войска, благода-

ря его стараниям, были обеспечены прекрасно. А в конце военных действий он смог демобилизовать 800 тысяч работяг — совсем неплохо после кровавой Гражданской...

Неприятности начались, когда скончался Линкольн. Между Стентоном и президентом Джонсоном разгорелись подлинные страсти. Все выглядело так, будто Конгресс собирался принять у него отставку и превратиться в единственный правящий орган. По мере чтения статьи у меня возникла неплохая идея насчет старика. Это ведь, оказывается, настоящий тигр, он обладал неистовым нравом и беспощадной волей. Он едва не устранил Джонсона и не стал военным диктатором!

Однако в энциклопедии также сказано, что Стентон абсолютно честный человек и искренний патриот.

В статье о Джонсоне прямо написано, что Стентон был нелоялен по отношению к своему шефу и состоял в союзе с его врагами. Стентон там назван одиозной личностью. Джонсон чудом избавился от старика...

Вернув энциклопедию на полку, я с облегчением вздохнул. Даже в небольших статейках можно уловить, каким ядом была пропитана атмосфера тех дней: сплошные интриги и ненависть, словно в средневековье. Или это больше напоминало интриги и беспредел в эпоху Сталина.

Не торопясь я брел обратно в офис и думал: «Приятный старый джентльмен, черт подери! Синдикат Рок—Фрауенциммер в своей алчности возродил к жизни больше, чем просто человека. Они вдохнули новую жизнь в нечто, что являлось внушающей страх и благоговение силой в истории страны. Уж лучше бы им было состряпать симулакр Закари Тейлора. Без сомнения, это Прис с ее извращенным нигилистическим менталитетом задумала вытащить из колоды козырь, сделала выбор из тысяч и даже миллионов иных возможностей. Почему не Сократ? Или не Ганди?»

А сейчас они преспокойненько хотят оживить второго симулакра: личность, по отношению к которой у Стентона накопилось достаточное количество неприязни. Идиоты!

Я вновь заглянул в мастерскую и нашел Стентона читающим, как прежде. Можно смеяться, но старый пень практически осилил всю книгу по кибернетике.

В опасной близости от Стентона, на широком верстаке лежала полуукомплектованная груда деталей, которые в один прекрасный день станут Авраамом Линкольном. Не сломал ли его Стентон? Связал ли он этот электронный бардак с тем, что я ему сообщил? Я украдкой взглянул на новый симулакр. Не-

похоже, чтобы кто-то в нем незаметно для других покопался... Была видна лишь добросовестная работа Банди и ничего более. Уверен: если б Стентон решил расправиться с ЭТИМ в мое отсутствие, то там было бы несколько разбитых или сожженных частей... Ничего похожего я не увидел.

Интересно, а где сейчас шляется Прис? Наверное, торчит дома, раскрашивая впалые щеки Эйва Линкольна, доводит до ума оболочку, которая станет вместилищем всех этих деталей. Это занятие поглощало массу времени. Нужно было сделать бороду, большие руки, тощие ноги, грустные глаза. Вот где простор-то для творческих наклонностей ее богемной души — всем остается только прибежать и громко взвыть! Она носа не высунет из дома, пока не сделает первоклассную работу.

Спускаясь вниз, я столкнулся с Мори.

— Послушай-ка, друг мой, этот симулакр Стентон собирается встать и дать Честному Эйву по башке. Ты, наверное, не утруждал себя чтением исторических книг? — внезапно меня осенила догадка. — Нет! Ты просто ОБЯЗАН был читать труды историков. Без них не составить программу симулакра. Выходит, ты лучше меня знаешь, как Стентон относится к Линкольну! И в курсе, что ОН способен в любой момент угробить Президента!

— Не надо ворошить прошлое. Все, что ты тут наболтал — дела дней минувших. — Мори отложил на миг свои письма, наблюдая за мной. — Сначала тебе не нравилась моя дочь, сейчас — Стентон. Повсюду тебе чудятся коварный обман и мрачные тайны! У тебя воображение, как у старой девы. Заткнись и дай мне поработать!

Я снова вернулся в мастерскую. Стентон сидел на прежнем месте, правда, книгу уже отложил и пребывал в глубоком раздумье.

— Молодой человек, — обратился он ко мне, — расскажите побольше об этом Берроузе. Вы, кажется, упомянули, что он живет в столице?

— Нет, сэр, я имел в виду штат Вашингтон. — Пришлось объяснять старику, где это находится.

— А правда ли, что Берроуз, благодаря своему огромному влиянию, подготовил Всемирную ярмарку? Так говорил мне мистер Рок.

— Да, что-то в этом роде я слыхал. Естественно, когда человек настолько богат и полон амбиций, о нем ходят всякие россказни.

— Ярмарку все еще устраивают?

— Раньше устраивали, а сейчас забросили.

— Жаль, — пробормотал Стентон, — мне бы хотелось там побывать.

Его слова тронули меня за живое. Боже, спаси нас и помилуй! Это СУЩЕСТВО во многом гораздо душевнее, чем все мы, вместе взятые. Наверное, только мой отец держал собственное достоинство достаточно высоко, может, даже повыше Стентона. На память пришел доктор Хорстовски. Ага, вот еще один получеловек, оказавшийся карликом по сравнению с электронным симулакром... «Интересно, а как насчет Берроуза? Что запоет птичка, оказавшись лицом к лицу со Стентоном? — Потом я подумал: — А Линкольн? Интересно было бы хоть глазком заглянуть в будущее. Нас, скорее всего, поджидает масса сюрпризов. И вряд ли приятных...»

Все это пронеслось у меня в голове за долю секунды. Никаких особых выводов не проклюнулось. Зато с языка сорвался абсолютно идиотский вопрос:

— Хотелось бы узнать ваше мнение о мисс Фрауенциммер, сэр. Если, конечно, у вас найдется немного свободного времени.

— К вашим услугам, мистер Роузен.

Симулакр откинулся на спинку удобного коричневого кресла. Мне же пришлось примоститься рядом на шину от грузовика.

— Я уже успел познакомиться с мисс Фрауенциммер. Не уверен, что общение наше было достаточно длительным, но все мои впечатления сложились в относительно ясную картину. Кстати напомню, что я фактически живу у нее в доме. Это позволяет моим суждениям быть весьма объективными. Так вот... Она недавно покинула психиатрическую клинику им. Кэзэнина и вернулась сюда. В моей памяти она предстает не иначе как девица весьма красивой внешности. Ее семья — одна из наиболее уважаемых, несмотря на то, что они — эмигранты. Это семейство пропитано чисто американским мировосприятием. Оно заключается в убеждении, будто личность ограничена только своими способностями и может подняться на любую ступень общественной лестницы, наиболее соответствующую этим способностям. Из чего совершенно не следует, что все люди возвысятся в равной степени. Сам я весьма далек от подобных утверждений. Однако мисс Фрауенциммер совершенно права, отвергая любые правила игры, ущемляющие возможность воплотить идеи в жизнь. Любое нарушение таких возможностей зажигает в ее глазах пламень праведного гнева.

Я заметил:

— Звучит так, словно вы долго и тщательно разрабатывали свою точку зрения.

— Сэр, этот вопрос заслуживает некоторых размышлений. Вам ведь не терпится проникнуть в самую суть, не так ли? —

Взгляд симулакра стал более жестким. — Мисс Фрауенциммер в глубине души — человек хороший. Правда, она немного нетерпелива и у нее трудный характер. Однако, сэр, характер — наковальня справедливости, на которой куются суровые факты действительности. Люди, лишенные характера, подобны животным на скотобойне. Это искра, превращающая глыбу шерсти, мяса, костей и жира в дышащее жизнью проявление Творца.

Нужно сознаться, что горячая речь Стентона произвела на меня впечатление.

— Если я чем-то и обеспокоен в связи с Присциллой, — продолжил Стентон, — так это совсем не огнем ее души. Доверяясь своему сердцу, она поступает правильно. Однако в своих действиях она не всегда руководствуется его подсказкой. Обидно говорить, сэр, но она зачастую прислушивается к диктату своего разума. И тогда возникают сложности.

— Угу, — поддакнул я.

— Все потому, что женская логика — это не логика мыслителя. Фактически это — испорченная, бледная тень мудрости сердца, легко вводящая в заблуждения. Когда Присцилла руководствуется разумом, холод исходит от нее.

— О! — возбужденно вставил я.

— Именно так. — Стентон кивнул и поводил у меня перед носом длинным сухим пальцем. — Вы, мистер Роузен, тоже отметили эту тень, эту особую холодность, исходящую от мисс Фрауенциммер. Я вижу также, что это заставляет вашу душу страдать, подобно моей. Как девушка справится с этим в будущем? Не знаю... Ей надо что-то незамедлительно предпринять, чтобы положить конец внутреннему разладу. А сейчас в ней отсутствуют качества, позволяющие терпимо отнестись к холодной, нетерпимой, излишне рассудительной и даже, увы, РАСЧЕТЛИВОЙ стороне ее характера. Ибо в ней присутствует то, что отыщется и у многих из нас: склонность привносить бесплодную и недальновидную философию в повседневные дела, в отношения с ближними. Нет ничего опаснее, чем руководствоваться общественным мнением, шаблонами поведения и расхожими предубеждениями. Все это освобождает слепой рационализм, формирующий стерильную ограниченность поступков. Если б Присцилла могла только склонить голову и слушать, она услышала бы неповторимый и благотворный язык своего собственного сердца, своего собственного бытия.

Стентон умолк, закончив импровизированное выступление. Откуда только взялся такой пафос?! Неужели чертова железя-

ка сама все выдумала? Или Мори умудрился засунуть в симулакра программу с образцами ораторского искусства? Нет, кишка у него тонка! Значит, Прис накрутила... В этом была некая горькая ирония — вложить в уста механической штуковины углубленный анализ личности мисс Фрауенциммер... НЕТ СОМНЕНИЙ — ЕЕ РАБОТА! ЗНАЧИТ, ШИЗА У ПРИС НЕ ЗАТИХЛА, СКОРЕЕ НАОБОРОТ, РАСПУСКАЕТСЯ ПЫШНЫМ ЦВЕТОМ!

Исподволь закралось странное сравнение с теми лицемерными вопросами, которые задавал мне доктор Хорстовски.

— Спасибо, — сказал я Стентону, — ваши доверительные замечания произвели на меня сильное впечатление.

— Доверительные, — словно эхо, повторил он.

— Вы их, конечно же, заранее не готовили...

— Нет, сэр, подготовка была, и серьезная. Меня крайне волнует поведение мисс Фрауенциммер.

— Меня тоже, — буркнул я.

— А сейчас, сэр, буду вам признателен, если вы расскажете о мистере Берроузе. По-моему, он проявил ко мне интерес.

— Могу дать вам статью в «Лук». Видеться мне с Берроузом пока не доводилось. Беседовал, правда, на днях с его секретаршей... Она вручила мне его письмо.

— Могу ли я увидеть это письмо?

— Завтра принесу.

— Как вам показалось, он действительно мной заинтересовался? — Стентон пристально посмотрел на меня.

— Полагаю, что... да.

— Похоже, вы колеблетесь?

— Вам надо самому поговорить с Сэмом.

— Возможно, я так и сделаю. — Стентон углубился в раздумья, непроизвольно потирая переносицу. — Я попрошу мистера Рока или мисс Фрауенциммер доставить меня туда и поприсутствовать на нашей беседе.

Последнюю фразу симулакр произнес тихо и невнятно, явно принимая в эту минуту какое-то важное решение.

Глава 7

Все! Теперь только держись и кричи «Караул»! Если уж проклятой кукле взбрело в голову навестить Берроуза, значит, так оно и будет. Никакие уговоры не помогут. Злополучная встреча — вопрос лишь времени.

И, как назло, именно в эти дни работа над симулакром Авраама Линкольна вошла в завершающую фазу. Мори решил в следующий уик-энд провести первое испытание. Все железяки уже будут смонтированы внутри корпуса и готовы к работе.

Когда я впервые увидел готовую оболочку Президента, то чуть не проглотил язык от изумления. Даже в инертном состоянии он был так похож на живого человека, что казалось, вот-вот поднимется и начнет отдавать распоряжения. Прис и Мори, с помощью Боба Банди, потащили эту штуковину вниз, в мастерскую. Я плелся за ними и наблюдал, как они укладывают Линкольна на рабочий стол.

Подойдя поближе к Прис я не удержался и съязвил:

— Преклоняюсь пред величием вашего гения!

Держа руки в карманах плаща, девчонка угрюмо взирала на происходящее. Бледная, растрепанная, ненакрашенная. Ее темные глаза, казалось, совсем запали. Видно, провела много бессонных ночей, торопясь закончить работу. Вон как похудела, совсем тощенькой стала... Кроме плаща, Прис натянула на себя узкую длинную футболку (Чертовка! Лифчик ей, само собой, без надобности!) и синие джинсы. Ноги сунуты в домашние кожаные тапочки на низком каблуке, а волосы кое-как стянуты на затылке резинкой.

— Привет, — пробормотала Прис. Она, раскачиваясь взад-вперед на пятках и закусив губу, наблюдала, как Банди и Мори пристраивают Линкольна на столе.

— Отлично сработано, — сменил я тон.

— Льюис, — устало вздохнула Прис, — забери меня отсюда. Угости чашкой кофе. Или давай погуляем просто так. — И она двинулась к двери. Оправившись от столь неожиданных откровений, я затрусил вслед за ней.

Мы брели вдоль тротуара. Прис пристально глядела под ноги и пинала перед собой камешек. Потом вдруг сказала:

— По сравнению с Линкольном первый симулакр — детская забава... Думаю, для нас и Стентона хватило бы с лихвой. У меня дома валяется здоровенный том материалов по Линкольну. Он там выписан во всех ракурсах. Я мусолила книгу до тех пор, пока не узнала его лицо лучше, чем свое собственное. — Она пнула камешек в канаву. — Просто потрясающе, каких вершин достигли фотографы тех лет. Они пользовались стеклянными пластинами, и объект съемки должен был сидеть совершенно неподвижно. Для этого у фотографов имелись кресла специальной конструкции, фиксирующие неподвижно голову

клиента, чтоб тот не дергался. — У обочины она остановилась. — Льюис, неужели он и вправду оживет?

— Не знаю, Прис.

— Все это — самообман. Нам действительно не дано вдохнуть жизнь в то, что уже давно мертво.

— Не похоже, чтоб ты так на самом деле думала. Все твои поступки говорят скорее о противоположном. Впрочем, я с тобой согласен. Ты, наверное, слишком глубоко погрузилась в НЕГО эмоционально. Лучше брось все к чертям и займись насущными проблемами!

— Ты хочешь сказать, что мы слепили всего-навсего куклу. Она движется и говорит как настоящая, но души у нее нет. Одна лишь оболочка...

— Вот именно, — согласился я.

— Ты когда-нибудь ходил к католической мессе, Льюис?

— Не-а.

— Они верят, что вино и хлеб претворяются в кровь и плоть. Это чудо. Если нам удастся составить первоклассные программы, и голос, и внешний вид, то...

— Прис, — прервал я ее, — вот уж никогда не надеялся, что увижу твой испуг.

— Я не испугалась. Устала только сильно и издергалась. Помнится, когда я училась в младших классах, Линкольн был моим кумиром. В восьмом классе я делала о нем доклад. Знаешь, как бывает в детстве: все прочитанное в книгах кажется правдой. Для меня Линкольн был реальной личностью. На самом-то деле я все это выдумала, это был всего лишь плод моего воображения. Я долго избавлялась от своих грез о кавалерийских атаках и битвах, об Улиссе Гранте...

— Ага.

— Как ты думаешь, сделают ли когда-нибудь наши с тобой симулакры?

— Тьфу, гадость! Вот уж действительно бредовая идея!

— Ты только представь: мы лежим мертвые, в беспамятстве... и вдруг ощущаем какое-то шевеление, может быть, мелькнет проблеск света... А потом в нас потоком хлынет реальность... Мы не в силах противостоять захлестнувшей нас волне, мы обязаны будем воскреснуть! — Прис содрогнулась.

— Выбрось всю эту пакость из головы! Зачем ассоциировать настоящего Линкольна с его симулакром? Железка — она и есть железка. Ничего больше...

— Настоящий Линкольн существует в моих мыслях, — сказала Прис.

Я был поражен.

— Ты же сама в это не веришь! Ты хочешь убедить меня, будто в твоем воображении существует МЫСЛЬ о Линкольне?

Она склонила голову к плечу, разглядывая меня.

— Да нет же, Льюис, у меня в голове действительно существует настоящий, живой Линкольн! Я день и ночь работаю, чтобы перенести его оттуда обратно во внешний мир.

Я расхохотался.

— Этот мир слишком ужасен для него! — воскликнула Прис. — Послушай-ка, я знаю, как избавиться от этих жутких шершней, которые всех жалят. Ты ничем не рискуешь и это ничего не будет стоить. Все, что тебе нужно — ведро песку.

— Годится.

— Надо дождаться ночи, когда они уснут в гнезде. Потом найти дырку — вход в гнездо, и высыпать сверху ведро песку. Образуется холмик. Ты, наверное, думаешь, что песок задушит шершней? Но это совсем не так. Произойдет вот что: на следующее утро они проснутся и обнаружат, что выход засыпан. Шершни начнут рыть песок. Деть им его будет некуда — придется таскать прямо в гнездо. Они остервенело носят песчинку за песчинкой, но песок сыплется и сыплется сверху. И места в норе все меньше и меньше. Вот так!

— Понятно.

— Разве это не ужасно?

— Пожалуй, — согласился я.

— Собственноручно заполнять песком гнездо, чтобы потом задохнуться. Чем больше вкалываешь, тем быстрее развязка. Пытка чисто в восточном стиле. Когда я впервые услышала об этом, мне захотелось повеситься. Я не хочу жить в мире, где происходят такие вещи!

— Когда ж ты узнала об этом фокусе?

— Давно. Мне тогда было лет семь. Я часто представляла себе, что творится там, под землей. Я сплю... — Шагая рядом, она внезапно взяла меня под руку и крепко зажмурила глаза. — Полная темнота... Вокруг меня — такие же, как я. Вдруг — бамс! Какой-то шум снаружи. Кто-то высыпает песок. Но это ничего не значит — мы продолжаем спать. — Она предоставила вести себя вдоль по тротуару, тесно прижавшись ко мне. — Итак, мы дремлем, дремлем весь остаток ночи, нам холодно... потом восходит солнце и земля прогревается, но почему-то все еще темно... Мы просыпаемся: почему нет света? Направляемся к входу: он забит песком. Мы напуганы: что происходит? И тогда мы все

энергично беремся за дело, стараясь не впадать в панику. Дышим неглубоко, чтобы сэкономить кислород, и начинаем переносить песок. Работаем молча и слаженно.

Я перевел Прис через дорогу. Глаза у девчонки все еще были закрыты. Ощущение такое, словно помогаешь инвалиду...

— Нам никогда больше не увидеть дневного света, Льюис. Не важно, сколько мы вытащим песчинок. Мы работаем и ждем, но свобода не придет никогда! Никогда... — Подавленным, полным отчаяния голосом она произнесла: — Мы умираем, Льюис, там, внизу...

Я сжал ее пальцы.

— Как насчет чашечки кофе?

— Нет, — вздохнула она, — я просто хочу погулять. — И мы пошли дальше.

— Льюис, — продолжила раскручивать телегу Прис, — эти насекомые, шершни, муравьи... они без устали трудятся в своих норах...

— Да. И пауки тоже.

— А хотя бы и пауки! Например, чердачный паук. Хотелось бы мне знать, что ощущает паук, если кто-нибудь разорвет его паутину.

— Вероятно, он говорит: «Чтоб тебе провалиться!» — предположил я.

— Нет, — мрачно возразила Прис. — Сначала он бесится, потом — теряет надежду. Если он сумеет до тебя добраться, то ужалит как следует. А потом постепенное, страшное, слепое отчаяние одолевает его. Он знает, что, даже если восстановит паутину, настанет день, когда все повторится.

— Однако паутину-то он все-таки чинит.

— Что поделать — природный инстинкт. Именно поэтому их жизнь хуже, чем наша. Они не могут бросить все и умереть, они обязаны продолжать...

— Тебе надо хоть разок увидеть жизнь с хорошей стороны! Ты ведь натура творческая. Взять хотя бы твою кафельную мозаику или работу над симулакрами. Разве ты не ощущаешь вдохновения, видя плоды своего труда?

— Нет, — ответила Прис. — Этого недостаточно!

— Чего ж тебе не хватает?

Прис задумалась. Она открыла глаза и совершенно неожиданно убрала свои пальцы из моей ладони. Похоже, это было сделано механически, бессознательно. «Рефлекс, — подумал я, — совсем как у пауков».

Наконец Прис проговорила:

— Не знаю. Как бы долго и тяжело я ни работала, что бы ни делала, ЭТОГО ВСЕ РАВНО БУДЕТ МАЛО.

— Кто так считает?

— Я сама.

— А когда оживет Линкольн, что ты будешь чувствовать? Наверное, запрыгаешь от радости...

— Нет. Только еще большее отчаяние, чем прежде.

Я искоса глянул на нее. В чем тут заковыка, хотел бы я знать... Отчаяние от успеха... Бессмыслица. Что ж тогда последует за неудачей? Приподнятое настроение?

— Хочешь, я расскажу тебе нечто совершенно невероятное, — предложил я. — Увидим, что ты на это скажешь.

— Давай! — Она была вся внимание.

— Однажды я отправился на почту в одном городке Южной Калифорнии. Высоко, на карнизе здания, прилепилось птичье гнездо. На тротуаре сидел птенец — то ли он выпал, то ли вылетел, — не знаю. А его родители беспокойно кружились рядом. Я подошел, собираясь положить птенца обратно в гнездо, если только смогу добраться. — Тут я сделал паузу, затем продолжил: — И знаешь, что он сделал, когда я подошел к нему поближе?

— Что?

— Разинул просительно клюв.

Прис размышляла, нахмурив брови.

— Видишь ли, — пояснил я, — это говорит о том, что малышу встречались только те, кто кормил его и защищал. Увидев меня, он, наверное, здорово перепугался. Еще бы — двуногое страшилище! Но потом все-таки решил, что даже такой монстр его накормит.

— Что же это значит?

— Это — доказательство того, что в природе существует и доброта, и взаимная любовь, и самоотверженная помощь. Они существуют в ней наравне со всякими ужасами.

Прис возразила:

— Нет, Льюис. Птенец совершил безрассудную глупость. Ты ведь не собирался его кормить.

— Я честно хотел ему помочь, так что, оказав мне доверие, он поступил правильно.

— Может, и правда стоит разглядеть хорошую сторону жизни? Так же, как ты, Льюис. Но для меня это все равно лишь глупость.

— Наивность, — поправил я.

— Какая разница! Наивность — незнание действительности. Здорово, если б ты смог сохранить ее. Мне хотелось бы сохра-

нить ее тоже. Но ты подрастерял ее в повседневной суете, так как жить — значит приобретать опыт, а это ведет к...

— Ты цинична, — оборвал я ее словесный поток.

— Нет, Льюис, я просто давно уже сняла розовые очки.

— Да, дело безнадежное, — проворчал я. — Никому не дано тебя переубедить. И знаешь почему? Ты сама желаешь быть именно такой, какая ты сейчас. Так проще — в конце концов, это самый легкий путь. Ты кошмарная лентяйка и останешься ею, пока не тряхнет хорошенько. По своей же воле не изменишься никогда. Скорее нооборот, станешь сползать все дальше и дальше во мрак.

Прис расхохоталась, резко и холодно. Потом повернулась и пошла обратно. Больше мы друг с другом не разговаривали.

Вернувшись в мастерскую, мы обнаружили там милую картинку: Стентон наблюдал, как Боб Банди колдует над Линкольном.

Прис обратилась к Стентону:

— Перед вами тот самый человек, имевший обыкновение писать письма о помиловании солдат.

Стентон не ответил. Он пристально, не отрываясь, вглядывался в распростертую фигуру. Лицо его застыло в каком-то надменном равнодушии.

— Да, я понимаю, — наконец проговорил он, после чего шумно прокашлялся и внезапно переменил позу: покачивался взад-вперед, заложив руки за спину и переплетя пальцы. При этом выражение его физиономии оставалось прежним, словно всем своим видом он хотел подчеркнуть: «Это мое дело! Не советую лезть и мешать!»

«Старик сейчас встал в позу, — решил я, — какую, наверное, частенько принимал в своей прежней жизни». Плохо это или хорошо, черт его знает! Фигура, конечно, колоритная. Такого на тележке не объедешь... Старому хрычу, наверное, глубоко наплевать, как люди относятся к нему, — ненавидят, боятся или уважают. Главное, что проигнорировать или забыть его невозможно.

— Мори, — окликнула Прис отца, — по-моему, ЭТОТ разработан лучше, чем Стентон. Смотри-ка, он шевелится.

И правда, симулакр на рабочем столе зашевелился.

— Эх, сюда бы сейчас Берроуза! — Прис чуть не подпрыгнула от возбуждения. — Если б он увидел ЭТО, наверняка бы обалдел. Даже он!

Несомненно, зрелище впечатляло. Может, поэтому у Мори слегка поехала крыша и он полез ко мне с невразумительными речами:

— Помнишь, Льюис, наш самый первый инструмент? Мы все тогда день-деньской наяривали на нем...

— Помню.

— Мы насиловали бандуру как только могли. Даже Джером и твой долбанутый братец с лицом вверх тормашками. Мы вышибали из органа любые звуки, — клавикорда, гавайской гитары и паровой молотилки. Вот безумие-то! Досталось по первое число Баху и Гершвину. Потом, вспомни-ка, состряпали пойло из охлажденного рома со всякими добавками. А уж когда налакались, начали вообще Бог весть что вытворять! Сочиняли какие-то собственные композиции в невероятных тональностях. Изобретали звучание новых, несуществующих инструментов. И вдобавок записали все это на магнитофон. Да, парень, это было нечто!

— Заповедные времена, что и говорить...

— Я под конец пьянки свалился на пол и давил на педали низких тонов. Остановился на басовом «соль», насколько помню, да так его и заклинил. Когда я приполз на следующее утро, проклятое нижнее «соль» все еще ревело, как противотуманная сирена. Вот так... Как думаешь, где он теперь, наш первый орган?

— Где ж ему еще быть? Стоит, наверное, в чьей-нибудь гостиной. Они ведь никогда не изнашиваются и не нуждаются в настройке. Какой-нибудь болван в эту минуту бацает на нем песенку.

— Бьюсь об заклад — ты прав.

И тут Прис рявкнула:

— Помогите же ЕМУ!

Симулакр молотил ручищами, делая отчаянные попытки сесть. ОН мигал глазами и гримасничал. Мы с Мори вскочили и помогли ЕМУ подняться. Боже, ОН оказался таким тяжелым, будто его набили свинцовыми чушками! Однако мы ухитрились привести его в сидячее положение и прислонили к стене, так что теперь-то уж ему не свалиться!

Симулакр тяжело, со стоном, вздохнул. Что-то заставило меня затрепетать от этого звука. Повернувшись к Бобу Банди, я спросил:

— Как ты считаешь — с НИМ все в порядке?

— Не знаю. — Банди снова и снова нервозно запускал пальцы в свою шевелюру. Я заметил, что руки у него дрожат. — Я могу ЕГО проверить — это болевые контуры.

— Болевые контуры?!

— Ага. Без них он набредет на стенку или еще какую-нибудь хреновину и изуродует себя. — Банди судорожно ткнул большим пальцем в сторону молчаливо наблюдающего Стентона, — у ЭТОГО они тоже есть. Что же еще, Господи помилуй?!

То, что сейчас происходило в мастерской, можно было с уверенностью назвать чудом. Рождалось живое существо. Ребята, с нервишками послабже, могли бы выскочить от страха из штанов. Черные, как смоль, глаза симулакра двигались из стороны в сторону, разглядывая нас. В темных зрачках не отражалось абсолютно никаких чувств. Можно подумать, что симулакр осторожничает, напуская на себя вид полной отрешенности. Такой фокус явно превышал человеческие возможности. Коварство родом из потустороннего мира. Объект, заброшенный в наше время и пространство, одновременно все видел, все воспринимал, но разумом не мог постичь ни единой вещи. Казалось, что он все еще находится в подвешенном состоянии, на границе между явью и небытием. В этом зачарованном ожидании сквозил всепоглощающий ужас, ужас настолько чудовищный, что его уже нельзя было назвать ощущением. Симулакр должен был отделиться, вырваться из некоей расплавленной массы. Может быть, некогда все мы тихонько лежали в этом расплаве. Для нас прорыв стал далеким прошлым, для Линкольна же все происходило прямо сейчас.

В самом факте рождения чувствовалась некая глубокая значительность. Не Прис сотворила эту глубину? Сомневаюсь... Мори? Тут вообще даже говорить не о чем. Ни один из нашей шайки, включая Боба Банди, не имел подобного таланта. А Боб, мудила, тоже хорош — по его вине мы пустились во все тяжкие!

Жизнь — форма, которую принимает материя... Я решил это, глядя как Линкольн пытается постигнуть окружающий мир и самого себя. Жизнь — это свершение материи... Самая удивительная — и единственно удивительная — форма во вселенной. Единственное, чего никогда невозможно ни предсказать, ни даже представить. Не будь ее — не было бы ни самих ПРЕДСКАЗАНИЙ и ПРЕДСТАВЛЕНИЙ.

Рождение, решил я, неприятная штука. Оно хуже смерти. Вы можете философствовать на тему смерти — и вы, вероятно, будете этим заниматься. Но рождение! Какое уж тут, к едрене фене, философствование! И прогноз ужасен. Вы обречены на то, что все ваши мысли и поступки будут лишь глубже и глубже затягивать вас в трясину бытия.

Линкольн вновь застонал, потом с его уст сорвалось хриплое бормотание.

— Что? — подскочил Мори, — что ОН сказал?

Банди захихикал.

— А, черт, запись голоса пошла наоборот!

Первые слова Линкольн произнес шиворот-навыворот из-за ошибки в схеме...

Глава 8

Переделка схемы заняла несколько дней. За это время я смотался из Онтарио на запад, через Орегонскую Сьерру, минуя городок лесорубов с трогательным названием Иванов День. Это мой любимый городок на западе Штатов. Тем не менее я там не тормознулся, у меня не хватило терпения. Я держал на запад, пока не достиг хайвея «Север—Юг». Этот старый 99-й маршрут идет прямиком по хвойным лесам на протяжении сотен миль.

В воздухе носились, кувыркаясь и играя, два крохотных желтых зяблика. Они пронеслись навстречу прямо над капотом и вдруг замолчали и исчезли. Я понял, что птички попали в решетку радиатора. «Изжарились заживо», — подумал я, притормаживая. Естественно, на следующей станции техобслуживания их обнаружил мастер. Я завернул птичек в салфетку, отнес на обочину и бросил в мусорную кучу, где валялись пластиковые пакеты, пивные банки и всякий бумажный хлам.

Впереди лежала Маунт-Шеста и пограничная станция Калифорнии. Ночь я провел в мотеле, в Кламат-Фолс, а на следующее утро отправился обратно, спускаясь с гор.

Было еще только 7.30 утра, и машин на дороге попадалось совсем немного. И тут я заметил наверху нечто, заставившее меня остановиться на обочине. Мне уже доводилось наблюдать подобные зрелища, и они всегда приводили меня в состояние глубокого унижения. Но одновременно вселяли бодрость. Гигантский корабль, возвращаясь с Луны или какой-то другой планеты, медленно проплывал мимо. Его сопровождало несколько военных самолетов, казавшихся рядом с этой махиной черными жучками.

Машины, находившиеся в это время на дороге, тоже остановились, чтобы пассажиры могли всласть налюбоваться. Люди выскакивали наружу, а один мужчина щелкал фотоаппаратом. Какая-то женщина с малышом размахивали восторженно руками. Величественный космический корабль проплывал, сотрясая землю грохотом громадных хвостовых дюз. Я заметил, что его корпус весь в ямках, царапинах и нагаре от повторного прохождения слоев атмосферы.

«Вот она плывет, наша надежда», — сообщил я себе, прикрывая глаза ладонью от солнца, чтобы проследить курс корабля. Что он обрел там, вдали? Образцы почвы? Или первую внеземную форму жизни? Черепки горшков, обнаруженные в пепле потухшего вулкана — свидетельство существования какой-нибудь древней цивилизации? Инопланетной расы?

Наиболее вероятно, что там — просто-напросто толпа бюрократов: федеральные служащие, конгрессмены, технари, военные наблюдатели. Возвращаются назад. Да еще, может, несколько репортеров из «Лайф» и «Лук», да парочка фоторепортеров, и, пожалуй, банда телевизионщиков из Эн-би-си и Си-би-эс. И все-таки это впечатляет... Я тоже помахал рукой, совсем как мальчишка.

Вернувшись в машину, я подумал: «Когда-нибудь там, на Луне, будут стоять рядами маленькие чистенькие домики. Телевизионные антенны, может быть — спинеты Роузена в гостиных...»

Возможно, я стану помещать свои объявления в газетах иных миров в будущем десятилетии...

Разве нет в этом героики? Разве это не свяжет наш бизнес со звездами?

Но ведь у нас более прямая связь с иными мирами. Да, я заметил страсть, овладевшую Прис, ее одержимость Берроузом. А ведь именно он стал связующим звеном между нами, простыми смертными, и Вселенной. Он соединил оба мира: одной ногой — на Луне, другой — в зеркальном холле какого-нибудь банка. Морально, психически и духовно он связывал нас со звездами. Не будь Берроуза, все это осталось бы только дурной фантазией. Он придал мифу реальное воплощение. За это приходится уважать его как личность. Мысль о заселении Луны не бросала его в трепет. Для него это просто-напросто еще один грандиозный финансовый проект, возможность получить огромные прибыли от инвестиций. В любом случае больше, чем от арендной платы за трущобы.

«Итак, назад, в Онтарио!» — приказал я себе. К симулакру. К нашему новому изделию. Оно задумано, чтобы приманить Берроуза. Чтобы сделать нас частью нового мира. Чтобы вдохнуть в нас ЖИЗНЬ.

Прикатив в Онтарио, я направился прямо в САСА. Высматривая место для парковки, я увидел, что перед нашей конторой собралась толпа. Люди заглядывали в наш новый демонстративный зал, оборудованный Мори. «Вот оно, значит, как...» — на меня накатила волна глубокой обреченности.

Пристроив машину, я помчался к толпе.

Там, в демонстрационном зале, сидела, сгорбившись, высокая, бородатая сумрачная личность. Авраам Линкольн. Сидел он за старинным ореховым бюро с крышкой на роликах. Бюро, кстати, фамильное и принадлежит моему отцу. Значит, олухи притащили его сюда из Буаз...

Это меня разозлило. Хотя нельзя не признать, что бюро смотрелось весьма кстати. Симулакр, одетый точно так же, как и Стентон, скрипел гусиным пером. Я поразился полной реальности симулакра. Если бы я не знал правды, то предпочел бы сделать вывод, что это действительно Линкольн, оживленный каким-то чудодейственным способом. В конце концов, придурочная Прис могла оказаться права!

Только сейчас я заметил рекламное объявление в витрине.

ЭТО ПОДЛИННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ АВРААМА ЛИНКОЛЬНА, ШЕСТНАДЦАТОГО ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ. ОНА ИЗГОТОВЛЕНА ФИРМОЙ «АССОЦИАЦИЯ САСА» В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ФАБРИКОЙ ЭЛЕКТРОННЫХ ИНСТРУМЕНТОВ РОУЗЕНА В БУАЗ, ШТАТ АЙДАХО. ЭТО ПЕРВАЯ РАБОТА ТАКОГО РОДА. ПОЛНАЯ ПАМЯТЬ И НЕРВНАЯ СИСТЕМА НАШЕГО ВЕЛИКОГО ПРЕЗИДЕНТА ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВОСПРОИЗВЕДЕНЫ В МОНАДНОЙ СТРУКТУРЕ МАШИНЫ. РЕКОНСТРУКЦИЯ СПОСОБНА ПРОИЗВОДИТЬ В СОВЕРШЕНСТВЕ ВСЕ ДЕЙСТВИЯ, РЕЧЬ И РЕШЕНИЯ ШЕСТНАДЦАТОГО ПРЕЗИДЕНТА. ЗАЯВКИ И ВОПРОСЫ ПРИВЕТСТВУЮТСЯ.

Корявый стиль выдавал с головой авторство Мори. Взбешенный, я пробился сквозь толпу и ткнулся в дверь демонстрационного зала. Она была заперта, но я воспользовался своим ключом и вошел.

Там в углу, на свежеприобретенной кушетке, сидели Мори, Боб Банди и мой отец. Все молча глядели на Линкольна.

— Привет, дружище, — сказал мне Мори.

— Ну как, ты уже вернул свои затраты?

— Нет. Мы ничего ни с кого не берем. Просто демонстрируем.

— Ты так мечтал о неком шестизначном числе, а? Я знаю, что мечтал! На какую такую лотошную торговлю ты рассчитывал, когда рожал это объявление?! Что же ты не заставил ЕГО продавать банки с автомобильным воском или средством для мытья посуды? Что же он только сидит да знай себе пишет? Или он вступил в борьбу за манную кашу?

Мори ответил:

— Он занимается своей постоянной перепиской.

Ни Мори, ни Банди, ни, наконец, мой папа, кажется, не пили — выглядели они трезвыми, по крайней мере...

— Где твоя дочь?

— Она скоро придет.

Папу я спросил:

— Это твоя идея, чтобы ОН пользовался твоим бюро?

— Нет, mein Kind, — ответил он. — Иди, поговори с НИМ. Во время перерывов ОН хранит молчание, которое удивляет меня. Я имел возможность хорошо изучить это.

Никогда еще мне не приходилось видеть своего отца таким сдержанным.

— Ладно, — согласился я, и направился в сторону фигуры, склонившейся над бюро. Снаружи толпа таращилась в окно.

— Мистер Президент, — пробормотал я. В горле у меня пересохло. — Сэр, мне ненавистно ощущение, что причиняю вам беспокойство... — Я занервничал, хотя все это время прекрасно знал, что лицезрею машину. Но то, как я подошел и заговорил с НИМ, погрузило меня в фикцию, в спектакль, словно бы мы с НИМ были актерами. Никто не скармливал мне ленту с инструкциями, у них не было в этом необходимости. Я играл свою роль с безумием добровольца, однако ничего не мог поделать. Ну почему бы не обратиться к нему «мистер Симулакр»?! В конце концов, ведь это была правда!

Правда! Что это такое? Как малыш, входящий в универмаг «Санта». Для него тоже знать правду значило бы упасть замертво. Хотел ли я этого? В такой ситуации, как эта, встреча лицом к лицу с правдой означала бы конец всему, и прежде всего — мне. Симулакру нельзя страдать. Мори, Бобу Банди и папе нельзя ничего заметить. Поэтому я и пошел к НЕМУ — это себя я защищал, и мне это было известно лучше, чем кому бы то ни было в этой комнате, включая толпу за окном.

Мельком взглянув на меня, Линкольн отложил гусиное перо и произнес высоким, приятным голосом:

— Добрый день. Полагаю, что вы — мистер Льюис Роузен.

— Да, сэр, — ответил я.

А потом комната полетела мне в лицо. Бюро рассыпалось на миллион кусков. Они стали падать на меня, медленно паря. Я закрыл глаза и упал вперед, распростершись на полу, даже не успев протянуть руки. Я ощутил, как пол ударил меня. Я раскололся об него на части, и темнота окутала меня.

Я потерял сознание. Это было для меня слишком. Я упал замертво и похолодел.

Первое, что я осознал — это то, что нахожусь наверху, в офисе, прислоненный к стенке в углу. Рядом сидел Мори Рок, дымя сигаретой «Корина Ларкс», пристально глядя на меня, и держал под моим носом пузырек с нашатырным спиртом.

— Господи Иисусе! — воскликнул он, поняв, что я очнулся, — у тебя шишка на лбу и губа разбита.

Подняв руку, я ощупал шишку. Она показалась мне огромной, как лимон. Языком я мог ощутить клочья расквашенной губы.

— Я вырубился, — сказал я.

— Ну да.

Сейчас я увидел папу, ожидающего поблизости, и — вот напасть-то! — Прис Фрауенциммер в своем длинном сером плаще вышагивала взад-вперед и смотрела на меня с раздражением и слабым намеком на высокомерное веселье.

— Одно ЕГО слово, — заявила она, — и ты улетел! Велика беда!

— Ну и что, — умудрился пролепетать я.

Мори, ухмыляясь, сказал своей дочке:

— А не говорил я тебе? ОН производит впечатление!

— Что... что сделал Линкольн, — поинтересовался я, — когда я вырубился?

— ОН встал, поднял тебя и принес сюда, — ответил Мори.

— Иисусе! — пробормотал я.

— Почему ты упал в обморок? — спросила Прис, нагнувшись, чтобы внимательно разглядеть меня. — Какая шишка. Ты идиот. Но как бы то ни было, ОН собрал толпу. Ты не мог их не слышать. Я была там, снаружи, среди них, пытаясь пробиться сюда. Можно подумать, что мы сделали Бога или что-то в этом роде. Они сейчас прямо-таки ломились сюда, а парочка старушек только успевала креститься. А некоторые из них, если ты сможешь поверить в это...

— Ладно, — прервал ее я.

— Дай мне договорить.

— Нет, — возразил я. — Заткнись, ладно?

Мы пристально глядели друг на друга, потом Прис поднялась на ноги.

— Разве ты не чувствуешь? У тебя глубокая рана на губе? Тебе бы не мешало парочку швов на нее наложить.

Дотронувшись до губы пальцами, я обнаружил, что она все еще кровоточит. Возможно. Прис была права...

— Я отвезу тебя к доктору, — предложила Прис, потом подошла к двери и остановилась в ожидании: — Пойдем, Льюис.

— Да не нужны мне никакие швы! — заявил я, однако встал и не слишком твердой походкой последовал за ней.

Пока мы ждали лифт в холле, Прис спросила:

— Ты не слишком-то храбр, не так ли?

Я не ответил.

— Ты среагировал хуже, чем я. Хуже, чем любой из нас. Я удивлена. В тебе, должно быть, глубоко заложена склонность к малодушию, о которой никто из нас не знал. Держу пари, наступает момент, когда под влиянием стресса оно проявляется. Когда-нибудь у тебя обнаружатся тяжелые психологические проблемы.

Дверь лифта открылась, мы вошли вовнутрь. Дверь закрылась.

— А что, реагировать таким образом — очень плохо? — спросил я.

— В Канзас-Сити я научилась, как не следует реагировать, если это невыгодно мне. Именно это и выручило меня оттуда и спасло от болезни. Вот что они для меня сделали. Такая реакция, как у тебя — всегда плохой признак, так как указывает на дефект приспособляемости. Там, в Канзас-Сити они называют это паратаксисом. Тип эмоциональности, вступающей в межличностные отношения и усложняющей их. Не имеет значения, что это будет: ненависть, зависть или, как в твоем случае, — страх. Все равно это — паратаксис. А когда эти чувства приобретут достаточную силу — считай, что у тебя душевная болезнь. А когда они возьмут над тобой власть — у тебя «шиза», так случилось со мной. Хуже ничего быть не может.

Я приложил к губе носовой платок, промокая рану, но этим лишь разбередил ее. Я не мог объяснить Прис свою реакцию, да и не пытался.

— Можно, я поцелую бобо? — спросила Прис. — И до свадьбы заживет?

Я очень пристально посмотрел на нее, но ничего, кроме выражения нерешительности и участия, не увидел.

— Черт, — взволнованно ругнулся я, — она заживет... — Я был смущен и избегал смотреть на Прис, так как снова почувствовал себя маленьким мальчиком... — Взрослые так не разговаривают друг с другом, — пробормотал я. — Всякие там поцелуи и «бобо» — что это еще за глупый лепет?!

— Я только хочу помочь тебе... — Ее губы задрожали. — О, Льюис, — все кончено!

— Что еще кончено?!

— ОН жив. Я никогда больше не смогу к НЕМУ прикоснуться. Что же мне делать сейчас? У меня нет больше цели в жизни.

— Господи Иисусе! — вздохнул я.

— Моя жизнь пуста — я как будто бы мертва. Все, что я делала и о чем думала — был Линкольн. — Дверь лифта открылась, и Прис направилась в фойе. Я шел следом. — Тебе все равно, к какому доктору идти? Думаю, нам с тобой достаточно проехать чуть дальше по нашей же улице, — сказала Прис.

Мы сели в белый «ягуар», и она снова начала:

— Скажи мне, что делать, Льюис?! Я должна немедленно что-то предпринять!

Ответить на такой вопрос нелегко, и я просто сказал:

— Ты выкарабкаешься из этой депрессии...

— Я никогда еще не чувствовала себя ТАК.

— Я думаю. Может быть, ты сможешь добраться до Папы Римского. — Это было первое, что ни с того, ни с сего пришло мне в голову. Бессмыслица какая-то.

— Хотела бы я превратиться в мужчину. Женщины слишком зажаты со всех сторон. Тебе, Льюис, все пути открыты. А кем может стать женщина? Домохозяйкой или служащей, машинисткой или учительницей...

— Стань доктором, — предложил я, — зашивай разорванные губы.

— Я не переношу больных, убогих или дефектных. Ты это знаешь, Льюис. Именно поэтому я везу тебя к доктору. Я вынуждена отводить свой взгляд от такого покалеченного.

— Я не покалечен! У меня всего лишь рассечена губа!

Прис выжала педаль стартера, и мы выехали на дорогу.

— Я собираюсь забыть Линкольна. До конца своих дней я не вспомню о НЕМ. С этой минуты для меня это всего лишь объект, товар на продажу.

Я кивнул.

— Меня это волнует, так как Сэм Берроуз покупает ЕГО. У меня нет в жизни иной задачи, кроме этой. С сегодняшнего дня и на все остальное время мои мысли и поступки будут вертеться вокруг Сэма Берроуза.

Если даже мне и хотелось расхохотаться над тем, что она говорит, достаточно было лишь взглянуть ей в лицо. Выражение было таким унылым, таким несчастным и безрадостным, без малейшего проблеска хорошего настроения, что мне оставалось лишь кивать головой. Отвозя меня к врачу зашить губу, Прис не могла обойтись без торжественного повествования о том, чему именно она посвятит свою жизнь, будущее и все, что в этом будущем произойдет... Это вроде разновидности маниакальной прихоти. Понятно, что этот поток вырвался наружу оттого, что Прис вне себя от отчаянья. Прис казалось невыносимым провести хотя

бы миг без какого-нибудь занятия. Ей необходима цель. Путь насилия над Вселенной, только тогда жизнь приобретала смысл.

— Прис, — сказал я, — твоя проблема в том, что ты рассудительна.

— Ты не прав. Все говорят, что в своих поступках я руководствуюсь эмоциями.

— Ты руководствуешься железной логикой. Это ужасно. Тебе необходимо от этого избавиться. Скажи об этом Хорстовски, попроси его освободить тебя от логики. Ты живешь так, словно руль жизни изогнут в точности по какой-нибудь геометрической теореме. Смягчись, Прис! Будь беззаботной, сумасбродной и глупой. Соверши что-нибудь бесцельное и непреднамеренное. Ладно? Ну хотя бы, например, не тащи меня к врачу. Вместо этого выкинь-ка около чистильщика. И мои ботинки засияют!

— Они и так всегда сияют.

— Вот видишь? Видишь, как ты не можешь не быть логичной все время?! Останови-ка машину на следующем перекрестке, и мы с тобой выйдем и оставим ее на произвол судьбы или сходим в цветочный магазин, накупим цветов и забросаем ими других водителей!

— А кто заплатит за цветы?

— А мы их украдем. Не заплатим и убежим!

— Дай-ка мне это обдумать, — сказала Прис.

— Да хватит тебе думать-то! Ты что, никогда в детстве ничего не стащила?! И ни разу ничего не разбила. Ну, хотя бы уличный фонарь или другую общественную собственность, черт тебя дери?!

— Однажды я стащила леденцовую палочку в аптеке.

— Вот мы сейчас именно это и сделаем, — сказал я. — Найдем аптеку и снова станем детьми. Слямзим дешевый леденец, а потом усядемся где-нибудь в тенечке, например на газоне, и съедим его.

— Ты не сможешь есть, у тебя губа разбита...

Я произнес, настойчиво и рассудительно:

— Ладно. Допустим. Но ты-то сможешь! Или как? Соглашайся. Ты можешь пойти в аптеку прямо сейчас и сделать это. Даже без меня.

— Ты пойдешь со мной так или иначе?

— Если тебе хочется. Или же могу остановиться у обочины, не заглушив двигатель, и увезти тебя в ту же секунду, как только ты появишься. А потом ты уйдешь.

— Нет, — возразила Прис, — я хочу, чтобы ты зашел в аптеку вместе со мной. Ты можешь показать мне, какой леденец брать. Мне нужна твоя помощь.

— Хорошо, так и сделаю.

— Каково наказание за подобный проступок?

— Вечная жизнь, — ответил я.

— Ты меня дурачишь.

— Нет, — возразил я. — Я так считаю. — Действительно, я был глубоко серьезен.

— Ты что, хиханьки со мной устраиваешь?! Я вижу. Зачем ты это делаешь? Разве я смешна?

— О Боже, да нет же!

Но она уже составила себе мнение.

— Ты же знаешь, что я всему поверю. В школе меня постоянно дурачили из-за моей доверчивости. Они звали меня «ходячей наивностью».

Я предложил:

— Пошли в аптеку, Прис, и я покажу тебе. Позволь мне доказать тебе. Во имя твоего же спасения.

— Спасения? От чего?

— От уверенности твоего разума.

Прис колебалась. Я видел, что она приняла мои слова на веру, и сейчас боролась сама с собой, пытаясь понять, что же ей делать и как быть. Если она совершит ошибку... Потом девушка повернулась ко мне и сказала честно:

— Льюис, я верю тебе насчет аптеки. Я знаю, что ты не станешь дурачить меня и потешаться. Ты можешь ненавидеть меня, да так оно во многих отношениях и есть. Однако ты не из той породы людей, которым доставляет удовольствие издеваться над слабыми.

— Ты не слабая.

— Да, я такая. Просто у тебя отсутствует инстинкт, позволяющий это ощутить. Это хорошо, Льюис. А у меня наоборот: есть-то он есть, но мне от этого не легче.

— Легче — не легче, — громко передразнил я. — Прекрати, Прис. Ты подавлена, потому что, закончив творить Линкольна, временно осталась не у дел, и совершенно так же, как многие творческие натуры, испытываешь сейчас разочарование между одной и...

— Мы уже приехали, — сообщила Прис, замедляя ход машины.

После того как доктор осмотрел меня и отпустил, не видя никакой необходимости в наложении швов, мне удалось убедить Прис остановиться у бара, так как чувствовал — надо немедленно выпить. Я объяснил ей, что так принято отмечать

завершение какого-нибудь дела. Это именно то, что от нас требовалось. Мы видели пробуждение Линкольна к жизни — знаменательный момент, возможно, самый знаменательный в жизни каждого из нас. И все-таки, несмотря на всю его знаменательность, было в нем нечто зловещее и печальное, нечто подавившее всех, с чем не смог справиться ни один из нас.

— Мне только кружку пива, — сказала Прис, пока мы пересекали тротуар.

В баре я заказал ей пиво, а себе — ирландский кофе[1].

— Чувствуется, что в подобных местах ты чувствуешь себя как дома, — заметила Прис. — Ты много времени провел, околачиваясь по кабакам, не правда ли?

Я ответил:

— Есть у меня кое-какие соображения насчет тебя, и я должен поделиться ими с тобой. Неужели ты веришь своим обрывочным наблюдениям за другими людьми? Или высказывания такого плана у тебя всегда наготове, чтобы окружающим было неприятно? Если это так...

— А сам ты как считаешь? — спросила Прис голосом, совершенно лишенным выражения.

— Не знаю, что и думать.

— А тебе какое дело?

— Ты представляешь для меня огромный интерес, вплоть до мельчайших подробностей, и к тому же в любом аспекте.

— Но почему?

— История твоей жизни захватывающе увлекательна: шизоид — в десять лет; невроз навязчивых состояний — в тринадцать, законченная шизофреничка и подопечная Федерального правительства — в семнадцать. Сейчас ты наполовину излечена и снова живешь среди людей, но все еще... — Я замолчал. Совсем не ее трагическая история была причиной моего интереса. — Я скажу тебе правду. Я люблю тебя.

— Врешь.

Исправив неудачную формулировку, я сказал:

— Я МОГ БЫ полюбить тебя.

— Если что? — похоже, Прис страшно разнервничалась, голос ее дрожал.

— Не знаю, что-то удерживает меня.

— Страх.

— Возможно. Может быть, просто откровенный страх.

---

[1] Алкогольный напиток из смеси ирландского виски и кофе с сахаром и сливками.

— Ты меня дурачишь, Льюис, когда говоришь так? Зачем ты это сказал? Я имею в виду — про любовь?

— Нет, не дурачу.

Она нервно рассмеялась.

— Ты мог бы покорить женщину, если бы смог преодолеть свой страх. Не меня, а какую-нибудь женщину. Я не могу свыкнуться с мыслью, что ты сказал мне это. Льюис, ты и я — противоположности, ты знал об этом? У тебя все чувства наружу, я же свои всегда скрываю. Я глубже. Если бы у нас появился ребенок — на что это будет похоже? Я не могу понять женщин, которые постоянно рожают, совсем как суки... в год по младенцу. Вероятно, это очень мило — быть такой земной, такой самкой. — Она взглянула на меня краем глаза. — Для меня это — закрытая книга. Такие реализуют себя посредством своей прокреативной системы, разве не так? Ей-же-ей, я знала таких женщин, но я-то никогда такой не стану. Я не могу чувствовать себя счастливой, если не тружусь. Хотела бы я знать почему?

— Бог знает...

— Должно же быть какое-то объяснение! Все ведь имеет причину. Льюис, я не помню точно, но не думаю, чтобы кто-то из парней говорил мне когда-нибудь, что любит меня.

— Да ты что, так не бывает. Должны же хотя бы мальчишки в школе...

— Нет, ты — первый. Я с трудом соображаю, что мне делать... Я даже не уверена, что мне это по душе. Какое странное чувство...

— Прими его, — подсказал я.

— Любовь и творчество, — сказала Прис больше себе, чем мне. — То, что мы сделали со Стентоном и Линкольном — роды. Любовь — и роды: двое соединяются, не так ли? Ты любишь то, чему дал жизнь. А если ты любишь меня, Льюис, то должен желать слиться со мной, дабы призвать к жизни нечто новое, не так ли?

— Думаю, что да.

— Мы подобны богам, — продолжала Прис, — в нашем творчестве, в нашем гигантском труде. Стентон и Линкольн — новая раса... и все-таки, даря им жизнь, мы опустошаем себя. Разве ты сейчас не ощущаешь пустоту?

— Нет, черт возьми!

— Значит, ты очень сильно отличаешься от меня. Для тебя в этой задаче не было подлинного смысла. Прийти сюда, в этот бар... сиюминутный импульс, которому ты поддался. Мори и Боб, и твой папа, и Стентон — все они остались там, в САСА,

с Линкольном, а тебе до этого и дела нет. Потому что тебе ЗАХОТЕЛОСЬ посидеть в баре и пропустить рюмашку. — Ее усмешка была исполнена добродушия и терпимости.

— Похоже на правду, — согласился я.

— Я тебя пилю, а? Ведь на самом деле я не представляю для тебя никакого интереса. Ты заботишься исключительно о себе.

— Так оно и есть. Я понимаю, что ты права.

— Зачем ты сказал, что хочешь все обо мне знать? И зачем тебе было говорить, что ты чуть ли не влюблен в меня, если бы не страх удерживал тебя?

— Не знаю.

— Ты что, никогда не пытался посмотреть самому себе в лицо и понять мотивы собственных поступков? Я свои взгляды анализирую.

— Прис, поразмысли здраво! Ты — всего лишь одна из многих, не лучше и не хуже остальных. Тысячи американцев попадают в психиатрические клиники или уже в них пребывают, заболев шизофренией. Тысячи их попали под действие закона Макхестона. Допустим, ты привлекательна, но в той же Швеции или Италии кинозвездочек, которые гораздо привлекательнее тебя — как собак нерезаных. Твой интеллект...

— Это ты пытаешься сам себя убедить.

— Пардон? — ошеломленно спросил я.

— Ведь ты меня боготворишь и сопротивляешься против признания того, о чем только что рассуждал, — сказала Прис спокойно.

Я оттолкнул свою рюмку.

— Пошли-ка обратно в САСА. — Моя разбитая губа горела от спиртного.

— Я что-то не то сказала? — На минуту Прис пришла в замешательство. Она вновь продумывала все, что было ею сказано, мысленно исправляя и совершенствуя свои слова. — Я имею в виду — о том, что ты — моя противоположность...

Я приобнял ее за плечи.

— Допивай свое пиво и пошли.

Когда мы вышли из бара, Прис сказала:

— Опять ты на меня обиделся.

— Нет.

— Я стараюсь быть с тобой любезной. Но я всегда неправильно веду себя с людьми, когда изо всех сил стараюсь быть с ними вежливой и говорить то, что вынуждена говорить... Это плохо для меня — притворяться. Я же тебе говорила, что не смогу усвоить систему правил поведения, неестественных для

меня. Это никогда не срабатывает! — Она обвиняла, словно я все это пытался ей внушить.

— Слушай, — сказал я, когда мы вернулись в машину и включились в поток уличного движения..— Мы вернемся и продолжим выполнение задачи, которой посвятили свои силы. Сделаем Сэма Берроуза средоточием всего, что мы производим, ладно?

— Нет, — сказала Прис. — Это могу сделать только я, тебе это не под силу.

Я потрепал ее по спине.

— Знаешь, ты стала мне сейчас гораздо симпатичнее. Думаю, мы начинаем строить очень хорошие, здоровые, стабильные отношения друг с другом.

— Может быть, и так, — согласилась Прис, без малейшего подозрения, что в моих словах мог присутствовать хотя бы грамм сарказма. Она улыбнулась.

— Я надеюсь на это, Льюис. Люди должны понимать друг друга.

В САСА Мори возбужденно приветствовал нас:

— Где вы были так долго?! — вопил он, размахивая листком бумаги. — Я отправил телеграмму Сэму Берроузу — вот она, читайте! — и сунул мне бумажку в руки. Ощутив в душе укол тревоги, я развернул ее и прочел писанину Мори:

СОВЕТУЮ ВАМ ПРИЛЕТЕТЬ СЮДА НЕМЕДЛЕННО. СИМУЛАКР ЛИНКОЛЬНА. НЕВЕРОЯТНЫЙ УСПЕХ. ПРОСИМ ВАШЕГО РЕШЕНИЯ. ХРАНИМ ПРЕДМЕТ ДЛЯ ВАШЕГО ПЕРВОГО ОСМОТРА, КАК ГОВОРИЛОСЬ ПОСРЕДСТВОМ ТЕЛЕФОННОГО ЗВОНКА. ПРЕВОСХОДИТ БЕЗУМНЕЙШИЕ ОЖИДАНИЯ. НАДЕЖДА УСЛЫШАТЬ ОТ ВАС В ПРЕДЕЛАХ ДНЯ.

МОРИ РОК,
«АССОЦИАЦИЯ САСА»

— Он уже дал ответ? — спросил я.

— Нет еще, но телеграмму по телефону мы отправили только что.

Это было потрясение, и тут еще Боб Банди предстал передо мной.

— Мистер Линкольн просил передать, что он сожалеет и хочет узнать, как вы себя чувствуете. — Сам Боб выглядел крайне сомнительно.

— Передай ему, что прекрасно, — ответил я. И добавил: — И поблагодари его.

— Хорошо. — Банди ушел, дверь офиса закрылась за ним.

Я обратился к Мори:

— Я должен с этим согласиться, Рок. Ты докопался до истины. Я был не прав.

— Спасибо за то, что ты согласился со мной.

Прис вмешалась:

— Напрасно тратишь на него свою благодарность!

Возбужденно попыхивая своей «Кориной», Мори продолжил:

— У нас впереди куча работы. Я знаю, что сейчас Берроуз заинтересуется нами. Однако чего нам надо опасаться, — он понизил голос, — так это того, что такой человек может оставить нас, как щепку, за бортом. Я прав, дружище?

— Прав, — согласился я. У меня тоже возникали подобные мысли.

— Кстати, он, вероятно, поступал так уже миллионы раз с мелкими дельцами. Мы должны сплотиться, все мы, все пятеро, если считать Боба Банди. Правильно? — Он посмотрел вокруг, окинув взглядом Прис и нас с папой.

Папа сказал:

— Мори, а может быть, предложить это Федеральному правительству? — Он робко взглянул на меня: — Hab' Ich nicht Recht, mein Sohn?[1].

— Он уже связался с Берроузом, — сказал я. — Насколько нам известно, Берроуз уже направляется сюда.

— Мы можем отказать ему, — предложил Мори, — даже если он сюда заявится. Если у нас появится ощущение, что это необходимо направить в Вашингтон, федеральный округ Колумбия, вместо того чтобы вести переговоры с Берроузом.

— Спроси Линкольна, — посоветовал я.

— Что?! — резко выпалила Прис. — Вот еще, Господи помилуй!

— Я считаю, — продолжил я, — что надо обратиться к нему за советом.

— Что может неотесанный провинциальный политикан прошлого века знать о Сэме К. Берроузе?! — сардонически спросила Прис.

Настолько спокойно, насколько это только возможно, я произнес:

— Полегче, Прис!

---

[1] Или я не прав, сын мой? *(нем.)*

Мори торопливо вмешался:

— Давайте не будем ссориться. Все мы имеем право высказывать свое мнение. Думаю, мы продолжим начатое дело и покажем Линкольна Берроузу, а если по какой-нибудь дурацкой причине... — он внезапно оборвал. В офисе звонил телефон. Пара огромных шагов — и вот уже Мори поднимает трубку:

— «Ассоциация САСА». Мори Рок у телефона.

Молчание.

Повернувшись в нашу сторону, Мори беззвучно, одними губами произнес: БЕРРОУЗ.

«Вот оно, — сказал я себе. — Кости брошены».

— Да, сэр, — произнес Мори в трубку. — Мы вас встретим в аэропорту Буаз. Да, мы вас там увидим. — Лицо его пылало. Он подмигнул мне.

Я спросил у папы:

— Где Стентон?

— Что, mein Sohn?

— Симулакр Стентона — я его нигде не вижу. — Вспомнив о его враждебном отношении к Линкольну, я встал и подошел к Прис, пытаясь услышать завершение телефонного разговора Мори с Берроузом.

— Где Стентон? — громко спросил я у Прис.

— Не знаю. Банди куда-то ЕГО засунул. Вероятно, ОН в мастерской.

— Минуточку, — Мори оторвался от телефона и, обращаясь ко мне со странным выражением лица, сказал: — Стентон в Сиэтле. С Берроузом.

Я услышал, как Прис воскликнула:

— О нет!

Мори сказал:

— Вчера вечером ОН сел в скоростной автобус «Грэйхаунд», а сегодня утром приехал туда и сразу же встретился с Сэмом. Берроуз говорит, что они долго говорили друг с другом и поговорили хорошо. — Мори прикрыл рукой микрофон: — Берроуз еще не получал нашу телеграмму. Это именно Стентон пробудил в нем интерес. Сказать ему о Линкольне?

— Отчего бы и нет? — сказал я. — Он все равно получит телеграмму.

— Мистер Берроуз, — произнес Мори в трубку, — мы только что отправили вам телеграмму. Да, у нас есть действующий симулакр Линкольна, и это — небывалый успех, несравнимый даже со Стентоном. — Взглянув на меня с непередаваемой гримасой, он сказал: — Сэр, в полете вас будет сопровождать Стен-

тон, не так ли? Мы горим желанием получить его обратно. — Молчание, после чего Мори снова прикрыл микрофон: — Берроуз говорит, что Стентон выразил желание остаться в Сиэтле на денек-другой, осмотреть достопримечательности. ОН собирался подстричься и побывать в библиотеке, а если город ЕМУ понравится, ОН, возможно, даже подумает об открытии юридической конторы и поселится там.

— Боже милосердный! — воскликнула Прис, сжав кулаки. — Скажи Берроузу, чтобы он убедил ЕГО вернуться сюда!

Мори произнес в трубку:

— Можете ли вы убедить его лететь с вами, мистер Берроуз? — Снова пауза. — ОН уже ушел, — сказал наконец Мори, на этот раз не прикрывая микрофон. — Попрощался с Берроузом и исчез. — Мори насупился и вид у него был глубоко несчастный.

Я подсказал:

— Как бы то ни было, закончи разговор о прилете Берроуза.

— Хорошо. — Мори собрался с мыслями и снова проговорил в трубку: — Уверен, что с проклятой ВЕЩЬЮ ничего не случится, у НЕЕ есть деньги, не так ли? — Пауза. — И вы еще дали ЕМУ двадцать долларов? Хорошо. Мы ведь с вами в любом случае увидимся. Линкольн даже еще лучше. Да, сэр. Спасибо, до свидания. — Он повесил трубку, и теперь сидел, очумело уставившись в пол и кривя губы: — Я даже не заметил, что ОН ушел. Думаешь, ОН в обиде на Линкольна? Может быть, и так. Ведь у НЕГО адский характерец!

— Снявши голову, по волосам не плачут, — заявил я.

— Твоя правда, — пробормотал Мори, кусая губы. — И батарея у НЕГО заряжена на шесть месяцев! Мы сможем лицезреть ЕГО не раньше будущего года. Боже мой, мы вложили в него тысячи долларов... А что, если Берроуз водит нас за нос? Может, он запер ЭТУ ШТУКУ где-нибудь в подвале?!

— Если бы он так поступил, — сказала Прис, — он бы сюда не приехал. На деле же, может, это все и к лучшему. Может, Берроуз не приехал бы сюда вообще, если бы не Стентон со своими действиями и не их разговор. ОН-то с Сэмом увидится, а телеграмму тот вообще мог бы не получить! А если бы Стентон не сбежал, оставив Сэма с носом, может быть, тогда-то Берроуз и поймал бы ЕГО в ловушку, а с носом остались бы мы с вами, верно?

— Ага, — мрачно согласился Мори, а папу вдруг потянуло на расспросы.

— Мистер Берроуз — человек авторитетный, да? Человек с такой заботой об обществе, какую он проявляет — я имею в виду то

письмо, которое мой сын мне показывал. Там говорилось о строительстве домов для бедных, за которым он надзирает...

Мори, не меняя угрюмого выражения лица, снова согласно кивнул головой.

Гладя моего отца по руке, Прис ответила:

— Да, Джером, у этого парня развито чувство долга. Ты на него похож.

Папа просиял, посмотрел на нее, потом — на меня:

— Похоже, что все будет хорошо, nicht Wahr?[1]

И тут все мы закивали головами, со смесью страха и уныния в душе.

Дверь открылась, и появился Боб Банди, сжимая сложенный лист бумаги. Он подошел ко мне и сказал:

— Это записка от Линкольна.

Я развернул ее — это было краткое письменное выражение симпатии:

«Мистеру Льюису Роузену
Дорогой сударь!
Хочу справиться о Вашем состоянии с надеждой, что вы несколько поправились.
Искренне Ваш
А. Линкольн».

— Пойду поблагодарю его, — сказал я Мори.

— Конечно, сделай это, — ответил он.

Глава 9

У входа в главный вестибюль аэровокзала, пока мы ожидали на холодном ветру приземления рейса из Сиэтла, я сказал себе: «Чем он будет отличаться от остальных людей?»

Приземлился «Боинг-900», пробежал вдоль стартовой дорожки. Выдвинулись трапы, открылись двери, стюардессы помогали людям выйти, а у подножия каждого трапа служащие авиакомпании страховали народ от приземления задницей об асфальт. Тем временем тележки для перевозки багажа сновали вокруг, словно большие жуки, а справа, в стороне был припаркован грузовик компании «Стандарт стэйшнз» с включенными красными огнями.

---

[1] Не так ли, не правда ли? *(нем.)*

Начали появляться самые разнообразные пассажиры, выходящие из обеих дверей самолета толпой и стремглав сбегающие вниз по трапам. Вокруг нас друзья и родственники пассажиров проталкивались вперед и наружу, на летное поле, как только им разрешили. Рядом со мной нетерпеливо суетился Мори.

— Давай выйдем туда и поприветствуем его! — Они с Прис пошли, и мне ничего не оставалось делать, как присоединиться. Нас остановил служащий авиакомпании в голубой униформе, который махал нам, чтоб мы вернулись. Однако Мори и Прис проигнорировали его, впрочем, так же, как я. Мы добрались до подножия трапа первого класса, где и остановились в ожидании. Пассажиры спускались вниз друг за другом, кое-кто из них улыбался, а вот бизнесменов — тех сразу же можно было узнать по полнейшему отсутствию какого бы то ни было выражения на лицах. У некоторых из них был усталый вид.

— Вон он, — сказал Мори.

По трапу первого класса спускался стройный мужчина, одетый в серое, и слегка улыбался, держа на согнутой руке плащ. Когда он приблизился к нам, мне показалось, что одежда сидела на нем лучше, более естественно, чем на остальных. Пошита, несомненно, по заказу, вероятно, в Англии или Гонконге. Да и выглядел он более расслабленным. На нем были зеленоватые темные очки без оправы, а волосы, совсем как на фотографиях, подстрижены очень коротко, почти как в армии стригут. За Сэмом следовала приятного вида женщина, с которой мы были уже знакомы, — Колин Нилд, с блокнотом и бумагами под мышкой.

— Их трое в одной компании, — наблюдала Прис.

Был с ними еще мужчина, дородный коротышка, одетый в плохо сидящий коричневый костюм — брюки и рукава слишком длинные. Краснорожий тип с носом, как у доктора Айболита, и длинными, редеющими прямыми черными волосами, зачесанными вокруг куполообразного черепа. В галстуке у него торчала булавка. То, как он размашисто вышагивал за Берроузом, убедило меня в том, что это — атторней[1].

Это именно та манера, какую опытные юристы приобретают в судебной практике, как менеджер бейсбольного клуба, широко и независимо вышагивающий на поле, чтобы опротестовать решение судьи. «Жесты протеста — решил я, — одинаковы у представителей любой профессии. Ты все правильно понимаешь и идешь себе, болтая и размахивая руками».

---

[1] Поверенный в делах, юрист.

Атторней изо всех сил изображал из себя этакого сияющего, активного, всегда готового услужить малого. Он заболтался с Колин Нилд, треща с огромной скоростью. Мне он показался приятным — есть такие люди, из которых энергия так и прет — именно такого атторнея я и ожидал увидеть вассалом Берроуза. Колин, как и прежде, надела сине-черный клетчатый плащ из тяжелой материи, который висел на ней, словно свинцовый. Только на этот раз прибавились перчатки, шляпа и сумка в виде мешка. Колин прислушивалась к болтовне атторнея. Продолжая говорить, он жестикулировал во всех направлениях, словно маляр или прораб на стройке. Было в нем нечто такое, что возбудило во мне дружеское чувство, и сейчас я немного расслабился. Я решил, что атторней, похоже, большой шутник. И почувствовал, что понимаю его.

Но вот уже Берроуз достиг основания трапа: глаза скрыты за стеклами темных очков, голова опущена, словно он глаз не спускает со своих ног, опасаясь, как бы они чего-нибудь не выкинули... Он тоже слушал болтовню атторнея. Как только Берроуз ступил на летное поле, Мори припустил вперед:

— Мистер Берроуз!

Тот повернулся, остановился, отодвинулся, чтобы дать сойти с трапа сзади идущим, одним движением тела слегка изогнулся и пожал Мори руку:

— Мистер Рок?

— Да, сэр, — сказал Мори, тряся его ладонь. Колин Нилд с атторнеем и мы с Прис окружили их, а Мори говорил: — Это — Прис Фрауенциммер, а это — мой партнер, Льюис Роузен.

— Счастлив, мистер Роузен. — Берроуз обменялся со мной рукопожатием. — А это миссис Нилд, моя секретарша. Этот джентльмен — мистер Бланк, мой атторней. — Тут снова начались взаимные рукопожатия. — Холодно здесь, на поле, не правда ли? — Берроуз направился ко входу в здание. Он передвигался столь стремительно, что нам всем приходилось мчаться вслед галопом, словно стаду крупных, неуклюжих животных. Коротенькие ножки мистера Бланка наяривали, как в старом синематографе, где все происходит в ускоренном темпе. Однако не было никаких признаков того, чтобы это его волновало, — как бы там ни было, он продолжал излучать бодрость.

— Буаз, — заявил атторней, осматриваясь цепко вокруг. — Буаз, Айдахо. Что они еще придумают?!

Колин Нилд, нечаянно наткнувшись на меня, сказала:

— Приятно вновь увидеть вас, мистер Роузен. Нам очень понравилось ваше творение — симулакр Стентона.

— Сказочное создание! — проорал Бланк, оборачиваясь к нам — мы немного отстали. — Мы подумали, что ОН — из Налогового управления! — и мистер Бланк одарил меня персональной сердечной улыбкой.

Далеко впереди шли Берроуз и Мори. Прис частила за ними, так как дверь аэровокзала оказалась слишком узкой для троих. Берроуз с Мори вошли в здание, следом — Прис, потом — мистер Бланк, после чего — мы с Колин Нилд, так сказать, прикрывая тылы. Пока мы пересекали зал, а затем — тротуар рядом со стоянкой такси, Берроуз с Мори уже обнаружили лимузин. Шофер в униформе придерживал открытой одну из задних дверей, и наша парочка заползла вовнутрь.

— А багаж? — спросил я у миссис Нилд.

— Ровным счетом никакого. Слишком долго ждешь его выдачи. Мы собираемся здесь провести всего несколько часов и сразу же улетим обратно. Вероятно, одним из поздних ночных рейсов. Если придется задержаться, купим все, что нужно.

— Угу, — потрясенно промямлил я...

Вся наша компания тоже разместилась в лимузине — шофер скакал вокруг, помогая сесть в машину, и вскоре мы уже мчались по направлению к собственно Буаз.

— Не представляю, каким образом Стентон сможет открыть в Сиэтле юридическую контору! — сказал Мори. — У НЕГО нет лицензии на юридические услуги в штате Вашингтон.

— Да, думаю, вы увидите его снова через несколько дней, — Берроуз угостил сначала Мори, потом меня сигаретой из своего портсигара.

Подводя итоги, я пришел к выводу, что Берроуз отличается от нас тем, что выглядит так, будто бы его серый костюм из английской шерсти растет на нем, как мех на животном. Просто-напросто одежда составляла часть самого Сэма, так же, как ногти или зубы. Он совершенно не обращал на нее внимания, так же, впрочем, как и на свой галстук, ботинки, портсигар — он был равнодушен ко всему, что относилось к его внешнему виду.

Так вот что это такое — быть мультимиллионером... — решил я. Совершивший длинный прыжок с самого дна жизни, вечно чем-то озабоченный, я волновался, не расстегнулось ли у меня что-нибудь... Все мы такие, подонки общества, украдкой бросающие вниз мимолетные взгляды. Сэм К. Берроуз никогда в жизни не удостоил взглядом свою ширинку. Если бы она расстегнулась, он просто-напросто застегнул бы ее. «Хотел бы я быть богатым!» — сказал я себе...

Настроение мое сделалось подавленным. Мое состояние было безнадежно. И даже не мое поприще — заботиться о том, как завязан узел моего галстука. И похоже навсегда.

Да еще вдобавок Берроуз оказался на самом деле парнем с приятной внешностью — знаете, что-то в стиле Роберта Монтгомери. Не такой, конечно, красавчик, как тот. Сейчас Берроуз снял темные очки, и я заметил, что у него мешки и морщины под глазами. Однако он был крепко сбит, с фигурой тяжеловеса, приобретенной, вероятно, за игрой в гандбол на частном корте стоимостью в 5000 долларов. И, конечно же, у него первоклассный врач, запрещающий Сэму лакать дешевое спиртное или какое-нибудь пиво. Он никогда не питается в придорожных забегаловках... вероятно, никогда не ест ни кусочка свинины, а только лишь всякие там отбивные из ягнятины или говяжьи бифштексы да жаркое...

Естественно, у него ни унции лишнего дряблого тела, при такой-то диете! Это еще сильнее угнетало меня.

Сейчас я имел возможность убедиться, каким образом сказались на нем эти чашки моченого чернослива по утрам в пять часов и ежедневные четырехмильные пробежки по городским улицам в шесть утра. Эксцентричный юный миллионер, чей портрет поместил «Лук», не собирался откидывать копыта в сорок от сердечного приступа. Он собирался жить и наслаждаться своим богатством. И ни одна вдова не унаследует капитал, вопреки нашему национальному стилю.

Эксцентрично, черт!

ЗДОРОВО.

Был восьмой час вечера, когда наш лимузин въехал в Буаз, а мистер Берроуз и двое его работников сообщили, что еще не обедали. Знаем ли мы хороший ресторан в Буаз? В Буаз нет хороших ресторанов.

— Нам нужно всего лишь место, где мы сможем получить жареных креветок, — сказал Берроуз. — Легкий ужин такого плана. В самолете мы немного выпили, однако никто из нас не поел. Мы были слишком заняты болтовней.

Мы отыскали более-менее сносный ресторан. Старший официант провел нас в подковообразный, обитый кожей кабинет на задах заведения. Мы разделись и сели за стол.

Заказали аперитив.

— Вы правда нажили свое первоначальное состояние, играя в покер в армии? — задал я Берроузу вопрос.

— Нет, это был крэп[1].

Шестимесячная игра в крэп во время плаванья. Покер требует умения — у меня было лишь везение.

Прис сказала:

— Но не везение же подарило вам недвижимость.

— Нет, так получилось оттого, что моя мать сдавала внаем комнаты в нашей прежней квартире, в Лос-Анджелесе, — пояснил Берроуз и посмотрел на Прис.

— И это, — сказала Прис так же возбужденно, — отнюдь не везение сделало вас Дон-Кихотом, успешно привлекшим Верховный суд Соединенных Штатов к борьбе за принятие решения против Космического агентства и его прожорливости в полной монополизации лун и планет.

Берроуз согласно кивнул ей.

— Вы щедры в вашем описании. Я владел тем, что, как я полагал, являлось имеющим силу документом, утверждающим право собственности на участки грунта на Луне. Мне захотелось проверить действенность этих документов таким путем, чтобы они никогда не могли быть снова оспорены. Скажите, ведь мы с вами уже встречались?

— Да, — ответила Прис, сияя глазами.

— Тем не менее никак не могу вспомнить, при каких обстоятельствах?

— Это было совсем недолго. В вашем офисе. Я не упрекаю вас, что вы забыли. Во всяком случае, я-то вас запомнила. — Она не сводила с парня глаз.

— Вы — дочь Рока?

— Да, мистер Берроуз.

В этот вечер она выглядела несравненно лучше. С прической, с другим, скрывающим ее бледность, гримом, который не был таким ярким и не делал ее лицо похожим на маску, как она привыкла краситься в последнее время. Сейчас, когда Прис сняла плащ, я увидел, что она нарядилась в красивую пушистую шерстяную кофточку с коротким рукавом, украшенную золотой брошкой в виде змейки на правой груди. И ей-богу, вроде бы была сегодня в лифчике — знаете, есть такие, создающие видимость присутствия бюста при его полном отсутствии. Ради такого случая Прис раздобыла себе грудь! А когда она поднялась, чтобы повесить плащ, я заметил, что ее высокие тоненькие каблучки продолжались парой премиленьких ножек. Значит, когда того требовали обстоятельства, Прис могла держаться даже более чем корректно...

---

[1] Американская азартная игра в кости.

— Позвольте мне помочь, — сказал Бланк, выхватив у нее плащ и подпрыгивая, чтобы достать до вешалки и повесить его на крючок. После чего он вернулся, поклонился, весело улыбнулся и уселся на свое место. — Вы уверены, — прогремел атторней, — что этот грязный старикашка, — он указал на Мори, — на самом деле ваш отец? Или вы случайно согрешили, похитив статую, сэр? — Он нацелил палец в Мори в притворно патетической манере. — Позор вам, о сэр! — И улыбнулся нам.

— Вы любите ее эгоистической любовью, — сказал Берроуз, оторвав у креветки кончик хвоста и положив его рядом. — Откуда вы знаете, что она — не один из этих симулакров, как Стентон?

— Я беру дюжину гросов![1] — воскликнул Бланк, блестя глазами.

Мори сказал:

— Она действительно моя дочь. Долгое время отсутствовала — училась. — Видно было, что ему не по себе.

— И возвратилась. — Бланк понизил голос. Подчеркнуто хриплым шепотом он подал Мори реплику: — В ИНТЕРЕСНОМ ПОЛОЖЕНИИ, не правда ли?

Мори через силу ухмыльнулся.

Чтобы сменить тему, я подал голос.

— Приятно снова с вами встретиться, миссис Нилд.

— Спасибо.

— Мы прямо-таки обалдели от этого робота Стентона, — обратился к нам с Мори Берроуз. Он держал локти на столе, скрестив руки на груди, доев свои креветки, и вид у него был сытый и этакий лоснящийся. Для человека, начинающего день с моченых слив, он выглядел полностью довольным. Лично я должен был признать: для меня это выглядело обнадеживающе.

— Люди, вас есть с чем поздравить! — сказал Бланк. — Вы создали монстра! — Довольный собой, он громко захохотал. — А я говорю вам — убейте ЕГО! Соберите толпу с факелами! Вперед!

Мы все были вынуждены смеяться над этим...

— Каким образом в конце концов погибло чудовище Франкенштейна? — спросила Колин.

— Это был лед, — сказал Мори. — Замок горел, и они стали поливать его из брандспойтов, а вода превратилась в лед.

— Но монстра нашли застывшим во льду в следующем фильме, — вмешался я, — и оживили его.

---

[1] Грос — 60 штук.

— Он скрылся в преисподней с бурлящей лавой, — сказал Бланк. — Я там был и сохранил пуговицу с его плаща. — С этими словами он извлек из кармана и продемонстрировал каждому из нас пуговицу: — От всемирно известного монстра Франкенштейна.

— Она от твоего пиджака, Дэвид! — сказала Колин.

— Как?! — Бланк, нахмурясь, бросил быстрый взгляд вниз. — И правда! Это же моя собственная пуговица! — И снова расхохотался.

Берроуз, исследуя свои зубы краем ногтя большого пальца, обратился к нам с Мори:

— Во сколько вам обошлась сборка робота Стентона?

— Около пяти тысяч, — ответил Мори.

— А каковы будут затраты на единицу, если их производить в большом количестве? Скажем, если собрать их несколько сот тысяч?

— Черт, — не растерялся Мори, — я бы сказал, что где-то около шестисот долларов. Разумеется, они должны быть одинаковыми, иметь такие же управляющие монады и идентичные ленты с записями.

— Так это что, — спросил его Берроуз, — версия говорящих кукол в натуральную величину, которые пользовались таким успехом в прошлом, точнее...

— Нет, — возразил Мори, — не совсем так.

— Ладно, ЭТО болтает и двигается. ОНО добралось на автобусе до Сиэтла. Разве это не чуточку усовершенствованный принцип автомата? — И прежде, чем Мори смог ответить, Берроуз продолжил: — То, что я здесь нахожу, — на самом деле не представляет из себя ничего НОВОГО, или я не прав?

Молчание...

— Безусловно, — сказал Мори, и вид у него сейчас был ох какой невеселый... А еще я заметил, что хорошее настроение Прис вдруг тоже куда-то пропало.

— Хорошо, разжуйте мне тогда суть проблемы, будьте так любезны, — сказал Берроуз, все так же вежливо и непринужденно. Подняв фужер сухого венгерского вина, он отхлебнул глоток: — Ну же, Рок, вперед!

— Это совсем не автомат, — сказал Мори. — Вы знакомы с работой англичанина Грэя Уолтера — черепахами? Это то, что называется гомеостатической системой. Она отрезана от окружающей среды и производит собственные реакции. Она — как полностью автоматизированная фабрика, сама себя ремонтиру-

ющая. Знаете ли вы, к чему относится понятие «обратная связь»? Там в электрических системах...

Дэйв Бланк положил Мори руку на плечо:

— То, что хотелось бы знать мистеру Берроузу — так это как он должен улаживать дела с патентованием, если мне будет позволено применить столь неуклюжее выражение, ваших роботов Стентона и Линкольна?

Прис проговорила тихо и сдержанно:

— Мы полностью защищены в бюро патентов. Наша заявка прошла. Она полностью легальна.

— Приятно слышать, — сказал Берроуз и улыбнулся ей, ковыряя в зубах. — Так как иначе здесь нечего было бы покупать.

— Многие принципы усложнены, — пояснил Мори. — Электронный симулакр Стентона — завершение направления работ, которое в течение ряда лет развивалось многочисленными научно-изыскательскими коллективами. Как самостоятельными, так и работавшими под эгидой правительства. И, если мне будет позволено так выразиться, все мы чрезвычайно довольны и даже поражены великолепными результатами... Вы сами увидели их, когда Стентон в Сиэтле вышел из автобуса «Грэйхаунд» и взял такси до вашего офиса.

— Он пришел, — сказал Берроуз.

— Простите?

— Я говорю — он пришел в мой офис с автовокзала компании «Грэйхаунд».

— В любом случае, — продолжил Мори, — то, чего мы здесь достигли, не имеет прецедентов в электронике.

Пообедав, мы поехали в Онтарио и добрались до своего офиса только в десять.

— Забавный городок, — заметил Дэйв Бланк, обозревая опустевшие улицы. — Все уже спят.

— Подождите-ка, вот увидите Линкольна! — сказал Мори, когда мы вышли из машины.

Они остановились перед витриной демонстрационного зала и стали читать объявление насчет Линкольна.

— Сукой буду! — воскликнул Берроуз, прижав лицо к витрине, вглядываясь в сумрак за стеклом. — Никаких признаков жизни! Что ОНО делает ночью — спит? Или вы каждый вечер укокошиваете его из-за угла — часиков этак в пять, когда возле вашей лавочки больше всего народу гуляет?

Мори сказал:

— Вероятно, Линкольн внизу, в мастерской. Сейчас мы туда спустимся. — Он открыл дверь ключом и отодвинулся, чтобы пропустить нас.

Сейчас мы стояли у входа в темную ремонтную мастерскую, пока Мори нащупывал выключатель, наконец он его нашел...

Линкольн был там — он сидел, задумавшись, в темноте.

Берроуз сразу же сказал:

— Мистер президент!

Я заметил, как он слегка подтолкнул локтем Колин Нилд. Бланк, как всегда, был переполнен энтузиазмом и скалился с жадной, безоблачной сердечностью голодного, но самоуверенного кота. Несомненно, он получал от происходящего колоссальное удовольствие. Миссис Нилд была близка к обмороку. Она вытянула шею, раскрыв рот от изумления, чувствовалось, что она по-настоящему потрясена. Берроуз, конечно же, вошел в мастерскую без малейших колебаний, точно зная, что ему делать. Он не протянул Линкольну руку, а остановился в нескольких шагах от него, всем своим видом изображая почтение.

Поворачивая голову, Линкольн наблюдал за ним с меланхолическим выражением. Мне никогда еще не приходилось видеть такого отчаяния, какое было написано у НЕГО на лице, и я невольно отпрянул. Так же среагировал Мори. Прис вообще никак не прореагировала. Она просто осталась стоять в дверях. Линкольн, поколебавшись, поднялся на ноги, потом постепенно выражение боли стало исчезать с ЕГО лица, и ОН произнес прерывистым пронзительным голосом, составляющим разящий контраст с ЕГО высоким остовом:

— Да, сэр. — Симулакр изучал Берроуза с высоты своего роста с доброжелательным интересом. Глаза ЕГО немного блестели.

— Мое имя Сэм Берроуз, — представился тот. — Огромная честь встретиться с вами, мистер президент.

— Благодарю вас, мистер Берроуз, — ответил Линкольн. — Не будете ли вы так любезны войти и расположиться?

Обращаясь ко мне, Дэйв Бланк издал шепотом свист изумления и благоговения, широко раскрыв глаза и хлопнув меня по спине.

— Фиии, — тихонечко произнес он.

— Вы помните меня, господин президент? — спросил я симулакра.

— Да, мистер Роузен.

— А как насчет меня? — безразлично спросила Прис.

Симулакр неуклюже еле заметно поклонился, дабы соблюсти приличия.

— Мисс Фрауенциммер. И вы, мистер Рок... личность, на которой держится это сооружение, не так ли? — Симулакр дернул головой: — А также владелец или совладелец, если я не ошибаюсь?

— Чем вы занимались? — спросил Мори.

— Размышлял о ремарке Лаймана Трамбулля. Как вы знаете, Джадж встретился с Бьюкененом и они беседовали о Лекомптонской конституции и Канзасе. Джадж Дуглас позже проявил себя. Он сражался с Бьюкененом, несмотря на угрозу принятия правительственных мер. Я не поддержал Джаджа Дугласа, как это сделали многие близкие мне люди из числа членов моей собственной партии, как не поддержал и республиканцев и их дело. Однако в Блумингтоне, где я находился в конце 1857, мне не приходилось видеть республиканцев, переходящих на сторону Дугласа, как увидел некто в Нью-Йоркской «Трибюн». Я попросил Лаймана Трамбулля написать мне из Спрингфилда — мне хотелось, чтобы он рассказал мне, как...

Берроуз оборвал Линкольна на этом месте:

— Сэр, если вы позволите... У нас здесь дела, их надо закончить, а затем мы вот с этим джентльменом, мистером Бланком, и присутствующей здесь миссис Нилд должны лететь обратно в Сиэтл.

Линкольн поклонился.

— Миссис Нилд, — он протянул руку, и та, фыркнув словно школьница, вышла вперед, чтобы пожать ее. — Мистер Бланк, — они обменялись степенным рукопожатием с пухлым коротышкой. — Не состоите ли вы в родстве с Натаном Бланком из Кливленда, сэр?

— Нет, не состою, — ответил Бланк, энергично пожимая ладонь симулакра. — Одно время вы были атторнеем, не правда ли, мистер Линкольн?

— Да, сэр, — ответил тот.

— Это и моя профессия.

— Понимаю, — с улыбкой сказал Линкольн. — У вас сейчас превосходная возможность поспорить о всяких пустяках.

Бланк разразился искренним смехом.

Возникнув рядом с Бланком, Берроуз обратился к симулакру:

— Мы прилетели сюда из Сиэтла, чтобы обсудить с господами Роузеном и Роком финансовую сделку, касающуюся субсидирования компанией «Берроуз энтерпрайзис» фирмы «Ассоциация САСА». Прежде чем перейти к завершению, мы хотели встретиться и побеседовать с вами. На днях мы встречались со Стентоном. Он приехал на автобусе, чтобы посетить нас. Мы

приобретаем вас и Стентона в качестве имущественных вкладов «Ассоциации САСА», так же, как и основные патенты. Как бывший атторней, вы, вероятно, достаточно хорошо знакомы со сделками такого типа. Мне было бы любопытно спросить вас кое о чем. Как вы ощущаете современный мир? Известно ли вам, какой сейчас год? — говоря это, Сэм проницательно разглядывал симулакр.

Линкольн ответил не сразу. Пока он собирался с мыслями, Мори жестами отозвал Берроуза в сторону. Я присоединился к ним.

— Все это не в тему, — сказал Мори. — Вы прекрасно знаете, что ОН не был создан для того, чтобы иметь дело с такими вопросами.

— Ваша правда, — согласился Бероуз, — но мне любопытно.

— Не любопытствуйте. Вы забавно себя почувствуете, если по вашей милости перегорит один из ЕГО главных контуров.

— ОН что, такой нежный?

— Нет, — ответил Мори, — но вы раздражаете ЕГО.

— Отнюдь. Он так похож на живого, что мне хотелось бы знать, насколько ОН отдает себе отчет в своем новом существовании.

— Оставьте ЕГО в покое, — сказал Мори.

Берроуз сделал резкий жест:

— Непременно. — Потом поманил рукой Колин Нилд и своего атторнея: — Закругляем наше дело и отправляемся в Сиэтл. Дэвид, ты доволен тем, что здесь видишь?

— Нет, — ответил Бланк, как только подошел к нам. Колин осталась с Прис и симулакром. Женщины задавали ЕМУ какие-то вопросы о полемике со Стивеном Дугласом. — По-моему, — продолжил Бланк, — ЭТА ШТУКА ни в какое сравнение не идет со Стентоном. Она и работает-то намного хуже!

— А в чем дело-то? — спросил Мори.

— ЭТОТ... запинается.

— ОН только что появился на свет! — возразил я.

— Нет, это не так, — попытался внести ясность Мори. — Просто это — совершенно другая личность. Стентон более непреклонен, категоричен. — А мне Мори сказал: — Я знаю чертовски много об этих двоих. И Линкольн был именно таким. Я сделал записи. У него были периоды погруженности в тяжкие раздумья. Именно в таком состоянии ОН пребывал сегодня, когда мы вошли сюда. В другое время ОН бывает несколько подобрее. — Бланку Мори сказал: — Такой у НЕГО характер. Если вы останетесь некоторое время поблизости, вам удастся

увидеть ЕГО в ином расположении духа. ОН легко поддается переменам настроения — вот он каков. Линкольн не такой самоуверенный, как Стентон. Я хочу сказать, что это совсем не из-за какого-нибудь дефекта электросхемы. Так и было задумано.

— Понимаю, — сказал Бланк, но прозвучало это неубедительно.

— Я знаю, чего вы добиваетесь, — заявил Берроуз. — Похоже, что отсрочки.

— Правильно, — обрадовался Бланк. — Похоже, они не так уж первоклассно сделали ЕГО. В этой железке может быть масса скрытых дефектов.

— А ты заметил, какую линию они гнут под шумок? — заявил Берроуз, — насчет того, чтобы мы не задавали ЕМУ вопросов о современности. Ты уловил?

— Ну а как же, — ответил Бланк.

— Сэм, — обратился я к Берроузу, бросаясь вперед, — вы совсем не заметили ЕГО достоинств. Возможно, в этом виновата ваша усталость после перелета из Сиэтла, да еще вон сколько вам пришлось трястись в машине, пока добрались из Буаз сюда. Честно говоря, я считаю, что вы быстро усвоили принцип действия симулакров, так давайте же позволим теме продвигаться вперед, ради наших с вами хороших отношений. Идет? — И я улыбнулся.

Берроуз молча созерцал меня, так же как и Бланк. В дальнем углу Мори, взгромоздившись на рабочий табурет, пускал своей сигарой одинокие клубы голубоватого дыма.

— Мне понятно, что вы разочаровались в Линкольне, — продолжал я, — и я с вами согласен. Честно говоря, Стентона мы специально натаскали.

— А! — У Бланка заблестели глазки.

— Идея принадлежала не мне. Присутствующий здесь мой партнер нервничал и захотел заварить всю эту кашу. — Я качнул головой в сторону Мори. — Это был не самый правильный поступок в его жизни, но, как бы то ни было, он ведь уже совершен! Он хотел решить дело с симулакром Линкольна, так как это — основа сделанного «Ассоциацией САСА» истинного открытия. Так давайте же вернемся и продолжим задавать ему вопросы.

Втроем мы подошли туда, где стояли миссис Нилд и Прис, внимая высокому, сутулому, бородатому симулакру.

— ...приводит цитаты из моих речей, из содержания которых следует, что негр был включен в ту статью Декларации независимости, где говорится о том, что все люди созданы равными.

Джадж Дуглас говорит, что я сказал это в Чикаго. А потом продолжает, что в Чарльстоне я говорил, что негр принадлежал к подчиненной расе. И это, я так полагаю, не было предметом спора морального свойства, а вопросом общественного положения. В Гейлсбурге я возвратился к этой проблеме и еще раз сказал, что это был моральный вопрос. — Симулакр одарил нас мягкой, скорбной улыбкой. — Вслед затем некоторые люди из публики стали выкрикивать: «Он прав!» Я был доволен, что кто-то признал мою правоту, так как мне казалось, что Джадж Дуглас поцеловал меня в фалды фрака.

Прис и миссис Нилд понимающе засмеялись. Остальные стояли молча.

— Пожалуй, самое горячее одобрение Джадж Дуглас получил, когда сказал, что вся Республиканская партия северной части страны стойко придерживается доктрины, гласящей о том, чтобы не было больше рабовладельческих штатов, и что та же самая доктрина отвергается республиканцами остальной части нашего государства... и Джадж поинтересовался, не является ли мистер Линкольн и его партия примером того самого случая, который мистер Линкольн цитировал из Писания — о доме, который был сам с собой не в ладу, разделил себя на части и рухнул. — Голос симулакра приобрел шутливый оттенок. — Джадж поинтересовался, совпадают ли мои принципы с принципами Республиканской партии. Конечно, я не получил возможности ответить Джаджу вплоть до октября, в Квинси. Однако я сказал ему там, мол, он сколько угодно может доказывать, что конский каштан — то же самое, что каштановый конь. Несомненно, у меня не было ни малейшего намерения выносить на рассмотрение вопрос политического и социального равенства между черной и белой расами. Между ними существует физическое различие, которое, на мой взгляд, всегда будет препятствовать их совместному проживанию на принципах идеального равенства. Однако же я считаю, что негр имеет такое же право на жизнь, свободу и поиски счастья, как и любой белый человек. Он не ровня мне во многих отношениях: несомненно — по цвету кожи, возможно — по интеллектуальным способностям и моральным качествам. Но вправе есть хлеб, заработанный собственным трудом, без чьего бы то ни было разрешения. Он ровня мне, и ровня Джаджу Дугласу, и ровня — любому человеку. — Симулакр сделал паузу, потом продолжил: — После этих слов я получил несколько хороших одобрительных возгласов.

Сэм Берроуз обратился ко мне:

— Вы просто поставили ЕМУ вовнутрь катушку ленты, которая сматывается и разматывается, разве не так?

— ОН свободен говорить все, что пожелает, — сказал я.

— Все?! ВЫ ЧТО, ХОТИТЕ СКАЗАТЬ, ЧТО ОН ЖЕЛАЕТ ПРОИЗНОСИТЬ РЕЧИ? — Берроуз мне явно не поверил. — Я не вижу, чтобы ЭТО чем-то отличалось от обычного механического устройства в виде человека, переодетого в исторические одеяния. Такая же вещь демонстрировалась в 1939 году на Всемирной ярмарке в Сан-Франциско. Это был Педро Водор.

Обмен репликами между мною и Берроузом не ускользнул от внимания симулакра Линкольна. На самом деле — и он, и Прис, и миссис Нилд смотрели сейчас в нашу сторону и прислушивались к разговору.

Линкольн обратился к мистеру Берроузу:

— Скажите, вероятно, я плохо расслышал не столь давно произнесенное вами. Кажется, вы изволили высказать намерение «приобрести» меня в качестве какого-то имущества? Верно ли я припоминаю? Если это так, то я желал бы знать, каким образом вы сможете приобрести меня или кого-либо другого, в то время как мисс Фрауенциммер говорит мне, что сейчас между расами существует даже большая справедливость, чем когда-либо ранее. Я немного сбит всем этим с толку. Однако верю, что сегодня не может быть и речи о «приобретении» любого человека на Земле, даже в России, где это практикуется повсеместно...

Берроуз ответил:

— Это не распространяется на механических людей.

— Вы меня имеете в виду? — спросил симулакр.

Берроуз выдавил сквозь смех:

— Ну, конечно, да, имею!

Глубокомысленно теребя подбородок и переводя при этом взгляд с Берроуза на симулакра и обратно, коротышка атторней Дэвид Бланк стоял рядом с хозяином.

— Можете ли вы сказать мне, сэр, — спросил симулакр у Сэма, — что такое человек?

— Да, могу, — ответил тот, поймав взгляд Бланка: ему все это явно нравилось. — Человек — разветвленная редиска. — Потом добавил: — Это определение привычно для вас, мистер Линкольн?

— Да, сэр, конечно же, — ответил симулакр. — Шекспир вложил его в уста своего Фальстафа, не так ли?

— Правильно, — сказал Берроуз. — А я бы к этому добавил: человека можно определить как животное, носящее в кармане

носовой платок. Как насчет такого подхода? Мистер Шекспир этого не говорил.

— Нет, сэр, — согласился симулакр, — не говорил. — И он от всей души рассмеялся. — Я ценю ваш юмор, мистер Берроуз. Могу ли я использовать это замечание в одной из своих речей?

Берроуз кивнул головой.

— Благодарю вас, — сказал симулакр. — Только что вы определили человека как животное, пользующееся носовым платком. Однако что же такое — животное?

— Могу вам сказать, что вы — не оно, — пояснил Берроуз, держа руки в карманах. Вид у него был абсолютно уверенный. — Животное обладает биологической наследственностью и строением, которые у вас отсутствуют. Вы получили электронные лампы, катушки и выключатели. Вы — машина. Совсем как... — Сэм задумался, подыскивая сравнение, — как прядильный станок. Как паровоз. — Он подмигнул Бланку: — Может ли паровоз полагать, что имеет право на защиту согласно статье Конституции, на которую ссылался мистер Линкольн? Приобретает ли он право съедать заработанный хлеб, подобно белому человеку?

Симулакр спросил:

— Может ли машина говорить?

— Безусловно. Радиоприемники, фонографы, магнитофоны, телефоны — все они только и делают, что верещат как ненормальные.

Симулакр обдумывал услышанное. ОН не знал, что это за штуки такие, но мог строить умные догадки. У НЕГО было достаточно времени, чтобы поупражняться в мыслительном процессе. Все мы могли это оценить.

— Тогда что же такое машина, сэр? — снова обратился к Берроузу симулакр.

— Вы — одна из них. Эти люди сделали вас. Вы принадлежите им.

Продолговатое, обрамленное темной бородой морщинистое лицо искривилось веселой, нетерпеливой гримасой, когда симулакр пристально смотрел на Берроуза.

— Значит, вы, сэр, — машина. Потому, что у вас тоже есть Создатель. И так же, как «эти люди», Он сотворил вас по Своему образу и подобию. Я доверяю Спинозе, великому еврейскому ученому, который придерживался следующего мнения относительно животных. Он считал, что животные — это умные машины. Мне кажется, что решающим понятием является душа. Машина может делать все, что может делать человек — вы с этим согласитесь. Но у нее нет души.

— Души нет, — возразил Берроуз. — Все это чушь.

— Значит, — сказал симулакр, — машина — то же, что и животное. — ОН продолжил в своей сухой, настойчивой манере: — И животное — то же самое, что и человек. Разве это неверно?

— Животное сделано из плоти и крови, а машина — из электросхем и электронных ламп, как вы. В чем же суть всего этого? Вы чертовски прекрасно знаете, что вы — машина. Когда мы сюда вошли, вы здесь сидели себе в темноте и одиночестве, размышляя об этом. Ну и что же? Я знаю, что вы — машина, но мне наплевать. Единственное, на что мне не наплевать — работаете вы или нет. Что касается меня, то вы работаете недостаточно хорошо, чтобы интересовать меня. Может быть, когда-нибудь попозже, если в вас поменьше дефектов будет. Все, что вы можете — это разглагольствовать о Джидже Дугласе, и еще у вас наготове лишь куча пустой болтовни о политике и социальных вопросах, которая и на хрен никому не нужна.

Его атторней, Дэйв Бланк, обернулся, чтобы глубокомысленно взглянуть на него, все еще теребя подбородок.

— Думаю, мы тронемся обратно в Сиэтл, — сказал ему Берроуз, после чего обратился к нам с Мори: — Вот мое решение: мы войдем в дело. Однако, поскольку наши капиталовложения будут большими, мы должны контролировать прибыль и получать ее большую часть, а значит, и курс будем определять мы. Например, эта идея с Гражданской войной — чистейший абсурд. Вот так-то.

Он застал меня совершенно врасплох, я, заикаясь, только и смог выдавить:

— Ччттто?

— Схема Гражданской войны может принести ощутимый доход единственным путем — вам и за миллион лет такого не придумать! Переиграть Гражданскую войну с помощью роботов — да! Но прибыль получают тогда, когда все для этого тщательно подготовлено. Следовательно, надо дать людям возможность заключать пари насчет ее исхода.

— Какого исхода? — спросил я.

— А такого! Они должны заключать пари, какая сторона победит — «синие» или «серые»![1] — заявил Берроуз.

— Как в чемпионате США по бейсболу, — подсказал Дэйв Бланк, глубокомысленно насупясь.

— Именно, — закивал головой Берроуз.

---

[1] «Синие» и «серые» — армии северных и южных штатов в Гражданской войне.

— Юг не мог победить, — сказал Мори, — там не было промышленности!

— Значит, надо создать систему, уравнивающую шансы воюющих, — подсказал Берроуз.

У нас с Мори языки поотнимались. Наконец я смог выдавить:

— Вы, наверное, шутите!

— Я говорю всерьез.

— Национальная эпопея превращена в лошадиные бега? В собачьи гонки? В лотерею?

Берроуз пожал плечами.

— Я вам подарил идею на миллион долларов. Вы вольны отбросить ее — это ваше право. Могу вам сказать, что это — единственный путь использования ваших кукол в Гражданской войне, который позволит оправдать затраты и получить кой-какую прибыль. Лично мне они нужны совершенно для других целей. Я знаю, откуда пришел к вам ваш инженер, Роберт Банди. Мне известно, что раньше он работал в Федеральном космическом агентстве над разработкой контуров для симулакров, которых они выпускают. В конце концов, для меня крайне важно знать все, что только возможно о всяких там железках, имеющих отношение к завоеванию Космоса. Я отдаю себе отчет, что ваши Стентон с Линкольном — всего лишь несовершенные модификации систем, создаваемых в лабораториях правительства.

— Более совершенные, — прохрипел Мори. — Симулакры правительства — всего лишь движущиеся машины, ползающие в безвоздушном пространстве, где не может существовать человек.

Берроуз спросил:

— Знаете что? Давайте-ка рассмотрим вот какой вопрос: можете ли вы производить симулакров, способных испытывать друг к другу что-то вроде дружбы?

— Что? — в унисон переспросили мы с Мори.

— Я мог бы использовать множество симулакров, задуманных таким образом, чтобы смотреться как любая семья, живущая по соседству. Дружелюбная, всегда готовая прийти на помощь, работящая семья, которую любой мог бы пожелать себе в соседи. Люди, рядом с которыми вам хотелось бы жить, люди, которых вы помните по своему детству, проведенному где-нибудь в глубинке — в Омахе, в Небраске...

Спустя некоторое время Мори сказал:

— Он имеет в виду, что собирается продать целую кучу таких. И они могут сроить.

— Не продать, — возразил Берроуз. — ПОДАРИТЬ. Колонизация должна начаться. Слишком долго уже она откладывается в

долгий ящик. Луна бесплодна и необитаема. Люди заранее обрекают себя там на одиночество. Как мы обнаружили, очень сложно кому-то отправиться туда первому. Они купят участок, но не поселятся на нем. Мы хотим, чтобы там появились города. Чтобы сделать это возможным, мы и устраиваем всю эту катавасию.

Я спросил:

— А будут ли знать настоящие поселенцы, что их соседи — всего-навсего симулакры?

— Само собой, — спокойно ответил Берроуз.

— И вы не попытаетесь ввести их в заблуждение?

— Черт возьми, отнюдь! — вмешался Дэйв Бланк. — Это было бы мошенничество!

Мы с Мори посмотрели друг на друга...

— Вы дадите им имена, — сказал я Берроузу. — Добрые старые уютные американские фамилии: *Семья Эдвардсов*. Билл и Мэри Эдвардсы со своим семилетним сынишкой Тимом. Они отправляются на Луну. Они не страшатся холода, отсутствия воздуха и бесплодных пустынь.

Берроуз глядел на меня.

— А когда на крючок станет попадаться все больше и больше народа, — продолжил я, — вы сможете тихонечко освободить Луну от симулакров. Эдвардсы, Джонсы и все остальные — они продадут свои дома и уедут. Пока наконец ваши подразделения, ваши серийные дома не будут заселены настоящими людьми. И никто никогда не узнает...

— Я бы не очень-то надеялся, что это сработает, — сказал Мори. — Какой-нибудь настоящий поселенец может попытаться оттрахать миссис Эдвардс и сделает некое открытие. Сами знаете, какова жизнь в таких районах.

Дэйв Бланк радостно и пронзительно заржал:

— Вот это да!

Берроуз безмятежно сказал:

— Я считаю, что это сработает.

— А что вам еще остается? — парировал Мори. — Вы прибрали к рукам все участки там, высоко в небе. А люди не очень-то рвутся эмигрировать... Я думал, что не обошлось без постоянных шумных разборок и все, что сдерживало их — это суровые правила.

— Правила суровы, — сказал Берроуз, — однако будем смотреть на вещи реально. Там, наверху, такая окружающая среда, что стоит лишь однажды увидеть ее... а, ладно, оставим ее в покое. Примерно минут десяти достаточно для большинства людей. Я там был. И не собираюсь больше.

Я сказал:

— Спасибо вам, Берроуз, за то, что вы настолько с нами откровенны.

Он ответил:

— Мне известно, что симулакры, производимые для правительства, прекрасно функционировали на поверхности Луны. Мне известно также, чем вы располагаете: неплохой модификацией таких симулакров. Я знаю, каким образом вы приобрели эту модификацию. Сейчас мне для собственной задумки нужна эта модификация, еще раз *модифицированная*. О любом ином соглашении нечего даже и говорить. Кроме как для целей планетарных исследований, ваши симулакры не имеют никакой реальной рыночной стоимости. А этот фокус с Гражданской войной — просто-напросто бред сивой кобылы. Я не буду иметь с вами никаких дел, выходящих за рамки, очерченные мной. И хочу получить все это в письменном виде. — Он повернулся к Бланку, который спокойно кивнул головой.

Я пялился на Берроуза, не зная, можно ли ему верить. Было ли все это сказано всерьез? Симулакры, притворяющиеся колонистами-людьми, проживающие на Луне с целью создать иллюзию процветания? Мужчина, женщина и ребенок — симулакры. В маленьких гостиных, поглощающие фальшивые обеды, направляющиеся в фальшивые ванные... — это какой-то кошмар. Способ вытащить вот этого человека из неприятностей, в которые он вляпался — только вот было ли у нас желание ставить на столь ненадежную карту свои состояния и жизни?

Мори сидел с несчастным видом, попыхивая сигарой. Без сомнения, он сейчас размышлял примерно о том же, о чем и я.

И тем не менее я мог понять позицию Берроуза. Он должен был убедить толпу, что эмиграция на Луну — то, что доктор прописал. Вокруг этого вертелись его экономические интересы. И, возможно, цель оправдывает средства. Род людской должен был преодолеть свой страх, свою привередливость и войти в чуждое окружение впервые за всю свою историю. Это могло помочь соблазнить род людской: сплоченность приободрит людей. Будут построены купола с обогревом и воздухом, защищающие большие поселения... жизнь станет совсем недурственной с физиологической точки зрения. Только аура лунной среды воистину ужасна. Действительность психологического плана... Ничто не живет, ничто не растет... навеки застывшее в своей неизменности окружения. Ярко освещенный дом по соседству, а в нем — семья. Они едят свой завтрак за столом, болтают непринужденно, и им хорошо вместе.

Берроуз мог обеспечить поселенцев веселыми соседями — так же, как обеспечит воздухом, теплом, домами и водой...

Я должен был признать превосходство этого человека. С моей точки зрения, это было неплохо, за исключением одной-единственной хитрой штуковины. Разумеется, для того, чтобы сохранить всю аферу в секрете, будут прилагаться всяческие усилия. Однако если усилия окажутся напрасными, если окажется, что шила в мешке не утаить и начнут распространяться слухи, Берроуз, вероятно, будет разорен, а возможно, даже попадет под суд и его посадят. И мы окажемся в тюрьме вместе с ним.

Сколько же еще афер в империи Берроуза было состряпано таким вот образом? Видимость благополучия, построенная на мошенничестве...

Я решил свернуть вопрос об их обратном путешествии в Сиэтл этой ночью, убедив Берроуза позвонить в ближайший мотель — заказать комнаты. Он со своей командой останутся до завтра, а потом вернутся.

Такой перерыв дал мне возможность сделать некоторые звонки. Удалившись туда, где никто не мог меня подслушать, я позвонил папе в Буаз.

— Он втягивает нас в слишком глубокую яму, — сообщил я папе. — Мы выбиты из колеи, и никто из нас не знает, что же делать. С этим парнем нам не справиться.

Естественно, папа уже отправился на боковую. Он невнятно, со сна, спросил:

— А этот Берроуз — он сейчас здесь?

— Да. И у него блестящий интеллект. Он даже провел тут дискуссию с Линкольном и считает, что победил... Может, так оно и есть. Он цитировал Спинозу, о том, что животные — умные машины, а не живые. Не Берроуз — Линкольн. Что? Спиноза на самом деле сказал это?

— К сожалению, я должен признать это.

— Когда ты сможешь приехать сюда?

— Только не сейчас, — ответил папа.

— Значит, завтра. Они остаются. Завтра мы закончим все дела и подведем итоги. Нам нужен твой великодушный гуманизм, поэтому, черт возьми, будь непременно любезен появиться!

Я повесил трубку и вернулся к остальным. Их было пятеро, а считая симулакра — шестеро. Они собрались в главном офисе, непринужденно болтая.

— Мы собираемся прошвырнуться и чего-нибудь выпить, прежде чем отправиться баиньки, — сообщил мне Берроуз. — Вы с нами, разумеется и... — он указал головой на симулакра, — мне бы хотелось, чтобы он сопровождал нас.

Я внутренне застонал, но согласился.

Вскоре мы уже сидели в баре, а бармен принимал от нас заказы на выпивку.

Пока мы заказывали, Линкольн хранил молчание. Однако Берроуз заказал ЕМУ «Тома Коллинза»[1].

Сейчас Берроуз вручал ЕМУ стакан.

— Ваше здоровье! — сказал симулакру Дэйв Бланк, поднимая свой «виски сауэр»[2].

— Хоть я и не аскет, — произнес симулакр своим странным высоким голосом, — я редко пью, — после чего подозрительно изучил свою выпивку и прихлебнул из стакана.

— Вам, ребята, надо обрести под ногами твердую почву, — сказал Берроуз, — если бы вы разработали немного попозже последовательность своего подхода... Однако сейчас слишком поздно все это заканчивать. Я говорю, что какую бы там ценность ни имела ваша кукла в полный рост в качестве идеи, которую можно продать, идея использования ее в завоевании космоса, в конце концов, имеет такую же, если не большую ценность. Итак, две идеи взаимоисключают друг друга. Вы с этим согласны? — Он оглянулся вокруг, обводя нас вопрошающим взглядом.

— Идея покорения Космоса, — возразил я, — принадлежала Федеральному правительству.

— Значит, будем говорить о моей модификации этой идеи, — парировал Берроуз. — С моей точки зрения, это — равноценная сделка.

— Мне непонятно, что вы имеете в виду, мистер Берроуз, — переспросила Прис. — О ЧЕМ вы говорите?

— О вашей идее. Симулакр, настолько похожий на человека, что не отличишь... и о нашей идее — отправить ИХ на Луну, поселить там в современном домике в стиле калифорнийского ранчо, с двумя спальнями, и назвать семейством Эдвардсов.

— Эта идея принадлежит Льюису! — отчаянно воскликнул Мори. — Насчет семьи Эдвардсов! — Он дико огляделся вокруг и уставился на меня: — Разве не так, Льюис?

---

[1] Напиток из джина с лимонным соком, сахаром и содовой со льдом.

[2] Виски сауэр — лимонный коктейль, в данном случае из ирландского виски с лимонным или лаймовым соком, кусочком апельсина и т. п.

— Да, — сказал я.

«В конце концов, — подумал я, — так оно и было. Надо нам линять отсюда. Нас все больше и больше припирают к стенке...»

Что касается Линкольна, то он потягивал свой «Том Коллинз».

— Как вам нравится этот напиток? — спросил ЕГО Берроуз.

— Очень пикантный. Однако затемняет сознание и притупляет чувства. — Как бы там ни было, ОН продолжал прихлебывать из бокала.

«Вот именно, — подумал я, — вот то, что нам было нужно — ЗАТЕМНЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ПРИТУПЛЕННЫЕ ЧУВСТВА!»

Глава 10

На этом мы решили поставить точку и прерваться до утра.

— Приятно было встретиться с вами, мистер Берроуз, — произнес я, протягивая ему руку.

— Взаимно, — он пожал руку мне. Потом поручкался с Мори и Прис. Линкольн стоял немного в стороне, глядя на нас в своей обычной печальной манере... Берроуз не протянул ему руки, точно так же, как не попрощался с ним.

Короче, четверо из нас возвращались по темной улице в «Ассоциацию САСА», глубоко вдыхая чистый, прохладный ночной воздух. Воздух пах хорошо и прояснил наши мозги.

Как только мы очутились снова в своем офисе, без Берроузовской шайки где-нибудь поблизости, мы достали «Старого ворона»[1] и, пользуясь отнюдь не хрусталями и фарфорами, а тем, что было под рукой, плеснули себе бурбона с водичкой.

— Вот влипли-то... — протянул Мори.

Остальные согласно закивали.

— А что вы скажете? — обратился Мори к симулакру, — каково ваше мнение о Берроузе?

Линкольн ответил:

— Он напоминает краба, который боком продвигается вперед.

— Смысл? — спросила Прис.

— Я знаю, что он имеет в виду, — пояснил Мори, — этот парень давит на нас, пока мы не знаем, что делаем. Мы — простаки. Простаки! И ты, и я, — он сделал жест в мою сторону. — Мы себя называем купцами. Да ведь нас просто-напросто грабят! Если мы не закроем вопрос, он прямо сейчас

[1] Марка виски.

и на ... сядет, и рыбку съест, и косточкой не подавится! А нас оставит с носом.

— Мой папа... — начал было я.

— Твой папа! — с горечью произнес сорвавшийся с цепи Мори. — Он еще тупее, чем мы. Хотел бы я, чтобы мы никогда не влезали в дела с этим Берроузом! Теперь нам никогда от него не избавиться — пока он не получит все, что хочет!

— Мы не должны иметь с ним дела, — сказала Прис, а я добавил:

— И можем сказать, чтобы он отправлялся обратно в свой Сиэтл.

— Хватит меня дурачить-то! Ничего мы ему не можем сказать! Он постучит в дверь на рассвете, как обещал. Он нас замучает, затравит! — Мори вытаращился на меня.

— Не позволяйте ему беспокоить вас, — сказала Прис.

— Думаю, что Берроуз — мужик отчаянный, — заметил я. — Ты что, не понимаешь, что ли, что его огромная финансовая авантюра — колонизация Луны — лопается с треском? Он совсем не тот могущественный, благополучный человек, которого мы лицезреем. Это человек, который вложил все свои капиталы в покупку недвижимости на Луне. Потом разделил ее на участки и потратился на строительство куполов, сохраняющих тепло и воздух, строительство установок для перегонки льда в воду — а теперь он не может найти желающих переселиться туда... Мне жаль его.

Все пристально глядели на меня.

— Берроуз решил взяться за эту аферу с заселением поселков симулакрами, создающими видимость настоящих переселенцев, потому, что у него нет иного выхода. Это его последний шанс, и он будет биться до потери пульса, — продолжил я. — Эта схема продиктована отчаянием. Когда я впервые услышал об этом, то подумал, что, возможно, слышу об еще одной дерзкой мечте. Из тех, какие выдвигаются людьми вроде Берроуза и каких не может возникнуть у нас, простых смертных. Но сейчас я уже ни в чем не уверен. Я считаю, что он впадает в панику настолько, что теряет чувство реальности. Потому что эта идея бессмысленна. Он не должен рассчитывать на то, что удастся кого-либо надуть. Федеральное правительство сразу же сообразит в чем дело.

— Как? — спросил Мори.

— Департамент здравоохранения обследует каждого, кто собирается эмигрировать. Это — дело правительства. Так как же Берроуз собирается вообще отправить ИХ с Земли?!

Мори сказал:

— Слушай-ка, это совершенно не наше дело — насколько логична его схема. Не нам судить. Только время рассудит, а если мы не будем иметь с ним дел — то оно не рассудит.

— Я согласна, — сказала Прис. — Мы должны ограничиться тем, что решим — есть в этом что-нибудь достойное нашего внимания или нет.

— Ничего мы с этого не поимеем, если его посадят, — сказал я. — А ему там самое место. Да там он и окажется — в тюрьме! Так ему и надо! Говорю вам — надо делать ноги и ни под каким соусом не связываться с этими делами! Берроуз — сомнительный, опасный, нечестный, отъявленный кретин! Наши собственные идеи достаточно интересны.

Линкольн вдруг спросил:

— Может ли мистер Стентон быть здесь?

— Что? — переспросил Мори.

— Думаю, что у нас было бы преимущество, если бы мистер Стентон был здесь, а не в Сиэтле, где, как вы говорили, он находится.

Все мы посмотрели друг на друга:

— Он прав, — сказала Прис, — нам надо вернуть обратно Эдвина М. Стентона. — Он был бы нам полезен — это такой несгибаемый характер!

— Нам нужна сталь, — согласился я. — Спинной хребет! Мы слишком много реверансов делаем, общаясь с этим типом.

— Ну что же, мы вполне можем вернуть его, — сказал Мори. — И даже еще этой ночью. Мы можем нанять частный самолет, сделать посадку на аэродроме Си-Тэк близ Сиэтла, доехать до Сиэтла и искать, пока не найдем ЕГО. После чего вернуться сюда. Чтобы ОН был уже у нас завтра утром, когда мы встанем лицом к лицу с Берроузом.

— Но ведь мы сдохнем на ходу! — Я решил обратить их внимание на эту опасность. — И это в лучшем случае. А также ЕГО поиски могут затянуться на несколько дней. С чего это вы решили, что ОН сейчас именно в Сиэтле?! Может, ОН уже улетел на Аляску или вообще в Японию? А может даже, одно из подразделений Берроуза переправило ЕГО на Луну?!

Мы мрачно потягивали бурбон из своих не Бог весть каких посудин — все, кроме Линкольна. Он поставил выпивку рядом с собой.

— Кто-нибудь из вас когда-нибудь пробовал суп из кенгуриного хвоста? — внезапно поинтересовался Мори. Все, включая симулакра, молча вытаращились на него.

— У меня где-то здесь была банка... — пояснил Мори, — мы можем его разогреть на плитке — он великолепен. Сейчас я его приготовлю.

— Я не буду, — сказал я.

— Спасибо, мне тоже не надо, — поддержала меня Прис.

Симулакр улыбнулся вежливо и изнуренно.

— Я вам расскажу, каким макаром он мне достался, — предложил Мори. — Я стоял в очереди — это было в Буаз, в супермаркете. Контролер говорил какому-то парню: «Нет, супа из кенгуриных хвостов у нас больше не будет». И вдруг из-за пирамиды какого-то товара — кажется, это были коробки с крупой или что-то наподобие, раздался глухой голос: «КАК?! Больше не будет супа из кенгуриных хвостов?!» И этот парень поспешил со своей тележкой, чтобы купить последние банки. Ну, и я тоже взял парочку. Попробуйте, вы сразу же почувствуете себя лучше.

Тут я сказал:

— Обратите внимание, как Берроуз загоняет нас в задницу. Сначала он называет симулакров автоматами, потом уже зовет их «штучками», а заканчивает тем, что обзывает их «куклами».

— Это тактика, — пояснила Прис, — купеческая тактика. Он выбивает из-под нас почву.

— Слова, — вмешался симулакр, — тоже оружие.

— Вы что же, не можеет ничего сказать ему? — укорил я Линкольна. — Ведь вы только и делали, что дискутировали с ним.

Симулакр отрицательно помотал головой.

— Ну конечно же, ОН ничего не может сделать, — сказала Прис. — Потому что он ведет дискуссию честно, как мы это делали в школе. Именно так они рассуждали давно, в середине прошлого века. Берроуз же ведет нечестную дискуссию, и нет публики, чтобы подловить его. Верно, мистер Линкольн?

Симулакр ничего не ответил, однако его улыбка стала, на мой взгляд, еще печальнее. Лицо вытянулось, и морщин на нем стало больше от озабоченности.

— Сейчас дела наши плохи, как никогда, — сказал Мори.

«Однако, — подумал я, — мы все еще должны что-нибудь предпринять».

Судя по всему, что мы знаем, Стентон вполне может сидеть где-нибудь взаперти у Берроуза. Он вполне мог отдать ЕГО на растерзание своим инженерам, и сейчас они делают нечто свое, слегка отличающееся в техническом отношении от нашего симулакра, чтобы не нарушить наши патенты. Я повернулся к Мори:

— А у нас сейчас есть патенты?

— Заявки сделаны, — ответил он, — ты же знаешь, какое это долгое дело. — Он сказал это так, словно не был сбит с толку. — Не сомневаюсь, что Берроуз может слямзить нашу собственность, сейчас, когда он уяснил себе нашу идею. Это ведь вещь такая: ты вполне можешь сделать ее, уразумев принцип. Нужно лишь время.

— Понял, — сказал я. — Значит, здесь такая же каша, как, например, с двигателем внутреннего сгорания. Однако нам принадлежит первенство. Давайте-ка начнем их выпускать на фабрике Роузенов как можно скорее и выкинем на рынок прежде, чем Берроуз подоспеет со своими.

Все они воззрились на меня, широко раскрыв глаза.

— Я так и думал, что именно это ты и предложишь, — сказал Мори, пожевывая свой большой палец, словно гаванскую сигару. — Во всяком случае, что же мы можем сделать еще? Ты думаешь, твой папа сможет запустить линию сборки прямо немедленно? Сможет ли он с такой скоростью перепрофилировать фабрику?

— Он стремителен, как змея, — ответил я.

Прис иронически переспросила:

— Да не надо нам сказки рассказывать! Это старик-то Джером!? Целый год пройдет, прежде чем он удосужится сделать матрицы для прессов. А контуры должны быть японского производства. Так он ведь наверняка отправится туда сам, чтобы все уладить. На пароходе он туда отправится, не иначе!

— Надо же! — сказал я, — видать, ты уже об этом подумывала!

— Ясно, — насмешливо парировала Прис, — на самом деле я обдумывала это всерьез.

— В любом случае, — подвел итог я, — это наша единственная надежда. Мы должны выбросить эти проклятые ШТУКИ в розничную продажу — мы и так уже упустили уйму времени.

— Согласен, — сказал Мори. — Что мы сделаем завтра, так это отправимся в Буаз и поручим старику Джерому и твоему смешному братцу Честеру начать работу. Начать изготовление матриц и вылететь в Японию. Но что же мы скажем Берроузу?

Это нас поставило в тупик и снова все замолчали.

— Мы ему скажем, — заявил я, — что Линкольн запил. Это вывело его из строя, и мы изъяли его из обращения. После чего Берроуз уже не захочет покупать ЕГО и отправится восвояси.

Мори, подойдя ко мне вплотную, прошептал:

— Ты собираешься выключить ЕГО, одним словом, заткнуть ему глотку?

Я кивнул головой.

— Ох, как же мне не хочется это делать! — вздохнул Мори.

Мы, не сговариваясь, одновременно взглянули на Линкольна, внимающего нам с меланхолией во взоре.

— Он будет настаивать на том, чтобы увидеть это собственными глазами, — подсказала Прис. — Дайте ему некоторое время пробыть с симулакром. Если ему этого захочется, пусть трясет Линкольна как грушу — если мы вырубим ЕГО, ОН и не шевельнется.

— Договорились, — согласился Мори.

— Хорошо, — сказал я. — Значит, решили.

Мы тут же вырубили Линкольна. Как только дело было сделано, Мори спустился вниз по лестнице, уселся в свою машину и отправился домой, сказав, что собирается поспать. Прис предложила сесть за руль моего «шевроле», чтобы отвезти меня в мотель. Потом она собиралась поехать на нем домой, а завтра утром заехать за мной. Я был настолько возбужден, что согласился.

Везя меня через наглухо запертый, спящий Онтарио, она сказала:

— Хотела бы я знать, все ли богатые, могущественные люди такие же, как этот...

— Наверняка. Во всяком случае, все те, кто сами сделали свое состояние, а не унаследовали его. Вторые, может, и отличаются от Берроуза.

— Это было ужасно, — продолжила Прис, — выключать Линкольна. Видеть его лишенным жизни, словно бы мы еще раз убили его. Тебе не кажется?

— Да.

Позже, выруливая к мотелю, Прис спросила:

— Как ты думаешь — ЭТО единственный путь сделать огромные деньжищи? Быть как он? — Несомненно, Сэм К. Берроуз каким-то образом изменил ее: она была рассудительной девушкой.

Я ответил:

— Не спрашивай у меня. Я получаю в лучшем случае триста пятьдесят в месяц...

— Но кто-то должен же им восхищаться.

— Я знал, что раньше или позже ты скажешь это. Как только ты произнесла «но», я уже знал, что за этим последует.

Прис вздохнула:

— Значит, я для тебя — открытая книга...

— Нет, ты — величайшая загадка, с какой я когда-либо сталкивался. Один-единственный раз и получилось-то, когда я подрубился. Мол, Прис собирается произнести: «Но кто-то же должен восхищаться им». Ты именно это и сказала.

— Готова биться об заклад: ты веришь также, что я постепенно возвращусь к тем чувствам, которые испытывала, пока не отброшу «но». Просто восхищаться им — и точка.

Я промолчал — так оно и было.

— Ты заметил, — спросила Прис, — что я в состоянии стерпеть выключение Линкольна? Если я это вынесла, смогу вынести все. Мне даже понравилось, хотя я, конечно же, и виду не подала.

— Вот уж ври, да не завирайся!

— У меня возникло очень приятное ощущение силы, предельного могущества. Мы дали ЕМУ жизнь, а потом взяли обратно — щелк! Вот так просто. Однако моральное бремя, как бы то ни было, не лежит на нас. Оно пусть гнетет Сэма Берроуза. Он не должен будет испытывать угрызений совести — он просто-напросто получит от нас во-от такого пинка. Вот к чему все это приведет! Посмотри-ка, в чем здесь странность, Льюис: мы действительно хотели идти по такому же пути. Я не жалею, что мы свернули с этой дорожки. Мне жаль, что эмоционально мы в глубокой яме. Мне противно быть тем, что я есть. Неудивительно, что я в этом говнище в вашей компании, а Сэм Берроуз — на вершине. Ты можешь видеть разницу между ним и нами — это настолько очевидно...

Она закурила и некоторое время молчала, держа сигарету в руке.

— Как насчет секса? — немного спустя спросила она.

— Секс? Еще хуже, чем даже выдергивать штепсель у милейших симулакров.

— Я хочу сказать, что секс меняет тебя. Опыт полового сношения.

Слыша, что она говорит, я ощутил, как кровь застыла в моих жилах.

— Что не так? — спросила она.

— Ты меня пугаешь.

— Почему?

— Ты говоришь так, будто...

Прис закончила за меня:

— Как будто я была там, высоко. Глядела вниз на свое собственное тело. Да, так оно и есть. Это — не я. Я — душа.

— Как говорит Бланк: «Покажите мне!»

— Не могу, Льюис, но это все же правда. Я — не физическое тело во времени и пространстве. Платон был прав.

— А как насчет нас, остальных?

— Ну, это — ваше дело. Я воспринимаю вас как тела, значит, возможно, так оно и есть. Может, это все, чем вы являетесь. Ты-то сам знаешь это? Если нет, ничем помочь не могу. — Она выбросила сигарету. — Я лучше пойду домой, Льюис.

— Ладно, — сказал я, открывая дверцу машины. Все окна в мотеле были темными, и даже большая неоновая вывеска выключена на ночь. Семейная пара средних лет, держащая это заведение, несомненно, уже посапывала в своих уютных кроватях, заботливо укрытая одеялами.

Прис сказала:

— Льюис, я все время ношу в своей сумочке диафрагму[1].

— Такую, которую ты можешь поставить себе вовнутрь или такую, которая должна находиться в грудной клетке и ты с ее помощью делаешь вдохи и выдохи?

— Не валяй дурака. Это очень серьезный для меня вопрос, Льюис. Секс, я хочу сказать.

— Ну что же, тогда изобрази-ка мне что-нибудь из области смешного секса.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Всего лишь ничего. — И я стал закрывать дверцу машины за собой.

— Я собираюсь сказать нечто банальное. — Прис опустила стекло с моей стороны.

— Нет, не собираешься, потому что я не собираюсь слушать. Ненавижу банальные высказывания смертельно серьезных людей. Оставайся-ка ты лучше туманной душой, подсмеивающейся над страдающими скотами. В конце концов... — Я поколебался. Да что за чертовщина такая! — В конце концов, я могу честно и здраво ненавидеть и бояться тебя.

— Что бы ты ощутил, услышав банальность?

Я ответил:

— Договорился бы на завтра с госпиталем, чтоб меня кастрировали или как там они еще это называют.

— Ты подразумеваешь, — медленно произнесла Прис, — что я желанна и сексуальна, когда я в ужасном состоянии, когда я становлюсь бессердечной и начинаю шизовать. Одна-

---

[1] Прис путает диафрагму с мембраной.

ко, если я становлюсь СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ, ТОГДА я даже не могу рассчитывать на то, чтобы понравиться.

— Не говори «даже». Этого чертовски много.

— Возьми меня в свою комнату в мотеле, — предложила Прис, — и оттрахай.

— Это дело, как ты его по-своему назвала, — нечто, во что я не могу вляпаться. Так вот — оно оставляет желать лучшего.

— Да ты просто трус.

— Нет, — возразил я.

— Да.

— Нет. И я не собираюсь доказывать свою правоту таким путем. Я действительно не трус. В свое время я переспал с женщинами всех сортов. Честно. Нет такой вещи в сексе, которая могла бы меня напугать: я для этого слишком стар. Ты говоришь о ерунде, которая может испугать разве что желторотого мальчишку, впервые в своей жизни узревшего упаковку контрацептивов.

— Но ты все-таки так и не оттрахаешь меня.

— Нет, — согласился я, — потому что ты не просто равнодушна. Ты жестока. И не ко мне, а к себе самой, к своему физическому телу, которое ты презираешь и утверждаешь, что оно — не ты. Ты помнишь тот спор между Линкольном — я имею в виду, между симулакром Линкольна и Берроузом с Бланком? Животное стоит очень близко к человеку. Оба состоят из плоти и крови — это именно то, чем ты пытаешься *не быть*.

— Не ПЫТАЮСЬ — я не состою из плоти и крови. Это не я. Это — всего лишь видимость, оболочка.

— Значит, следуя твоей логике, ты — машина.

— Но у машин есть проводка. А у меня — нет.

— Итак, что же?.. — спросил я... — Ты думаешь, что являешься — чем?

Прис ответила:

— Я-то знаю, что я такое. Шизоидная личность. Обыденное явление в нашем веке, как истеричная личность — в девятнадцатом. Это — форма глубокого, проникающего, коварного психического помешательства... Хотелось бы мне измениться, но что поделаешь... Ты счастливый человек, Льюис Роузен, ибо ты старомоден. Я буду иметь с тобой дела. Боюсь, что язык, которым я говорила о сексе, груб. Я отпугнула тебя своими словами. Мне очень жаль, прости меня.

— Он не груб. Хуже — он бесчеловечен. Ты... я знаю, что ты сделаешь. Если ты была с кем-то близка — если бы с тобой это прозошло, — я почувствовал смущение и усталость, — ты бы все

время, будь оно проклято, наблюдала: умственно, духовно, любыми путями. Ты постоянно была бы начеку.

— Разве это плохо? Я думала, что все так делают.

— Спокойно ночи. — Я вышел из машины.

— Спокойной ночи, трусишка.

— Весь в тебя, — ответил я.

— О, Льюис, — сказала она, вздрогнув от боли.

— Прости меня, — попросил я.

Она вздохнула.

— Какой ужас!

— Прости меня, Христа ради, — сказал я, — ты должна меня простить. Я больной, не обращай внимания. Я с ума сошел, чтобы так с тобой разговаривать. Будто кто-то тянул меня за язык.

Все еще вздыхая, она молча кивнула, потом запустила двигатель и включила фары.

— Не уезжай, — сказал я. — Послушай, ты можешь списать все за счет безумной, иррациональной попытки с моей стороны заполучить тебя. Разве ты не видишь? Весь твой разговор, то, что ты стала поклонницей Сэма Берроуза, большей, чем когда-либо, все это выводит меня из себя. Ты мне очень нравишься, правда. Увидеть, как ты на минуточку открылась, заняв дружелюбную, человечную позицию, а потом резко отступила...

— Спасибо, — произнесла она почти шепотом, — за то, что ты пытаешься улучшить мое самочувствие, — и пришибла меня еле заметной улыбкой.

— Не огорчайся из-за этого, — сказал я, зацепившись за дверцу машины, чтобы Прис не уехала.

— Хорошо, не буду. На самом деле это лишь слегка меня задело.

— Зайди ко мне, — предложил я, — посиди немного, ладно?

— Нет. Не обращай внимания. Всего лишь наша всеобщая наклонность, черта характера. Я знаю, тебя это огорчило. Я говорила такие грубые слова только потому, что не знаю других, лучших. Никто не сказал мне, как говорить о непроизносимых вещах.

— Это требует определенного опыта. Но послушай, Прис, пообещай мне кое-что. Пообещай, что ты не станешь сама перед собой отрицать, что я причинил тебе боль. Это хорошо — обладать способностью чувствовать то, что только что почувствовала ты. Хорошо?

— Хорошо, чтобы ощутить боль.

— Нет, я не это имел в виду. Я хотел сказать, что это обнадеживает. Я не просто пытаюсь исправить то, что сделал. Смотри, Прис. Ты так сильно страдала только из-за того, что я...

— Черта с два.

— Да-да, ты страдала, — сказал я. — Не ври.

— Хорошо, Льюис, страдала. Не стану врать. — Она опустила голову.

Открывая дверцу машины, я сказал:

— Пошли, Прис.

Она заглушила двигатель, потушила фары и выскользнула наружу. Я приобнял ее одной рукой.

— Первый шаг к восхитительной близости? — спросила она.

— Я знакомлю тебя с непроизносимым.

— Мне лишь хотелось бы уметь говорить об этом, я не хочу вынуждать себя делать подобное. Ну, конечно же, ты шутишь. Мы собираемся посидеть рядышком, после чего я отправлюсь домой. Так лучше для нас обоих. В действительности — это всего лишь открытие курса.

Мы вошли в маленький темный номер мотеля, и я включил свет, а потом — отопление и телевизор.

— Это для того, чтобы никто не услышал, как мы пыхтим?

Она выключила телевизор.

— Я пыхчу очень тихо, в этом нет необходимости. — Сняв с себя плащ, она стояла, обнимаясь с ним, пока я не отнял его и не повесил в стенной шкаф. — А сейчас скажи, куда и как мне сесть. На этот стул? — Она расположилась на стуле с прямой спинкой, сложила руки на коленях и торжественно воззрилась на меня. — Ну как? Что еще мне надо снять? Туфли? Всю одежду? А может, ты любишь сам это делать? Если да, то моя юбка не на молнии, а на пуговицах. И осторожно, не дергай слишком сильно, а то верхняя пуговица оторвется и мне потом придется пришивать ее обратно. — Она изогнулась, чтобы показать мне: — Пуговицы вон там, на боку.

— Все это поучительно, — заметил я, — однако не вдохновляюще.

— Знаешь, чего бы мне хотелось? — Ее личико оживилось. — Я хочу, чтобы ты съездил куда-нибудь и вернулся с кошерной соленой говядиной, еврейским хлебом и элем. А еще не забудь купить халвы на десерт. Такое замечательное, нарезанное тонкими ломтиками соленое мясо — оно всего по два пятьдесят за фунт.

— Я бы с радостью, но сейчас нигде, на сотни миль вокруг, этого не достать.

— А разве ты не сможешь купить это в Буаз?

— Нет, — я повесил собственный плащ. — Как бы там ни было, слишком поздно для кошерного соленого мяса. Я хочу сказать — не потому, что сейчас ночь. Слишком поздно в нашей жизни. — Усевшись напротив нее, я придвинул свой стул поближе и взял ее ладони в свои. Они оказались сухими, маленькими и совершенно жесткими. Из-за всякой там возни с кафелем руки у нее стали мощными, а пальцы — сильными. — А давай с тобой убежим отсюда. Поедем на юг и никогда не вернемся, никогда больше не увидим ни симулакров, ни Сэма Берроуза, ни Онтарио, штат Орегон.

— Нет, — ответила Прис. — Мы с ним повязаны. Разве ты не чувствуешь, это носится в воздухе? Ты меня поражаешь — неужели тебе кажется, что достаточно лишь запрыгнуть в машину и уехать? Все равно от себя не убежишь, да и от наших проблем тоже.

— Прости меня, — попросил я.

— Я тебя прощаю, но не могу понять — иногда ты кажешься ребенком, прячущимся от жизни.

— Послушай, как я поступал, — предложил я: — Я выкапывал там и сям малюсенькие дозы действительности и осваивался с ними помаленьку. На манер игрушечной овцы, которая обучена идти лишь по одному курсу — через пастбище, и никогда от этого курса не отклоняется.

— Поступая так, ты чувствуешь себя безопасно?

— Я чувствую себя в безопасности КАК ПРАВИЛО, но никогда — вблизи от тебя.

Она кивнула.

— Для тебя я — пастбище.

— Можно выразить и так.

Внезапно рассмеявшись, она сказала:

— Это похоже на то, как если бы я крутила любовь с Шекспиром. Льюис, можешь сказать мне, что готов щипать траву, объедать молодые побеги, пастись между моими чудными холмами и долинами. В особенности на моих божественных, густых лугах, знаешь, где душистые дикие папоротники и травы вьются в изобилии... Должна ли я расшифровать это? — Глаза ее сверкали. — А сейчас, ради Бога, раздень меня или хотя бы сделай попытку. — И она начала разуваться.

— Нет, — сказал я.

— Разве мы уже давным-давно не закончили поэтическую часть спектакля? Разве мы не можем больше обходиться без лирики и спуститься на бренную землю, к более реальным ве-

щам? — Она начала расстегивать юбку, но я остановил ее, взяв за руки.

— Я слишком невежествен, чтобы продолжить, — сказал я. — Я просто не должен этого делать, Прис. Слишком невежествен, слишком неуклюж и слишком труслив. Дела уже зашли далеко за пределы моей ограниченной понятливости. Я затерялся в совершенно непонятной для меня сфере. — Я крепко сжал ее руки: — Мне сейчас ничего лучше не придумать, как только поцеловать тебя, может, в щеку, если это хорошо.

— Ты стар, — сказала Прис. — Вот в чем дело. Ты — часть отмирающего мира прошлого. — Она повернула голову и склонилась ко мне: — Я сделаю тебе одолжение и позволю поцеловать себя.

Я поцеловал ее в щеку.

— А сейчас, — заявила Прис, — если тебе хочется узнать, как оно все на самом деле, слушай! Душистые дикие папоротники и травы не вьются в изобилии: парочка диких папоротников и травинки четыре имеются в наличии, и это все. Я с трудом расту, Льюис. Всего лишь год назад я стала надевать лифчик и даже теперь иногда забываю это сделать. Он мне почти не нужен.

— Могу ли я поцеловать тебя в губы?

— Нет, — ответила Прис, — это слишком интимно.

— Ты можешь закрыть глаза.

— Вместо этого выключи свет. — Она выдернула свои ладони, поднялась и пошла к выключателю на стене: — Я сама сделаю это.

— Стой, — сказал я. — У меня возникло непреодолимое ощущение некоего предчувствия.

Она стояла в нерешительности у выключателя.

— Колебания — не в моем стиле. Ты меня сбиваешь с толку, Льюис. Извини, я должна продолжать. — И она выключила свет, комната скрылась в темноте. Я совершенно ничего не видел.

— Прис, — позвал я. — Я собираюсь съездить в Портленд, штат Орегон, и достать кошерной соленой говядины.

— Куда бы мне положить юбку? — раздался из темноты вопрос Прис. — Чтобы она не помялась.

— Все это — какой-то сумасшедший сон.

— Нет, — возразила Прис, — это счастье. Разве ты никогда не ощущал, как счастье наполняет тебя всего и отражается на твоем лице? Помоги мне развесить одежду. Я должна идти не позже, чем через пятнадцать минут. Можешь ли ты разговаривать во время любви или же ты скатываешься до живот-

ного хрюканья? — Мне было слышно, как она шуршит в темноте, располагая свою одежду, ощупью разыскивая кровать.

— Здесь нет кровати, — подсказал я.

— Зато есть пол.

— Ты об него колени поцарапаешь.

— Не я, а ты.

— У меня фобия, — сказал я. — Я должен включить свет, а то буду бояться, что занимаюсь любовью с некой вещью, сделанной из струн от пианино и старого оранжевого стеганого одеяла моей бабушки.

Прис рассмеялась.

— Это я, — сказала она где-то совсем рядом. — Это отличное описание моей сущности. Я тебя уже поймала, — заявила она, ударившись обо что-то. — Теперь тебе не ускользнуть!

— Перестань. Я зажигаю свет, — сказал я и отправился искать выключатель, нажал на него. Свет ослепил меня. А комната снова внезапно возникла из небытия, вместе с полностью одетой девушкой... Она совсем не разделась и теперь, тихонько посмеиваясь, наблюдала, как я изумленно таращился на нее.

— Это иллюзия, — наконец произнесла Прис. — Я собиралась в последний момент перекрыть тебе кислород — сначала довести тебя до белого каления, а потом... — и она щелкнула пальцами: — Спокойной ночи.

Я попытался улыбнуться.

— Не принимай меня всерьез, — сказала Прис. — Не впадай в эмоциональную зависимость от меня. Я разобью тебе сердце.

— Так ведь никто ни от кого и не зависит, — сказал я, чувствуя, что задыхаюсь и что голос у меня с трудом справляется с удушьем: — Это всего лишь игра, в которую люди играют в темноте. Я собирался, как говорят, только урвать кусочек.

— Я не знаю этой фразы. — Она больше не смеялась, и глаза у нее потускнели. Она внимала мне холодно и отчужденно. — Но уловила смысл.

— Однако я скажу тебе еще кое-что. Приготовься. В Буаз можно достать кошерное соленое мясо, и я мог бы в любое время заполучить его. Запросто.

— Ах ты, ублюдок, — сказала она, потом уселась, подняла с пола свои туфли и стала обуваться.

— А дверь-то песком засыпана!

— Что? — оглянулась она вокруг. — Что ты болтаешь?

— Мы здесь в западне. Кто-то насыпал над нами курган, и мы никогда не выйдем отсюда.

Она резко выкрикнула:

— Прекрати!

— Ты никогда мне не веришь.

— Да, потому что ты используешь мое доверие против меня, чтобы досаждать мне. — И она подошла к стенному шкафу, чтобы взять плащ.

— А ты мне не досадила? — спросил я, следуя за ней по пятам.

— Только что, да? Ах, черт, я могла бы не уходить, я могла бы остаться.

— Если бы я правильно повел себя.

— Я не составила себе никакого мнения. Это зависело от тебя, от твоих возможностей. Я ожидала многого. Я — ужасная идеалистка. — Отыскав свой плащ, она принялась его натягивать, а я чисто рефлекторно помогал ей.

— Мы снова одеваемся, — сказал я, — хотя и не раздевались.

— Ты сейчас жалеешь, — сказала Прис. — Сожаление — все, на что ты способен. — И она бросила мне взгляд, полный такого отвращения, что я отшатнулся.

— Я тоже мог бы наговорить тебе гадостей, — сказал я.

— Ничего ты мне не скажешь, потому что знаешь — если ты так сделаешь, я разозлюсь и так тебе отвечу, что ты сдохнешь на месте.

У меня просто язык отнялся, я лишь смог пожать плечами.

— Ты испугался, — заключила Прис и медленно пошла по дорожке к машине.

— Ладно, пусть будет так, — согласился я, сопровождая ее. — Испугался потому, что знаю — такие вещи — результат молчаливого понимания и согласования двоих. И ни один из них ничего не сможет добиться силой.

— Да тюрьмы ты испугался, вот что. — Она открыла дверцу машины и села за руль. — Что тебе надо было бы сделать, и так поступил бы настоящий мужик, — так это схватить меня за руку, затащить в постель и, не обращая внимания на то, что я говорю...

— Если бы я так сделал, ты всю свою оставшуюся жизнь потратила бы на жалобы: сначала мне, потом — Мори, потом — адвокату, потом — в полицию, потом — в суде всему остальному свету.

Теперь мы оба замолчали.

— А все-таки, — подал я голос, — я тебя поцеловал!

— Подумаешь — в щеку!

— Да нет же, в губы! — возразил я.

— Неправда.

— Во всяком случае, именно так мне показалось, — сказал я и захлопнул за ней дверцу машины.

Она опустила стекло.

— Значит, такова будет твоя версия истории о том, как ты позволял себе вольности со мной.

— Я запомню это и сохраню в своем сердце, словно сокровище! — заявил я, приложив руку к груди.

Прис запустила двигатель, включила фары и уехала.

Я еще немного постоял в одиночестве, потом поплелся по дорожке обратно в свой номер.

«Мы терпим бедствие, — сказал я сам себе. — Мы настолько устали, настолько потеряли всякий стыд, что клонимся к упадку. Завтра нам надо будет отделаться от Берроуза. А Прис, бедняжка, — ей-то каково! А все из-за того, что мы выключили Линкольна... Вот в чем надо искать причину».

Засунув руки в карманы, я, споткнувшись о порог, ввалился обратной в свой номер.

Следующее утро было наполнено до краев теплым солнечным светом, и я, даже не поднявшись еще с постели, почувствовал себя намного лучше. А потом, когда уже встал и побрился, позавтракал в кафе мотеля горячими пирожками и беконом, запил все это кофе и апельсиновым соком и прочитал газету, я почувствовал себя как новенький. Словно только что родился на свет.

«Вот что делает с нами завтрак», — сказал я сам себе. Возможно, я исцелился? И полностью стал снова тем самым здоровым человеком?

Нет. Нам лучше, но мы не исцелились. Потому что, во-первых, мы не были здоровы, а на пустом месте здоровье не восстановишь, ведь надо же с чего-то начинать. А ЧТО ТАКОЕ БОЛЕЗНЬ?

Прис не избавится от нее до смертного часа. И ЭТО коснулось меня, зашевелилось во мне и засело там. То же самое произойдет с Мори, с Берроузом, а после него — со всеми. Вплоть до папы, хотя в нем безумия меньше, чем в остальных.

Папа! Я совершенно забыл — он ведь приезжает!

Выбежав на улицу, я окликнул такси.

Мне первому надо добраться до офиса «Ассоциации САСА». Немного времени спустя, из окна конторы, я увидел, как припарковывается мой «Шевроле Мэджик Файр» и из него выходит

Прис. Сегодня она была одета в синюю юбку и блузку с длинным рукавом. Волосы были стянуты на затылке, а лицо сияло как начищенная монета.

Войдя в офис, она одарила меня улыбкой.

— Извини, прошлой ночью я наговорила кучу глупостей. Может, в следующий раз. Все благополучно, никто не пострадал.

— Никто, — согласился я.

— Ты так считаешь, Льюис?

— Нет, — ответил я, вернув ей улыбку.

Открылась дверь, и вошел Мори.

— Ночью я прекрасно отдохнул. Господи, парень, друг ты мой сердешный, мы выкачаем из этого негодяйчика Берроуза все до последнего цента.

За ним шествовал мой папа в своем темно-полосатом костюме похожий на кондуктора с железной дороги. Он степенно приветствовал Прис, потом повернулся к нам с Мори.

— Он уже здесь?

— Нет, папа, — ответил я. — Вот-вот должен появиться.

Прис предложила:

— Я считаю, что мы должны включить Линкольна обратно. Мы не должны бояться Берроуза.

— Согласен, — заявил я.

— Нет, — возразил Мори, — и я скажу вам почему: это разбудит в Берроузе аппетит. Разве не так? Подумайте.

Немного помолчав, я вынужден был признать:

— Мори прав. Мы оставим ЕГО выключенным. Берроуз сможет пинать и колошматить ЕГО, однако давайте не будем ЕГО включать снова. Алчность руководит им.

«А нами, — подумал я, — руководит страх: слишком много наших поступков в последнее время обусловлено страхом, а не здравым смыслом...»

В дверь постучали.

— А вот и он, — сказал Мори и бросил мимолетный взгляд на меня.

Дверь открылась, и появились Сэм Берроуз, Дэвид Бланк, миссис Нилд, а за ними маячила мрачная, угрюмая фигура Эдвина М. Стентона.

— Мы встретились с НИМ по пути, — весело проорал Дэйв Бланк. — ОН направлялся сюда, и мы немного подбросили его в своем моторе.

Симулакр Стентона глядел на всех нас с кислым выражением лица.

«Боже милосердный! — сказал я сам себе. — Мы этого не ожидали — но какая разница? Причинили ли нам вред, а если да, то насколько сильный?»

Этого я не знал. Однако в любом случае мы обязаны были продолжать, и на этот раз — до победного конца. И не важно, какой путь мы для этого изберем.

Глава 11

Берроуз дружелюбно спросил:

— Мы немного посидели в машине там, внизу, и малость побеседовали со Стентоном. Мы пришли к выводу, что, кажется, вполне понимаем друг друга.

— О? — выдавил я.

Мори, стоящий рядом со мной, напустил на себя суровое и решительное выражение. И слепой бы заметил, как трясется Прис.

Протягивая руку, мой папа сказал:

— Я — Джером Роузен, владелец роузеновской фабрики по производству спинетов и электронных органов в Буаз, штат Айдахо. Имею ли я честь лицезреть мистера Сэмюэля Берроуза?

«Итак, каждая из сторон получила сегодня по сюрпризу, — подумал я. — Вы решили в течение ночи пригнать сюда Стентона, а мы со своей стороны — если это вообще можно сравнивать, — решили добыть для такого случая моего папу».

А этот Стентон! Даже в Британской энциклопедии было сказано: он мог смотреть на врагов сквозь пальцы ради достижения личной выгоды. Тварь вонючая! И вдруг меня осенило: ВЕРОЯТНО, ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ ОН БЫЛ С БЕРРОУЗОМ В СИЭТЛЕ. И СОВСЕМ ОН НИКУДА НЕ УДАЛЯЛСЯ, ЧТОБЫ ОТКРЫТЬ ЮРИДИЧЕСКУЮ КОНТОРУ ИЛИ ПОГЛАЗЕТЬ НА ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ. Без сомнения, они с Берроузом договорились на берегу.

Нам впердолили — и это сделал наш первый симулакр...

Это было ужасное предзнаменование.

Линкольн никогда бы так не поступил. Ни за какие коврижки.

И то, что я это понимал, сразу же приободрило меня, и я попросил Мори:

— Сходи-ка, попроси Линкольна подняться сюда, хорошо?

Он поднял бровь.

— Он нам очень нужен, — объяснил я.

— Да, очень, — согласилась Прис.

— Ну ладно, — Мори кивнул и удалился.

Мы начали — вот только что?

Берроуз сказал:

— Сначала, когда мы здесь наткнулись на Стентона, мы обращались с ним как с механической диковиной. Однако затем мистер Бланк напомнил мне, что вы утверждаете, будто ОН — живое существо. Мне было бы любопытно узнать, сколько вы здесь платите этому парню?

«ПЛАТИТЕ», — с бешенством подумал я.

— Существуют законы о кабале и рабском труде, — пояснил Бланк.

Я уставился на него.

— А вы составили трудовое соглашение с мистером Стентоном? — не отставал Бланк. — Если да, то, надеюсь, оно соответствует требованиям Закона о минимальной заработной плате? Мы только что обсуждали этот вопрос со Стентоном и он не мог вспомнить, чтобы подписывал какой-либо контракт. Таким образом, я не вижу препятствий для того, чтобы мистер Берроуз нанял его за шесть долларов в час. Это более чем приличная плата, согласитесь. На этом основании мистер Стентон согласился вернуться с нами в Сиэтл.

Мы молчали.

Но вот открылась дверь и вошел Мори, а с ним неуклюже тащилась высокая, сгорбленная личность с темной бородой — симулакр Авраама Линкольна.

Прис сказала:

— Думаю, мы должны одобрить его предложение.

— Какое такое предложение? — спросил Мори. — Я ничего не слышал. Потом обратился ко мне: — Ты слышал какое-то предложение?

Я отрицательно помотал головой.

— Прис, — продолжал Мори, — вы говорили с Берроузом?

И тогда Сэм пояснил:

— Вот мое предложение: мы позволим «Ассоциации САСА» оценить свое имущество в семьдесят пять тысяч долларов. Я заплачу за него...

— Вы что, вдвоем уже обо всем договорились? — вклинился Мори.

Ни Прис, ни Берроуз не проронили ни слова в ответ — но всем нам, включая Мори, все стало ясно.

— Я дам за него сто пятьдесят тысяч долларов, — продолжал переть напролом Берроуз. — И, естественно, диктовать условия буду тоже я.

Мори отрицательно завертел головой.

— Можем ли мы обсудить это между собой? — спросила Прис у Берроуза.

— Естественно, — ответил он.

Мы уединились в маленькой подсобке на другой стороне холла.

— Нам конец, — побледнев, проговорил Мори, — мы разорены.

Прис не сказала ничего, выражение ее лица было непроницаемым.

Спустя долгое время папа изрек:

— Держитесь подальше от этого Берроуза. Не становитесь частью корпорации, которую он контролирует, — вот в чем я уверен.

Я повернулся к Линкольну, который стоял и молча слушал нас.

— Вы ведь атторней, ради Бога, помогите нам!

Линкольн ответил:

— Льюис, мистер Берроуз и иже с ним стоят на позиции силы. Не хитрость стоит за его поступками... он действительно сильнейшая сторона. — Симулакр немного поразмышлял, потом развернулся, подошел к окну, чтобы выглянуть на улицу. Неожиданно Он повернулся назад, к нам. Его полные губы были плотно сжаты, на лице — выражение боли, но глаза горели.

— Сэм Берроуз — бизнесмен, — сказал Линкольн, — но ведь и вы тоже. Продайте «Ассоциацию САСА», свою маленькую фирму, присутствующему здесь мистеру Джерому Роузену за доллар. Таким образом она станет собственностью роузеновской фабрики спинетов и органов, которая оценивается в значительную сумму. Тогда, чтобы приобрести фирму, Сэму Берроузу придется покупать все хозяйство, включая фабрику, а он не готов сделать это. Что касается Стентона... Могу сказать вам следующее: он более не станет с ними сотрудничать. Я могу с ним поговорить и убедить его вернуться. У Стентона взрывной темперамент, но это — хороший человек. Я знаком с ним уже много лет. Он был в администрации Бьюкенена, и невзирая на многочисленные протесты я решил оставить его, несмотря на все махинации. Хотя он резок и заинтересован больше в личной карьере, он честен. В конце концов, он не будет общаться с мошенниками. Он совсем не хочет открывать юридическую контору и возвращаться к своей юридической практике. Ему необходима власть, и в этой области он достоин доверия — из него получится хорошее должностное лицо. Я ему скажу, что вы хотите предложить ему должность председателя Совета директоров, и он останется.

Теперь Мори тихонько сказал:

— Я никогда бы об этом не подумал...

Но тут снова встряла Прис:

— Я не согласна. САСА не должна достаться семейству Роузенов; об этом даже речи быть не может. А Стентон не купится на такое предложение.

— Нет, он согласится, — возразил Мори, а мы с папой закивали в знак согласия. — Мы его сделаем важной птицей в нашей организации — почему бы и нет? Он справится. Боже мой милосердный, быть может, не пройдет и года, он придумает такое дело, которое принесет нам миллионные прибыли.

Линкольн вежливо сказал:

— Если вы доверите ваши надежды и ваши дела мистеру Стентону, вам не придется сожалеть об этом.

Мы гуськом прошествовали обратно в офис. Берроуз и его команда, дожидаясь нас, выжидали...

— Вот что мы имеем вам сообщить, — объявил Мори, прочистив горло. — Кхгм, мы продали САСА мистеру Джерому Роузену, — он указал на отца, — за один доллар.

Берроуз прищурился:

— В самом деле? Интересно. — Потом взглянул на Бланка, а тот вскинул руки в жесте горестного отчаяния и соответствующим образом скривился.

Линкольн обратился к Стентону:

— Эдвин, мистер Рок и оба мистера Роузена хотят, чтобы ты присоединился к их новоиспеченной корпорации в качестве председателя Совета директоров.

Кислая, озлобленная физиономия симулакра Стентона дрогнула: на ней то появлялись, то исчезали отражения его чувств.

— Это действительное состояние дел? — вопросительно сказал он, обращаясь к нашей группе.

— Да, сэр, — ответил Мори. — Это предложение фирмы. Мы можем привлечь человека с вашими способностями. Мы намереваемся пойти вам навстречу и открыть вам дорогу.

— Это правда, — добавил я, а папа сказал:

— Я согласен с этим, мистер Стентон, и могу поговорить с моим вторым сыном, Честером. Это предложение сделано от всего сердца.

Усевшись за один из старомодных «Ундервудов», принадлежащих САСА, Мори заправил в машинку лист бумаги и начал печатать.

— Мы придадим этому письменную форму, сразу же можем подписать документ и не откладывать ничего в долгий ящик.

И тут Прис сказала, холодно и тихо:

— Я считаю это коварным предательством не только по отношению к мистеру Берроузу, но и ко всему, к чему мы стремились.

Пристально глядя на нее, Мори отрезал:

— Заткнись!

— Я не соглашусь с этим потому, что это неправильно, — ответила Прис совершенно спокойно, будто заказывала одежду по телефону у Мэйси. Потом, так же буднично, добавила: — Мистер Берроуз и мистер Бланк, если вы хотите, чтобы я ушла с вами, я сделаю это.

Все мы, включая Берроуза и Бланка, не поверили своим ушам.

Как бы то ни было, Берроуз очень быстро пришел в себя.

— Вы, эээ, помогали конструировать симулакры. Значит, вы сможете сами это сделать, — сказал он и уставился на нее.

— Да ничего она не может! — бросил Мори. — Вся ее работа заключалась в росписи лица. Что она знает об электронной части? Ничегошеньки! — Он продолжал пристально наблюдать за своей дочерью.

Тогда Прис заявила:

— Боб Банди уйдет со мной.

— Почему? — спросил я, мой голос задрожал: — И его тоже? — добавил я. — Вы с Банди были... — Я не смог закончить эту фразу...

— Боб прекрасно ко мне относится, — сказала Прис туманно.

Берроуз полез в карман и вытащил бумажник.

— Я дам вам денег на билет, — сказал он Прис. — Вы сможете следовать за нами. А чтобы не было никаких осложнений с точки зрения закона, мы... мы будем путешествовать раздельно.

— Отлично, — ответила Прис. — Я буду в Сиэтле через день или где-то так. Однако спрячьте деньги — у меня есть свои.

Кивая Дэйву Бланку, Берроуз произнес:

— Итак, мы завершили здесь свои дела. Теперь можно и отправляться. — Потом обратился к Стентону: — Мы оставим вас здесь, Стентон, — ведь таково ваше решение?

Симулакр Стентона ответил своим скрипучим голосом:

— Совершенно верно, сэр.

— До свидания, — попрощался Берроуз, Бланк сделал нам ручкой, а миссис Нилд просто повернулась и последовала за Берроузом — и они ушли.

— Прис, — сказал я, — ты безумна.

— Ценное замечание, — ответила она с отсутствующим видом.

— Ты так думаешь? — спросил ее Мори, бледный как полотно. — О бегстве с Берроузом? О том, чтобы улететь в Сиэтл, чтобы соединиться с ним.

— Да.

— Я вызову копов, — сказал Мори, — и задержу тебя. Ты — всего лишь подросток. Соплюха несчастная! Я подключу к этому делу психиатрическую службу. Я им скажу, чтобы тебя снова поместили в клинику.

— Ничего ты не сделаешь, — огрызнулась Прис. — Я с этим справлюсь, и организация Берроуза мне поможет. Психиатрическая служба не может задержать меня, пока я сама этого не захочу или пока у меня не начнется обострение психоза. А сейчас я прекрасно себя чувствую и дела свои обделываю весьма сознательно. Поэтому нечего впадать в истерику — ничего хорошего из этого не выйдет.

Мори облизнул губы, запнулся и замолчал. Несомненно, она была права: все это можно было успешно решить. И люди Берроуза прекрасно понимали, что никаких юридических лазеек здесь нет. Они завладели ноу-хау, перспективой получения бешеной прибыли.

— Я не верю, что тебе удастся перетянуть от нас Боба Банди, он никуда не поедет, — сказал я Прис.

Однако по ее поведению я понимал, что стоит ей пальцем поманить — и Банди побежит, как собачонка, куда она прикажет. И Прис об этом знала. Что же, подобные штуки отнюдь нередки... Как давно уже продолжалось это между ними? Разве можно точно сказать... Это личная тайна Прис — а нам оставалось лишь поверить ей на слово. Я спросил Линкольна:

— Вы об этом не подозревали, не так ли?

Он отрицательно помотал головой.

Мори отрывисто произнес:

— Как бы там ни было, мы от них избавились. Мы удержали «Ассоциацию САСА». Мы удержали Стентона. Недруги больше не вернутся. Мне начхать на Прис и Боба Банди. Если уж им так приспичило переметнуться на сторону этой компашки — скатертью дорожка. — И он с несчастным видом пристально взглянул на Прис. Та вернула ему взгляд с таким же равнодушием, как и прежде. Крепкий орешек, не позволит вырваться чувствам наружу. В критической ситуации она становилась лишь спокойнее, действовала более умело и внушала большее уважение, чем когда-либо.

«Возможно, — с горечью подумал я, — нам повезло, что она уходит. Мы все равно не были бы способны вызвать копов. Во всяком случае, что касается меня, то я — пас. А Берроуз смог бы? Быть может, он способен использовать ее... или же это она может опозорить, а может, даже уничтожить его. Или и то, и другое. Но тогда у них остается Банди. И между Прис и Банди они могут создать симулакра без особого напряжения. Мори им не нужен, так же, впрочем, как я».

Линкольн склонился ко мне и сочувственно сказал:

— Вы не прогадаете оттого, что у мистера Стентона появилась возможность принимать решения касательно дел вашей фирмы. Он, со своей огромной энергией, примет участие в вашем предприятии немедленно.

Стентон проворчал:

— Мое здоровье оставляет желать лучшего. — Тем не менее вид у него был довольный и уверенный. — Я сделаю все, что в моих силах, — добавил он.

— Сожалею о твоей дочери, — заметил я своему партнеру.

— Иисусе Христе, — пробормотал он, — как она могла такое учудить?

— Она вернется, — заверил папа, похлопывая Мори по плечу. — Чего они только не делают: Kindern[1] всегда что-нибудь да выкинут.

— Я не хочу, чтобы она возвращалась, — заявил Мори, но ясно было, что это не более, чем бравада.

— А давайте-ка сходим, выпьем по чашечке кофе, — предложил я. — Здесь недалеко очень неплохая кафешка с завтраками.

— Ну так вперед, — сказала Прис. — Думаю, мне надо съездить домой. Столько дел еще осталось. Можно, я возьму «ягуар»?

— Нельзя, — ответил Мори.

Она пожала плечами, взяла свою сумочку и вышла из офиса. Дверь за ней захлопнулась. Только что Прис покинула нас.

Сидя в кафе, где мы пили свой кофе, я размышлял так: «Линкольн сделал нам много добра в этой заварушке с Берроузом. Он придумал, как снять нас с крючка. И в конце концов то, что события развернулись так, как они развернулись — не было ЕГО ошибкой... отсутствовала всякая возможность предугадать выкрутасы Прис. Откуда нам было знать о ее от-

[1] Дети *(нем.)*.

ношениях с Банди? Мы и не догадывались, что, пользуясь как оружием своей юностью, она прибрала нашего инженера к рукам. Ни я, ни Мори ни о чем не догадывались».

На нас уже долгое время глазела официантка. Сейчас она подошла поближе и спросила:

— Скажите, ведь это — тот самый манекен Авраама Линкольна, что стоял в витрине тут, неподалеку?

— Да нет же, сейчас это — манекен В. С. Филдса, — возразил я. — Но на нем остался костюм Линкольна.

— Мы с моим парнем видели, как его показывали не так давно. Он правда похож на настоящего. Можно, я его потрогаю?

— Конечно, — разрешил я.

Она опасливо протянула руку и дотронулась до ладони Линкольна.

— Ооой! ЭТО — даже теплое! — воскликнула девушка, — и, мамочки, ОНО кофе пьет!

Наконец нам удалось спровадить ее и закончить свой невеселый разговор. Я обратился к симулакру:

— Несомненно, вы гораздо лучше приспособлены к современному обществу, чем некоторые из нас.

Стентон грубо сказал:

— Мистер Линкольн всегда мог договориться со всеми и вся — у него один и тот же избитый способ: он просто-напросто рассказывает какой-нибудь анекдот.

Потягивая кофе, Линкольн усмехнулся.

— Хотел бы я знать, чем сейчас занимается Прис, — проворчал Мори. — Наверно, собирает вещи. Это ужасно, что ее сейчас нет с нами. Часть нашей команды...

Я представил себе, как много народа ушло из нашего офиса. Мы избавились от Берроуза, Дэйва Бланка, миссис Нилд и, к полнейшей неожиданности, от Прис Фрауенциммер и нашего единственного инженера Боба Банди. Хотел бы я знать, придется ли нам еще когда-нибудь встретиться с Берроузом. Хотел бы я знать, придется ли нам еще когда-нибудь увидеть Боба Банди. Хотел бы я знать, придется ли нам еще когда-нибудь увидеть Прис, а если да, то изменится ли она к тому времени?

— Как она могла вот так продать нас? — громко сокрушался Мори. — Перебежать на сторону врага. В проклятой клинике ничегошеньки не сделали. Да и доктор Хорстовски только денежки из меня выкачивал... Вот она — ее преданность и верность! Я хочу сказать, что потребую назад все бабки, выброшенные на ветер за лечение. А что касается девчонки, то

мне плевать, увижу ли я ее когда-нибудь снова. Я с ней покончил. Вот что я имею в виду.

Чтобы переменить тему, я обратился к Линкольну:

— Нет ли у вас еще какого-нибудь совета для нас? Насчет того, чем бы нам заняться теперь?

— Боюсь, что не в состоянии помочь вам так, как мне этого хотелось бы, — ответил Линкольн. — Женщины непредсказуемы. Они совершают дикие поступки лишь потому, что таков был их каприз... но, как бы то ни было, я советую вам пригласить меня в свою фирму в качестве юрисконсульта — так же, как они наняли мистера Бланка.

— Великолепная идея, — воскликнул я, вытаскивая чековую книжку. — Какая плата вас устроит?

— Десяти долларов будет достаточно, — ответил Линкольн. И я выписал чек на эту сумму. Он расписался в получении и поблагодарил.

Мори, весь в тяжких раздумьях, вдруг поднял глаза и изрек:

— Хороший адвокат на договоре стоит в наши дни не меньше двух сотин. Нынче доллар уже не тот, что в ЕГО времена.

— Хватит и десяти, — возразил Линкольн. — Я приступлю к составлению документов о продаже «Ассоциации САСА» вашей фабрике музыкальных инструментов в Буаз. Что же касается формы собственности, то я бы вам посоветовал образовать корпорацию с ограниченной ответственностью, приблизительно такую, как собирался учредить мистер Берроуз. А я со своей стороны загляну на днях в законы, чтобы справиться, каким образом должна будет распределяться прибыль. Боюсь, что это отнимет у меня некоторое время, так что вам придется вооружиться терпением.

— Это естественно, — кивнул я.

Потеря Прис на самом деле глубоко расстроила нас, особенно Мори. Потеря вместо прибыли: вот как попадаться Берроузу в лапы. И все-таки — был ли хоть какой-нибудь путь к спасению? Линкольн прав. В нашей жизни срабатывало непредсказуемое. Берроуз был так же ошарашен, как мы.

— Мы сможем делать симулакров без нее? — спросил я у Мори.

— Ну да. Но только не без Банди.

— Ты можешь найти кого-нибудь на его место, — предложил я.

Однако Мори было наплевать на Банди. Он все еще не мог думать ни о ком, кроме своей дочки.

— Я скажу тебе, что ее испортило, — скрежетал он. — Это все проклятая книжонка «Марджори Морнингстар».

— Почему ты так думаешь? — спросил я.

Ужасно было видеть, как он скатывается к этим беспорядочным, бессмысленным нареканиям. Это уже смахивает на старческий маразм... Настолько сильным оказался удар...

— Из этой книжонки, — продолжал Мори, — Прис усвоила мысль о том, что сможет встретиться с богатым, знаменитым и красивым. Совсем как... сам знаешь кто. Как Сэм Берроуз. Это европейская идея брака. Они выходят замуж и женятся хладнокровно, ради выгоды. В этой стране молодежь вступает в брак по любви, и, может быть, это глупо, но, в конце концов, здесь нет места расчету. А она, прочитав книжку, начала рассчитывать любовь. Единственное, что могло спасти Прис — потерять голову ради какого-нибудь парнишки. А сейчас она ушла... — Голос его задрожал и оборвался. — Давайте смотреть правде в лицо. Здесь замешан не только бизнес. Я имею в виду, что суть дела кроется не только в производстве симулакров. Она хочет продать ему себя и получить что-то взамен. Ты знаешь, что я имею в виду, Льюис. — Он тряхнул головой, глядя на меня с выражением безнадежности и отчаяния. — А он в состоянии дать ей, что она хочет. И она об этом знает.

— Ага, — только и смог сказать я.

— Лучше бы мне никогда не подпускать его к ней. Но я его не виню — это ее ошибка. И что бы ни случилось с ней сейчас — все это ее ошибка. Что бы она ни сделала и кем бы ни стала рядом с ним. Лучше будем читать газеты, Льюис. Знаешь, они ведь постоянно пишут о том, что делает Берроуз. Мы узнаем о Прис из вонючих, бульварных газет. — Мори отвернулся и громко хлебнул из своей чашки, чтобы нам не видно было его лица.

Мы все были расстроены и повесили головы.

Через некоторое время симулакр Стентона сказал:

— Когда я должен приступить к своим новым обязанностям председателя Совета директоров?

— В любое удобное для вас время, — ответил Мори.

— Остальные джентльмены уже выразили свое согласие? — спросил нас Стентон. Мы с папой кивнули, то же самое сделал Линкольн. — Значит, я принимаю эту должность немедленно, джентльмены. — ОН прокашлялся, пофыркал носом, огладил усы и сказал: — Мы должны начать планировать свою работу. Слияние двух компаний знаменует переход к новому периоду деятельности. Я уже думал о том, какую продукцию мы должны выпускать. Мне не верится, что будет разумно призывать к жизни еще симулакров Линкольна, впрочем так же, как и си-

мулакров... — Он подумал и с едкой сардонической гримасой закончил: — ...Стентона, коли уж на то пошло. Хватит, выпустили по одному — и баста. Что же касается будущего — давайте в дальнейшем будем делать что-нибудь попроще. Это снимет наши проблемы, связанные с технической частью, не так ли? Я должен провести проверку рабочих и оборудования, убедиться, все ли там как положено... Тем не менее даже сейчас я уверен, что наше предприятие может производить какую-нибудь несложную, но стоящую продукцию. Необходимую всем. Например, некие симулакры, не уникальные и простые в обращении, но тем не менее пользующиеся спросом. Возможно, это будут рабочие, которые могли бы сами производить симулакров.

«Идея хорошая, но с оттенком легкого кошмара», — подумал я.

— По моему мнению, — продолжал Стентон, — мы должны разработать, выполнить и приступить к конструированию стандартного образца новой продукции. Это будет первый симулакр, официально выпущенный нашим предприятием. Задолго до того, как мистер Берроуз применит на деле знания и таланты мисс Фрауенциммер, мы выбросим товар на рынок и позаботимся о соответствующей рекламе, заявив таким образом о себе.

Мы все согласно поддакнули.

— Особенно я советую, — продолжал Стентон, — заняться производством симулакра, который сможет выполнять одну-единственную задачу в домашнем хозяйстве — нянчить детей. Это уже базис для того, чтобы им торговать. Мы сможем уменьшить его сложность, а значит, цена за штуку будет настолько низкой, насколько это возможно. К примеру, сорок долларов.

Мы переглянулись. Идея-то недурственная!

— У меня была благоприятная возможность увидеть эту необходимость, — продолжал Стентон, — и я знаю, что, если ОНО будет соответствовать требованию постоянной заботы о детях семейства, продаваться ОН будет моментально и в будущем у нас исчезнут проблемы финансового плана. Итак, я попрошу вас проголосовать относительно этого предложения. В знак одобреня теперь всего лишь нужно сказать «за».

— «За», — проголосовал я.

— «За», — сказал Мори.

Немного подумав, мой папа сказал:

— Я тоже.

— Следовательно, предложение принято, — объявил Стентон, немного помолчал, потягивая кофе, после чего поставил чашку на стойку и сказал строго и уверенно: — Предприятию

необходимо новое звучное название. Предлагаю, например, «ОБЪЕДИНЕНИЕ Р И Р, БУАЗ, АЙДАХО». Это удовлетворительно? — он обвел нас вопросительным взглядом. Мы снова дружно кивнули. — Хорошо. — Сказал он, промокая губы бумажной салфеткой. — А теперь начнем сначала. — Мистер Линкольн, как наш стряпчий, не будете ли вы добры проверить, в порядке ли наши юридические документы? Если в этом есть необходимость, вы можете привлечь юриста помоложе, более искушенного в текущем законодательстве. Я разрешаю вам сделать это. Мы должны начать работу немедленно. Наше будущее полно честными, энергичными попытками, и мы не станем жить прошлым, неприятностями и препятствиями, которые мы недавно испытали. Это существенно, джентльмены, — то, что мы смотрим в будущее, не оглядываясь назад. Сможем ли мы поступать именно так, мистер Рок? Вопреки всем соблазнам?

— Да, — сказал Мори. — Стентон, вы правы.

Он вытащил из кармана плаща спички, потом отошел от своего стула в сторону кассы и порылся там в коробке с сигарами. Вернувшись с двумя сигарами в золотой обертке, одну из них он протянул моему папе, сказав при этом: «Элконд де Гелль», филиппинская». Потом они с папой сняли с сигар обертки и закурили.

— Мы станем вести себя добродетельно, — пообещал мой папа, попыхивая сигарой.

— Правильно, — поддержал его Мори, погруженный в такое же занятие.

Остальная компания допивала кофе.

Глава 12

Я опасался, что уход Прис к Берроузу настолько выбьет Мори из колеи, что он вряд ли сможет справиться с обязанностями партнера по фирме. Однако я оказался не прав. В действительности он, похоже, удвоил усилия: отвечал на письма относительно органов и спинетов, оформлял перевозку товара с фабрики в любую точку северо-западного побережья Тихого океана, в глубь Калифорнии, Невады, Нью-Мексико и Аризоны. Вдобавок еще включился в новый проект разработки и запуска симулакров-нянек.

Без Боба Банди мы не могли разработать принципиально новых контуров. Мори посчитал, что придется модифицировать старые. Наша нянька будет, так сказать, хиловатым от-

прыском Линкольна. Второй модификацией, только послабже. Он откопал где-то научно-фантастический журнал. Там был рассказ о слугах-роботах, защищающих детей как гигантские механические собаки. Их называли «Нэнни», несомненно по имени собачки Питера Пэна. Имечко Мори понравилось, и когда собрался наш Совет директоров — Стентон председательствовал, а мы с Мори, Джеромом, Честером и нашим атторнеем Авраамом Линкольном присутствовали, — он выдвинул идею использования этого названия.

— Полагаю, что журнал или автор подадут в суд, — предположил я.

— Это было так давно... — возразил Мори. — Журнал прекратил свое существование, а автор, вероятно, умер.

— Спроси у нашего атторнея.

Старательно рассмотрев вопрос, мистер Линкольн решил, что идея назвать механическую няньку «Нэнни» не могла сейчас вызвать возражений со стороны заинтересованных лиц или организаций, так как это имя перешло уже в разряд всеобщей собственности.

— Так как я довожу до вашего сведения, — завершил он, — что вы все знаете, откуда пришло это имя, не читав при этом названного рассказа.

Итак, мы назвали своих симулакров-нянек Нэнни. Однако решение стоило нам нескольких ценных недель, пока, дабы принять окончательное решение, Линкольн был вынужден читать «Питера Пэна». Книга ему так понравилась, что он стал брать ее с собой на заседания Совета и читать вслух, фыркая от смеха в тех местах, которые особенно забавляли его. У нас не было выхода — пришлось смириться с литературной учебой...

— Я вас предупреждал, — заметил нам Стентон после того, как один очень уж затянувшийся сеанс чтения вслух заставил нас искать спасения в курилке.

— Что меня ставит в тупик, — ворчал Мори, — так это то, что чертова книжка написана для детей. Если уж ему так приспичило читать вслух, почему бы не прочесть что-нибудь полезное, например, «Нью-Йорк таймс»?

Между тем Мори подписался на газеты, выходящие в Сиэтле, в надежде найти в них хоть какое-нибудь упоминание о Прис. Он был уверен, что какая-нибудь заметка вскоре появится. Прис была в Сиэтле как пить дать, поскольку в один прекрасный день в доме у Мори появился водитель машины, которому было приказано забрать ее оставшиеся пожитки и

отвезти в Сиэтл. Ясно, что Берроуз оплатил это удовольствие — у Прис не водилось таких деньжат.

— Ты все еще можешь обратиться в полицию, — посоветовал я своему партнеру.

Он мрачно ответил:

— Я доверяю Прис. Знаю, она добровольно найдет правильный путь и вернется ко мне и к своей матери. И как бы то ни было, давай смотреть правде в лицо: она — поднадзорная правительства. С точки зрения закона я ей больше не опекун.

Я же со своей стороны продолжал надеяться, что она НЕ вернется. В ее отсутствие я чувствовал себя несравненно раскованнее и ладил со всем миром. А еще мне было ясно, что, несмотря на угрюмый вид, Мори в работе превзошел самого себя. Он больше не позволял куче домашних неприятностей терзать его. К тому же ему больше не приходили подрывавшие его финансы ежемесячные счета от доктора Хорстовски.

— Думаешь, Берроуз нашел ей хорошего амбулаторного психоаналитика? — спросил Мори однажды вечером. — Интересно, во сколько ему это влетело? Три дня в неделю по сорок долларов за визит — это сто двадцать в неделю. Значит, более пятисот в месяц. И все для того, чтобы излечить ее подлую душонку! — И Мори мотнул головой.

Я вспомнил, как примерно год назад медицинские авторитеты сочинили лозунг о душевном здравии и поручили развесить его в каждом почтовом отделении Штатов:

СТУПИТЕ ПЕРВЫМИ НА ПУТЬ, ВЕДУЩИЙ К ДУШЕВНОМУ ЗДОРОВЬЮ — ПЕРВЫМ В СВОЕЙ СЕМЬЕ НАВЕСТИТЕ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ КЛИНИКУ!

Шольники в светлых повязках звонили по вечерам у дверей — собирали пожертвования в фонды исследований в области психиатрии. Они давили на публику, выжимая из людишек состояние, и все это ради благого дела, ознаменовавшего наш век.

— Мне жаль Берроуза, — заметил Мори. — Надеюсь, что ради него Прис снова возьмется за дизайн тела симулакра. Однако больно уж сомнительно. Без меня она — всего лишь дилетант. Будет валять дурака, болтаться без дела, рисовать потешные картинки — и все. Помнишь мозаику в нашей ванной? Так вот: это одна из очень немногих ее затей, которую Прис завершила. А так — она потратила сотни долларов на материал, который потом пришлось выбросить.

— Ух ты! — выдохнул я, еще раз мысленно поздравив себя и всю остальную нашу компанию с избавлением от маленькой стервы.

— А эти ее творческие планы, — продолжал Мори, — она на самом деле целиком и полностью погружается в них, по крайней мере вначале... — Вдруг он предостерегающе произнес: — Только не надо ее недооценивать, приятель. Посмотреть приятно, как она расписала тела Стентона и Линкольна. Ты должен признать, что Прис свое дело знает.

— Да, знает, — согласился я.

— И кто же будет проектировать для нас оболочку Нэнни сейчас, когда Прис ушла? Не ты же! В тебе ни капли художественных способностей. И не я. И не эта штука, прокравшаяся непонятно откуда на землю, которую ты зовешь своим братом.

Я был поглощен размышлениями. И вот до чего додумался...

— Слушай-ка, Мори, — внезапно вырвалось у меня, — А КАК НАСЧЕТ МЕХАНИЧЕСКИХ НЯНЕК ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ?

Он глянул на меня с сомнением.

— Дизайн у нас уже есть, — продолжил я, — мы сделаем две модели: одна — это будет дядька, одетый в мундир «синих», другая модель — в мундир «серых». Часовые сторожевой заставы при исполнении своего долга. Что ты на это скажешь?

— Я скажу — что такое сторожевая застава?

— Это совсем как караул, только их там много.

После длительной паузы Мори сказал:

— Да, солдат указывает на преданность долгу. Такая нянька будет привлекательной для ребятишек. Я откажусь от типичного для роботов дизайна. Он был бы холодным и обезличенным. — Мори кивнул. — Идея прекрасная, Льюис. Давай соберем Совет и изложим нашу, а вернее, твою идею прямо сейчас, чтобы мы уже могли спокойно над ней работать. Идет? — И он поспешил к двери, весь аж трепещет от рвения. — Позвоню Джерому и Честеру и сбегаю вниз, приглашу Линкольна и Стентона!

У обоих симулакров были отдельные жилища в нижнем этаже дома Мори. Сначала он сдавал эти помещения в аренду, однако сейчас ему пришось приспособить их для нужд наших новых работников.

— Тебе не кажется, что они станут возражать, а? Особенно Стентон, — он такой твердолобый. Полагаешь, что он сочтет

это святотатством? Ладно, нам надо только зажечь народ идеей, а там — будь что будет.

— Если они станут возражать, — откликнулся я, — мы будем ее настойчиво расхваливать. В конце концов мы сможем протолкнуть ее, потому что я не представляю, какие, собственно, у них могут быть против нее аргументы? Если не считать какие-нибудь дикие пуританские фобии и комлексы Стентона.

И еще — так как эту идею родил я, я ощутил странное чувство усталости, как если бы в момент творчества моя выносливость сгорела в огне вдохновения. Я провалил бизнес и загубил все, к чему мы прилагали усилия. Почему так получилось? Была ли моя идея слишком простой? В конце концов, это была всего лишь переделка того, с чего мы, вернее Мори и его дочка, начали. В самом начале они лелеяли мечту о том, чтобы полностью воспроизвести все сражения Гражданской войны, используя миллионы участников. Сейчас мы были в восторге просто от идеи механического слуги в костюме времен Гражданской войны. Симулакр смог бы освободить домохозяйку от ее проклятой ежедневной беготни. Где-то в промежутке мы потеряли самую ценную часть идеи.

Мы вновь стали всего лишь маленькой фирмой для зарабатывания денег. У нас не было грандиозной мечты, а всего лишь схема, как разбогатеть. Мы были вторым Берроузом, но в сильно уменьшенном, жалком масштабе. Жадность у нас такая же, а вот размах подкачал. Если будет такая возможность, скоро мы начнем мелочную операцию с Нэнни. Вероятно, станем задвигать продукцию в каких-нибудь подозрительных уличных лавчонках, с помощью каких-нибудь не очень честных фокусов, вроде наших пресловутых рекламных объявлений, коими мы пользовались в прошлом.

— Нет, — сказал я Мори. — Это отвратительно. Забудь об этом.

Остановившись на миг у двери, он завопил:

— НО ПОЧЕМУ? Это великолепно!

— Потому что, — ответил я, — это... — Я не смог выразить словами. Я чувствовал смертельную усталость и отчаяние, но сильнее всего — одиночество. Но что или кто был причиной? Прис Фрауенциммер? Берроуз... да, это он и вся его шайка виноваты в моем теперешнем состоянии — и Бланк, и Колин Нилд, и Боб Банди, и Прис. Что они сейчас делают? Какую придурковатую, нелепую, неприменимую на практике идею вынашивают? Я страстно желал бы знать это. Нас всех — Мори, меня, Джерома и моего брата Честера оставили в глубокой жопе.

— Ну, говори! — рычал Мори, раздраженно выплясывая вокруг. — Почему?

— Это... банально, — вздохнул я.

— Банально! Черта с два! — Он уставился на меня, как в афишу коза, совершенно сбитый с толку.

— Забудь про этот треп. Как ты полагаешь, что сейчас замышляет Берроуз? Думаешь, они создают семейство Эдвардсов? Или насилуют нашу идею с празднованием столетия Гражданской войны? Или готовят тайно что-нибудь совершенно новое? Мори, у нас нет никакой мечты. Вот что плохо. Никакой мечты...

— Уверен, что есть.

— Нет, — отрезал я. — ПОТОМУ, ЧТО МЫ НЕ ПОМЕШАННЫЕ. Мы здоровы и рассудительны. Этим мы отличаемся от твоей дочери, от Берроуза. Разве не так? Думаешь, ты не сможешь это ощутить? Отсутствие этого здесь, в этом доме? Какого-нибудь лунатического клацанья щипцами для кафеля, ради претворения в жизнь некого сумасшедшего проекта. До седьмых петухов, в любое время дня и ночи. И не важно, что проект будет заброшен ровно на середине и начнется другой, не менее кретинский?!

— Может, ты и прав, — пожал плечами Мори, — но, Боже милосердный, Льюис, мы же не можем пасть ниц и умереть оттого, что Прис переметнулась на сторону гадов. Думаешь, меня не посещали подобные мысли? Я знаю девчонку гораздо лучше, дружище, чертовски лучше. Не было ночи, чтоб я не крючился и не рычал, думая обо всех них. Но нам надо продолжать и сделать лучшее, на что мы способны. Теперь насчет твоей идеи. Ее, конечно, не поставишь в ряд с изобретением спичек или электрической лампочки. Однако она хороша. Она не попахивает грандиозностью, но зато результат звякнет крупной деньгой. Она сработает. И потом — можем ли мы сделать что-нибудь покруче? В конце концов, она позволит нам сэкономить деньги, на которые мы сможем пригласить какого-нибудь дизайнера со стороны. Он займется разработкой тела Нэнни. Подыщем инженера на место Банди — при условии, что мы его сможем заполучить. Ладно, дружище?

«Сэкономит наши деньги, — подумал я. — У Прис и Берроуза нет нужды беспокоиться по таким мелочам. Они, видите ли, присылают машины для перевозки шмоток из Буаз в Сиэтл. Мы сморчки. Мы заглотыши.

Мы пустоголовые горлопаны.

Без Прис — без нее».

«Что я сделал? — спросил я сам себя. — Влюбился в нее? В девку с ледяными глазами. В расчетливую, амбициозную, шизоидную личность, поднадзорную правительства и его Бюро Психического контроля. В маньячку, которая будет нуждаться в психотерапии весь остаток своей жизни. В экс-психопатку, которая по уши вязнет в бредовых бессмысленных проектах, которая кусает и обсирает любого в поле зрения, кто немедленно не дает ей того, что она хочет и когда она хочет? Что за женщина, что за ШТУЧКА — чтоб в нее влюбиться. Какая же страшная судьба мне уготована!?»

Это было так. Прис была для меня одновременно и жизнью и антижизнью, смертью, жестокостью, терзанием и пыткой. И к тому же еще смыслом существования. Движение: она сама была движением в чистом виде. Жизнью, с ее ростом, замыслами, расчетами, резкостью, безрассудной действительностью. Я не мог вынести ее присутствия рядом со мной — и не смогу вынести существования без нее. Без Прис я катился по наклонной, пока не стал бы нулем. И, возможно, не умер бы как насекомое, на задворках жизни, незамеченный и ненужный. Когда она была поблизости, меня хлестали, доводили до посинения, резали на кусочки, топтали — тем не менее я жил. *Это было мое.* Нравилось ли мне страдать? Нет. Похоже, страдание стало частью жизни, частью бытия с Прис. Без Прис нет страдания, нет ничего странного, несправедливого, неуравновешенного. Однако нет и ничего живого, одни лишь ничтожные мелочи, идейки, маленький пыльный офис с двумя-тремя людьми, роющимися в говне...

Видит Бог, мне совсем не хотелось страдать от рук Прис или кого-нибудь еще. Но страдание — показатель того, что действительность рядом. Во сне, бывает, испытываешь страх, но не постоянную, медленную, тягучую боль. Ежедневную муку Прис заставляла испытывать самим своим присутствием. И делала она это отнюдь не преднамеренно. Это естественный результат того, чем она БЫЛА.

Мы могли этого избежать, лишь избавившись от нее, — так мы и сделали. Мы ее потеряли. А вместе с ней ушла реальность, со всеми ее противоречиями и странностями. Сейчас жизнь станет полностью предсказуемой. Мы начнем выпускать нянек Нэнни в виде солдат времен Гражданской войны, у нас появятся настоящие деньги и так далее. Какое это имело значение?

— Слушай, — говорил мне Мори, — мы должны продолжать.

Я кивнул.

— Говорю это всерьез, — проорал он мне прямо в ухо. — Нам нельзя отказываться от работы. Мы соберем Совет директоров, как хотели, и ты изложишь им свою идею. Ты будешь бороться за нее, как если б ты действительно в нее уверовал. Идет? Обещаешь? — Он двинул меня по спине: — Ну давай, черт тебя возьми, или я тебе так дам в глаз, что придется отправлять тебя в больницу. Ну же, дружище, соберись с духом!

— Ладно, — ответил я, — но у меня такое ощущение, будто ты разговариваешь с кем-то, кто уже давно цветочки снизу нюхает...

— Ну да, так у тебя и вид-то как у покойника. Однако давай, собирайся в кучу, хватит сопли по стенке размазывать! Займемся лучше делом. Сходи-ка вниз, поговори со Стентоном. Уверен, что с Линкольном у нас не будет никаких неприятностей — он сейчас занимается тем, что сиднем сидит в своей комнате и ржет над «Винни-Пухом».

— А это еще что такое? Опять детская книжка?

— Все в порядке, приятель, — ухмыльнулся Мори. — А теперь беги вниз.

Я подчинился, почувствовав, что несколько приободрен. Однако никто не вернет меня к жизни, никто, кроме Прис. И я должен был как-то существовать с постоянным ощущением потери и находить в себе силы сталкиваться с этим фактом нос к носу ежедневно, ежесекундно.

Первая заметка в сиэтловских газетах, в которых мы рылись из-за маленькой паршивки, чуть не ускользнула от нас, так как, в общем-то, непохоже было с первого взгляда, что она была написана о Прис. Мы были вынуждены снова и снова перечитывать ее, пока не разобрались.

Там говорилось о Сэме Берроузе — вот что бросилось нам в глаза. И о сногсшибательной юной художнице. Его видели с ней в ночных клубах. Если верить газетчикам, звали девушку Пристин Вумэнкайнд[1].

— Гооосподи! — пронзительно закричал Мори, лицо его перекосилось. — Это ведь ее фамилия! Это перевод фамилии Фрауенциммер с ее точки зрения. Однако все совершенно не так. Слушай, дружище, я всегда и всем говорил насчет перевода своей фамилии неправду — тебе, и Прис, и моей бывшей жене. Фрауенциммер не означает «женщина». Это словеч-

[1] Прис перевела таким образом свою немецкую фамилию Фрауенциммер.

ко значит «распутница»... Ну, ты сам знаешь — проститутка. Уличная шлюха. — Он скептически перечитал статью: — Изменила свою фамилию... но она ведь не знала... черт, если переводить правильно, то Прис должна назваться Пристин Проституткинз. Боже, какой маразм! Какое безумие... Ты знаешь, откуда ветер дует? Это все та проклятая книжонка, «Марджори Морнингстар» — настоящая фамилия героини была Моргенштерн — это переводится как Морнингстар, Утренняя Звезда. Прис позаимствовала идею оттуда. А переделывать Присциллу в Пристин — нет, я с ума сойду! — Мори метался, как обезумевший, по офису, вновь и вновь перечитывая заметку. — Я знаю, это Прис. Это должна быть она. Послушай, я прочту тебе ее описание, а ты мне скажешь, если это не Прис:

«Видели «У Свами» — не кого иного, как Сэма (Здоровяка) Берроуза, сопровождающего то, что для деток, которые не засиживаются допоздна, мы готовы назвать его «новой протеже», тоньше-чем-карандаш-учителки-начальной-школы-цыпочка. Зовут ее, если вы проглотите это, — Пристин Вумэнкайнд, с неземным выражением, словно она не понимает нас, вульгарных смертных, с черными волосами и фигуркой, которая заставила бы одну из этих старинных деревянных штук, украшавших носы парусников (вам знаком этот тип?), позеленеть от зависти. Еще один член их теплой компании, Дэйв Бланк, юрист, говорит, что Прис — художница, обладающая еще массой других талантов, которые не всем дано испытать на себе... и, как сказал Дэйв, усмехнувшись, этот цыпленок собирается выступить в ближайшие годы по телевидению в качестве актрисы — хотите верьте, хотите — нет!..»

— Боже, какой вздор! — воскликнул Мори, бросая газету на пол. — Как могут эти писаки из скандальной хроники стряпать такое? Они совсем в идиотизме погрязли. Однако ты можешь сказать — это так или иначе Прис? Что значит это сообщение о ее намерении дебютировать в качестве телевизионной актрисы?

— У Берроуза должна быть собственная телестанция или доля в какой-нибудь из них, — предположил я.

— Он владеет компанией по производству корма для собак, выпускает китовую ворвань в банках, — вопил Мори. — И спонсирует телешоу раз в неделю, нечто вроде цирка и варьете. Вероятно, он наложит на них лапу, чтобы дать Прис парочку минут эфирного времени. Только что она там будет делать? Она играть-то не умеет! Она бездарна, как пробка! Думаю, мне при-

дется вызвать полицию. Приведи сюда Линкольна. Мне нужен совет атторнея.

Я попытался успокоить его. Он был на грани полного вырубона.

— Он с ней спит! Это животное спит с моей доченькой! Он — разложившийся трупак в чистом виде! — Мори принялся лихорадочно звонить в аэропорт Буаз, пытаясь заказать билет на реактивный самолет до Сиэтла. — Я прилечу туда и арестую его, — вопил он между звонками. — Я возьму с собой пистолет. На черта мне полиция! Девчонке всего лишь восемнадцать[1]. Это же уголовщина чистой воды! Мы получили доказательство. Ясно с первого взгляда, все улики против него. Я его в бараний рог согну. Законопачу в тюрягу лет на двадцать пять.

— Послушай, — вмешался я наконец, — Берроуз все досконально продумал. Успел прикрыть себе задницу. У него есть этот юрист, Бланк, который таскается за ними как хвост. Они полностью отмазаны. Не спрашивай у меня, каким образом, но они все продумали. Лишь потому, что какой-то писака из раздела сплетен решил нацарапать, что твоя дочь...

— Значит, я убью ее, — обреченно прохрипел Мори.

— Подожди! Ради Бога, заткнись и послушай! Спит она с ним, как ты полагаешь, или не спит, — не знаю. Вероятно, она — его содержанка. Думаю, тут ты прав. Но доказать это будет чертовски сложно. Ты можешь сейчас заставить ее силой вернуться в Онтарио. Однако даже в этом случае у него останется лазейка, которой он, при случае, воспользуется.

— Хотел бы я, чтобы она снова оказалась в клинике. Не надо было ее оттуда выписывать. Прис — всего лишь несчастный ребенок с остаточными явлениями психоза! — Мори немного успокоился. — Как он сможет заполучить ее обратно?

— Берроуз может заставить какого-нибудь мудака в своей организации жениться на ней. И когда это произойдет, родители официально теряют над ней власть. Ты этого хочешь? Я посоветовался с Линкольном, и он доказал мне, насколько трудно вынудить такого человека, как Берроуз, знающего закон как свои пять пальцев, сделать ЧТО-ЛИБО. Берроуз может выгибать закон, как ему захочется, словно проволоку для чистки трубок. Для него правила не писаны. Обходить закон стало для Сэма привычкой.

— Вот ужас-то! — вздохнул Мори. — Понимаю, что ты имеешь в виду. Легальный предлог, позволяющий держать Прис в Сиэтле. — Мори побледнел.

— И тогда ты никогда не вернешь ее обратно.

---

[1] Совершеннолетие в США начинается с 21 года.

— И девочке придется спать с двумя мужиками — своим вонючим мужем, каким-нибудь занюханным посыльным, и с Берроузом одновременно... — Он уставился на меня, дико выпучив глаза.

— Мори, — сказал я твердо, — мы вынуждены смотреть фактам в лицо. Вероятно, Прис уже спала с молодыми людьми, например, в школе...

Его еще больше перекосило:

— Мне очень горько говорить тебе об этом, — продолжал я, — но однажды ночью она втянула меня в такой разговор...

— Ладно, — махнул рукой Мори, — пропустим это.

— Ну, спит она с Берроузом? Так от этого еще никто не умирал. Да и ты жив останешься... В конце концов, она вряд ли залетит. Берроуз парень ушлый. Он проследит, чтобы девчонка принимала свои пилюли.

Мори тяжело опустил голову и проворчал:

— Лучше бы я сдох.

— Поверь, мне тоже не сладко. Но помнишь, что ты сказал мне не далее как два дня назад? О том, что мы обязаны двигаться вперед, независимо от нашего паршивого самочувствия? А сейчас я говорю тебе о том же. И не важно, как много значит Прис для нас обоих — не так ли?

— Точно, — с трудом выдавил он.

На этом мы покончили с личными проблемами и вернулись к прерванному разговору о делах. На заседании Совета директоров Стентон наотрез отказался одевать Нэнни в форму «серых». Конечно, он был отнюдь не против вольной трактовки Гражданской войны, однако желал, чтоб все симулакры-няньки непременно носили форму бравых парней Федерации.

— Вы только подумайте, — вопрошал Стентон, — кто доверит своих детей бунтарям и бандитам?!

После долгих препирательств мы согласились. Затем Джером прошелся насчет того, чтобы начали быстрым ходом готовить оборудование на фабрике, а нам в офисе «Объединения Р и Р» неплохо бы заняться подгонкой планов. К тому же заглохли переговоры с японскими электронщиками, счастье еще, что их наняли на неполный рабочий день.

Несколько дней спустя в сиэтлской газете появилась заметка:

«Мисс Пристин Вумэнкайнд, блистательная юная звезда, открытая «Корпорацией Берроуза», украсит церемонию вручения «Золотого Мяча» чемпионам Малой бейсбольной лиги. Об этом сообщил сегодня Ирвин Кан, пресс-секретарь мистера Берроуза».

Значит, у Сэма Берроуза имелась еще и своя пресс-шавка, в придачу к Бланку и прочим хмырям... Да, Берроуз подсунул девчонке ту наживку, которую она сама хотела. Теперь можно спокойно подсекать, не боясь нарушить предварительную сделку. А они ведь наверняка друг с другом договорились. Каждый будет теперь по-своему блюсти условия.

— Рыбка попала в глубокий аквариум, — пробурчал я себе под нос. — Вряд ли бы нашелся в Америке другой мужик, кроме Сэма, кто сумел бы удержать возле себя придурковатую Прис. Да еще потворствовать всем ее прихотям.

У статейки имелся броский заголовок: «БОЛЬШАЯ ЛИГА ВРУЧАЕТ ЗОЛОТОЙ МЯЧ ЧЛЕНАМ МАЛОЙ ЛИГИ». Свинство какое-то получается: Прис — «большая лига»... для «маленьких членов». Тьфу!

Проштудировав материал дальше, я узнал, что мистер Берроуз раскошелился на униформу и снаряжение игроков. Наверное, сам рассчитывает хапнуть приз. Стал бы он просто так финансировать бейсбольную команду. Это же надо додуматься — вручать награду самому себе. Он и на призах, может, с тыльной стороны выбил:

КОРПОРАЦИЯ БЕРРОУЗА.

Конечно, с лицевой стороны для вида напишут название спортивного клуба или школы, из какой ребята приехали.

Я не сомневался, что Прис действительно счастлива. В конце концов, Джейн Мэнсфилд[1] начинала с того, что получила титул «Мисс Ровная Спинка», а выдвинула ее ассоциация знахарей-хиропрактиков. Это был ее первый выход в свет. В те дни Джейн слыла ярой фанатичкой вегетарианства.

«Итак, смотрите-ка, какое будущее может открыться перед Прис, — заметил я сам себе. — Сначала она вручает призы бейсболистам. Потом резко набирает крутизну. Быть может, Берроуз сумеет пристроить в «Лайф» снимки обнаженной Прис. Дело нехитрое, они печатают такие фотографии еженедельно. Девчонке светит ни много ни мало, как прославиться на всю Америку. Перенапрягаться не нужно — всего лишь сбросить прилюдно одежки да покрутить задом перед фотографом. Вряд ли это труднее, чем делать то же самое в уютном гнездышке перед светлыми очами Сэма Берроуза».

«Потом она сможет ненадолго выйти замуж за президента Мендосу. Он был женат, но разве это помеха — всего-то сорок

---

[1] Знаменитая голливудская актриса, игравшая в основном в амплуа «роковой женщины».

один раз. Правда, всегда не более чем на неделю... Или же, на худой конец, Прис могут пригласить на одно из холостяцких сборищ в Белом доме. Или прошвырнуться по дальним морям на президентской яхте. Или какой-нибудь уик-энд на роскошном спутнике, где президент проводил свое свободное время. Особенно на эти холостяцкие сборища: девушки, которые там появляются, никогда не попадают туда дважды. Успех им гарантирован, теперь все двери перед ними открыты, особенно на ниве увеселительных мероприятий. Поскольку если президент Мендоса не побрезговал, значит, любой мужчина в Штатах непременно возгорится к девочкам желанием, так как все знают невероятно тонкий вкус президента Соединенных Штатов, равно как и то, что он первым производит отбор...»

Подобные мысли отлично мостили в моих мозгах прямую дорогу в безумие.

«Сколько времени потребуется Берроузу? Хотел бы я знать! Недели? Месяцы? Сможет ли Сэм провернуть это прямо сейчас, или же ему придется поднапрячься?»

Неделю спустя, проглядывая обзор телепередач, я обнаружил Прис в списке участников еженедельного шоу, спонсируемого берроузовской компанией по производству корма для собак. Согласно объявлению, Прис играла девушку в рискованном трюковом номере: в нее метали горящие ножи, в то время как она наяривала шотландский танец, одетая в один из новомодных прозрачных купальников.

Я на всякий случай припрятал программку от Мори, но он все-таки на нее наткнулся. За день до передачи он позвал меня к себе и сунул злополучную страницу под нос. В журнале тиснули небольшое фото Прис, правда, только голову и плечи. Однако же снимок таил в себе явный подвох.

Фотограф сумел щелкнуть Прис так, что создавалось впечатление, будто она в неглиже. Вот тебе и плечи! Мы созерцали снимок со свирепым отчаянием. И все же маленькая мерзавка определенно выглядела счастливой. Вероятно, так оно и было...

За ее спиной на снимке виднелись зеленые холмы и гладь озера. Естественные, здоровые чудеса Земли. И на их фоне — смеющаяся, черноволосая девушка, полная жизни, возбуждения и энергии. Переполненная — будущим.

Будущее принадлежит ей, понял я, рассматривая снимок. Появится ли она обнаженной на пледе из козьей шерсти, окрашенном растительными красками, станет ли любовницей президента на пару деньков или будет плясать сумасшедший танец, голая до талии, пока в нее швыряют горящие ножи во время

идиотской телепередачи. — Прис останется такой же подлинно прекрасной и удивительной, как холмы и озеро. И никто не в состоянии это разрушить или испортить. А что имеется у нас с Мори? Что мы можем ей предложить? Только скуку кромешную. Что-нибудь, от чего идет зловонный душок отнюдь не завтрашнего, а вчерашнего дня, трупный смрад прошлого... Возраста, горя и старухи-смерти.

— Дружище, — сообщил я Мори, — хочу смотаться в Сиэтл.

Он промолчал, тупо уставившись на страницу телеобзора.

— Мне, если честно, сейчас наплевать на симулакры, — вновь начал я. — Прости, что так говорю, но это правда. Я хочу только смотаться в Сиэтл и посмотреть, как она там. Может быть, после этого...

— Ты не вернешься. Вы оба не вернетесь.

— Постараемся все-таки вернуться.

— Побьемся об заклад?

Я заключил с ним пари на десять баксов. А что еще мне оставалось делать? Лицемерно надавать обещаний, которые я, вероятно, не смогу или не захочу исполнить.

— Я угроблю «Объединение Р и Р», — заметил Мори.

— Вполне возможно, но мне все равно надо ехать.

Вечером я начал собирать вещи. Заказал место в реактивном «Боинге». Он вылетал в Сиэтл следующим утром, в десять тридцать. Сейчас меня уже ничто не держало. Я даже не стал звонить Мори. Зачем лишний раз расстраивать его, тратить время и молоть бесполезную чепуху? Он ничего не мог поделать. А я? Это мы еще увидим.

Мой «сервис» 45-го калибра был слишком громоздким, поэтому я упаковал пистолет поменьше, 38-го калибра, завернув в полотенце вместе с коробкой патронов. Я никогда не слыл метким стрелком, но, думаю, сумел бы пристрелить какого-нибудь гада в пределах комнаты обычных размеров, а может, и в более объемном помещении. Где-нибудь в ночном клубе или театре. Если дела примут скверный оборот, я смогу испытать оружие на себе. Вот уж во что я точно попаду с первого раза, так это в собственную дурную башку...

Так как мне нечего было делать до утра, я уселся с копией «Марджори Морнингстар», которую одолжил мне Мори. Вполне возможно, это была та самая книжка, что давным-давно читала Прис. Я листал эту гадость не ради удовольствия, а чтобы поглубже нырнуть в ту бездну, имя которой «душа Прис».

Утром я встал рано, помылся-побрился, съел легкий завтрак и отправился в аэропорт Буаз.

Глава 13

Если вам захочется узнать, как бы выглядел Сан-Франциско, не будь там землетрясений и пожаров, отправляйтесь прямиком в Сиэтл. Это старый портовый город на холмах. Открытые всем ветрам, похожие на каньоны улицы. Никаких ультрамодных, бетонных монстров, кроме разве что здания публичной библиотеки. В трущобной части города — лишь булыжник и красный кирпич. Трущобы тянутся на многие мили, там полно крыс и прочих прелестей. Центр пестреет вывесками сытеньких торговых кварталов. В деловой части вздымаются к небу громады старинных отелей. Когда ветер дует с Канады, из иллюминатора приземляющегося самолета вы мельком видите настоящие горы. Это пугающее зрелище.

Из аэропорта до собственно Сиэтла я добирался на старом лимузине, благо это стоило всего лишь пять долларов. Женщина-водитель особо не утруждала машину, и мы ползли милю за милей, пока наконец не добрались до отеля «Олимп». Он в точности такой же, как любой другой хороший отель в большом городе, с аркадами магазинов в нижнем этаже. Тут вам на выбор полный набор услуг, которые должны быть в отеле, а обслуживание выше всяких похвал. Практически вы находитесь в собственном темном, освещенном зеленым светом мирке, среди ковров и старинного полированного дерева, бесконечно длинных коридоров, снующих вверх-вниз лифтов. Вас окружает прилично одетая публика, занятая, в основном, пустопорожней болтовней. Плюс ненавязчивая забота горничных.

В комнате я включил радио — как раз передавали хорошую музыку. Послушать приятную мелодию всяко лучше, чем торчать перед телевизором. Я глянул в окно, на улицу далеко внизу, отрегулировал вентиляцию и отопление, снял ботинки и немного походил по ковру, что устилал пол. Потом открыл чемоданчик и начал раскладывать вещи. Всего час назад я был в Буаз, а сейчас уже нахожусь на Западном побережье, почти у канадской границы. Я попал из одного большого города в другой без необходимости помирать со скуки, проезжая глубинку. Ничего не могло быть для меня приятнее.

Отличить хороший отель можно по одному верному признаку: когда вам что-нибудь срочно понадобится, проворный бой-прислуга, входя в номер, никогда не пялится на вас. Взгляд его всегда обращен сквозь и вдаль. Вы становитесь невидимкой, а это как раз то, чего вы хотите. Тем более если вы в одних трусах или без оных — вас просто-напросто не заметят. Прислуга-

бой проскальзывает в номер тихонечко, оставляет вашу выглаженную рубашку или поднос с едой, газету или выпивку. Вы суете ему чаевые, он издает некое благодарственное урчание и испаряется. Такие манеры сделали бы честь японцу, ведь именно у япошек не принято глазеть на людей. Это, конечно, здорово! Такое ощущение, будто в номер вообще никто не заходил. Так, мышка поскреблась, ветерок занавески тронул. У вас возникает ни с чем не сравнимое чувство, что номер и весь отель всецело принадлежит вам и только вам, даже если и наткнетесь пару раз на уборщицу в холле. Прислуга настолько уважает ваше уединение, что иногда это кажется просто сверхъестественным.

Конечно, всему хорошему когда-нибудь наступает конец. В том смысле, что не пора ли выписать чек. За удовольствия надо платить. Это обойдется вам в пятьдесят монет, вместо двадцати. Но не верьте, если вам скажут, что такая жизнь не стоит этих денег. Какой-нибудь тип на грани психического срыва может прийти в себя всего лишь за несколько дней, пожив в настоящем первоклассном отеле, где готовы суетиться перед клиентом двадцать пять часов в сутки. Уж вы мне поверьте.

В отеле я пока провел всего лишь пару часов, но так и не перестал удивляться, отчего необходимость совершить путешествие приводила меня в такое возбуждение дома. Я чувствовал себя сейчас так, словно был в честно заработанном отпуске. К тому же я мог вообще не выползать на улицу. Обедать, плескаться под душем в ванной, читать газету, покупать всякую дребедень в магазинах отеля, пока у меня не иссякнут деньги.

И, несмотря на это, я приехал по делу. Вот что было тяжело — покинуть отель, вылезти на открытые всем ветрам улицы и ковылять вдоль тротуаров. Вот когда приходит боль. Ты вновь в мире, где никто не откроет тебе дверь. Ты стоишь на перекрестке, вместе с другими, такими же, как ты, ожидая, пока зажжется зеленый свет. Ты опять становишься заурядным серым индивидом, потенциальной жертвой большого города. Это — вновь и вновь повторяющаяся разновидность родовой травмы, но в конце концов ты можешь удрать обратно в отель, как только обстряпаешь все делишки.

А еще, пользуясь телефоном, ты можешь вообще не выходить из отеля, чтобы где-нибудь подсуетиться. Таким путем ты сделаешь все, что сможешь: инстинкт подсказывает тебе поступать именно так. На самом деле ты пытаешься скорее заставить людей прийти и увидеться с тобой там, в номере, чем где-то еще.

Тем не менее на этот раз мой вопрос невозможно было решить в пределах отеля: я не стал даже тратить энергию на по-

пытки. Просто-напросто провел остаток дня в номере, а с наступлением вечера спустился в бар, потом в один из ресторанных залов, после чего прогулялся мимо аркад и по вестибюлю. Я слонялся без дела, но мне не надо было выходить наружу, в холодную, промозглую ночь.

Все это время мой 38 калибр оттягивал внутренний карман пиджака.

Однако странная все же штука — подпольная командировка. Возможно, я смогу все проделать легально, если Линкольн найдет путь, как вырвать Прис из лап Берроуза. Но в глубине души мне нравилась эта поездка в Сиэтл со стволом в чемоданчике, а сейчас вот — в кармане пиджака. Мне нравилось чувство одиночества, нравилось ощущение, что я здесь не знаю никого, кто мог бы пойти со мной к Берроузу и помочь мне. Это очень похоже на сюжет старого телевизионного спектакля в стиле «вестерна». Я всего лишь «скиталец в стране чужой».

Хлебнув в баре горячительного, я вернулся обратно в номер, включил телик и плюхнулся на кровать. Где-то уже заполночь заказал себе горячий кофе. Я был на седьмом небе. Если только полоса наслаждения сможет долго продолжаться.

«Завтра утром схожу, повидаюсь с Берроузом. Надо завязывать. Но только не сейчас».

А потом, — было уже около полтретьего ночи и я собирался завалиться дрыхнуть — мне ударило в репу: «Почему бы не позвонить Берроузу прямо сейчас? Разбудить, как гестапо? Не сообщать, где нахожусь, а просто брякнуть СЭМ, Я ИДУ! Запугать его по-настоящему. Он ведь, гад, сразу сообразит, как близко от него раздается мой голос в трубке, что я где-то рядом».

Четко!

Я опрокинул пару-тройку рюмок: черт, их ведь было то ли шесть, то ли семь... Набрал номер и сказал телефонистке:

— Соедините меня с Сэмом К. Берроузом, номера я не знаю.

Поскольку телефонистка тоже из обслуги отеля, она так и сделала.

Сейчас я слышал, как звонит Сэмов телефон.

Пока шли гудки, то репетировал предстоящий наезд:

— Верни Прис обратно. Я ее ненавижу, но она принадлежит нам. Она — сама жизнь, мы так решили.

Телефон все звонил и звонил: очевидно, никого не было дома или же никто не хотел подниматься с постели и брать трубку. Наконец я повесил свою.

«Надо же взрослому человеку попасть в такую хреновую ситуацию», — сказал я себе, бесцельно слоняясь по комнате. Как

мог некто вроде Прис стать для нас воплощением самой жизни? Мы что, опупели, что ли? Да, не от нас зависела эта собачья жизнь: не мы это придумали. Или все-таки мы?

И так далее, и тому подобное... Я должен провести несколько часов, бродя по комнате, не допуская в башку ничего, кроме таких вот идиотских рассуждений. Я пришел в ужас. Это что-то вроде гриппа, разновидность, нарушающая метаболизм мозга, когда ты уже одной ногой в гробу. Мне казалось, что я полностью потерял контакт с нормальной, здоровой действительностью, даже с той, которая окружала меня в отеле: я забыл о круглосуточном обслуживании в номерах, об аркадах магазинов, о барах и ресторанах. Я лишь изредка тупо глазел в окно на огни ночного города. Это своего рода форма умирания, потеря контакта с окружающей средой.

В какой-то момент, когда я все еще вышагивал вокруг комнаты, зазвонил телефон.

— Слушаю! — прокричал я в трубку.

Нет, это не Сэм Берроуз. Это оказался Мори, он звонил мне из Онтарио.

— Откуда ты знал, что я остановлюсь в «Олимпе»? — спросил я, полностью сбитый с толку: можно подумать, что приятель воспользовался некой колдовской силой, чтобы выследить меня.

— Я же знаю, что ты в Сиэтле, придурок. А сколько там крупных отелей? Тебе ведь точно приспичит поселиться в лучшем из них. Держу пари, что ты прихватил с собой свадебный костюм и какую-нибудь даму и от этого совсем свихнулся.

— Послушай, я прилетел сюда, чтобы убить Берроуза.

— Чем? Своим твердолобым котелком? Ты собираешься бежать к нему, треснуть башкой в желудок и забодать его до смерти?

Я рассказал Мори о пистолете.

— Послушай-ка, миленький ты мой, — спокойно отозвался Мори, — если ты сделаешь это, мы все погибли.

Я ничего не ответил.

— Звонок, кстати, влетит нам в кругленькую сумму, — заметил Мори, — поэтому я не собираюсь целый час увещевать тебя, словно пастор потаскушку. Поспи немного и завтра позвони мне, обещаешь? Обещай, или я настучу в департамент полиции Сиэтла. Да поможет мне Бог!

— Нет, — отрезал я.

— Ты должен обещать.

Я сказал:

— Ладно, Мори, я обещаю ничего не предпринимать этой ночью. — Да и как я мог что-то сделать? Я ведь уже пытался

и потерпел поражение: оставалось только вышагивать по комнате...

— Ладно, хватит. Слушай, Льюис. Этим ты Прис не вернешь. Я уже думал об этом. Ты только поломаешь ей жизнь, если пойдешь туда и пальнешь в парня. Подумай об этом, и, я знаю, ты сам увидишь, что не прав. Думаешь, я бы так не сделал, если бы хоть чуточку надеялся, что это поможет?

Я тряхнул головой:

— Не знаю. — Башка у меня раскалывалась, и я смертельно устал.

— Ладно, дружище. Давай отдыхай. Слушай: я хочу, чтобы ты оглянулся вокруг, посмотрел, нет ли в твоем номере какого-нибудь стола с ящиками. Хорошо? А теперь загляни в верхний ящик. Ну давай же, Льюис. Сделай это прямо сейчас, пока я на связи. Загляни в него.

— Зачем?

— Там должна быть Библия. Прислуга обычно кладет их туда.

Я бросил трубку.

— Вот ублюдок-то! — сказал я себе. — Давать мне такие советы.

Хотел бы я никогда не приезжать в Сиэтл... Я теперь словно симулакр Стентона, как машина, запустившая себя вперед, во Вселенную, прочесывающая Сиэтл ради интимного местечка, в котором сможет совершить привычный акт. В случае Стентона это открытие юридической конторы, а что же тогда в моем? Попытка как-то восстановить привычное окружение, отталкивающая тем не менее. Я привык к Прис и ее бессердечию, я даже начал привыкать, в ожидании столкновения, к Сэму К. Берроузу, его секретутке и атторнею. Мои инстинкты выбрасывали меня из чуждого обратно к известному. Это был единственный доступный мне путь. Это было, как будто некая слепая штука трепыхалась для того, чтобы размножаться.

Я знаю, чего хочу! — сказал я себе. Я хочу присоединиться к организации Берроуза! Хочу стать ее частью, как Прис: в конце концов, я совсем не хочу его убивать!

Я ПЕРЕХОЖУ НА СТОРОНУ ВРАГА.

Там должно найтись для меня место, сказал я себе. Возможно, мне не придется танцевать «шотландскую удалую» — не по душе мне это. Я не хочу выступать по телевидению, я не горю желанием увидеть свое имя на световых рекламах. Я просто хочу быть полезным. Я хочу, чтобы мои способности использовал большой человек.

Подняв трубку, я попросил соединить меня с Онтарио, штат Орегон. Телефонистке в Онтарио я продиктовал номер домашнего телефона Мори.

Телефон зазвонил, и Мори ответил сонным голосом.

— Ты что, уже спишь? — спросил я. — Слушай, Мори, я должен тебе это сказать, чтобы ты первым узнал об этом. Я перебегаю на сторону врага: присоединяюсь к Берроузу, и черт с тобой, папой и Честером, а также со Стентоном, — диктатор он и есть диктатор, от него нам все равно житья не будет. Единственный, о ком я сожалею, поступая так, это Линкольн. Однако если он столь мудр и всепонимающ, он поймет и простит, как Христос.

— Пардон? — переспросил Мори. Похоже, он меня не понял.

— Я продаюсь, — заявил я.

— Нет, — возразил Мори, — ты не прав.

— Как я могу быть неправым? Что ты хочешь этим сказать?

— Если ты перейдешь к Берроузу, не будет никакого «Объединения Р и Р», а значит, нечего будет и продавать. Мы с тобой не сшиты накрепко, а просто сфальцованы, миленький ты мой, и ты об этом знаешь, — совершенно спокойно сказал он. — Разве это не так?

— А мне плевать! Я знаю только, что Прис права: нельзя встретиться с человеком, таким, как Сэм Берроуз, а потом забыть об этом. Он — звезда, он — комета. Или ты плетешься у нее в самом хвосте кильватера, или фактически прощаешься с жизнью. Во мне пробудился эмоциональный голод, иррациональный, но реальный. Это инстинкт. Вскоре это поразит и вас. Он творит волшебство. Без него все мы — слизняки. В чем смысл жизни? Тащиться в пыли? Ты не будешь жить вечно. Если ты не в состоянии поднять себя к звездам — ты мертвец. Ты ведь знаешь о моем пистолете тридцать восьмого калибра? Если у меня ничего не выйдет с организацией Берроуза, я собираюсь прострелить свои проклятые мозги. Я не собираюсь оказаться за бортом. Инстинкты, существующие в человеке, инстинкты выживания — слишком сильны.

Мори молчал. Однако я здесь, на другом конце провода, слышал, что он там.

— Послушай, — сказал я, — извини, что разбудил, но я должен был сказать тебе.

— Ты душевнобольной, — сказал Мори. — Я собираюсь, слушай, приятель, собираюсь звонить доктору Хорстовски.

— Зачем?

— Чтобы он позвонил тебе в твой отель.

— Идет, — согласился я. — Я буду на связи, — и положил трубку.

Я в ожидании уселся на кровать, и вскоре, не прошло и двадцати минут, примерно в полвторого ночи, телефон зазвонил снова.

— Алло, — сказал я в трубку.

Откуда-то издалека:

— Говорит Милтон Хорстовски.

— Льюис Роузен, доктор.

— Мне позвонил мистер Рок. — Длинная пауза. — Как вы себя чувствуете, мистер Роузен? Мистер Рок сказал, что вы чем-то расстроены.

— Послушай-ка, ты, служащий правительства, — сказал я; — это не твое дело. Я поссорился со своим партнером, Мори Роком, вот и все. Сейчас я в Сиэтле, собираюсь присоединиться к более масшабной и прогрессивной организации — вспоминаешь мой разговор о Сэме К. Берроузе?

— Я знаю, кто это.

— Разве это ненормально?

— Нет, — сказал доктор Хорстовски. — Нет, если так обстоят дела.

— Я сказал Мори о пистолете просто затем, чтобы разозлить его. Уже поздно, и я немного обеспокоен. Иногда порвать с партнером — тяжелый психологический момент. — Я ждал, но Хорстовски молчал. — Думаю, что сейчас мне уже пора спать. Может быть, когда я вернусь в Буаз, я забегу на минутку и увижусь с вами: все это очень для меня тяжело. Прис ушла и сейчас работает на организацию Берроуза, знаете ли.

— Да, знаю. Я не теряю с ней связи.

— Она всего-навсего девочка, — сказал я. — Я начинаю думать, что влюбился в нее. Возможно ли это? Я хочу сказать — у личности моего плана?

— Возможно.

— Хорошо. Я полагаю, что это как раз то, что произошло. Я не могу жить без Прис, вот почему я в Сиэтле. Еще раз хочу сказать, что про пистолет я выдумал: вы можете сослаться на меня в разговоре с Мори на эту тему, если это его успокоит. Я всего лишь пытался показать ему, что говорю всерьез. Вы поняли меня?

— Да, думаю, что да, — ответил доктор Хорстовски.

Мы еще непонятно сколько времени проболтали о пустяках, наконец он повесил трубку. Как только я положил свою, я сказал себе:

— Парень, вероятно, позвонит в полицию Сиэтла или в здешнее Бюро психиатрического контроля. Я не мог рисковать: он запросто мог.

Поэтому я стал собирать свои вещи так быстро, как только мог. Побросав все в чемоданчик, я покинул номер, спустился в лифте вниз, на первый этаж, и у стойки администратора потребовал свой счет.

— Вы чем-то остались недовольны, мистер Роузен? — спросил меня ночной клерк, пока девица выписывала счет.

— Нет, — ответил я. — Я сумел связаться с человеком, ради встречи с которым приехал сюда, и он хочет, чтобы я переночевал у него.

Я заплатил по счету — он оказался вполне умеренным, а потом вызвал такси. Швейцар вынес мой чемоданчик на улицу и засунул в багажник: я отблагодарил его парой долларов и минуту спустя мотор втиснулся в неожиданно оживленное уличное движение.

Когда мы проезжали мимо симпатичного мотеля, я обратил внимание на его размещение, остановил такси за несколько домов дальше, расплатился с таксистом и пешком вернулся обратно. Сказав владельцу мотеля, что моя машина разбилась, — я ехал через Сиэтл по делам — я зарегистрировался под именем Джеймса У. Байрда, которое выдумал, не отходя от кассы. Я сразу расплатился, это обошлось мне в девятнадцать пятьдесят, а затем, получив ключ в руки, удалился в комнату.

Номер был уютным, чистым и светлым — то, что мне было надо. Я сразу же плюхнулся в постель и уснул. Теперь им меня не сцапать — вот последняя мысль, которую я запомнил, когда проваливался в сон. А завтра я пойду к Сэму Берроузу и объявлю ему новость — я перехожу на его сторону.

Я запомнил еще одну мысль: скоро я снова буду с Прис, я поучаствую в ее полете к славе. Я буду здесь и все это увижу. Может быть, мы поженимся. Я ей скажу, как мне было без нее, признаюсь ей в любви. Наверно, она стала вдвое красивее, чем была, сейчас, когда Берроуз о ней заботится. А если Берроуз — мой соперник, я его сотру в порошок. Я его разложу на атомы невиданным доселе методом. Он не встанет на моем пути — я не шучу!

Вот с какими мыслями я засыпал.

В восемь утра меня разбудил солнечный свет, наполнивший комнату, заливший меня и мою кровать. Я не занавесил окна. Машины, припаркованные на улице в ряд, отражали солнечные лучи. Все это было очень похоже на славный денек.

О чем же я думал прошедшей ночью? Мысли, занимавшие меня перед тем, как я уснул, возвращались ко мне. Безумные, дикие мысли, все о женитьбе на Прис и убийстве Берроуза, ребячество какое-то... Засыпая, мы возвращаемся в детство, в этом нет никаких сомнений... Мне стало стыдно.

И все же я не отказался от своей позиции: я должен пойти, забрать Прис, а если Берроуз попытается мне помешать, — тем хуже для него.

Я обезумел, но не собирался отступать... Здравый смысл преобладал сейчас, при дневном свете: я потащился в ванную и долго простоял под холодным душем, однако даже дневной свет не рассеял мою глубокую уверенность. Я лишь работал над ней, пока мои идеи не стали более рациональными, более убедительными, более целесообразными.

Сначала я должен начать переговоры с Берроузом в надлежащей манере: я должен скрыть мои подлинные чувства, мои фактические мотивы. Я должен скрыть все, что касается Прис: я ему скажу, что хочу с ним работать, возможно — помогать проектировать симулакр, привнести в это дело весь опыт и все свои знания, полученные за годы работы с Мори и Джеромом. Но ни единого намека на Прис, потому что, если ему удастся уловить хотя бы малейший знак...

Ты хитер, Сэм К. Берроуз, сказал я себе. Но ты не можешь читать мои мысли. И они не отразятся на моем лице: я слишком опытен, слишком профессионален, чтобы обнаружить себя.

Пока я одевался и завязывал галстук, я тренировался перед зеркалом. Мое лицо было абсолютно безмятежным: никто бы не догадался, что внутри меня мое сердце разрывалось на кусочки, пожираемое страстью — любовью к Прис Фрауенциммер или Вумэнкайнд или как бы она там себя сейчас ни называла.

Вот что значит зрелость, говорил я себе, пока, усевшись на кровать, начищал свои ботинки. Это — способность скрывать свои настоящие чувства, способность создавать маску. Способность сделать идиота даже из большого человека, такого, как Берроуз. Если ты можешь это сделать — считай, что ты это уже сделал.

В противном случае ты конченый человек. Вот в чем весь секрет.

В номере мотеля был телефонный аппарат. Я вышел и позавтракал яичницей с ветчиной, запил все это кофе и соком. Затем, в девять тридцать, я вернулся в свой номер и взял телефонный справочник Сиэтла. Я провел немало времени, изучая списки разнообразных предприятий Берроуза, пока не нашел одного, где, по моим расчетам, он должен был быть.

Набрав номер, я услышал в трубке приятный девичий голосок:

— «Нортвест илектроникс», доброе утро.

— Мистер Берроуз уже пришел?

— Да, сэр, но он сейчас говорит по другому телефону.

— Я подожду.

Девушка весело сказала:

— Я вас соединю с его секретаршей.

После долгой паузы я услышал другой голос, тоже женский, но более низкий, слышно было, что говорит взрослая женщина.

— Офис мистера Берроуза. Представьтесь, пожалуйста.

Я сказал:

— Я хотел бы записаться на прием к мистеру Берроузу. Меня зовут Льюис Роузен. Я прилетел в Сиэтл прошлой ночью из Буаз, мистер Берроуз меня знает.

— Минуточку, — снова длинная пауза, потом женщина произнесла: — Мистер Берроуз сейчас будет говорить с вами. Говорите, сэр.

— Привет, — сказал я.

— Привет, — проник в мое ухо голос Берроуза. — Как дела, — спросил он бодро, — Роузен? Чем могу быть полезен?

— Как там Прис? — спросил я от неожиданности, что прямо сейчас с ним разговариваю.

— Прекрасно. А как поживают ваши отец и брат?

— Неплохо.

— Это, должно быть, интересно — иметь брата с перевернутым вверх ногами лицом: хотел бы я с ним встретиться. Почему бы вам не забежать ко мне на минутку, раз вы в Сиэтле? Где-то в час дня.

— Хорошо, значит, в час, — сказал я.

— Договорились. Спасибо и до встречи.

— Берроуз, — спросил я, — вы собираетесь жениться на Прис?

Никакого ответа.

— Я собираюсь вас застрелить.

— Ой, Боже милосердный!

— Сэм, у меня есть японская энцефалотропная плавающая мина, предназначенная для уничтожения людей. (Так я назвал свой пистолет.) И я собираюсь применить ее на территории Сиэтла. Вы понимаете, что это значит?

— Ой, не совсем. Энцефалотропная... — она, видимо, что-то там делает с мозгом?

— Да, Сэм. С ВАШИМ мозгом. Мы с Мори сняли шаблон вашего мозга, когда вы были в нашем офисе в Онтарио. С вашей стороны было ошибкой идти туда. Эта мина разыщет вас и взорвется. Если я ее запущу, нет такой силы, которая смогла бы поймать ее обратно: вам крышка, Сэм.

— Трам-парарам-пам-мать!

— Прис влюблена в меня, — сказал я. — Она призналась мне в этом однажды ночью, когда отвозила меня домой. Пошел вон от нее, не то тебе конец! Ты хоть знаешь, сколько ей лет? Хочешь узнать?

— Восемнадцать.

Я бросил трубку.

— Я собираюсь убить его, — сказал я себе. — Действительно собираюсь. Он увел мою девушку. Бог знает, что он с ней делает.

Набрав еще раз номер, я попал на ту же телефонистку с приятным голоском:

— «Нортвест илектроникс», доброе утро.

— Я только что разговаривал с мистером Берроузом.

— О, вас разъединили? Сейчас я вас снова соединю, сэр, сию минуточку.

— Скажите мистеру Берроузу, — попросил я, — что я сейчас приду, ущучу его с помощью своей передовой технологии. Вы скажете ему это? До свидания. — И я снова повесил трубку.

— Он получит сообщение, — сказал я себе. — Может, надо было ему сказать, чтобы он привел Прис сюда, или что-то вроде этого... Сделает ли он это, чтобы спасти свою шкуру? Будь ты проклят, Берроуз! Я знаю, он это сделает, — говорил я сам себе. — Он бросит ее, чтобы спасти себя: в любое время я мог получить ее обратно. Для него она не настолько дорога: для него она — всего лишь еще одна юная красотка. Я был единственным, кто действительно любил ее, для кого она была неповторимой.

И опять я позвонил туда.

— «Нортвест илектроникс», доброе утро.

— Соедините меня еще раз с мистером Берроузом, пожалуйста.

В трубке что-то защелкало, и я услышал:

— Мисс Уоллес, секретарь мистера Берроуза. Представьтесь, пожалуйста.

— Льюис Роузен. Дайте мне еще раз поговорить с Сэмом.

Пауза.

— Одну минуту, мистер Роузен.

Я стал ждать.

— Алло, Льюис, — голос Сэма Берроуза: — Ну, ты на самом деле преувеличиваешь, а? — Он радостно захихикал. — Я звонил в армейский арсенал на Побережье и мне сказали, что такая вещь, как энцефалотропная мина действительно существует. Как ты смог ее достать? Держу пари — у тебя на самом деле ничего такого нет.

— Верни мне Прис, — сказал я, — и я пощажу тебя.

— Ну, давай-давай, Роузен.

— Я тебе по ушам не втираю! — сказал я дрожащим голосом. — Думаешь, это игра? Мое терпение может лопнуть — я люблю Прис, и все остальное ничего для меня не значит.

— Иисусе Христе.

— Так ты сделаешь это? — заорал я. — Или мне прийти и убрать тебя?! — Голос у меня стал ломаться, я осип. — У меня здесь с собой все виды армейского оружия, с тех пор как я побывал за границей: я имею в виду бизнес! — В глубине сознания я успокаивал себя, думая: «Ублюдок откажется от нее: я знаю, какой он трус».

Берроуз сказал: — Успокойся.

— Ладно, я приду, успокою тебя — со всей моей техникой.

— Послушай-ка, Роузен, я полагаю, это Мори Рок подбил тебя на это. Я обсуждал это с Дэйвом, и он заверил меня, что их установленное законом обвинение в изнасиловании не имеет силы... если...

— Я тебя убью, если ты ее изнасиловал! — проорал я в трубку. А в глубине сознания спокойный, саркастический голос ухмылялся и говорил: «Ублюдка засудят». Спокойный, саркастический голос разразился удовлетворенным смехом: для него наступил звездный час. — Ты меня слышишь? — вопил я.

Вскоре Берроуз сказал:

— Ты психопат, Роузен. Я собираюсь позвонить Мори: онто, в конце концов, здоров. Слушай, я ему позвоню и скажу, что Прис улетает обратно в Буаз.

— Когда?! — взвизгнул я.

— Сегодня. Но не с тобой. И, думаю, тебе надо увидеться с психиатром, ты серьезно болен.

— Ладно, — сказал я потише. — Сегодня. Но я остаюсь здесь, пока Мори мне не позвонит и не скажет, что она уже в Буаз. — И я положил трубку.

Фффууу...

Пошатываясь, я прошел в ванную и умылся холодной водой.

Значит, иррациональное и бесконтрольное поведение приносит все-таки свои плоды! Век живи — век учись. Я добился воз-

вращения Прис! Я запугал его до того, что он поверил, будто я — сумасшедший. А не было ли это правдой в настоящий момент? Я действительно потерял голову: достаточно было взглянуть на мое поведение. Потеря Прис повергла меня в безумие.

Успокоившись, я вернулся к телефону и позвонил Мори на фабрику в Буаз:

— Прис возвращается. Ты мне позвони, как только она появится. Я останусь здесь. Я запугал Берроуза — я сильнее, чем он.

Мори ответил:

— Я этому поверю не раньше, чем увижу ее.

— Я запугал парня, он у меня остолбенел — он не может дождаться, только бы поскорей избавиться от нее. Ты не представляешь себе, в какого я тут неистового маньяка превратился из-за страшного напряжения. — И я дал Мори номер телефона моего номера в мотеле.

— Хорстовски звонил тебе прошлой ночью?

— Да, — ответил я, — но он невежда. Твои денежки, считай, улетели в трубу — как ты и говорил. Он не вызывает у меня ничего, кроме презрения, я так и скажу ему, как только вернусь обратно.

— Восхищаюсь твоей холодной уравновешенностью, — сказал Мори.

— И правильно делаешь: именно моя, как ты ее назвал, холодная уравновешенность вернула Прис. Мори, я ее люблю.

Он долго-долго молчал, потом я услышал:

— Послушай, ведь она ребенок.

— Я собираюсь на ней жениться. Я — не второй Сэм Берроуз.

— Да мне плевать кто ты или что ты! — взорвался Мори. — Ты не можешь на ней жениться: она маленькая девочка. Она должна вернуться в школу. Пошел вон от моей дочери, понял?!

— У нас любовь. Ты не можешь встать между нами. Позвони мне, как только она прилетит в Буаз: иначе я собираюсь наказать Сэма К. Берроуза, а может, и ее, и себя, если меня загонят в угол.

— Льюис, — медленно и тихо произнес Мори, — ты нуждаешься в помощи Бюро психического контроля, ей-богу, тебе это необходимо. Я не позволю Прис выйти за тебя ни за какие блага мира, и ничто не заставит меня изменить свое мнение. Я хочу, чтобы ты оставил все так, как есть. Хоть бы ты не летал в Сиэтл! И пусть она останется с Берроузом: да, пусть лучше Прис живет с Берроузом, чем с тобой. Что ты ей можешь дать? Посмотри-ка на все, чем может обеспечить девочку Сэм!

— Он превратил ее в проститутку — вот что он ей дал.

— Мне плевать! — заорал Мори. — Это просто брехня, слова — и ничего кроме слов. Возвращайся-ка в Буаз. Нашему партнерству конец. Придется тебе убираться из «Объединения Р и Р». Я звоню Сэму Берроузу и говорю ему, что не хочу иметь с тобой ничего общего: я хочу, чтобы он оставил Прис у себя.

— А, будь ты проклят, — сказал я.

— Зятем моим захотел стать, да?! Думаешь, я дал ей жизнь для того, чтобы она могла выйти за тебя замуж? Не смеши людей! Ты — никто и звать тебя никак! Отвали от нее!

— Тем хуже, — сказал я. Однако эта тирада ошеломила меня. Однако я вновь повторил: — Я хочу на ней жениться.

— А ЕЙ ты об этом говорил?

— Пока нет.

— Да она тебе в рожу плюнет!

— Ну и что.

— Что? Ну и кому ты нужен? Только своему дефективному братцу Честеру и выжившему из ума папаше. Я поговорю с Абрахамом Линкольном, и мы сообразим, каким образом раз и навсегда отвязаться от тебя. — В моей трубке раздался щелчок: это Мори бросил свою...

Я никак не мог в это поверить. Сидя на разворошенной постели, уставившись в пол, я думал: — «Значит, Мори, так же как Прис, гнались за успехом и большими деньгами. Порочная кровь — у них это с генами передается...

Я должен знать. Она должна была где-то это подхватить».

— Что же мне делать теперь? — спросил я себя. — Пристрелить себе башку и всех сразу осчастливить — им будет так хорошо без меня, Мори ведь сказал...

Но я не чувствовал необходимости в таком поступке: спокойный хладнокровный голос во мне, глас инстинкта, сказал «нет». «Победи их всех, — говорил голос. — Прибери их всех к рукам... Прис и Мори, Сэма Берроуза, Стентона, Линкольна — поднимайся и вперед!»

Да, чужая душа — потемки: кто бы мог подумать, что придется увидеть настоящее лицо своего партнера, узнать, как он на самом деле относится к тебе, кем тебя считает в глубине души. Боже, какая страшная вещь — правда...

Я был доволен, что все понял. Неудивительно, что он весь ушел в реализацию идеи производства симулакров-нянек: он был РАД, что его дочка стала любовницей Сэма К. Берроуза. Он этим гордился. Он тоже начитался «Марджори Морнингстар»...

Теперь я знаю, что движет миром, сказал я себе. Знаю, каковы люди, чем они дорожат в этой жизни. Этого достаточ-

но, чтобы немедленно упасть замертво, или, на худой конец, покончить жизнь самоубийством.

Но я не отступлюсь, сказал я себе. Я хочу Прис и собираюсь отнять ее у Мори, Берроуза и всех остальных. Прис моя, она принадлежит мне. И мне плевать, что она, или они, или кто-то еще думает. Мне все равно, каких злосчастных благ мира они жаждут: все, что я знаю — это то, что сказал мне мой инстинктивный внутренний голос, а он сказал: «Увези от них Прис Фрауенциммер и женись на ней. Ей с самого начала было предназначено судьбой стать миссис Льюис Роузен из Онтарио, Орегон».

Это был мой обет.

Подняв трубку, я снова набрал номер:

— «Нортвест илектроникс», доброе утро.

— Соедините меня еще раз с мистером Берроузом. Говорит Льюис Роузен.

Пауза. Затем — более глубокий женский голос:

— Мисс Уоллес.

— Дайте мне поговорить с Сэмом.

— Мистер Берроуз вышел. Представьтесь, пожалуйста.

— Это Льюис Роузен. Скажите мистеру Берроузу, чтобы он заставил мисс Фрауенциммер...

— Кого?

— Значит, мисс Вумэнкайнд. Скажите Берроузу, чтобы он отправил ее в мой мотель на такси. — Я дал ей адрес, прочитав его с бирки ключа от номера. — Скажите, чтобы он не отправлял ее на самолете в Буаз. Скажите, что, если он не сделает, как я говорю, я туда приеду и заберу ее.

Молчание. Потом мисс Уоллес ответила:

— Я ничего не могу ему сказать, потому что его здесь нет, он ушел домой, поверьте мне.

— Значит, я позвоню ему домой. Дайте мне номер.

Скрипучим голосом мисс Уоллес продиктовала мне номер. Он уже был мне известен: я набирал его прошлой ночью.

Я нажал на рычаг и назвал этот номер.

Трубку взяла Прис.

— Это Льюис, — сказал я. — Льюис Роузен.

— Боже милосердный! — от неожиданности сказала Прис. — Ты где? Тебя так хорошо слышно. — Похоже, она нервничала.

— Здесь, в Сиэтле. Прилетел прошлой ночью: я здесь, чтобы спасти тебя от Сэма Берроуза.

— Ой, Боже мой.

— Послушай, Прис: оставайся там, где ты находишься. Я сейчас приеду. Ладно? Ты понимаешь?

— О нет, — сказала Прис. — Льюис... — Голос ее стал жестким. — Подожди секундочку. Сегодня утром я говорила с Хорстовски: он рассказал мне о тебе и твоем кататоническом буйстве: он меня предостерг насчет тебя.

— Скажи Сэму, пусть он посадит тебя в мотор и пришлет сюда, — продолжил я.

— Думаю, что ты ему уже звонил.

— Если ты не уйдешь со мной, — сказал я, — я тебя убью.

— Нет, не убьешь, — сказала она жестко и спокойно: Прис вновь обрела свое смертельное ледяное спокойствие. — Ты всего лишь делаешь жалкие попытки. Ты, жалкая карикатура из низов общества.

Я был ошеломлен:

— Послушай, — попытался я было начать.

— Ты, гегемон. Ты, круглый идиот. Если тебе кажется, что ты можешь совать свой нос в чужие дела, лучше сдохни! Я знаю все, что ты замышляешь: все, ослы тупые, пердуны мордастые, не можете без меня сварганить своего симулакра, а?! И хотите, чтобы я вернулась. А, иди ты к чертям собачьим. А если ты попробуешь прийти сюда, я закричу, что ты меня насилуешь или убиваешь, и остаток жизни ты проведешь за решеткой. Так что подумай лучше об этом. — Она замолчала, но трубку не положила: мне было слышно, что она там. Она ждала с явным удовольствием, что я ей отвечу, если вообще можно было что-то ответить...

— Я тебя люблю, — сказал я ей.

— Иди гуляй. О, Сэм пришел. Положи трубку. И не называй меня Прис. Меня зовут Пристин Вумэнкайнд. Убирайся обратно в Буаз и ширкайся со своими бедными, маленькими, недоделанными симулакрами, сделай мне такое одолжение, а? — Она снова замолчала в ожидании, а я не мог ничего сказать: во всяком случае, ничего, что представляло бы какую-нибудь ценность. — Пока, ты, уродливое ничтожество из низов общества, — произнесла Прис не допускающим возражения тоном. — И, пожалуйста, больше никогда не надоедай мне своими звонками. Оставь их для какой-нибудь засаленной бабы, которая горит желанием, чтобы ты ее потискал. Если только ты сможешь ухитриться найти какую-нибудь — засаленную, страшную и без роду без племени. — На этот раз она наконец бросила трубку, а я с облегчением вздрогнул. Меня колотило оттого, что я все-таки избавился от этого разговора, бросил ненавистную трубку — лишь бы подальше от Прис, подальше от этого спокойного, ядовитого, обвиняющего, родного голоса.

«Прис, — думал я, — я люблю тебя. Почему? Что мне надо было сделать, чтобы быть рядом с тобой? Что это за ненормальный инстинкт такой?»

Я уселся на кровать и закрыл глаза.

Глава 14

Делать нечего — надо возвращаться в Буаз.

Я был побежден — не могущественным, опытным Сэмом К. Берроузом, и даже не моим партнером Мори Роком, но восемнадцатилетней Прис. Не было смысла задерживаться в Сиэтле.

Что меня ожидало впереди? Вернуться в «Объединение Р и Р», помириться с Мори, продолжить все с того момента, на котором я все бросил. Вернуться к работе над солдатом-нянькой. Вернуться к работе для грубого, мрачного Эдвина М. Стентона с его ужасным характером. Вернуться к вынужденным слушаниям бесконечного чтения вслух «Винни-Пуха» и «Питера Пэна» симулакром Линкольна. Опять запах сигар «Корина Ларкс», снова и опять — еще один запах, более тонкий, — но такой же привычный — сигары моего папы «Антоний и Клеопатра»... Мир, который я покинул, — фабрика музыкальных инструментов в Буаз, наш офис в Онтарио...

И все еще оставалась возможность, что Мори не позволит мне вернуться, что он говорил о разрыве наших отношений всерьез. Значит, я мог оказаться даже без этого скучного, серого мирка, который я знал и который покинул: я мог вообще остаться без будущего.

Может быть, именно сейчас пришло мое время. Подходящее, чтобы взять пистолет и снести себе полбашки. Вместо возвращения в Буаз.

Мой обмен веществ то ускорялся, то замедлялся: я слабел от центробежной силы и в то же время шарил вокруг себя, пытаясь схватиться за любую вещь из тех, что находились рядом со мной. Прис взяла надо мной верх, и, кроме того, вместо того, чтобы владеть мною безраздельно, она отшвырнула меня, извергла меня в мучительном пароксизме рвоты. Словно магнит одновременно притянул и оттолкнул частицы: я был захвачен смертельной вибрацией.

Между тем Прис продолжала, даже ничего и не заметив.

Наконец мне стал ясен смысл моей жизни. Я был обречен любить нечто потустороннее, жестокое, холодное и бесплодное

черт знает что — Прис Фрауенциммер. Уж лучше бы было возненавидеть весь остальной мир.

С точки зрения крайней близости моего положения к полной безнадежности, я решился испытать последнюю меру. Прежде чем я спасую, попытаюсь обратиться к симулакру Линкольна. Он помогал мне раньше — может быть, поможет и сейчас.

— Это снова Льюис, — сказал я, когда Мори взял трубку. — Отвези Линкольна в аэропорт и посади на рейс в Сиэтл, прямо сейчас. Мне нужно его позаимствовать примерно на сутки.

Он сейчас же стал неистово спорить со мной: мы с ним сражались целых полчаса. Наконец он уступил: перед тем, как повесить трубку, мне удалось выдавить из него обещание, что Линкольн полетит в Сиэтл на «Боинге-900», вылетающем в сумерки.

Совершенно измученный, я прилег отдохнуть. Если ОН не сможет найти этот мотель, — решил я, ОН, вероятно, ни на что не годен... А я буду здесь лежать и отдыхать.

То, что именно Прис проектировала ЕГО, было иронией судьбы.

Ну вот, мы и получаем сейчас пользу от некоторых своих вложений, — сказал я себе. ЕГО создание стоило нам массу денег, и мы не сумели провести сделку с Берроузом: вся ЕГО работа заключалась в том, что ОН сидел, и без конца читал вслух, и хихикал при этом.

Где-то в глубине сознания я воскресил эпизод, имевший место с Эйбом Линкольном и девицами. Это была какая-то привередливая девица, в которой он в молодости души не чаял. Ответила ли она ему взаимностью? Ей-богу, я не мог вспомнить, как закончилась эта история. Все, что я смог выудить из памяти — это то, что он очень сильно страдал по этой причине.

— Совсем как я, — сказал я себе. — У нас с Линкольном было много общего: женщины заставили нас пережить трудные времена. Значит, он посочувствует мне.

Чем же мне заняться до прибытия симулакра? Оставаться в своем номере было рискованно... сходить, что ли, в городскую публичную библиотеку, почитать о юности Линкольна и его увлечениях? Я сказал администратору мотеля, где меня искать, если некто, очень похожий на Абрахама Линкольна придет и спросит обо мне, потом поймал такси и уехал. Мне надо было убить массу времени: было только десять часов утра.

Еще не все потеряно, сказал я себе, пока такси везло меня в библиотеку. Я не сдаюсь!

Я не сдамся, пока у меня есть Линкольн, чтобы избавить меня от моих проблем. Один из лучших президентов за всю

историю Америки и вдобавок великолепный юрист. Можно ли желать лучшего?

ЕСЛИ КТО-НИБУДЬ И МОЖЕТ МНЕ ПОМОЧЬ, ТАК ЭТО АБРАХАМ ЛИНКОЛЬН.

Справочники в публичной библиотеке Сиэтла не очень-то поддержали мое настроение. Согласно им, Эйб Линкольн был отвергнут девушкой, которую любил. Он настолько упал духом, что впал в состояние близкой к психозу меланхолии на долгие месяцы: он едва не покончил с собой, а этот инцидент оставил глубокий след в его душе на весь остаток жизни.

«Великолепно, — мрачно подумал я, закрыв книгу.— То, что мне надо: еще больший неудачник, чем я».

Однако было слишком поздно: симулакр был уже на полпути из Буаз.

Возможно, мы оба покончим с собой, сказал я себе, покидая библиотеку. Прочтем несколько старых любовных писем, а потом — хлоп из 38 калибра...

С другой стороны, впоследствии ему повезло: он стал президентом Соединенных Штатов. Для меня это обозначало, что после того, как ты был близок к сведению счетов с жизнью из-за обиды, нанесенной женщиной, ты сможешь жить дальше, подняться выше этого, несмотря на то, что тебе этого никогда не забыть. Это отразится на течении твоей жизни: ты станешь более глубокой, более задумчивой личностью. Я отметил эту меланхолию в Линкольне. Вероятно, я сойду в могилу таким же, как он.

Как бы то ни было, это займет долгие годы, а думать мне надо сейчас.

Я шел по улицам Сиэтла, пока не наткнулся на книжную лавку, торгующую брошюрами: там я приобрел экземпляр версии жизнеописания Линкольна, принадлежавший перу Карла Сэндберга, и унес его с собой в мотель, где удобно устроился с шестью банками пива и большим кульком картофельных чипсов.

С особой тщательностью я изучал ту часть брошюры, где говорилось о юности Линкольна и той самой девушке, Энн Ратлидж. Однако что-то в писанине Сэндберга наводило тень на плетень: казалось, он ходит вокруг да около. Поэтому я забросил книжки, пиво и чипсы и, взяв такси, отправился обратно в библиотеку, к справочникам. Был самый разгар дня.

История с Энн Ратлидж. Когда она умерла от малярии в 1935 (ей было в ту пору девятнадцать), Линкольн впал в состояние, которое в Британской энциклопедии было названо «состояни-

ем патологической депрессии», породившее слухи о том, что он близок к помешательству. Очевидно, он ощущал ужас перед этой стороной своей натуры, ужас, проявившийся в самом непостижимом из когда-либо происходивших с ним случаев, несколько лет спустя. Это произошло в 1941 году.

В 1940 Линкольн был помолвлен с хорошенькой девушкой по имени Мэри Тодд. Ему тогда было двадцать девять. Однако первого января 1941 года он неожиданно разорвал помолвку. Это была дата их свадьбы. Невеста сшила себе сногсшибательное платье: все было приведено в состояние готовности. Однако Линкольн не явился. Друзья стали искать его, чтобы узнать, что случилось. Его нашли в состоянии невменяемости. И выздоровление его было очень долгим. Двадцать третьего января он писал своему другу, Джону Т. Стюарту:

«Сейчас я самый жалкий из живущих людей. Если бы то, что я ощущаю, было распределено поровну между всеми людьми, не было бы ни единого веселого лица на земле. Станет ли мне когда-нибудь лучше — не могу сказать: у меня ужасное предчувствие, что этого не будет никогда. Оставаться таким, каков я сейчас, невозможно: я должен или умереть, или поправиться, так мне кажется».

А в предыдущем письме Стюарту, датированном 20 января, Линкольн пишет:

«Не далее как в течение нескольких последних дней я самым позорным образом показал себя с дурной стороны, то есть полнейшим ипохондриком и вследствии этого у меня сложилось впечатление, что доктор Генри необходим для моего существования. Если он не получит это место, то покидает Спрингфилд. Следовательно, ты видишь, насколько я заинтересован в этом деле».

«Дело» заключалось в назначении доктора Генри на должность почтмейстера в Спрингфилде, чтобы он был поблизости, когда придется на скорую руку чинить Линкольна, чтобы сохранить его в живых. Иными словами, Линкольн в этот период своей жизни находился на грани самоубийства, или безумия, или и того, и другого сразу.

Сидя в публичной библиотеке Сиэтла, среди всех этих справочников, я пришел к выводу, что Линкольн страдал, как теперь говорят, маниакально-депрессивным психозом.

Самый интересный комментарий я нашел в Британской энциклопедии, и звучал он следующим образом:

«На протяжении всей его жизни была в нем некая отдаленность, туманность, нечто, что делало его не совсем реалистом, что, однако, скрывалось под такой маской напускного реализма, что легкомысленные люди ничего не замечали. Он не придавал значения тому, замечают они это или нет, желая плыть по течению, позволяя обстоятельствам играть главенствующую роль в определении курса его жизни и не останавливаясь затем, чтобы погрязнуть в мелочах, касательно того, брали ли начало его земные привязанности в чисто реалистичном понимании привлекательности или же в большем или меньшем приближении к мечтам его духа».

Затем в комментарии говорилось об Энн Ратлидж, после чего следовало такое дополнение:

«Окружающие обнаруживали в нем глубокую чувствительность, а также дух меланхолии и необузданность эмоциональных реакций, которые приходили и уходили, в чередовании с необузданным весельем, до конца его дней».

Позже, в своих политических речах, он пользовался приемами едкого сарказма; как мне удалось выяснить, эта черта присуща людям, страдающим маниакально-депрессивными состояниями. А чередование «необузданного веселья» с «меланхолией» — основа маниакально-депрессивной классификации.

Однако поставленный мною диагноз опровергался вот каким зловещим признаком:

«Сдержанность, порой переходящая в скрытность, была одной из его постоянных характерных черт».

И еще:

«...Его умственные способности, которые Стивенсон назвал «грандиозным и гениальным безумием», заслуживают обсуждения».

Однако самая зловещая часть всего этого была связана с его нерешительностью, так как это как раз не являлось симптомом маниакально-депрессивного психоза: это был симптом, — если это ВООБЩЕ был какой-то симптом, — интровертивного психоза. Шизофрении.

Было полшестого вечера: самое время пообедать. Я весь одеревенел, глаза у меня болели. Поставив на место справочники

и поблагодарив библиотекаря, я вышел из здания на холодный, выметенный ветром тротуар в поисках места, где мне можно было бы пообедать.

Несомненно, я попросил Мори об использовании одного из самых глубоких и непростых людей в истории человечества. Пока я сидел в ресторане и обедал — а это был хороший обед, — я не переставая раздумывал об этом.

Линкольн был совсем как я. С таким же успехом я мог бы читать там, в библиотеке, свою собственную биографию: психологически мы были похожи как две капли воды, и через понимание Линкольна я пришел к пониманию самого себя.

Линкольн очень серьезно ко всему подходил. Он мог быть далеким от жизни, однако не был мертв в эмоциональном плане: совсем наоборот. Значит, он был противоположностью Прис — холодного шизоидного типа. Горе, эмоциональное проникновение были написаны на его лице. Он в полной мере ощущал скорбь войны, переживая каждую смерть в отдельности.

Поэтому трудно было поверить, что то, что в Британской энциклопедии называлось «удаленностью от жизни», было признаком шизофрении. И с его знаменитой нерешительностью дело обстояло так же. И еще: у меня был опыт личного общения с ним, или, чтобы быть более точным, с его симулакром. Я не уловил никакой отчужденности, никакой непохожести, которые так остро чувствовал, общаясь с Прис.

Я испытывал естественное чувство доверия и любви к Линкольну, что было, несомненно, противоположностью того, что я ощущал к Прис. Вокруг него складывалась атмосфера какой-то прирожденной доброты, чего-то очень теплого и человечного, ранимости и уязвимости. А из опыта, приобретенного с Прис, я знал, что шизоид неуязвим: он ретируется в безопасность, в точку, где может наблюдать за другими людьми, изучать их в научной манере, не подвергая себя опасности. Сущность таких, как Прис, заключается в вопросе дистанции. Худший из ее страхов, как мне стало понятно, заключался в близости к другим людям. И этот страх граничил с подозрительностью по отношению к ним, приписывающей их действиям мотивы, которыми они в действительности не руководствовались. Мы с ней так отличались друг от друга... Я понял, что она может внезапно свихнуться и докатиться до паранойи в любое время: она ничего не знала о настоящей человеческой натуре, ничего, кроме простеньких, ежедневных столкновений с людьми, опыта, который Линкольн приобрел в юности. В конечном счете вот что отличало их друг от друга: Линкольну были зна-

комы парадоксы человеческой души, ее сильные и слабые места, ее вожделения, ее благородство, все ее странные состояния, все, из чего складывается ее почти бесконечное многообразие. Ему случалось быть непоследовательным, заблуждаться... У Прис же была бронированная, жесткая, схематичная точка зрения, черно-белая схема человечества. Абстракция. И Прис жила внутри нее.

Неудивительно, что с ней невозможно было установить контакт.

Я пообедал, оставил чаевые, заплатил по счету и вышел наружу, на темную вечернюю улицу. Куда же сейчас? Снова в мотель. Я поймал такси и вскоре уже колесил по городу.

Доехав до мотеля, я заметил, что в моем номере горит свет. Администратор выбежал из своего офиса и приветствовал меня:

— У вас посетитель. Бог мой, он и правда выглядит совсем как Линкольн, вы правду сказали. Что это такое: мистификация или что-то в этом роде? Я его пустил в номер.

— Спасибо, — сказал я и пошел к себе.

В моей комнате, в кресле, вытянув вперед свои длинные ноги, сидел симулакр Линкольна. ОН, не подозревая о моем присутствии, был поглощен чтением своей биографии, написанной Карлом Сэндбергом. Рядом с НИМ, на полу, лежал небольшой саквояж — это был весь его багаж.

— Мистер Линкольн, — произнес я.

Сейчас ОН взглянул вверх и улыбнулся мне:

— Добрый вечер, Льюис.

— Как вам нравится книга Сэндберга?

— У меня еще не было достаточно времени, чтобы составить мнение. — ОН отметил место, где закончил чтение, закрыл книгу и положил рядом с собой. — Мори сказал мне, что у вас огромные неприятности и вам необходимо мое присутствие и совет. Надеюсь, я не слишком поздно появился на сцене.

— Нет, вы это сделали вовремя. Как вам понравился перелет из Буаз?

— Я был охвачен изумлением, наблюдая быстрое перемещение ландшафта внизу. Не успели мы взлететь, как уже очутились здесь: стервадесса сказала мне, что мы покрыли расстояние более чем в тысячу миль.

Я пришел в замешательство:

— Гхм, стюардесса?

— Да. Простите мою глупость.

— Могу я предложить вам выпить? — я указал на пиво, но симулакр отрицательно повертел головой.

— Я бы предпочел отказаться. Почему бы вам не ознакомить меня со своими проблемами, Льюис, и мы сразу же посмотрим, что можно сделать. — С сочувствующим выражением лица симулакр приготовился слушать.

Я уселся напротив НЕГО. Но никак не мог решиться. После всего, что я сегодня прочел, я начал сомневаться, хочу ли я, в конце концов, просить у НЕГО совета. И не потому, что не доверял ЕГО мнению, а потому, что моя проблема могла расшевелить ЕГО собственные, давно позабытые горести. Моя ситуация слишком напоминала ЕГО собственную, с Энн Ратлидж.

— Смелее, Льюис.

— Позвольте мне сначала открыть банку пива. — И я с открывашкой в руках старательно запыхтел над банкой: я валял дурака, чтобы подумать, что же мне делать дальше.

— Быть может, тогда я буду говорить. На протяжении моего путешествия из Буаз я некоторым образом размышлял о ситуации с мистером Берроузом. — ОН, нагнувшись, открыл свой несессер и вытащил оттуда несколько разлинованных листков бумаги, исписанных карандашом. — Не желаете ли заручиться влиятельной поддержкой против мистера Берроуза? И тогда он по своей воле отошлет мисс Фрауенциммер обратно, независимо от ее мнения на этот счет?

Я кивнул.

— Тогда, — сказал симулакр, — позвоните этому человеку.

И ОН протянул мне клочок бумаги. Там было написано имя:

«СИЛЬВИЯ ДЕВОРАК»

Я никак не мог вспомнить, кто это такая. Мне доводилось ранее слышать это имя, но я никак не мог связать его с конкретной личностью.

— Скажите ей, — мягко предложил симулакр, — что вам хотелось бы навестить ее дома и обсудить с ней деликатный вопрос. Тему, касающуюся мистера Берроуза. Этого будет достаточно: она сразу же пригласит вас.

— А что же потом?

— Я буду сопровождать вас. Думаю, что все будет в порядке. У вас нет нужды прибегать к какому-либо фиктивному расчету в беседе с ней: вам надо будет лишь описать ваши отношения с мисс Фрауенциммер, сказать, что вы представляете интересы ее отца и что вы питаете глубокую эмоциональную привязанность к этой девушке.

Я был озадачен:

— Кто такая Сильвия Деворак?

— Она — политический противник мистера Берроуза: именно она добивается вынесения приговора жилому массиву «Хохма для наивных», которым он владеет и который приносит ему гигантские доходы. Это дама, увлекающаяся социальным вопросом, склонная к стоящим проектам. — Симулакр протянул мне пригоршню вырезок из сиэтлских газет. — Я раздобыл это при содействии мистера Стентона. Вы можете убедиться, ознакомившись с ними, что миссис Деворак неутомима. И она достаточно хитра.

— Вы думаете, — сказал я, — что это дело с Прис, не достигшей совершеннолетия и душевнобольной подопечной Федерального правительства...

— Я считаю, Льюис, что миссис Деворак сумеет использовать информацию, которую вы ей сообщите.

Спустя немного времени я сказал:

— Да стоит ли вообще, — я был угнетен, — заваривать эту кашу...

— Один лишь Бог может иметь уверенность, — сказал симулакр.

— Каково ваше мнение?

— Прис — женщина, которую вы любите. Разве не так? Что может быть на свете для вас важнее? Поставите ли вы на карту в этой игре собственную жизнь? Думаю, что вы уже это сделали, а если Мори прав, то присовокупили к своей и жизни всех остальных.

— Черт, — сказал я. — Любовь — американский культ. Мы относимся к ней слишком серьезно: она практически стала национальной религией.

Симулакр молчал. Вместо этого ОН раскачивался туда-сюда.

— Для меня это серьезно, — пояснил я.

— Значит, это единственное, с чем вы должны считаться, невзирая на то, насколько серьезно воспринимают это остальные. Я считаю, что бесчеловечно было бы уходить в мир материальных ценностей, как это сделает мистер Берроуз. Разве он не ваша противоположность, Льюис? Вас ждет удача именно ПОТОМУ, ЧТО ЕГО ЧУВСТВО К МИСС ПРИС НЕСЕРЬЕЗНО. А разве это хорошо? Разве это более нравственно или разумно? Если он чувствовал то, что чувствуете вы, он позволил бы миссис Деворак добиться решения о сносе этого массива: он женился бы на Прис и считал бы, что заключил лучшую сделку. Однако он этого не ощущает, и это лишает его человечности. Вы бы так не поступили: вы бы... да вы и так идете на все

ради этого. Для вас любимый человек значит больше, чем все на свете, и я считаю, что правы вы, а он — неправ.

— Спасибо, — сказал я. — Знаете, у вас действительно глубокое понимание того, каковы истинные жизненные ценности: я преклоняюсь перед вами. Я встречался со многими людьми, однако считаю, что именно у вас правильный подход к сути вещей.

Симулакр протянул руку и потрепал меня по плечу:

— Думаю, что у нас с вами есть много общего, Льюис.

— Знаю, — сказал я. — Мы очень похожи.

Мы оба были глубоко тронуты.

Глава 15

Некоторое время спустя симулакр Линкольна репетировал со мной мой телефонный разговор с миссис Сильвией Деворак. Я упражнялся снова и снова, но ужасное предчувствие переполняло меня.

Как бы то ни было, в конце концов я был готов. Я нашел ее номер в телефонном справочнике и набрал его. Вскоре я услышал мелодичный, утонченный голос, принадлежавший даме средних лет:

— Да?

— Миссис Деворак? Извините за беспокойство. Я заинтересован в «Хохме для наивных» и меня привлекает ваш проект сноса этой язвы. Меня зовут Льюис Роузен, я прибыл из Онтарио, штат Орегон.

— У меня нет никакой идеи, наш комитет выдвигал привлекательный план, но уже так давно.

— Мне хотелось бы, с вашего разрешения, забежать к вам на минутку со своим атторнеем для дружеской беседы.

— С вашим атторнеем! Боже мой, что-то не в порядке?

— Кое-что действительно не в порядке, — пояснил я, — но не с вашим комитетом. Это касается... — Я бросил взгляд на симулакра: ОН утвердительно кивнул головой. — Это касается Сэма Берроуза.

— Слушаю вас.

— Я знаком с мистером Берроузом по неудачному деловому сотрудничеству, мы с ним встречались в Онтарио. Думаю, что, возможно, вы окажете мне некоторое содействие.

— Вы говорите, что у вас есть атторней... Не знаю, чем могу вам помочь, если он не в состоянии. — Голос миссис Деворак

был твердым и взвешенным. — Заходите, скажем, на полчасика, если мы успеем переговорить за это время: в восемь я жду гостей.

Поблагодарив ее, я повесил трубку.

Линкольн сказал:

— Это было сделано неплохо, Льюис... — и поднялся на ноги. — Мы должны ехать немедленно, надо поймать такси, — сказал он и направился к двери.

— Подождите, — сказал я.

ОН повернулся назад от двери и взглянул на меня.

— Я не могу этого сделать.

— Значит, — предложил симулакр, — пойдемте просто прогуляемся, — и придержал дверь открытой в ожидании меня. — Давайте насладимся ночным воздухом — он пахнет горами.

И мы вдвоем зашагали по темному тротуару.

— Как вы думаете, что будет дальше с мисс Прис? — спросил симулакр.

— У нее все будет в порядке. Она останется с Берроузом: он даст ей все, что ей надо от жизни.

Около станции обслуживания симулакр остановился:

— Вам надо позвонить миссис Деворак — предупредить ее, что мы не придем. — Я увидел телефонную трубку.

Закрывшись в кабине, я снова набрал номер миссис Деворак. Чувствовал я себя еще хуже, чем раньше, с трудом попадая пальцем в отверстия диска.

— Да? — раздался в трубке вежливый голос.

— Это снова мистер Роузен. Прошу простить меня, однако боюсь, что мой фактический материал еще не приведен в надлежащий порядок, миссис Деворак.

— И вы хотите отложить наше свидание на более позднее время?

— Да.

— Отлично. В любое удобное для вас время, только, пожалуйста, предварительно позвоните. А вам приходилось бывать в «Хохме для наивных»?

— Нет.

— Это ужасно.

— Ничего удивительного.

— Пожалуйста, постарайтесь там побывать.

— Хорошо, я так и сделаю, — пообещал я ей.

Она повесила трубку. Я стоял, вцепившись в трубку автомата, потом наконец повесил ее на место и вышел из будки.

Линкольна нигде не было видно.

— Неужели ОН ушел? — спросил я себя. — И сейчас я один? — И я стал вглядываться в темноту городского вечера.

Симулакр сидел внутри здания станции обслуживания, напротив парня в белой униформе. ОН раскачивался на стуле и дружелюбно болтал со служащим. Я открыл дверь и сказал:

— Пойдемте.

Симулакр пожелал парню спокойной ночи, и мы в молчании пошли дальше.

— Почему бы нам не забежать в гости к мисс Прис? — спросил симулакр.

— О нет, — в ужасе ответил я. — Может быть, есть ночной рейс обратно в Буаз: если да, то мы улетим отсюда.

— Да вы ее просто боитесь. В любом случае мы бы не застали их с мистером Берроузом дома: они наверняка развлекаются где-нибудь на людях. Парень с бензоколонки сказал мне, что в Сиэтле появились артисты с мировой известностью, некоторые даже из Европы, они здесь гастролируют. Кажется, он сказал, что здесь сейчас находится Эрл Грант. Он популярен?

— Очень.

— Парень сказал, что они в основном появляются не больше, чем на один вечер, а потом улетают. Так как мистер Грант сегодня вечером находится здесь, то, думаю, еще вчера его не было, поэтому вполне возможно, что мистер Берроуз и мисс Прис смотрят сейчас его выступление.

— Он поет, — пояснил я, — и очень хорошо.

— У нас с вами достаточно денег, чтобы попасть туда?

— Да.

— Ну тогда в чем же дело?

Я изобразил некий жест.

— В чем дело? Я не хочу туда идти.

Симулакр мягко сказал:

— Я покрыл огромное расстояние, чтобы быть рядом с вами, Льюис. Думаю, взамен вы окажете мне одолжение: мне доставило бы удовольствие послушать в исполнении мистера Гранта современные песни. Будете ли вы так добры, чтобы сопровождать меня?

— Вы преднамеренно ставите меня в затруднительное положение.

— Я хочу, чтобы вы посетили место, где сможете, с наибольшей долей вероятности, встретиться с мистером Берроузом и мисс Прис.

У меня явно не было выбора.

— Хорошо, мы идем туда. — Мне было горько и обидно, тем не менее я стал оглядывать улицу в поисках такси.

Огромная толпа съехалась отовсюду, чтобы послушать легендарного Эрла Гранта: нас чуть не задавили. Однако нигде не было ни малейших признаков Прис и Сэма Берроуза. Мы расселись в баре, заказали выпивку и стали наблюдать оттуда за толпой. Вероятно, они не появятся, — подумал я и сразу же почувствовал себя немножечко лучше. — Один шанс из тысячи...

— Он чудесно поет, — сказал симулакр между номерами.

— Да.

— У негров музыка в крови.

Я взглянул на НЕГО. Что это — сарказм? Эта банальная ремарка, это клише — однако выражение ЕГО лица было серьезным. Возможно, в его времена эта фраза не звучала так избито, как сейчас. Ведь столько лет прошло с тех пор...

— Я вспоминаю, — сказал симулакр, — свои поездки в Новый Орлеан — я тогда был еще мальчишкой. Тогда я впервые увидел негров и их плачевное положение. Это было, кажется, в 1926 году. Я был изумлен испанским характером этого города: он совершенно отличался от Америки, в которой я вырос.

— Это было, когда вас пригласил к себе работать Дентон Оффкат? Этот мелочной торговец?

— Вы хорошо проинформированы о ранних годах моей жизни, — похоже, мои знания привели ЕГО в замешательство.

— Черт возьми, — сказал я, — я искал эти сведения в справочниках. В 1935 умерла Энн Ратлидж. В 1941... — я замолчал. Зачем я об этом упомянул? Я готов был сам себе набить морду: на лице симулакра появилось выражение страдания и глубокого, всеобъемлющего потрясения — это было заметно даже во мраке бара. — Простите меня, — попросил я.

Тем временем, слава Богу, Грант начал исполнять следующий номер. Однако это был негромкий, печальный блюз. Я занервничал, поманил бармена и заказал себе двойной шотландский виски.

Погруженный в горестные размышления, симулакр сидел сгорбившись и вытянув ноги так, что ЕГО ступни опирались на перекладину высокого табурета. Когда Эрл Грант кончил петь, Линкольн продолжал молчать, словно бы утратил контакт с окружающей действительностью. Лицо ЕГО было лишено выражения. ОН сидел, опустив голову.

— Простите, что расстроил вас, — сказал я ЕМУ. Меня все это уже начинало беспокоить.

— Это не ваша вина: эти звуки расстроили меня. Я, знаете ли, чрезвычайно суеверен. Это, наверное, недостаток? В любом случае я не могу этому воспрепятствовать: это часть меня самого. —

Говорил ОН запинаясь, словно бы с огромным усилием: как если бы, подумал я, с трудом находил силы для того, чтобы говорить.

— Может, выпьете еще, — предложил я, и только тогда обнаружил, что и к первой и единственной своей порции ОН даже не притронулся.

Симулакр молча отрицательно встряхнул головой.

— Послушайте, — сказал я, — давайте-ка уйдем отсюда и — прямо в аэропорт: вернемся-ка мы с вами в Буаз, — и я вскочил со своего табурета: — ИДЕМТЕ.

Симулакр не сдвинулся с места.

— Да не расстраивайтесь вы так из-за пустяков. Я уже заметил — блюзы на всех так действуют.

— Это не от пения черного человека, — сказал симулакр. — Это я сам... Не вините ни негра, ни его песню, ни себя, Льюис. Когда я сюда летел, я смотрел на дикие леса, простирающиеся внизу, и размышлял о своих ранних годах и путешествиях моей семьи, особенно о смерти моей матери и нашей поездке в Иллинойс, в повозке, запряженной буйволами.

— Ради Бога, здесь слишком мрачно, давайте возьмем такси до аэропорта и... — я оборвал.

В зал вошли Прис и Сэм, официантка повела их к заранее заказанному столику.

Увидев их, симулакр улыбнулся:

— Ладно, Льюис, я был вынужден отвлечь ваше внимание. Боюсь, что сейчас уже поздно...

Я так и застыл рядом со своим табуретом.

Глава 16

Линкольн тихонечко сказал мне на ухо:

— Льюис, вам надо сесть.

Кивая головой, я неуклюже взгромоздился обратно. Прис — она сияла. Она была великолепна в супермодном платье из мерцающей ткани... Ее волосы были подстрижены покороче и зачесаны назад, а особые тени делали глаза черными и огромными. Берроуз, со своей наголо бритой башкой и резкой, веселой манерой, выглядел так же, как всегда: деловой и оживленный, он, улыбаясь, изучил меню и сейчас что-то заказывал.

— Она изумительно мила, — сказал мне симулакр.

— Да, — согласился я. Сидевшие вокруг нас люди, мужчины и женщины, вынуждены были бросать на нее быстрые, внимательные взгляды. Я не мог винить их за это.

— Вы должны начать действовать, — напомнил мне симулакр. — Боюсь, что теперь вы не сможете ни уйти отсюда, ни оставаться дольше в таком состоянии. Я сейчас подойду к их столику и скажу им, что у вас назначена встреча с миссис Деворак, немного попозже. И это все, что я могу для вас сделать: остальное, Льюис, в ваших руках. — И прежде, чем я успел остановить ЕГО, ОН зашагал на своих длинных ногах к столику Берроуза.

Подойдя туда, ОН наклонился, положив Берроузу руку на плечо, и заговорил с ним.

Вдруг Берроуз повернулся ко мне лицом. То же самое сделала Прис: ее холодные темные глаза ярко сверкали.

Линкольн вернулся к стойке бара:

— Идите же к ним, Льюис.

Я чисто механически сполз с табурета и стал пробираться между столиками по направлению к Прис и Берроузу... Они пристально наблюдали за мной. Вероятно, им казалось, что я захватил с собой пистолет, но я оставил его в мотеле. Я сказал:

— Сэм, ты конченый человек. Я подготовил для Сильвии весь компромат, — и я взглянул на свои часы. — Тем хуже для тебя, сейчас уже твое время прошло: у тебя был шанс, но ты его проворонил.

— Присядь, Роузен.

Я присел за их столик.

Официантка принесла им по мартини.

— Мы создали свой первый симулакр, — сказал Берроуз.

— О? Чей?

— Джорджа Вашингтона — Отца Нашего Государства.

— Вот досадно-то будет увидеть, как твоя империя рассыплется в прах.

— Не знаю, о чем ты говоришь, но рад, что на тебя наскочил, — сказал Берроуз. — Это удобный случай выяснить несколько недоразумений. — Прис он сказал: — Извини, дорогая, что придется поговорить о делах, но нам повезло, что мы случайно встретились здесь с Льюисом, как ты думаешь?

— Да, я думаю, если он не уберется, между нами все кончено.

Берроуз возразил:

— Ты так жестока, дорогая. Это не такой уж важный, но интересный вопрос — то, что мне хотелось бы уладить с Роузеном прямо здесь. Если ты так недовольна, могу отправить тебя домой на такси.

Своим ровным, отвлеченным тоном Прис произнесла:

— Я не хочу, чтобы меня отсылали. Если ты пытаешься от меня избавиться, ты сам очутишься в помойном ведре так быстро, что у тебя голова пойдет кругом.

Мы оба уставились на нее. Несмотря на красивое платье, прическу и грим, Прис осталась прежней.

— Думаю, что я отошлю тебя домой, — сказал Берроуз.

— Нет, — ответила она.

Берроуз поманил официантку:

— Вызовите мне такси...

— Ты трахал меня при свидетелях, — сказала Прис.

Берроуз, побледнев, отослал официантку.

— Тогда вот что, — сказал он, и руки у него заходили ходуном. — Ты хочешь сидеть, есть свой суп виши и молчать? Ты можешь помолчать?

— Я говорю то, что хочу, и тогда, когда хочу.

— О каких это свидетелях ты говорила? — Берроуз заставил себя улыбнуться. — О Дэйве Бланке? О Колин Нилд? — Его улыбка становилась все более уверенной. — Ну же, дорогая, продолжай.

— Ты — грязный, стареющий тип среднего возраста, который любит заглядывать девочкам под юбки, — сказала Прис. — Твое место — за решеткой. — Ее голос, хотя и негромкий, звучал так отчетливо, что некоторые люди, сидевшие за близстоящими столиками, стали оборачиваться в нашу сторону. — Ты слишком часто суешь в меня эту свою штуку, — сказала Прис. — И вот что я могу тебе сказать: чудо Господне, что он у тебя вообще встает, такой малюсенький и вялый. Да ты и сам слишком старый и вялый, ты, пидор старый!

Берроуз вздрогнул и криво усмехнулся:

— Что-то еще?

— Нет, — ответила Прис. — Ты купил всех этих людей, и они не будут свидетельствовать против тебя.

— Что еще?

Часто и тяжело дыша, она тряхнула головой.

Поворачиваясь ко мне, Берроуз сказал:

— Ну же, вперед. — Он, похоже, не потерял самообладания. Это было просто поразительно: он мог стерпеть что угодно.

Я сказал:

— Буду я встречаться с миссис Деворак или нет? Это зависит от тебя.

Глянув на свои часы, Берроуз сказал:

— Мне хотелось бы посоветоваться со своими юристами. Ты не обидишься, если я позвоню Дэйву Бланку, чтобы вызвать его сюда?

— Ладно, — согласился я, зная, что Бланк посоветует ему сдаться.

Извинившись, Берроуз вышел позвонить. Пока его не было, мы с Прис молча сидели напротив друг друга. Наконец он вернулся, и Прис встретила его с выражением безнадежности и подозрительности.

— Какую еще грязную штуку ты задумал, Сэм? — спросила она.

Сэм Берроуз ничего не ответил. Он удобно расположился на стуле, откинувшись назад.

— Льюис, он что-то сделал, — сказала Прис, дико оглядываясь вокруг. — Ты можешь сказать? Разве ты недостаточно его знаешь, чтобы увидеть это? О, Льюис!

— Не расстраивайся, — сказал я, но ощутил тревогу и заметил, что Линкольн у стойки бара, насупившись, безостановочно ерзал. Совершил ли я ошибку? Все равно теперь уже слишком поздно.

— Не подойти ли вам сюда? — позвал я симулакра. ОН снова встал и подошел, наклонившись, чтобы слышать меня. — Мистер Берроуз ждет, чтобы посоветоваться со своим атторнеем.

Усаживаясь, симулакр взвешивал ответ:

— Полагаю, что это не принесет никакого вреда.

Мы ждали. Через полчаса появился Дэйв Бланк, прокладывая себе путь к нашему столику. С ним была Колин Нилд, изысканно одетая, а за ней следовала третья личность, молодой человек со стрижкой ежиком и в галстуке-бабочке, с выражением готовности и страстной жажды деятельности на лице.

— Это еще кто? — удивился я. ЧТО ОНИ ЗАТЕЯЛИ? И моя тревога возросла.

— Простите, мы опоздали, — сказал Бланк, усадив миссис Нилд. Потом и они с молодым человеком сели. Никто никого никому не представил.

Это, должно быть, какой-нибудь работник Берроуза, сказал я себе. Неужели это тот самый сопляк, который выполнит формальности, женившись на Прис?

Увидев, как я уставился на молодого человека, Берроуз заговорил:

— Это Джонни Бут. Джонни, я хочу познакомить тебя с Льюисом Роузеном.

Молодой человек поспешно кивнул:

— Приятно встретиться с вами, мистер Роузен. — Он быстро-быстро, как утка, закивал всем вокруг: — Привет. Привет, вы там. Как дела?

— Минуточку, — сказал я, чувствуя, что весь похолодел. — Так это Джон Бут? Джон Уилкс Бут?

— А ты догадливый, — сказал Берроуз.

— Но он не похож на Джона Уилкса Бута. — Это был симулакр, и какой ужасный! Я как-то вычитал в справочниках: Джон Уилкс Бут был личностью со сценической внешностью — этот же был всего лишь вульгарным типом с лакейской внешностью, ЖЛОБОМ, из тех, кого можно встретить в центральных деловых районах любого большого города Соединенных Штатов. — Не дури меня, — сказал я. — Это твоя первая попытка? У меня для тебя новость: лучше вернись и начни сначала.

Однако все время, пока я говорил, я в ужасе смотрел на симулакра, оттого, что, несмотря на свой дурацкий вид, он действовал: в техническом отношении это был успех, и каким это было для нас ужасным предзнаменованием: симулакр Джона Уилкса Бута! Я не мог удержаться, чтобы угловым зрением не наблюдать за Линкольном, чтобы увидеть, как он среагирует. Знает ли ОН, что это значит?

Линкольн ничего не сказал, но морщины на ЕГО лице углубились, над ним нависла сумрачная атмосфера меланхолии, до некоторой степени всегда присутствующая в его выражении. Похоже, ОН знал, какой козырь они выложили на стол и каким предзнаменованием был этот новый симулакр.

Мне не верилось, что Прис могла спроектировать такую штуку. Потом я понял, что, конечно же, ОНА не могла: вот почему у него в действительности не было лица. В работу был включен только Банди. Он проделал для них работу по внутреннему устройству этого симулакра, после чего они засунули его внутренности в этот серийный человекоподобный контейнер, который сидит сейчас здесь, за столом, улыбается и кивает, типичный Ja-Sager[1], соглашатель. Они даже и НЕ ПЫТАЛИСЬ восстановить настоящую внешность Бута, возможно, даже и не были в этом заинтересованы: это была спешная работа, сделанная с определенными намерениями.

— Так продолжим же наш разговор, — сказал Берроуз.

Дэйв Бланк кивнул, Джон Уилкс Бут тоже кивнул. Миссис Нилд изучала меню. Прис, уставившись на нового симулакра, сидела как окаменевшая. Значит, я был прав: для нее это был сюрприз. Пока ее поили вином и кормили обедами, одевали в новые платья, спали с ней и украшали ее, Боб Банди был отправлен в какую-нибудь мастерскую, принадле-

[1] Человек, который всегда говорит «да» (*нем.*).

жавшую организации Берроуза, где и вкалывал над этой «новинкой».

— Хорошо, — сказал я, — давайте продолжим.

— Джонни, — обратился Берроуз к симулакру, — к слову: этот высокий человек с бородой — это Эйб Линкольн. Я тебе о нем рассказывал, помнишь?

— О да, мистер Берроуз, — немедленно поддакнула штука, долженствующая изображать Бута, и с готовностью закивала головой. — Я отчетливо помню.

Я сказал:

— Берроуз, ты тут подделками занимаешься: это какой-то жлоб с мордой убийцы, по фамилии Бут, он неправильно выглядит и неправильно говорит, и ты это знаешь. Это подделка, вшивая подделка с головы до пят. Мне за тебя стыдно.

Берроуз пожал плечами.

Штуке, изображавшей Бута, я предложил:

— Процитируй-ка что-нибудь из Шекспира.

Она снова оскалилась, глупо и суетливо.

— Тогда скажи что-нибудь по-латыни, — предложил я снова.

Штука продолжала ухмыляться.

— Сколько часов вы натаскивали это ничтожество? — спросил я у Берроуза. — Нецелое утро? Где хоть какая-то тщательность в точной отработке деталей? Куда делось мастерство? Все ушло на халтуру, на привитие инстинкта убийцы этой «новинке», не так ли?

Берроуз сказал:

— Думаю, что ты хочешь взять назад свою угрозу связаться с миссис Деворак, принимая во внимание присутствие здесь Джонни Бута?[1]

— Как он собирается это сделать? — поинтересовался я. — С помощью отравленного кольца? Или он бактериологическую войну начнет?

Дэйв Бланк рассмеялся, миссис Нилд тоже улыбнулась. Штуковина-Бут не отставала от остальных: она тупо скалилась, внимая примеру своего босса. Все они были марионетками, и мистер Берроуз старался изо всех сил, дергая за веревочки.

Уставившаяся на симулакра Бута Прис становилась почти неузнаваемой. Она помрачнела, шея у нее вытянулась, словно куриная, а глаза остекленели и наполнились мерцающим светом.

— Слушай, — сказала она, указав на Линкольна. — Я создала ЕГО.

Берроуз глазел на нее.

---

[1] Джон Уилкс Б у т — убийца Линкольна.

— ЭТО — мое, — сказала Прис, после чего обратилась с вопросом к Линкольну: — Вы об этом знали? Что я со своим отцом создала вас?

— Прис, — сказал я, — ради Бога...

— Помолчи, — сказала она мне.

— Держись от этого в стороне, — сказал ей я. — Это дело между мной и мистером Берроузом. — Я весь дрожал. — Может, у тебя добрые намерения, и я понимаю, что ты не принимала участия в создании этого симулакра Бута. И ты...

Прис оборвала меня:

— Заткнись, Христа ради. — Она смотрела в лицо Берроузу. — Ты заставил Боба Банди создать эту штуку, чтобы уничтожить Линкольна и очень старался, чтобы я ни о чем не узнала. Ты говнюк. Я тебе этого никогда не прощу.

Берроуз спросил:

— Что тебя укусило, Прис? Только не говори мне, что у тебя шуры-муры с симулакром Линкольна. — И он неодобрительно посмотрел на нее.

— Я не хочу увидеть мой труд загубленным, — сказала Прис.

— Может, тебе и придется, — сказал Берроуз.

Линкольн очень серьезно произнес:

— Мисс Прис, мне кажется, что мистер Роузен прав. Вы должны позволить им с мистером Берроузом найти решение их проблемы.

— Я могу ее решить, — сказала Прис, нагнулась и стала что-то нащупывать под столом. — Я не мог себе даже представить, что она задумала, так же, впрочем, как и Берроуз: фактически все мы застыли в неподвижности. Прис появилась из-за стола, держа в руке одну из своих туфелек на высоком каблуке и размахивая металлическим каблуком.

— Будь ты проклят, — сказала она Берроузу.

Берроуз сорвался со стула и с криком «Нет!» протянул к ней руку.

Туфелька нанесла сокрушительный удар по голове симулакру Бута. Каблук проткнул голову, войдя как раз рядом с ухом.

— Вот, — сказала Прис Берроузу. Глаза ее сияли влажным блеском, губы исказились неистовой гримасой.

— Глап, — произнес симулакр Бута. Руки его судорожно задергались, молотя воздух, ноги забарабанили об пол. Потом он перестал двигаться. Внутренний воздух сотрясал его, конечности дергались, он барахтался, пока наконец не застыл в неподвижности.

Я сказал:

— Не бей его больше, Прис. — Я почувствовал, что не вынесу этого дольше. Берроуз говорил ей почти то же самое, ворча на Прис удивительно монотонно.

— А зачем мне снова бить его? — спросила Прис тоном, не допускающим сомнений: она вытащила каблук своей туфельки из черепа симулакра, нагнулась и снова обулась. Люди, сидящие за столиками вокруг нас, изумленно таращились на нас.

Берроуз вытащил белый полосатый носовой платок и вытер лоб. Он попытался было что-то сказать, однако, изменив мнение, замолчал.

Постепенно симулакр Бута начал сползать со своего стула. Я встал и попытался поддержать его, но мне одному было не справиться. Дэйв Бланк тоже поднялся, и вместе мы ухитрились выпрямить его так, чтобы он не упал. Прис, без всякого выражения, потягивала свой мартини.

Людям за ближайшими столиками Бланк объяснил:

— Это кукла, кукла в натуральную величину, для выставки. Механическая. — Чтобы их успокоить, он показал им вылезшие наружу металлические и пластиковые внутренние детали черепа симулакра. Внутри прокола я смог увидеть что-то блестящее, думаю, что это была поврежденная управляющая монада. Интересно, сможет ли Боб Банди починить его. Хотел бы я знать, заботило ли меня, будет он починен или нет.

Потушив свою сигарету, Берроуз глотнул из фужера, после чего хрипло сказал Прис:

— Сделав это, ты испортила наши с тобой отношения.

— Значит, до свидания, — ответила Прис. — До свидания, Сэм К. Берроуз, грязный, мерзкий педераст. — Она поднялась на ноги, нарочно оттолкнув свой стул; она удалялась от столика, бросив нас, пробираясь между другими столиками и проходя мимо них, пока не дошла до гардероба: там она получила свой плащ.

Ни я, ни Берроуз не шелохнулись.

— Она вышла за дверь, — вскоре сказал Дэйв Бланк. — Дверь видна мне лучше, чем любому из нас: она ушла.

— Что же мне теперь с этим делать? — обратился к Бланку Берроуз, глядя на мертвого симулакра Бута. — Надо убрать его отсюда.

— Можем вдвоем увести его под белы рученьки, — предложил Бланк.

— Я вам помогу, — предложил я.

Берроуз сказал:

— Мы больше никогда ее не увидим. Или она может стоять на улице и ждать. — Мне он сказал: — Ты можешь сказать? Я — нет: я ее не понимаю.

Я помчался вдоль прохода у стойки бара, пробежал мимо гардероба и толкнул входную дверь. Там стоял портье в униформе. Он вежливо кивнул мне.

И никаких признаков Прис.

— Что случилось с девушкой, которая только что вышла? — спросил я.

Портье развел руками:

— Не знаю, сэр, — и указал на массу такси, оживленное уличное движение, группы людей, роящихся, словно пчелы, у входа в клуб: — Извините, не могу сказать.

Я оглядел тротуар и даже немного пробежался во всех направлениях, изо всех сил пытаясь мельком увидеть ее.

Напрасно.

Наконец я вернулся в клуб, к столику, за которым сидели Берроуз и компания, а также мертвый, изуродованный симулакр Бута. Сейчас он соскользнул со своего сиденья, накренился на одну сторону, голова его болталась, а рот был разинут. С помощью Дэйва Бланка я снова выпрямил его.

— Ты потерял все, — сказал я Берроузу.

— Ничего я не терял.

— Сэм прав, — сказал Дэйв Бланк. — Что такое он потерял? Если надо, Боб Банди может сделать другой симулакр.

— Ты потерял Прис, — сказал я. — А Прис — это все.

— О, черт, кто может знать что-то насчет Прис: я не думаю, что она сама знает...

— Предположим, — сказал я. Язык у меня стал заплетаться: он прилип к губам. Я пошевелил челюстью, но не почувствовал ни боли, ни вообще ничего. — Я тоже потерял ее.

— Ясно, — сказал Берроуз. — Тем лучше для тебя: ты смог бы переносить такие фокусы каждый день?

— Нет.

Пока мы там сидели, великий Эрл Грант появился снова. Играл рояль, и все вынуждены были заткнуться — мы тоже, разумеется.

Кузнечики в моей подушке,
детка,
Сверчки, сверчки
в моей еде.

Пел ли он для меня? Увидел ли меня сидящим здесь, увидел выражение моего лица и догадался, что я чувствую? Песня была старая и грустная. Может быть, он видел меня, а может быть, и нет. Я не мог этого сказать, но так это выглядело.

Прис дикарка, думал я. Она не является частью нас. Она где-то вне. Прис ДЕЙСТВИТЕЛЬНО Пристайн — «чистая, неиспорченная», и это внушает благоговение: все, что происходит между людьми, все, что у нас здесь есть, слишком ничтожно, чтобы затронуть ее. Глядя на нее, заглядываешь в далекое прошлое: словно видишь, какими мы были вначале, миллион, два миллиона лет назад...

Песня, которую пел Эрл Грант: это был один из путей смягчить нас, переделать, сделать нас лучше — снова и снова, бесчисленными, медленными способами. Создатель все еще трудится, не покладая рук, все еще формирует то, что в большинстве из нас остается слабым. С Прис не так: в ней нечего уже отливать и формировать даже Ему.

Я заглянул в ИНОЕ, сказал я себе, когда увидел Прис. И куда же меня сейчас забросило? Ожидающий лишь смерти, как симулакр Бута, когда она сняла свою туфельку. Симулакр Бута наконец получил ее взамен своего поступка, совершенного более столетия назад. Пред смертью Линкольн видел сон об убийстве, ему снился гроб, обитый черным, и траурные процессии. А этот симулакр — получил ли он указание прошлой ночью? Снилось ли ему что-нибудь, когда он спал, каким-нибудь мистическим механическим образом?

Мы все получим это. Пых-пых: черным крепом задрапирован поезд, идущий средь тучных нив. Очевидцы снимают шляпы. Пых-пых-пых...

Черный поезд с гробом охраняют солдаты в голубом, с ружьями, они стоят не шелохнувшись с начала до конца длинного-длинного путешествия...

— Мистер Роузен. — Кто-то рядом заговорил со мной. Женщина. Вздрогнув от испуга, я взглянул вверх. Ко мне обращалась миссис Нилд.

— Вы нам поможете? Мистер Берроуз ушел за машиной: он хочет посадить в нее симулакр Бута.

— О, — закивал я, — да, конечно.

Поднявшись на ноги, я посмотрел на Линкольна, чтобы посмотреть, собирается ли он взяться за дело. Однако, странно сказать, Линкольн сидел со свешенной головой в состоянии глубочайшей меланхолии, не обращая ни малейшего внимания ни на нас, ни на то, что мы делали. Слушал ли ОН Эрла Гранта? Был ли захвачен его блюзом? Не думаю. Он сгорбился, сейчас его фигура утратила всяческие очертания, казалось, что его кости сплавились в одну-единственную кость. ОН хранил полнейшее молчание: казалось, он даже не дышит.

«Как будто творит молитву, — подумал я, глядя на НЕГО. — А может, и нет — может, это именно то состояние, когда уже даже и молиться не хочется». Мы с Бланком повернулись к Буту: начали поднимать его на ноги. Он оказался очень тяжелым.

— Эта машина — «Мерседес-Бенц», — задыхаясь, выдавил Бланк, когда мы направились к проходу. — Внутри обит белой и красной кожей.

— Я придержу дверь открытой, — сказала миссис Нилд, следуя за нами.

Мы протащили Бута по узкому проходу к входной двери клуба. Портье с любопытством наблюдал за нами, но ни он, ни кто-нибудь другой не двинулись с места, чтобы вмешаться, или помочь, или хотя бы полюбопытствовать, что здесь происходит. Тем не менее портье распахнул перед нами дверь и придержал ее, и мы были ему благодарны за это, так как теперь миссис Нилд освободилась и могла выйти на улицу, чтобы окликнуть машину Сэма Берроуза.

— Вон она едет, — сказал Бланк, судорожно подергивая головой.

Миссис Нилд широко распахнула перед нами дверцу автомобиля, и мы с Бланком умудрились, поддерживая симулакра с двух сторон, запихнуть его на заднее сиденье.

— Лучше бы вам поехать с нами, — сказала мне миссис Нилд, когда я стал отходить от машины.

— Отличная мысль, — поддержал ее Бланк. — Опрокинем по маленькой, а, Роузен? Отвезем Бута в мастерскую, а потом вернемся к Колли домой: спиртное там.

— Нет, — сказал я.

— Ну, давай, — сказал из-за руля Берроуз. — Заходите, мужики, и поехали: это касается и тебя, Роузен, и, естественно, твоего симулакра. Тащи-ка его сюда.

— Нет-нет, спасибо, — сказал я. — Езжайте без нас, ребята.

Бланк и миссис Нилд захлопнули за собой дверцу, машина поехала и вскоре скрылась в оживленном потоке автомобилей на дороге.

С руками в карманах я вернулся в клуб, прокладывая себе путь по проходу к столику, за которым продолжал сидеть Линкольн, все так же повесив голову, обхватив себя руками, в полной неподвижности.

Что я мог ЕМУ сказать? Как развеселить ЕГО?

— Вы не должны позволить такому инциденту, как этот, расстроить вас, — сказал я ему. — Вы должны попытаться подняться над этим.

Линкольн не отвечал.

— С миру по нитке — голому шляпа, — сказал я.

Симулакр поднял голову и с отчаянием посмотрел на меня:

— Что это значит?

— Не знаю, — ответил я. — Понятия не имею.

И снова мы сидели и молчали.

— Послушайте, — предложил я. — Я собираюсь забрать вас обратно в Буаз и отвести на прием к доктору Хорстовски. Это не принесет вам никакого вреда, а он, может быть, сможет справиться с этими вашими депрессивными состояниями. С вами все в порядке?

Сейчас Линкольн выглядел поспокойнее: ОН достал большой красный носовой платок и высморкался.

— Спасибо вам за заботу, — сказал ОН из-за платка.

— Что-нибудь выпьете? — спросил я. — Или, может быть, чашку кофе, а то давайте закажем что-нибудь поесть.

Симулакр отрицательно повертел головой.

— Когда вы впервые отметили начало этих депрессивных состояний? — спросил я. — Думаю, что это произошло с вами в юности. Не хотите ли поговорить о них? Расскажите мне, что вам приходит в голову, какие у вас несвязные ассоциации? Я прошу вас, пожалуйста. У меня ощущение, что это поможет вам почувствовать себя лучше.

Линкольн прокашлялся и сказал:

— Вернулись ли мистер Берроуз и его команда?

— Сомневаюсь. Они нас с вами приглашали с собой: они собираются заглянуть к миссис Нилд домой.

Линкольн окинул меня долгим, медленным, подозрительным взглядом:

— Почему они собираются туда, а не к мистеру Берроузу?

— Спиртное там. Во всяком случае, так сказал Дэйв Бланк.

Линкольн снова откашлялся, отпил немного воды из стакана, стоящего перед НИМ на столе. Взгляд его оставался странным, словно бы было нечто, чего ОН не понимал, словно бы ОН был в замешательстве и в то же время владел какой-то информацией.

— В чем дело? — спросил я.

После некоторой паузы Линкольн неожиданно сказал:

— Льюис, ЕЗЖАЙТЕ ДОМОЙ К МИССИС НИЛД. Не теряйте времени даром.

— Зачем?

— Она должна быть там.

У меня волосы встали дыбом.

— Думаю, — сказал симулакр, — что она живет там, с миссис Нилд. Я сейчас вернусь в мотель. Не беспокойтесь обо мне — если возникнет необходимость, я в состоянии вернуться в Буаз самостоятельно, завтра. Езжайте сразу, Льюис, прежде чем они там появятся.

Я с трудом поднялся на ноги:

— Я не...

— Адрес вы сможете разыскать в телефонном справочнике.

— Ага, — сказал я, — так оно и есть. Спасибо за совет. Я действительно оценил его. Чувствую, что ваша идея мне по душе. Мы с вами еще увидимся. Пока. А если...

— Идите же, — сказал ОН.

И я ушел.

В ночной аптеке я заглянул в справочник, нашел там адрес Колин Нилд, а потом вышел на тротуар и помахал, останавливая такси. В конце концов я отправился туда, куда собирался.

Дом, где жила Колин Нилд, оказался огромным, темным кирпичным многоквартирным зданием. Там и сям еще горел свет в нескольких окнах. Я нашел номер ее квартиры и нажал на кнопку рядом с ним. Прошло довольно много времени, пока наконец переговорное устройство не зашумело и из него не раздался женский голос, спросивший, кто там.

— Льюис Роузен, — была ли это Прис? — Можно войти? — спросил я.

Тяжелая, из вороненой стали и стекла, дверь загудела: я потянулся, чтобы схватиться за дверную ручку, и открыл ее. За какое-то мгновение я пересек пустой вестибюль и стал карабкаться вверх по лестнице на третий этаж. Подъем оказался крутым и долгим, и когда я наконец добрался до двери квартиры, я сопел, как паровоз, и устал, как загнанная лошадь.

Дверь была открыта. Я постучал, немного поколебался, а потом зашел в квартиру.

В гостиной на кушетке сидела миссис Нилд, сжимая в руке фужер со спиртным, а наискосочек от нее — Сэм Берроуз, они смотрели на меня.

— Здорово, Роузен. — Берроуз склонил голову к журнальному столику, где стояла бутылка водки, лимоны, шейкер, лаймовый сок, кубики льда и фужеры. — Угощайся.

Не зная, чем бы мне еще заняться, я подошел к столику и стал смешивать себе коктейль.

Пока я был занят этим, Берроуз сказал:

— У меня для тебя есть новости. Кто-то, кто очень дорог тебе, находится здесь. — Он указал куда-то в сторону рукой со стаканом. — Иди, загляни в спальню. — Они с миссис Нилд улыбались.

Я бросил свою выпивку и побежал к двери.

— Как тебе пришло в голову изменить свое мнение и прийти сюда? — спросил Берроуз, поболтав вкруговую жидкостью в своем стакане.

Я ответил:

— Линкольн думал, что Прис будет здесь.

— Ладно, Роузен, мне неприятно это говорить, но, по-моему, ОН оказал тебе медвежью услугу. У тебя правда не все дома, раз ты позволил этой девчонке так себя опутать.

— Я не согласен.

— Черт, да это потому, что вы больны, вся ваша троица: Прис, Линкольн и ты. Говорю тебе, Роузен, Джонни Бут стоил миллиона Линкольнов. Думаю, что мы его залатаем и используем для своей лунной программы... в конце концов, Бут — старая, добрая, родная американская фамилия: не вижу причины, чтобы семью за соседней дверью не звали Бутами. Знаешь что, Роузен? — Тебе надо как-нибудь слетать на Луну, посмотреть, что мы сделали. Ты понятия даже не имеешь, никакого понятия! Ты уж не обижайся, но отсюда невозможно понять это: ты должен там побывать.

— Это так, мистер Роузен, — сказала Колин Нилд.

Я возразил:

— Преуспевающему человеку нет необходимости опускаться до мошенничества.

— Мошенничества! — воскликнул Берроуз. — Черт, это была попытка лишь слегка подтолкнуть людей, чтобы они сделали то, что в любом случае собираются сделать. Черт, зачем мне спорить — я в этом не нуждаюсь. Сегодня и так был тяжелый день, я устал. Я ни на кого не держу зла. — Он улыбнулся мне. — Если бы у тебя была хоть какая-то интуиция и ты мог бы себе представить, что это значит, — то твоя маленькая фирма слилась бы с нами. Это ты выбрал меня, а не я — тебя. Однако снявши голову по волосам не плачут — это тебя касается, а не меня: мы будем продолжать и сделаем, что задумали, возможно, с использованием Бута, — но так или иначе в том же духе и такими же средствами.

Миссис Нилд сказала:

— Все это знают, Сэм, — и погладила его.

— Спасибо, Колли, — сказал Берроуз. — Мне больно смотреть на такого парня: никаких целей, никаких стремлений, никакой мечты. Это душераздирающе, да ведь?

Я ничего не сказал: я стоял на пороге спальни и ждал, когда они замолчат.

Миссис Нилд сказала мне:

— Войдите туда.

Взявшись за ручку, я открыл дверь спальни.

Там было совершенно темно. В центре комнаты я заметил контуры кровати. На кровати кто-то лежал, опираясь на подушку, и курил сигарету: или не сигарету? В спальне стоял запах сигарного дыма. Кинувшись к выключателю, я включил свет.

На кровати лежал мой отец, покуривая сигару и глядя на меня задумчиво и неодобрительно. Он был в своем халате и пижаме, а рядом с кроватью стояли его шлепанцы, отороченные мехом. Рядом с ними стоял его чемоданчик и лежала одежда, сложенная в аккуратную стопку.

— Закрой дверь, meine Sohn, — сказал он тихо.

Совершенно сбитый с толку, я исполнил его просьбу чисто механически: закрыл за собой дверь, но не настолько быстро, чтобы не услышать, как они там, в гостиной, взвыли от смеха. Какую шутку они играли со мной все это время: эти все их разговоры, торжественные и претенциозные — и все они делали, зная, что Прис здесь нет и не было вообще, что Линкольн ошибся.

— Стыдно, Льюис, — сказал отец, прочитав на моем лице, что творится у меня на душе. — Может, мне надо было выйти и положить конец этой шутке, но все же мне было интересно, что говорил мистер Берроуз: это было не совсем лишено смысла? В некоторых отношениях он — великий человек. Садись. — Он кивнул в сторону стула рядом с кроватью, и я сел.

— Ты не знаешь, где она? — спросил я. — И ты не можешь мне помочь?

— Боюсь, что нет, Льюис.

Значит, даже не стоило вставать и уходить. Вот так далеко я смог добраться: сюда, к этому стулу, возле отцовской кровати, в то время как он сидел и курил.

Дверь распахнулась, и человек с лицом вверх тормашками, мой брат Честер, появился на пороге, весь в мыле от спешки и преисполненный важности.

— Я нашел для нас хорошую комнату, папа, — сообщил он, потом, увидев меня, счастливо улыбнулся: — Так вот ты где, Льюис: а сколько мы намучились, пока искали.

— Несколько раз, — сказал отец, — у меня было искушение сделать мистеру Берроузу замечание, однако такого человека, как он, уже не переделаешь, так зачем же терять время?

Я не мог вынести мысли, что у моего папы начинался обычный приступ философствования: упав на стул и сделав вид, что не слышу его, я стал воспринимать его слова как жужжание мухи. Оцепенев от пережитого разочарования, я представил себе, что бы здесь происходило, если бы со мной не сыграли жестокую шутку, если бы я нашел Прис здесь, в этой комнате, лежащей на кровати.

Она бы спала, может быть, была бы пьяна: я бы поднял ее с постели, заключил в объятия, откинул волосы с глаз, поцеловал в ушко... Я мог представить ее, пробуждающуюся к жизни, когда я разбудил бы ее от короткого пьяного ее сна.

— Ты совсем не слушаешь, — укорил меня отец. И это была правда: я был так далеко от гнетущего разочарования, я ушел в свою мечту о Прис. — Ты продолжаешь гоняться за блуждающими огоньками. — Он смотрел на меня неодобрительно.

В своей мечте о лучшей жизни я снова поцеловал Прис и она открыла глаза. Потом положил ее обратно, сам лег напротив и крепко обнял ее.

— Как поживает Линкольн? — проурчала она мне на ухо. Она не удивилась, увидев меня, для нее не были неожиданностью ни мои объятия, ни поцелуи: фактически она на это никак не среагировала. Но ведь это Прис...

— Замечательно. — Я неуклюже гладил ее волосы, а она лежала на боку, глядя на меня в темноте. Я с трудом мог различить очертания ее тела. — Нет, — признался я, — ОН сейчас в ужасной форме: у НЕГО депрессивный психоз. А что ты хочешь? Ведь это сделала ты.

— Я спасла ЕГО, — слабо и томно произнесла Прис. — Принеси мне сигарету, пожалуйста.

Я прикурил сигарету и протянул ее Прис. Она курила лежа.

Голос отца пробился ко мне:

— Отбрось ты этот идеал, сосредоточенный лишь на самой себе, mein Sohn, она уводит тебя от реальности, как говорил тебе мистер Берроуз, — а это уже серьезно! Это то, что доктор Хорстовски, извини за выражение, назвал бы злом, болезнью, понимаешь?

Словно сквозь туман до меня донесся голос Честера:

— Это шизофрения, папа, как у стольких подростков: миллионы американцев страдают этим недугом, не подозревая об этом, они никогда не попадут в клиники. Я читал статью, где говорилось об этом.

Прис сказала:

— Ты хороший человек, Льюис. Мне жаль тебя, потому что ты в меня влюбился. Ты теряешь свое время, однако, полагаю,

не придаешь этому значения. Можешь ли ты объяснить, что такое любовь? Такая, как эта?

— Нет, — ответил я.

— И ты даже не пытаешься? — сказала она. — Дверь заперта? Если нет, запри ее, пожалуйста.

— Черт возьми, — печально сказал я. — Я не могу их не впустить: они прямо здесь, чуть ли не у нас на голове. Нам никогда от них не избавиться, никогда мы не будем одни, просто вдвоем — я это знаю. — Однако я пошел, зная то, что я знал, закрыл дверь и запер ее.

Вернувшись обратно к кровати, я застал Прис сидящей на ней: она расстегивала молнию на своей юбке. Потом сняла ее через голову и отбросила прочь, на стул, оставшись раздетой. Сейчас она скидывала туфли.

— Кто же еще сможет научить меня, если не ты, Льюис? — спросила она. — Натяни покровы. — Она начала было снимать с себя белье, но я остановил ее. — Почему нет? — спросила Прис.

— Я схожу с ума, — ответил я. — Я не могу здесь оставаться. Мне надо возвращаться в Буаз и сходить к доктору Хорстовски: это не может продолжаться здесь, в одной комнате с моими родными.

Прис мягко произнесла:

— Мы улетим в Буаз завтра, но не сейчас. — Она стащила покрывало, одеяла и постелила обратно простыню, легла в постель, снова взяла свою сигарету. Она лежала обнаженная, не прикрываясь ничем, просто лежала и курила. — Я так устала, Льюис. Останься со мной этой ночью.

— Я просто не могу, — сказал я.

— Тогда забери меня туда, где ты остановился.

— И этого я тоже не могу сделать — там Линкольн.

— Льюис, — сказала она, — мне просто хочется уснуть: ложись и прикрой нас чем-нибудь. Они нас не станут беспокоить. Не бойся их. Мне жаль, что у Линкольна один из приступов: не вини меня в этом, Льюис: они были у него так или иначе, а я спасла ЕМУ жизнь. Это мое дитя... разве не так?

— Полагаю, что ты можешь так считать, — ответил я.

— Я призвала ЕГО к жизни. Я ЕГО породила. Я очень этим горжусь. И когда я увидела эту мерзопакостную штуку, которую они называли Бутом... у меня было единственное желание — убить его на месте. Стоило мне его увидеть, и я сразу же поняла, для чего он был сделан. Можно, я буду твоей мамой тоже? Хотелось бы мне призвать тебя к жизни, как Линкольна: хоте-

лось бы мне призывать к жизни всевозможных людей... всех. Я даю жизнь, а этой ночью я взяла ее — и это прекрасно, если ты сможешь вынести это. Это отнимает массу сил — взять чью-нибудь жизнь, не думаешь, Льюис?

— Да, — сказал я, снова усаживаясь на кровать рядом с ней.

Она протянула руку в темноте и отбросила волосы с моих глаз:

— Ты в моей власти: я могу дать тебе жизнь или отнять ее. Это тебя пугает? Ты знаешь, что это правда.

— Сейчас это меня не пугает, — ответил я. — Когда-то, когда я это осознал, напугало.

— Меня это не пугало никогда, — сказала Прис. — Если бы я боялась, я утратила бы свою силу: разве не так, Льюис? А я должна сохранить ее: кто-то должен ею обладать.

Я ничего не ответил. Дым сигареты окутывал меня волнами, делая больным, заставляя бояться своих отца и брата, которые оба нарочно наблюдали за мной.

— Человеку надо лелеять какие-то иллюзии, — сказал мой отец, со страшной скоростью выпуская клубы дыма, — но это смешно.

Честер кивнул головой.

— Прис, — громко сказал я.

— Послушай-ка, послушай, — возбужденно сказал мой отец, — он зовет ее, он с ней разговаривает!

— Убирайтесь отсюда, — сказал я отцу с Честером, замахав на них руками, однако ничего хорошего из этого не вышло: ни один из них даже не шелохнулся.

— Ты должен понять, Льюис, — сказал отец. — Я тебе сочувствую. Я вижу то, чего не видит мистер Берроуз — благородство твоих исканий.

Сквозь тьму и бормотание их голосов снова различил Прис: она скатала свою одежду в шар и теперь сидела на краю кровати, сжимая его в руках.

— Разве это важно, — спросила она, — что кто-то думает о нас? Мне лично наплевать: я не позволю словам стать до такой степени реальными. Все во внешнем мире злы на нас — Сэм, и Мори, и все остальные. Линкольн не послал бы тебя сюда, если бы это была неправда... разве ты этого не знаешь?

— Прис, — сказал я. — Я знаю, все уладится. У нас будет счастливое будущее.

Она улыбнулась этому: я увидел во тьме блеск ее зубов. Это была улыбка огромной скорби и страдания, и мне всего лишь на миг показалось, что то, что я увидел в симулакре Линколь-

на, брало начало в ней. Она была здесь, такая явная боль, которую испытывала Прис. Возможно, она заронила ее в свое создание нечаянно; возможно, она даже не подозревала об этом.

— Я люблю тебя, — сказал я Прис.

Она поднялась на ноги, — обнаженная, тоненькая и спокойная, обвила мою голову ладонями и притянула к себе.

— Mein Sohn, — сейчас мой отец обращался к Честеру, — er schaft in dem Freiheit der Libesnacht. Я хочу сказать, что он спит, мой мальчик, в свободе ночи любви, если ты меня понимаешь.

— Что они скажут в Буаз? — раздраженно спросил Честер. — Я имею в виду — как мы можем вернуться домой с ним — ведь он в таком состоянии?

— Ах, — сделал ему выговор папа, — заткнулся бы ты, Честер: ты не понимаешь глубины его души, тебе не понять, что он чувствует. Это состояние, близкое к психозу, это к тому же возвращение к первоисточнику, от которого мы все отвернулись. Лучше вспомни это, Честер, прежде чем презрительно выпячивать свои губы.

— Ты слышишь их? — спросил я у Прис.

Она стояла передо мной, тело ее изогнулось и прильнуло ко мне, Прис засмеялась, мягко и сочувственно, глядя на меня пристально, без выражения. И все же она была уже полностью готова. Перемена и действительность, события ее жизни, само время — все исчезло для нее в этот миг.

Удивительно — она подняла руку и дотронулась до моей щеки, задев меня кончиками пальцев.

У самой двери миссис Нилд ясно сказала:

— Мы уйдем отсюда, мистер Роузен, и оставляем квартиру в вашем распоряжении.

Откуда-то издали раздалось ворчание Берроуза:

— Эта девица там, внутри — недоразвита. Все ускользает обратно. И вообще — что она там сейчас делает, в этой спальне? Или она это тощее тело... — его голос затих.

Ни Прис, ни я ничего не сказали. Вскоре мы услышали, как захлопнулась входная дверь квартиры.

— Это мило с их стороны, — сказал папа. — Льюис, в конце концов, ты должен быть им благодарен: этот мистер Берроуз — джентльмен, несмотря на то, что говорит, человека надо судить по его поступкам.

— Ты должен быть им обоим благодарен, — пробубнил Честер.

Они с папой осуждающе уставились на меня исподлобья, при этом отец жевал свою сигару.

Я обнял Прис. И для меня это было все.

Глава 17

Отец с Честером привезли меня обратно в Буаз, а на следующий день выяснилось, что доктор Хорстовски не может, или не хочет, лечить меня. Тем не менее он дал мне несколько психологических тестов, соответствующих диагнозу. В одном из них, помню, требовалось прослушать запись голосов, бормочущих на расстоянии, причем лишь часть текста — всего лишь несколько фраз, была неразборчивой. Задача заключалась в том, чтобы написать, о чем шла у них речь.

Думаю, Хорстовски поставил диагноз по результатам этого теста потому, что мне казалось, что все эти разговоры велись обо мне. Я в подробностях слышал, как они обрисовывали мои ошибки, мои изъяны, анализировали меня с точки зрения кто я такой и что я такое, диагностировали мое поведение... Я слышал, как они оскорбляли нас с Прис и поносили наши отношения.

Хорстовски просто-напросто сказал:

— Льюис, Льюис, всякий раз, как вы слышали слово «вниз», вам казалось, что говорят «Прис». Казалось, это его угнетает. — А то, что вы принимали за «Льюис», на самом деле было дважды повторенными словами «ну вас»... Он угрюмо посмотрел на меня и сразу же поспешил сбыть меня с рук.

Однако я не остался без попечения представителей этой профессии, так как доктор Хорстовски отфутболил меня к федеральному эксперту Бюро психического контроля Пятой территории Тихоокеанского побережья. Мне приходилось о нем слышать. Звали его доктор Регленд Найси, и его слово было решающим во всех случаях передачи психбольных на попечение правительства. Начиная с 1980 года он самолично отправил тысячи и тысячи психов в клиники Бюро, рассеянные по всей стране: он считался блестящим психиатром и великолепным диагностом, и многие годы среди нас имела хождение шутка, что рано или поздно мы попадем в руки Найси: так говорили все, и определенный процент шутников дождался-таки ее воплощения в жизнь...

— Доктор Найси покажется вам талантливым и симпатичным, — сказал мне Хорстовски по пути в офис Бюро в Буаз.

— Это мило с вашей стороны, что вы позаботились обо мне, — сказал я.

— Я каждый день там появляюсь, и мне так или иначе пришлось бы сегодня поехать туда. Я всего лишь избавляю вас от появления в суде и судебных издержек... как вам известно, Най-

си в любом случае определяет больных на лечение в психиатрических клиниках, и вам лучше попасть в его руки, чем предстать перед судом, призванным решать, подпадаете ли вы под закон Макхестона или нет...

Я кивнул головой — так оно и было.

— Вы не против всего этого, или все-таки да? — спросил Хорстовски. — Быть помещенным в клинику Бюро — это не клеймо... это происходит ежедневно, ежеминутно — один из девяти человек по статистике заболевает душевным расстройством, делающим его дальнейшее пребывание в привычной среде невозможным... — Он бубнил и бубнил, но я не слушал его. Я уже все это слышал — в бесчисленных сообщениях по телевидению, читал в бесчисленном количестве журнальных статей.

Однако на самом деле я ощущал враждебность по отношению к нему за то, что он сбыл меня с рук долой, отдав на растерзание психиатрической службе, несмотря на то что знал: как только Хорстовски обнаружил у меня признаки психоза, он по закону обязан был передать мое дело дальше. Я был также враждебно настроен против всех остальных, включая двух симулакров: пока мы с доктором ехали по солнечным, таким привычным улицам Буаз из его офиса в Бюро, я чувствовал, что все вокруг — предатели и враги, а мир, окружающий меня — чужд и враждебен.

Все это и еще много чего выявили тесты, которые давал мне доктор Хорстовски. К примеру, в тесте Роршаха, я считал каждое пятно и рисунок полным гудящими, скрежещущими, ощерившимися механизмами, дергающимися в безумном, смертоносном ритме, задуманными с самого начала лишь для того, чтобы искалечить меня. Действительно, по пути в Бюро на прием к доктору Найси, я отчетливо видел шеренгу автомашин, следующих за нами, — несомненно потому, что я приехал обратно в город. Люди в машинах были предупреждены заранее — с момента моего прибытия в аэропорт Буаз.

— Может ли доктор Найси помочь мне? — спросил я у Хорстовски, когда он прижал машину к поребрику возле большого, современного многоэтажного конторского здания с массой окон. Сейчас я начал ощущать острую панику. — Думаю, психиатры Бюро располагают всеми новейшими техническими средствами, которых нет даже у вас, всеми последними...

— Это зависит от того, что вы понимаете под словом «помочь», — сказал Хорстовски, открывая дверцу машины и поманив меня за собой в здание.

И вот я стою здесь, куда столь многие приходили до меня: в диагностическом Бюро психического контроля, сделав первый шаг, быть может, в новую эру своей жизни.

О, как права была Прис, когда говорила о глубоком, неустойчивом надломе во мне, который до добра не доведет... Галлюцинирующий, измочаленный, потерявший надежду... — в конце концов меня заарканили власти, как это произошло и с ней несколько лет назад. Я не видел диагноза, поставленного мне Хорстовски, но знал и без вопросов, что он обнаружил во мне шизофренические реакции... Я тоже ощущал их внутри себя. К чему отрицать очевидное?

Я был счастлив, что помощь, в таком огромном массовом масштабе, была для меня доступна: видит Бог, в таком состоянии я был жалок, близок к самоубийству или к тотальной депрессии, из которой мог бы и не выкарабкаться. И они захватили его на такой ранней стадии — это давало мне явную надежду. Я определенно отдавал себе отчет в том, что нахожусь в ранней стадии кататонического возбуждения, предшествующей любому перманентному комплексу неприспособленности, то есть началу и развитию таких заболеваний, как гебефрения или параноя, — самое ужасное, что могло бы меня ожидать... У меня болезнь протекала в простой, первоначальной форме, когда она все еще поддавалась лечению.

Мне надо было благодарить своих отца и брата за их своевременные действия.

И все же, несмотря на то, что я все это осознавал, я шел с Хорстовски в офис Бюро, дрожа от ужаса, ни на минуту не прекращая осознавать свою враждебность и враждебность всего, что меня окружало. У меня в одно и то же время и сохранялась способность адекватной самооценки, и не было ее в помине: одна часть меня все знала и понимала, другая же бесилась словно пойманное животное, тоскующее по возвращению в свою среду обитания, в родные места...

В данный момент я мог говорить лишь от имени малюсенькой порции своего сознания, в то время как остаток его шел по своему собственному пути.

Это позволило мне понять причины, по которым закон Макхестона был столь необходим. Личность, действительно пораженная психозом так, как я, НИКОГДА НЕ СТАНЕТ СЧИТАТЬ СЕБЯ БОЛЬНОЙ: она должна быть принудительно направлена на лечение силой закона. Вот что значит — быть психопатом.

Прис, думал я. И с тобой однажды такое происходило: они схватили тебя там, в школе, выбрали тебя и отделили от осталь-

ных, а потом взяли на буксир так же, как теперь меня. И умудрились вернуть тебя в твое общество. Получится ли у них это со мной?

И, думал я, стану ли я таким же, как ты, когда закончится лечение? В какую более раннюю, более приспособленную к действительности стадию моей жизни они меня возвратят?

Как я стану тогда к тебе относиться? Буду ли я помнить тебя?

А если буду, буду ли я продолжать заботиться о тебе так, как забочусь сейчас?

Доктор Хорстовски оставил меня в зале ожидания, и почти час я провел там вместе с другими опупевшими больными, пока наконец не пришла медсестра и не вызвала меня. В маленьком кабинете меня представили доктору Найси. Он оказался симпатичным человеком чуть постарше меня, с добрыми карими глазами, тонкими, аккуратно причесанными волосами, с осторожной, предупредительной манерой, с которой я никогда не сталкивался вне пределов ветеринарии. Этот человек сразу же проявил ко мне сочувственный интерес, создающий уверенность в том, что я спокоен и понимаю, зачем я здесь нахожусь.

Я сказал:

— Я здесь, так как у меня больше нет никакого основания, на котором я мог бы сообщать свои желания и эмоции другим людям. — За время ожидания я смог все это прекрасно продумать. — Поэтому у меня нет больше никакой возможности удовлетворения своих нужд в мире реальных людей: вместо этого я должен был обратиться к фантастической, выдуманной жизни.

Откинувшись в своем кресле, доктор Найси задумчиво изучал меня:

— И вам хотелось бы это изменить?

— Я хочу получить удовлетворение, настоящее удовлетворение.

— У вас совсем нет ничего общего с другими людьми?

— Ничего. Моя действительность расположена далеко вне того мира, который знаком остальным. Взять хотя бы вас: для вас это будет вымысел, если я вам расскажу об этом. Я хочу сказать, о ней.

— Кто она?

— Прис, — ответил я.

Он ждал, но я не стал продолжать.

— Доктор Хорстовски вкратце рассказал мне о вас по телефону, — вскоре сказал он. — У вас, несомненно, присутствует динамизм осложнения, которое мы называем типом шизофрении «Магна Матер» — «Великая Мать». Как бы то ни было, по

закону я обязан сначала проверить вас по тесту Джеймса Бенджамена с пословицами, после чего — по советскому тесту Выгодского—Лурье с кубиками. — Он кивнул и откуда-то из-за моей спины появилась медсестра со стопкой бумаги, кубиками и карандашом. — А сейчас я дам вам несколько пословиц, а вы должны сказать мне, какой смысл в них заложен. Вы готовы?

— Да, — ответил я.

— Без кота мышам раздолье.

Я подумал и ответил:

— В отсутствие власти творится неладное.

Мы продолжали таким образом, и я все делал правильно, пока доктор Найси не добрался до того, что погубило меня, до рокового шестого вопроса:

— Перекати-поле мхом не обрастает.

Я старался, как только мог, но никак мне было не вспомнить значение этой поговорки... Наконец я решил рискнуть:

— Эээ, здесь подразумевается некто, кто всегда активен и никогда не останавливается, чтобы над чем-то задуматься... — Нет, это звучит неправильно, — сделал я еще одну попытку. — Здесь говорится о человеке, который всегда в действии, поддерживает свое духовное и моральное положение и никогда не выйдет в тираж.

Он смотрел на меня внимательнее, и я добавил в качестве пояснения:

— Я имею в виду человека, который деятелен и не теряет времени даром, он идет по жизни вперед.

Доктор Найси сказал:

— Понимаю. — И мне стало ясно, что для целей легального диагноза, я проявил шизофреническое расстройство мышления.

— Что это значит? — спросил я. — Я ответил на вопрос шиворот-навыворот?

— Да, боюсь, что да. Общепринятое значение этой пословицы противоположно вашему ее толкованию: принято считать, что личность, которая...

— Не надо мне говорить, — перебил его я. — Я помню — я действительно ее знал. Личность со склонностью к перемене мест никогда не добьется ничего стоящего.

Доктор Найси кивнул и перешел к следующей пословице. Однако обусловленное законом совпадение произошло: я проявил формальное снижение интеллектуальной деятельности.

После пословиц я сделал попытку классификации кубиков, однако безуспешную. Мы с доктором Найси почувствовали облегчение, когда я от нее отказался и оттолкнул кубики.

— Значит, вот как дела обстоят, — сказал Найси. — Он кивком головы выпроводил сестру и продолжил: — Мы можем перейти к следующему и заполнить формуляры. Какой клинике вы отдадите свое предпочтение? По-моему, лучшая из многих — Лос-Анджелесская: возможно также, что я так считаю потому, что знаком с ней лучше, чем с остальными. Клиника имени Кэзэнина в Канзас-Сити...

— Отошлите меня туда, — с готовностью выпалил я.

— Какая-то особая причина?

— Многие мои близкие друзья вылечились там, — выкрутился я.

Он смотрел на меня, словно подозревая, что причина была более глубокой.

— И у нее хорошая репутация. Почти все мои знакомые, которым действительно удалось избавиться от психического заболевания, лечились в клинике им. Кэзэнина. Не потому, что остальные клиники недостаточно хороши, а потому, что эта — лучшая. Моя тетя Гретхен, которая сейчас находится в «Гарри Стек Салливан клиник» в Сан-Диего: она была первым психически больным человеком, с которым я в своей жизни столкнулся, и, естественно, потом еще со многими, потому что столь значительная часть общества страдает этими заболеваниями, как нам по телевидению каждый день об этом твердят. Был у меня кузен, Лео Роггис — так он до сих пор где-то в одной из клиник. Мой учитель английского в средней школе, мистер Хаскинс: он скончался в клинике. Пенсионер-итальянец с нащей улицы, Джордж Оливьери: у него были состояния кататонического возбуждения, его тоже замели. Помню своего армейского дружка, Арта Боулза — у него была «шиза», и его отправили в клинику имени Фромма—Райхманна, Рочестер, штат Нью-Йорк. Была такая девушка — Элис Джонсон, мы с ней вместе учились в колледже — сейчас она в клинике имени Сэмюэля Андерсона Третьей зоны в Батон-Руж. И человек, у которого я когда-то работал, Эд Йетс — шизофрения, перешедшая в острую форму паранойи. Уолдо Денджерфилд — еще один мой приятель. Глория Мильштейн, знакомая девушка: она Бог знает где, но болезнь у нее обнаружили, когда она хотела устроиться на работу машинисткой. Специалисты Федерального бюро прибрали ее к рукам... она была маленькая, темненькая, очень хорошенькая, и никто ни о чем даже и не подозревал, пока тест не показал, что у нее отклонения от нормы. И Джон Франклин Манн, торговец подержанными автомобилями, с которым мы были знакомы:

тест выявил, что у него шизофрения в стадии распада личности, и его увезли, вероятно, в клинику им. Кэзэнина, так как у него были родственники в Миссури. И еще одна моя знакомая, Мардж Моррисон. Она уже вышла, уверен, что ее лечили в клинике им. Кэзэнина. Все те, кто там лечился, вышли оттуда как новенькие, если не лучше: в этой клинике не просто идут навстречу требованиям закона Макхестона, они действительно излечивают. Или так это мне представляется.

Доктор Найси написал в формуляре «Клиника им. Кэзэнина в Канзас-Сити» и я вздохнул с облегчением.

— Да, — пробормотал он, — говорят, в Канзас-Сити неплохо. Президент провел там два месяца, вы знаете.

— Я об этом слышал, — признался я.

Героическая история о приступе душевной болезни у президента в подростковом возрасте, с последующим триумфом на протяжении двадцати лет его жизни, была известна всем и каждому.

— А сейчас, прежде чем мы освободимся, — сказал доктор Найси, — мне хотелось бы немного рассказать вам о типе шизофрении, называемом «Магна Матер».

— Хорошо, — согласился я, — мне бы очень хотелось услышать об этом побольше.

— На самом деле я питаю к данному предмету особый интерес, — пояснил доктор Найси. — Я написал несколько монографий на эту тему. Вам известна теория Андерсона, отождествляющая каждый подтип шизофрении с подтипом религии.

Я кивнул. Точка зрения Андерсона на шизофрению популяризовалась почти в каждому толстом журнале Америки: это была всеобщая мода.

— Первоначальная форма, которую принимает шизофрения — гелиоцентрическая форма, культ Солнца, где оно обожествляется и фактически рассматривается как символ отца пациента. Вы этого не испытывали. Гелиоцентрическая форма — самая примитивная и перекликается с самой ранней из известных религий — культом Солнца, включая великий культ Солнца Римского периода, митраизм, а также ранний персидский культ — культ Мазды.

— Да, — сказал я, кивая головой.

— А сейчас о форме «Магна Матер», которая была обнаружена у вас, — это был всеобъемлющий культ женского начала в Средиземноморье, во времена Микенской цивилизации. Астарта, Кибела, Аттис, после чего, позже — Афина... и, наконец, Дева Мария. Вот что случилось с вами: ваша душа, которая является воплощением вашего подсознания, его архетипом, была

спроецирована на окружающий мир, на космос, там была замечена и окружена поклонением.

— Понимаю, — сказал я.

— И это состояние ощущается как опасное, враждебное и невероятно исполненное силы, но все же привлекательное бытие. Воплощение всех противоположностей: оно вмещает в себя абсолют жизни, однако является смертью; всю любовь — однако является холодом; весь интеллект — однако подвержено деструктивному аналитическому стремлению, не творческому по своей сущности, которое тем не менее ощущается как источник творчества в чистом виде. Вот они, противоположности, дремлющие в подсознании, которые доминируют над опытом в целом, присутствующим в сознании. Когда противоположности испытывают напрямую, непосредственно, так, как это происходит с вами, их нельзя ни понять, ни разделаться с ними: в конечном итоге они разрушают ваше «я» и уничтожат его, по той причине, что, как вам известно, являются архетипами и не могут быть ассимилированы вашим «я».

— Понимаю, — сказал я.

— Итак, это сражение — грандиозная борьба сознательной психической деятельности за то, чтобы прийти к пониманию с его собственными коллективными аспектами, с его подсознанием, — и борьба эта обречена на провал. Архетипы подсознания должны испытываться не напрямую, а опосредованно, посредством души, и в мягкой форме, свободной от их биполярных качеств. Чтобы это произошло, вы должны совершенно по-другому относиться к своему подсознанию; при таком же положении дел, как сейчас, вы пассивны и ваше подсознание сильнее вас — это оно принимает решения, а не вы.

— Правильно, — откликнулся я.

— Ваше сознание было обессилено, следовательно, оно более не в состоянии действовать. У него нет власти, кроме той, которую оно черпает из подсознания, а в настоящий момент между ними существует раскол. Поэтому соотношение не может быть стабилизировано с помощью души, — заключил доктор Найси. — У вас относительно слабая форма шизофрении, но тем не менее это все-таки психоз, который необходимо лечить в Федеральной клинике. Мне хотелось бы снова увидеться с вами, когда вы вернетесь обратно из Канзас-Сити: я знаю, что улучшение в вашем состоянии будет феноменальным. — Он улыбнулся мне с искренней теплотой, и я улыбнулся ему в ответ. Он встал, протянул мне руку, и мы обменялись рукопожатием.

Путь в клиннику им. Кэзэнина, Канзас-Сити, был мне открыт.

На формальном допросе при свидетелях доктор Найси представил меня присутствующим, задавшим мне вопрос, существует ли какая-либо причина, препятствующая моей немедленной отправке в Канзас-Сити. Из-за этих сухих формальностей я уже было стал беспокоиться насчет финала моих заключений. Доктор Найси дал мне двадцать четыре часа на завершение моих дел, однако я отклонил его предложение, так как хотел отправиться немедленно. В конце концов мы сошлись на восьми часах. Персонал доктора Найси забронировал мне билет на самолет, а я уехал из Бюро на такси, чтобы вернуться в Онтарио, пока не настанет время отправляться в путешествие на восток.

Я велел таксисту везти меня в дом Мори, где оставил кучу своих вещей. Вскоре мы добрались туда, и я постучал в дверь.

Дома не оказалось никого, я попытался подергать за дверную ручку: дверь не была заперта. И я вошел в тихий, покинутый дом.

Там, в ванной, была кафельная мозаика, над которой трудилась Прис в ту первую ночь. Сейчас она была готова. Я немного постоял, уставившись на нее, поразительную по цветам и рисунку: там была и русалка, и рыба, и осьминог со светлыми глазами из обувных кнопок: она, в конце концов, закончила его.

Один голубой кусочек кафеля расшатался, и я, не повредив, выколупал его из мозаики, оттер липкий раствор с его обратной стороны и положил осколок в карман.

— На случай, если я забуду тебя, — подумал я. — Тебя и твою мозаику в ванной, твою русалку с розовыми сосками, многие твои милые и чудовищные создания, кишащие под водной гладью, в вечной и спокойной глубине... Прис сделала линию над моей головой, на высоте почти что восьми футов — над ней было синее небо, совсем немного неба: в этой творческой схеме оно не играло никакой роли.

И вдруг я услышал, как кто-то стучит и громко топает. Кто-то гнался за мной, однако я не двинулся с места. Подумаешь! Я ждал, и вдруг, тяжело дыша, ввалился Мори Рок: увидев меня, он встал как вкопанный.

— Льюис Роузен, — сказал Мори, — и в ванной...

— Я уже ухожу.

— Соседка позвонила мне в офис: увидела, как ты подкатил на такси и вошел в дом — она знала, что я на работе.

— За мной шпионили, — для меня это не было неожиданностью. — Они все так делают, куда бы я ни пошел. — Я продолжал стоять, держа руки в карманах и глазея на разноцветную стенку.

— Она просто подумала, что я должен об этом знать. Я так и подумал, что это, наверное, ты. — Наконец он заметил мой чемодан и вещи, которые я собрал. — Ты и правда опупел: только что вернулся из Сиэтла, — постой-ка, когда же ты прилетел-то? Кажется, не ранее чем сегодня утром, и уже собираешься куда-то еще.

Я сказал:

— Мне надо ехать, Мори, это закон.

Он уставился на меня, и челюсть у него стала отвисать, наконец он вспыхнул:

— Прости меня, Льюис, я хочу сказать — за то, что я сказал, что ты опупел...

— Да все в порядке, но ты прав. Сегодня я не справился с тестами. Члены комиссии уже меня обслужили...

Закрыв наконец рот, он проворчал:

— Кто тебя туда отправил?

— Отец с Честером.

— Мать твою! Родная кровь...

— Они спасли меня от паранойи. Послушай, Мори, — я повернулся к нему лицом, — ты не знаешь, где она?

— Ей-богу, Льюис, если бы знал, то сказал бы тебе. Несмотря на то что тебя записали в психи.

— Знаешь, куда они меня отправляют на лечение?

— В Канзас-Сити?

Я кивнул.

— Может быть, ты ее там найдешь. Возможно, психиатрическая служба уже ее сцапала и отправила обратно, а мне об этом забыли сообщить.

— Ага, может, и так, — согласился я.

Он подошел ко мне и огрел по спине:

— Ни пуха ни пера, ты, сукин сын. Я знаю, ты из этого выберешься. Осмелюсь предположить, у тебя всего лишь «шиза» — и больше ничего.

— У меня шизофрения «Магна Матер». — Я полез в карман, достал осколок кафеля, показал Мори и сказал: — Чтобы помнить о ней. Надеюсь, ты не в обиде: в конце концов, дом — твой и мозаика тоже.

— Возьми себе. Возьми всю рыбину. Забирай русалочью титьку, — и он направился к русалке. — Без дураков, Льюис: сейчас мы расшатаем эту розовую штуку и ты сможешь носить ее с собой, договорились?

— Замечательно.

В неловком молчании мы смотрели друг на друга. Спустя некоторое время Мори спросил:

— Как ты себя чувствуешь теперь, будучи шизофреником?

— Плохо, Мори, очень-очень плохо.

— Я так и думал, — так всегда и Прис говорила. Она была счастлива от этого избавиться.

— Моя поездка в Сиэтл — это был первый симптом болезни. Они называют это кататоническим возбуждением, ощущение спешки, ощущение того, что тебе необходимо что-то сделать. Это всегда оборачивается против тебя: ты ничего не можешь сделать. Ты ясно отдаешь себе в этом отчет, тогда тебя охватывает паника и вот он, пожалуйста — психоз. Я слышал голоса и видел... — Я замолчал.

— Что ты видел?

— Прис.

— Господи, — простонал Мори.

— Ты меня отвезешь в аэропорт?

— Да, дружище, конечно. — Он энергично закивал.

— Мне не надо никуда ехать до позднего вечера. Поэтому, может, пообедаем с тобой. Мне не хотелось бы снова встречаться с родными после того, что случилось: мне стыдно, что ли...

Мори сказал:

— Как ты можешь так разумно говорить, если у тебя шизофрения?

— Просто сейчас я расслаблен, ничто на меня не давит, поэтому я могу сфокусировать свое внимание. Вот что такое — приступ шизофрении, — ослабление внимания настолько, что процессы, происходящие в подсознании берут верх и занимают поле боя. Они полностью подчиняют себе сознание — эти архаичные процессы, архетипы, которые у нешизофреников отмирают в возрасте примерно пяти лет.

— И ты думаешь о сумасшедших вещах — ну, например, что все против тебя, а сам ты — центр Вселенной?

— Нет, — ответил я. — Доктор Найси объяснил мне, что так происходит у гелиоцентрических шизофреников, которые...

— Найси? Регленд Найси? Ну да, конечно: согласно закону ты должен был с ним встретиться. Это он с самого начала настоял на лечении Прис: он дал ей тест Выгодского—Лурье с кубиками, лично, в своем офисе. Мне всегда хотелось с ним встретиться.

— Великолепный человек. И очень человечный.

— Ты опасен?

— Только когда у меня помутнение рассудка.

— Значит, я могу покинуть тебя?

— Думаю, да, — ответил я. — Но мы с тобой еще вечером увидимся, здесь, у тебя дома, и пообедаем. Давай часиков в шесть: у нас тогда останется время, чтобы успеть на рейс.

— Могу ли я что-нибудь для тебя сделать? Может, дать тебе что-нибудь?

— Нет. Но в любом случае спасибо.

Мори еще немного походил по дому, потом я услышал, как за ним захлопнулась дверь. Дом снова погрузился в тишину. Я снова был один.

Немного погодя я стал опять неторопливо собирать свои вещи.

Мы с Мори пообедали, а потом он повез меня в своем белом «ягуаре» в аэропорт Буаз. Я смотрел в окно на пробегающие мимо улицы, и всякая женщина казалась мне похожей на Прис: всякий раз я думал так, но было совсем по-другому... Мори заметил, что я чем-то поглощен, однако ничего не говорил.

Персонал Бюро психического контроля заказал мне билет на рейс первого класса, новым австралийским реактивным самолетом «С-80». У Бюро, думал я, действительно масса общественных фондов, им есть что тратить... Перелет занял всего лишь полчаса, и вот мы уже приземлились в аэропорту Канзас-Сити. Не было еще и девяти вечера, когда я вышел из самолета, оглядываясь в поисках служащих клиники, которые должны были меня встретить.

У подножия лестницы ко мне подошли нарядно одетые в яркие, светлые плащи в шотландскую клетку, парень с девушкой. Это была моя группа: в Буаз меня предупредили, чтобы я искал людей именно в таких плащах.

— Мистр Роузен, — выжидательно произнес юноша.

— Совершенно верно, — ответил я, направившись через летное поле к зданию аэропорта.

Они шагали по обеим сторонам моей персоны.

— Холодновато сегодня, — сказала девушка. Я подумал, что им нет еще и двадцати: два юных ясноглазика, несомненно, участвуют в работе ФБПК из чистого идеализма и прямо сейчас выполняют свой героический долг. Они шагали бодро и весело, ведя меня к окну выдачи багажа и забавляя болтовней обо всем и ни о чем... Я чувсвовал бы себя раскованно, если бы при свете посадочных огней не заметил уже, что девушка удивительно похожа на Прис...

— Как вас зовут? — спросил я у нее.

— Джули, — сказала она, — а это Ральф.

— Вы... вы не помните больную, она лечилась у вас несколько месяцев назад, девушку из Буаз по имени Прис Фрауенциммер?

— Извините, — ответила Джули, — мы оба работаем в клинике им. Кэзэнина всего с прошлой недели. — Она указала на своего товарища: — Мы только что, весной вступили в Корпус Охраны Психического Здоровья.

— Вам это нравится? — спросил я, — оправдала ли эта работа ваши ожидания?

— О, она страшно хорошо оплачивается, — с придыханием ответила девушка. — Разве не так, Ральф? — Он кивнул головой. — Мы не уволимся ни за какие блага мира.

— Вы что-нибудь обо мне знаете? — спросил я, пока мы стояли в ожидании тележки с багажом, чтобы забрать мои чемоданы.

— С вами будет работать только доктор Шедд, — сказал Ральф.

— Он классный специалист, — добавила Джули. — Он вам понравится. И он так много делает для людей: ему столько уже удалось вылечить!

Появились мои чемоданы: Ральф схватился за один, я взял другой, и мы направились к выходу из аэровокзала.

— Понравился мне ваш аэропорт, — сказал я, — я никогда еще здесь не был.

— Его закончили только в этом году, — сказал Ральф. — Это первый, который может обслуживать и внутренние, и зарубежные рейсы, и даже космические корабли: прямо отсюда вы смогли бы улететь на Луну.

— Только не я, — возразил я, но Ральф меня не услышал.

Вскоре мы уже летели над крышами Канзас-Сити на вертолете, принадлежащем клинике. В холодном, свежем воздухе под нами сияли бесцельно миллионы огней — бесчисленные скопления и созвездия огней, и совсем даже не созвездия это были, а всего лишь гроздья...

— Не думаете ли вы, — спросил я, — что всякий раз, как кто-нибудь умирает, в Канзас-Сити зажигается новый огонек?

Ральф с Джули улыбнулись моей шутке.

— А известно ли вам обоим, — спросил я снова, — что произошло бы со мной, если бы не было программы принудительного психиатрического лечения? Я бы уже умер. Все это в буквальном смысле спасло мне жизнь.

В ответ они снова улыбнулись.

— Слава Богу, закон Макхестона прошел через Конгресс, — сказал я.

ситуативная шизофрения, а не процесс, продолжавшийся в течение всей вашей жизни. Там, в Сиэтле, вы были под влиянием беспрецедентного стресса, я прав?

— Да, — ответил я, энергично кивая головой.

— Это может никогда больше не повториться за всю вашу оставшуюся жизнь: как бы то ни было, все равно поступил тревожный сигнал, это — опасный симптом и надо что-то с ним сделать. — Он долгое время изучал меня сквозь клубы ползущего пара.

— Хорошо, возможно, в вашем случае мы сможем вооружить вас таким образом, что вы успешно справитесь со своим окружением, с помощью так называемой «терапии контролируемой реакцией бегства». Вам приходилось о ней слышать?

— Нет, доктор. — Но сбежать мне точно хотелось...

— Вам будут давать галлюциногенные препараты — они вызовут раскол вашей психики, галлюцинации. На очень ограниченное время, ежедневно. Это даст вашему либидо исполнение его регрессивных желаний, которые в настоящее время слишком сильно давят на вас. Затем, постепенно, мы будем сокращать стадию бегства, с надеждой на конечное ее устранение. Некоторую часть этого периода вам придется провести здесь: будем надеяться, что несколько позже вы вернетесь в Буаз, к своей работе, и там будете получать амбулаторное лечение. Вы знаете, у нас здесь и так перебор пациентов.

— Я это знаю.

— Вы сделаете эту попытку?

— Да!

— Это будет обозначать в дальнейшем шизофренические эпизоды, конечно же, происходящие под присмотром, в контролируемых условиях.

— Не важно. Я хочу попробовать.

— Вас не будет беспокоить, что я и другие члены персонала станут свидетелями вашего поведения на протяжении этих эпизодов? Иными словами, вторжение в вашу личную жизнь...

— Нет, — оборвал его я. — Это не будет беспокоить меня. Мне все равно, кто смотрит.

— Ваша тенденция к паранойе, — задумчиво сказал доктор Шедд, — не может быть слишком серьезной, если глаза посторонних пугают вас не более, чем вы обнаруживаете.

— Они меня ни черта не пугают, — ответил я.

— Хорошо, — похоже, он был доволен. — Это чудненькое предзнаменование на будущее. — С этими словами он на-

правился обратно в белые клубы пара, в своих синих штанишках, сжимая под мышкой свой блокнот. Вот и закончилось мое первое интервью с лечащим психиатром в клинике им. Кэзэнина.

В час дня меня отвели в просторную, чистую комнату, где меня ожидали несколько медсестер и два врача. Они распростерли меня на покрытом кожей столе и сделали внутривенный укол галлюциногенного препарата. Врачи и сестры, страшно усталые, но дружелюбные, стояли поодаль и ждали. И я тоже ждал, привязанный к своему столу, одетый в больничную хламиду, с нелепо торчащими голыми ногами, с руками по швам...

Через несколько минут препарат подействовал. Я очутился в пригороде Окленда, штат Калифорния, я сидел на парковой скамейке в сквере Джека Лондона. Рядом со мной, кормя хлебными крошками стайку сизых голубей, сидела Прис. На ней были короткие штанишки и зеленый свитер, вывязанный узором, похожим на черепаховый панцирь. Ее волосы были убраны назад и повязаны платочком в красную клетку, и она была совершенно погружена в свое занятие, явно не осознавая моего присутствия.

— Привет, — сказал я.

Повернув ко мне голову, она спокойно сказала:

— Молчи, говорю тебе, черт тебя возьми. Если будешь болтать, ты их спугнешь и тогда вон тот старичок начнет их кормить вместо меня.

На скамейке, стоящей немного подальше у той же дорожки, сидел доктор Шедд, он улыбался нам и держал пакет с хлебными крошками. Таким образом моя душа поступила с его присутствием: она включила его в сцену в качестве персонажа.

— Прис, — тихо сказал я, — я должен с тобой поговорить.

— Зачем? — Она смотрела мне в лицо с холодным, отчужденным выражением. — Это важно для тебя, но важно ли для меня? Или тебе так уж это необходимо?

— Необходимо, — сказал я, почувствовав прилив отчаяния.

— Тогда покажи мне, что ты хочешь, но не разговаривай. Я совершенно счастлива тем, что сейчас делаю. — И она снова начала кормить птиц.

— Ты меня любишь? — спросил я.

— О Боже, нет!

И все-таки я чувствовал, что любит.

Некоторое время мы сидели на скамейке вместе, а потом парк, скамейка и сама Прис исчезли и я снова очутился на столе, привязанный и наблюдаемый доктором Шеддом и страшно занятыми медсестрами клиники им. Кэзэнина.

— Это прошло гораздо лучше, — сообщил доктор Шедд, пока меня развязывали.

— Лучше, чем что?

— Чем оба предыдущих раза.

Я не помнил никаких предыдущих попыток, и сказал ему об этом.

— Ну, конечно же, не помните: они были неудачными. Не активизировалась никакая вымышленная жизнь: вы просто уснули. Однако сейчас мы в любое время можем ожидать результатов.

Они отвели меня в мою палату. На следующее утро я вновь появился в кабинете терапии, чтобы получить свою дозу бегства в воображаемый мир, свой час с Прис.

Когда меня привязали, вошел доктор Шедд и приветствовал меня:

— Роузен, я собираюсь включить вас с групповую терапию: вдобавок к тому, чем мы занимаемся здесь. Вы понимаете, что такое групповая терапия? Вы выложите свои проблемы перед группой пациентов, своих товарищей, а они будут их комментировать... вы будете сидеть вместе с ними, пока они будут обсуждать вас и те моменты в ваших рассуждениях, где вы свернули на бездорожье. Вы увидите, что все это происходит в дружеской и неформальной атмосфере. В общем, это достаточно действенное средство.

— Хорошо, — мне было очень одиноко здесь, в клинике.

— У вас не будет возражений, если материал, полученный в результате наших с вами экспериментов, поступит в распоряжение вашей группы?

— Господи, конечно нет. Почему бы мне быть против?

— Ксерокопии записей наших с вами сеансов будут распределены между участниками группы перед каждым собранием... вы осознаете, что мы записываем все ваши «уходы» для аналитических целей и с вашего разрешения для использования в группах терапии.

— Я вам, несомненно, дам свое разрешение, — сказал я. — Не возражаю, если группе моих товарищей по несчастью станет известно содержание моих фантазий, особенно если они смогут мне объяснить, где я сделал ложный ход.

— Вот увидите: нет группы лиц, более обеспокоенных тем, чтобы вам помочь, чем группа ваших товарищей — пациентов нашей клиники, — сказал доктор Шедд.

Мне сделали укол галлюциногена, и я снова погрузился в свой контролируемый уход...

Я сидел за рулем своего «Шевроле Мэджик Файр», ехал по очень оживленному фривею, возвращаясь домой в конце дня. Диктор, ведущий передачи для тех, кто в пути, рассказывал мне о дорожной пробке где-то впереди.

— Столпотворение, конструктивный подход или хаос, — говорил он. — Я проведу тебя сквозь это, дорогой друг.

— Спасибо, — громко сказал я.

Сидящая рядом со мной Прис дернулась и раздраженно спросила:

— Ты всегда разговариваешь с радио? Это плохой признак: я всегда знала, что психика у тебя не из самых крепких.

— Прис, — обратился я к ней, — несмотря на твои слова, я знаю, что ты меня любишь. Разве ты не помнишь, как мы были с тобой наедине в квартире Колли Нилд в Сиэтле?

— Нет.

— Разве ты не помнишь, как мы занимались там любовью?

— Господи, — сказала она резко.

— Я знаю: ты любишь меня, что бы ты ни говорила.

— Высади меня здесь, на дороге, если ты и дальше собираешься говорить такие вещи. Меня от тебя тошнит.

— Прис, — сказал я, — почему мы с тобой едем вместе? Мы возвращаемся домой? Мы женаты?

— О Господи, — простонала она.

— Ответь мне, — сказал я, не отрывая взгляда от грузовика, ехавшего впереди.

Она не ответила, а только, вывернувшись, уселась у дверцы, как можно дальше от меня.

— Мы женаты, — сказал я, — я знаю, что это так.

Когда я пришел в себя, доктор Шедд казался довольным:

— Вы проявляете прогрессирующую тенденцию к улучшению. Думаю, можно спокойно сказать, что вы достигаете эффективного внешнего катарсиса для своих регрессивных половых влечений, а это именно то, на что мы рассчитываем.

Он ободряюще похлопал меня по спине, совсем как мой партнер Мори Рок недавно...

На моем следующем сеансе Прис выглядела постарше. Мы с ней медленно прогуливались по большому железнодорожному вокзалу в Чейенне, штат Вайоминг. Был поздний вечер, мы гуляли по подземному переходу, под путями, потом поднимались вверх, шли до самого конца перрона и там молча стояли ря-

дом. Ее лицо повзрослело, стало более полным. Она определенно изменилась, пополнела. И казалась гораздо спокойнее.

— Сколько лет, — спросил я, — мы с тобой уже женаты?

— Разве ты не знаешь?

— Значит, мы все-таки женаты, — сказал я, и сердце мое переполнилось ликованием.

— Ну конечно же: не думаешь ли ты, что мы живем просто так? Что такое с тобой, ты что, память потерял или что?

— Пойдем-ка в тот бар, который мы с тобой видели — там, напротив вокзала. Он, кажется, уютный.

— Ладно, — согласилась она, а когда мы направились обратно к подземному переходу, она вдруг сказала: — Я рада, что ты уводишь меня подальше от этих пустых рельсов... они меня угнетали. Знаешь, о чем я было начала думать? Мне хотелось знать, как это бы выглядело, если бы пришел электровоз, а ты бы вдруг упал перед ним на рельсы и он бы проехал по тебе, разрезав надвое... Мне хотелось знать, что ощущаешь, когда все кончается вот так, падением на рельсы, будто ты собирался лечь поспать...

— Не говори так, — сказал я, обнимая ее и прижимая к себе. Она была застывшей и неподатливой, как всегда.

Когда доктор Шедд разбудил меня от грез, вид у него был как на похоронах:

— Я не слишком счастлив наблюдать элементы патологии, возникающие в ваших видениях: это показывает, какая еще пропасть перед нами. В следующий, пятнадцатый раз...

— Пятнадцатый! — воскликнул я, — вы хотите сказать, что этот сеанс был четырнадцатым?

— Вы здесь уже больше месяца. Боюсь, что ваши эпизоды сливаются друг с другом: этого следовало ожидать, так как иногда не наблюдается никакого прогресса, а иногда повторяется тот же материал. Пусть вас это не беспокоит, Роузен.

— Хорошо, доктор, — сказал я, почувствовав, как мне становится не по себе...

На следующем сеансе — или во время того, что моему нарушенному сознанию показалось следующим сеансом — я снова сидел вместе с Прис на скамейке в сквере Джека Лондона в пригороде Окленда, Калифорния. На этот раз она была грустна и сидела тихо: никаких голубей, увивавшихся возле нее в надежде на подачку, она не кормила, а просто сидела, сложив руки и опустив глаза.

— Что с тобой? — спросил я, пытаясь притянуть ее к себе поближе.

Слеза сползла по ее щеке.

— Ничего, Льюис. — Она достала из сумочки носовой платок, промокнула глаза и высморкалась. — Просто я ощущаю смерть и пустоту, вот и все. Возможно, я беременна. И уже на целую неделю слишком поздно, чтобы что-то с этим сделать...

Я ощутил дикую гордость: сгреб ее в объятия и поцеловал в холодные, неподатливые губы.

— Лучшей новости я еще никогда в жизни не слышал!

Она подняла на меня свои серые, полные грусти глаза.

— Я рада, что ты доволен, Льюис. — Она слегка улыбнулась и погладила меня по руке.

Сейчас я окончательно смог увидеть, что она изменилась. Под глазами — отчетливые морщинки, придающие ей унылый, утомленный вид. Сколько же времени прошло? Сколько раз мы с ней уже были вместе? Дюжину? Сотню? Я не мог этого сказать: для меня время прошло, время — оно не летит, оно движется капризными рывками, то полностью погружаясь в стоячее болото, то нерешительно продолжая вновь свое течение. Я тоже чувствовал себя старше и более усталым. И все-таки какая это была замечательная новость!

Как только я снова очнулся в кабинете терапии, я рассказал доктору Шедду о беременности Прис. Он тоже обрадовался:

— Видите, Роузен, как в ваших галлюцинациях появляются элементы большей зрелости, ответственности в поисках реальности с вашей стороны? В конце концов их зрелость станет соответствовать вашему настоящему хронологическому возрасту, и с этой точки зрения большая часть привлекательных для вас качеств вашего контролируемого бреда обесцветится.

Я спустился вниз в веселом расположении духа, чтобы встретиться со своей группой пациентов, послушать их объяснения и вопросы, относящиеся к этому новому и важному процессу развития моей личности. Я знал, что, когда они прочтут запись сегодняшнего сеанса, им будет о чем говорить.

В своей пятьдесят второй галлюцинации я увидел Прис и своего сына, здорового, красивого ребенка с глазами серыми, как у Прис, а вот волосы у него были больше похожи на мои. Прис сидела в гостиной, в глубоком, удобном кресле, кормила его из бутылочки с сосредоточенным выражением лица. Напротив них сидел я, в состоянии почти совершенного умиления, словно бы все, что давило на меня и мешало мне жить, все мои несчастья и заботы наконец покинули меня.

— Черт бы побрал эти пластиковые соски, — сказала Прис, раздраженно встряхивая бутылочку. — Когда он сосет, они

проваливаются вовнутрь: я, наверное, неправильно их стерилизую.

Я галопом помчался на кухню за свежей бутылочкой из стерилизатора, испускающего клубы пара на плите.

— Как его зовут, дорогая? — спросил я, вернувшись.

— Как его зовут? — Прис пристально смотрела на меня с выражением безнадежности во взгляде. — У тебя все дома, Льюис? Спрашивать, как зовут твоего ребенка, Господи, Твоя воля! Его зовут Роузен — так же, как тебя!

Покорный и ласковый, я принудил себя улыбнуться и сказал:

— Прости меня.

— Я тебя прощаю, я к тебе привыкла. — Она вздохнула. — Извини, что пришлось это сказать.

Но как же его зовут? — размышлял я. Быть может, я это узнаю в следующий раз, а если нет, то в сотый раз... Я должен знать, иначе все это утратит для меня всяческое значение, все будет впустую...

— Чарльз, — проурчала Прис, обращаясь к ребенку, — ты что, писаешь?

Его звали Чарльз, и я был доволен: хорошее имя. Может, это я выбрал его: оно звучало так, как то, до которого я додумался.

В тот день, после своего сеанса, я поспешил вниз, в аудиторию групповой терапии, и по пути мимолетно увидел нескольких женщин, входящих в дверь, ведущую на женскую половину здания. У одной из них были коротко стриженые черные волосы, она стояла, гибкая и стройная, ростом пониже окружающих ее женщин: они в сравнении с ней выглядели как надутые воздушные шары.

НЕУЖЕЛИ ЭТО ПРИС? — резко остановившись, спросил я себя. НУ, ПОЖАЛУЙСТА, ОБЕРНИСЬ, молил я мысленно, вперив взгляд в ее спину.

Только лишь пройдя в дверь, она на мгновение оглянулась. Я увидел задорный, с подвижным кончиком нос, бесстрастные, оценивающие серые глаза... это была Прис.

— Прис! — завопил я, размахивая руками.

Она меня увидела, посмотрела внимательно, нахмурившись, губы, крепко сжатые, раздвинулись в легкой улыбке...

Был ли это призрак? Девушка — Прис Фрауенциммер — сейчас прошла в комнату, исчезла из поля зрения.

Ты снова здесь, в клинике им. Кэзэнина, сказал я себе. Я знал — это случится, раньше или позже. И это не выдумка, не галлюцинация, контролируемая или любая другая: я тебя

нашел в действительности, в реальном мире, в окружающем мире, который не является продуктом регрессивного либидо или наркотиков. Я не видел тебя с той самой ночи в клубе в Сиэтле, когда ты стукнула симулакра Джонни Бута своей туфелькой по башке: как давно это было! Как много, как ужасающе много я увидел и сделал с того времени — сделал в вакууме, сделал без тебя, без настоящей, реальной тебя. Удовлетворенный всего лишь фантомом вместо реальной вещи... Прис, подумал я, благодарение Богу: я нашел тебя, я знаю, что однажды сделаю все, о чем грезил.

Я не пошел на групповую терапию: вместо этого остался в холле, ожидая и наблюдая.

Наконец, через несколько часов, она снова появилась. Она шла через открытый внутренний дворик прямо на меня, лицо ее было ясным и спокойным, в глазах загорались яркие искорки, более всего от извращенной насмешливости, чем от чего-либо еще.

— Привет, — сказал я.

— Значит, ты попал к ним в сети, Льюис Роузен, — сказала она. — И ты в конце концов стал шизофреником. Ничего удивительного.

Я сказал:

— Прис, я уже здесь многие месяцы.

— Ну, а тебе не лучше?

— Да, — ответил я, — я так думаю. Каждый день у меня сеансы «терапии контролируемым бегством»: и всегда я прихожу к тебе, Прис, всякий раз. Мы женаты и у нас ребенок по имени Чарльз. Думаю, что мы живем в Окленде, штат Калифорния.

— Окленд, — произнесла она, наморщив носик. — Есть там приятные места, есть отвратительные. — И направилась прочь от меня по холлу. — Приятно было увидеть тебя, Льюис. Может быть, я снова наткнусь на тебя здесь.

— Прис! — в горе закричал я. — Вернись!

Однако она продолжала идти и вскоре исчезла за дверью в конце холла.

Когда я увидел ее в своей контролируемой галлюцинации в следующий раз, она совершенно постарела: фигура ее стала более тяжелой, как у пожилой женщины, под глазами появились глубокие, неисчезающие тени. Мы стояли вместе на кухне, мыли посуду после обеда: Прис мыла ее, а я вытирал. В свете люстры под потолком ее кожа казалась сухой, с многочисленными морщинками. Она была без грима. Особенно изменились ее волосы: они стали сухими, как и кожа, и вместо

черных — каштановыми с красноватым отливом, и очень милыми. Я потрогал их — они оказались жесткими, но все же чистыми и приятными на ощупь.

— Прис, — сказал я, — я тебя видел вчера в холле. Здесь, где я сейчас нахожусь — в клинике им. Кэзэнина.

— Тебе повезло, — отрезала она.

— Была ли это правда? Правдивее, чем сейчас? — В гостиной я заметил Чарльза, сидящего перед цветным телевизором за полторы тысячи долларов, полностью сосредоточенного на изображении. — Помнишь ли ты эту встречу столько времени спустя? Было ли это так же реально для тебя, как и для меня? А сейчас? Пожалуйста, скажи мне: я больше ничего не понимаю.

— Льюис, — сказала она, отскребая нагар со сковородки, — разве ты не можешь принимать жизнь такой, как она есть? Тебе что, обязательно философствовать? Ты поступаешь как второкурсник колледжа: ты заставляешь меня сомневаться в том, собираешься ли ты вообще повзрослеть.

— Я просто не знаю, что мне делать дальше, — сказал я, чувствуя себя несчастным и заброшенным, однако продолжая чисто механически вытирать посуду.

— Возьми меня там, где нашел, — сказала Прис. — Раз уж ты нашел меня. Будь доволен этим, не задавай вопросов.

— Да, — согласился я. — Я так и сделаю: во всяком случае, попытаюсь.

Когда я пришел в себя, доктор Шедд снова присутствовал рядом:

— Вы ошиблись, Роузен: вы не могли наткнуться на мисс Фрауенциммер здесь, в клинике. Я внимательно проверил записи и не нашел никого с такой фамилией. Боюсь, что ваша так называемая встреча с ней в холле была невольным впадением в психоз: мы, должно быть, не настолько полно провели катарсис ваших половых желаний, насколько нам это казалось. Возможно, мы должны увеличить число минут контролируемой регрессии в день.

Я молча кивнул, однако доктору не поверил: я знал, что это действительно была Прис — там, в холле: это не была фантазия шизофреника.

На следующей неделе я снова увидел ее в клинике. На этот раз я выглянул из окна солярия и увидел ее: она играла во дворе в волейбол с командой девушек, все они были одеты в тонкие синие гимнастические шорты и блузки.

Она меня не видела — она вся отдавалась игре. Я долго стоял там, упиваясь ее видом, зная, что это действительность... А

потом мяч выпрыгнул с поля по направлению к зданию и Прис погналась за ним. Когда она изогнулась, чтобы поднять его, я увидел ее имя и фамилию, вышитые цветными нитками на ее физкультурной блузе:

РОК, ПРИС

Это объясняло все. Она попала в клинику им. Кэзэнина под фамилией своего отца, а не под собственной. Поэтому доктор Шедд не нашел ее в файлах: он-то искал Фрауенциммер, именно так я всегда думал о ней, не важно, как бы она себя ни называла.

— Я не скажу ему, — сказал я сам себе: я воздержусь от мыслей об этом во время моих контролируемых галлюцинаций. Таким образом, он никогда не узнает, и может быть, когда-нибудь я снова поговорю с ней.

А потом я подумал:

ВОЗМОЖНО, ВСЕ ЭТО ДЕЛАЕТСЯ ОБДУМАННО СО СТОРОНЫ ШЕДДА: возможно, это метод вытащить меня из моих галлюцинаций обратно в реальный мир. Потому что эти малюсенькие проблески настоящей Прис стали для меня более ценными, чем все мои сеансы галлюцинаций вместе взятые. ЭТО ИХ ЛЕЧЕНИЕ, И ОНО ДЕЙСТВУЕТ.

Я не знал, как мне теперь чувствовать себя — хорошо или плохо...

Мне удалось снова поговорить с Прис после моего двести двадцатого контролируемого сеанса. Она выходила из кафетерия клиники, я туда заходил. Я первым увидел ее: она была поглощена разговором с другой девушкой, приятельницей.

— Прис, — сказал я, останавливая ее. — Ради Бога, позволь мне посмотреть на тебя хотя бы пару минут. Им все равно: я знаю, это — часть их терапии. Ну, пожалуйста.

Другая девушка вежливо удалилась, и мы с Прис остались наедине.

Спустя некоторое время, она сказала:

— Ты постарел, Льюис.

— А ты, как всегда, великолепна. — Я потянулся, чтобы обнять ее, мне хотелось прижать ее к себе, однако вместо этого я стоял в нескольких дюймах от нее, так ни на что и не решившись.

— Ты будешь рад узнать, они собираются выписать меня отсюда снова через несколько дней, — сказала Прис сухим то-

ном. — И назначить амбулаторное лечение, какое я получала ранее. Я делаю небывалые успехи благодаря доктору Дичли, лучшему здешнему психиатру. Мы с ним видимся почти каждый день. Я искала тебя в файлах: тебя пользует Шедд. Он не слишком-то... он — старый дурень, насколько мне известно.

— Прис, — сказал я, — может быть, мы могли бы выйти отсюда вместе? Что ты на это скажешь? Я тоже делаю успехи.

— Зачем нам выходить вместе?

— Я люблю тебя, — сказал я, — и знаю, что ты тоже меня любишь.

Она не возразила: вместо этого она просто кивнула.

— Можно ли так сделать? — спросил я. — Ты настолько больше знаешь об этом месте, чем я: ты практически прожила здесь целую жизнь.

— Какую-то часть жизни.

— Ты сможешь сделать это?

— Сделай сам: ты мужчина.

— А если я сделаю это, — спросил я, — ты выйдешь за меня?

Она вздохнула:

— Конечно, Льюис. Все, что душе твоей будет угодно; брак, сожительство, бурное траханье время от времени... назови что хочешь.

— Брак, — сказал я.

— И дети? Как в твоем воображении? Ребенок по имени Чарльз? — Она сжала губы — я насмешил ее.

— Да.

— Значит, сделай это, — сказала Прис. — Поговори с Шеддом Повернутой Башкой, клиническим идиотом. Он может тебя освободить: у него власть. Я дам тебе небольшое указание: когда пойдешь наверх на следующий свой сеанс, тяни резину. Скажи им, что не уверен, что что-то от этого еще получаешь. А потом, когда начнется, скажи своей воображаемой секс-партнерше, Прис Фрауенциммер, что ты уже спекся в этом своем разгоряченном, маленьком мозгу, и что ты более не находишь ее убедительной. — И она широко улыбнулась мне, как раньше, прежней, родной улыбкой. — Посмотрим, к чему это тебя приведет. Возможно, позволит тебе освободиться, а может быть, и нет, может быть, это еще глубже затянет тебя.

Я с сомнением сказал:

— А ты не...

— Дурачу тебя? Вожу тебя за нос? Попытайся, Льюис, и увидишь. — Сейчас ее лицо было глубоко серьезным. — Единственный путь узнать — это набраться смелости и вперед!

Обернувшись, она быстро отошла от меня.

— Увидимся, — через плечо обронила она. — Может быть, — последняя спокойная, ободряющая, уверенная ухмылка — и она ушла: другие люди разделили нас, они входили в кафетерий, чтобы поесть.

— Я тебе верю, — подумал я.

В этот же день, после обеда, я наткнулся на доктора Шедда в холле. Он не возражал, когда я попросил его уделить мне немного времени.

— Что вы задумали, Роузен?

— Доктор, когда я поднимаюсь вверх на очередной сеанс, у меня появляется ощущение какой-то нерешительности. Я не уверен, что еще что-то получаю от них.

— Ну и что дальше? — нахмурившись, спросил доктор Шедд.

Я повторил то, что должен был сказать. Он слушал очень внимательно.

— И я больше не нахожу свою секс-партнершу из галлюцинаций убедительной, — добавил я. — Я знаю, что она — всего лишь проекция моего подсознания, она — не настоящая Прис Фрауенциммер.

Доктор Шедд сказал:

— Это интересно.

— Что это значит — то, что я вам только что рассказал... это указывает на ухудшение или на улучшение моего состояния?

— Я не знаю, если честно. Увидим на следующем сеансе: я узнаю больше, наблюдая за вашим поведением во время сеанса. — Он кивнул мне на прощание и отправился вдоль по коридору по своим делам.

Во время следующего сеанса контролируемых галлюцинаций я обнаружил себя бродящим по супермаркету с Прис: мы делали свои еженедельные закупки разнообразных продуктов.

Сейчас она была еще старше, однако все же это была Прис — все такая же привлекательная, неизменная, ясноглазая женщина. Я продолжал любить ее. Наш мальчик бежал перед нами, отыскивая товары для своего лагеря, куда он собирался отправиться на уик-энд, повеселиться со своей дружиной скаутов в Парке им. Чарльза Тилдена на Оклендских холмах.

— А сейчас ты молчишь — конечно же, для разнообразия, — сказала мне Прис.

— Думаю.

— Переживаешь, ты хотел сказать. Я тебя знаю и могу определить.

— Прис, мы хорошие товары выбрали? — спросил я. — И этого нам достаточно?

— Больше ничего не надо, — ответила она и добавила: — Не выношу твоего вечного философствования: либо прими свою жизнь такой, как она есть, либо покончи с собой, но прекрати об этом мямлить.

— Хорошо, — сказал я. — А взамен я хочу, чтобы ты перестала преподносить мне свои уничижительные высказывания обо мне. Я от них устал.

— Ты просто боишься их... — начала она.

Прежде чем я успел сообразить, что делаю, я размахнулся и влепил ей пощечину: она споткнулась и чуть не упала, отпрыгнула от меня и теперь стояла, прижав ладонь к щеке, глядя на меня пристально, с выражением боли и недоумения.

— А, будь ты проклят, — дрожащим, срывающимся голосом сказала она. — Я никогда не прощу тебя.

— Я просто не смогу больше выносить твои уничижительные суждения.

Она стояла, уставившись на меня, потом быстро повернулась и побежала по проходу супермаркета не оглядываясь назад. Она на бегу сгребла в охапку Чарльза и ушла.

И вдруг я осознал, что рядом со мной стоит доктор Шедд.

— Думаю, на сегодня хватит, Роузен.

Проход вместе с полками, забитыми коробками и другими упаковками, затрепетал и исчез.

— Я сделал плохо? — Я совершил это не думая, не имея никакого плана в мыслях. Неужели я все испортил? — Впервые в жизни я ударил женщину, — сообщил я доктору Шедду.

— Не берите в голову, — посоветовал он, погрузившись в свои записи. Доктор кивнул медсестрам: — Отвяжите его. А еще мы отменим сегодняшнюю групповую терапию. Думаю, что его надо отвести в палату — он должен побыть наедине с собой. — Потом вдруг сказал мне: — Роузен, в вашем поведении есть нечто странное, чего я не понимаю. Это не похоже на вас.

Я ничего не ответил, а просто опустил голову.

— Я бы даже сказал, — медленно произнес доктор Шедд, — что вы симулируете.

— Нет, что вы, — возразил я, — я действительно болен. Если бы я не попал сюда, мне пришлось бы умереть.

— Думаю, что завтра вы придете в мой офис: мне хотелось бы прогнать вас по тесту Бенджамена с пословицами и по тесту Выгодского—Лурье с кубиками. Я хочу это сделать лично.

Гораздо большее значение имеет, кто именно проверяющий по тесту, чем сам тест как таковой.

— С этим я согласен, — сказал я, сразу занервничав и ощутив надвигающуюся опасность.

На следующий день, в час, я успешно прошел оба теста. Согласно закону Макхестона я был свободен на законных основаниях и мог отправляться домой.

— Сомневаюсь, что вы снова будете нуждаться в нашем лечении, — сказал доктор Шедд. — Если учесть, сколько народу по всей стране ждет своей очереди, чтобы попасть сюда и как перегружен наш персонал... — Он подписал мою справку об окончании лечения и вручил ее мне. — Не знаю, чего вы добивались, пытаясь попасть сюда, однако сейчас вы должны вернуться и лицом к лицу встретиться снова со своей собственной жизнью, безо всяких уверток в виде ухода в якобы психическую болезнь, которая вряд ли у вас когда-либо была. Во всяком случае, я в этом сомневаюсь.

На такой нелицеприятной ноте меня официально выставили из клиники федерального правительства им. Кэзэнина в Канзас-Сити, штат Миссури.

— Здесь находится девушка, с которой мне хотелось бы увидеться перед отъездом, — попросил я доктора. — Можно ли мне поговорить с ней минутку? Ее зовут мисс Рок. — И осторожно добавил: — Это ее фамилия, а имени я не знаю.

Доктор Шедд нажал кнопку на своем столе:

— Позвольте мистеру Роузену увидеться с мисс Рок на время, не превышающее десяти минут. А потом отведите его к главным воротам и выпустите на волю: его время здесь истекло.

Крепкий санитар отвел меня в комнату, где обитала Прис вместе с шестью девушками. Когда я вошел, она сидела на своей кровати и красила ногти в оранжевый цвет и едва приподняла голову, чтобы взглянуть на меня.

— Привет, Льюис, — пробормотала она.

— Прис, я набрался смелости: я пошел и сказал ему, как ты меня научила. — Я нагнулся, чтобы дотронуться до нее. — Я свободен. Они меня выписали. Я могу отправляться домой.

— Ну и отправляйся.

Сначала я не понял:

— А как же ты?

Прис преспокойно ответила:

— Я передумала. Я не стану хлопотать, чтобы выписываться отсюда. У меня такое ощущение, что я останусь здесь еще на несколько месяцев. Мне сейчас здесь нравится — я учусь ткать. Я тку коврик из черной овечьей шерсти, нечесаной шерсти. — А потом она вдруг угрюмо прошептала: — Я тебе врала, Льюис. Меня не собираются выписывать, я слишком больна. Я здесь еще долго пробуду, быть может, до конца жизни. Мне стыдно, что я сказала тебе, будто бы скоро выхожу отсюда. Прости меня. — И она ненадолго сжала мою ладонь, потом снова отпустила ее.

Я не мог ничего сказать.

Минуту спустя санитар вел меня через холлы клиники к воротам и оставил стоять на тротуаре с пятьюдесятью долларами в кармане, подачкой Федерального правительства. Клиника им. Кэзэнина осталась у меня за спиной, она больше не являлась частью моей жизни: она ушла в прошлое и, надеюсь, никогда оттуда снова не появится.

У меня все в порядке, сказал я себе. Повторное тестирование я прошел блестяще, совсем как в детстве, когда я учился в школе. Я могу вернуться в Буаз, к своему брату Честеру и папе, к Мори и своей работе: правительство меня исцелило.

У меня есть все, кроме Прис...

Где-то внутри огромного здания клиники им. Кэзэнина сидит Прис Фрауенциммер, чешет шерсть и ткет ее — грубую, черную, овечью, полностью поглощенная своим занятием, без единой мысли обо мне или о чем другом...

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАЗ В НЕБЕ
Роман
Перевод с английского А. Русина
5

МАСТЕР ВСЕЯ ГАЛАКТИКИ
Роман
Перевод с английского О. Флегонтовой
201

КУКЛА ПО ИМЕНИ «ЖИЗНЬ»
Роман
Перевод с английского Х. Новак
339

Дик Филип

Д45 Мастер всея Галактики: Фантастические романы. — Пер. с англ. — «Осирис». — М.: Центрполиграф, 1996. — 557 с.

ISBN 5-218-00104-X

Романы, включенные в сборник «Мастер всея Галактики», затрагивают проблемы будущего человеческой цивилизации, проблемы поиска духовной опоры, любви и делают произведения Филипа Дика интересными для самого взыскательного читателя.

ББК 84.7 США

Литературно-художественное издание

Дик Филип

МАСТЕР ВСЕЯ ГАЛАКТИКИ

Фантастические романы

Редактор *Г.Н. Белов*

Художественный редактор *А.И. Моисеев*

Технический редактор *В.Ф. Нефедова*

Корректор *И.В. Лебедева*

ЛР № 070243 от 21.11.91 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 09.04.96.
Формат 60×84 1/16. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,55. Уч.-изд. л. 36,12.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 2346

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЦЕНТРПОЛИГРАФ»
МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ПО СЛЕДУЮЩИМ АДРЕСАМ:

КНИГОТОРГОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

«АРГО»
г. Азов, ул. Энгельса, д. 14,
тел.: (86342) 3-87-62

«АРГО»
г. Самара, ул. Сорокина, д. 15,
тел.: (8462) 66-07-32

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЧЕРНОЗЕМНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 2,
тел.: (0732) 13-22-11, 13-22-41, 13-64-36.

ПКП «АМИТАЛЬ»
г. Воронеж, Ленинский просп., д. 157,
тел.: (0732) 23-00-02

АО «ВЛАДИМИРКНИГА»
г. Владимир, ул. Ставравская, д. 10,
тел.: (09222) 4-40-90

ТОО «ГЕРМЕС-ЦАРИЦА»
г. Волгоград, ул. Невская, д.18,
тел. (8442) 37-19-48

ДОМ КНИГИ
г. Подольск, проспект Ленина, д.158,
тел.: 137-99-65

ИЧП «КНИГА»
г. Гурьевск Кемеровской обл.,
ул. Калинина, д. 30, тел.: (38463) 2-23-50

АОЗТ «РОСА»
г. Новороссийск,
тел.: (86134) 2-47-37, 6-25-37

ФИРМА «ТРИМ»
г. Запорожье,
тел.: (0612) 34-23-54

«КНИГА»
г. Иванов, ул. Кудряшова, д. 98
тел.:(0932) 26-14-12, 26-15-76,
26-15-18, 38-53-31

ТКФ «НОВГОРОД КНИГА»
г. Новгород, ул. Менделеева, д.1,
тел.: (816) 2-35-63, 2-37-23, 2-37-25

«ТАСТ»
Украина, г. Киев,
пр. Вл. Маяковского, д. 30а,
тел.: (044) 547-04-94, 513-14-70

МП «КНИЖНЫЙ МИР»
г. Благовещенск, ул. Пионерская, д. 3,
тел.: (41622) 42-46-32

АО «КНИЖНЫЙ ЦЕНТР ОБРАЗОВАНИЯ»
г. Казань, ул. Татарстан, д. 13,
тел.: 32-92-52

МАГАЗИН «КНИГОЧЕЙ»
г. Новокузнецк, ул. Бардина, д. 2,
тел.: (3843) 44-34-95

ТОО «КРОНА»
г. Челябинск, ул. Рабоче-крестьянская,
д. 18«А», тел.: (3512) 22-53-04

АО «КУРСККНИГА»
г. Курск, ул. Ленина, д. 11,
тел.: (07100) 2-77-23

ТОО «МИРС»
г. Хабаровск, Амурский бульвар,
тел.: (4212) 34-30-29

МАГАЗИН «ОГОНЕК»
г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина д. 8,
тел.: (42172) 4-79-19

ПКП «ПРИНТ»
г. Омск, Проспект Карла Маркса, д. 39,
тел.: (3812) 31-07-18

АОЗТ «ТЕХНОЛОГ-3»
г. Санкт-Петербург, ул. Ломоносова,
д. 14, тел.: (812) 314-94-16

МП и КВЦ
г. Рязань, ул. Станкозаводская, д. 27,
тел.: (0912) 53-93-77

ТОО «БИРЮЗА»
г. Красноярск, ул. Новая, д. 3,
тел.: (3912) 33-55-54

ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ДИЛЕР
НА ТЕРРИТОРИИ США И КАНАДЫ

ДОМ КНИГИ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»
USA, P.O., BOX 127,
OCEANSIDE, N.Y., 11572
тел.: (516) 825-25-25.

Также Вы можете заказать наши книги по почте,
наложенным платежом

105275, Москва, а/я 55
«ЦЕНТРПОЛИГРАФ»

ОСИРИС
ФИЛИП ДИК
фантастические романы
ГЛАЗ В НЕБЕ
РОМАН
МАСТЕР ВСЕЯ ГАЛАКТИКИ
РОМАН
КУКЛА ПО ИМЕНИ «ЖИЗНЬ»
РОМАН
ЦЕНТРПОЛИГРАФ®